ИОСИФ ФЛАВИЙ

ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА

Φλαυιου Ιωσηπου

ΙΣΤΟΡΙΑ ΙΟΥΔΑΙΚΟΥ

ΠΟΛΕΜΟΥ ΠΡΟΣ ΡΩΜΑΙΟΥΣ

ИОСИФ ФЛАВИЙ

(ЙОСЕФ, СЫН МАТТИТЬЯХУ)

ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

М. ФИНКЕЛЬБЕРГ И А. ВДОВИЧЕНКО

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. КОВЕЛЬМАНА

МОСКВА
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ
2008

ГЕШАРИМ
ИЕРУСАЛИМ
5768

Иосиф Флавий

ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА

THE JEWISH WAR

BY FLAVIUS JOSEPHUS

Под общей редакцией Аркадия Ковельмана

Книги I–VI переведены М. Финкельберг (Израиль)
Книга VII переведена А. Вдовиченко (Россия)
Редактор Указателя имен и географических названий А. Рубинштейн

Перевод осуществлялся при поддержке Центра изучения еврейской диаспоры, Еврейского университета в Иерусалиме

Перевод был удостоен Премии Розы Эттингер в 1994 году

Издатель *М. Гринберг*

Зав. редакцией *И. Аблина*

Художественное оформление *Г. Златогоров*

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (495)792-3856

e-mail: office@gesharim-msk.ru

Gesharim, Jerusalem
Tel./fax: (972)-2-624-2527
Fax: (972)-2-624-2505
e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

ISBN 978-5-93273-272-5

© Мосты культуры/Гешарим, 2008

КНИГА ПЕРВАЯ

Введение

1. Война евреев против римлян была не только величайшей войной нашего времени, но и, пожалуй, самой великой из известных нам войн между городами или народами. Однако ее события искажаются как теми, кто, не быв их участником, записывает на манер софистов собранные ими недостоверные и разноречивые рассказы, так и очевидцами, которые из желания польстить римлянам или из ненависти к евреям извращают истину и подменяют точность исторического изложения то обвинительными, то хвалебными речами. Поэтому я предлагаю подданным Римской империи переложение на греческий язык книги, написанной мною ранее на своем родном языке для народов, живущих на Востоке. Я – Йосеф, сын Маттитьяху, по происхождению еврей из Иерусалима и принадлежу к сословию священников, сначала я сам воевал против римлян, а впоследствии был невольным свидетелем событий.

2. Это, как я сказал, величайшее потрясение нашего времени произошло, когда сам Рим пребывал в состоянии смуты. Еврейские мятежники воспользовались всеобщим смятением, чтобы поднять восстание; в людях и деньгах у них не было недостатка, и беспорядки достигли такой степени, что, в зависимости от положения дел на Востоке, одни были полны надежды на победу, а другие – страхом поражения. В самом деле, евреи, что по ту сторону Евфрата, все как один ждали случая присоединиться к восстанию, в то время как римлян беспокоили соседние им гал-

лы, да и кельты тоже проявляли признаки волнения, ибо после смерти Нерона беспорядок царил повсюду. Многие склонялись к тому, чтобы воспользоваться обстоятельствами для захвата императорской власти, в то время как войска использовали переход власти из рук в руки в целях собственной наживы.

По этой причине я счел нелепостью видеть, как искажается истина относительно столь значительных событий, и не обращать на это внимания. Парфяне, вавилоняне, народы Южной Аравии, наши собратья, что по ту сторону Евфрата, и адиабеняне получили, благодаря моему усердию, точные сведения как о причинах этой войны, так и о навлеченных ею страданиях и ее бедственном конце. Неужели же греки и те римляне, которые не принимали в ней участия, должны остаться неосведомленными о действительных событиях и быть введенными в заблуждение лестью или обманом?

3. Ведь хотя те писатели, о которых идет речь, и притязают на то, что пишут историю, они не только неверно истолковывают события, но и, как я считаю, вообще не достигают своей цели: желая показать величие римлян, они пренебрежительно отзываются о евреях, постоянно высмеивая их действия. Однако я не понимаю, как могут выглядеть великими те, кто одержал победу над ничтожным противником? Неужели их не впечатляет ни длительность войны, ни величина римского войска, ни понесенные римлянами лишения, ни величие их военачальников? Ведь изнурительная осада Иерусалима не принесет им, я думаю, большой славы, если будут преуменьшены трудности, которые им пришлось преодолеть.

4. Я же не собираюсь принижать мужество римлян за счет преувеличения мужества своих соотечественников, но буду излагать события точно и беспристрастно. Однако речи, которые я включаю в повествование, отразят мои собственные переживания: так я смогу дать выход чувствам и оплакать бедствия родины. Она была погублена внутренними распрями, и римляне, предавшие огню священный Храм, сделали это не по своей воле, но подвигнутые правителями евреев; свидетелем тому сам император Тит, разрушитель Храма. На всем протяжении войны он жалел народ, оказавшийся во власти мятежников: вновь и вновь он откладывал взятие города и продолжал осаду в надежде, что зачинщики сдадутся сами. Если же кто-то вознамерится осудить меня за то, что я обвиняю зачинщиков смуты и их разбойничьи шайки и к тому же оплакиваю несчастную

судьбу родины, пусть он, невзирая на правила исторических сочинений, проявит снисхождение к моей слабости. Ибо случилось так, что из всех государств, находящихся под властью Рима, именно наше сначала достигло вершин процветания, а затем пало в глубину ничтожества. Ведь в сравнении с злополучием евреев меркнут несчастья всех когда-либо живших народов, и виновником этого явился не кто иной, как они сами. Поэтому-то я и не в силах сдержать своих сетований. Но тот, кто склонен сурово осуждать меня за это, пусть различает между событиями – достоянием истории и скорбью самого автора.

5. Вместе с тем я сам мог бы подвергнуть справедливому осуждению тех греческих писателей, которые, являясь современниками событий, затмевающих войны старинного времени, и сами избегают описывать современность, и порицают тех, кто решается на это предприятие. Они, хоть и сильны в многоречии, сделали ошибочный выбор. Они описывают дела ассирийцев и мидийцев, полагая, что их предшественники не выполнили этого надлежащим образом. И все-таки они уступают писателям древности как в силе выражения, так и в понимании событий. Ведь те трудились над описанием дел, современниками которых были: их причастность событиям придавала жизненность повествованию, а если бы они стали извращать истину, то были бы уличены очевидцами.

Поистине нет ничего более достойного одобрения, нежели оставить после себя будущим поколениям нестареющий отчет о событиях своего времени, и истинный писатель не тот, кто только изменяет порядок и расположение частей в сочинении другого, но тот, кто имеет сказать нечто новое и воздвигает свое собственное здание истории. Мне самому это стоило большого труда и многих расходов, ибо я все же чужестранец, но зато теперь я могу предложить грекам и римлянам нестареющий отчет об их победах. Ведь когда их собственные авторы, хотя и имеющие передо мной то преимущество, что они не встречают затруднений в выражении своих мыслей и располагают неограниченным запасом слов, обращаются к истории, которая требует говорить истину на основании тщательно собранных сведений, они выказывают совершенную беспомощность и препоручают незначительным писателям, незнакомым с событиями, задачу записи деяний великих людей. Итак, пусть историческая истина, которой пренебрегли греки, будет почтена по достоинству в моем сочинении.

6. Изложение древней истории евреев, их происхождения, их исхода из Египта, длительности их странствий, их последующих завоеваний и выселения из страны было бы, как мне представляется, здесь неуместным и, во всяком случае, не необходимым. Ибо многие евреи до меня с точностью изложили деяния своих предков, и их изложения были переведены на греческий язык с очень незначительными ошибками. Я же начну свое повествование с того, на чем остановились греческие историки и наши пророки. События войны, свидетелем которой я был, я изложу как можно более подробно и со всем совершенством, на которое способен, тогда как предшествующие моему времени события удостоятся только беглого обозрения.

7. Я начну с Антиоха Эпифана, который приступом взял Иерусалим и удерживал его три с половиной года, после чего был изгнан из страны Хасмонеями; затем расскажу о том, как борьба за власть между их потомками повлекла за собой вмешательство Помпея и римлян; как Ирод, сын Антипатра, привел Сосия и положил конец династии Хасмонеев; как народ восстал после смерти Ирода, когда императором в Риме был Август, а его наместником в Иудее – Квинтилий Вар; как, наконец, на двенадцатом году правления Нерона разразилась война, неудачи, выпавшие на долю Цестия, и победы, одержанные евреями в первых сражениях.

8. Затем мною будет описано укрепление областей страны; решение Нерона, в котором поражения Цестия пробудили опасения за будущее всей империи, поручить верховное командование Веспасиану; вторжение Веспасиана, сопровождаемого старшим сыном, в страну евреев; размеры римской армии и союзных ей войск, с помощью которых Веспасиан взял Галилею; захват галилейских городов, из которых одни были взяты силой, а другие сдались по обоюдному соглашению. Здесь я должен буду рассказать о порядке, которым отличается римское войско, и о том, как обучают легионеров; описать размеры и отличительные особенности обеих Галилей, равно как и пределы Иудеи и ее отличительные черты, в том числе ее озера и источники. Я представлю также подробное изложение судьбы каждого из захваченных городов; здесь я буду основываться на том, что видел и пережил сам, ибо я не собираюсь обходить молчанием мои собственные несчастья, и без того уже известные читателям.

9. Затем я перейду к рассказу о том, как, когда евреи уже пали духом, скончался Нерон и как надежда на престол заста-

вила Веспасиана прекратить наступление на Иерусалим; о том, какие предзнаменования были ему об этом, и о перевороте в Риме; о том, как против его воли войска провозгласили его императором; как вслед за этим он отбыл в Египет для приведения в порядок дел империи и среди евреев тут же возникла междоусобица, приведшая к тирании и раздорам между главами враждующих партий.

10. Затем должно будет изложить второе вторжение в страну, предпринятое Титом из Египта; расстановку, расположение и размеры его войска; состояние раздираемого раздорами города ко времени его прибытия; количество приступов и размеры осадных сооружений; очертания трех защитных стен и их размеры; состояние городских укреплений и расположение Храма и Святилища; их точные размеры, равно как и размеры алтаря; некоторые особенности праздников, семь ступеней чистоты и порядок богослужения; наконец, каковы были одежды священников и первосвященника и что собой представляла святая святых. При описании всего этого я ни о чем не умолчу и ничего не прибавлю.

11. Затем я противопоставлю жестокость, проявленную главарями мятежников по отношению к соотечественникам, и милосердие, выказанное римлянами в отношении чужестранцев, и поведаю о настойчивости, с какой Тит стремился спасти город и Храм, призывая мятежников к соглашению. При рассмотрении страданий народа и бедственного исхода войны я приму во внимание то, в какой степени это было вызвано действиями неприятеля, в какой степени – внутренней междоусобицей и в какой степени – голодом. Я не забуду рассказать ни о злосчастии перебежчиков, ни о наказаниях, которым были подвергнуты пленные; о том, как против воли Цезаря был подожжен Храм; о количестве священных сосудов, выхваченных из огня; о захвате всего города и предшествовавших этому знамениях о чудесах; о заключении в тюрьму главарей, о множестве обращенных в рабство и о постигшей их судьбе. Наконец, я расскажу о том, как римляне распорядились последними следами войны и как они разрушили остатки каждой крепости; о продвижении Тита по всей стране для восстановления порядка; о его возвращении в Италию и о триумфальных празднествах.

12. Все это я охватил в семи книгах. Для тех, кто сам принимал участие в войне или же хорошо осведомлен о ее событиях, я не оставил основания для порицаний или возражений, ибо

я писал для тех, кто любит истину, а не для ищущих развлечения. И сейчас я начну свое повествование с того самого, с чего я начал этот краткий очерк.

I

1. Когда Антиох Эпифан оспаривал у Птолемея VI господство над всей Сирией, среди предводителей евреев возник раздор, каждый оспаривал притязания другого на первенство, и никто из знати не желал подчиняться равным себе. Наконец Хонио, один из верховных священнослужителей, возобладал над своими противниками и изгнал из города членов семейства Товии. Те бежали к Антиоху и умоляли его вторгнуться вместе с ними в Иудею. Их просьба совпала с желанием самого царя, и тот, выступив во главе огромного войска, приступом взял город. Он предал смерти многих приверженцев Птолемея, позволил своим людям грабить в свое удовольствие и сам участвовал в разграблении Храма; наконец, он прекратил ежедневные жертвоприношения, и они не совершались в течение трех с половиной лет. Священник же Хонио бежал к Птолемею и получил от него во владение местность в области Гелиополя; там он построил город, точное подобие Иерусалима, и точно такой же храм. Но к этому мы еще вернемся в надлежащее время.

2. Ни неожиданный захват города, ни грабеж и множество смертей еще не насытили Антиоха; не умея управлять своими страстями и хорошо помня, чего ему стоила осада, он попытался принудить евреев нарушить отеческие законы и потребовал от них оставлять младенцев необрезанными и приносить на алтарь свиней. Когда никто не пожелал подчиниться этому требованию, он отдал распоряжение о казни самых видных граждан. Бакхид же, который был послан командовать гарнизоном, нашел в этих нечестивых распоряжениях выход своей природной жестокости и предался безудержному беззаконию; одного за другим он предавал пыткам самых уважаемых граждан, и каждый день город являл вид только что захваченного врагом, пока наконец чудовищность преступлений не побудила жертвы на ответные действия.

3. Именно, Маттитьяху, сын Хасмонея, священнослужитель из селения Модиин, собрал своих близких (у него было пять сыновей) и заколол Бакхида. Опасаясь силы гарнизона, он некото-

рое время скрывался в горах; но когда к нему присоединилось множество простого народа, он вновь преисполнился уверенности, опять спустился в долину и, завязав сражение, разбил военачальников Антиоха и изгнал их из Иудеи. Это деяние доставило ему верховную власть, ибо из-за того, что он изгнал чужеземцев, все охотно приняли его правление, которое после его смерти перешло к Йехуде, старшему из его сыновей.

4. Так как Йехуда не рассчитывал, что Антиох смирится со своим поражением, то он не только подготовил к войне все имевшиеся в его распоряжении силы, но и впервые заключил союз с Римом. Так что, когда Эпифан снова вторгся в страну, он сильным ударом отбросил его назад. Затем, не теряя времени, он двинул свои силы на гарнизон города (ведь Иерусалим еще не был взят) и, выбив греческие силы из Верхнего города, оттеснил их в Нижний – в ту часть, которая называлась Акра. Овладев Храмом, он совершил очищение всего места, построил вокруг стену, приказал изготовить новые священные сосуды взамен осквернённых старых и внести их в Храм, возвел новый алтарь и возобновил жертвоприношения. Так Иерусалим вновь стал святым городом.

В это время умер Антиох, сын которого, тоже Антиох, унаследовал от своего отца как его престол, так и его ненависть к евреям.

5. Новый царь собрал 50 тысяч пешего войска, около 500 всадников и 80 слонов и прошел через всю Иудею в горную область. Он взял городок Бет-Цур, однако в месте под названием Бет-Зхария, где сужается дорога, навстречу ему вышел Йехуда со своим войском. Еще до того, как завязалось сражение, брат Йехуды Эльазар, заметив самого высокого слона, на спине которого находилась позолоченная башня с бойницами, и решив, что там восседает сам Антиох, вырвался из рядов далеко вперед и, проложив себе путь через тесный строй противника, подступил к самому слону. Однако наездник находился так высоко, что достать его было невозможно, и тогда Эльазар поразил слона в подбрюшье, обрушил его на себя и сам был задавлен насмерть. Он совершил всего лишь героический порыв, славу предпочтя самой жизни. На самом же деле наездник слона не был знатным человеком, но даже если бы это и был Антиох, Эльазар своим дерзанием не достиг бы ничего, кроме той славы, что из-за одной надежды на блестящий успех он пошел на верную смерть.

Для его же брата это явилось предзнаменованием исхода всего сражения: хотя сопротивление евреев было и отчаянным и длительным, превосходство в силах и благосклонность судьбы принесли победу войскам царя. Большинство людей Йехуды погибло, а сам он бежал с остатками своего войска в наместничество Гофна. Антиох же вступил в Иерусалим, но был там всего несколько дней, так как недостаток в припасах вынудил его увести войско на зимние квартиры в Сирию; в городе же он оставил такой гарнизон, какой счел достаточным.

6. После возвращения царя в Сирию Йехуда не терял времени даром. Евреи во множестве стекались к нему, и он уже вновь сплотил уцелевших после сражения. И вот вблизи деревни Хадаша он завязал бой с военачальниками Антиоха. В этом сражении он проявил себя великолепно и нанес противнику тяжелые потери, однако и сам был убит. А спустя всего несколько дней его брат Йоханан пал жертвой заговора сторонников Антиоха.

II

1. Власть перешла к его брату Йонатану, который был предусмотрителен в отношении соотечественников, укрепил свою власть союзом с Римом и даже заключил перемирие с Антиохом. Однако ни одна из этих предосторожностей так и не обеспечила ему безопасность. Опекуном молодого Антиоха и действительным правителем Сирии был тогда Трифон, который давно готовил заговор против царя и старался уничтожить его друзей. И когда Йонатан с очень немногочисленной свитой прибыл в Птолемаиду для встречи с Антиохом, Трифон предательски захватил его и заключил в тюрьму, а сам предпринял поход против евреев. Когда же брат Йонатана Шимон отразил его наступление, тот, чтобы отомстить за поражение, казнил Йонатана.

2. Правление Шимона было более успешным. Он подчинил соседние города Гезер, Яффу и Явне, разбил иерусалимский гарнизон и разрушил Акру. Потом он заключил с Антиохом союз против Трифона, которого Антиох осаждал в Доре перед тем, как выступить в поход на индийцев. Однако хотя Шимон и помог Антиоху сокрушить Трифона, тот не оставил своих притязаний и вскоре выслал войско под началом Кендебея покорить Иудею и подчинить Шимона своей власти. Несмотря на

свои годы, Шимон во время этой войны выказал бодрость юноши. Он выслал вперед своих сыновей с отрядом храбрейших воинов, а сам с частью войска повел наступление в другом направлении. Кроме того, по всей горной части страны он расставил многочисленные засады, и всякая их вылазка была успешной. Столь блестяща была его победа, что его провозгласили первосвященником. Так после 170 лет господства Македонии он возвратил евреям свободу.

3. Но и Шимон тоже пал жертвой заговора. Он был убит на пиру своим зятем Птолемеем, который затем заключил в тюрьму жену Шимона и двоих его сыновей. Он выслал также отряд, чтобы убить третьего сына Шимона, Йоханана Гиркана, однако юноша был предупрежден и укрылся в Иерусалиме: он полагался на поддержку народа, помнившего заслуги его отца и гнушавшегося низким поступком Птолемея. Когда же Птолемей устремился к другим воротам, то был отброшен горожанами, уже принявшими Гиркана. Птолемей тут же отвел свои силы в одну из крепостей над Иерихоном под названием Дагон, тогда как Гиркан, облеченный, подобно своему отцу, в сан первосвященника, совершил жертвоприношение Богу и устремился за Птолемеем, чтобы спасти мать и братьев.

4. Наступление Гиркана на крепость было бы успешным, если бы ему не вредили родственные чувства. Всякий раз, когда Птолемей оказывался в тяжелом положении, он выводил на крепостную стену мать и братьев Йоханана, так что все могли их видеть, и начинал их пытать, угрожая, если Йоханан немедленно не прекратит осаду, сбросить их со стены. Его жестокость наполняла сердце Йоханана гневом, но еще более того – жалостью и страхом. Однако ни пытка, ни угроза смерти не могли сломить его матери: простирая руки, она умоляла сына пренебречь ее страданиями и не давать пощады низкому негодяю. Лучше смерть от руки Птолемея, говорила она, чем вечная жизнь, лишь бы только Йоханан отомстил за зло, причиненное их дому. Мужество матери поднимало дух Йоханана, и, внявши ее мольбам, он бросался на новый приступ; однако при виде того, как бич терзает ее тело, его решимость ослабевала и чувства брали верх. Так тянулась эта осада, пока не наступил субботний год: дело в том, что седьмой год, подобно седьмому дню, соблюдается евреями как время полного покоя. Это освободило Птолемея от осады, и он, предварительно умертвив мать и братьев Йоханана, бежал к Зенону Котиле, единовластному правителю Филадельфии.

5. Тем временем Антиох, жаждавший отомстить Шимону за поражение, вступил в Иудею и, разбив лагерь перед Иерусалимом, осадил Гиркана. Тогда Гиркан открыл могилу Давида, богатейшего из царей, и достал из нее более трех тысяч талантов. За триста талантов он откупился от Антиоха, и тот снял осаду; кроме того, он первым среди евреев нанял отряд наемников.

6. Позднее, когда поход Антиоха против мидян предоставил евреям удобную возможность нанести ответный удар, Йоханан выступил против городов Сирии, правильно рассчитав, что не встретит в них сильных боевых отрядов. Скоро были покорены Медва и Самага, а также Шхем и гора Гризим. Была успешной и война против кутеян – народа, жившего вокруг подобия иерусалимского храма. Наконец, был подчинен ряд городов в Идумее, в том числе Адораим и Мареша.

7. Подступив к Самарии, на месте которой сейчас стоит Себастия – город, построенный царем Иродом, он соорудил вокруг нее стену в виде правильного круга и поручил осаду своим сыновьям, Аристобулу и Антигону. Неослабная осада города привела жителей к состоянию, близкому к голодной смерти, так что им пришлось питаться самой негодной пищей. Они воззвали о помощи к Антиоху Аспендскому; тот охотно откликнулся, но был разбит Аристобулом и его людьми. Братья преследовали Антиоха на протяжении всего пути до Скифополя, однако ему удалось бежать. Тогда они возвратились к Самарии, вновь осадили жителей в стенах города, затем взяли и разрушили город, а жителей обратили в рабство. Так как успех следовал за успехом, то они ничуть не потеряли своего пыла, но, проведя войска вплоть до Скифополя, опустошили всю область в пределах горы Кармель.

8. Успехи Йоханана и его сыновей возбудили зависть в их соотечественниках, и те стали собираться множествами и оказывать ему противодействие, которое в конце концов вылилось в открытую войну. Однако война привела к поражению врагов Йоханана, и весь дарованный ему природой остаток жизни он наслаждался благополучием. Он скончался после почти тридцати пяти лет блистательного правления, оставив после себя пятерых сыновей. Йоханан был счастливейшим из людей и не имел повода сетовать на судьбу в том, что касалось его самого. Он один наслаждался тремя величайшими преимуществами одновременно – государственной властью, саном первосвященника и пророческим даром. Божественное вдохновение ни разу не

изменило ему, так что ни одно грядущее событие не оставалось от него скрытым: так, он предвидел и предсказал, что два его старших сына не смогут удержать власть. История их крушения заслуживает того, чтобы быть рассказанной, в особенности потому, что оба пали с высоты процветания, на которую был вознесен их отец.

III

1. Итак, после смерти отца старший из сыновей, Аристобул, восстановил в стране царскую власть: он был первым, кто 471 год и 3 месяца спустя после возвращения народа в страну из вавилонского пленения водрузил на свою голову царский венец. Следующему по старшинству брату Антигону, которого он, как видно, очень любил, Аристобул установил те же почести, что и себе самому, но остальных братьев заключил под стражу. Он заточил также свою мать, оспаривавшую его притязания на власть (ведь именно ей были оставлены Йохананом верховные полномочия), и жестокость его дошла до того, что он допустил, чтобы она умерла в тюрьме голодной смертью.

2. Но возмездие за содеянное настигло Аристобула, ибо он лишился своего брата Антигона, которого любил до такой степени, что даже разделил с ним царскую власть: ведь он убил и его, поверив наветам бесчестных придворных. Сначала, правда, Аристобул не верил их рассказам, ибо, как мы уже говорили, очень любил брата и считал, что наветы порождены завистью. Но однажды, когда Антигон с большой пышностью возвратился из похода, чтобы присутствовать на празднике, во время которого, согласно отеческому обычаю, принято возводить кущи для Бога, случилось, что Аристобул как раз был болен. В конце праздника Антигон со своими телохранителями и при всех знаках отличия взошел в Храм, чтобы вознести молитвы – главным образом, за выздоровление брата. Между тем бесчестные придворные отправились к царю и донесли ему все и о свите Антигона, и о его горделивой осанке, не соответствующей его положению; еще они сказали, что Антигон явился во главе огромного войска, чтобы убить брата, так как он-де более не в состоянии довольствоваться лишь царскими почестями, не имея самой власти.

3. Эти и подобные им рассказы постепенно пересилили недоверчивость Аристобула, но он принял меры, чтобы скрыть

свои подозрения и в то же время остеречься от незримой опасности. Так как сам он был прикован к постели в своей крепости (прежде она называлась Бира, а потом была переименована в Антонию), то расставил своих телохранителей в одном из подземных переходов и дал им приказание не трогать Антигона, если тот придет безоружным, но убить его, если он будет вооружен. А после этого он послал людей предупредить брата явиться к нему без оружия. Однако царица, стоявшая на стороне заговорщиков, измыслила необычайно коварный план: чтобы перехватить предупреждение царя, заговорщики подкупили вестников, а сами сообщили Антигону, что будто бы его брат слышал, как Антигон захватил в Галилее великолепные доспехи и военное снаряжение, и хотя из-за своей немощи не в состоянии прийти и взглянуть на них, ему очень хотелось бы, чтобы Антигон перед отбытием показался ему во всем снаряжении.

4. И, услышав это, не подозревавший ничего дурного со стороны брата Антигон облачился во все свои доспехи, чтобы брат смог их осмотреть. А когда он приблизился к темному проходу под названием Стратонова Башня, царские телохранители набросились на него и убили – убедительное свидетельство тому, что никакая естественная привязанность не может устоять против клеветы и что самые лучшие чувства не настолько сильны, чтобы бесконечно противостоять зависти.

5. Еще одна любопытная подробность этой истории. Некий Йехуда, из ессеев, который ни разу не ошибся в своих предсказаниях, увидел проходящего через Храм Антигона и воззвал к своим ученикам (а сидело немало их рядом с ним): «Увы! Лучше было бы мне сейчас умереть, ибо истина моя скончалась и одно из моих предсказаний не сбылось. Вот идет живой Антигон, который сегодня должен быть убит. Но он был обречен на смерть в Стратоновой Башне, а ведь это в шестистах стадиях отсюда, и день уже клонится к концу, так что время превратило мое пророчество в ничто». Произнеся эти слова, старец погрузился в мрачное раздумье, а вскоре после этого разнеслась весть, что Антигон убит в подземном укреплении, которое, подобно приморскому городу Кесарии, носит название Стратонова Башня. Это-то и было причиной смятения предсказателя.

6. Отсюда началось стремительное падение Аристобула, жестоко раскаивавшегося в позорном преступлении. При одной мысли о совершенном убийстве его рассудок мутился, и с каждым днем силы покидали его, так что в конце концов из-за бе-

зудержного горя у него разорвались внутренности и он изверг большое количество крови. Когда один из прислужников убирал кровь, то, побуждаемый божественным провидением, он поскользнулся на том самом месте, где был поражен Антигон, и на все еще заметные пятна крови убитого пролил кровь убийцы. Мгновенно из уст присутствовавших исторгся ужасный крик, как если бы слуга пролил кровь нарочно. Царь услыхал этот крик и спросил о причине; когда же никто не осмелился сказать правду, он стал настаивать, чтобы ему сообщили, в чем дело. Наконец угрозами он вынудил слуг к признанию. Глаза его наполнились слезами, он застонал из последних сил и прошептал: «Так и есть. Мне не удалось скрыть моих беззаконных деяний от всевидящего ока Бога, и возмездие за кровь брата настигает меня без промедления. Доколе, о бесстыднейшее из тел, ты будешь удерживать душу, которой суждено расплатиться за смерть матери и брата? Доколе я буду совершать им возлияния своей кровью, капля за каплей? Пусть они возьмут ее всю, и пусть божество больше не насмехается надо мной этими возлияниями из моих внутренностей!» С этими словами он испустил дух, не процарствовав даже одного года.

IV

1. Его вдова выпустила на свободу его братьев и возвела на престол Александра, самого старшего и обладавшего, как казалось, наиболее уравновешенным нравом. Однако, получив власть, он казнил одного брата за то, что тот сам хотел быть царем; зато другого брата, который предпочитал держаться в стороне от общего внимания, окружил почетом.

2. Александр завязал сражение с Птолемеем Латиром, захватившим город Асохис (Кфар-Сихин), и нанес ему большие потери, но победа осталась все-таки на стороне Птолемея. Однако потом, когда Птолемей был изгнан своей матерью Клеопатрой и удалился в Египет, Александр осадил и взял Гадер и Хаммат, самую большую крепость по ту сторону Иордана, в которой хранилось наиболее ценное имущество Теодора, сына Зенона. Однако одним внезапным нападением Теодор не только вернул себе свою собственность, но и захватил обоз с царским имуществом, убив при этом около 10 тысяч евреев. Александр оправился от удара и, выступив в сторону побережья, за-

хватил Газу, Рафиах и Анфедон, впоследствии переименованный царем Иродом в Агриппию.

3. После покорения этих городов против него восстали евреи; это произошло во время одного из праздников, ведь праздник – самое подходящее время для мятежа. Казалось, Александру не под силу справиться с заговором, однако на помощь ему пришли отряды наемников-чужеземцев. Это были писидийцы и киликийцы; сирийцев же он не брал на службу ввиду их врожденной ненависти ко всем евреям. Он предал мечу более 6 тысяч мятежников и после этого двинулся на Аравию; здесь он захватил Гилеад и Моав и обложил данью население. Вернувшись к Хаммату, он обнаружил, что устрашенный его победами Теодор покинул крепость.

4. Разрушив ее, Александр начал военные действия против аравийского царя Убдата, но попал в устроенную тем в Голане засаду и потерял все свое войско: оно столпилось на дне ущелья и было растоптано толпой верблюдов. Самому Александру удалось бежать в Иерусалим, однако размеры постигшего его несчастья только раздули тлевшие в народе искры ненависти, и народ поднялся на восстание. Однако в сражениях, следовавших одно за другим в течение целых шести лет и стоивших жизни без малого 50 тысячам евреев, Александр одерживал одну победу за другой. Впрочем, у него не было причины радоваться этим победам, столь разрушительным для царства. Поэтому он приостановил военные действия и попытался достигнуть согласия с подданными, действуя путем убеждения. Однако его раскаяние, как и внезапный отказ от привычного образа действий, лишь еще более озлобили народ, и, когда он спросил, чем может умиротворить их, те ответили: «Своей смертью. Но даже мертвого тяжело было бы простить за все то, что нам пришлось претерпеть». Без дальнейших промедлений они призвали на помощь Деметрия, прозывавшегося также «Несвоевременным». В надежде расширить свое царство тот охотно согласился и, выступив во главе войска, соединился со своими союзниками-евреями около Шхема.

5. Для отражения объединенных сил противника Александр выставил тысячу всадников и 8 тысяч пеших наемников; преданные ему евреи увеличили его войско на 10 тысяч. С противной же стороны было выставлено 3 тысячи всадников и 14 тысяч пешего войска. Перед самым началом сражения оба царя обратились с призывами к воинам противника, так как каждый из

них стремился привлечь на свою сторону людей другого: Деметрий надеялся склонить к себе греческих наемников Александра, а Александр рассчитывал на евреев – союзников Деметрия. Но так как ни евреи не отказались от своей ненависти к Александру, ни греки – от своей преданности ему, то не оставалось ничего другого, как обратиться к силе. Победителем в сражении вышел Деметрий, хотя наемники Александра и отличались как доблестью духа, так и военным искусством. Однако исход сражения не соответствовал ожиданиям обеих сторон, ибо одержавший победу Деметрий был оставлен теми, кто его призвал, тогда как к бежавшему в горы Александру присоединились 6 тысяч евреев, побуждаемых сочувствием к поверженному. Такой поворот событий совершенно сломил Деметрия: будучи убежден, что Александр уже в состоянии возобновить военные действия и что весь народ стекается в его лагерь, он отступил из страны.

6. Однако, несмотря на измену союзников, остальной народ не отказался от раздора, и мятежники не прекращали воевать против Александра, пока после тяжелых потерь остатки их не были загнаны в Бемеселис и после падения города не были привезены в Иерусалим в качестве пленников. Столь неукротим был гнев Александра, что от жестокости он перешел к нечестию: он распял посреди города 800 пленников и зарезал на их глазах жен и детей, причем сам возлежал в окружении своих жен и наложниц и наслаждался этим зрелищем. И столь велик был охвативший народ ужас, что на следующую ночь 8 тысяч противников царя покинули Иудею и пребывали в изгнании до самой его смерти. После таких деяний он наконец дал царству непрочный мир и сложил оружие.

7. Однако его ожидали новые треволнения – дело рук Антиоха Диониса, брата Деметрия и последнего из рода Селевкидов. Дело в том, что Антиох начал поход против аравийцев, и это встревожило Александра. Он приказал вырыть глубокий ров, который тянулся от возвышенности над Антипатридой до прибрежной Яффы, а перед рвом воздвиг высокую стену с встроенными в нее деревянными башнями, предназначенными для предупреждения нападения в слабых местах. Однако ничто не смогло остановить Антиоха: он сжег башни, засыпал ров и провел свои войска. Решив пока отложить свою месть за то, что его пытались остановить, он выступил прямо на аравийцев. Их царь отошел в хорошо защищенное место, а затем внезапно развернул свою конницу, в которой было 10 тысяч всадников, и об-

рушился на войско Антиоха. За этим последовало ожесточенное сражение. Пока Антиох был жив, его люди продолжали держаться, хотя и несли тяжелые потери. Но когда Антиох (ведь он все время подвергал опасности свою жизнь и, чтобы поднять дух войска, сражался в переднем ряду) был убит, строй его войск распался. Большая часть войска была уничтожена в бою и последовавшем вслед за ним бегстве, а оставшиеся в живых нашли убежище в деревне Кана, где все они, за исключением нескольких человек, погибли от недостатка пищи.

8. В это же время жители Дамаска из-за своей ненависти к Птолемею, сыну Меннея, призвали Арету и провозгласили его царем Келесирии. Арета быстро прошел через Иудею, разбил Александра в сражении, заключил с ним мир и удалился. Александр же занял Пеллу и выступил против Гереша (Герасы), вновь домогаясь владений Теодора; заперев гарнизон внутри тройной стены, он взял город без боя. Вслед за этим он завладел Голаном, Селевкией и «Ущельем Антиоха», а также захватил сильную крепость Гамлу, сместив ее начальника Деметрия, обвинявшегося во многих преступлениях.

После трех лет, проведенных в походах, он возвратился в Иудею, и народ горячо приветствовал его из-за его успехов. Однако конец войны был началом его телесного недуга. Будучи подвержен приступам перемежающейся лихорадки, Александр думал, что сможет избавиться от болезни, если снова начнет вести деятельную жизнь. Поэтому он опрометчиво предпринял несколько несвоевременных походов и из-за того, что предъявлял своему телу непомерные требования, совершенно истощил силы. Он умер среди волнений и беспорядка, процарствовав 27 лет.

V

1. Он оставил престол своей жене Александре, уверенный, что евреи подчинятся ей с величайшей охотой, ибо она завоевала расположение народа тем, что была лишена его жестокости и всегда противилась его беззакониям. И действительно, ожидания оправдались: хоть и женщина, она сумела упрочить свою власть благодаря благочестивости, которой славилась в народе. Ведь она тщательным образом соблюдала народные обычаи и смещала с должностей нарушителей священных законов. Из двух рожденных ею от Александра сыновей старшего, Гиркана, она постави-

ла первосвященником – как по причине его старшинства, так и ввиду его природной вялости и нерасположенности к государственной деятельности; младшего же, Аристобула, ввиду его вспыльчивого нрава воспитывала как частное лицо.

2. При ней возросла мощь фарисеев, еврейской секты, которая считалась более благочестивой, чем остальные, и придерживалась наиболее строгого толкования законов. Богобоязненная Александра слишком считалась с ними, и они, все более и более используя к своей выгоде ее бесхитростность, в конце концов превратились в действительных правителей государства: ведь они по собственному произволу изгоняли и возвращали, заключали в тюрьму и освобождали. Иными словами, преимущества царской власти принадлежали им, а издержки и треволнения – Александре. Она на удивление умело вела государственные дела, например, ввела постоянный воинский набор, тем самым удвоив свои силы – ведь она содержала также большое наемное войско. Таким образом, Александра не только держала в подчинении своих подданных, но и внушала трепет чужеземным владыкам.

3. Однако в то время как она управляла другими, фарисеи управляли ею. Так, ими был предан казни Диоген, видный гражданин, друг Александра: они заявили, что это он подстрекал царя распять 800 граждан. Затем фарисеи настояли на казни остальных из тех, кто настраивал против них Александра; побуждаемая своим суеверием, Александра уступала им, и они убивали, кого хотели. Некоторые из находившихся под угрозой видных граждан искали помощи у Аристобула, и тот убедил мать принять в расчет их положение и пощадить их, а если она считает их виновными, то отправить в изгнание. И эти люди, будучи освобождены от наказания, рассеялись по всей стране.

Тем временем Александра отправила на Дамаск войска (предлогом ей послужило постоянное утеснение города Птолемеем), которые возвратились без какого-либо значительного успеха. Армянского же царя Тиграна, разбившего свой лагерь перед Птолемаидой и осаждавшего Клеопатру, ей удалось склонить на свою сторону при помощи переговоров и подарков. Однако, когда Лукулл вторгся в Армению, Тигран вынужден был с большой поспешностью удалиться, чтобы восстановить порядок у себя дома.

4. Тут Александра заболела, и ее младший сын Аристобул воспользовался случаем и вместе со своими многочисленными

слугами (все были преданы ему из-за его пылкого нрава) захватил все крепости, на взятые там деньги собрал наемное войско и провозгласил себя царем. Это настолько удручило Гиркана, что из сочувствия к нему мать заключила жену и детей Аристобула в Антонии – крепости, которая прилегала к северной стене Храма. Как уже отмечалось ранее, сначала эта крепость называлась Бира, а позже, во время правления Антония, была переименована в его честь, точно так же, как города Себастия и Агриппия получили свои имена в честь Августа (Себаста) и Агриппы. Но еще до того, как она успела наказать Аристобула за свержение брата, Александра умерла. Ее правление продолжалось 9 лет.

VI

1. Наследником престола был Гиркан, в руки которого Александра еще при жизни передала царство, однако ни по способностям, ни по предприимчивости он не мог сравниться с Аристобулом. Оба брата сошлись в сражении при Иерихоне, чтобы завоевать царский венец, однако большая часть Гирканова войска оставила его и перешла на сторону Аристобула. Вместе с теми, кто остался ему верен, Гиркан укрылся в Антонии, захватив в качестве заложников жену и детей Аристобула. Несчастье, однако, было предотвращено благодаря следующему соглашению: Аристобул оставался царем, а Гиркан отрекался от престола, но в качестве царского брата сохранял за собою все остальные почести. На этих условиях они примирились в Храме, где при большом стечении народа сердечно обняли друг друга, а затем обменялись домами: Аристобул занял царский дворец, Гиркан же перешел в дом Аристобула.

2. После столь неожиданного поворота событий в пользу Аристобула страх охватил его врагов, в особенности же Антипатра, к которому Аристобул питал давнюю ненависть. Антипатр был по происхождению идумеянин, а знатность, богатство и другие источники могущества сделали его первым среди своего народа. Он дал Гиркану совет искать покровительства аравийского царя Ареты, чтобы таким путем вернуть себе царство; одновременно он склонял Арету принять Гиркана и восстановить его на престоле. Он осыпал бранью Аристобула за его необузданный нрав и расточал щедрые похвалы Гиркану, убеждая

Арету, что он, правитель столь блестящего царства, поступит достойно, если предоставит свою помощь человеку, по отношению к которому была совершена несправедливость. Ведь правда и в самом деле была на стороне Гиркана, ибо его лишили царского венца, принадлежавшего ему по праву первородства. Убедив таким образом каждого из них, Антипатр вместе с Гирканом под покровом темноты скрылся из города и, спеша изо всех сил, благополучно достиг Петры, столицы Аравии. Там он препоручил Гиркана Арете и как уговорами, так и щедрыми дарами убедил того предоставить изгнаннику войско, с помощью которого он мог бы вернуть свой престол, – всего 50 тысяч человек конницы и пехоты. Аристобул не мог противостоять такой силе: разбитый в первой же стычке, он спасся бегством в Иерусалим, где, несомненно, очень скоро был бы захвачен после успешного приступа, если бы в самый последний миг не вмешался римский военачальник Скавр и не прекратил осаду.

Скавр был послан в Сирию из Армении Помпеем Великим, который вел там войну с Тиграном. Прибыв в Дамаск тотчас же после захвата его Метеллом и Лоллием, он сместил обоих; когда же ему стало известно о событиях в Иудее, поспешил использовать эту посланную самим небом возможность.

3. Как только он вступил в Иудею, к нему немедленно явились послы от обоих братьев с просьбой о помощи. Присланные Аристобулом 300 талантов оказались решающими: Скавр отправил вестника к Гиркану и аравийцам, угрожая им Помпеем и римским войском, если они не снимут осаду. Арета в страхе бежал из Иудеи назад в Филадельфию, Скавр же возвратился в Дамаск. Однако бегство врага не удовлетворило Аристобула: он собрал все свое войско и пустился в погоню. Около Папирона завязалось сражение, в котором было убито более 6 тысяч сторонников Гиркана, в том числе и брат Антипатра Фаллион.

4. Лишившись помощи аравийцев, Гиркан и Антипатр устремили свои надежды в другом направлении и, когда Помпей вступил в Сирию и прибыл в Дамаск, стали искать его покровительства. Они не преподнесли ему даров, но полагались на те же доводы, которые использовали, убеждая Арету: просили отвергнуть насилие, посредством которого Аристобул пришел к власти, и возвратить престол тому, кому он принадлежит как по праву старшинства, так и по достоинствам характера. Аристобул, со своей стороны, тоже не медлил и, полагаясь на поднесенный Скавру дар, явился во всем своем царском великоле-

пии. Однако он испытывал отвращение к раболепию, не терпел унижения и гнушался достигать цели ценой потери собственного достоинства. Поэтому у Диона он повернул назад.

5. Помпей был уязвлен таким поступком и, уступив домоганиям Гиркана и его сторонников, отправился в погоню за Аристобулом, ведя за собой римское войско и многочисленное подкрепление из Сирии. Обойдя Пеллу и Скифополь, он подступил к Каравею, где путник, направляющийся из глубины материка, вступает в пределы Иудеи. Получив сообщение, что Аристобул укрылся в Александрионе, крепости, укрепленной самым тщательным образом и расположенной на высоком месте, Помпей послал ему приказ спуститься. Будучи призван столь властно, царь был склонен скорее погибнуть, чем покориться, однако он видел, что его людей охватил смертельный страх, и друзья умоляли его понять, что ничто не может противостоять могуществу римлян. Тогда Аристобул принял совет и спустился к Помпею. Он приложил все усилия, чтобы доказать Помпею справедливость своих притязаний на престол, а затем вернулся к себе в крепость. Затем он вновь сошел вниз, на этот раз по приглашению брата, и, обсудив с ним все правые и неправые стороны дела, вновь удалился без каких бы то ни было препятствий со стороны Помпея. Так, колеблясь между надеждой и страхом, он спускался все вновь и вновь в надежде убедить Помпея передать власть в его руки и так же часто возвращался назад в свою крепость, чтобы не создалось впечатления, что он сдается слишком скоро. В конце концов Помпей настоял на том, чтобы Аристобул сдал все укрепления, а так как их начальники имели предписание не подчиняться приказу, который не будет написан рукой самого Аристобула, Помпей заставил его разослать письменные распоряжения вывести войска из всех укреплений. Аристобул подчинился, но удалился в Иерусалим в гневе и стал готовиться к войне против Помпея.

6. Помпей, со своей стороны, не дал ему времени на приготовления, но немедленно последовал за ним, поощряемый, кроме того, и известиями о смерти Митридата, которые настигли его, когда он находился у Иерихона (это самое плодородное место в Иудее, изобилующее пальмами и плодовыми деревьями; на стволах бальзамовых деревьев делаются надрезы, и в тех местах, где смола вытекает из надрезов, ее собирают). Помпей разбил там лагерь и провел ночь, а на заре спеш-

но выступил на Иерусалим. При его приближении Аристобул впал в страх и встретил его как умоляющий; он смягчил его гнев как предложением денег, так и предоставлением всего города и самого себя в его руки. Однако ни одна из частей этого соглашения не была им выполнена: приверженцы Аристобула не дали посланному за деньгами военачальнику Помпея Габинию даже войти в город.

VII

1. Уязвленный таким обращением, Помпей заключил Аристобула под стражу, а сам подошел к городу и стал обследовать удобные для нападения места. Он обозрел почти неприступную мощь стен, труднопроходимую лощину перед ними, Храм, окруженный лощиной, с укреплениями столь мощными, что даже в случае взятия самого города они будут служить новым укрытием для противника.

2. Пока Помпей раздумывал, какое принять решение, в городе разразилась междоусобица: сторонники Аристобула призывали к войне и спасению царя, в то время как сторонники Гиркана настаивали на том, чтобы открыть ворота перед Помпеем. Поскольку число последних все умножалось вследствие страха, вызванного совершенством военного порядка римлян, то сторонники Аристобула потерпели поражение. Тогда они удалились в Храм и, разрушив соединявший Храм с городом мост, приготовились к борьбе не на жизнь, а на смерть. Одновременно остальные жители пригласили римлян в город и сдали им царский дворец, куда Помпей послал одного из своих старших военачальников Пизона с большим отрядом. Пизон выставил вокруг города сторожевые посты, и так как никого из укрывшихся в Храме нельзя было склонить к соглашению, он, чтобы подготовиться к приступу, убрал все препятствия по соседству, обнаружив при этом, что сторонники Гиркана всегда готовы предложить свой совет или помощь.

3. Помпей же в это время находился с северной стороны города и засыпал ров и всю лощину всем, что собирали его отряды. Это была трудновыполнимая задача – как вследствие безмерной глубины рва, так и из-за того, что евреи всячески препятствовали сверху. Поэтому римляне никогда не достигли бы цели своих усилий, если бы Помпей не воспользовался суббо-

тами, во время которых евреи, как это предписывается их верой, не принимаются ни за какую работу. Именно в течение суббот он и воздвиг свои земляные сооружения, удерживая при этом своих людей от вооруженных столкновений, – ведь евреи сражаются в субботу только в целях самозащиты. Когда наконец лощина была засыпана, Помпей водрузил на искусственное основание высокие башни, установил осадные машины, привезенные из Тира, и начал долбить стены, в то время как камнеметы делали невозможным любое вмешательство сверху. Однако в течение долгого времени башни оставались неповрежденными, так как на этом отрезке стены они отличались особой массивностью и величественностью.

4. Римляне несли тяжелые лишения, и Помпей поражался непоколебимой твердости евреев, в особенности же тому, что, находясь под градом камней, они продолжают соблюдать все свои обряды; как если бы в городе царил полный мир, они неукоснительно совершали и ежедневные жертвоприношения, и заупокойные жертвы, и всякое иное служение Богу. И даже во время взятия Храма, падая мертвыми вокруг алтаря, они не прекращали предписанных для этого дня обрядов.

Наконец, на третьем месяце осады римляне опрокинули одну из башен и ворвались в Храм. Первым отважился перейти стену сын Суллы Корнелий Фауст; за ним последовали два центуриона, Фурий и Фабий, вместе со своими отрядами. Они совершенно окружили двор Храма и убивали как тех, кто спасался бегством в помещения Храма, так и тех, кто пытался оказать мимолетное сопротивление.

5. Многие из священнослужителей, хотя и видели, как враг приближается с мечом в руке, спокойно продолжали совершать священные обряды, и их сражали в то время, как они, поставив служение Богу выше спасения собственной жизни, совершали возлияния или воскуряли благовония. Многие были убиты собственными соотечественниками из противного лагеря, другие во множестве сами бросались с обрыва, а некоторые, обезумевшие от безвыходного положения, поджигали окружающие стену строения и погибали в огне. Всего евреи потеряли убитыми 12 тысяч человек; со стороны римлян убитых было очень немного, но значительное число их было ранено.

6. Среди бедствий этого времени ни одно не повергло народ в такой ужас, как обнажение перед чужеземцами святого места, дотоле защищенного от посторонних взглядов. Ведь

Помпей со своими приближенными вступил туда, куда не позволялось входить никому, кроме первосвященника, и увидел внутренность Храма – подножия светильников и сами светильники, стол, чаши для возлияний и курильницы, все из цельного золота, великое множество благовоний и священную казну – всего две тысячи талантов. Однако он не прикоснулся ни к чему из этого и ни к какому другому из священных сокровищ и всего лишь днем спустя после взятия Храма приказал его служителям совершить очищение и принести обычные жертвы. Он вновь назначил Гиркана первосвященником, ибо тот оказал ему большую помощь во время осады – в основном тем, что удерживал толпы сельских жителей, рвавшихся сражаться за Аристобула. Тем самым он, как и подобает хорошему военачальнику, привлек народ более благосклонностью, чем принуждением.

Среди пленных находился и тесть Аристобула, приходившийся ему одновременно дядей. Зачинщики войны были обезглавлены, Фауст и те, кто оказал Помпею ценные услуги, получили великолепное вознаграждение, а страна и столица были обложены данью.

7. Затем Помпей отнял у евреев города, занятые ими в Келесирии, над которыми поставил отдельного римского наместника, так что Иудея была возвращена в свои исконные пределы. Он восстановил Гадер, который евреи в свое время сровняли с землей: это был знак милости по отношению к уроженцу этого города, вольноотпущеннику Помпея Деметрию. Он также упразднил власть евреев над некоторыми внутренними городами, которые те не успели еще разрушить, то есть над Гиппосом, Скифополем, Пеллой, Самарией, Явне, Марешей, Ашдодом и Аретузой, а также над приморскими городами Газой, Яффой и Дором и над городом, который сначала назывался Стратонова Башня, а затем был с небывалым размахом заново отстроен царем Иродом и переименован в Кесарию. Все эти города Помпей возвратил их коренным гражданам и присоединил к провинции Сирия, которую вместе с Иудеей и всей областью от Египта до Евфрата поручил Скавру и двум его легионам. Сам же он, быстро пройдя через Киликию, направился в Рим, взяв с собой в качестве пленников Аристобула и его семью. Из двух сыновей и двух дочерей Аристобула один сын, Александр, бежал в пути, тогда как младший, Антигон, вместе с сестрами был переправлен в Рим.

VIII

1. Между тем Скавр вторгся в Аравию, однако из-за труднопроходимой местности пришлось остановиться возле Пеллы. Хотя ему и удалось опустошить всю область, он сам первым страдал от этого, ибо остался совершенно без продовольствия. Из этого положения Скавра спас Гиркан, приславший ему через Антипатра припасы. Антипатр же в качестве старого друга Ареты был послан к последнему Скавром, чтобы убедить Арету купить себе мир. Аравийцы согласились заплатить триста талантов, и на этих условиях Скавр вывел свои войска из Аравии.

2. Тем временем ускользнувший из рук Помпея сын Аристобула Александр собрал крупные силы, которые своими постоянными набегами на Иудею подрывали положение Гиркана. Походило на то, что скоро Гиркан будет свергнут, ибо Александр подступил уже к Иерусалиму и даже дерзнул начать восстановление разрушенного Помпеем отрезка стены. Преемником Скавра в Сирии был назначен Габиний, который, проявив свои достоинства во многих других обстоятельствах, выступил наконец и против Александра. При его приближении Александр объявил тревогу и стал спешно проводить воинский набор (он собрал 10 тысяч пешего войска и 1500 всадников), а также начал тщательно укреплять избранные им для обороны места – Александрией, Гирканион и Махор, что у Аравийских гор.

3. Габиний выслал вперед Марка Антония с частью своих войск, а сам следовал за ним с основными силами. Антипатр со своими отборными людьми, а также другие еврейские отряды под началом Малиха и Пейтолая предоставили себя в распоряжение военачальников Марка Антония и вступили в соприкосновение с силами Александра. Вслед затем прибыла тяжелая конница с Габинием во главе. Александру было не под силу противостоять объединенным силам противника, и он начал отступать, пока, наконец, не был вынужден дать сражение неподалеку от Иерусалима. В этом сражении он потерял 6 тысяч человек, половину из них убитыми и половину взятыми в плен.

4. С остатками войска он бежал к Александриону и разбил там лагерь, к которому вскоре приблизился Габиний. Перед тем как прибегнуть к силе, Габиний попытался заставить мятежников сдаться, обещая простить все недавно совершенные преступления. Когда те отказались от какого бы то ни было согла-

шения, Габиний поразил многих из них насмерть, а остальных загнал в крепость. В этом сражении Марк Антоний проявил необыкновенное мужество; хоть и в прежних битвах он постоянно доказывал свою доблесть, но никогда не делал этого столь убедительно, как теперь.

Габиний оставил на месте отряд, достаточный, чтобы сломить сопротивление крепости, а сам отправился приводить в порядок уцелевшие и восстанавливать разрушенные города. По его распоряжению были восстановлены Скифополь, Самария, Анфедон, Аполлония, Явне, Рафиах, Мареша, Адораим, Гамла, Ашдод и многие другие города, куда устремились многочисленные поселенцы.

5. Приведя все это в порядок, Габиний возвратился к Александриону и усилил осаду, так что в конце концов Александр совершенно потерял всякую надежду и выслал посла испросить прощения за свои преступления и сдать оставшиеся за ним крепости Гирканий и Махор. В конце концов он сдал и Александрион. По совету матери Александра Габиний разрушил все эти крепости, чтобы они в будущем не смогли быть использованы как опора для войны. Эта женщина стремилась снискать расположение Габиния, ибо беспокоилась о судьбе своего мужа и остальных детей, находившихся в Риме в качестве пленников. Вслед за этим Габиний восстановил в Иерусалиме Гиркана, вверил ему охрану Храма и учредил государственное устройство, основанное на аристократическом образе правления. Он разделил всю страну на пять частей: одну с центром в Иерусалиме, центром второй был Гадер, третьей – Хаммат, четвертая была приписана к Иерихону, а пятая имела своим центром галилейский город Циппори. Евреи же, со своей стороны, были только довольны тем, что отныне они избавлены от владычества одного человека и будут управляться аристократией.

6. Но вскоре над ними разразилось еще одно несчастье. Аристобулу удалось бежать из Рима, и он вновь собрал вокруг себя великое множество евреев, одни из которых жаждали государственных перемен, другие же были издавна преданы Аристобулу. Первым его действием был захват Александриона, который он попытался заново укрепить. Однако, когда ему стало известно, что Габиний выслал против него войско под началом Сизенны, Антония и Сервилия, он оставил Александрион и направился к Махору. Здесь он избавился от бесполезной толпы следовавших за ним приверженцев, оставив при себе только

тех, кто был хорошо вооружен, всего около 8 тысяч человек. Среди них был и иерусалимский военачальник Пейтолай, перешедший на сторону Аристобула вместе с отрядом в тысячу воинов. Римляне следовали за Аристобулом вплотную, и наконец завязалось сражение. Долгое время Аристобул и его люди оказывали отчаянное и небезуспешное сопротивление, однако в конце концов были разбиты римлянами, потеряв 5 тысяч человек убитыми. Около двух тысяч бежало в горы, а оставшаяся тысяча во главе с Аристобулом проложила себе путь через ряды римлян и продолжала продвижение к Махору. Там они разбили лагерь посреди развалин, и царь, надеявшийся, если ему удастся получить передышку, собрать новое войско, начал понемногу укрепляться. Однако вскоре римляне начали приступ, и Аристобул, продержавшийся из последних сил в течение двух дней, был схвачен и вместе с Антигоном, сыном, который бежал вместе с ним из Рима, в оковах доставлен к Габинию и отослан им назад в Рим. Аристобула сенат заключил в тюрьму, однако детям его было позволено вернуться в Иудею, ибо Габиний письменно подтвердил, что таково его обещание жене Аристобула, данное в обмен на сдачу укреплений.

7. Габиний уже выступил в поход против парфян, когда внезапно был остановлен Птолемеем; он возвратился от Евфрата и восстановил Птолемея на престоле. На протяжении всего этого похода Гиркан и Антипатр оказывали Габинию всемерное содействие. Так, Антипатр снабдил его всем – деньгами, оружием, припасами и наемниками, а также убедил еврейские приграничные отряды в Пелусийском проходе пропустить войска Габиния. В отсутствие Габиния по всей Сирии вспыхнуло восстание: дело в том, что сын Аристобула Александр побудил евреев к новому мятежу. Он собрал огромное войско и начал избиение всех находившихся в стране римлян. Это встревожило Габиния, который и без того уже спешно выступил из Египта, как только услышал о волнениях. Для увещевания восставших он выслал вперед Антипатра, который имел некоторый успех. Однако 30 тысяч человек остались верны Александру, и тот был полон решимости бороться. Так что, когда Габиний начал военные действия, евреи выступили ему навстречу. В сражении при горе Тавор они потеряли 10 тысяч убитыми, а оставшиеся в живых разбежались во все стороны. Габиний посетил Иерусалим, где установил правление согласно пожеланиям Антипатра, выйдя же оттуда, он разбил в сра-

жении набатеян. Бежавших из Парфии Митридата и Орсана он тайно отпустил, сказав своим воинам, что те скрылись.

8. Как раз в это время прибыл Красс, чтобы принять наместничество над Сирией. Для нужд похода против парфян он изъял из иерусалимского Храма все золото, включая те 2 тысячи талантов, которые не тронул Помпей. Затем он перешел Евфрат и пал вместе со всем войском, – впрочем, это не имеет значения для нашего повествования.

9. После своей победы парфяне устремились вперед, намереваясь пересечь реку и вторгнуться в Сирию, однако были отброшены Кассием, бежавшим из Рима в эту провинцию. После этого Кассий поспешил в Иудею и захватил Тарихеи, где обратил в рабство около 30 тысяч евреев. Кроме того, он по совету Антипатра казнил Пейтолая, который пытался объединить сторонников Аристобула.

Антипатр был женат на знатной аравийке по имени Кипра, которая родила ему четырех сыновей – Фацаэля, Ирода (будущего царя), Йосефа и Ферору – и дочь Шломит. Благодаря радушию и гостеприимству Антипатр снискал себе повсюду влияние и поддержку. Наконец, благодаря своему браку он приобрел друга в лице аравийского царя, так что когда он вел войну против Аристобула, то именно к аравийскому царю отправил своих детей в заботе об их безопасности. Что же касается Кассия, то, вынудив Александра дать письменное обязательство более не нарушать мира, он возвратился к Евфрату, чтобы воспрепятствовать парфянам переправиться через реку. Более подробное изложение всех этих событий можно отыскать в других сочинениях.

IX

1. После бегства Помпея и сената за Ионийское море владыкой Рима и всей империи стал Цезарь. Он немедленно освободил из тюрьмы Аристобула и, предоставив в его распоряжение два легиона, срочно отправил его в Сирию в надежде, что Аристобул сможет без труда склонить на сторону Цезаря всю провинцию, включая Иудею. Однако зависть предупредила как воодушевление Аристобула, так и упования Цезаря, ибо Аристобул был отравлен сторонниками Помпея. В течение длительного времени ему было отказано даже в погребении в родной

земле, и тело его хранилось в меду, пока Антоний не передал его евреям для погребения в царской усыпальнице.

2. Смерть настигла и его сына Александра: он был осужден в Антиохии за причиненный римлянам вред и по распоряжению Помпея обезглавлен Сципионом. Его брата и сестер взял под свое покровительство Птолемей, сын Меннея, правитель Халкиды, что под Ливаном. Он послал за ними в Ашкелон своего сына Филиппиона; тот оторвал Антигона и его сестер от матери и доставил их к своему отцу. Затем он воспылал любовью к младшей из сестер и взял ее себе в жены – лишь затем, чтобы быть убитым из-за нее собственным отцом, который, убив сына, сам женился на Александре. Благодаря этому браку Птолемей стал еще больше заботиться о ее брате и сестре.

3. После смерти Помпея Антипатр перешел в лагерь его противников и стал искать расположения Цезаря. Поэтому, когда Митридат Пергамский вел свои войска в Египет и, получив предупреждение не приближаться к Пелусийскому проходу, остановился у Ашкелона, Антипатр убедил своих друзей-аравийцев поддержать Митридата и сам прибыл к нему на помощь с трехтысячной еврейской конницей. Далее, он завоевал поддержку двух влиятельных сирийцев – Птолемея из Ливана и Ямвлиха, благодаря которым сирийские города охотно присоединились к войне. Собранные Антипатром дополнительные силы окончательно рассеяли сомнения Митридата, и тот устремился к Пелусию; когда же он увидел, что путь закрыт, то начал осаду города. Во время приступа Антипатр дважды стяжал себе великую честь: он пробил стену впереди себя и был первым, кто во главе своих людей прорвался в город.

4. Пелусий пал; однако по мере того, как Митридат продвигался дальше, он был вновь остановлен, на этот раз египетскими евреями, населявшими область, названную по имени Хонио. Однако Антипатр убедил их не только не препятствовать проходу войска, но и снабдить его продовольствием. Вследствие этого также и у Мемфиса население не оказало сопротивления и добровольно присоединилось к Митридату.

Наконец, Митридат окружил Дельту и в месте под названием «Еврейский лагерь» вступил в сражение с остальными египтянами. В разгар сражения Митридат со всем правым крылом находился в серьезной опасности и был выручен Антипатром, отвлекшим противников на левое крыло, которым командовал он сам. Затем он обошел их с тыла и, пройдя берегом ре-

ки, напал на преследователей Митридата: многих убил, а остальных гнал так далеко, что даже захватил их лагерь. Он потерял из своих людей всего 80 человек, тогда как отступавший в беспорядке Митридат – около восьмисот. Спасенный таким образом от угрожавшего ему разгрома, Митридат представил Цезарю искреннее свидетельство деяний Антипатра.

5. Вслед за этим Цезарь похвалами и обещаниями побудил его вновь ринуться в опасности войны, на этот раз уже ради самого Цезаря. Антипатр повсюду выказывал себя непревзойденным по стойкости воином: получив множество ран, он носил почти на каждой части своего тела свидетельства доблести. Позднее, когда в Египте был восстановлен порядок и Цезарь возвратился в Сирию, он даровал Антипатру римское гражданство и освободил его от налогов, а также и другими отличиями и знаками расположения сделал примером для всех. Также ради него Цезарь утвердил первосвященство Гиркана.

X

1. Вскоре сын Аристобула Антигон имел с Цезарем свидание, приведшее к непредвиденным последствиям, ибо оно способствовало дальнейшему возвышению Антипатра. Самым мудрым со стороны Антигона поведением было бы выказать горе по отцу, отправленному, как считалось – из-за его вражды, в Помпею, и возмущение по поводу жестокой казни Сципионом его брата, не смешивая обращаемых к Цезарю призывов к сочувствию с проявлениями открытой зависти по отношению к своим врагам. Однако Антигон не переставал осыпать обвинениями Гиркана и Антипатра и открыто заявлял, что и он, и его сестры изгнаны из родной земли только вследствие вражды последнего; что якобы в своей дерзости Гиркан и Антипатр подвергают народ жестокому обращению; что они послали помощь Цезарю в Египет не из-за преданности ему, но из страха перед старыми разногласиями и в надежде, что благодаря этой помощи будет предана забвению их дружба с Помпеем.

2. На обвинения Антипатр ответил тем, что сбросил одежды и показал многочисленные шрамы на теле. При этом он заявил, что его преданность Цезарю не нуждается в словесных доказательствах: хотя сам он не произносит ни слова, все его тело громко кричит о ней. Бесстыдство Антигона, сказал он, вы-

ходит за пределы вероятного: сын врага Рима, сам бежавший от Рима, он унаследовал от своего отца страсть к мятежам и переворотам. И этот человек имеет дерзость обвинять других перед правителем Рима и пытается нажиться за чужой счет, тогда как ему еще посчастливилось, что он остался в живых! И теперь он домогается власти не столько из-за нужды в ней, но чтобы, явившись, взбунтовать евреев и таким образом укусить руку, которая его вскормила.

3. Выслушав обоих, Цезарь объявил, что Гиркан более подходит для должности первосвященника, а Антипатру предложил самому выбрать себе должность. Антипатр же предоставил это на усмотрение того, кто даровал ему эту честь. Он получил от Цезаря верховные полномочия над всей Иудеей с правом восстановить разрушенные стены города. Запись об этой чести была выбита по приказанию Цезаря на Капитолии, чтобы служить памятью как его собственной справедливости, так и блестящих заслуг Антипатра.

4. Проводив Цезаря на его пути из Сирии, Антипатр возвратился в Иудею. Там он приступил к восстановлению разрушенной Помпеем стены города, одновременно продолжая подавлять беспорядки в различных частях страны. В каждом случае он прибегал как к угрозам, так и к увещеваниям: он говорил, что если евреи поддержат Гиркана, то они будут вести жизнь в процветании и покое, наслаждаясь как своим частным имуществом, так и общим миром; однако если их соблазнят зыбкие надежды тех, кто ради личной выгоды жаждет переворота, они найдут в нем не защитника, но господина, в Гиркане – не царя, но самодержавного владыку, в Цезаре и римлянах – не друзей и покровителей, но врагов, ибо те не останутся безучастными наблюдателями того, как евреи изгоняют от власти назначенных ими людей. Ведя подобные беседы, Антипатр в то же время наводил в стране порядок по собственному усмотрению, хорошо зная, что Гиркан слишком вял и безволен, чтобы быть настоящим царем. Своего старшего сына Фацаэля он назначил наместником Иерусалима и области; второго сына, Ирода, с такими же полномочиями направил в Галилею, хотя тот и был еще очень молод.

5. Деятельный от природы Ирод очень скоро нашел применение своим склонностям. Именно: обнаружив, что главарь шайки разбойников Хизкия вместе со своими людьми опустошает прилегающие к Сирии области, он захватил и казнил и его самого, и многих из его людей. За это он снискал благодарность си-

рийцев и был прославляем во всех городах и селениях: ведь не кто иной, как он, возвратил им мир и имущество. Вследствие этого он стал известен Сексту Цезарю, родственнику Цезаря Великого и наместнику Сирии. Кроме того, его слава пробудила дух дружеского соперничества в его брате Фацаэле: тот постепенно укрепил свое положение в Иерусалиме и благодаря своему характеру поддерживал в городе спокойствие, не злоупотребляя при этом безрассудно своей властью. По этой причине Антипатр почитался в народе, как если бы он был царем, и все воздавали ему почести как неоспоримому главе государства. Тем не менее его преданность и верность Гиркану остались непоколебленными.

6. Однако процветание неизбежно влечет за собой зависть, и Гиркан, хотя он и не показывал этого, был уязвлен в самое сердце славой обоих юношей. Более же всего его удручали успехи Ирода и непрерывный поток вестников, объявлявших об одной его победе за другой. Его горечь усугублялась злоречием многочисленных придворных, задетых умеренным образом жизни сыновей Антипатра: к этим троим, говорили они, незаконно перешло управление делами государства, в то время как он, Гиркан, полностью отстранен от дел и располагает только званием царя, но не царской властью. Доколе, спрашивали они, будет он столь неразумен, чтобы растить царей в ущерб себе самому? Ведь они уже не притворяются царскими наместниками, но превратились в неоспоримых глав государства и совершенно перестали считаться с ним, Гирканом; ведь Ирод казнил всех этих людей без всякого приказа, устного или письменного, с его стороны, преступив тем самым еврейский закон, и если он просто подданный, а не царь, он должен быть привлечен к суду и в присутствии царя оправдаться в нарушении отеческих законов, запрещающих предание казни без суда.

7. Эти и подобные им наущения постепенно распалили Гиркана, и, в конце концов воспылав гневом, он послал за Иродом, чтобы тот предстал перед судом. Ирод же, последовав совету отца и поощряемый собственными успехами, расставил по всей Галилее свои отряды, а сам предстал в Иерусалиме перед царем, сопровождаемый сильным отрядом – не настолько большим, чтобы его можно было заподозрить в намерении свергнуть Гиркана, но и не настолько малочисленным, чтобы выглядеть беспомощным перед лицом зависти. Однако Секст Цезарь, опасаясь, как бы юноша не попал в западню, направил Гиркану безоговорочное распоряжение снять с Ирода обвинение в убийстве, и царь, кото-

рый и без того восхищался Иродом и так или иначе собирался поступить именно таким образом, признал Ирода невиновным.

8. Полагая, что его освобождение было оскорблением для царя, Ирод удалился к Сексту в Дамаск с намерением, если он вновь будет вызван в Иерусалим, не подчиниться приказу. А злонамеренные придворные вновь принялись за свое подстрекательство, наговаривая Гиркану, что Ирод удалился в гневе и в любой час готов напасть на него. Поверивший им царь растерялся и не знал, что предпринять, так как видел превосходство своего противника. Но когда Секст Цезарь еще и назначил Ирода начальником войск в Келесирии и Самарии, так что не только преданность ему народа, но и оказавшиеся в его распоряжении силы сделали его грозным противником, Гиркан был совершенно поражен страхом и каждый миг ожидал, что Ирод во главе войска выступит против него.

9. Опасения его оправдались: в гневе от нависшей над ним во время суда угрозы Ирод выступил на Иерусалим с намерением низложить Гиркана. И он несомненно достиг бы своей цели, если бы не вмешательство его отца и брата, которые сдержали его порыв и убедили ограничить свою месть одними угрозами, пощадив царя, под властью которого он достиг такого могущества. Если он раздражен тем, что его привлекли к суду (так говорили они), ему следовало бы в то же самое время быть благодарным за свое оправдание и за то, что он был спасен в тот самый миг, когда меч нависал уже над его головой; и если правда то, что Бог решает исход войны на весах, то неправота его дела непременно перевесит его военную мощь; так что ему не стоит быть слишком уверенным в победе тогда, когда он развязывает войну со своим царем и давним другом, который так часто был его благодетелем и никогда не был с ним резок, за исключением лишь единственного случая, когда под влиянием злонамеренных советчиков попытался устрашить его тенью несправедливости. Вняв советам отца и брата, Ирод уступил, утешаясь тем, что он обеспечил свою независимость и показал народу, сколь велика его мощь.

10. Между тем Рим сотрясли события при Апамее и гражданская война. Дело в том, что Цецилий Басс из преданности Помпею предательски убил Секста Цезаря и встал во главе его войск, тогда как другие военачальники Цезаря выступили против Басса с намерением отомстить за убийство. Как ради мертвого Цезаря, так и ради живого – ведь оба были его друзьями – Антипатр послал им подкрепление во главе со своими сыновь-

ями. Пока тянулась война, из Италии в качестве преемника Секста прибыл Мурк.

XI

1. Но тут в Риме разразилась Великая война, последовавшая за предательским убийством Цезаря Кассием и Брутом; Цезарь находился у власти всего три года и семь месяцев. Это убийство повлекло за собой ужасные потрясения, и все влиятельные граждане разделились на два лагеря в зависимости от того, который из лагерей сулил каждому из них большую выгоду.

Как раз в это время в Сирию прибыл Кассий, возглавивший войска около Апамеи; он уладил ссору между Бассом и Мурком, примирил враждующие легионы и положил конец осаде Апамеи. Затем он сам встал во главе войска и повел его от города к городу, повсюду взимая подати и требуя от городов гораздо больше, чем они могли выплатить.

2. Когда же и евреям было приказано уплатить 700 талантов, то испуганный угрозами Кассия Антипатр разделил ответственность за быстрый сбор этих денег между своими сыновьями и некоторыми из приближенных, включая Малиха, одного из своих врагов, ибо необходимость толкала его на это. Первым, кто исполнил требование Кассия, был Ирод: он взыскал с Галилеи свою долю в сто талантов и заслужил горячее расположение со стороны Кассия. Других же Кассий обвинял в медлительности, а затем излил свою ярость на четыре злосчастные города – Гофну, Эммаус и два других, менее значительных: он обратил население этих городов в рабство и уже намеревался предать казни Малиха за медлительность во взыскании денег, но и смерть Малиха, и гибель других городов были предотвращены вмешательством Антипатра, умиротворившего Кассия подарком в сто талантов.

3. Малих, хотя Кассий и отступился от него, был далек от благодарности и даже замыслил заговор против того, кто так часто выступал его спасителем: ведь он горел желанием устранить Антипатра, бывшего препятствием на пути его беззаконий. Антипатр, со своей стороны, встревоженный как силой, так и хитростью этого человека, пересек Иордан с намерением сокрушить заговор. Однако пойманный с поличным Малих сумел обойти сыновей Антипатра: и Фацаэль, иерусалимский намест-

ник, и Ирод, ответственный за оружие и снаряжение, были обмануты потоком оправданий и клятв и вступились за него перед отцом. Так Малих был вторично спасен Антипатром, который отговорил тогдашнего сирийского наместника Мурка от намерения казнить Малиха как зачинщика переворота.

4. Когда юный Цезарь (Октавиан) и Антоний объявили войну Кассию и Бруту, Кассий и Мурк набрали в Сирии войска и в надежде на ценную помощь со стороны Ирода поставили его начальником над всей Сирией, снабдив пешими и конными силами. При этом Кассий обещал после победы в войне сделать его царем над Иудеей. Однако прямым следствием настоящего и будущего возвышения Ирода явилась гибель его отца Антипатра – ведь Малих из опасения перед возвышением Ирода подкупил одного из царских виночерпиев, чтобы тот дал Антипатру яду. Беззаконные замыслы увенчались успехом, и Антипатр умер по окончании пира. Он всегда выказывал силу и предприимчивость в ведении дел, и в особенности в том, что вернул Гиркана на престол и сохранил за ним царскую власть.

5. На Малиха пало подозрение в отравлении, однако он все отрицал и сумел убедить разгневанный народ в своей невиновности. Он понимал, что Ирод не примирится безропотно с происшедшим, и потому для обеспечения своей безопасности окружил себя отрядом всадников. Действительно, Ирод немедленно явился в сопровождении войска, намереваясь отомстить за смерть отца. Но так как брат Фацаэль посоветовал ему не сводить счетов в открытую, чтобы это не послужило толчком к восстанию, он пока принял объяснения Малиха, согласившись, что на том не лежат подозрения в убийстве, и с пышностью и великолепием совершил погребение Антипатра.

6. Затем он обратился к раздираемой междоусобицей Самарии, привел там дела в порядок и вместе с войском возвратился в Иерусалим, намереваясь принять участие в празднике. Однако по настоянию Малиха, которого приближение Ирода повергло в трепет, Гиркан послал ему распоряжение не вводить в город, где совершается обряд очищения, воинов чужеземного происхождения. Ирод выказал презрение как к самому предлогу, так и к тому, кто издал этот приказ, и ночью вошел в город. Малих вновь предстал перед ним и вновь оплакивал Антипатра. На хитрость Ирод отвечал хитростью, хотя и едва мог сдержать свой гнев. Он отправил Кассию, и без того уже ненавидевшему Малиха, письма, в которых оплакивал убийство своего

отца. Римлянин ответил, что он рассчитается с убийцей отца Ирода, и дал своим трибунам тайное распоряжение «помочь Ироду в справедливом деле».

7. После взятия Лаодикеи главы всех областей собрались к Кассию и вручили ему венцы и прочие дары: это и было время, выбранное Иродом для мести. Малих, со своей стороны, был полон подозрений и по прибытии в Тир собирался тайно увезти своего сына, содержавшегося там в качестве заложника, и одновременно делал приготовления для собственного бегства в Иудею. То, что надежд на спасение было мало, лишь подстегивало его: честолюбие Малиха парило высоко, и он уже видел, как, пока Кассий поглощен войной с Антонием, он ведет за собой народ на восстание против римлян и возлагает на свою голову царский венец.

8. Однако судьба и тут посмеялась над ним. Ведь Ирод, который предвидел его действия, пригласил Малиха вместе с Гирканом на пир, а сам призвал одного из прислужников и отправил его домой как бы затем, чтобы приготовить еду, но на самом деле с поручением предупредить трибунов, чтобы те выступили и устроили засаду. Хорошо помнившие распоряжения Кассия трибуны вооружились мечами и на побережье возле города внезапно напали на Малиха и зарубили его насмерть. От потрясения Гиркан лишился чувств и рухнул на землю; когда же он пришел в себя и спросил Ирода, кто убил Малиха, один из трибунов ответил: «По приказанию Кассия». – «В таком случае, – ответил Гиркан, – Кассий спас и меня, и мою страну, ибо он уничтожил недоброжелателя нас обоих». Было ли это его подлинным мнением, или же он был слишком испуган, чтобы оспаривать уже свершившееся, никогда не будет известно. Так или иначе, счеты Ирода с Малихом были наконец сведены.

XII

1. Но когда Кассий удалился из Сирии, в Иерусалиме вновь разгорелась междоусобица. Брат Малиха Гелик с войском восстал против Фацаэля, чтобы наказать Ирода через его брата и тем самым отомстить за Малиха. Когда это случилось, Ирод находился в ставке Фабия в Дамаске и, хотя и горел желанием прийти на помощь брату, не мог сделать этого из-за болезни. Тем временем Фацаэль, собственными силами одолев Гелика,

стал обвинять Гиркана в неблагодарности, так как тот оказывал помощь Гелику и даже позволил ему захватить крепости. И в самом деле, тот захватил многие из крепостей, в том числе Масаду, сильнейшую из всех.

2. Однако и он был беспомощен против силы Ирода: ведь тот, оправившись от болезни, сразу возвратил все крепости и с позором изгнал молившего о пощаде Гелика из Масады.

Вслед за этим он изгнал из Галилеи Мариона, единовластного правителя Тира, который к тому времени уже овладел тремя крепостями. Однако он пощадил всех захваченных жителей Тира, а некоторых даже отпустил с щедрыми дарами, обеспечив тем самым их расположение к себе и ненависть к своему владыке. Марион же получил свои полномочия от Кассия, который назначил правителей для каждой области. Из ненависти к Ироду Марион возвратил из изгнания сына Аристобула Антигона: в любом случае он не мог воспротивиться желанию Фабия, подкупленного Антигоном затем, чтобы тот содействовал его возвращению. Что касается расходов, их взял на себя шурин Антигона Птолемей.

3. При приближении заговорщиков к Иудее Ирод вышел им навстречу и нанес поражение. Затем он вновь отправил Антигона в изгнание и возвратился в Иерусалим, где был встречен всеобщими приветствиями по поводу своего успеха. Ведь даже те, кто прежде не был расположен к нему, изменили свое отношение, когда он благодаря своему браку породнился с Гирканом. Сначала Ирод был женат на еврейке благородного происхождения по имени Дорида, от которой у него был сын Антипатр; теперь же он вступил в брак с Мирьям, дочерью сына Аристобула Александра и внучкой Гиркана, и таким образом соединил себя с царем родственными узами.

4. После того как Кассий нашел свой конец при Филиппах, Цезарь возвратился в Италию, а Антоний – в Азию. Многочисленные города направили послов к Антонию в Вифинию; прибыли туда и влиятельные евреи, чтобы обвинить Фацаэля и Ирода в насильственном захвате власти в стране и превращении Гиркана из царя в подставное лицо. Чтобы отразить их обвинения, Ирод лично явился к Антонию и, задобрив его немалыми дарами, оказал на него такое воздействие, что тот не позволил врагам Ирода даже раскрыть рта. Пока они были принуждены молчать.

5. Позднее, однако, в Дафнэ, что возле Антиохии, прибыло посольство от евреев в составе ста человек и обратилось к Антонию, тогда уже бывшему во власти своей страсти к Клеопат-

ре. Для обвинения обоих братьев они выставили из своей среды наиболее уважаемых и красноречивых граждан; со стороны защиты отвечал Мессала, из-за родственных уз поддерживаемый Гирканом. Антоний выслушал обе стороны, а затем спросил Гиркана, которая из сторон более подходит для правления страной. Гиркан высказался в пользу Ирода и его партии, чем Антоний был чрезвычайно доволен: дело в том, что однажды, когда он вместе с Габинием вторгся в Иудею, он был гостем отца Ирода, устроившего ему поистине царский прием. Итак, Антоний назначил обоих братьев тетрархами и наделил их полномочиями по управлению всей Иудеей.

6. Это решение привело еврейских послов в такую ярость, что 15 из их среды были взяты под стражу и по приказанию Антония отправлены в тюрьму; более того, он твердо вознамерился предать их смерти. Остальных же он отослал назад, осыпав оскорблениями. Из-за этого в Иерусалиме возникло большое смятение, и в Тир, где на пути в Иерусалим остановился Антоний, было отправлено еще одно посольство, состоявшее из тысячи влиятельных граждан. В ответ на их громкие протесты Антоний выслал тирского наместника с распоряжением казнить всякого, кто попадется в его руки, чтобы тем самым укрепить полномочия назначенных им тетрархов.

7. Чтобы предупредить такое развитие событий, Ирод вместе с Гирканом вышел на берег моря и приложил все усилия, чтобы уговорить послов не навлекать на себя гибели и не ввергать страну в войну своей бессмысленной борьбой. Однако его увещеванья привели их в еще большую ярость, так что в конце концов Антоний выслал конный отряд, который убил и ранил многих из них. Гиркан позаботился, чтобы мертвые были погребены, а раненые получили надлежащий уход; это, однако, не утихомирило оставшихся в живых; они произвели в Иерусалиме такую смуту, что Антоний был просто вынужден казнить пленников.

XIII

1. Спустя два года Сирия была захвачена парфянским сатрапом Барзафарном, подданным царя Пакора. Лисаний, сын и преемник Птолемея, сына Меннея, обещал царю тысячу талантов и пятьсот наложниц, если тот возвратит Антигона из изгнания и, свергнув Гиркана, сделает его царем. Пакор принял дары и, дви-

нувшись сам вдоль берега моря, приказал Барзафарну пройти через внутреннюю область. Из приморских городов лишь один Тир не впустил Пакора, в то время как Птолемаида и Сидон открыли перед ним ворота. Затем Пакор снабдил одного из своих чашников, который носил то же имя, что и царь, конным отрядом и приказал ему скакать в Иудею, чтобы разведать расположение сил противника и оказать Антигону необходимое содействие.

2. Когда они выступили на Кармель, к Антигону отовсюду стали стекаться евреи, желавшие принять участие во вторжении. Антигон выслал их вперед захватить место под названием Дубрава; они столкнулись с неприятелем, отбили его натиск и преследовали его бегущие в беспорядке силы до самого Иерусалима, пока не скопились во множестве перед дворцом. Гиркан и Фацаэль выставили против них сильное войско, и на рыночной площади разгорелось сражение. Отряды Ирода обратили неприятеля в бегство и заперли в Храме; чтобы держать их под наблюдением, по соседним домам было расставлено 60 человек. Однако враги обоих братьев убили часовых и предали дома огню. Гибель часовых привела Ирода в такую ярость, что он предпринял ответное нападение и убил многих из горожан. Так день за днем они совершали вылазки друг против друга небольшими отрядами, и кровь лилась рекой.

3. Подошел праздник Пятидесятницы, все окрестности Храма и весь город заполнились прибывшими из деревень людьми, большинство которых было вооружено. Фацаэль охранял стену, а Ирод с небольшим отрядом обосновался во дворце. Он совершил вылазку против неприятеля, в беспорядке расположившегося в предместье, и нанес ему тяжелые потери; во время преследования одни были загнаны в город, другие – в Храм, а остальные – в укрепленный лагерь за пределами города. Тогда Антигон предложил Пакора в качестве посредника, и Фацаэль согласился открыть перед парфянином городские ворота: он впустил в город Пакора вместе с пятьюстами всадниками и радушно принял его. Пакор прибыл якобы для того, чтобы положить конец войне, на самом же деле – с намерением помочь Антигону. Он коварно убедил Фацаэля отправиться к нему и вместе с Барзафарном обсудить средства восстановления мира. Ирод, со своей стороны, делал все возможное, чтобы отговорить Фацаэля, настаивая, чтобы Фацаэль, вместо того чтобы идти в западню, убил злокозненного гостя: ведь, говорил он, никогда нельзя полагаться на слово чужеземца. Однако Фа-

цаэль все-таки отправился с Пакором, взяв с собой Гиркана. Пакор же, чтобы усыпить подозрения, оставил у Ирода часть своей конницы, тогда как другая часть сопровождала Фацаэля.

4. Прибыв в Галилею, они застали там вооруженный мятеж. Гиркан и Фацаэль были приняты сатрапом, очень тонким негодяем, окутавшим свои козни в оболочку дружественных заверений. Он преподнес им дары, а после их отбытия приготовил для них западню. Сущность заговора стала им понятной только тогда, когда они уже прибыли в один из приморских городов под названием Экдиппон. Здесь им стало известно об обещанной Пакору Антигоном тысяче талантов; о том, что большинство предназначенных Антигоном для парфянина женщин были их соплеменницами; о том, что каждую ночь за ними самими следили чужеземные отряды и что их давно бы уже схватили, если бы парфяне не намеревались сначала захватить в Иерусалиме Ирода и не боялись спугнуть его известиями об их участи. Это были уже не одни только слухи: ведь невдалеке от себя они могли уже видеть часовых!

5. Но хотя Офеллий, который узнал все подробности заговора от Сарамаллы, в то время самого богатого человека Сирии, и делал все возможное, чтобы склонить Фацаэля к побегу, ничто не могло заставить того покинуть Гиркана. Напротив, Фацаэль отправился прямо к сатрапу и открыто высказал ему все, что он думает о заговоре и о том, как низко тот пал ради денег; сам же он (так он сказал) готов заплатить за свою жизнь больше, чем заплатил Антигон за царский венец. Парфянин измыслил ловкий и правдоподобный ответ и клятвенно отрицал все подозрения Фацаэля, а сам тут же поспешил к Пакору, и по приказанию последнего часть остававшихся позади парфян немедленно схватила Фацаэля и Гиркана, горько проклинавших их за вероломство и нарушение клятвы.

6. Между тем чашник, посланный захватить Ирода, пытался для осуществления этого замысла выманить того за городские стены. Ирод, однако, и раньше относился к пришельцам с подозрением, теперь же, когда ему стало известно, что направленное к нему письмо с извещением о заговоре попало во вражеские руки, тем более отказался выйти из города. Пакор, правда, пытался доказать Ироду, что ему следует встретиться с подателями письма, которое вовсе не попало в руки неприятеля и не имеет никакого отношения к заговору, но лишь описывает деяния Фацаэля, но Ироду случайно еще раньше стало извест-

но из другого источника о похищении брата. Кроме того, его посетила дочь Гиркана Мирьям, хитроумнейшая из женщин, и умоляла не выходить из города и не доверяться чужеземцам, которые сейчас уже открыто пытаются его низвергнуть.

7. Пакор со своими людьми все еще изыскивал всевозможные бесчестные способы для выполнения своих намерений. Наконец он понял, что ему не удастся перехитрить человека столь бдительного. Ирод предупредил его и под покровом ночи выступил из города вместе с наиболее близкими людьми, намереваясь незамеченным достичь Идумеи. Узнав о бегстве, парфяне устремились в погоню; тогда Ирод отправил вперед свою мать, сестер, младшего брата и нареченную невесту с матерью, а сам со своими приближенными прикрывал их бегство стремительными нападениями, каждое из которых стоило неприятелю тяжелых потерь, так что в конце концов ему удалось совершить бросок к Масаде.

8. Во время этого бегства Ироду причиняли неприятности не столько парфяне, сколько евреи, которые все время нападали на него, а в 60 стадиях от города завязали решающее сражение, которое было очень длительным и завершилось их полным разгромом. В ознаменование этой победы Ирод впоследствии построил на этом месте город, украшенный великолепным дворцом, при возведении которого не скупились ни на какие затраты; город был защищен крепостью, мощь которой не имела себе равных, и назван им в свою честь Геродионом.

В конце бегства к Ироду ежедневно присоединялись толпы людей, так что его брат Йосеф, встретивший его в Рисе Идумейской, посоветовал ему избавиться от большинства из них, поскольку Масада никогда не смогла бы вместить такое множество (ведь их было свыше девяти тысяч). Ирод согласился и отправил тех, от кого не было никакой пользы, в различные части Идумеи, снабдив их продовольствием на время пути. Затем, сопровождаемый наиболее стойкими воинами, семьей и ближайшими друзьями, он благополучно прибыл в крепость. Оставив там для защиты женщин 800 человек и припасы, достаточные для перенесения осады, Ирод поспешил в Петру Аравийскую.

9. Между тем в Иерусалиме парфяне предались грабежу: они ворвались в дома тех, кто бежал вместе с Иродом, и во дворец, пощадив лишь деньги Гиркана, всего не более 300 талантов. Однако размеры найденного имущества не оправдали их ожиданий, ведь Ирод, давно питавший недоверие к парфянам, заранее переправил наиболее ценное из своего имущества в Идумею, и

его примеру последовали все его друзья. С окончанием грабежа поведение парфян сделалось уже совсем необузданным: они наполнили всю страну истребительной войной, стерли с лица земли город Марешу и, наконец, сделав Антигона царем, выдали ему на расправу закованных Фацаэля и Гиркана.

Когда это произошло, Гиркан бросился к ногам Антигона, и тот собственными зубами искромсал ему уши – затем, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах тот уже не мог стать первосвященником, ибо первосвященник должен обладать телесным совершенством.

10. Однако доблесть Фацаэля успела опередить Антигона. Не имея возможности пустить в ход меч или руки, Фацаэль размозжил себе голову о камень. Итак, в то время как Гиркан проявил себя низким трусом, Фацаэль доказал, что он подлинно брат Ирода, умер как достойнейший из мужей, увенчав деяния своей жизни подобающим концом. В другом изложении этого события утверждается, что его ранение не было смертельным, но что врач, посланный Антигоном якобы для ухода за ним, наполнил рану ядовитым снадобьем и таким образом прикончил его. Но, какой бы из рассказов ни был истинным, Фацаэль в любом случае достоин славы за свой подвиг. Рассказывают также, что, перед тем как испустить дух, он успел узнать от одной из женщин о бегстве Ирода. «Теперь, – прошептал он, – я умру счастливым, ибо оставляю за собой живого мстителя». Так он умер.

11. Хотя основная цель парфян – именно, женщины – и не была достигнута, они тем не менее поставили Антигона во главе всех дел в Иерусалиме, а Гиркана в оковах отвезли в Парфию.

XIV

1. Ирод же тем временем продолжал свой путь в Аравию; он полагал, что брат еще жив, и потому стремился во что бы то ни стало добиться от аравийского царя денег, без которых не было ни малейшей надежды сыграть на алчности парфян и спасти Фацаэля. Ирод рассчитывал, что даже если аравийский царь окажется слишком забывчивым, чтобы вспомнить о связывавшей его с отцом Ирода дружбе, и слишком скупым, чтобы подарить эти деньги, он сможет получить их от него в долг, оставив в залог сына того, на выкуп которого пойдут эти деньги, и потому вез с собой своего племянника, семилетнего мальчи-

ка. Кроме того, он собирался выплатить ему 300 талантов через посредников из Тира. Судьба, однако, предупредила его рвение: Фацаэль был мертв, и братские чувства Ирода ничем не могли здесь помочь. Сверх того, на этот раз он не нашел в аравийцах дружеского расположения: их царь Малку послал ему распоряжение немедленно покинуть страну под тем предлогом, что парфяне требовали изгнания Ирода из Аравии. На самом же деле Малку вознамерился не возвращать того, что он был должен Антипатру, не стыдясь за великодушие Антипатра отплатить злом его оказавшимся в беде детям. К такому бесстыдному поведению Малку подстрекали и наиболее влиятельные из его придворных, ведь и они, так же как и их царь, жаждали присвоить оставленные у них Антипатром на хранение деньги.

2. Встретив в аравийцах враждебность, вызванную той самой причиной, по которой он ожидал встретить в них самое горячее расположение, Ирод дал вестникам ответ, подсказанный его разочарованием, и повернул назад в направлении Египта. В первую ночь он разбил лагерь у одного из местных храмов, предварительно собрав оставленных им позади людей. На следующий день он продолжал путь к Ринокоруре, где наконец его настигло известие о смерти брата. Тревога о том, что могло бы случиться, уступила место скорби по поводу уже случившегося, и он продолжал свой путь. Правда, аравийский царь, охваченный запоздалым раскаянием, спешно выслал вестников, чтобы вернуть того, по отношению к которому он поступил столь несправедливо. Однако Ирод уже достиг Пелусия, где – из-за отказа бывших в гавани моряков принять его на свое судно – он вынужден был обратиться к их начальникам. Те препроводили его в Александрию, так как на них произвело впечатление и его положение, и его слава. По прибытии Ирода в город Клеопатра оказала ему роскошный прием, поскольку надеялась использовать его как военачальника в намечавшемся ею походе. Однако Ирод не уступил настойчивым просьбам царицы и, пренебрегая опасностями путешествия в разгар зимы и смутой в Италии, отплыл в Рим.

3. Он подвергся серьезной опасности у Памфилии, где ему пришлось выбросить в море большую часть груза, и с трудом достиг Родоса, которому в то время приходилось терпеть многочисленные беды из-за войны против Кассия. Там он был принят своими друзьями – Птолемеем и Сапфинием. Стесненность в средствах не помешала ему построить огромную триеру, на которой он вместе с друзьями отплыл в Брундизий. Оттуда он по-

спешил в Рим, где тотчас же обратился к Антонию как другу своего отца и рассказал ему все о несчастьях своих и своей семьи и о том, как ему пришлось оставить всех близких в осажденной крепости, а самому вынести невзгоды зимнего плавания только для того, чтобы воззвать к его, Антония, помощи.

4. Перемены в судьбе Ирода преисполнили Антония состраданием. Вспоминая гостеприимство Антипатра и исполняясь восхищением при мысли о доблестях стоящего перед ним мужа, он тут же решил, что тот, кого он однажды назначил тетрархом, теперь должен стать царем евреев. Отвращение к Антигону побуждало его к этому даже более, чем расположение к Ироду, ибо он считал Антигона подстрекателем и врагом Рима. Что касается Цезаря, то в нем Ирод обнаружил еще большую готовность к содействию, чем даже в Антонии: в памяти Цезаря еще свежи были египетские походы, в которых Антипатр участвовал вместе с отцом Цезаря, равно как и гостеприимство и непоколебимая верность Антипатра. Кроме того, Цезарь хорошо видел, до какой степени Ирод жаждет действовать.

Итак, он созвал заседание сената, куда Мессала и Атратин ввели и Ирода. Мессала подробно рассказал о заслугах перед Римом отца Ирода и о преданности его самого и со всей очевидностью доказал, что Антигон является врагом Рима – не только потому, что он и прежде ссорился с Римом, но главным образом по той причине, что сейчас он принял царский венец из рук парфян, тем самым выказав Риму свое пренебрежение. Эти разоблачения разгневали сенат, и когда Антоний, встав, напомнил, что война с парфянами является дополнительным основанием для провозглашения Ирода царем, все сенаторы проголосовали в его пользу. По окончании заседания Антоний и Цезарь вышли вместе с Иродом, который шел в середине между ними обоими. Предшествуемые консулами и другими должностными лицами, они направились совершить жертвоприношение и выставить принятое постановление на Капитолии. Этот первый день царствования Ирода Антоний отпраздновал пиром.

XV

1. В продолжение всего этого времени Антигон не переставал осаждать Масаду, защитники которой располагали в изобилии различными припасами, но испытывали недостаток в воде.

Ввиду этого брат Ирода Йосеф взвешивал возможность прорыва в Аравию вместе с двумястами своими людьми, так как ему было известно о желании Малку загладить свою вину перед Иродом. И он непременно покинул бы крепость, если бы в самую ночь выступления внезапно не полил проливной дождь. Все водохранилища наполнились до краев, и Йосеф отказался от намерения бежать. Они начали совершать вылазки против сил Антигона, то вызывая их на открытое столкновение, то завлекая в засады, и уничтожили очень многих. Разумеется, их действия не всегда увенчивались успехом: иногда они терпели поражение и были вынуждены отступать.

2. Между тем Вентидий, римский полководец, посланный из Сирии, чтобы остановить продвижение парфян, выполнил свою задачу и направился в Иудею якобы для того, чтобы оказать помощь Йосефу, на самом же деле с намерением выманить деньги у Антигона. Он разбил лагерь у самого Иерусалима, но, получив желаемые деньги, отошел, уведя с собой большую часть войска. Однако он все-таки оставил небольшие силы под началом Силона, так как опасался, что отход целого войска сделает слишком очевидным его подлинные цели. Антигон же, хотя и надеялся на продолжение помощи со стороны парфян, пока что усиленно обхаживал Силона, чтобы тот не препятствовал осуществлению его надежд.

3. Однако к тому времени Ирод уже прибыл из Италии и высадился в Птолемаиде. Он собрал внушительное войско, в которое входили как евреи, так и чужеземцы, и начал продвигаться через Галилею навстречу Антигону. Он действовал в союзе с Вентидием и Силоном, от имени Антония уполномоченных Деллием всячески способствовать возвращению Ирода. Однако Вентидий был занят наведением порядка в городах, дела которых были совершенно расстроены вследствие вторжения парфян, а подкупленный Антигоном Силон не покидал пределов Иудеи. Впрочем, Ирод не так уж и нуждался в их поддержке: по мере продвижения сила его неуклонно возрастала и за исключением нескольких мест вся Галилея перешла на его сторону.

Наиболее неотложным из дел была Масада – ведь прежде всего Ирод должен был освободить из-под осады своих близких. Но на пути к цели стояла Яффа: ее нужно было отбить у неприятеля в первую очередь, чтобы во время продвижения к Иерусалиму за спиной не оставалось вражеских укреплений. Тут к Ироду присоединился Силон, чрезвычайно довольный

тем, что у него появился предлог покинуть Иерусалим; правда, евреи устроили за ним погоню, но напавший с горстью своих людей Ирод без труда разбил их, вызволив таким образом Силона, который не смог бы отбиться без его помощи.

4. Затем Ирод взял Яффу и спешно направился к Масаде для спасения близких. Часть местных жителей стекались к нему вследствие расположения к его отцу, другие – вследствие его собственной славы, большинство же в надежде на установление прочной царской власти. Вследствие этого Ирод собрал почти непобедимое войско. Пытавшийся сдержать его продвижение Антигон устраивал на пути засады, но безуспешно: Ирод без труда освободил своих близких в Масаде и возвратил себе крепость Рису. После этого он выступил на Иерусалим, усилив свое войско людьми Силона и многими из жителей города, перебежавшими к нему из страха перед его мощью.

5. Войска Ирода, вставшие лагерем к западу от города, представляли удобную цель для стрел и копий охранявших стену отрядов; одновременно другие защитники города совершали постоянные вылазки, испытывая силу застав Ирода. Ирод начал с того, что провозгласил у каждой из стен, что его цель – благо народа и сохранение города и что он не предпримет никаких мер даже против своих явных врагов и даже своим злейшим недругам дарует прощение. Сторонники Антигона немедленно откликнулись на этот призыв тем, что запретили кому бы то ни было слушать эти воззвания или переходить на сторону врага. Тогда Ирод дал своим людям разрешение отвечать на стрельбу из бойниц, и они стали метать снаряды столь успешно, что очень скоро башни были очищены от защитников.

6. К этому времени продажность Силона сделалась очевидной. Он подбил часть своих людей поднять шум о недостаточности пайка и потребовать денег для покупки продовольствия. Кроме того, римляне настаивали на том, чтобы перейти на зимовку в другое, более подходящее место: они жаловались, что в окрестностях города невозможно ничего найти, так как все уже забрали люди Антигона. В конце концов Силон стал сворачивать лагерь как бы для того, чтобы уйти. Однако Ирод обратился к римским военачальникам и рядовым воинам с призывом не бросать в беде того, кто прибыл сюда с полномочиями от Цезаря, Антония и сената, и обещал удовлетворить их требования в тот же день. И действительно, едва успев закончить свои слова, он тут же лично отправился в глубь страны и вернулся со столь изобильными при-

пасами, что они опровергли все предлоги Силона. Для того чтобы в будущем предотвратить любую возможность недостатка в припасах, он потребовал от тех, кто живет у Самарии (ведь этот город был на его стороне), доставить ему из Иерихона зерно, масло и скот. Узнав об этом, Антигон разослал по всей стране приказы задерживать обозы с продовольствием или устраивать на них засады. Ему подчинились, и множество вооруженных людей собралось за Иерихоном и разместилось на холмах, чтобы следить за продовольственным обозом. Однако и Ирод не бездействовал: выступив с десятью когортами, пятью римскими и пятью еврейскими, с горсткой наемников и с небольшим конным отрядом, он прибыл в Иерихон, который нашел полностью оставленным жителями. Только в верхней части города оставалось 500 человек с женами и детьми. Он захватил их и тут же освободил, в то время как римляне ринулись в оставленную часть города и разграбили ее – ведь дома там оказались наполнены всевозможными ценностями. Оставив в Иерихоне гарнизон, царь вернулся назад и отправил римскую часть войска на зимовку в местности, которые уже перешли в его руки, именно Идумею, Галилею и Самарию. Антигон же, заигрывая с Антонием, убедил Силона, воспользовавшись его продажностью, разместить часть войск в Лоде.

XVI

1. В то время как римляне отдыхали и не принимали участия в сражениях, Ирод не предавался бездействию. Чтобы воспрепятствовать какой бы то ни было помощи Антигону, он с четырьмястами всадниками и двумя тысячами пеших воинов, возглавляемых его братом Йосефом, занял Идумею. Сам он в это время был занят тем, что переправлял мать и всех близких из Масады в Самарию. Разместив их там в безопасности, он отправился в Галилею, чтобы вытеснить оттуда гарнизоны Антигона и полностью завладеть этой областью.

2. С трудом, среди бури, проделав путь к Циппори, Ирод занял город без боя, так как все защитники разбежались при его приближении. Там Ирод из запасов, которые имелись в городе в изобилии, подкрепил силы своих измученных бурей воинов, а затем выступил против разбойников, живших в пещерах и опустошавших большую часть страны, приводя ее в такое состояние, в какое не привела бы даже война.

Выслав вперед к деревне Арбел три пеших отряда и один конный, сам Ирод вместе с остальным войском присоединился к ним лишь спустя 40 дней. Его прибытие, однако, не устрашило противника, выступившего навстречу, чтобы сразиться с искусством воинов и бесстрашием разбойников. В начале сражения их правое крыло нанесло поражение левому крылу Ирода. Однако Ирод поспешил на помощь и, заставив свои бегущие войска развернуться, выступил против преследовавшего их противника. Он остановил наступление, сломил сопротивление при помощи лобовых атак и в конце концов обратил противника в бегство.

3. Он преследовал разбойников до самого Иордана, нападая на протяжении всего пути и таким образом уничтожив большую их часть; оставшиеся в живых рассеялись по противоположному берегу реки. Теперь Галилея могла вздохнуть свободно. Лишь остатки разбойников укрылись в пещерах, и, чтобы справиться с ними, требовалось время.

Поэтому следующим шагом Ирода было награждение воинов плодами побед: каждый получил по 150 серебряных драхм и гораздо более крупные суммы были посланы военачальникам в различные лагеря, где они расположились на зимовку. Своему младшему брату Фероре Ирод поручил приготовить для них припасы на зиму и укрепить Александрион, и тот добросовестно выполнил оба поручения.

4. В это время Антоний жил неподалеку от Афин, и Вентидий послал за Силоном и Иродом, чтобы те, приведя в порядок дела в Иудее, приняли участие в парфянской войне. Ирод с радостью отправил Силона к Вентидию, а сам начал борьбу с разбойниками, засевшими в пещерах.

Пещеры эти выходили на крутые горные откосы и были недосягаемы со всех сторон: добраться к ним можно было только по очень извилистым, крутым и узким тропам. Перед самыми пещерами начинался крутой обрыв, переходящий в бездонное ущелье, по которому мчался бурный поток. Условия местности были столь трудны, что в течение длительного времени царь терпел поражение за поражением, пока наконец не прибег к чреватому большими опасностями плану. Именно: он приказал сделать колыбели, поместил в них наиболее стойких из воинов и начал спускать их вниз до самого входа в пещеры. Спустившись, те начали избивать разбойников вместе с семьями и подожгли внутренность пещер. Ирод желал оставить часть разбойников в живых и потому велел им выходить, однако никто из них не

желал сдаться добровольно, а из тех, кого выволакивали силой, многие предпочли смерть плену. Одного старика, отца семерых детей, дети вместе с матерью умоляли позволить им выйти и тем самым спасти свою жизнь; в ответ он приказал им выходить по одному, а сам, стоя у выхода из пещеры, собственными руками закалывал выходивших наружу сыновей одного за другим. Ирод, который со своего места очень хорошо мог видеть происходящее, был поражен в самое сердце и, протягивая к старику руку, стал умолять его пощадить собственных детей. Однако тот встретил его слова презрением и даже стал насмехаться над ним за выказанное им слабодушие, а затем, расправившись с последним из своих сыновей и убив также и жену, сбросил их тела с обрыва, а вслед за ними бросился вниз и сам.

5. Овладев теперь и пещерами, и их обитателями, Ирод оставил здесь под началом Птолемея силы, достаточные, как он считал, чтобы справиться с любым мятежом, сам же отправился обратно в Самарию с 600 всадниками и 3 тысячами пеших воинов, чтобы свести счеты с Антигоном. С его отбытием постоянные нарушители спокойствия в Галилее почувствовали себя свободно: во время внезапного нападения они убили полководца Ирода Птолемея и принялись опустошать страну, избрав своими убежищами болота и другие труднопроходимые места. Когда Ироду стало известно о мятеже, он немедленно поспешил на помощь, уничтожил множество мятежников, осадил и взял все их укрепления и в наказание за вероломство заставил города выплатить ему 100 талантов.

6. К этому времени парфяне были уже изгнаны, а Пакор убит. Вследствие этого Вентидий смог, по предложению Антония, выслать Ироду подкрепление в его войне с Антигоном – всего два легиона и тысячу всадников. Одновременно их начальник Махера получал от Антигона письма с мольбами о немедленной помощи и с горькими сетованиями на то, что в борьбе с его подданными Ирод прибегает к любым средствам. Сверх всего, он обещал Махере щедро оплатить его услуги. Махера, однако, не был готов к неподчинению своим начальникам, тем более что Ирод предлагал ему больше. Поэтому он не захотел стать изменником и, приняв на себя только видимость дружбы, отправился, не посчитавшись с предостережениями Ирода, разведать положение Антигона. Однако догадавшийся о его замысле Антигон закрыл перед ним ворота города и принялся обстреливать Махеру со стен как неприятеля, до тех пор пока удручен-

ный полководец не возвратился к Ироду в Эммаус. Неудача привела его в такую ярость, что он убивал всех попадавшихся на его пути евреев, не пощадив даже сторонников Ирода, так как в каждом еврее видел союзника Антигона.

7. Его действия привели Ирода в такой гнев, что он едва не выступил против Махеры как против неприятеля, однако в конце концов укротил свою ярость и направился в лагерь к Антонию, чтобы доложить тому о возмутительном поведении его подчиненного.

Осознавший свою ошибку Махера поспешил догнать царя и своими униженными просьбами смягчил его гнев. Тем не менее Ирод продолжал свой путь, а когда до него дошли известия, что Антоний ведет наступление на Самосату, хорошо укрепленный город вблизи Евфрата, он еще и ускорил продвижение, так как увидел великолепную возможность проявить доблесть и сделать Антония своим должником. Расчеты оправдались: его прибытие положило конец осаде, он поразил великое множество воинов неприятеля и захватил богатую добычу. Вследствие этого прежнее восхищение Антония его доблестью еще более возросло, и он осыпал Ирода новыми почестями, еще раз подтвердив его надежды на престол. Царь же Антиох был вынужден сдать Самосату.

XVII

1. В это же время в Иудее судьба нанесла Ироду тяжелый удар. Он оставил там своего брата Йосефа. Хотя Ирод и наделил его всеми полномочиями, но не велел до своего возвращения предпринимать никаких действий против Антигона: ведь он понимал, что поведение Махеры свидетельствует о ненадежности его как союзника. Однако как только Йосефу стало известно, что брат уже далеко, он, вопреки распоряжению Ирода, с пятью предоставленными ему Махерой когортами выступил к Иерихону. Однако он вышел собирать урожай в середине лета: в гористой и труднопроходимой местности противник внезапно напал на него, убив и его самого (хоть он и проявил себя доблестным воином), и всех бывших с ним римлян. Ведь это были новые когорты, лишь недавно набранные в Сирии и еще не укрепленные опытными воинами, которые бы подняли дух новобранцев.

2. Не насытившись победой, Антигон в своем неистовстве дошел до того что изуродовал труп Йосефа. Несмотря на то что Ферора предлагал ему выкупить тело за 50 талантов, он, завладев телами убитых, отрезал голову Йосефа. За победой Антигона последовал переворот в Галилее, где мятежники приволокли наиболее видных сторонников Ирода к озеру и утопили их. Также и многие части Идумеи перешли на сторону Антигона, хотя там и находился Махера, занятый восстановлением крепости под названием Гитта.

Однако вести о случившемся еще не достигли Ирода. После падения Самосаты Антоний назначил правителем Сирии Сосия, предписав ему содействовать Ироду в борьбе против Антигона; сам же Антоний возвратился в Египет. В соответствии с распоряжением Сосий выслал вперед два легиона, чтобы укрепить силы Ирода в Сирии, а сам следовал за ним с основной частью своего войска.

3. Но когда Ирод находился в Дафнэ, что вблизи Антиохии, он увидел сон, явственно извещавший его о смерти брата. И в тот самый миг, когда он в тревоге вскочил с постели, к нему вошли вестники с сообщением о несчастье. Ирод лишь на краткий миг дал выход своему горю и, отложив проявление скорби на будущее, устремился с превосходящей пределы возможного быстротой в направлении врага. Прибыв в Ливан, он усилил войско восемьюстами горцами и присоединил к себе еще один римский легион. Не дожидаясь рассвета, он повел объединенные силы в Галилею, где был встречен неприятелем. Он отбросил его на исходные рубежи и начал неослабный натиск на укрепления. Но Ирод не успел их взять, так как необыкновенной силы буря вынудила его искать укрытия в близлежащей деревне. Когда же несколькими днями спустя к Ироду присоединился еще один посланный Антонием легион, многочисленность его войска испугала врагов, и под покровом ночи они покинули крепость.

4. Затем Ирод прошел через Иерихон, горя решимостью как можно скорее отомстить за смерть брата. Здесь он благодаря воле провидения самым удивительным и чудесным образом избежал гибели, что снискало ему славу любимца небес. Дело обстояло следующим образом. Вечером он обедал вместе с многими из местных должностных лиц, а когда пир закончился и все вышли, здание тут же обрушилось. Истолковав это событие в качестве предзнаменования как грядущих опасностей, так и того, что он выйдет из них невредимым, Ирод выступил на рассвете вместе

со своим войском. Около шести тысяч воинов противника бросились на них с холмов и завязали бой с передовым отрядом; поскольку у них не было большого желания встретиться с римлянами в рукопашном бою, они забрасывали их издали камнями и дротиками и ранили многих, в том числе и самого Ирода, который, когда проезжал мимо них, был ранен дротиком в бок.

5. Антигон хотел создать впечатление, что его люди превосходят противника не только храбростью, но и числом. Потому он послал в Самарию войска под началом одного из своих союзников Паппа: они должны были противостоять силам Махеры. Ирод, со своей стороны, опустошил вражескую область, подчинил пять маленьких городов, поджег в них дома и после этого вернулся в свой лагерь вблизи деревни Кана.

6. Из Иерихона и других мест к нему непрерывным потоком стекались евреи: одни из ненависти к Антигону, другие – под впечатлением успехов Ирода, но большинство – из непостижимой жажды перемен. Ирод горел желанием сразиться, и Папп, со своей стороны, отнюдь не потерял уверенности перед лицом численного превосходства противника и боевого пыла Ирода и с готовностью шел ему навстречу. Когда они наконец сошлись, большинство воинов Паппа стояло очень твердо; но Ирод, который ни на миг не забывал об убитом брате и был готов подвергнуться любой опасности, лишь бы отомстить убийцам, очень скоро разбил стоявшие перед ним отряды, а затем повел наступление на остальные, до сих пор еще державшиеся, пока наконец все войско Паппа не обратилось в бегство. За этим последовала страшная резня, так как неприятель возвращался в деревню, из которой он перед этим выступил в сражение, а Ирод, преследуя его, безжалостно истреблял замыкающих и так убил больше врагов, чем можно было сосчитать. Вместе с неприятелем он ворвался в деревню, где каждый дом был полон вооруженными людьми, а на крышах толпились защитники, бросавшие вниз камни. Сначала Ирод разгромил находившихся снаружи, а затем разметал дома и вытащил оставшихся внутри. Большинство защитников он сбросил с крыш, уничтожив таким образом великое множество врагов, а тех, кто выбирался из-под развалин, встречали воины Ирода с мечом в руках, и столь велики были груды трупов, что победители не могли пройти по улицам.

Удар был слишком силен, чтобы противник мог оправиться, и при виде разрушения деревни те, кто вновь собрался после сражения, разбежались в разные стороны. Воодушевленный

победой Ирод немедленно выступил бы на Иерусалим, если бы не был остановлен страшной бурей. Это обстоятельство лишило его венца победы и предотвратило окончательный разгром Антигона, который уже готовился оставить город.

7. Вечером Ирод распустил своих усталых товарищей на отдых, а сам, еще разгоряченный после сражения, снял с себя доспехи и в сопровождении одного раба отправился, как и подобает воину, в баню. Он уже стоял на пороге, как вдруг перед ним появился воин неприятеля с мечом в руке, за ним – другой и третий, затем еще. Это были воины, бежавшие с поля сражения и спрятавшиеся, при полном вооружении, в бане. Некоторое время они скрывались там, не замеченные никем, но при виде царя потеряли голову и, выскочив прямо на него, совершенно безоружного, вне себя от страха бросились к выходу. Случилось так, что при этом не оказалось никого, кто мог бы их схватить, а Ирод был доволен уже тем, что избег опасности, так что всем им удалось бежать.

8. На следующий день Ирод отрезал голову погибшего в сражении полководца Антигона Паппа и отослал ее своему брату Фероре в качестве возмещения за убийство брата: ведь именно Папп был тем, кто убил Йосефа. Когда буря утихла, Ирод двинулся на Иерусалим, подойдя с войском под самые стены города. Шел уже третий год с тех пор, как он был провозглашен в Риме царем. Он разбил лагерь напротив Храма, так как именно с этой стороны было удобнее всего производить нападение, и именно отсюда Помпей в свое время взял город. Он распределил обязанности между своими войсками, затем очистил окрестности города от деревьев и приказал соорудить три искусственные насыпи и поставить на них башни. Затем, оставив наиболее сведущих из своих подчиненных наблюдать за работой, он отправился в Самарию за дочерью Александра, с которой, как упоминалось выше, обещал вступить в брак. Он совместил бракосочетание с осадой, так как уже не принимал врага всерьез.

9. После заключения брака Ирод возвратился к Иерусалиму, причем войско его усилилось еще более, так как к нему присоединился Сосий, ведший за собой большие как конные, так и пешие силы. Сосий отправил это войско вперед через внутреннюю область, в то время как сам он двигался через Финикию. Объединенные силы Ирода включали в себя 11 пеших соединений и 6 тысяч всадников, не считая сирийских наемников, представляющих собой значительное подкрепление. Они разбили совместный

лагерь у северной стены города; при этом Ирод опирался на постановление сената о назначении его царем, а Сосий – на решение Антония послать подчиненные ему войска на помощь Ироду.

XVIII

1. На евреев в городе приготовления Ирода оказали различное воздействие. Более слабые духом столпились вокруг Храма и вели себя так, как если бы на них снизошло божественное вдохновение, что породило множество подходящих к случаю пророчеств. Но более отважные собирались в отряды и предпринимали различного рода вылазки, в первую очередь с целью захватить имевшиеся в окрестностях города припасы, и не оставляли после себя ничего ни для людей, ни для животных. Наиболее обученные из защитников города были собраны в отряды для оказания сопротивления осаждающим: они с валов препятствовали наведению насыпей и противопоставляли осадным сооружениям целый ряд новых приспособлений. Однако ни в чем они так не превзошли врага, как в проведении подкопов.

2. Царь отвечал на их вылазки изобретением всевозможных засад, которые в конце концов покончили с этими вылазками. Недостаток же продовольствия Ирод возместил тем, что привез припасы издалека; кроме того, он превосходил врага в том, что использовал военное искусство римлян. Правда, храбрость его противников была поразительна. Среди бела дня они бросались на ряды римлян, идя на верную смерть; проходя своими подземными ходами, они вдруг появлялись в самой гуще Иродова войска; как только какой-либо участок стены бывал разрушен осаждающими, они тут же возводили на его месте новую стену, – короче говоря, ни их руки, ни их разум не выказывали ни малейшего признака утомления, и они были преисполнены решимости держаться до последнего. И в самом деле, несмотря на численное превосходство осаждающих, им удалось продержаться более четырех месяцев.

Однако в конце концов ударным отрядам Ирода удалось взобраться на стену и проникнуть в город. За ними последовали центурионы Сосия. Первыми были захвачены окрестности Храма; затем ворвалось остальное войско, и началась ужасающая резня, так как римляне были раздражены длительностью осады, а еврейские войска Ирода были полны решимости не оставлять

в живых никого из врагов. И их убивали тысячами – укрывшихся в домах, толпящихся на улицах, спасающихся бегством в направлении Храма, и не было пощады ни старикам, ни детям, ни беззащитным женщинам. И хотя царь и рассылал повсюду вестников с просьбами различать между жертвами, даже это не могло сдержать убийства, и победители, словно одержимые, выплескивали свою ярость на всякого, вне зависимости от возраста.

Тут Антигон, не считаясь ни со своим прошлым, ни со своим нынешним положением, вышел из дворца и упал к ногам Сосия. Но римлянин, совершенно не тронутый переменой в его судьбе, лишь разразился смехом и обозвал его «Антигоной». Тем не менее он не отпустил его, как отпускают женщин, но заключил в оковы и поместил под стражу.

3. Перед Иродом, после того как он одолел врага, встала задача одолеть также своих иноземных союзников, ибо толпы чужестранцев были исполнены решимости взглянуть на Храм и хранящиеся внутри него священные предметы. К одним он обращался с мольбой, другим угрожал, а некоторых даже удерживал силой оружия, ибо понимал, что если кто-то из них бросит взгляд на сокровенные святыни, то победа его будет хуже любого поражения. Одновременно он прекратил в городе все грабежи, добившись этого ценой резкого выговора Сосию. Он сказал, что если римляне очистят город от денег и от людей, то они оставят его царем над пустыней и что даже мировое владычество было бы неполноценным возмещением за убийство такого количества граждан. Когда же Сосий стал настаивать на том, что после столь тяжелой осады справедливость требует позволить его людям грабеж, Ирод начал раздавать войскам награды из собственных средств. Выкупив таким образом то, что еще можно было спасти, Ирод выполнил свое обещание: он щедро вознаградил каждого из рядовых воинов, соразмерно заплатил военачальникам, а самого Сосия одарил поистине по-царски, так что во всем войске не осталось никого, кто бы испытывал недостаток в деньгах.

Сосий расстался с Иерусалимом, посвятив Богу золотой венец и увезя с собой закованного Антигона, которого он намеревался передать Антонию. Низвергнутый правитель цеплялся за жизнь до самого конца, хотя не имел ни малейшей надежды на спасение, и умер, как того и заслуживает подобный трус, – на плахе.

4. Царь Ирод, со своей стороны, отнесся к жителям города по-разному: тех, кто принял его сторону, он осыпал почес-

тями, еще более увеличив их преданность, сторонников же Антигона казнил.

Поскольку денег у него сейчас оставалось немного, он обратил все свои сокровища в наличные и послал деньги Антонию и его приближенным. Однако и таким образом он не смог откупиться от всех бед, ибо страсть к Клеопатре совершенно погубила Антония и он весь был под властью этой страсти. Клеопатра же между тем уже успела расправиться со всеми своими близкими, так что ни одного из ее родственников уже не было в живых, и жаждала теперь крови чужеземцев. Она оговаривала перед Антонием правителей Сирии и побуждала его предать их казни, надеясь таким образом без труда завладеть всем их имуществом. Она простерла свою алчность даже на евреев и аравийцев и предпринимала тайные действия, чтобы добиться смерти их царей – Малку и Ирода.

5. Правда, у Антония достало здравомыслия, чтобы понять, что первая часть ее требования – убийство достойных людей и знаменитых царей – просто нечестива, однако он поразил этих людей в самое сердце тем, что лишил их своей дружбы. Он отрезал значительную часть их земель, включая пальмовую рощу под Иерихоном, где производился бальзам, и подарил их царице вместе со всеми городами, что по сю сторону реки Элевтер, за исключением одних только Тира и Сидона. Став владычицей этих земель, Клеопатра сопровождала Антония в парфянском походе до самого Евфрата, а затем через Апамею и Дамаск прибыла в Иудею. Ирод смягчил ее враждебность ценными дарами и взял у нее в аренду за 200 талантов в год земли, отторгнутые от его царства. Затем он сопровождал ее на протяжении всего пути до Пелусия, оказывая ей всяческое внимание. Незадолго до того из Парфии прибыл Антоний, привезший с собой в подарок Клеопатре пленника – Артабаза, сына Тиграна, и вручил ей злосчастного парфянина вместе с деньгами и всею добычей.

XIX

1. Когда разразилась война, закончившаяся битвой при Акции, Ирод готовился принять в ней участие на стороне Антония. К этому времени он уже успел усмирить все волнения в Иудее и захватил Гирканию – крепость, до сих пор находившуюся в руках сестры Антигона. Однако хитрые замыслы Клеопатры не

позволили ему разделить выпавшие на долю Антония невзгоды. Как уже упоминалось, она строила козни против царей и сейчас убедила Антония поручить Ироду войну с аравийцами. Она рассчитывала в случае победы Ирода стать владычицей Аравии, в случае же его поражения – владычицей Иудеи, использовав одного властителя для того, чтобы избавиться от другого.

2. Однако не кто иной, как Ирод, выиграл от ее заговора. Он начал войну с набегов на земли неприятеля, а затем, собрав большое конное войско, послал его в сражение близ Диосполя, где одержал победу, несмотря на отчаянное сопротивление противника.

Поражение побудило аравийцев к лихорадочной деятельности: у Кнаты в Келесирии они собрали огромное войско и стали ожидать евреев. Прибывший со своим войском Ирод приказал сначала укрепить лагерь, так как он старался вести войну с большой осмотрительностью. Его воины, однако, ослушались приказания и, будучи воодушевлены прежним успехом, напали на аравийцев, разбили их при первом же столкновении и стали преследовать. Однако во время этого преследования Ирод стал жертвой измены. Один из полководцев Клеопатры, Афиней, и прежде постоянно выказывавший враждебность по отношению к Ироду, теперь выставил против него жителей Кнаты. Их внезапное нападение подняло дух аравийцев, и они, развернувшись в скалистой и труднопроходимой местности, объединенными силами разбили войско Ирода, положив великое множество его людей. Те, кому удалось спастись бегством после сражения, пытались укрыться в Ормизе, однако аравийцы окружили их лагерь и взяли его вместе со всеми защитниками.

3. Вскоре после этого разгрома Ирод подвел подкрепления, но было уже поздно. Ответственность за поражение лежала на подчиненных, ослушавшихся его приказа: ведь если бы сражение не было начато преждевременно, Афиней не смог бы совершить измену. Позднее Ирод все же рассчитался с аравийцами: он совершал постоянные набеги на их земли, так что они часто имели повод вспоминать о своей единственной победе.

Однако в то время, как Ирод сводил счеты с аравийцами, на него обрушилось новое несчастье – Божья кара, поразившая страну на седьмом году его царствования и в разгар Актийской войны. Именно: в начале весны произошло землетрясение, погубившее 30 тысяч человек и бессчетное множество скота. Однако войско не пострадало, так как оно находилось в лагере на

открытом месте. Слухи, которые всегда представляют бедствия более тяжкими, чем на самом деле, подстрекнули самонадеянность аравийцев. Будучи убеждены, что вся Иудея лежит в развалинах и что опустошенная земля отдана на их произвол, они, предварительно принеся в жертву недавно прибывших из Иудеи послов, вторглись в страну. Это вторжение совершенно лишило присутствия духа народ, и без того сломленный чередой ужасных несчастий. Тогда Ирод собрал народ и в попытке поднять его дух обратился к нему со следующими словами:

4. «Совершенно очевидно, что нет никакой причины до такой степени предаваться страху, ибо, в то время как вполне естественно пасть духом вследствие божественного вмешательства, потерять голову из-за вторжения людей – не что иное, как малодушие. Что касается меня самого, то я до такой степени далек от того, чтобы испугаться прихода врагов после землетрясения, что даже склонен приписывать это божественному вмешательству, направленному на то, чтобы заманить аравийцев в ловушку и заставить их расплатиться за все причиненное нам. Ведь не столько их собственная военная сила или искусство, сколько наши случайные несчастья вселили в них уверенность и побудили явиться сюда. Но плоха та надежда, которая основывается не на собственных способностях, но на чужих несчастьях! Ведь никто не может рассчитывать на то, что удача или неудача будут длиться вечно, ибо каждому известно, сколь непостоянна судьба. За примерами для подтверждения этих слов не нужно ходить далеко. Вы победили в первом сражении, они во втором; сейчас, когда они рассчитывают на победу, они непременно потерпят поражение. Лишь самоуверенного застают врасплох, но всегда настороже тот, кто чувствует опасность, и потому ваши страхи лишь придают мне больше уверенности. Ведь когда вы были чрезмерно уверены в себе и против моего желания выступили против врага, Афиней улучил случай и расправился с вами. Сейчас же, когда вы полны нерешительности и выглядите удрученными, я совершенно уверен в победе. Именно так вы и должны себя чувствовать в ожидании надвигающихся событий – но когда придет время, ваш дух пробудится и вы покажете этим нечестивцам, что ни Божий, ни человеческий удар не в состоянии сломить доблесть евреев и что, пока в них теплится жизнь, никто из них не потерпит, чтобы его имуществом завладел аравиец, который много раз в прошлом лишь случайно не стал его пленником.

Наконец, пусть вас не смущают сотрясения неодушевленных тел, ибо не следует думать, что землетрясение является предзнаменованием новых грядущих бедствий. Ведь эти волнения природных элементов вполне естественны и помимо самого непосредственного ущерба не причиняют никакого дополнительного вреда. Возможно, что чума, голод и сотрясения земли и могут быть предсказаны на основании каких-то едва заметных признаков, но приносимые ими действительные бедствия сами по себе слишком велики, чтобы еще и простираться за свои собственные пределы. Неужели вы думаете, что мы можем претерпеть страдания более тяжелые, чем те, что нам пришлось претерпеть при землетрясении, даже в том случае, если мы проиграем войну? Наши враги – вот кто получил самое явственное предупреждение о надвигающемся крахе, и предупреждение это исходит не от какого-либо явления природы и не от чьих-либо действий, но от их собственной нечистой совести. Ведь в нарушение общего для всех людей закона они, словно дикие звери, умертвили наших послов: таковы-то жертвы, принесенные ими Богу, чтобы Бог встал на их сторону! Но им не укрыться от Его всевидящего ока и Его необоримой десницы, и скоро, скоро мы расквитаемся с ними, если только выкажем хотя бы малую долю того духа, которым располагали наши отцы, и поднимемся, чтобы по заслугам воздать этим нарушителям договоров.

Итак, пусть каждый из вас поднимет оружие и сразится не за жену, не за детей, не за отечество, которому угрожает опасность, но за наших убитых послов! Они, мертвые, будут для нас лучшими полководцами, чем кто бы то ни было из живущих. Я же, со своей стороны, если только вы будете подчиняться моим распоряжениям, выступлю впереди вас, и кто, как не вы сами, должен знать, что если только на вашем пути не встанет ваша собственная опрометчивость, то ничто не сможет противостоять вашей храбрости».

5. Подняв этой речью дух своих воинов и видя их боевую готовность, Ирод принес жертвы, после чего немедленно переправился с войсками через Иордан. Он разбил лагерь около Филадельфии, в непосредственной близости от врага, и немедленно начал боевые действия за овладение разделявшей оба войска крепостью, так как горел желанием как можно скорее сразиться с противником. Оказалось, что противник выслал вперед отряд для захвата этого укрепления, но люди Ирода стремительно отбросили врага и заняли холм. Затем Ирод начал ежедневно вы-

водить войска и выстраивать в боевом порядке, вызывая аравийцев на сражение. Никто, однако, не выступал против него, ибо аравийцы были охвачены страхом, а их полководец Эльтем из-за поразившего его ужаса в еще большей степени, чем рядовые воины, потерял способность действовать. Тогда Ирод подступил к стене и начал разрушать ее. Так как в ответ на это аравийцы были вынуждены что-то предпринять, они выступили против евреев в таком, однако, беспорядке, что их конница была перемешана с пехотой. Они превосходили евреев численностью, но в воодушевлении не могли сравниться с ними, хотя отчаяние и толкало их на безоглядную храбрость.

6. Вначале, пока они оставались на месте, потери их были невелики, но, как только они обратились в бегство, многие были убиты евреями и многие затоптаны насмерть собственными товарищами. При разгроме погибло 5 тысяч человек; те же, кто остался в живых, не теряя времени, собрались в свое укрепление. Тогда Ирод окружил их и начал осаду, и он непременно взял бы крепость приступом, если бы недостаток воды не заставил аравийцев выслать послов. Но Ирод с презрением отправил их назад, а предложенные ими 500 талантов только побудили его усилить натиск. Изнемогавшие от жажды осажденные выходили толпами и сдавались Ироду, так что спустя пять дней уже 4 тысячи аравийцев находились в плену у евреев. На следующий день оставшиеся, будучи охвачены отчаянием, решили дать сражение. Ирод вступил с ними в бой и убил более семи тысяч людей неприятеля. Этим сокрушительным ударом он свел счеты с Аравией и до такой степени сломил гордыню этого народа, что они признали его своим покровителем.

XX

1. Но не успел Ирод справиться с этими трудностями, как все его будущее было брошено на чашу весов из-за дружбы с Антонием, разбитым Цезарем при Акции. На самом деле Ирод причинял большее беспокойство Цезарю, нежели испытывал сам, ибо, пока Ирод оставался союзником Антония, Цезарь не мог быть уверен, что с Антонием покончено навсегда. Ирод решился выйти навстречу опасности: он отплыл на Родос, где в это время находился Цезарь, и стал искать встречи с ним. Он предстал перед Цезарем без венца и в простом платье, внешним видом упо-

добившись заурядному человеку, но обнаруживая величие царя. Он не скрыл ничего и стал говорить с Цезарем напрямик:

«Не кто иной, как Антоний, возвел меня на престол, и я открыто признаю, Цезарь, что я воздал ему за это всеми возможными услугами. Я без колебаний заявляю, что несомненно воевал бы против тебя на стороне Антония, если бы этого не предотвратили аравийцы. Тем не менее я послал ему все подкрепление, какое мог послать, и много тысяч мешков зерна. И даже после его поражения при Акции я не оставил своего благодетеля: поскольку посылать ему войска больше не имело смысла, я дал ему лучший из всех возможных советов, именно: я сказал ему, что есть только один способ избавиться от его несчастий, и это смерть Клеопатры. Я обещал ему деньги, стены для защиты, войско и мое деятельное участие в войне с тобою – если бы только он убил ее. Но безумная страсть к Клеопатре и Бог, даровавший победу тебе, сделали его глухим к моим призывам. Я потерпел поражение вместе с Антонием, и его падение заставляет меня положить царский венец к твоим ногам. Я пришел к тебе, уповая на то, что мое безупречное поведение будет залогом моей безопасности, и веря, что ты захочешь удостовериться не в том, чьим другом, а в том, каким именно другом я был».

2. На это Цезарь ответил ему следующее: «Ты в полной безопасности, и престол сегодня принадлежит тебе более, чем когда бы то ни было. Ведь ты, выказавший такую верность по отношению к другу, заслуживаешь того, чтобы управлять многочисленными подданными. Постарайся теперь быть столь же верным тем, на чью долю выпала удача. Я же предсказываю блестящее будущее тому, дух которого столь высок. Очень хорошо, что Антоний слушал не тебя, а Клеопатру, ведь благодаря его безрассудству мы приобрели тебя. Как кажется, я уже в долгу перед тобой, ибо Квинт Дидий сообщает мне, что ты послал войска, чтобы помочь ему справиться с гладиаторами. И я немедленно издаю указ, провозглашающий твое неоспоримое право на престол. Также и в будущем я буду стараться выказывать тебе благоволение, так что ты ничего не потеряешь с потерей Антония».

3. Обратившись к царю со столь благосклонными словами, Цезарь возложил ему на голову венец, а затем издал указ, которым объявлял о своем решении и где выражал свое высокое мнение о том, кому он столь великодушно даровал свою милость. Ирод же, смягчив Цезаря дарами, попытался вступиться за Алексу, друга Антония, просившего о милосердии. Однако

гнев Цезаря не терпел противодействия, и он сурово разбранил Ирода за его заступничество.

Когда позднее Цезарь по дороге в Египет посетил Сирию, Ирод впервые принимал его со всем царским великолепием, ехал рядом с ним, когда тот объезжал свои войска около Птолемаиды, и устроил для него и всей его свиты пир, сопровождавшийся, кроме того, и щедрым угощением для всего остального войска. Наконец, он позаботился, чтобы отряды Цезаря, которые должны были пройти пустыней к Пелусию и обратно, в изобилии снабжались водой и не нуждались ни в чем. У Цезаря и его приближенных сама собой возникла мысль о несоразмерности величины царства Ирода его щедрости. Поэтому по прибытии Цезаря в Египет (Клеопатры и Антония к тому времени уже не было в живых) он осыпал Ирода почестями и присоединил к его царству отторгнутые Клеопатрой области. Сверх того, он пожаловал ему еще и Гадер, Гиппон и Самарию вместе с прибрежными городами – Газой, Анфедоном, Яффой и Стратоновой Башней. Наконец, он подарил Ироду 400 галлов, бывших телохранителей Клеопатры, ставших теперь телохранителями Ирода. Причиной этого великодушия было не что иное, как щедрость того, на кого оно изливалось.

4. По прошествии первой Актиады Цезарь добавил к царству Ирода Трахон, прилегающий к нему Башан и Хавран. Вот как это произошло. Земли Лисания арендовал некий Зенодор, который все время посылал из Трахона в Дамаск разбойников. Жители Дамаска стали искать зашиты у Варрона, правителя Сирии, и умоляли его довести жалобы об их плачевном положении до сведения Цезаря. В ответ Цезарь распорядился уничтожить это разбойничье гнездо, и Варрон, собрав свои войска, очистил местность от негодяев и лишил Зенодора права владения этими землями. Но чтобы эта область больше никогда не смогла стать источником нападений на Дамаск, Цезарь позднее передал ее Ироду. Когда же спустя 10 лет он вторично посетил эту провинцию, он сделал Ирода прокуратором всей Сирии с правом отменять решения других прокураторов. А после смерти Зенодора Ирод получил также и всю область между Трахоном и Галилеей. Еще больше говорит об Ироде то, что по степени расположения к нему со стороны Цезаря он уступал лишь Агриппе, а ведь Агриппа стоял ниже одного лишь Цезаря.

Начиная с этого времени Ирод поднялся до самых вершин процветания. Одновременно возрастали его добродетели, а его несравненная щедрость не знала границ в делах благочестия.

XXI

1. На 15-м году своего правления он заново отстроил Храм, вдвое увеличив его площадь, при этом он не считался ни с какими расходами и достиг несравненного великолепия. В особенности это проявилось в больших колоннадах, полностью охвативших Храм и возвышающуюся над ним с севера крепость. Колоннады были полностью построены заново, что же касается крепости, то на ее перестройку Ирод затратил огромные средства: по роскоши она не уступала дворцу и была названа в честь Антония Антонией. Дворец самого Ирода был возведен в Верхнем Городе: он состоял из двух выделявшихся как размерами, так и красотой строений, по сравнению с которыми даже Храм выглядел невзрачным. Эти строения были названы Иродом в честь его друзей – Кесарион и Агриппион.

2. Однако их память была увековечена Иродом не в одних только строениях, ведь его честолюбивая щедрость распространялась на целые города! Так, в Самарии он обнес построенный им город великолепной стеной длиной в 20 стадиев и поселил в нем 6 тысяч жителей, каждый из которых был щедро наделен землей; посреди города им был воздвигнут огромный храм Цезарю с священным участком вокруг него длиной в полтора стадия. Он дал городу имя Себастия и наделил жителей особыми привилегиями.

3. А некоторое время спустя, когда Цезарь даровал ему новые земли, он и там, в месте под названием Панейон, что у истоков Иордана, воздвиг храм из белого мрамора и посвятил его своему покровителю. В местности этой находится гора, вершина которой скрывается за облаками, а ниже по склону этой горы расположена пещера, выход из которой скрыт растительностью; внутри же пещеры – отвесный обрыв, глубина которого не известна никому: он заполнен стоячей водой, и ни один отвес еще не достиг дна этой впадины, какой бы длины ни была веревка. У подножия пещеры бьют источники, которые иные считают истоками Иордана. Точное изложение этого будет дано ниже.

4. А в Иерихоне между крепостью Кипра и зданием дворца он построил другие дворцы, лучшие и более удобные, назвав их в честь некоторых из своих друзей. В самом деле, я не могу припомнить во всем его царстве ни одного подходящего для этой цели места, где бы Ирод ни отдал дань почитания Цезарю. А после того как его собственная страна была уже полна его

приношениями Цезарю, он распространил их на всю провинцию, воздвигая Кесарию в одном городе за другим.

5. Ирод обратил внимание на город Стратонова Башня, расположенный на берегу моря. Город находился в упадке, однако его великолепное местоположение давало возможность щедрости Ирода извлечь из него пользу для себя. Он заново отстроил этот город из известкового камня и украсил его дворцом несравненной роскоши, и ни в каком другом месте величие его духа не выразило себя с такой полнотой.

Город лежит в середине пути между Дором и Яффой. До сих пор на всем этом берегу не было гавани, и всякий плывущий вдоль финикийского берега в направлении Египта должен был плыть в открытом море под постоянной угрозой юго-западного ветра, и ветер этот, даже если он не очень силен, гонит на скалы волны такой величины, что, когда они откатываются от берега, все море далеко вокруг страшно бурлит. Однако щедрость и честолюбие царя оказались сильнее природы, и он построил гавань, размерами своими превышающую Пирей, с глубокими рейдами в бухтах.

6. Место было чрезвычайно неудобным для строительства, но Ирод столь победоносно преодолел все трудности, что море не могло оказать никакого воздействия на мощное сооружение, в красоте которого вместе с тем не было ни малейшего намека на преодоление препятствия.

Сначала он отмерил упомянутую площадь для гавани, а затем опустил в море на глубину в 20 саженей каменные глыбы, самые большие из которых были 50 футов в длину, 9 в глубину и 10 в ширину, а некоторые даже и больше. Когда основание поднялось до уровня воды, он возвел над ним дамбу шириной в 200 футов: половина дамбы предназначалась для того, чтобы разбивать силу волн, и потому называлась Волнорез, а другая половина поддерживала идущую кругом каменную стену. Вдоль стены были размещены мощные башни, самая заметная и красивая из которых называлась в честь пасынка Цезаря – Друзион.

7. Был там и ряд арочных бухт, где могли сойти на берег прибывшие в порт моряки, а перед бухтами – круговой каменный вал, образующий широкий проход для тех, кто сходит с кораблей. Гавань была обращена к северу, так как в этой местности северные ветры самые мягкие, а при входе в нее с обеих сторон возвышались по три колоссальные статуи, поднятые на колонны. Те из них, что были по левую руку от входящих в гавань

кораблей, поддерживались мощной башней, а те, что по правую, – двумя скрепленными вместе и поставленными вертикально камнями, так что они были даже выше, чем башня на противоположной стороне. К гавани примыкали дома, также из известкового камня, и все городские улицы были расположены на равном расстоянии одна от другой и выходили к гавани. На лежащей прямо против входа в гавань возвышенности стоял храм Цезарю исключительной величины и красоты. В нем находилась колоссальная статуя Цезаря, ничуть не уступающая статуе Зевса Олимпийского, на которую она и была предназначена походить, и статуя Рима, не уступавшая Гере Аргосской.

Ирод посвятил город провинции, гавань – тем, кто плавает в этих водах, а честь своего нового творения – Цезарю, и имя, которое он дал городу, было Кесария.

8. Все остальные строения – театр, амфитеатр, рынок – также были построены с размахом, достойным имени города. Кроме того, царь учредил там четырехгодичные игры, назвав их также в честь Цезаря, и удостоил первое состязание, состоявшееся в 192-ю Олимпиаду, своим личным даром, который состоял из очень ценных наград, причем царская щедрость простерлась не только на победителей, но и на тех, кто занял второе и третье места. Еще Ирод восстановил Анфедон, приморский город, разрушенный во время войны, и переименовал его в Агриппион. Преданность его своему другу Агриппе была столь велика, что он даже велел высечь его имя над воздвигнутыми им в Храме воротами.

9. Если когда-либо человек был преисполнен родственных чувств, то этим человеком был Ирод. В память своего отца он основал город, выбрав место на красивейшей в царстве равнине, изобилующей реками и деревьями; город получил название Антипатрида. Кроме того, он заново укрепил господствующую над Иерихоном крепость, сделав ее несравненной по мощи и красоте; он посвятил крепость своей матери и дал ей имя Кипра. В честь своего брата Фацаэля он воздвиг в Иерусалиме башню, носящую его имя; устройство и внушительные размеры этой башни будут описаны нами ниже. Еще он назвал именем Фацаэля город, основанный им в долине на север от Иерихона.

10. Обессмертив таким образом свою семью и друзей, Ирод позаботился также и об увековечении собственного имени. Так, в выходящих в Аравию холмах он построил крепость и назвал ее в свою честь Геродион. Тем же именем он назвал искусствен-

ный холм в форме женской груди, расположенный в 60-ти стадиях от Иерусалима. Это место было изукрашено им тщательнее, чем какое-либо другое: он окружил вершину холма круглыми башнями, а в середине воздвиг столь великолепный дворец, что, наряду с роскошным убранством внутренних помещений, его наружные стены, перекрытия и крыши являли собой картину безграничной роскоши. Не считаясь с расходами, Ирод доставил туда обильные запасы воды; 200 ступеней белейшего мрамора вели к вершине холма. Хотя насыпь и была искусственной, она обладала весьма внушительными размерами. Вокруг ее подножия он возвел еще строения, предназначенные для размещения утвари и приема гостей, так что по своей самодостаточности холм этот мог считаться городом, а по своим очертаниям – дворцом.

11. Возведя это множество построек в собственном царстве, он распространил свою щедрость и за его пределы. Городам Триполю, Дамаску и Птолемаиде он построил гимнасии, Библсу – стену, Бериту и Тиру – залы, колоннады, храмы и рынки, Сидону и Дамаску – театры, приморской Лаодикее – акведук, Ашкелону – бани, роскошные фонтаны, окруженные аркадами четырехугольные дворы, отличающиеся как размахом строительства, так и искусством отделки, и есть места, где он насадил леса и разбил сады. Многие города получили от него в подарок землю, как если бы они принадлежали его собственному царству, другие – как, например, Кос – он обеспечил доходами, позволяющими им круглый год содержать гимнасиарха, так чтобы эта должность никогда не пустовала. Всех нуждающихся он снабжал зерном. Родосу он неоднократно давал деньги на постройку кораблей, а когда там сгорел храм Аполлона, из собственных средств восстановил его, сделав еще более пышным, чем прежде. Что можно сказать о его дарах ликийцам и самосцам или о щедрости, с которой он удовлетворял нужды всех ионийских областей? А разве не полны приношениями Ирода даже Афины и Спарта, Никополь и мисийский Пергам? И разве он не вымостил на 20 стадиев полированным мрамором широкую улицу в сирийской Антиохии, до того избегаемую жителями из-за обилия на ней грязи, и разве не защитил ее от дождей колоннадой из конца в конец?

12. Могут возразить, что благодеяниями наслаждалась лишь небольшая часть каждого из облагодетельствованных им народов. Зато то, что он сделал для элейцев, было даром не

только всей Греции, но и всему населенному миру, вплоть до самых отдаленных его частей, куда достигает слава Олимпийских игр. Ибо когда он увидел, как из-за недостатка средств игры приходят в упадок и как вместе с ними уходит последнее, что осталось от древней Эллады, он не только возглавил это четырехлетнее собрание, которое застал на своем пути в Рим, но и снабдил его средствами на будущее, достаточными для того, чтобы его участие в этом деле никогда не стерлось из памяти. Мы будем продолжать до бесконечности, если только возьмемся перечислять уплаченные им за других долги и налоги, как, например, в том случае, когда он освободил Фацаэлис, Баланею, а также киликийские городки от части лежавшего на них ежегодного налога. Вместе с тем ему приходилось отчасти сдерживать свою исключительную щедрость из страха возбудить к себе зависть или вызвать подозрения в том, что, делая для этих городов больше, чем их собственные правители, он руководствуется какими-то тайными замыслами.

13. Телесная сила Ирода равнялась силе его ума. Он всегда был первым в охоте, в первую очередь благодаря своему искусству верховой езды. Был случай, когда за один день он подстрелил 40 диких зверей – ведь Иудея изобилует кабанами, оленями и дикими ослами. И в борьбе не было ему равных; во время состязаний многие бывали поражены точностью, с какой он бросает дротик, и постоянством, с каким его стрелы находят цель. В придачу к телесным и умственным достоинствам он был еще и баловнем удачи: ведь на его долю выпало очень мало поражений, да и те, которые были, произошли не по его вине, но из-за опрометчивости его воинов или вследствие измены.

XXII

1. Однако за все это внешнее процветание судьба покарала его ужасными бедствиями в собственном доме. Источником всех его несчастий была страстно любимая им женщина. Ведь еще в начале царствования он развелся с женой, уроженкой Иерусалима по имени Дорида, на которой женился в бытность свою простым подданным, и вступил в брак с Мирьям, дочерью сына Аристобула Александра. Она-то и стала причиной раздоров в его доме, раздоров, которые возникли давно, но особенно обострились после его возвращения из Рима.

Прежде всего, ради своих детей от брака с Мирьям он изгнал из города рожденного Доридой сына Антипатра, позволив ему возвращаться лишь на время праздников. Затем он обвинил в заговоре и казнил деда своей жены Гиркана, когда тот возвратился из Парфии. Ведь Гиркан был взят в плен Барзафарном при парфянском вторжении в Сирию, однако впоследствии освобожден благодаря ходатайству сочувствовавших ему соплеменников по ту сторону Евфрата. И если бы только Гиркан внял их совету, не перешел бы через реку и не отдался в руки Ирода, то не погиб бы без всякой вины. Однако его искушал брак внучки с Иродом, и, полагаясь на этот брак и не будучи в состоянии противиться желанию вернуться на родину, он влекся навстречу собственной смерти. Он вызвал расправу Ирода не тем, что в действительности посягал на престол, но тем, что престол принадлежал ему по праву.

2. От Мирьям у Ирода было пятеро детей – две дочери и три сына, младший из которых умер в Риме, где он воспитывался. Двое старших сыновей получили царское воспитание – как ввиду благородного происхождения их матери, так и потому, что родились уже после провозглашения Ирода царем. Но главной причиной такого его отношения к ним была страстная любовь Ирода к Мирьям, которая с каждым днем все сильнее охватывала его. Эта-то любовь сделала Ирода слепым ко всем несчастьям, навлекаемым на него предметом его любви, ибо та ненавидела его столь страстно, сколь страстно он ее любил. Так как она имела основания возмущаться его поведением и так как, благодаря своей власти над ним, могла высказываться свободно, она открыто бранила Ирода за то, как он поступил с ее дедом Гирканом и братом Йонатаном. Ведь и того Ирод не пощадил, хотя он и был совсем мальчиком: на 17-м году жизни Ирод пожаловал ему сан первосвященника, а сразу же после этого казнил из-за того, что, когда тот во время праздника облачился в священные одежды и приблизился к алтарю, весь собравшийся в Храме народ разразился слезами. Той же ночью мальчик был отправлен в Иерихон, где по приказанию Ирода отведен галлами к бассейну и утоплен.

3. За это-то Мирьям и не переставала упрекать Ирода.

Затем ее негодование обратилось на его мать и сестру, которых она непрестанно осыпала оскорблениями. Страсть к Мирьям закрывала уста Ирода, однако женщины были вне себя от ярости и выдвинули против нее ложное обвинение в супруже-

ской измене, так как знали, что это самый верный способ настроить Ирода против жены. Среди прочих лжесвидетельств, приготовленных ими, чтобы убедить Ирода в ее измене, было также и обвинение в том, что она послала Антонию в Египет свой портрет и в безграничной распущенности выставила себя, несмотря на разделявшее их расстояние, на обозрение мужчине, известному страстью к женщинам и способностью к насилию. Это известие как громом поразило Ирода, и страстная любовь его породила не менее страстную ревность. Кроме того, он помнил о той удивительной ловкости, с которой Клеопатра избавилась от царя Лисания и аравийского царя Малку, и потому полагал, что не только его брак, но и самая его жизнь подвергается опасности.

4. Потому, когда Ироду нужно было отлучиться, он оставил Мирьям на попечение Йосефа, мужа своей сестры Шломит, человека надежного и преданного вследствие связывавших их родственных уз, дав тому тайное распоряжение убить Мирьям, если он сам будет убит Антонием. Йосеф же, без всякого дурного намерения, но лишь в стремлении доказать ей страстную любовь царя, который не желает разлучаться с нею даже в смерти, открыл все Мирьям. И когда Ирод, вернувшись и лежа с нею в супружеской постели, многочисленными клятвами заверял ее в своей преданности ей, единственной женщине, которую он когда-либо любил, она воскликнула: «Прекрасно же ты доказал свою любовь тем, что дал Йосефу приказ убить меня!»

5. Поняв, что тайна раскрыта, Ирод пришел в неистовство и заявил, что Йосеф посмел бы разгласить его распоряжение только в том случае, если бы сам был любовником Мирьям. Обезумев от гнева, он выскочил из постели и в бешенстве стал метаться по дворцу. Его сестра Шломит ухватилась за эту возможность оклеветать Мирьям и стала уверять Ирода, что его подозрения относительно Йосефа соответствуют истине. Тогда совершенно потерявший голову и обезумевший от ревности Ирод приказал казнить обоих. Однако гнев скоро уступил место раскаянию, и, тогда как ярость утихла, любовь вспыхнула с новой силой. И столь могуч был огонь его страсти, что он не мог поверить в то, что Мирьям мертва. Разум его помутился до такой степени, что он разговаривал с нею как с живой, пока наконец время не открыло ему ужасную правду и сердце его не преисполнилось отчаянием столь же неистовым, сколь неистова была его любовь.

XXIII

1. Мать завещала свою ненависть сыновьям: зная, что руки отца запятнаны ее кровью, сыновья видели в нем врага еще тогда, когда воспитывались в Риме, но в особенности – после возвращения в Иудею. По мере того как сыновья мужали, это чувство овладевало ими все с большей силой; когда же они достигли возраста, в котором вступают в брак, и один из них женился на дочери своей тетки Шломит, бывшей обвинительницы их матери, а другой – на дочери каппадокийского царя Архелая, они уже более не старались скрывать ненависть. Их дерзость открыла путь клевете, и царю все чаще и чаще стали намекать, что сыновья готовят против него заговор и что тот из них, который был зятем Архелая, заручился поддержкой своего тестя и собирается отплыть в Рим, чтобы обвинить отца перед Цезарем.

Поддавшись на наветы, Ирод призвал своего сына от Дориды Антипатра, чтобы тот стал его оплотом против других сыновей, и всеми возможными способами начал выказывать ему свое предпочтение.

2. Это переполнило чашу терпения обоих братьев: при виде того, как выдвигается сын женщины обыкновенного происхождения, их гордость своим собственным рождением сделала их гнев необузданным и каждая новая обида вызывала у них приступ ярости. Так они толкали царя к еще более враждебному отношению к себе, в то время как Антипатр делал все возможное, чтобы завоевать расположение Ирода. Он тонко льстил отцу и измышлял против братьев всевозможные наветы, распространявшиеся или им самим, или его друзьями. Так в конце концов он лишил братьев всякой надежды на наследование престола, ибо и в завещании, и в публичных высказываниях наследником объявлялся не кто иной, как Антипатр. Наконец во всем царском великолепии Антипатр был послан к Цезарю – в одежде и украшениях царя, только без царского венца. Положение его к тому времени было уже таково, что он был в состоянии возвратить свою мать на ложе Мирьям, и, используя против братьев одновременно два оружия – лесть и клевету, он хитроумно привел Ирода к мысли о необходимости казнить обоих сыновей Мирьям.

3. Итак, Ирод силой отвез Александра в Рим, чтобы обвинить его перед Цезарем в покушении на отравление отца. Получив наконец возможность открыто излить свои жалобы перед судьей, более искушенным, нежели Антипатр, и более уравно-

вешенным, нежели Ирод, обвиняемый обошел почтительным молчанием ошибки отца, однако с тем большим жаром опроверг выдвинутые против него обвинения. Затем он показал, что его брат и товарищ по несчастью невиновен в такой же степени, как и он сам, после чего перешел к разоблачению низости Антипатра и описанию совершенной в отношении его и брата несправедливости. Его помощником была не только чистая совесть, но и сила красноречия, так как он блестяще владел ораторским искусством. В заключение речи он заявил, что если отец убедится в том, что все выдвинутые против него обвинения истинны, то он волен казнить их обоих. Этими словами он поверг слушателей в слезы и до такой степени растрогал Цезаря, что тот снял с него обвинение и заставил отца и сына немедленно примириться, согласившись на том, что сыновья во всем будут подчиняться отцу и что тот волен выбирать себе преемника по собственному усмотрению.

4. На этом царь покинул Рим, по видимости отказавшись от обвинений против сыновей, но на деле все еще сохраняя свои подозрения. Его сопровождал Антипатр, вдохновлявший его ненависть, но из почтения к примирителю не осмеливавшийся открыто проявлять свою враждебность к братьям. Обогнув Киликию, Ирод высадился у Элевсы и был радушно принят Архелаем, выражавшим радость по поводу оправдания зятя и величайшее удовлетворение по поводу их примирения (перед тем он писал друзьям в Рим, чтобы при разбирательстве они заняли сторону Александра). Архелай проводил Ирода до Зефириона и вручил ему подарки стоимостью в 30 талантов.

5. По возвращении в Иерусалим Ирод собрал граждан и, поставив рядом с собой троих сыновей, объяснил причину своего отсутствия и выразил глубокую благодарность Богу и Цезарю за то, что их семейный раздор улажен по справедливости и что его сыновьям отныне даровано нечто гораздо более ценное, чем царский престол, а именно – согласие. «Это согласие, – продолжал он, – скреплю я сам. Цезарь сделал меня господином этого царства и объявил, что право выбора преемника принадлежит мне. Итак, я буду действовать в собственных интересах и в то же время отплачу Цезарю за его милость. Отныне я провозглашаю этих троих моих сыновей царями и обращаюсь прежде всего к Богу, а затем к вам за скреплением этого моего решения. Одному из них царство принадлежит по праву старшинства, двум другим – по праву происхождения. Но мое царство достаточно

велико и для большего числа наследников, чем эти трое. Их, воссоединенных Цезарем и ныне провозглашаемых их отцом царями, вы должны защищать и равно и справедливо почитать каждого из них соответственно его возрасту. Ведь если вы будете выказывать по отношению к кому-либо из них больше почтения, чем на это дает право его возраст, вы скорее раздражите того, кто будет вами пренебрегаем, нежели доставите удовольствие тому, кого предпочтете. Я сам выберу для сыновей советников и придворных, которые будут сопровождать каждого из них, и назначу на эти должности таких людей, которые станут залогом сохранения согласия между братьями, ибо мне хорошо известно, что раздоры и взаимное соперничество чаще всего возникают из-за злословия придворных, тогда как если придворные – люди достойные, то они поощряют чувство взаимной привязанности.

Вместе с тем я настаиваю, чтобы не только эти придворные, но и мои собственные военачальники уповали в настоящем только на меня одного, ибо я жалую моим сыновьям не царскую власть, но только сопутствующие этой власти почести. Итак, все услады власти будут принадлежать им, а все ее, зачастую нежеланное, бремя – мне. Пусть каждый из вас примет во внимание мой возраст, мой образ жизни, мое благочестие. Ведь я еще не столь стар, чтобы можно было предвидеть мой скорый конец, не предаюсь невоздержанности, способной прервать человеческую жизнь в самом ее расцвете, и всегда служил Всевышнему с такой преданностью, что у меня есть основания надеяться на долголетие. И поэтому если кто-либо предложит моим сыновьям свои услуги с целью низложить меня, он будет подвергнут самому суровому наказанию не только ради моего блага, но и ради блага моих сыновей. Я ограничиваю проявления почтения по отношению к сыновьям вовсе не из зависти, но из понимания того, что проявления лести искушают юность и толкают ее на опрометчивые поступки. И когда каждый, кто будет приближен к этим юношам, поймет, что, если он будет защищать справедливость, я вознагражу его, но если он будет способствовать раздорам, то даже от того, кому он служит, не получит никакой награды за свое злонравие, – тогда, я полагаю, каждый из них сохранит верность мне и, следовательно, моим сыновьям, ибо их польза состоит в том, чтобы я царствовал, моя же польза – в том, чтобы ничто не поколебало их согласия.

Вы же, дорогие сыновья, обратитесь сначала мыслью к священным законам природы, которые даже диких зверей соединя-

ют узами взаимной привязанности, затем – к Цезарю, причине нашего примирения, и, наконец, ко мне, обращающемуся к вам с мольбой, в то время как мог бы приказывать, и будьте впредь подлинными братьями. Отныне я жалую вас одеянием царей и царской свитой и взываю к Богу, чтобы он скрепил мое решение, если только между вами будет царить согласие». С этими словами он ласково обнял каждого из сыновей и распустил народ, в котором одни от всей души присоединились к его молитве, а другие, те, кто стремился к перевороту, делали вид, что даже не слышали ее.

XXIV

1. Однако братья не оставили своих раздоров и расстались, испытывая даже еще большие подозрения друг против друга: ведь Александр и Аристобул негодовали на то, что Ирод подтвердил права Антипатра как старшего сына, Антипатр же был недоволен уже тем, что братья занимают теперь второе место. Он, впрочем, был слишком хитер, чтобы открыто выражать недовольство, и с необыкновенным искусством скрывал ненависть к братьям. Те же, напротив, гордясь своим происхождением, даже и не думали скрывать подлинных чувств, постоянно распаляемых дурными друзьями, многие из которых были к тому же и тайными соглядатаями. Итак, каждое слово, произнесенное у Александра, тут же повторялось у Антипатра, а затем, уже со сделанными Антипатром прибавлениями, передавалось Ироду, и каждое замечание самого невинного свойства навлекало на юношу беду, а уж если с его уст срывалось какое-либо неосторожное слово, то злые языки многократно преувеличивали его. Антипатр даже нанял людей вызывать Александра на неосторожные беседы; при этом он стремился, чтобы под измышляемой им ложью всегда имелось некоторое истинное основание, так что если подтверждалась истинность хотя бы одного из приписываемых Александру высказываний, то остальное уже не нуждалось в доказательствах. Все друзья Александра либо молчали, либо были подкуплены Антипатром и также не разглашали ничего. Поистине вся жизнь Антипатра может быть по справедливости названа таинством порока!

Все приближенные Александра уступили или подкупу, или лести – излюбленным орудиям Антипатра – и стали его науш-

никами, передавая ему все слова и действия Александра. Удивительная ловкость Антипатра проявила себя и в том, с каким непревзойденным искусством он добивался, чтобы вся эта клевета достигала ушей Ирода. Причем в то время как другие распространяли эти басни, сам он не переставал играть перед Иродом роль любящего брата. Всякий раз, когда рассказывалось что-то порочащее Александра, на сцене появлялся Антипатр и начинал свое лицедейство: сначала он не оставлял от рассказа камня на камне, а затем тонко подтверждал его, таким образом постепенно распаляя гнев Ирода. В конце концов все оборачивалось к подтверждению заговора, и ничто так не способствовало успеху клеветы, как заступничество Антипатра.

2. Обманутый Ирод постепенно приходил в ярость и с каждым днем выказывал все меньше расположения обоим юношам и все больше – Антипатру. Придворные следовали его примеру, одни по доброй воле, другие – по принуждению, как, например, Птолемей, которого Ирод ценил более всех своих друзей; так же поступали брат и сестра царя и вся его семья.

Антипатр превратился теперь в главного человека при дворе, однако еще более невыносимым для Александра было то, что такое же положение занимала теперь и Дорида, союзница сына во всех его кознях и жесточайшая из мачех, более всего ненавидевшая своих пасынков за то, что их мать происходила из царского рода. Вследствие всех этих событий все стали раболепствовать перед Антипатром в надежде извлечь из этого выгоду и одновременно отвернулись от Александра и его брата: к этому их поощрял приказ царя, запретившего знатнейшим из подданных поддерживать отношения с братьями. А ведь слово Ирода было законом не только в его собственном царстве, но и для его чужеземных друзей, так как только ему одному из всех царей Цезарь дал право требовать от другого государства выдачи своего бежавшего подданного.

Сначала оба юноши пребывали в полном неведении относительно возводимой на них клеветы и продолжали подавать для нее все новые и новые поводы, ведь отец ни разу не сделал им прямого выговора. Однако постепенно, по мере того как холодность его к ним возрастала и каждый незначительный повод становился для него источником раздражения, перед ними забрезжила истина. Антипатр настроил против братьев также и дядю Ферору и тетку Шломит, которой он постоянно льстил и с которой заигрывал таким образом, словно она была его женой. Не-

приязнь Шломит к племянникам усиливалась еще и из-за жены Александра Глафиры, кичившейся своей родословной и ведшей себя так, как если бы она была госпожой всех обитателей дворца: ведь ее предком по отцовской линии был Темен, а по материнской – Дарий Гистасп. Кроме того, Глафира постоянно насмехалась над низким происхождением сестры и жен Ирода, говоря, что все они были выбраны по внешности, но не по происхождению. Дело в том, что у Ирода было много жен, поскольку еврейский обычай допускает многоженство, и ко всем им он был горячо расположен. И теперь все эти женщины возненавидели Александра из-за надменной кичливости его жены.

3. И без того раздраженная оскорблениями Глафиры, Шломит к тому времени еще и окончательно рассорилась со своим зятем Аристобулом за то, что тот постоянно насмехался над женой за ее низкое происхождение и жаловался, что, в то время как его брат Александр взял в жены царевну, сам он женат на простой женщине. Жена Аристобула, рыдая, пересказала все это своей матери Шломит, добавив при этом, что Александр и Аристобул постоянно угрожают, когда они унаследуют царский престол, посадить матерей своих братьев за ткацкий станок вместе с рабынями, а самих братьев сделать деревенскими писцами, тем самым насмешливо намекая на их усердие в учебе. Шломит была не в состоянии удержаться и пересказала все это Ироду, а поскольку она обвиняла собственного зятя, то Ирод тут же поверил ее рассказу. Другое достигшее ушей Ирода злословие лишь подлило масла в огонь: ему донесли, что оба брата постоянно призывают и оплакивают мать, осыпая при этом отца проклятиями; и еще ему рассказали, что часто, когда он раздает новым женам остатки одежд Мирьям, ее сыновья угрожают им, что вместо царских одеяний они скоро облачатся в рубище.

4. Из-за этих рассказов Ирод стал испытывать страх перед необузданным нравом братьев, однако все еще надеялся, что их пороки могут быть исправлены. Потому перед своей поездкой в Рим он призвал обоих братьев к себе и сначала, как царь, кратко пригрозил им, а затем, как отец, стал их долго увещевать, убеждая любить своих братьев и обещая простить им прошлые провинности при условии, что в будущем они станут вести себя лучше. В ответ братья полностью отрицали выдвинутые против них обвинения, объявив, что они не имеют под собой никаких оснований, и заверили отца, что правдивость их утверждений будет доказана на деле. В то же время они попро-

сили отца положить конец сплетням и меньше прислушиваться к ним, ибо (так сказали они), пока есть кто-то, кто верит всему этому, распространяемой о них лжи не будет конца.

5. Как отец, Ирод был быстро убежден их словами, так что на этот раз они избегли нависшей над ними опасности. Однако теперь, когда им стало известно о враждебном отношении Шломит и ее брата Фероры, их тревога за будущее усилилась. В самом деле, эти двое были опасными врагами, в особенности же Ферора, разделявший с Иродом все знаки царского достоинства, кроме самого венца. Его личный доход составлял 100 талантов, а также ему принадлежали доходы со всего Заиорданья: это был дар от брата, который к тому же добился у Цезаря разрешения назначить Ферору тетрархом и удостоил его царского брака, предложив ему руку сестры своей собственной жены. Когда же та умерла, Ирод хотел отдать в жены Фероре старшую дочь с приданым в 300 талантов, однако Ферора отказался от царского брака из-за любви к рабыне. Это разгневало Ирода, и он выдал дочь замуж за племянника, убитого впоследствии парфянами. Но в скором времени раздражение Ирода прошло, и он простил брату любовное безумие.

6. Много лет назад, еще при жизни царицы, Ферора был ложно обвинен в заговоре с целью отравить Ирода; сейчас вновь появилось множество доносов с тем же обвинением. Хотя Ирод и был самым преданным братом, он постепенно начал прислушиваться к этим сообщениям, и страх охватил его. После того как многие из подозреваемых были подвергнуты пыткам, очередь дошла до друзей Фероры. Никто из них, правда, прямо не признался в заговоре, однако они рассказали, что Ферора вместе со своей возлюбленной собирается бежать в Парфию и что вместе с ним намеревается бежать муж Шломит Костобар, за которого Ирод выдал ее, казнив ее первого мужа за прелюбодеяние. Шломит также не избежала клеветы: ее брат Ферора обвинил ее в том, что она дала обещание выйти замуж за Сулая, опекуна аравийского царя Убдата и злейшего врага Ирода. Она была признана виновной как в этом, так и во многих других проступках, в которых обвинил ее Ферора, и тем не менее царь простил ее, а также снял все обвинения и с самого Фероры.

7. Нависшая над домом Ирода буря сначала настигла Александра и разразилась над его головой со всем неистовством. У царя было три евнуха, ценимых им больше всех остальных, как это видно из возложенных на них обязанностей. Одному

было поручено разливать для царя вино, другому – подавать ему кушанья, и третий укладывал его в постель и спал при нем в его покоях. Богатыми подарками Александр склонил этих троих служить ему предметами вожделения. Царь узнал об этом и подверг евнухов пыткам, под которыми они тут же сознались в близости с Александром. Они рассказали также об обещаниях, которыми он ввел их в искушение: по их словам, он уговаривал их не возлагать надежды на Ирода, бесстыдного старика, красящего волосы, хотя и это не помогает ему в желании выглядеть молодым; вместо этого он призывал их обратиться к нему, Александру, который унаследует престол вне зависимости от того, нравится это Ироду или нет, немедленно после этого расправится с врагами и принесет процветание и счастье друзьям, в первую очередь им троим. Они еще добавили, что некоторые из видных граждан тайно предложили Александру свои услуги и что полководцы и другие военачальники втайне от Ирода совещаются с Александром.

8. Эти открытия настолько испугали царя, что он даже не решился немедленно обнародовать их, но сначала разослал повсюду тайных соглядатаев, которые днем и ночью следили за всем, что говорилось или делалось. Все подозреваемые предавались немедленной казни, и несказанное беззаконие охватило дворец. Все оговаривали друг друга, стремясь удовлетворить личную ненависть или вражду, многие использовали охватившую царя жажду крови, чтобы избавиться от собственных врагов. Любая ложь немедленно принималась на веру, и наказание опережало самое клевету. Только что обвинивший другого тут же обвинялся и сам, и обвинитель выводился на казнь вместе со своей жертвой, ибо из-за угрожавшей жизни царя опасности расследование было очень скорым. Ирод до того ожесточился, что был неприветлив даже с теми, кто ни в чем не подозревался, и суров со своими лучшими друзьями. Многие из них были лишены доступа ко двору, и язык его не щадил тех, кого пощадила рука.

В разгар постигшего Александра несчастья прибыл Антипатр, который с помощью своих пособников стал оговаривать брата всеми возможными способами. Его хитроумные измышления и искусная ложь довели страх Ирода до такой крайности, что он был уверен, что Александр уже занес над ним свой меч. Поэтому он внезапно задержал его и заключил в тюрьму, продолжая одновременно с этим пытать его придворных. Мно-

гие из них умерли, так и не произнеся ни слова, другие рассказали о том, чему сами были свидетелями, но третьи, не в состоянии переносить пытки, лгали, будто бы Александр и его брат Аристобул состояли в заговоре против царя и ожидали только удобного случая, чтобы убить его во время охоты и бежать в Рим. Царь легко принял на веру неправдоподобный рассказ, так как теперь, когда заключение сына в тюрьму стало выглядеть оправданным, он почувствовал облегчение.

XXV

1. Когда Александр понял, что вера отца в его виновность непоколебима, он решился выйти навстречу опасности и составил обвинение своих врагов в четырех книгах, где признавал существование заговора, но объявлял большинство своих врагов его соучастниками, и в первую очередь Ферору и Шломит; он утверждал даже, что Шломит однажды ночью проникла в его спальню и против его воли заставила его сожительствовать с ней. Эти книги, полные чудовищных разоблачений против первых людей страны, попали в руки Ирода, а вскоре в Иудею спешно прибыл встревоженный судьбой дочери и зятя Архелай. Стремясь помочь им, он выказал замечательную предусмотрительность и искусно свел на нет все угрозы Ирода. При первой же встрече он воскликнул: «Где мой негодник-зять? Дайте мне этого отцеубийцу и я собственными руками спущу с него шкуру и так же поступлю с собственной дочерью! Даже если она и не замешана, она его жена, а значит, под стать ему. Не могу понять, как это ты, ставший жертвой заговора, можешь принимать это с таким спокойствием – если только это правда, что Александр еще жив. Я-то полагал, что он давно уже расплатился за свое преступление, и примчался сюда из Каппадокии лишь затем, чтобы посоветоваться с тобою по поводу дочери, которую выдал за этого негодяя только из-за твоего славного имени. Но сейчас мы должны сообща поразмыслить о них обоих, и, если ты слишком нежный отец и у тебя не хватает духа воздать сыну так, как он того заслуживает, нам следовало бы обменяться местами и каждому выполнить приговор другого».

2. Этими разглагольствованиями ему удалось провести Ирода, хотя тот и был настороже, и Ирод дал ему прочесть составленные Александром книги. Пока они совместно изучали

содержание каждой главы, в голове Архелая зародился план, и он стал направлять чтение таким образом, что постепенно стало ясно, что истинным виновником заговора является не кто иной, как Ферора. Видя, что и царь стал склоняться к этому мнению, Архелай воскликнул: «Смотри! А не кажется ли тебе, что не столько мальчик составил против тебя заговор, сколько толпа негодяев составила заговор против мальчика?» И добавил, что не видит причины, по которой Александр мог бы ринуться в пучину такого позора; ведь он уже вкушал царские почести и даже мог надеяться на наследование престола; дурные советники и неразборчивость юности – только это могло сбить его с правильного пути, ведь таким образом впадали в соблазн не только юноши, но и старики, и блестящие дома и целые царства разрушались из-за этого.

3. Убежденный его словами Ирод постепенно переместил свой гнев с Александра на Ферору, который во всех четырех книгах был представлен главным зачинщиком заговора. Ферора, заметив внезапную перемену в настроении царя и растущее влияние на него Архелая и не видя надежды спасти себя достойными средствами, прибег к подлинному бесстыдству: оставив Александра, он воззвал к Архелаю. Тот ответил, что не представляет, как он сможет ходатайствовать за того, кто замешан в столь сомнительном деле (тем самым он делал очевидным участие Фероры в заговоре против царя и переносил на него все нынешние беды Александра), если только Ферора не отбросит все свои увертки и запирательства и не признает себя виновным во вменяемых ему преступлениях и лишь затем попросит прощения у брата, который все еще любит его, – если только Ферора поступит так, то он, Архелай, со своей стороны, готов способствовать ему всеми возможными средствами.

4. Ферора принял его совет и, тщательно приготовившись к тому, чтобы иметь как можно более удрученный вид, облаченный во все черное, распростерся, обливаясь слезами, у ног Ирода и стал взывать к его милосердию – точно таким же образом, как он уже проделывал успешно несколько раз в прошлом при сходных обстоятельствах. Он признал себя грязным негодяем, виновность которого не подлежит сомнению, он приписал свои поступки тому неуравновешенному и безумному состоянию, в какое ввергла его любовь к той женщине. Архелай же, который сам подвел Ферору к тому, чтобы тот стал обвинять и свидетельствовать против себя, сейчас стал заступаться за него и

приводить примеры из жизни собственной семьи. Так, например, он задавался вопросом, отчего он сам, терпевший от своего брата гораздо худшее обращение, все-таки никогда не допустил, чтобы месть ослабила связывавшие их узы крови; еще он говорил, что царства подобны тучным людям, у которых из-за избыточного веса то один, то другой из членов всегда бывает воспален, но тем не менее в таких случаях следует прибегать не к ножу хирурга, но к лекарству.

5. Эти и другие доводы такого же свойства смягчили гнев Ирода против Фероры. В то же время Архелай продолжал кипеть от гнева на Александра, настаивая на том, что он должен развести с ним свою дочь и забрать ее к себе. В конце концов он довел Ирода до того, что тот стал заступаться перед ним за сына и вновь просить для него руки дочери Архелая. Архелай же с видом самой обезоруживающей искренности дал ему позволение выдать ее за кого угодно из своей семьи, но только не за Александра, так как превыше всего он ставит сохранение родственных уз с Иродом. Царь ответил, что если Архелай воздержится от расторжения этого брака, то сможет получить его сына в дар; кроме того, мальчик страстно привязан к жене и у них уже есть дети; если бы она осталась с ним, то способствовала бы тому, чтобы он стыдился своих проступков, однако если их разлучат, отчаянию его не будет предела, ибо его безрассудство укрощается лишь тогда, когда он обращен к семейным привязанностям. После долгих колебаний Архелай наконец уступил, примирился с зятем и примирил того с отцом. Он посоветовал, однако, послать Александра в Рим, чтобы там его принял Цезарь, которому уже был послан подробный отчет о случившемся.

6. Итак, уловка, при помощи которой Архелай хотел спасти своего зятя, полностью удалась. После примирения они проводили время в пирах и взаимных приемах, пока наконец Архелай не распрощался с ними. На прощание Ирод подарил ему 70 талантов, усыпанный драгоценными камнями золотой трон, евнухов и наложницу по имени Паннихис. Он одарил также и свиту Архелая, каждого соответственно его положению. По распоряжению царя все его приближенные тоже поднесли Архелаю богатые подарки. Наконец, Ирод и его придворные сопровождали его на протяжении всего пути до Антиохии.

XXVI

1. В скором времени, однако, в Иудею явился человек, способный на гораздо большее, нежели уловки Архелая, человек, который не только положил конец устроенному Архелаем примирению, но и стал причиной погибели Александра. По происхождению он был спартанец и носил имя Эврикл. Он прибыл в страну, влекомый жаждой денег, ибо Греция уже более не удовлетворяла его алчности. Чтобы вернее достигнуть намеченной цели, он преподнес Ироду богатые подарки, немедленно получив взамен гораздо больше того, что дал сам. Однако он не видел пользы в честных дарах, если ему не удавалось через кровопролитие извлечь выгоду из государства. Он очаровал царя славословиями, тонкой лестью и лживыми речами. Быстро постигнув все слабости Ирода, он использовал их во всем, что говорил или делал, и очень скоро превратился в одного из ближайших друзей царя. Ирод же и его двор с радостью выказывали всевозможные знаки внимания этому спартанцу из уважения к его стране.

2. Скоро Эврикл проник во все тайны царского двора, узнал о раздорах между братьями и об отношении отца к каждому из них. И хотя он более всего был в долгу у Антипатра за проявленное тем гостеприимство, он притворился другом Александра, солгав ему, что он давний приятель его тестя Архелая. Вследствие этой лжи он был без колебаний принят Александром как проверенный союзник; Александр ввел его и к своему брату Аристобулу. Так, играя то одну, то другую роль, Эврикл различными путями добился всеобщего доверия; однако излюбленными из его ролей были роль наемника Антипатра и предателя Александра.

Именно: с одной стороны, Эврикл стыдил Антипатра за то, что тот, старший сын, безучастно смотрит, как другие намереваются занять его место; с другой – он порицал Александра, который, будучи сыном и мужем царских дочерей, допускает, чтобы власть досталась сыну простой подданной, тем более что он располагает поддержкой такого влиятельного человека, как Архелай. После того как Эврикл объявил себя другом Архелая, Александр считал его своим советником и доверялся во всем: так, совершенно не таясь, он жаловался спартанцу на Антипатра и на то, что Ирод, убивший их мать, вполне может лишить его с братом ее царства. Отзывчивый Эврикл всем своим видом выказывал сочувствие жалобам. Затем он подстроил так, чтобы Аристобул рас-

сказал ему то же самое, а после того, как ему удалось заставить обоих братьев высказаться против отца, он пошел к Антипатру и пересказал ему весь этот разговор, прибавив еще от себя, будто братья жаждут его, Антипатра, крови и вот-вот бросятся на него с мечом. Поскольку его старания хорошо оплачивались, он постоянно расхваливал Антипатра перед отцом. В конце концов договорились об условиях, на которых Эврикл был согласен погубить Аристобула и Александра, обвинив их перед отцом.

Итак, представ перед Иродом, Эврикл заявил, что он дарит ему жизнь в обмен на великодушие и свет дня – в обмен на гостеприимство. Меч, предназначенный сразить царя, давно заострен, и рука Александра уже занесена, только он, Эврикл, благодаря своему притворному сообщничеству сумел предупредить удар. Он слышал, как Александр говорил, что Ироду недостаточно восседать на принадлежащем другим троне и, убив их мать, расточить ее царство, – нет, он еще старается втащить на трон побочного сына и отдает царство их деда этому ничтожеству Антипатру; но он, Александр, собственной рукой отомстит за души Гиркана и Мирьям, ибо не подобает ему без кровопролития наследовать престол такого отца. Еще он якобы говорил, что каждый день подвергается постоянным придиркам и не может бросить самого невинного замечания, чтобы оно не обернулось против него же. Если разговор заходит о предках, отец тут же выходит из себя и начинает оскорблять его примерно такими словами: «Ну, уж конечно, только Александр у нас благородного происхождения, ведь он думает, что отец его без роду, без племени!» И если он промолчит в ответ, то само его молчание расценивается как оскорбление, если же польстит отцу, то скажут, что он притворяется. И так он никогда не в состоянии угодить отцу, который привязан к одному только Антипатру. Поэтому, если даже его попытка не увенчается успехом, он примет смерть с радостью. В случае же успеха его безопасность будет обеспечена, во-первых, его тестем Архелаем, у которого он легко сможет укрыться, и, во-вторых, Цезарем, которому до сих пор неизвестно подлинное лицо Ирода. Когда он предстанет перед ним, то ему не придется, как в прошлый раз, страшиться присутствия отца и ограничиваться жалобами на собственные несчастья. Прежде всего он предаст гласности бедствия изнемогшего под бременем налогов народа, затем расскажет о роскоши и излишествах, на которые идут эти добытые непосильным трудом деньги, расскажет о том, что за люди обогащаются за его счет и за

счет его брата, и перечислит, какими способами некоторые города добились особых привилегий. Он потребует расследования обстоятельств смерти деда и матери и откроет все творящиеся в царстве преступления. После всего этого не будет и речи о том, чтобы обвинить его в отцеубийстве!

3. Завершив эту клеветническую речь против Александра, Эврикл перешел к пространному восхвалению Антипатра – якобы единственного из сыновей, поистине привязанного к отцу и потому являющегося препятствием описанного заговора. Гнев царя, не успевшего еще оправиться от прежних потрясений, не имел границ. Антипатр, вновь воспользовавшись благоприятным стечением обстоятельств, подослал к царю новых соглядатаев, которые обвинили обоих братьев в тайных совещаниях с Юкундом и Тиранном, начальниками царской конницы, отставленными за какие-то провинности. Окончательно потерявший самообладание царь тут же послал обоих на дыбу; они, однако, отвергли все обвинения.

В это же самое время царю было представлено письмо, якобы посланное Александром начальнику крепости Александрион. Письмо содержало просьбу впустить Александра и Аристобула в крепость после убийства ими отца и позволить им воспользоваться оружием и всем остальным. Александр опротестовал подлинность письма, заявив, что это подделка царского письмоводителя Диофанта, человека бесчестного и необыкновенно искусного в подражании любому почерку (всю свою жизнь он занимался подлогами и в конце концов был казнен за подлог). Ирод подверг начальника крепости пыткам, однако не смог получить от него ничего в подтверждение выдвинутых обвинений.

4. По этой причине Ирод счел улики недостаточными и оставил сыновей на свободе, хотя и установил за ними надзор.

Эврикла, проклятие своего дома и устроителя всего этого мерзкого дела, он называл спасителем и благодетелем и наградил пятьюдесятью талантами. Обогатившись таким образом, тот не стал ждать, пока обнаружится истина, и поспешил в Каппадокию, где вытянул деньги и из Архелая, которому бесстыдно представился как примиритель Ирода с Александром. После этого он отплыл в Грецию, где использовал бесчестно добытые деньги на новое зло. Он был дважды обвинен перед Цезарем в подстрекательстве к мятежу в Ахайе и в вымогательстве денег с городов и в конце концов отправлен в изгнание. Так он был наказан за зло, причиненное Александру и Аристобулу.

5. Но сколь отличен от спартанца был Эварест Косский! Один из ближайших друзей Александра, он находился в Иудее в одно время с Эвриклом, и, когда царь изложил перед ним выдвинутые тем обвинения, Эварест заявил под присягой, что никогда не слышал, чтобы юноши говорили что-нибудь подобное. Однако он ничем не мог помочь злосчастным братьям, ибо Ирод склонял свой слух только к злым языкам и был рад только тем, кто разделял с ним подозрения и гнев.

XXVII

1. Суровое обращение Ирода с детьми еще более усилилось из-за Шломит, приходившейся Аристобулу теткой и тещей. Желая, чтобы Шломит разделила опасности, которым подвергается он сам, Аристобул посоветовал ей позаботиться о себе: он сказал, что царь намеревается казнить ее на основании прежнего обвинения, именно, что она, желая вступить в брак с врагом Ирода аравийцем Сулаем, открыла ему тайны царя. Это и был последний удар, швырнувший носимых бурей юношей в пучину гибели, ибо Шломит бросилась к царю и сообщила ему о сделанном Аристобулом намеке.

Этого Ирод уже не мог выдержать и приказал заковать обоих сыновей, поместив их в одиночное заключение. Затем он, не теряя времени, послал к Цезарю военного трибуна Волюмния и одного из своих придворных, Олимпа, с письменной записью рассказа Шломит. Те отплыли в Рим и доставили Цезарю послание Ирода. Цезарь, хотя и сильно опечалился за обоих юношей, не счел нужным посягать на власть отца над сыновьями. Поэтому он ответил Ироду, что отдает решение на его собственное усмотрение, но советует ему собрать своих советников и правителей областей, чтобы произвести совместное следствие относительно предполагаемого заговора; если обвинения подтвердятся, то сыновья заслуживают смертной казни, если же будет обнаружено только намерение к бегству, то стоит ограничиться менее суровым наказанием.

2. Ирод принял это предложение и отправился и Берит – место, указанное Цезарем, – где и собрал совет. Во исполнение письменных указаний Цезаря, впереди восседали римские военачальники Сатурнин и Педаний с советниками. Присутствовали также советники и придворные Ирода, Шломит, Ферора

и, наконец, знатные люди всей Сирии за исключением одного только царя Архелая, которого Ирод отклонил как тестя Александра. Царские сыновья, однако, не были доставлены на совет: Ирод был слишком предусмотрителен, чтобы допустить это, ведь он знал, что один только их вид смягчит все сердца, а если еще им будет позволено выступить, то Александр с легкостью опровергнет все обвинения. Поэтому они содержались под стражей в Платане, деревне под Сидоном.

3. Царь поднялся и, как если бы сыновья присутствовали здесь, обрушился на них с обвинениями. Ввиду недостатка улик слабость его доводов о существовании заговора была очевидна. Однако он сделал ударение на оскорблениях, насмешливых речах, глумлениях – обидах более тяжких, чем сама смерть (таковы были его собственные слова), которые ему пришлось вынести от сыновей. Затем он попросил хранивших молчание слушателей пожалеть его за то, что, если даже он и одержит горестную победу над сыновьями, пострадавшей стороной окажется не кто иной, как он сам.

Кончив, он попросил каждого высказаться. Первым выступил Сатурнин – за осуждение, но не за смертную казнь: он сказал, что не ему, трое детей которого присутствуют в суде, голосовать за смертную казнь для детей другого. Оба его легата проголосовали так же, как и он, и их примеру последовало еще несколько человек. Первым, кто высказался за смертный приговор, был Волюмний, и все говорившие после него также отдали голоса за смертный приговор обоим братьям: одни – из желания подольститься к Ироду, другие – из ненависти к нему, но никто – из убеждения в виновности обвиняемых. И теперь вся Сирия и вся Иудея, затаив дыхание, ожидали конца драмы, хотя никто и не предполагал, что жестокость Ирода зайдет так далеко, что он и в самом деле казнит своих детей. Ирод, однако, отвез сыновей в Тир, а оттуда прибыл морем в Кесарию, где стал обдумывать способ приведения приговора в исполнение.

4. Был один старый воин царя по имени Тирон, имевший сына – близкого друга Александра – и сам сердечно любивший обоих юношей. До такой степени охватило его негодование, что разум помутился и он повсюду кричал, что справедливость попрана, истины более не существует, природа – в смятении, жизнь полна беззакония и тому подобное, – все, что может говорить человек, глубоко потрясенный и не заботящийся о соб-

ственной жизни. В конце концов он отважно подступил к самому царю: «Нечестивец ты – вот что я думаю о тебе! Восстать на собственную плоть и кровь по наущению подлых негодяев! Не раз и не два приговаривал ты Ферору и Шломит к смерти – а сейчас с их голоса обвиняешь собственных детей! Неужели ты не видишь, что они хотят лишить тебя законных наследников и оставить при одном только Антипатре, выбрав себе царя, которым смогут вертеть, как им будет угодно? Берегись, берегись, как бы однажды войска не возненавидели его за смерть братьев так же, как они ненавидят сейчас тебя! Ведь нет никого, кто не оплакивал бы мальчиков, и многие из твоих военачальников открыто возмущаются твоим поведением». И вслед за этим он назвал имена этих людей. Ирод немедленно распорядился взять их под стражу вместе с самим Тироном и его сыном.

5. Как раз в это время один из придворных цирюльников по имени Трифон, охваченный внезапным безумием, бросился к ногам царя и донес на самого себя. «Я их сообщник! – воскликнул он. – Вот этот Тирон поручил мне перерезать тебе горло во время бритья и обещал, что Александр щедро вознаградит меня за это». Услыхав это, Ирод устроил Тирону, его сыну и цирюльнику допрос на дыбе, и так как Тирон и его сын все отрицали, а цирюльник не имел ничего добавить к уже сказанному, то он приказал пытать Тирона с еще большей жестокостью. Наконец сын, терзаясь за отца, обещал царю рассказать все, если только отец будет пощажен, и после того, как Ирод согласился, подтвердил, что Александр подговорил его с отцом осуществить убийство Ирода. Одни считают, что он сделал это, чтобы прекратить мучения отца, другие – что сказанное им было правдой.

6. Ирод созвал народ, обвинил перед ним военачальников и Тирона и попросил народ помочь ему избавиться от этих людей. Все они, включая цирюльника, были забиты насмерть палками и камнями. Затем Ирод отправил сыновей в находящуюся недалеко от Кесарии Себастию с приказанием задушить их. Приказ был немедленно исполнен, а затем Ирод распорядился отвезти их тела в крепость Александрион и похоронить там рядом с отцом их матери Александром. Таков был конец Александра и Аристобула.

XXVIII

1. Антипатр, ставший теперь неоспоримым наследником, навлек на себя ненависть народа, так как все знали, что именно от него исходила клевета против братьев. Тайный, но ужасный страх наполнял его душу при виде того, как подрастали дети покойных братьев. Глафира родила Александру двух сыновей – Тиграна и Александра, дочь же Шломит Береника родила Аристобулу трех сыновей – Ирода, Агриппу и Аристобула и двух дочерей – Иродиаду и Мирьям. После казни Александра Ирод отослал Глафиру вместе с ее приданым назад в Каппадокию, а вдову Аристобула Беренику выдал замуж за брата матери Антипатра (этот брак был устроен Антипатром для того, чтобы смягчить враждебное отношение к себе Шломит). Подарками и иными знаками внимания Антипатр пытался снискать расположение Ферры; посылая крупные денежные суммы в Рим, он хотел добиться благосклонности друзей Цезаря; также и Сатурнин, и его люди в Сирии без конца получали от Антипатра подарки. Однако подарки только усиливали отвращение к нему, ведь всем было ясно, что за ними стоят не чистосердечные порывы высокой души, но желание заручиться поддержкой в случае опасности. Оттого-то его подарки привели к тому, что те, кто их получал, не стали к нему более расположены, а те, кого он обошел, сделались его злейшими врагами. И тем не менее с каждым днем щедрость его становилась все более расточительной, так как он видел, что царь отвергает его и проявляет все большую заботу о сиротах и что его нежность по отношению к малюткам выдает раскаяние по поводу убийства сыновей.

2. Однажды Ирод собрал своих советников и придворных, поставил перед ними детей и с увлажнившимися глазами начал говорить: «Злой дух похитил у меня отцов этих детей, но сами они вверены моему попечению как вследствие связывающих нас природных уз, так и по причине сострадания, которое вызывает их сиротство. Хотя я и был до сих пор злосчастнейшим из отцов, теперь, по крайней мере, я постараюсь выказать себя любящим дедом и после смерти оставлю их на попечение самых дорогих мне людей. Я обручаю твою дочь, Ферора, со старшим сыном Александра, и таким образом ты естественно становишься его опекуном; твоему же сыну, Антипатр, я даю дочь Аристобула, так что ты станешь отцом сиротке. Ее сестру получит мой Ирод, поскольку его дед с материнской стороны был пер-

восвященником. Пусть моя воля будет исполнена именно таким образом и пусть никто меня не заставляет отступиться от нее. Я молюсь, чтобы Бог скрепил эти союзы на благо моего царства и моих потомков и чтобы Он был более милостив к этим малюткам, нежели к их отцам».

3. В тот миг слезы капали из его глаз, и он соединил руки детей, затем нежно обнял каждого из них и распустил собрание.

Это решение настолько ошеломило Антипатра, что он даже не пытался скрыть своего унижения. Он чувствовал, что честь, оказанная царем сиротам, знаменует конец его собственных упований: ведь если не только Архелай, но и Ферора, тетрарх, поддержат наследников Александра, его собственные виды на наследование престола окажутся под угрозой. Он думал о ненависти народа к нему самому и о сострадании, выказываемом им к сиротам, о преданности, питаемой евреями к его братьям, пока те были живы, и о нежности, с какой они лелеют их память сейчас, когда они мертвы по его, Антипатра, вине. И он принял решение любыми средствами расстроить эти обручения.

4. Боясь идти на какие-нибудь хитроумные уловки перед человеком столь тяжелого нрава и столь склонным к подозрениям, как Ирод, он решился открыто попросить отца не лишать его уже дарованной ему чести и не оставлять ему лишь имя царя, самое же царскую власть передавая другим: ведь если сын Александра, будучи внуком Архелая, получит еще и такого тестя, как Ферора, то ему, Антипатру, никогда уже не добиться подлинной власти. И он спрашивал Ирода, не угодно ли ему будет пересмотреть предложенные браки, ибо царское семейство достаточно обширно.

И действительно, у царя было девять жен, от семи из которых он имел детей. Сам Антипатр был сыном Дориды, Ирод был сыном дочери первосвященника Мирьям, Антипа и Архелай – сыновьями самаритянки Мальтаки, а их сестра Олимпия была замужем за племянником Ирода Йосефом. От иерусалимитянки Клеопатры у него были сыновья Ирод и Филипп, а от Паллады – Фацаэль. Еще были у него дочери Роксана и Шломит, первая от Федры, а вторая от Эльпиды. Две его жены были бездетны (одна из них приходилась ему двоюродной сестрой, а другая – племянницей). Были еще две сестры Александра и Аристобула, дочери Мирьям. И вот на том основании, что семья столь велика, Антипатр и просил отца пересмотреть намеченные браки.

5. Когда царь понял, как Антипатр относится к сиротам, он страшно разгневался и у него даже мелькнула мысль, что убитые сыновья могли пасть жертвой клеветы Антипатра. На этот раз он отвечал Антипатру продолжительной гневной отповедью и прогнал его от себя. Но впоследствии он все же поддался его льстивым речам и изменил первоначально установленные браки, выдав дочь Аристобула за самого Антипатра, а дочь Федры – за своего сына. Сколь действенной оказалась в этом случае лесть Антипатра, можно подтвердить примером Шломит, потерпевшей неудачу в подобных же обстоятельствах. Несмотря на то что Шломит была его сестрой и супруга Цезаря, Юлия, поддерживала ее в непрестанных просьбах позволить ей выйти замуж за аравийца Сулая, Ирод поклялся, что, если она не откажется от своего намерения, он будет считать ее своим злейшим врагом, и в конце концов насильно выдал замуж за Алексу, своего придворного. Одну из ее дочерей он выдал за сына Алексы, а другую – за брата матери, Антипатра. Наконец, одну из своих дочерей от Мирьям он выдал за сына своей сестры, Антипатра, а другую – за сына своего брата Фацаэля.

XXIX

1. Устроив браки к своей личной выгоде и лишив сирот их надежд, Антипатр почувствовал, что его собственные надежды достигли безопасной гавани, и теперь, когда его уверенность в себе сравнялась с его порочностью, стал невыносим. Не в силах побороть всеобщее к себе отвращение, он решил сделать страх перед собой залогом безопасности. В этом ему способствовал Ферора, более не сомневавшийся в том, что именно Антипатр будет царем.

На этот раз новые несчастья обрушились на царский двор из-за заговора нескольких женщин. Жена Фероры, поддерживаемая своей матерью и сестрой, а также матерью Антипатра, стала вести себя при дворе с большой заносчивостью и осмелилась даже оскорбить двух царских дочерей. Это вызвало у царя сильную неприязнь, что, впрочем, не помешало им продолжать унижать всех остальных. Единственной, кто противостоял этому заговору, была Шломит: она обвинила этих женщин перед царем и заявила, что они представляют опасность

для него. Узнав о ее обвинениях и о неудовольствии Ирода, они перестали встречаться на людях и обмениваться дружескими приветствиями и вместо этого стали в присутствии царя притворяться, что в ссоре между собой. Антипатр, бывший с ними заодно, стал, со своей стороны, притворяться, будто не ладит с Феророй. Они начали собираться по ночам втайне и устраивать совместные попойки, так что установленное за ними наблюдение только скрепило их союз. Однако каждое их действие тут же становилось известным Шломит, а от нее – Ироду.

2. Царь кипел от гнева, в особенности же – против Фероровой жены, которую Шломит обвиняла особенно яростно. Наконец он созвал советников и придворных и выдвинул перед ними множество тяжких обвинений против этой женщины, но в первую очередь она обвинялась в оскорблении его дочерей. Он обвинил ее также и в том, что она платила деньги фарисеям, чтобы те вредили ему, и настраивала против него брата, пользуясь для этого различными зельями. Затем он обратился к Фероре и сказал ему, что тот должен выбирать между братом и женой. Когда же Ферора ответил, что он скорее умрет, чем откажется от жены, Ирод растерялся и, обратившись к Антипатру, запретил ему поддерживать какие бы то ни было отношения с Феророй, его женой и ее приближенными. Антипатр на людях следовал этому запрету, однако втайне продолжал проводить ночи в том же обществе.

Опасаясь, однако, наблюдательности Шломит, он через своих друзей в Италии устроил так, чтобы его пригласили в Рим. Те написали Ироду, что в ближайшем будущем Антипатру следует посетить Цезаря, и Ирод без колебаний отправил его, сопроводив пышной свитой, крупной суммой денег и своим завещанием, в котором наследником объявлялся Антипатр, а преемником Антипатра – Ирод, сын царя Ирода от дочери первосвященника Мирьям.

3. В Рим отправился также – вопреки распоряжениям Цезаря – аравиец Сулай: он намеревался выступить против Антипатра по делу, по которому он прежде обвинялся Николаем. У него также была серьезная тяжба с собственным царем Аретой, так как тот казнил многих из его друзей, в том числе Соема, самого могущественного человека в Петре. Он склонил на свою сторону казначея Цезаря Фабата, щедро одарив его, и пользовался его содействием также и против

Ирода. Однако Ирод еще более богатыми подарками добился того, чтобы Фабат перестал поддерживать Сулая; кроме того, с его помощью он пытался вытянуть из этого мошенника деньги, которые тот должен был ему заплатить по приказанию Цезаря. Однако Сулай вовсе не собирался платить и даже обвинил Фабата перед Цезарем, сказав ему, что Фабат – казначей не его интересов, но интересов Ирода. Взбешенный этим Фабат выдал Ироду, у которого он все еще был в большой милости, тайны Сулая, рассказав, что Сулай подкупил его телохранителя Коринфа, с которого Ироду не следует спускать глаз (этот Коринф, хотя и вырос в царстве Ирода, был по происхождению аравиец). Царь хорошо понял намек и немедленно взял под стражу Коринфа и еще двух аравийцев, которых застал вместе с ним: один из них был друг Сулая, а другой – князь одного из аравийских племен. Под пыткой оба признались, что Коринф щедро заплатил им, чтобы они убили Ирода. Следствие продолжал наместник Сирии Сатурнин, а затем они были под стражей отправлены в Рим.

4. Ирод продолжал настаивать, чтобы Ферора развелся с женой, но, хотя у него и было множество оснований для ненависти к этой женщине, он не мог найти способа наказать ее. Наконец он потерял терпение и изгнал ее вместе с братом. Ферора снес оскорбление и, удалившись в свою тетрархию, поклялся, что конец его изгнанию положит только смерть Ирода и что никогда, доколе Ирод жив, он не возвратится к нему. И он не возвратился даже во время болезни брата, невзирая на самые настойчивые приглашения с его стороны, так как Ирод, думая, что конец его близок, хотел оставить ему некоторые распоряжения. Однако Ирод неожиданно оправился, а вскоре после этого заболел Ферора. Ирод выказал себя менее непреклонным: он поехал к брату и трогательно ухаживал за ним. Однако побороть болезнь было не в его силах, и через несколько дней Ферора скончался. До самой его смерти Ирод не переставал любить его, но тем не менее ходили слухи, что он сам его отравил. Он сопровождал тело в Иерусалим, приказал всему народу оплакивать его в течение длительного времени и почтил его несравненным по пышности погребением. Таков был конец одного из убийц Александра и Аристобула.

XXX

1. Однако смерть Фероры повлекла за собой возмездие, которое в конце концов отыскало истинного виновника преступления. Все началось с того, что некоторые из вольноотпущенников покойного, удрученные, предстали перед царем и объявили ему, что его брат был умышленно отравлен: его жена подала ему какое-то необычное кушанье, и вскоре после того, как он съел его, он заболел. А за два дня до того ее мать и сестра призвали одну искусную в снадобьях аравийку, чтобы та приготовила для Фероры любовное зелье; однако вместо этого по наущению Сулая, который ее хорошо знал, аравийка дала ему смертельный яд.

2. Царь, терзаемый всевозможными подозрениями, подверг рабынь и некоторых свободных женщин пытке. Одна из них в терзаниях воскликнула: «О Боже, Владыка неба и земли, пусть наши страдания падут на голову их виновницы, матери Антипатра!» Ухватившись за этот намек, царь продолжал добиваться истины, и женщина открыла ему все о дружбе Антипатра с Феророй и окружавшими его женщинами и об их тайных встречах. Она рассказала также, как Ферора и Антипатр, возвращаясь от царя, пировали с ними по ночам, предварительно отослав всех рабов и рабынь (та, что сообщила эти сведения, была свободной).

3. Тогда Ирод подверг пытке всех рабынь, одну за другой. Их показания полностью совпали с тем, что было уже известно, за тем исключением, что отъезд Антипатра в Рим, а Фероры – в Перею был согласован заранее: оба беспрестанно повторяли, что теперь, когда Ирод избавился от Александра и Аристобула, наступила очередь их самих и их жен – ведь тот, кто убил Мирьям и ее сыновей, не пощадит никого, и потому чем больше расстояние, отделяющее их от этого чудовища, тем лучше для них. Кроме того, Антипатр часто жаловался своей матери, что, в то время как отец его день ото дня выглядит все моложе, сам он уже поседел и, очень вероятно, умрет, так и не успев стать царем. А когда отец его умрет – если он когда-нибудь все-таки умрет, – его, Антипатра, наслаждение царской властью будет удручающе кратковременным; а еще на глазах отрастают эти головы Гидры, сыновья Аристобула и Александра, он же сам ограблен отцом, отнявшим у него надежду, что после его смерти дети наследуют ему, ибо его преемником назначен не один из его сыновей, но Ирод, сын Мирьям; должно быть, старик совсем уже выжил из ума, если он воображает, что эта часть его заве-

щания будет исполнена: ведь он, Антипатр, лично позаботится, чтобы никто из всей родни не остался в живых. Еще он говорил, что Ирод, который ненавидит детей, как никто другой из отцов, ненавидит еще больше собственного брата, ведь только вчера или позавчера он дал ему, Антипатру, сто талантов, лишь бы тот не имел никаких дел с Феророй, а когда Ферора спросил: «Какой вред мы ему причиняем?», он, Антипатр, ответил ему: «Я хочу только, чтобы он поскорее лишил нас всего и позволил нам жить нагими, ибо не вижу иного способа спастись от этого кровожадного чудовища, которое не позволяет нам даже открыто проявлять привязанность друг к другу. Теперь нам придется встречаться тайком, и мы сможем делать это открыто только тогда, когда обретем дух и силу мужей».

4. К этим исторгнутым под пыткой признаниям они прибавили еще, что Ферора намеревался вместе с ними бежать в Петру.

Ирод поверил каждому их слову из-за упоминания о его талантах, о которых было известно только ему и Антипатру. Сначала он обрушил свой гнев на мать Антипатра Дориду: отнял у ней все подаренные им украшения, которые стоили многих талантов, и изгнал ее вторично. Но женщинам из окружения Фероры он помог оправиться от пыток, так как больше не имел повода для вражды к ним. Теперь он пребывал в постоянном страхе и приходил в волнение от малейшего подозрения: многих послал на пытки без всякой вины, из одного лишь опасения пропустить кого-либо действительно виновного.

5. Наконец наступила очередь самаритянина Антифила, главного управителя Антипатра. Под пыткой тот признался, что Антипатр заказывал в Египте через одного из близких к нему, Антифилу, людей яд для отравления Ирода. Он, Антифил, вручил этот яд дяде Антипатра Тевдиону, а тот передал его Ферорe, которому Антипатр поручил умертвить Ирода в то время, как сам будет находиться в Риме и таким образом останется вне подозрений. Ферора же передал снадобье своей жене. Царь послал за ней с приказанием немедленно принести то, что она получила от мужа. Она вышла как бы затем, чтобы принести яд, и тут же бросилась с крыши, чтобы избежать допроса у царского палача. Однако по воле божественного провидения, которое, как видно, желало покарать Антипатра, она ударилась не головой, но другими частями тела и осталась в живых. Ее отнесли к царю, который, дождавшись, чтобы она пришла в себя (ибо после падения она потеряла сознание), потребовал объяс-

нений, дав при этом клятву, что если она расскажет всю правду, то будет избавлена от всякого наказания, если же она что-то утаит, то ее будут терзать на дыбе до тех пор, пока от ее тела не останется ничего даже для погребения.

6. После недолгого колебания женщина ответила: «Что ж, к чему мне продолжать хранить эти тайны сейчас, когда Феоры больше нет? Для того лишь, чтобы спасти Антипатра, который погубил всех нас? Слушай меня, царь, и пусть Бог слышит меня тоже и подтвердит правдивость моих слов, ибо обмануть Его не может никто! Когда Ферора умирал, а ты сидел рядом с ним и обливался слезами, он подозвал меня к себе и прошептал: "О, как жестоко ошибался я, жена, по поводу отношения ко мне брата! Смотри, как он любит меня, я же испытывал к нему ненависть и собирался убить того, кого близость моей кончины повергает в такое отчаяние. Я по заслугам наказан за свою неверность. Пойди к себе и принеси яд, оставленный нам Антипатром для убийства царя, и уничтожь его немедленно у меня на глазах, ибо я боюсь сойти в Аид отягощенным такой виной". Как мне и было велено, я принесла яд и большую часть высыпала в огонь у него на глазах, однако немного оставила себе на всякий случай из страха перед тобой».

7. С этими словами она достала шкатулку, которая действительно содержала лишь небольшое количество яду.

Тогда Ирод подверг пытке мать и брата Антифила, которые сознались, что шкатулка была привезена Антифилом из Египта, где он получил ее от брата, бывшего в Александрии врачом. Духи Александра и Аристобула витали по дворцу и, проникая повсюду, делали тайное явным, посылая на допрос даже тех, на кого никогда не падало подозрение. Даже Мирьям, дочь первосвященника, была найдена причастной к заговору: об этом сообщили под пыткой ее братья. За свои преступные намерения мать была наказана через сына, ибо имя ее сына Ирода, который должен был наследовать Антипатру, было вычеркнуто из отцовского завещания.

XXXI

1. В разгар событий допросу был подвергнут вольноотпущенник Антипатра Батилл, показания которого окончательно подтвердили замыслы Антипатра. Именно: он принес еще одно

снадобье – ядовитую смесь змеиного яда с выделениями других пресмыкающихся; Ферора и его жена должны были отравить им царя в том случае, если первый яд не окажет нужного действия. Вместе с ядом он принес письма, подделанные Антипатром для того, чтобы обвинить своих братьев Архелая и Филиппа, царских сыновей, которые в это время воспитывались в Риме и уже превратились в юношей с высоким духом. Антипатр вознамерился искоренить эту подрастающую угрозу его надеждам и с этой целью подделал некоторые обличающие их письма от имени некоторых друзей Ирода в Риме, одновременно подкупив других друзей, чтобы они написали, что юноши постоянно осуждают отца, обвиняют его в смерти Александра и Аристобула и противятся своему возвращению на родину (ведь Ирод уже послал за ними, и это-то и было главной причиной беспокойства Антипатра).

2. Еще до своей поездки в Рим, находясь в Иудее, Антипатр заплатил за то, чтобы в Риме были написаны эти изобличающие письма, а сам явился к отцу якобы затем, чтобы оправдать поведение братьев, настаивая, что часть сообщаемого является неправдой, а другую следует приписать юношеской опрометчивости. Поскольку составителям обличительных писем он заплатил большие деньги, ему нужно было скрыть эти расходы; поэтому он накупил себе дорогих одежд, ковров искусной работы, серебряных и золотых чаш и много других ценных вещей, чтобы затраченные на это средства скрыли другие, более подозрительные траты. Его отчеты показывали расход в 200 талантов, большая часть которых была отнесена на счет его законной тяжбы с Сулаем. Сейчас, однако, мелкие мошенничества всплыли наружу вместе с более серьезными преступлениями.

Но хотя допросы кричали об отцеубийстве, а письма – о повторном братоубийстве и хотя со времени разоблачения Антипатра до его возвращения домой прошло целых семь месяцев, никто из прибывавших в Рим не рассказал ему о том, что происходило в Иудее, – столь велико было всеобщее отвращение к нему. Возможно также, что духи убитых братьев закрыли рты тем, кто все-таки собирался рассказать Антипатру о происходящем. Так или иначе, он прислал из Рима письмо с известием о скором возвращении, где сообщал также о чести, оказанной ему Цезарем при их последнем свидании.

3. Царь, который жаждал, чтобы злоумышленник попал в его руки, и одновременно боялся, что тот окажется предупрежден и настороже, ответил ему письмом, в котором скрыл подлинные

чувства и, являя видимость благосклонности, настаивал, чтобы Антипатр скорее возвращался домой; он писал, что если Антипатр прибудет быстро, то он, Ирод, ни словом не упрекнет его за проступки матери. Дело в том, что Антипатру уже было известно, что его мать удалена от двора: будучи в Таренте, он получил письмо с сообщением о смерти Фероры, после чего стал выказывать беспредельное горе, глубоко растрогав тех, кто думал, будто он скорбит о кончине дяди. На самом же деле он был удручен провалом заговора и скорбел не столько о Фероре, сколько о том, что вместе с ним лишился орудия совершения своего преступления. Его охватил страх за содеянное: а вдруг яд уже обнаружен! Однако теперь, получив в Киликии упомянутое письмо от отца, он без промедлений двинулся дальше.

Однако, когда его корабль уже достиг Келендериса, им вдруг завладела мысль о судьбе матери, ибо душа его непроизвольно почувствовала недоброе. Наиболее дальновидные из свиты советовали ему не отдаваться во власть отца, пока не станут точно известны причины изгнания матери: они опасались, что выдвинутые против нее обвинения таят за собой нечто большее. Менее благоразумные, которые не столько заботились о благополучии Антипатра, сколько стремились скорее вернуться домой, настаивали, чтобы он продолжал свой путь, так как его медлительность может подать отцу повод для подозрений, врагам же – предлог для клеветы. Если и возникло какое-либо подозрение против него (так говорили они), то только из-за его отсутствия, тогда как в его присутствии никто не осмелится вредить ему; было бы нелепо, если бы он позволил смутным подозрениям лишить его несомненных благ и не отдался бы как можно скорее в руки отца, чтобы получить от него царство, единственной опорой которого является он, Антипатр. Антипатр, ведомый божественным провидением, внял этим советам: он переплыл море и высадился в Кесарии.

4. Прежде всего его поразило то, что он оказался в полном одиночестве: все избегали его и никто не осмеливался приблизиться, ибо, в то время как ненависть к нему была столь же сильна, как и прежде, теперь, по крайней мере, люди не боялись открыто выказывать ее. Многих, кроме того, удерживал страх перед царем, так как каждый город был к тому времени полон слухами об Антипатре, и единственный, кто оставался в неведении, был сам Антипатр. Сколь пышны были его проводы при отправлении в Рим, столь же убогой была сейчас его встреча. Он уже начинал подозревать неладное, однако был слишком умен,

чтобы выказать это, и, хотя в душе был мертв от страха, невероятным усилием заставил себя сохранять спокойный вид. Сейчас у него уже не было возможности ни бежать, ни исправить положение. Однако поскольку из-за царских угроз никакие определенные известия о событиях во дворце не достигли его, оставался проблеск надежды: быть может, еще ничего не раскрыто или, даже если раскрыто, он еще сумеет все исправить запирательством и хитростью, ведь только они могут теперь спасти.

5. Поддерживаемый этими тщетными надеждами, Антипатр вступил в царский дворец один, без всякого сопровождения, так как его свиту грубо задержали у внешних ворот. Во дворце в это время находился сирийский наместник Вар. Антипатр вошел к отцу и, пытаясь держаться развязно, бросился к нему с намерением обнять. Однако Ирод отстранил его и, отвернувшись, воскликнул: «Как это похоже на отцеубийцу – желать обнять меня, будучи отягощенным таким преступлением! Будь ты проклят, нечестивый негодяй! Не смей касаться меня, пока не опроверг обвинений! Ты будешь предан суду, и Вар прибыл как раз кстати, чтобы быть твоим судьей. Иди и до завтра обдумывай свою защиту, ибо я даю тебе возможность приготовить одно из твоих ухищрений». Антипатр, слишком ошеломленный, чтобы произнести хотя бы слово, повернулся и вышел. Вскоре к нему вошли жена и мать с полным изложением обвинений. Тут к нему вернулось самообладание, и он принялся готовить свою защиту.

XXXII

1. На следующий день царь созвал суд, состоявший из его советников и придворных; придворные Антипатра тоже присутствовали на заседании. Ирод вместе с Варом возглавляли заседание, и Ирод вызывал свидетелей. Среди свидетелей были несколько служанок матери обвиняемого, которую незадолго до того застали при попытке переслать сыну записку следующего содержания: «Твоему отцу известно все. Поэтому не являйся к нему, пока не сможешь рассчитывать на поддержку Цезаря». После того как были введены эти и все остальные свидетели, вошел Антипатр и пал ниц перед отцом. «Прошу тебя, отец, – начал он, – не произносить своего приговора прежде, чем не выслушаешь непредвзято моего защитительного слова. И если только ты мне позволишь, я докажу свою невиновность».

2. Прервав его речь приказанием молчать, Ирод обратился к Вару: «Я совершенно уверен, что ты, Вар, как и всякий справедливый судья, признаешь Антипатра неисправимым негодяем. Но я боюсь, как бы самое мое несчастье не вызвало в тебе отвращения и ты не счел бы меня заслуживающим любого наказания за то, что я породил таких сыновей. Однако по этой же самой причине тебе следовало бы испытать ко мне сочувствие, ибо я был этим мерзавцам самым любящим отцом. Других своих сыновей я объявил царями, когда они были еще совсем юными, я дал им образование в Риме и сделал их друзьями Цезаря на зависть другим царям – и они отплатили мне тем, что составили против меня заговор! Они были умерщвлены главным образом ради Антипатра: он был молод, он был моим наследником и потому его безопасность являлась моей главной заботой. И вот это низкое чудовище, переполненное моими благодеяниями, излило на меня же свою непомерную дерзость! Он считал, что я живу слишком долго, он тяготился моим преклонным возрастом, он хотел стать царем через отцеубийство! Поделом мне за то, что я возвратил его к себе в город после того, как он однажды был изгнан мною! Поделом мне за то, что я оттолкнул сыновей царевны, чтобы сделать его наследником своего престола!

Я охотно допускаю, Вар, что совершил непростительную глупость. Ведь кто, как не я сам, настроил против себя обоих сыновей тем, что ради Антипатра лишил их справедливых упований? Разве по отношению к ним я выказывал когда-либо такую нежность, как по отношению к нему, к Антипатру? Я почти отрекся от престола в его пользу, я открыто объявил его в завещании наследником с годовым содержанием в 50 талантов, я осыпал его дарами из своей собственной казны, когда он недавно отправился в Рим, я дал ему 300 талантов и представил его, единственного из всей семьи, Цезарю как опору своего отца. Разве совершалось когда-либо преступление, сравнимое с преступлением Антипатра? Разве выдвигались когда-либо улики столь же неопровержимые, каковы те, что уличают этого человека в заговоре? И сейчас этот отцеубийца еще осмеливается говорить, надеясь снова скрыть истину своими ухищрениями. Берегись, Вар! Мне знакомо это чудовище, и я представляю себе, какие лицемерные мольбы и лживые слезы исторгнет он сейчас из себя!

И это тот, кто при жизни Александра предупреждал меня остерегаться его и не доверяться всем и каждому, это тот, кто сопровождал меня до самой постели и обшаривал спальню в поис-

ках спрятанного убийцы! Он был стражем моего сна, оградой от треволнений, утешителем моего горя по мертвым сыновьям, порукой верности остальных братьев, моим щитом, моим телохранителем! Когда я вспоминаю, Вар, что все это время он лишь ловко притворялся, я не могу поверить в то, что я еще жив, и удивляюсь, как мне удалось ускользнуть от столь искусного заговорщика. Но с тех пор, как некий злой дух принялся опустошать мой дом, заставляя самых близких мне людей одного за другим восставать против меня, я действительно должен оплакивать свою жестокую судьбу и скорбеть в душе о своем одиночестве. Однако я не дам избежать наказания никому из тех, кто жаждет моей крови, даже если суд найдет виновным каждого из моих детей!»

3. Обуреваемый волнением, он не смог продолжать и кивнул Николаю, одному из своих придворных, чтобы тот продолжил его речь. Но тут Антипатр, остававшийся распростертым у ног отца, поднял голову и воскликнул: «Ты сам, отец, произнес вместо меня мою защитительную речь! Как могу я быть отцеубийцей, если ты сам признаешь, что я до конца был твоим защитником? Мою преданность собственному отцу ты называешь лицемерными увертками, но как мог я, столь хитрый в прочих отношениях, оказаться таким глупцом, чтобы не понимать, что слишком трудно скрыть от человеческих глаз приготовления к столь чудовищному преступлению и уж совершенно невозможно скрыть их от небесного судии, всевидящего и вездесущего. Разве не известен был мне конец моих братьев и ужасное наказание, понесенное ими от Бога за преступные намерения против тебя? И что бы могло заставить меня вредить тебе? Надежда стать царем? – Но я и без того был царем! Опасения перед твоей ненавистью? – Но разве не был я нежно любим тобою? Страх перед тобою по какой-либо иной причине? – Но моя забота о тебе заставляла других бояться меня! Недостаток денег? – Но у кого их было больше, нежели у меня? Предположим, я был подлейшим из людей с душой дикого зверя, но, отец, уже самая твоя доброта должна была укротить меня: ведь ты возвратил меня из изгнания, как ты сам об этом сказал, и предпочел меня другим своим сыновьям, и провозгласил меня царем еще при своей жизни, и, осыпав меня всевозможными почестями, заставил каждого завидовать мне?

О, зачем только я отправился в Рим, расчистив тем самым путь для зависти и развязав руки недоброжелателям! Но я поехал туда, отец, ради тебя: ведь я отправился защищать твои ин-

тересы, предотвратить глумление Сулая над твоей старостью. Рим может засвидетельствовать мою любовь к отцу, может засвидетельствовать ее и владыка всего мира Цезарь, который часто называл меня преданным сыном. Вот письмо, которое он велел передать тебе. Оно заслуживает большего доверия, чем здешняя клевета, оно – моя единственная защита, и я вручаю его тебе как свидетельство моей горячей любви к тебе. Вспомни, что я отправился в путешествие против своей воли, ибо мне очень хорошо известна таящаяся в этом царстве враждебность ко мне. И это ты, отец, непреднамеренно погубил меня тем, что заставил подать завистникам повод для клеветы. Однако теперь я здесь и готов встретить обвинения. Я странствовал по земле и по морю, и ничего со мной не случилось, как то должно было случиться с отцеубийцей. Но ты не возвратишь мне свою милость на основании этого свидетельства, ибо я уже осужден перед Богом и перед тобой, отец. Однако, хоть я и осужден, я прошу тебя не основывать веру в мою виновность только на том, что другие признали под пыткой. Пусть и меня жгут огнем, пусть орудия пытки вонзятся и в мои внутренности – не щади этого бренного тела! И если я отцеубийца, то пусть я умру на дыбе!»

Эти восклицания, жалобы и слезы глубоко растрогали Вара и всех присутствовавших. Один только Ирод был стишком разгневан, чтобы речь Антипатра исторгла из него слезы: ведь он знал, что все обвинения были правдой.

4. Вслед за этим поднялся Николай и по распоряжению царя приступил к исчерпывающему изложению всех козней Антипатра. По мере того как он говорил, всякое сострадание к обвиняемому рассеялось. Поток обвинений не иссякал: Николай объявил Антипатра ответственным за все совершенные в этом царстве преступления, и в первую очередь за убийство братьев, доказав, что они погибли только вследствие его клеветы. Далее он обвинил Антипатра в заговоре против других вероятных наследников: возможно ли, спрашивал он, чтобы пощадил братьев тот, кто приготовил яд для собственного отца? Затем он перешел к обвинению в отравительстве и по порядку изложил все данные при расследовании показания. Говоря о Фероре, он едва мог сдержать себя: подумать только, что именно его Антипатр чуть было не превратил в братоубийцу! Не кто иной, как он, подкупил самых близких и дорогих сердцу царя людей, наполнив весь дворец скверной! Николай выдвинул еще много других доводов и, доказав истинность каждого из них, возвратился на свое место.

5. После этого Вар обратился к Антипатру и пригласил его произнести защитительную речь. Однако тот только сказал: «Бог свидетель моей полной невинности!» – и остался распростертым в молчании. Тогда Вар послал за ядом, дал его приговоренному к смерти узнику и заставил выпить; смерть наступила мгновенно. После этого Вар переговорил с Иродом с глазу на глаз, составил для Цезаря отчет о происшедшем и на следующий день покинул Иерусалим. Царь заключил Антипатра в тюрьму и отправил послов к Цезарю с сообщением о постигшем его несчастье.

6. Вскоре после этого открылось, что Антипатр составил заговор также и против Шломит. Именно: в Иудею прибыл один из слуг Антифила и привез письма от прислужницы Юлии по имени Акмэ. Из этих писем царю стало известно, что Акмэ обнаружила среди бумаг Юлии письма его сестры Шломит и, желая быть полезной, пересылает их ему. Эти письма, содержавшие самые резкие оскорбления и самые яростные обвинения по адресу Ирода, были подделкой Антипатра, который подкупил Акмэ, чтобы она переслала их Ироду. Его виновность доказывалась ее письмом к нему, ибо Акмэ писала и ему тоже: «Согласно твоему желанию, я послала твоему отцу те самые письма с сопроводительной запиской. Я уверена, что по прочтении их он не пощадит своей сестры. Когда все будет кончено, прошу не забыть о твоем обещании».

7. Когда среди поддельных писем, обвинявших Шломит, было обнаружено и это письмо, царю пришло в голову, что, возможно, бумаги, обвинявшие Александра, тоже не были подлинными. При мысли о том, что из-за козней Антипатра он чуть было не казнил и сестру, его охватывало величайшее смятение.

Потому он решил, не теряя времени, покарать Антипатра за все преступления. Но как раз когда он собирался это сделать, его поразила тяжелая болезнь. Тем не менее он успел дать знать Цезарю об Акмэ и о бесчестной попытке оклеветать Шломит. Он послал также за своим завещанием, чтобы изменить его. Своим преемником он назначил Антипу, обойдя старших сыновей, Архелая и Филиппа, оклеветанных Антипатром. Цезарю, наряду с множеством других даров, он завещал 1000 талантов; его супруге, детям, придворным и вольноотпущенникам – около 500 талантов. Своим детям он оставил щедрое наследство в землях и деньгах. Сестре, Шломит, он, в знак особой чести, выделил наиболее великолепные дары. Таковы были исправления, внесенные им в завещание.

XXXIII

1. Здоровье его неуклонно ухудшалось, так как недуг застиг его в преклонном возрасте и в подавленном состоянии духа. Ему было около 70 лет, и дух его был сломлен перенесенными им из-за детей несчастьями, так что, даже когда он был здоров, радости жизни не имели для него никакого значения. Болезнь усугублялась сознанием того, что Антипатр все еще жив, но он решил, что казнь следует совершить публично, и потому дожидался своего выздоровления.

2. В разгар всех этих бедствий в городе вспыхнуло восстание. Были там два мудреца, пользовавшиеся великой славой за строгое соблюдение отеческих законов и высокопочитаемые всем народом. Звали их Йехуда, сын Циппорая, и Маттитьяху, сын Маргала. Множество учеников стекалось к ним за толкованием законов, и за ними ежедневно следовала толпа юношей. Когда до мудрецов дошли известия, что душа и тело царя поражены немощью, они дали понять своим ученикам, что сейчас самое время встать наконец на защиту Бога и низвергнуть воздвигнутые вопреки отеческим законам изваяния. Дело в том, что над Большими воротами царь водрузил золотого орла, хотя Закон воспрещает выставлять в Храме изображения и изваяния человека, равно как и подобия любого другого живого существа. И вот сейчас учителя побуждали своих последователей снять это изображение, говоря, что, даже если этот поступок и сопряжен с опасностью, прекрасна смерть ради отеческих законов: встретившего такой конец ожидает за гробом бессмертие и вечное блаженство, и лишь малодушные и несведущие в их учении из-за своего невежества цепляются за жизнь и предпочитают смерть от болезни гибели за правое дело.

3. Когда они вели такие наставления, разнесся слух, что царь уже при смерти, так что юноши с еще большей уверенностью взялись за дело. В полдень, когда по всему Храму толпится множество народа, они на толстых веревках спустились с крыши и принялись рубить орла топорами. Известие об этом очень скоро достигло царского военачальника, который поспешил на место происшествия в сопровождении множества воинов. Около сорока юношей были схвачены и предстали перед царем. Он начал с того, что спросил, в самом ли деле они посмели рубить золотого орла. Те отвечали утвердительно. Тогда он спросил, кто велел им это сделать. «Закон отцов», – отвечали они. Царь спросил, от-

чего, несмотря на то что им угрожает казнь, они сохраняют такую бодрость. «Оттого, что после смерти нас ожидает вечное блаженство», – ответили они.

4. Это привело царя в такой гнев, что он, забыв о болезни, вышел из дворца, чтобы выступить перед народом. Он произнес пространную речь, в которой обвинил юношей в ограблении Храма и сказал, что их ссылки на Закон предназначены лишь скрыть какую-то иную, тайную цель. В конце он потребовал для них наказания за святотатство. Народ, опасавшийся более широких карательных мер, стал просить его наказать сначала тех, кто подстрекал к совершению проступка, затем тех, кто совершил его, но пощадить остальных. Царь неохотно согласился: тех, кто спускался на веревках с крыши, он приказал сжечь заживо вместе с обоими их учителями, а остальных задержанных передал своим прислужникам для казни.

5. Немедленно после этого болезнь распространилась по всему его телу, сопровождаясь мучительными болями во всех местах. Его слегка лихорадило, все тело невыносимо зудело, непрерывно болел живот, ноги отекли, как от водянки, желудок воспалился, детородные части омертвели и зачервивели; наконец, его дыхание, в особенности в лежачем положении, было затруднено, и судороги сводили все члены. Прорицатели говорили, что все эти болезни были посланы ему в наказание за то, что он сделал с законоучителями. Но, несмотря на неисчислимое множество болезней, Ирод цеплялся за жизнь, надеялся на выздоровление и сам назначил себе лечение. Он переправился через Иордан и испробовал горячие источники в Каллирое, выливающей свои воды в Мертвое море (между прочим, вода ее достаточно пресная и пригодна для питья). Врачи решили согреть его тело горячим маслом и погрузили его в ванну. Однако от этого он лишился чувств, и глаза его закатились так, как если бы он уже умер. Однако громкие возгласы окружающих привели его в себя. Окончательно потеряв надежду на исцеление, он приказал раздать по 50 драхм каждому воину и богато одарить полководцев и придворных.

6. К тому времени, как на обратном пути в Иерусалим он прибыл в Иерихон, рассудок его уже помутился от разлития черной желчи и, бросая вызов самой смерти, он замыслил чудовищное преступление. Именно, он собрал со всей Иудеи самых уважаемых в каждом селении людей и запер их на ипподроме; затем послал за своей сестрой Шломит и ее мужем

Алексой и сказал им следующее: «Я знаю, что евреи встретят мою смерть бурными проявлениями радости. Но если только вы исполните то, что я вам скажу, я смогу заставить их скорбеть обо мне за счет других и почтить мою смерть великолепным оплакиванием. Этих людей под стражей – как только я умру, убейте их всех, выпустите на них моих воинов. И тогда вся Иудея в целом и каждый отдельный дом против своей воли оплачут мою смерть».

7. Как раз когда он отдавал эти распоряжения, от его послов в Риме прибыло известие, уведомляющее, что по приказу Цезаря Акмэ казнена, а Антипатр приговорен к смерти. Далее сообщалось, что, если отец Антипатра предпочтет ограничиться изгнанием, Цезарь не будет возражать. На короткое время Ирод почувствовал себя гораздо бодрее, но затем стал испытывать такие мучения от недостатка пищи и раздирающего все тело кашля, что страдания сломили его и он сделал попытку предупредить свой неизбежный конец. Взяв в руки яблоко, он попросил подать ему нож, так как имел обыкновение разрезать яблоки, когда их ел. Затем, оглянувшись, чтобы удостовериться, что поблизости никого нет и никто не сможет помешать ему, он поднял руку, чтобы вонзить в себя нож. Однако к нему бросился его двоюродный брат Ахиав и, схватив руку, успел остановить его. Одновременно по всему дворцу раздались громкие крики, как если бы царь уже скончался.

Новости скоро достигли Антипатра, и он, вне себя от радости, предложил тюремщикам щедрый выкуп, чтобы они немедленно освободили его и дали уйти. Однако управитель тюрьмы не только воспрепятствовал этому, но и немедленно доложил Ироду о замысле Антипатра. Ирод издал столь громкий крик, что казалось невозможным, чтобы он был исторгнут из груди столь больного человека, и тут же отправил телохранителя, чтобы тот прикончил Антипатра. Он приказал похоронить его тело в Гиркании и вслед за этим вновь изменил свое завещание, назначив наследником старшего сына Архелая, а его брата Антипу – тетрархом.

8. Сам он пережил казнь Антипатра всего на пять дней. Если считать с того дня, когда он предал смерти Антигона и стал действительным правителем страны, его царствование длилось 33 года; если же считать со дня провозглашения его в Риме царем, то 36 лет. Во многих отношениях судьба сопутствовала ему более, чем кому-либо иному: не принадлежа к царскому роду,

он достиг царской власти, удерживал ее весьма длительное время и передал собственным детям. Но в семейной жизни он был злосчастнейшим из смертных.

Еще до того как войско узнало о смерти Ирода, Шломит вместе с мужем отправилась и освободила пленников, которых царь приказал умертвить. Она сказала им, что царь изменил свое намерение и разрешает всем разойтись по домам. Когда же они находились уже вне опасности, она сообщила войску о действительном положении дел и собрала и войско и народ в амфитеатре в Иерихоне. Вперед выступил Птолемей, вернейший слуга царя, показал всем врученный царем перстень с печатью и сделал народу сообщение о смерти царя. Затем он зачитал письмо, оставленное Иродом для войска, в котором царь призывал воинов хранить верность его преемнику. Наконец, он вскрыл и зачитал последнее завещание царя, где Филипп объявлялся владельцем Трахона и прилегающих к нему областей, Антипа – тетрархом, как уже говорилось выше, а Архелай – царем. На Архелая возлагалась обязанность вручить перстень с запечатанными государственными бумагами в руки Цезаря, ведь не кто иной, как Цезарь, был попечителем всех распоряжений Ирода и исполнителем его завещания. Все остальные части прежнего завещания оставались в силе.

9. Шумные приветствия немедленно обрушились на Архелая, и воины вместе с народом стройными рядами стали подходить к нему, чтобы обещать свою верность и произнести совместные молитвы Богу. После этого они занялись погребением царя. Архелай сделал все, чтобы погребение было как можно более великолепным: он даже вынес из дворца все царские украшения, чтобы их несли за телом. Погребальные носилки из чистого золота были украшены драгоценными камнями и убраны дорогим пурпуром. Тело Ирода было облачено в виссон, на голове его покоилась диадема, а поверх нее – золотой венец, в правую руку был вложен скипетр. За телом шли сыновья Ирода и все его многочисленные родственники, вслед за ними – телохранители, за ними – колонна фракийцев, германцы и галлы, все в полном боевом облачении. Далее шествовало войско при полном вооружении, сохранявшее боевой строй и ведомое военачальниками, за войском – 500 домашних рабов и вольноотпущенников, воскурявших благовония. Тело было пронесено на расстояние 70 стадиев до Геродиона, где во исполнение воли покойного царя и погребено. Так кончается история Ирода.

КНИГА ВТОРАЯ

I

1. Необходимость посетить Рим явилась причиной того, что очень скоро Архелаю пришлось столкнуться с беспорядками. Он провел неделю в трауре по отцу и со всей возможной щедростью устроил погребальный пир для народа. Обычай этот – причина разорения многих евреев, ибо они вынуждены устраивать пир для толпы под угрозой обвинения в нечестии.

После этого он снял траурные одежды и, облачившись во все белое, прошествовал к Храму, где народ приветствовал его громкими криками. Он же, восседая на возвышении на золотом троне, махал народу рукой и сердечно благодарил его за труды, понесенные при погребении его отца, и за почет, выказанный ему самому, как если бы он был уже провозглашен царем. Однако он не имел намерения принять царскую власть или хотя бы звание царя, пока его право на это не подтверждено Цезарем, ибо, согласно условиям завещания Ирода, решение было полностью отдано на усмотрение Цезаря. Ведь и в Иерихоне, когда войска пытались возложить венец на его голову, он ответил отказом. Однако он обещал, как только будет провозглашен царем, отблагодарить войска и народ за воодушевление и преданность и стараться во всем быть более добрым правителем, чем отец.

2. Это обещание привело слушавших в восторг, и они тут же подвергли его искренность испытанию, начав предъявлять различные требования. Одни громко требовали облегчения прямых налогов, другие хотели отмены налога на покупку, тре-

тьи просили освободить заключенных. На каждое требование он тут же отвечал «да», лишь бы только успокоить разбушевавшуюся толпу. Затем он принес жертвы и вместе с придворными приступил к пиру.

Однако к полудню собрались люди с мятежными настроениями и, в то время как общественный траур по царю завершился, начали собственные причитания: они оплакивали казненных Иродом за попытку сбросить золотого орла с ворот Храма. И это были не потайные сетования, но пронзительные стенания, совместный плач, биение в грудь, разносившиеся по всему городу, ибо – так они говорили – это был плач по людям, которые отдали жизнь за законы своей страны и за Храм. В отмщение за смерть этих людей они требовали наказать ставленников Ирода и в первую очередь сместить назначенного им первосвященника, ибо они считали, что никто иной, кроме них самих, не должен избрать на эту должность человека, благочестие которого не подлежит сомнению и репутация которого безупречна.

3. Архелай пришел в ярость, однако сдержал себя, так как торопился поскорее отбыть в Рим и боялся, что если настроит против себя народ, то это вызовет смуту, из-за которой придется отложить путешествие. Поэтому он старался усмирить мятежников скорее убеждением, нежели силой, и тайно послал к ним своего главнокомандующего с просьбой прекратить волнения. Тот явился в Храм, но не успел произнести и слова, как был забросан камнями и вынужден удалиться. То же самое произошло и с многими другими, посланными Архелаем для восстановления спокойствия. Мятежники отвечали яростью на любое обращение, и было ясно, что если они получат всеобщую поддержку, то ничто не сможет остановить их.

Положение обострялось из-за того, что приближался Праздник опресноков, известный среди евреев как Пасха и отмечаемый многочисленными жертвоприношениями. По этой причине со всей страны в Иерусалим стекались огромные толпы народа. Люди же, оплакивавшие казненных законоучителей, собрались в Храме и таким образом могли вызвать распространение мятежа. Это встревожило Архелая, и он, желая предотвратить расползание заразы по всей стране, послал трибуна с когортой силой смирить зачинщиков бунта. При виде их приближения огромная толпа пришла в ярость и забросала когорту камнями; большинство воинов было убито, а трибун, которому едва удалось спасти свою жизнь, ра-

нен. После этого они продолжили жертвоприношение, как если бы ничего не случилось.

Тогда Архелай понял, что только кровопролитие сможет обуздать толпу. Он выслал против нее всю свою армию: пехота в полном составе прошла городом, а конница – полями. В то время как народ был занят жертвоприношением, войско неожиданно напало на него, поразив насмерть около 3 тысяч человек и рассеяв остальных по близлежащим холмам. Затем появился вестник Архелая и приказал всем разойтись по домам. И так все они разошлись, покинув праздничную трапезу.

II

1. Архелай с матерью и тремя придворными – Поплой, Птолемеем и Николаем – спустился к морю, оставив Филиппа наместником и хранителем своего имущества. Его сопровождали также Шломит с детьми и племянники и зятья покойного царя; на словах они выражали готовность поддержать притязания Архелая на престол, но на деле намеревались добиться его низложения за беззаконное поведение в Храме.

2. В Кесарии они встретились с прокуратором Сирии Сабином. Тот направлялся в Иудею, чтобы принять под свое попечение имущество Ирода, однако задержался из-за прибытия Вара, которого от лица Архелая просил приехать Птолемей. Сабин, считаясь с пожеланиями Вара, не торопился занимать крепости и не закрыл Архелаю доступ к сокровищницам отца. Он обещал не предпринимать никаких действий до тех пор, пока Цезарь не примет решения, и остался в Кесарии. Однако, как только с возвращением Вара в Антиохию и отъездом Архелая в Рим Сабин почувствовал себя свободно, он немедленно отправился в Иерусалим. Там он занял царский дворец и послал за начальниками гарнизона и управляющими имуществом царя, пытаясь вытянуть из них опись имущества и завладеть крепостями. Но те точно соблюдали распоряжения Архелая и продолжали охранять все имущество, скорее во имя Цезаря, нежели во имя Архелая.

3. Между тем Антипа также упорствовал в притязаниях на царскую власть и настаивал на том, что силу имеет не последнее завещание Ирода, но предшествовавшее ему, то есть то, в котором царем объявлялся именно он. Он заручился обеща-

ниями поддержки со стороны Шломит и многих других царских родственников, плывших в Рим вместе с Архелаем. Он пытался также склонить на свою сторону свою мать и Птолемея, брата Николая, поддержка которого представлялась неоценимой ввиду доверия, которым тот был облечен у Ирода, – ибо из всех придворных Ирода Птолемей пользовался наибольшим уважением. Однако более всего он полагался на необыкновенное искусство ритора Иринея и поэтому пренебрег советами тех, кто уговаривал его уступить Архелаю как старшему брату и лицу, поименованному в последнем завещании.

В Риме все родственники, ненавидевшие Архелая, объявили о преданности Антипе. Более всего они предпочли бы самоуправление под покровительством римского должностного лица; когда это им не удалось, они были готовы принять Антипу в качестве царя.

4. В этих попытках им содействовал Сабин, который отправил Цезарю письма с порицаниями Архелая и щедрыми похвалами Антипе. Шломит и ее друзья собрали все обвинения против Архелая и вручили их Цезарю. Архелай же, в свою очередь, направил к Цезарю Птолемея с письменным изложением всех своих прав и с приложением отцовского кольца и государственных записей.

Цезарь наедине изучил бумаги соперничающих партий. Он принял во внимание размеры царства и поступающие от него доходы, учел число детей Ирода, прочел относящиеся к этому вопросу послания Вара и Сабина. Затем он созвал римских магистратов, впервые допустив на заседания Гая, сына Агриппы и его собственной дочери Юлии, усыновленного им самим, и пригласил каждую из сторон изложить суть дела.

5. Тут же поднялся сын Шломит Антипатр, самый тонкий оратор среди противников Архелая. Он указал на то, что, хотя на словах Архелай только притязает на престол, на деле он уже долгое время царствует и поэтому сейчас, когда он добивается приема у Цезаря, решения которого о наследовании он уже предупредил, это выглядит как насмешка. Сразу же после смерти Ирода он тайно подкупил некоторых, чтобы те короновали его царем. Он торжественно восседал на троне и принимал посетителей как царь; он изменил устройство войска и многим пожаловал повышение в чине. Далее, он удовлетворил все прошения, направленные к нему как к царю, и освободил тех, кто был заключен его отцом в тюрьму за тягчайшие пре-

ступления. И сейчас он явился, чтобы просить своего повелителя лишь о тени той царской власти, само существо которой он уже захватил, оставив таким образом Цезарю власть лишь над наименованиями, но не над сущностью. Антипатр заявлял также, что скорбь Архелая по отцу была не более чем притворством: надевая на себя днем личину скорби, он предавался ночами необузданным попойкам, что вызвало негодование народа и послужило причиной волнений в Иерусалиме.

Всю силу своего красноречия оратор направил на описание количества убитых вокруг святилища: они явились на праздник только для того, чтобы быть безжалостно убитыми рядом со своими собственными жертвоприношениями, и такую огромную гору трупов во дворах Храма невозможно было бы представить даже при нападении чужеземного завоевателя. Ироду были хорошо известны жестокие наклонности сына, и оттого он никогда не подавал ему и тени надежды на наследование трона – до тех пор, пока дух его не пришел в еще больший упадок, чем тело, и он, оказавшись более неспособным к здравому рассуждению, перестал понимать, что за человека делает своим наследником в новом завещании. Наследник же, поименованный в предыдущем завещании, написанном в добром здравии и в полной ясности рассудка, был определен безошибочно. Но если все-таки кто-либо будет склонен придавать большой вес решению, принятому тогда, когда здоровье царя ослабело, ему можно будет ответить, что Архелай совершенными им беззакониями доказал, что он неспособен к правлению: если он умертвил такое множество людей еще до того, как получил полномочия от Цезаря, то чему же он уподобится после того, как их получит?

6. Он еще долгое время продолжал в том же духе, выводя перед Цезарем многих родственников с тем, чтобы они засвидетельствовали правдивость каждого обвинения. После того как он сел, для защиты Архелая поднялся Николай. Он стал доказывать, что бойня в Храме была неизбежной, ибо убитые были врагами не только царской власти, но и самого Цезаря, присуждающего сейчас эту власть. Что же касается других мер, в которых обвиняется Архелай, то ведь они были приняты по совету самих же его обвинителей. А что касается последнего завещания, то, как заявил Николай, его следует считать в силе в особенности по той причине, что именно в нем исполнителем воли покойного объявляется Цезарь: маловероятно, чтобы че-

ловек, который оказался достаточно благоразумен, чтобы передать распоряжение своими делами в руки верховного правителя, выбрал себе неподобающего наследника, и тот, кто хорошо знал властителя, сделавшего это распоряжение, только выкажет здравый смысл, если назначит его наследником того, кого он выбрал сам.

7. Когда и Николай окончил свою речь, вперед выступил Архелай и, не говоря ни слова, упал к ногам Цезаря. Император поднял его самым милостивым образом и объявил, что он достоин быть наследником своего отца, однако не отдал никакого определенного распоряжения. Затем, распустив тех, кто заседал в этот день в собрании, он стал обдумывать наедине все услышанное, размышляя, назначить ли наследником Ирода одного из братьев, поименованных в завещаниях, или разделить власть между всеми членами царской семьи, ибо ему представлялось необходимым заручиться поддержкой как можно большего числа соискателей.

III

1. Цезарь не успел еще принять решения, как умерла от болезни мать Архелая Мальтака, а из Сирии прибыли письма от Вара, сообщающие о восстании в Иудее. Вар заранее предвидел такой оборот событий, и поэтому, когда Архелай отбыл в Рим, сам он отправился в Иерусалим с целью сдержать зачинщиков, ведь было ясно, что население не будет сохранять спокойствие. Он оставил в городе один из трех приведенных им из Сирии легионов и возвратился в Антиохию. Однако не успел он отбыть, как явился Сабин и сразу же подал населению повод к волнениям. Он пытался подбить гарнизон завладеть укреплениями и безжалостно доискивался царских денег, используя для этой цели не только оставленных Варом воинов, но и шайку собственных рабов, которых вооружил и сделал орудиями своей алчности.

В канун Пятидесятницы (еврейский праздник, который наступает через семь недель после Пасхи: «Пятидесятница» означает пятидесятый день) в город собрался народ, не столько для исполнения обычных обрядов, сколько для того, чтобы излить свой гнев. Собралась неисчислимая толпа – из Галилеи и Идумеи, из Иерихона и Переи, что к востоку от Иордана; од-

нако ни в количестве, ни в силе воодушевления они ни могли сравняться с роем жителей самой Иудеи. Все это множество народа делилось на три части, каждая из которых расположилась отдельным лагерем: одни к северу от Храма, другие – к югу, у Ипподрома, а третьи – к западу, около дворца. Таким образом окружив римлян, они начали осаду.

2. Как количество их, так и их намерения встревожили Сабина, и он беспрестанно посылал к Вару людей с просьбой о немедленной помощи; он писал, что, если помощь не придет своевременно, легион будет разорван в клочья. Сам он поднялся на самую высокую из башен крепости – ту самую, что называлась Фацаэль в честь брата Ирода, погибшего от рук парфян, – и оттуда подавал знаки легионерам, чтобы те нападали на врага. Сам он был настолько охвачен страхом, что боялся даже сойти вниз к своим собственным людям. Те, следуя полученным приказаниям, ворвались в Храм, и между ними и евреями завязалось жестокое сражение. До тех пор пока они не подвергались обстрелу сверху, военный опыт римлян давал им преимущество в сражении, однако после того, как многие евреи взобрались на верх колоннад и стали метать снаряды на их головы, римляне стали нести тяжелые потери и с трудом отражали как нападающих сверху, так и тех, кто вел с ними рукопашный бой.

3. Наконец, теснимые с обеих сторон, римляне подожгли колоннады – произведения, выдающиеся как по своей величине, так и великолепию. Находившиеся наверху люди внезапно оказались окружены языками пламени. Многие сгорели заживо; другие прыгали сверху в гущу врагов, которые убивали их на месте; некоторые обращались в другую сторону и прыгали со стены; были и такие, что бросались на собственные мечи, избегая смерти в огне. Те же, кому удалось спуститься со стен и вступить в бой с римлянами, были легко разбиты из-за царившего среди них беспорядка. После того как уцелевшие евреи в ужасе обратились в бегство, римляне набросились на оставшуюся без охраны храмовую сокровищницу и вынесли из нее около 400 талантов. То, что не успели украсть они, подобрал Сабин.

4. В ответ на такие потери в людях и имуществе евреи собрали еще более многочисленное и лучше вооруженное войско для борьбы с римлянами. Они окружили дворец и угрожали убить всех в нем находящихся, если те немедленно не уйдут: они обещали Сабину безопасный проход при условии, что он уведет свой легион. На их сторону перешла также основная

часть царских отрядов, что значительно увеличило их силы. Однако наиболее боеспособная их часть – три тысячи так называемых себастийцев во главе с Руфом и Гратом – сохранила преданность римлянам. Грат возглавлял царскую пехоту, а Руф – конницу; каждый из них, даже без подчиненных им людей, был достаточно храбр и умен, чтобы изменить соотношение сил в войне.

Евреи без устали вели осаду, нападая на стены крепости и одновременно громогласно убеждая Сабина и его воинов уйти и не препятствовать им обрести наконец их старинную самостоятельность. Сабин был бы только рад возможности уйти спокойно, но не доверял обещаниям евреев, подозревая, что их сладкие речи были лишь ловушкой, предназначенной поймать его. А поскольку он к тому же ожидал подкреплений от Вара, то продолжал держаться.

IV

1. Между тем волнения распространились по всем областям страны, и многие увидели в этом возможность заявить о собственных притязаниях. В Идумее вновь собрались две тысячи ветеранов Ирода при всем вооружении и выступили против царских отрядов. Им противостоял Ахиав, двоюродный брат покойного царя, который укрылся за мощными укреплениями и не отваживался вступить в открытое сражение. В Циппори Галилейском Йехуда, сын Хизкии (того самого предводителя разбойников, который однажды опустошал эту область и был разбит Иродом), собрал значительное войско, ворвался в царский арсенал, вооружил сторонников и стал нападать на других искателей царской власти.

2. В Перее Шимон, один из царских рабов, счел, что его красивая наружность и мощное телосложение дают ему право водрузить на голову царский венец. Он рыскал повсюду с шайкой грабителей, сжег дворец в Иерихоне и много других великолепных загородных дворцов, обеспечивая себя легкой добычей. И он действительно обратил бы в пепел каждое выдающееся сооружение, если бы Грат, начальник царской пехоты, не призвал лучников из Трахона и отборные отряды из Себастии и не вышел бы навстречу разбойнику. В последовавшем сражении переяне понесли тяжелые потери. Сам Шимон устремил-

ся в бегство вверх по ущелью, однако Грат преградил ему путь, а неожиданный удар во время бегства переломил ему шею. Но дворец в Бет ха-Раме, что близ Иордана, был сожжен другой перейской шайкой.

3. Третьим из притязавших на престол был пастух по имени Атронгей. Он основывал свои надежды на телесной силе и презрении к смерти, равно как и на поддержке четырех своих братьев, подобных ему самому. Каждому из них он поручил возглавлять вооруженную шайку, используя их в своих вылазках как военачальников и сатрапов, в то время как сам он, в роли царя, ограничился устройством наиболее важных дел. Он возложил себе на голову царский венец, но долгое время продолжал набеги по всей стране вместе с братьями. Главной их целью было истреблять римлян и царские отряды, однако ни один еврей, если только он попадал в их руки, имея при себе что-либо ценное, не мог спастись от них. Однажды они отважились даже окружить целую центурию римлян около Эммауса, где те были заняты заготовкой продовольствия и снаряжения для своего легиона. Метая копья, нападавшие убили центуриона Ария и сорок его отборных людей; та же участь грозила и остальным, но прибытие из Себастии Грата с его людьми спасло римлян. Таково было обращение, которому эти люди на протяжении всей войны подвергали без разбора как местных жителей, так и чужеземцев. Но с течением времени трое из них были разбиты: старший – Архелаем, два других – в стычке с Гратом и Птолемеем; четвертый же добровольно сдался Архелаю. Этот конец настиг братьев много позже, а в описываемое время их разбой держал в страхе всю Иудею.

V

1. Вар, получив донесения от Сабина и военачальников, стал опасаться за весь легион и поспешил на помощь. Он взял еще два легиона и четыре прикрепленных к ним отряда конницы и выступил на Птолемаиду, распорядившись, чтобы навстречу ему туда были стянуты наемники, поставленные царями и местными властями. В придачу к этому он собрал полторы тысячи тяжелой пехоты, когда проходил через Берит.

В Птолемаиде с ним соединилось множество союзников, наиболее видным из которых был Арета Аравийский, привед-

ший за собой из ненависти к Ироду большое количество конницы и пехоты. Вар немедленно послал часть войска в прилегающую к Птолемаиде область Галилеи, поставив над нею начальником своего друга Гая. Гай разбил тех, кто пытался преградить ему путь, взял город Циппори и предал его огню, а жителей обратил в рабство.

Сам же Вар с остальным войском вступил в Самарию, однако не тронул города, так как ему было известно, что, в то время как вся страна находилась в брожении, здесь царило полное спокойствие. Он разбил лагерь близ деревни под названием Ар, принадлежавшей Птолемею. Именно поэтому она была разграблена аравийцами, ненавидевшими как самого Ирода, так и его друзей. Вслед за этим он вступил в Цафу, другую укрепленную деревню, которая была разграблена точно таким же образом, так что было взято все, что можно было там найти. Огонь и кровопролитие царили повсюду, и ничто не могло остановить чинимого аравийцами грабежа. Также и Эммаус, оставленный жителями, был предан огню по приказанию Вара, желавшего отомстить за смерть Ария и всех, павших вместе с ним.

2. Затем он подступил к Иерусалиму, где при первом же взгляде на Вара и его войско еврейские отряды рассеялись без следа и разбежались по всей стране. Горожане же приветствовали Вара, отрицая любое обвинение в своем участии в мятеже. Они заявили, что сами не пошевелили и пальцем, но, будучи вынужденными принять по случаю праздника толпы посетителей, подобно римлянам, оказались в осаде, не имея ни малейшего отношения к мятежу.

Перед этим Вар был встречен Йосефом, двоюродным братом Архелая, Руфом и Гратом, возглавлявшими себастийцев и царское войско, а также членами римского легиона, имевшими при себе обычное оружие и снаряжение, – ибо Сабин, не осмеливаясь предстать перед Варом, тем временем покинул город и устремился к побережью. Вар разослал по всей стране отряды, преследовавшие зачинщиков мятежа, и многие были схвачены. Те, кто, как казалось, принимал менее деятельное участие в бунте, были взяты под стражу, зачинщики же распяты – всего около двух тысяч человек.

3. До сведения Вара дошло, что в Идумее все еще собраны силы мятежников, около 10 тысяч тяжеловооруженных человек. Вместе с тем он обнаружил, что аравийцы поступали не как союзники, но воевали с собственными целями и в проти-

воположность желаниям Вара разоряли страну из-за ненависти к Ироду. Поэтому он отослал их и со своими легионами поспешил навстречу восставшим. Однако те, приняв совет Ахиава, сдались еще прежде, чем им был нанесен удар. Вар полностью помиловал рядовых участников мятежа, однако главарей отправил к Цезарю для допроса. Цезарь простил большинство, но некоторых царских родственников (ибо среди мятежников были люди, связанные с Иродом кровными узами) приговорил к смерти за то, что они выступили против царя своей собственной крови. Вар же, приведя таким образом дела в Иерусалиме в порядок, оставил там гарнизоном тот же легион, что был прежде, и вернулся в Антиохию.

VI

1. Тем временем в Риме Архелай был вовлечен в новую тяжбу, на этот раз с евреями, которые еще до восстания прибыли с разрешения Вара в Рим просить об автономии. Их было 50 человек, и более 8 тысяч евреев в Риме поддерживали их. Цезарь собрал римских магистратов и своих собственных друзей в храме Аполлона, выстроенном им на Палатине и украшенном со всевозможной щедростью. Толпа евреев и послы стояли против Архелая и его друзей; друзья его родственников держались в стороне от тех и других, не желая стоять рядом с Архелаем из ненависти и зависти к нему, но и не хотели, чтобы Цезарь видел их среди его обвинителей. Их поддерживал также брат Архелая Филипп, посланный в Рим благодаря доброте Вара с двойной целью: он должен был поддерживать Архелая, но, если бы Цезарь разделил владения Ирода между всеми его потомками, он должен был обеспечить себе свою долю.

2. Когда были вызваны обвинители, они начали с того, что перечислили преступления Ирода. Они заявили, что были подданными не царя, но самого свирепого тирана из когда-либо живших на свете: множество людей он предал казни, а те, кто остался в живых, страдали так ужасно, что преисполнились зависти к мертвым. Он подвергал пыткам не только отдельных подданных, но даже целые города, ибо он разорял свои собственные города для того, чтобы украсить города других народов, и проливал кровь евреев, чтобы ублаготворить чужестранцев. Лишив их прежнего процветания и законов предков, он поверг

свой народ в нищету и бездну беззакония. Истинно, за несколько лет евреи претерпели в руках Ирода больше бедствий, нежели за все время, прошедшее с тех пор, как их предки в царствование Ксеркса покинули Вавилон и возвратились на родину. Но они стали столь раболепными и столь свыклись с несчастьями, что без сопротивления подчинились тому, чтобы их ужасное рабство продолжалось и при преемнике Ирода. И они с готовностью провозгласили царем Архелая, сына этого жестокого тирана, по смерти его отца. Они присоединились к нему в оплакивании смерти Ирода и в молитве за успех его собственного царствования. Архелай же, стремясь показать, что он истинный сын своего отца, ознаменовал начало царствования, умертвив три тысячи граждан, как бы принеся жертву Богу за то, что возведен на престол, и наполнив Храм таким количеством мертвых тел в самый праздник Пасхи! Те же, кто пережил вереницу подобных бедствий, естественно, стали задумываться над своими страданиями и предпочли встретить удар лицом, подобно воинам. Они стали умолять римлян сжалиться над остатками евреев и не бросать то, что еще сохранилось, на растерзание диким животным, но объединить их страну с Сирией и управлять ею через собственных чиновников. Из этого можно видеть, что люди, которые сейчас ложно обвиняются в заговоре и мятеже, умеют подчиняться разумной власти. Этой просьбой евреи завершили свою обвинительную речь.

Затем поднялся Николай и опроверг выдвинутые против царей обвинения, обвинив в свою очередь население страны в стремлении к безвластию и в постоянной неверности своим царям. Кончил он бранью в адрес тех родственников Архелая, которые перешли на сторону его обвинителей.

3. Выслушав обе стороны, Цезарь закрыл собрание. Однако несколько дней спустя он отдал половину царства Архелаю, назначив его этнархом и обещав, что тот сможет стать царем, если покажет себя достойным этого звания. Вторую половину царства он разделил на две тетрархии, присудив их двум другим сыновьям Ирода, Филиппу и Антипе, который оспаривал царство у Архелая. Антипе отошли Перея и Галилея с доходом в 200 талантов, в то время как Башан, Трахон, Хавран и некоторые части владений Зенона, что вокруг Иннано, с доходом в 100 талантов, отошли Филиппу. Этнархия же Архелая включала в себя Идумею, всю Иудею, а также Самарию, причем Самария была освобождена от четверти причитающихся с нее на-

логов в вознаграждение за то, что ее жители не принимали участия в восстании. Под правление Архелая отошли также города Стратонова Башня, Себастия, Яффа и Иерусалим; греческие же города Газа, Гадер и Гиппос были отделены от царства и присоединены к Сирии. Доход от земель, отошедших к Архелаю, составлял 400 талантов. Шломит же, в придачу к тому, что оставил ей царь в своем завещании, получила в свое владение Явне, Ашдод и Фацаэлис, а в подарок от Цезаря она получила дворец в Ашкелоне. Со всего этого она собирала доход в 60 талантов, однако ее владения находились под общим управлением Архелая. Каждый из остальных наследников Ирода получил то, что ему было оставлено в завещании. Одной из двух незамужних дочерей Ирода Цезарь пожаловал в придачу 500 тысяч серебряных драхм и устроил брак обеих с сыновьями Фероры. Разделив таким образом владения Ирода, он еще и распределил между ними наследство, оставленное ему самому, – всего тысяча талантов, – но лишь после того, как отобрал для себя несколько вещей, не имеющих подлинной ценности, в память о покойном.

VII

1. В это самое время один юноша, еврей по рождению, но воспитанный в Сидоне римским вольноотпущенником, стал выдавать себя за казненного Иродом Александра, воспользовавшись физическим сходством между ними. Считая, что разоблачить его невозможно, он прибыл в Рим. Его сопровождал один соотечественник, хорошо осведомленный обо всем, что происходило в царском окружении; он-то и подучил его говорить, будто люди, которым было поручено казнить его и Аристобула, сжалились и дали им ускользнуть, подменив их двумя похожими на них трупами. Своими притязаниями он ввел в обман евреев на Крите, снабдивших его средствами для роскошного путешествия на Мелос. Здесь он благодаря удивительной способности внушать доверие собрал еще более крупную сумму и склонил сторонников отплыть вместе с ним в Рим.

Он высадился в Путеолах и собрал обильные приношения от тамошних евреев. Друзья «отца» сопровождали его, словно царя, на протяжении всего пути. Физическое сходство между ним и Александром было столь разительно, что те, кто видел и

помнил Александра, присягали, что это именно он. Вся еврейская община Рима высыпала ему навстречу, и в узких улицах, которыми он проезжал, собралась огромная толпа (ибо мелосцы до такой степени потеряли голову, что несли его на носилках и за свой собственный счет снабдили царственной роскошью).

2. Цезарь, который помнил, как выглядел Александр еще с тех пор, когда Ирод обвинял его перед ним, еще не видя этого человека, понял, что тот лишь выдает себя за Александра. Однако на случай, если эти радужные надежды все-таки имеют под собой какое-либо основание, он послал некоего Целада, который хорошо знал Александра, с приказом привести юношу к нему. Целад, едва взглянув, сразу же заметил различие и в чертах лица, и в сложении, которое было гораздо плотнее, чем у Александра, и скорее походило на сложение раба. Итак, он сразу же проник в суть заговора и пришел в величайшее негодование от бесстыдства рассказов этого парня. Ведь будучи спрошен об Аристобуле, тот стал настаивать, что и Аристобул жив, но остался на Кипре из страха перед изменой: они якобы находились в большей безопасности, когда не были вместе. Целад отвел его в сторону и сказал: «Цезарь пощадит твою жизнь взамен на имя человека, который подучил тебя рассказывать такую чудовищную ложь». Юноша ответил, что даст требуемые сведения, и сопроводил Целада к Цезарю, в присутствии которого указал на еврея, воспользовавшегося его сходством с Александром для собственной наживы: сам он получал в каждом городе больше даров, чем Александр за всю свою жизнь. Цезаря все это очень позабавило, и, видя его великолепное сложение, он отправил лже-Александра в общество своих галерных рабов, но человека, сбившего его с пути, приказал казнить. Мелосцы же были достаточно наказаны за безрассудство потерей своих денег.

3. Став этнархом, Архелай был, однако, не в состоянии забыть прежние раздоры и обращался не только с евреями, но и с самаритянами с такой жестокостью, что оба народа отправили в Рим посольства, обвиняющие его перед Цезарем. Как следствие, на девятом году своего правления Архелай был сослан в Виенну, что в Галлии, а его имущество перешло в казну Цезаря.

Рассказывают, что перед вызовом на суд к Цезарю он увидел во сне, как быки пожирают девять больших, полных пшеничных колосьев. Он послал за толкователями и некоторыми из халдеев и спросил их, что, по их мнению, предвещает этот сон. Были даны различные толкования, а Шимон, один из ес-

сеев, предположил, что колосья означают годы, а стадо быков – государственный переворот, потому что при полевых работах быки переворачивают пласты земли. Следовательно, Архелай должен был править по году на каждый колос и пройти через различные государственные потрясения прежде, чем он умрет. Миновало пять дней после предсказания, и сновидец был вызван на суд.

4. Я думаю, мне следовало бы упомянуть и о сне его жены Глафиры, дочери каппадокийского царя Архелая. Сначала ее мужем был Александр, брат того самого Архелая, о котором идет речь, и сын царя Ирода, который, как уже излагалось ранее, предал его казни. После смерти Александра она вступила в брак с ливийским царем Юбой, а когда и тот умер, то возвратилась домой и жила вдовой при отце. Здесь ее и увидел этнарх Архелай и воспылал к ней такой сильной любовью, что немедленно развелся со своей женой Мирьям и женился на Глафире. Вскоре после прибытия в Иудею она увидела во сне Александра, который стоял над ней и произносил следующее: «Достаточно было уже твоего ливийского брака. Однако ты не довольствовалась этим: ты вернулась в мой дом, выбрав себе третьего супруга, и на этот раз моего собственного брата, бесстыдница! Я не прощу тебе этого оскорбления и возьму тебя к себе, желаешь ты этого или нет». Она пересказала этот сон, и не прошло и двух дней, как она умерла.

VIII

1. Область Архелая перешла под прямое правление Рима, и Копоний, римлянин из сословия всадников, был направлен туда прокуратором с полномочиями от Цезаря выносить смертный приговор. В это время галилеянин по имени Йехуда пытался склонить местное население к мятежу, браня тех, кто платит подати римлянам и подчиняется человеческому правлению после того, как евреями правил один только Бог. Он был законоучителем и имел своих собственных последователей, и учение его ни в чем не было схоже с остальными учениями.

2. Дело в том, что среди евреев существуют три философских школы, приверженцы которых называют себя фарисеями, саддукеями и ессеями. Из них ессеи придерживаются наиболее строгого образа жизни. По рождению они евреи, но особенно

сильно любят друг друга. Погони за наслаждениями избегают как порока, а добродетелью считают воздержанность и управление собственными страстями. Они избегают брака, но принимают к себе чужих детей в том возрасте, когда те еще легко поддаются влиянию и обучению, и образуют их по своему собственному образцу. Нельзя сказать вместе с тем, чтобы ессеи желали вовсе отменить брак как средство продолжения человеческого рода, однако они остерегаются женского распутства и убеждены, что ни одна из женщин не в состоянии хранить верность одному человеку.

3. Они презирают богатство и живут на удивление единой общиной, в которой никто не превосходит другого достатком. Новообращенные, входящие в секту, должны сдать имущество общине, и поэтому среди них никогда не увидишь ни гнетущей бедности, ни избыточного богатства. То, что принадлежит каждому в отдельности, идет в общую казну, и, как это водится у братьев, все имущество принадлежит всем сообща.

Они считают, что масло оскверняет, и поэтому, если кто-нибудь вдруг непреднамеренно загрязнит себя маслом, он оттирается до тех пор, пока не очистится совершенно. Ведь они думают, что кожу желательно содержать в сухости, и всегда облачены в одежды белого цвета. Людей, которые ведают делами общины, они выбирают простым поднятием руки, и каждый из них обладает правом голоса.

4. У них нет ни одного города, однако повсюду имеются многочисленные общины. Когда к ним прибывает единомышленник, в его распоряжение предоставляется все, чем они владеют, как если бы это было его собственностью, и люди, которых он никогда прежде не встречал, принимают его как старого друга. Точно так же, путешествуя, они не берут с собой никакой поклажи, кроме оружия для защиты от разбойников. В каждом городе кто-то из общины ставится специально для того, чтобы заботиться о пришельцах и снабжать их одеждой и пищей.

По одежде и внешнему виду ессеи подобны детям на попечении строгого наставника. Они не меняют ни одежды, ни обуви, пока те не разваливаются или не изнашиваются со временем. Друг другу они ничего не продают и друг у друга не покупают: каждый дает другому то, что у него есть, если тот нуждается в этом, и в свою очередь получает от него что-то, что может пригодиться ему самому. Но, даже и не получая ничего взамен, они вправе по своему выбору раздавать свое

имущество любому.

5. Служение Богу они совершают особым образом. До тех пор пока не взошло солнце, не произносят ни одного слова, которое не относилось бы к божественному, но лишь возносят Ему принятые у них молитвы, как бы умоляя Его явиться. После этого распорядители посылают каждого заниматься тем ремеслом, которое он знает лучше всего. Так они усердно трудятся, пока, за час до полудня, не собираются вновь в одно место. Здесь, опоясав чресла льняным покровом, они омывают все тело холодной водой. Очистившись таким образом, они собираются в помещении, куда не дозволено вступать непосвященным; чистые, они входят в трапезную, как если бы это был священный храм, и рассаживаются в молчании. Затем пекарь разносит каждому хлеб, а повар ставит перед каждым миску с едой однородного состава.

Перед едой священник произносит благословение: до молитвы им запрещено прикасаться к еде. После завтрака он произносит вторую молитву; и в начале и в конце они приносят благодарение Богу как подателю пищи. Затем, сняв одежды (ибо они считаются священными), возвращаются к работе и работают до наступления вечера. Вернувшись в пять в трапезную, ужинают точно таким же образом, усаживая рядом с собой гостей, если кто-нибудь к тому времени прибыл. Дом этот никогда не оскверняется ни криками, не беспорядком, и в беседе каждый уступает черед соседу. Для посторонних молчание внутри трапезной представляется некоей жуткой тайной, однако это лишь естественное следствие неизменной трезвости и ограничения себя в еде и питье лишь самым необходимым.

6. Без приказания распорядителя ессеи обычно не предпринимают никаких действий, и лишь две вещи полностью находятся на их собственном усмотрении: оказание помощи и благотворительность. Именно: они могут по своему усмотрению помогать тем нуждающимся, которые этого заслуживают, или подавать пищу бедняку. Но для того, чтобы сделать подарок одному из членов общины, они нуждаются в разрешении старейшин.

Они выказывают негодование лишь в тех случаях, когда это оправдано, и владеют своими страстями, соревнуются в добропорядочности и преданы миру. Их каждое слово обязывает более, нежели клятва, клятвы же они отвергают, считая их хуже лжесвидетельства, ибо, говорят они, человека, который недостоин доверия без того, чтобы им было упомянуто имя Бога, можно считать уже осужденным. Они отдаются изучению

старинных книг с рвением, достойным изумления, выбирая в основном те книги, которые могут быть на пользу как телу, так и душе. В своем рвении к врачеванию болезней они черпают из этих книг все, что касается целебных свойств кореньев и особенностей различных камней.

7. Тот, кто стремится войти в общину, не может быть принят сразу. Оставаясь вне общины, такой человек должен в течение года вести жизнь, соответствующую ее правилам, получая в свое пользование топорик, вышеупомянутый покров для опоясывания чресел и одежду белого цвета. Если в течение этого времени он доказал свое самообладание, ему позволяется ближе приобщиться к закону общины и разделять с ней чистейшие воды освящения; однако и сейчас он все еще не допущен к общей жизни. Он уже доказал свое постоянство в выборе цели, однако еще два года его характер подвергается испытанию, и лишь после того, если он будет сочтен достойным, он наконец совершенно принимается в общину.

Однако, прежде чем прикоснуться к общей пище, он должен принести страшные клятвы: во-первых, что будет почитать Всевышнего, во-вторых, что будет поступать с людьми по справедливости, не причиняя никому вреда ни по собственной воле, ни по чужому побуждению, всегда будет ненавидеть несправедливых и стремиться к общению с праведными, держать свое слово по отношению к любому, но особенно по отношению к правителям, ибо всякая власть от Бога. Он клянется, что если сам обретет власть, то никогда не злоупотребит ею и никогда не пожелает затмить тех, кто стоит ниже его, ни одеждой, ни излишним украшением; всегда будет любить истину и стремиться к осуждению лжецов; будет удерживать свои руки от воровства, а душу – от нечестивой цели. Он клянется никогда не утаивать ничего от членов общины и не открывать ни одной из ее тайн посторонним даже под угрозой насильственной смерти. Еще он клянется не сообщать никому их учения, кроме как тем способом, каким он сам получил его; не принимать участия в разбое; в равной мере оберегать книги общины и имена ангелов. Таковы те клятвы, при помощи которых добиваются верности новообращенных.

8. Тот, кто уличается в серьезном преступлении, изгоняется из общины, и отверженный зачастую кончает жизнь самым жалким образом. Ведь, связанный клятвами и обычаями общины, он не может разделять пищу с теми, кто к ней не принадлежит, и поэтому вынужден питаться одной травой, пока его

изголодавшееся тело не истощается и он не умирает. Милосердие заставляет их принимать назад многих нарушителей, когда те уже находятся при последнем издыхании, ибо они чувствуют, что человек, доведенный мучениями до порога смерти, уже в достаточной степени искупил свое преступление.

9. Судебные разбирательства проводятся ими с величайшей тщательностью и полной беспристрастностью. Приговор выносится собранием не менее чем в сто человек; после того как решение принято, его невозможно оспорить. Вслед за Богом величайшим почтением среди них пользуется Законодатель, и его хуление карается смертью. Подчинение старшим и большинству является для них законом, и, если десять человек собираются вместе, один не может говорить против желания остальных девяти.

Они оберегаются от того, чтобы плевать в собрание людей или в правую сторону. И с гораздо большей строгостью, чем все остальные евреи, ессеи воздерживаются от работы в субботу. Ведь они не только приготовляют пищу за день раньше с тем, чтобы избежать зажигания огня в субботу, но даже не осмеливаются в течение субботы передвигать вещи с места на место или облегчить себя при нужде. В другие же дни недели выкапывают в земле своей лопаткой (это и есть тот топорик, который вручают новообращенным) яму в фут глубиной и, обернув себя плащом так, чтобы не оскорблять Божьих лучей, усаживаются над ней; затем вновь засыпают яму землей. Для этих нужд они выбирают наиболее уединенные места, и, хотя облегчение желудка является естественной человеческой потребностью, ессеи приучены совершать после этого омовение, как после осквернения.

10. Они разделены на четыре ступени, в соответствии с достигнутой каждым степенью подготовки. По этой причине младшие считаются ниже старших, и, коснувшись их, старшие должны совершать омовение, как после соприкосновения с чужаком. Они живут до глубокой старости, и большинство умирает в возрасте свыше ста лет: я полагаю, этим ессеи обязаны простоте своей жизни и ее строгому распорядку. Они презирают опасности и побеждают боль простым усилием воли; достойную смерть ставят выше бесконечной жизни. Их дух был подвергнут величайшим испытаниям в войне с римлянами, которые распинали и колесовали их, жгли в огне и переламывали кости, подвергая всем пыткам, какие только можно измыс-

лить, чтобы принудить произнести хулу на Законодателя или принять запретную пищу, но не смогли добиться ничего из этого, ни даже просто мольбы о пощаде или слез. Улыбаясь в предсмертных муках, с насмешкой над теми, кто поднял их на дыбу, каждый из них расставался с душой в радостной уверенности в том, что скоро примет ее обратно.

11. Ессеи и в самом деле непоколебимо убеждены, что, в то время как тела подвержены гибели и их материальный состав непостоянен, души остаются вечно бессмертными. Происходя из тончайшего эфира, они, совлеченные вниз некими чарами природы, попадают в тело словно в темницу; поэтому, едва освободившись от оков плоти, души, словно вырвавшись на свободу после многих лет рабства, с ликованием взмывают ввысь. Ессеи придерживаются тех же учений, что и греки, заявляя, что благим душам предназначено обитание за океаном, в стране, где нет ни дождя, ни снега, ни зноя и лишь нежно дующий из океана Зефир освежает ее. Порочным же душам они отводят мрачную, бурную пропасть, исполненную бесчисленными казнями. Я думаю, что то же самое имели в виду и греки, отводившие своим отважным, которых они называют героями или полубогами, Острова Блаженных, а душам порочных людей – Аид, обиталище нечестивцев, где, по греческим преданиям, терпят наказания Сизиф и Тантал, Иксион и Титий и подобные им.

Они рассказывают эти предания в первую очередь потому, что верят в бессмертие души, а во-вторых, в надежде поощрить помощью добродетель и предотвратить порок, ибо добродетельные еще более совершенствуются при жизни в надежде на посмертное вознаграждение, а дурные наклонности порочных сдерживает страх, что, даже если они не будут настигнуты в этой жизни, после разрушения тела им уготовано вечное наказание. Таково учение ессеев о душе, представляющее необоримый соблазн для тех, кто однажды вкусил их мудрости.

12. Некоторые из них утверждают, что после многолетнего изучения священных книг, всевозможных очищений и изречений пророков они в состоянии предсказывать будущее; в самом деле, их предсказания почти всегда оказываются правильными.

13. Есть и другая секта ессеев, согласная с первой в образе жизни, правилах и обычаях и расходящаяся только во взглядах на брак. Они считают, что тот, кто не вступает в брак, лишает себя величайшего блага в жизни, именно продолжения рода, и если бы все следовали их примеру, человеческий род в ско-

ром времени исчез бы вовсе. Однако они подвергают своих невест испытанию в течение трех лет и не вступают с ними в брак до тех пор, пока правильность их ежемесячного очищения не докажет способности к деторождению. После зачатия отношения между супругами прекращаются в знак того, что целью брака является не наслаждение, но произведение потомства. При купании женщина надевает платье, точно так же как мужчина опоясывает себя вокруг пояса белой тканью. Таковы обычаи этой общины.

13. Из двух остальных школ, поименованных выше, фарисеи славятся, как достоверные толкователи закона и считаются ведущей школой. Они предписывают все судьбе или Богу, хотя выбор между праведными и неправедными поступками по большей части зависит от человека, тем не менее судьба присутствует в каждом человеческом действии. Душа не подвержена гибели, но лишь души добродетельных входят в тело человека, тогда как души порочных подвержены вечному наказанию.

Другая школа, саддукеи, совершено отрицает судьбу и считает, что Бог не способен ни совершить грех, ни узреть его. Люди свободны в выборе между добром и злом, и каждый человек должен решать, чему следовать. Вечность души, а также наказания и награды в загробной жизни отрицаются ими совершенно. В то время как фарисеи любят друг друга и стремятся к согласию для всего народа, саддукеи выказывают более суровое расположение духа и обращаются друг с другом резко, как с чужестранцами. Это все, что я хотел сообщить о еврейских философских школах.

IX

1. Когда этнархия Архелая перешла под прямое управление Рима, его братья, Филипп и Ирод Антипа, продолжали управлять своими тетрархиями. (Шломит к тому времени умерла, оставив свою топархию, с Явне и финиковыми рощами в Фацаэлисе, Юлии, отравительнице Августа.) Позднее, когда по смерти Августа (он был облечен верховной властью в продолжение 57 лет, 6 месяцев и 2 дней) императорская власть перешла к сыну Юлии Тиберию, перемена никак не коснулась обоих братьев. Филипп основал города Кесарию в Панейоне у истоков Иордана и Юлиаду в Нижних Голанах, а Антипа основал Тибериаду в Галилее и Юлиаду в Перее.

2. Прокуратором Иудеи Тиберий назначил Пилата. Под покровом ночи тот доставил в Иерусалим изображения Цезаря, так называемые «знамена». С восходом солнца среди евреев возникло великое волнение, ибо очевидцы были поражены при виде этих изображений, означавших попрание их законов (ведь законы запрещают выставлять в Иерусалиме каких бы то ни было идолов). Возмущенная городская толпа пополнилась наплывом людей из сельской местности, и все двинулись в Кесарию, где стали умолять Пилата почтить их древние обычаи и убрать «знамена» из Иерусалима. Когда Пилат ответил отказом, они пали ниц вокруг его дома и оставались недвижимы пять дней и пять ночей.

3. На шестой день Пилат заседал в суде в Большом стадионе. Он вызвал к себе толпу под тем предлогом, что готов дать ответ. Однако вместо этого он дал воинам условленный сигнал, по которому те в полном вооружении окружили евреев, образовав тройное кольцо. Евреи были ошеломлены от неожиданности, и тут Пилат объявил им, что они будут разрублены на части, если не примут изображений Цезаря, и приказал воинам обнажить мечи. Тогда евреи, как бы по предварительной договоренности, все как один пали на землю и с криком, что предпочитают смерть нарушению Закона, склонили свои головы под мечами. Пилат, пораженный силой их религиозного рвения, приказал немедленно удалить «знамена» из Иерусалима.

4. В другой раз он вызвал волнения тем, что употребил священную казну, называемую Корбан, на строительство акведука длиной в 400 стадий. Это привело народ в ярость, и во время посещения Пилатом Иерусалима они окружили суд, где он заседал, заглушив все своими криками. Однако Пилат предвидел беспорядки заранее, и его воины, переодетые в обыкновенное платье, под которым было спрятано оружие, смешались с толпой, получив от Пилата приказ не пускать оружия в ход, но успокоить смутьянов дубинками. Он из суда подал им сигнал, и евреи были избиты до такой степени, что многие умерли от побоев, а другие затоптаны насмерть во время бегства. Судьба погибших привела толпу в ужас и заставила ее замолчать.

5. Приблизительно в это же время Агриппа, сын того самого Аристобула, который был казнен своим отцом Иродом, искал приема у Тиберия, чтобы выдвинуть обвинения против тетрарха Ирода. Когда его обвинение было отклонено, он остался в Риме, где искал сближения с многими видными граж-

данами, в особенности же – с сыном Германика Гаем, тогда еще частным лицом. Однажды он пригласил Гая к себе на обед и, по завершении пышного приема, простер руки и открыто произнес молитву о том, чтобы Тиберий поскорее умер, так, чтобы он смог увидеть Гая владыкой мира. Один из его домашних донес об этом Тиберию, который пришел в гнев и заключил Агриппу под стражу. Он содержался в строгом заключении вплоть до смерти Тиберия, которая последовала спустя шесть месяцев. Всего Тиберий правил 22 года, 6 месяцев и 3 дня.

6. Будучи провозглашен Цезарем, Гай освободил Агриппу из заключения и, дав титул царя, поставил его над тетрархией Филиппа, незадолго до того скончавшегося. То, что Агриппа получил титул, вызвало к нему зависть тетрарха Ирода. Надежды на царский венец в особенности разжигала в нем его жена Иродиада, без конца попрекавшая его за бездеятельность и заявлявшая, что лишь одно его нежелание совершить путешествие к Цезарю воспрепятствовало ему получить более высокий титул. Она говорила, что император, который сделал Агриппу царем из простого подданного, непременно должен продвинуть его, тетрарха. Уступив ее настояниям, Ирод отправился к Гаю, который, однако, наказал его за честолюбие тем, что сослал в Испанию: дело в том, что вслед за Иродом в Рим прибыл Агриппа с обвинениями против него. Итак, вдобавок к своей собственной Агриппа получил от Гая еще и тетрархию Ирода. Ирод же, жена которого последовала за ним в изгнание, умер в Испании.

X

1. Но власть настолько вскружила голову Гаю Цезарю, что он пожелал считаться и называться богом; кроме того, он лишил свою родину ее благороднейших мужей. И на Иудею распространилось его нечестие: он отдал приказание Петронию выступить с войском на Иерусалим и там водрузить в Храме его изваяния. В случае же, если евреи откажутся их принять, он приказывал казнить всех, кто окажет сопротивление, а остальное население страны обратить в рабство. Но, как видно, эти его распоряжения не были оставлены без внимания Богом.

Петроний с тремя легионами и большими силами сирийских союзников поспешил из Антиохии в Иудею. Среди евре-

ев одни не верили слухам о войне, другие же верили, но не знали, как ее отразить. Скоро, однако, трепет объял и тех и других, ибо войско было уже у Птолемаиды.

2. Птолемаида – город у моря в Галилее; он стоит на краю Большой равнины и со всех сторон окружен горами. Так, в 60 стадиях к востоку от нее начинаются Галилейские горы, в 120 стадиях к югу – Кармель, самые же высокие горы, называемые местными жителями Лестницей Тира, находятся в 100 стадиях к северу. Примерно в двух стадиях от города протекает Белей, небольшая речка, на берегах которой расположена гробница Мемнона. Вблизи нее есть одно чрезвычайно любопытное место, шириной в 100 локтей, именно округлая впадина, приносящая стеклянный песок. Множество кораблей заходят сюда, полностью выбирая песок; однако место заполняется вновь благодаря ветрам, которые, словно бы нарочно, вдувают сюда снаружи обычный песок, тут же преобразующийся в стеклянный. Но еще более удивительным, по моему мнению, является то, что пересыпающееся через край избыточное стекло снова превращается в обыкновенный песок. Такова природа этого места.

3. Итак, евреи вместе с женами и детьми столпились на равнине близ города, воззвали к Петронию с мольбой о пощаде, прежде всего для отеческих законов и лишь затем – для них самих. В виду столь устрашающей толпы тот уступил и оставил войско и изваяния в Птолемаиде. Вслед за этим он прошел в Галилею, где, созвав в Тивериаду как народ, так и знать, стал описывать перед ними могущество Рима и угрозы Цезаря. Наконец он развернул перед ними всю неразумность их притязаний: ведь все подвластные Риму народы установили в своих городах изваяния Цезаря рядом с другими богами, так что сопротивление одних только евреев равносильно дерзости и преднамеренной измене.

4. Когда же они в ответ стали ссылаться на свой Закон и обычаи предков и объяснять ему, что у них не дозволяется выставлять ни в Храме, ни даже в обыкновенном месте изваяний Бога, а уж тем более человека, Петроний ответил: «Точно так. Но ведь и я обязан исполнять закон моего единовластного властелина. Если же я, пощадив вас, нарушу его, то меня постигнет заслуженная погибель. И тогда не я, но тот, кто меня послал, выступит против вас. Так что я, как и вы, исполняю приказания свыше». В ответ на это вся толпа

вскричала, что ради Закона они готовы вытерпеть все что угодно. После того как установилось молчание, Петроний спросил: «Следовательно, вы готовы воевать с Цезарем?» Евреи на это ответили, что в честь Цезаря и римского народа они приносят жертвы дважды в день; но если он желает ввести к ним идолов, прежде ему придется принести в жертву весь еврейский народ, ибо они готовы отдать на заклание себя, своих жен и детей.

Их ответ исполнил Петрония восхищением и жалостью перед ни с чем не сравнимым богопочитанием и твердостью, делающей их готовыми к смерти. Итак, он распустил их, не приняв никакого определенного решения.

5. В течение последующих дней он несколько раз тайно призывал к себе руководителей и открыто собирал народ и то уговорами, то советами пытался их убедить. Но чаще всего он прибегал к угрозам, рисуя перед ними могущество Рима, гнев Гая и необходимость, возложенную на него самого; но ни одна из попыток не возымела желаемого действия. А так как Петроний видел, что земле угрожает опасность остаться незасеянной (ибо эти 50 дней, что народ провел у него в праздности, приходились на пору сева), он наконец собрал их и сказал следующее: «Лучше уж я подвергну себя опасности и либо, убедив с Божьей помощью Цезаря, с радостью спасу себя и вас, либо, если на меня падет его гнев, с готовностью отдам свою собственную жизнь взамен жизней столь многих людей». С этими словами он распустил осыпавшую его благословениями толпу и, забрав войско из Птолемаиды, возвратился к себе в Антиохию.

Оттуда он тотчас же отправил послание Цезарю, сообщая ему о своем вторжении в Иудею и о мольбах народа и заключая, что, если только тот не желает уничтожить совершенно как людей, так и возделываемую ими землю, он должен позволить им соблюдать их закон, отменив свои распоряжения. Цезарь ответил на это послание в выражениях, далеких от умеренности, угрожая Петронию смертью за медлительность в исполнении его приказаний. Но случилось так, что те, кто вез этот ответ, задержались на три месяца из-за бурливого моря, тогда как других, которые везли известия о смерти Гая, сопровождала благоприятная погода. Так что Петроний получил объявление об этом событии за 27 дней до того, как к нему пришло послание с обвинениями против него.

XI

1. Когда Цезарь был предательски убит после того, как правил 3 года и 8 месяцев, войска в Риме заставили Клавдия принять императорскую власть. Однако сенат, по подстрекательству консулов Секста Сатурнина и Помпония Секунда, приказал трем оставшимся преданными ему когортам охранять город и собрался на Капитолии. Здесь, памятуя о жестокости Гая, они проголосовали за войну против Клавдия, ибо ими было принято решение восстановить аристократическое правление, бывшее в прежние времена, или же избрать голосованием того, кто достоин стать императором.

2. Агриппа тогда находился в Риме. Случилось так, что в одно и то же время он получил приглашение сената принять участие в совещании и вызов в лагерь Клавдия, желавшего иметь его при себе на случай необходимости. Понимая, что на деле тот уже был Цезарем, Агриппа отправился к Клавдию; тот же отправил его послом к сенату, чтобы через него изложить свои намерения. Клавдий заявил прежде всего, что он выдвинут войсками против собственной воли и потому с его стороны несправедливо пренебречь рвением воинов, пренебречь же своим собственным будущим небезопасно для него самого, ибо тот, кому достается императорский трон, подвергает себя величайшей опасности. Далее, он говорил, что намерен управлять государством как добрый правитель, а не как тиран: ведь он довольствуется уже самой честью императорского звания, решение же по каждому из вопросов будет принимать согласно общему желанию. В самом деле, даже если бы он не был умеренным по своим наклонностям, то уже смерть Гая должна послужить ему достаточным примером к благоразумию.

3. Таково было послание, доставленное Агриппой. Сенаторы ответили, что они больше полагаются на военную силу и собственную мудрость и не собираются по своей воле подчиниться рабству. Когда Клавдий услыхал этот ответ, он снова послал Агриппу сообщить им, что никогда не согласится предать тех, от кого получил столь единодушную поддержку, и потому будет вынужден, хотя и против собственной воли, вступить в войну с теми, кого он хотел бы видеть своими лучшими друзьями. Однако им должно выбрать место сражения за пределами города, ибо было бы святотатством осквернить ур-

ны предков кровью их соотечественников. Агриппа, выслушав это послание, передал его сенаторам.

4. Тем временем один из воинов, бывших на стороне сената, вдруг обнажив свой меч, воскликнул: «Соратники! Для чего нам идти за убийство своих же братьев и выступать против себе подобных только потому, что они поддерживают Клавдия? Есть ведь у нас император, против которого мы ничего не имеем, а с теми, против которых нас ведут воевать, мы связаны теснейшими узами». Произнеся эти слова, он прошел через сенат, и все его соединение последовало за ним.

Покинутые таким образом патриции были охвачены ужасом; не имея возможности к бегству, они последовали примеру войска и поспешили перейти к Клавдию. Однако у самых стен города их встретили обнаженные мечи тех, кто скорее, нежели они, догадался присоединиться к победившей стороне. Пока Клавдию не было известно о буйстве легионеров, тем из сенаторов, кто шел впереди, угрожала серьезная опасность; однако Агриппа поспешил к Клавдию, чтобы объяснить всю серьезность положения: он сказал, что если тот не сдержит буйство своих людей, пылавших ненавистью к патрициям, то потеряет граждан, способных прославить его правление, и останется властителем над пустыней.

5. Вняв этим словам, Клавдий положил конец натиску войска и принял сенат в своем лагере; здесь он оказал сенаторам радушный прием и сразу же вслед за этим вышел вместе с ними совершить благодарственные приношения Богу за восхождение на престол. Агриппе же он тут же пожаловал все царство предков, прибавив еще и внешние области, затем Трахон и Хавран, пожалованные Августом Ироду, и, наконец, еще одно царство, называемое царством Лисания. Народу он сообщил об этом своем даре указом, а магистратам приказал выбить постановление на бронзовых таблицах, чтобы выставить его на Капитолии. Кроме того, он пожаловал брату Агриппы Ироду (бывшему также и его зятем, ибо его женой была Береника) Халкидское царство.

6. Очень скоро богатства, поступавшие от таких обширных владений, рекой полились в казну Агриппы, однако тот быстро опустошил ее. Ведь он начал возводить вокруг Иерусалима укрепления столь мощные, что, будь они завершены, сделали бы всякую осаду города римлянами тщетной. Но еще до того, как стена достигла своей настоящей высоты, Агриппа скончался в Кесарии; он царствовал три года и три года до

этого был тетрархом. Он оставил после себя трех дочерей от Киприды – Беренику, Мирьям и Друзиллу, и одного сына от той же жены – Агриппу.

Поскольку Агриппа был еще ребенком, Клавдий вновь подчинил царство прямому управлению Рима, назначив прокуратором Куспия Фада, впоследствии смененного Тиберием Александром. При них в стране сохранялось спокойствие, так как они ни в чем не задевали обычаев народа. Затем умер Ирод, царь Халкиды, оставив после себя двух сыновей от своей племянницы Береники – Береницианa и Гиркана, и одного сына от своей прежней жены Мирьям – Аристобула. Третий брат, Аристобул, который был рядовым гражданином, тоже умер, оставив дочь Иотифей. Как я уже говорил, эти три брата были сыновьями Аристобула и внуками Ирода; Аристобул же и Александр были сыновьями Ирода от Мирьям, которых казнил их отец Ирод. Что касается потомков Александра, то они основали царскую династию в Великой Армении.

XII

1. После смерти Ирода, царя Халкиды, Клавдий передал царство его племяннику Агриппе, сыну первого Агриппы. В других же областях, находившихся под прямым римским управлением, прокуратор Александр был сменен Куманом, управление которого ознаменовалось беспорядками и новыми несчастьями для евреев. Однажды, когда народ собрался в Иерусалим на праздник Пасхи, а римская когорта стояла по верху колоннады и наблюдала за порядком (ведь вооруженные войска всегда несут стражу во время праздников, чтобы предотвратить любую попытку к возмущению со стороны огромного стечения народа), один воин, подтянув вверх свою одежду и неприличным образом нагнувшись, обратил к евреям свой зад и издал звук столь же непристойный, как и вся его поза. Толпа пришла в ярость и с криками стала требовать от Кумана его наказания: менее сдержанные из молодежи и те, кто по своей природе склонен к беспорядкам, устремились в схватку и, хватая камни, стали швырять их в войска. Куман же в страхе перед тем, чтобы весь народ не набросился на него, послал за тяжеловооруженным подкреплением. Когда те со всех сторон ринулись в колоннаду, на евреев напал неудержимый страх и, повернув вспять, они рас-

сыпную бросились из Храма в город. И с такой силой густая толпа устремилась к выходу, что было растоптано и раздавлено насмерть свыше 30 тысяч человек. Так праздник обернулся бедствием для всего народа и плачем в каждом доме.

2. За этим бедствием последовало другое волнение, причиной которого были разбойники. Именно: однажды раб Цезаря, по имени Стефан, перевозил какую-то утварь по большой бет-хоронской дороге; на него напали разбойники и все разграбили. Тогда Куман выслал людей с приказанием привести к нему в оковах обитателей соседних селений, которых он обвинял в том, что они не преследовали и не отловили грабителей. Какой-то воин обнаружил в одном из селений священную книгу Закона и, разорвав, бросил в огонь. Евреи, как если бы вся страна была вдруг охвачена пламенем, стали стекаться в одно место и, влекомые благочестием словно неким орудием, по одному только призыву все бросились в Кесарию к Куману. Здесь они стали молить его не оставить безнаказанным того, кто так чудовищно оскорбил их Бога и Его Закон. Куман, видя, что только умиротворительный ответ сможет успокоить толпу, приказал вывести этого воина и подвергнуть его смертной казни, проведя сквозь гущу обвинителей. После этого евреи разошлись по домам.

3. Однако немедленно вслед за этим разгорелся раздор между галилеянами и самаритянами. Когда толпы евреев шли в Иерусалим на праздник, в деревне Гена, что на Большой Самарийской равнине, был убит один галилеянин. По этой причине туда устремилось множество галилеян, чтобы напасть на самаритян. Разумные же галилеяне бросились к Куману, прося его, пока еще не поздно, прибыть на место и наказать виновников убийства, ибо только таким образом можно рассеять толпу и предотвратить войну. Куман, однако, предпочел заниматься текущими делами и отложил их прошение, просителей же без ответа отослал назад.

4. Когда известие об убийстве достигло Иерусалима, народ пришел в волнение и, оставив празднество, устремился, никем не предводительствуемый, в Самарию, не внимая призывам своих руководителей, пытавшихся его удержать. Всеми мятежниками и смутьянами, что были среди них, предводительствовали некий Эльазар, сын Диная, и Александр. Эти люди нападали на своих соседей в топархии Акрабатена, убивали их, не щадя ни стариков, ни детей, и предавали селения огню.

5. Куман, взяв из Кесарии один отряд конницы, так называемых себастийцев, выступил на помощь ограбленным; многих

последователей Эльазара он окружил и взял в плен и еще больше умертвил. Что же касается остальной толпы, вышедшей сражаться с самаритянами, то перед ними явились первые люди Иерусалима, в рубище и с посыпанными пеплом головами, и умоляли их возвратиться назад, чтобы своей местью самаритянам не подать римлянам повода к нападению на Иерусалим; они умоляли их пощадить свою страну, Храм и собственных жен и детей, которые из-за отмщения за смерть одного галилеянина оказались перед опасностью истребления. Эти призывы склонили евреев разойтись. Однако многие обратились к разбою из-за полной безнаказанности последнего. Грабежи продолжались по всей стране, и горячие головы брались за оружие.

Видные представители самаритян отправились в Тир к Нумидию Квадрату, легату Сирии, и требовали от него наказать тех, кто разоряет их земли. Одновременно перед ним предстали и видные евреи, в том числе первосвященник Йонатан, сын Ханана, заявлявшие, что зачинщиками беспорядков были совершившие убийство самаритяне, но что вина за последующие события лежит на Кумане, отказавшемся предпринять какие-либо меры против убийц.

6. Квадрат отослал оба посольства с обещанием при посещении их мест разобрать все обстоятельства дела, а сам тут же отправился в Кесарию. Здесь он приказал распять всех, кого Куман захватил в плен, а затем отправился в Лод, где вновь выслушал рассказ самаритян. Потом послал за 18 евреями, которые, по сообщениям, принимали участие в войне, и приказал их обезглавить; двух же других видных евреев, вместе с первосвященниками Йонатаном и Хананьей, сыном последнего Хананом и некоторыми другими знатными гражданами, он отправил в Рим к Цезарю. Точно такие же распоряжения были отданы им и в отношении самых знатных самаритян. Наконец, он приказал Куману и военному трибуну Целеру отплыть в Рим и доложить Клавдию о происшедшем. Сделав эти распоряжения, он отправился из Лода в Иерусалим и, найдя, что праздник Пасхи не сопровождается никакими волнениями, возвратился в Антиохию.

7. В Риме Цезарь выслушал то, что имели сказать ему Куман и самаритяне. Тут же присутствовал Агриппа, горячо выступавший в поддержку евреев; впрочем, и Куман имел много влиятельных заступников. Клавдий нашел самаритян виновными и приказал казнить их предводителей. Кумана он отправил в изгнание, а Целера послал в оковах в Иерусалим, распоря-

дившись предать его в руки евреев для пыток, протащить по всему городу и затем обезглавить.

8. После этого он послал прокуратором в Иудею Феликса, брата Паллада, присоединив к его области Самарию, Галилею и Перею. Агриппу он передвинул из Халкиды в более обширное царство, дав ему область Филиппа, включавшую Трахон, Башан и Голан, вместе с царством Лисания и бывшей тетрархией Вара. Сам же он, после того как правил империей в продолжение 13 лет, 8 месяцев и 20 дней, умер, оставив престол Нерону. Ведь жена Агриппина хитростью убедила его усыновить Нерона и сделать своим наследником, хотя у него был и собственный сын, от его прежней жены Мессалины, Британник, и дочь Октавия, которую он выдал за Нерона. Кроме того, от Петины у него была дочь Антония.

XIII

1. Я не буду останавливаться на том, как из-за избытка процветания и богатства Нерон лишился здравомыслия и впал в безумную гордыню; как он предал смерти сначала брата, затем жену и, наконец, мать и как после этого обратил свои дикие наклонности против лучших из своих подданных; как, наконец, безумие привело его на театральный помост, – ведь рассказы об этом успели уже всем наскучить. Поэтому я прямо перехожу к описанию того, что происходило с евреями во время его правления.

2. Нерон сделал сына Ирода Аристобула царем над Малой Арменией, а к царству Агриппы прибавил еще четыре города вместе с их топархиями: Авел и Юлиаду в Перее, Тарихеи и Тибериаду – в Галилее. Над всей остальной Иудеей он поставил Феликса. Феликс изловил главаря разбойников Эльазара, разорявшего страну в течение 20 лет, и многих из его людей и послал их в оковах в Рим. А сколько разбойников он распял и сколько их соучастников из местных жителей изловил и подверг наказанию, просто не поддается исчислению.

3. После того как страна была очищена, в Иерусалиме возник другой род разбойников, так называемые сикарии, которые при свете дня и среди самого города совершали многочисленные убийства. Их любимым приемом было смешаться с праздничной толпой, скрывая под одеждой маленькие кинжалы, ко-

торыми они закалывали своих противников. Когда жертва падала бездыханной, они присоединялись к возмущенной убийством массе, своей внешней благопристойностью полностью предотвращая разоблачение. Первым, кого они таким образом закололи, был первосвященник Йонатан; вслед за ним ежедневно были умерщвляемы многие. Но даже ужаснее, чем сами их преступления, был внушаемый ими страх, ибо ежечасно каждый, словно на войне, ожидал своей гибели. Люди издалека следили за своими врагами и держались в отдалении даже от друзей. Но, несмотря на всю осторожность и предусмотрительность, смерть все равно настигала их: таковы были внезапность нападений заговорщиков и их искусство избегать разоблачения.

4. В придачу к этим образовалась и другая категория негодяев, хотя и менее преступных в действиях, но по намерениям еще более порочных, ибо они причиняли благополучию города не меньший вред, нежели убийцы. Эти лжецы и мошенники, притворявшиеся боговдохновенными, на самом деле готовили планы переворота. Они приводили народ в исступление и выводили его за пределы города в пустынную местность под тем предлогом, что там Бог явит им знамения приближающейся свободы. Феликс, который увидел в этом первый признак мятежа, послал на них конницу и тяжелую пехоту, истребившие великое множество народа.

5. Еще большее бедствие навлек на евреев лжепророк из Египта. Этот мошенник, выдававший себя за пророка, по прибытии в страну собрал около 30 тысяч простаков и провел их пустынной местностью к Масличной горе, откуда намеревался силой войти в Иерусалим, подавить римский гарнизон и захватить верховную власть, сделав соучастников своими телохранителями. Однако Феликс предупредил его намерения и вышел навстречу с тяжелой римской пехотой; все население города тоже принимало участие в обороне. После стычки египтянин с горсткой людей спасся бегством, а большинство его последователей были убиты или взяты в плен; остатки же толпы рассеялись и потихоньку разошлись по домам.

6. Когда и эта горячка утихла, в стране, словно в пораженном болезнью теле, возник еще один гнойник. Мошенники-заклинатели и главари разбойников объединили свои силы и совместно толкали народ на восстание. Они подстрекали нанести удар во имя свободы и угрожали смертью тем, кто подчиняется римскому правлению: они говорили, что те, кто по сво-

ей воле выбирает рабство, должны быть освобождены насильно. Затем, разбившись на отряды, они разошлись по всей стране, предавая грабежу дома зажиточных людей, убивая их обитателей и поджигая селения до тех пор, пока их яростное безумие не проникло в каждый уголок Иудеи. Так с каждым днем война разгоралась все с большей силой.

7. Другое волнение возникло по поводу Кесарии, где столкнулись еврейские и сирийские жители города. Евреи утверждали, что город принадлежит им, поскольку он был построен евреем – царем Иродом. Сирийцы же хотя и соглашались, что основателем города был еврей, тем не менее настаивали, что Кесария принадлежит грекам, ведь если бы город предназначался Иродом для евреев, он не воздвиг бы здесь изваяний и храмов. Таковы были доводы, выдвигавшиеся с обеих сторон, и в конце концов и те и другие взялись за оружие. Между горячими головами каждый день завязывались стычки, в то время как ни еврейские старейшины не были в состоянии удержать своих людей, ни греки не могли снести позор поражения от евреев. Евреи превосходили греков деньгами и телесной силой, зато греки опирались на поддержку войска: ведь большая часть местного римского войска набиралась в Сирии, так что оно охотно готово было оказать помощь единоплеменникам. В надежде прекратить беспорядки римские префекты неоднократно брали под стражу наиболее задиристых, наказывая их кнутом и заключением. Однако страдания заключенных не смогли сдержать или запугать остальных, и те с еще большим неистовством предавались бесчинствам. Однажды, когда евреи одерживали победу, на форум явился Феликс и с угрозами приказал им отступить. Когда же те отказались, он выслал против них воинов, которые многих убили, а заодно и разграбили их имущество. Тем не менее беспорядки не прекращались; тогда Феликс собрал с каждой стороны знатных граждан и отправил их послами к Нерону, чтобы и те и другие привели доводы в свою пользу.

XIV

1. Следующий прокуратор, Фест, принялся за искоренение главной язвы, поражавшей страну: он уничтожил значительное количество разбойников, а еще больше взял в плен. Сменивший его Альбин вел себя совсем иначе, и не было ни одного пре-

ступления, в котором он не был бы виновен. Ибо он не только расхищал государственное достояние и грабил частную собственность и не только отяготил народ непосильными налогами, но и стал за выкуп от родственников выпускать на свободу разбойников, осужденных местными судами или его собственными предшественниками, так что только тот, кто не был в состоянии выкупиться на свободу, продолжал оставаться в заключении.

Из-за этого подняли голову те в Иерусалиме, кто жаждал перемен; их предводители подкупили Альбина, чтобы тот закрыл глаза на поджигательскую деятельность, и все те в народе, кому не было дела до мира и покоя, присоединялись к сообщникам Альбина. Каждый негодяй, образовавший собственную шайку, возвышался над своими приспешниками словно главарь разбойников или тиран и через их посредство грабил порядочных граждан. Вследствие этого их жертвы молчали о том, чем следовало бы возмущаться, а те, кто еще не пострадал, боясь подвергнуться той же участи, льстили тем, кого следовало бы покарать. Короче говоря, свобода речи была совершенно подавлена и тирания господствовала повсюду. Так были заронены семена будущей погибели.

2. Таков Альбин, но в сравнении со своим преемником Гессием Флором он был просто воплощением справедливости. Ведь Альбин творил зло преимущественно тайно и под личиной лицемерия, Гессий же похвалялся чинимыми им народу беззакониями и, как если бы он был палачом, посланным казнить осужденных преступников, испытывал на народе все средства грабежа и насилия. Когда происходили вещи, достойные жалости, он выказывал себя самым бессердечным из людей, когда же случалось что-то неподобающее, никто не мог сравниться с ним в бесстыдстве. Никогда еще никто не испытывал такого презрения к истине и не изобретал более тонких способов злодеяния. Наживаться на отдельных людях он считал слишком мелким для себя занятием: он опустошал целые города, губил целые общины и едва ли не велел всему народу выйти разбойничать, лишь бы только самому иметь долю в добыче. Следствием его алчности было то, что вся его область опустела и многие покинули родные места и переселились в другие области.

3. Пока Цестий Галл управлял страной из Сирии, никто даже и не осмеливался отправить к нему посольство с обвинениями против Флора. Но когда в канун Пасхи он сам появился в Иерусалиме, вокруг него собралась трехмиллионная тол-

па, умолявшая сжалиться над доведенным до крайности народом и выкрикивавшая обвинения против Флора, пагубы всей страны. Флор был тут же и, стоя рядом с Цестием, только насмехался над их криками. Цестий, однако, успокоил разгоряченную толпу обещанием обеспечить в будущем более умеренное поведение со стороны Флора и вслед за этим возвратился в Антиохию. Однако Флор, сопровождавший его до Кесарии, сумел ввести его в заблуждение: он уже замыслил навязать народу войну, что было его единственной надеждой отвлечь внимание от своих собственных преступлений. Он предвидел, что, если в стране будет мир, евреи смогут обвинить его перед Цезарем, но если ему удастся толкнуть их на восстание, то это большее зло предотвратит расследование более мелких преступлений. И поэтому он, словно имея целью поднять против себя весь народ, с каждым днем только увеличивал бедствия.

4. Между тем кесарийские греки, выиграв перед Нероном тяжбу за власть над городом, возвратились с письменным подтверждением этого решения. Война разразилась в месяце Артемисии, на двенадцатом году правления Нерона и семнадцатом году царствования Агриппы. В сравнении с величиной бедствий, к которым она привела, ее повод был совсем незначительным.

У евреев в Кесарии была синагога, граничившая с землей одного грека. Они не раз пытались приобрести эту землю, многократно предлагая владельцу настоящую цену. Однако тот пренебрег их просьбами и в насмешку над ними стал еще и застраивать этот участок, начав возводить на нем мастерские и оставив евреям узкий и невыносимо тесный проход. Тогда горячие головы из молодежи ворвались к нему на участок и помешали строительству. Когда их насильственное вторжение было подавлено Флором, влиятельные евреи, в том числе сборщик налогов Йоханан, за неимением иного выхода дали Флору взятку в 8 талантов серебром, с тем чтобы тот запретил продолжение работ. Флор, лишь бы получить деньги, притворно обещал свое содействие, когда же деньги очутились в его кошельке, он как ни в чем не бывало отправился из Кесарии в Себастию, дав борьбе между партиями идти своим ходом, как если бы ему заплатили за то, чтобы он позволил евреям безнаказанно вести войну!

5. Следующий день была суббота, и евреи собрались в синагогу. Тут же какой-то кесарийский грек установил у самого входа в синагогу дном кверху большой глиняный сосуд и стал

совершать на нем жертвоприношение птиц. Это привело евреев в неописуемую ярость: законы их были оскорблены и все место осквернено. Более спокойные и рассудительные советовали обратиться к властям, те же, кто склонен к раздорам, и горячие головы среди молодежи загорелись вступить в борьбу. Зачинщики из греческой партии уже поджидали их (ведь они нарочно подослали этого человека принести жертвы), и тут же завязалась драка. Начальник конницы Юкунд, поставленный предотвращать беспорядки, вышел вперед, отобрал сосуд и попытался положить конец борьбе. Однако он ничего не смог сделать против насилия греков, и поэтому евреи взяли книгу Закона и удалились в Нарбату, место в 60 стадиях от Кесарии, заселенное евреями. Одновременно Йоханан и двенадцать других влиятельных евреев отправились в Себастию к Флору, где стали горько жаловаться на случившееся и просить о помощи, мягко напоминая ему при этом о восьми талантах. Тот же ни много ни мало как взял этих людей под стражу, обвиняя их в том, что они вынесли из Кесарии книгу Закона.

6. Хотя это новое оскорбление и вызвало возмущение в Иерусалиме, сдержанность все еще пересиливала гнев. Однако Флор, словно подрядившись во что бы то ни стало раздуть пожар войны, послал в храмовую сокровищницу взять 17 талантов под тем предлогом, что они нужны Цезарю. Народ охватило смятение, и толпы повалили в Храм, где с пронзительными криками взывали к имени Цезаря, умоляя освободить их от тирании Флора. Отдельные возмутители спокойствия выкрикивали в адрес последнего самую оскорбительную брань и, обходя народ с шапками в руках, просили подать милостыню для горького бедняка Флора. Это не только не излечило его сребролюбия, но еще более раздразнило страсть к наживе. Вместо того чтобы появиться в Кесарии, потушить распространявшееся оттуда пламя войны и тем самым устранить причину беспорядков (за что ему к тому же и было уплачено), он в сопровождении конницы и пехоты двинулся прямо на Иерусалим с целью при помощи римского оружия достичь желаемого и посредством страха и угроз начисто обобрать город.

7. Народ, желая предупредить его и заставить устыдиться собственных намерений, со славословиями вышел навстречу войскам, приготовившись принять Флора с почтительным смирением. Однако тот выслал вперед 50 всадников под началом Капитона, через них приказав евреям вернуться назад и не на-

смехаться своим неожиданно возникшим расположением над человеком, столь жестко оскорбленным: будь они людьми прямыми и бесстрашными, они насмехались бы над ним и в его присутствии, доказав не только словами, но и силой оружия свою приверженность к свободе. Его ответ привел людей в смятение, а когда всадники Капитона ворвались в самую их середину, они рассеялись, так и не успев приветствовать Флора или убедить его воинов в своей готовности к подчинению. Итак, они в страхе разошлись по домам и провели ночь в унынии.

8. Флор ночевал во дворце, а наутро воздвиг под открытым небом помост и принялся чинить суд. Перед ним предстали первосвященники, влиятельные граждане и вся городская знать. Флор велел им выдать тех, кто нанес ему оскорбление, пригрозив, что в противном случае они испытают на себе самих всю тяжесть его мести. Предводители евреев стали доказывать миролюбивое расположение народа и просили прощения за оскорбительные замечания, говоря, что в таком множестве всегда найдется несколько дерзких юнцов и что обнаружить виновных невозможно, так как все они преисполнены раскаяния и боятся сознаться в своем проступке. Если только прокуратора заботит мир в стране и если он желает сохранить город для Рима, то лучше будет ради многих невинных простить нескольких виновных, нежели из-за горстки негодяев сокрушить столь многих верных подданных.

9. Однако их призывы привели Флора еще в большую ярость, и он закричал воинам, чтобы те выступили и разграбили Верхний Рынок, убивая каждого встречного. Приказание лишь подстегнуло их собственную жажду наживы, и они не только начисто разграбили то место, куда были посланы, но и, врываясь в дома, убивали обитателей. Кругом было бегство народа по узким улицам, убийство тех, кто попадал в руки римлян, и все это ничуть не препятствовало грабежу. Многие мирные жители были схвачены и приведены к Флору, который подверг их бичеванию, а затем распял. Всего в этот день погибло около 3600 человек, включая детей и женщин, ибо даже младенцам не было пощады. Еще более усугубила бедствие неслыханная жестокость римлян. Никто и никогда не осмеливался на то, на что осмелился в этот день Флор: ведь он бичевал перед судебным помостом, а затем предавал распятию людей, принадлежавших к сословию всадников, – людей, которые хоть и были по рождению евреями, но по званию принадлежали к римлянам!

XV

1. Случилось так, что как раз в это время царь Агриппа находился в Александрии, отправившись туда затем, чтобы принести поздравления Александру, которому Нерон доверил управление Египтом. Однако его сестра Береника была в Иерусалиме, и зрелище преступного поведения солдат поразило ее в самое сердце. Она неоднократно посылала к Флору начальников своей конницы и своих телохранителей с просьбой прекратить резню. Однако Флор, которого не заботило ни число жертв, ни высокое положение просительницы, но одна только прибыль, которую сулил грабеж, остался глух к призывам. Более того, безумная ярость солдат не пощадила даже самое царицу: мало того что на ее глазах они пытали узников насмерть – они лишили бы жизни даже и ее самое, если бы она своевременно не скрылась в царском дворце и не провела там ночь под охраной собственной стражи в страхе перед нападением солдат.

Береника жила в Иерусалиме во исполнение данного ею Богу обета. Существует обычай, согласно которому тот, кто болен или поражен каким-либо иным несчастьем, клянется Богу, что в течение 30 дней до жертвоприношения он будет воздерживаться от вина и острижет голову, – именно такой обет и исполняла тогда Береника. Она стояла босой перед судебным помостом и взывала к Флору, однако ее мольбы были оставлены без ответа, и она даже подвергла опасности свою собственную жизнь.

2. Все это случилось в 16-й день месяца Артемисия. На следующий день охваченная отчаянием толпа собралась на Верхнем Рынке, с воплями оплакивая убитых и призывая еще более громогласные проклятия на голову Флора. Напуганные этим, видные граждане и первосвященники разодрали одежды и, падая ниц перед каждым в отдельности, умоляли их остановиться и после всего, что они вытерпели, не раздражать вновь Флора, чтобы он не совершил чего-нибудь непоправимого. Как из уважения к просящим, так и в надежде на то, что Флор прекратит наконец свои беззакония, народ очень скоро внял их мольбам.

3. Однако то, что волнение угасло, не было по душе прокуратору, и он, замышляя заново раздуть пламя, вызвал к себе первосвященников и видных граждан и сказал им, что единственный способ доказать ему, что народ не собирается более восставать, – это выйти из города навстречу идущим из Кесарии войскам (ибо на пути к городу были две когорты).

Пока те собирали людей, он послал приказ центурионам когорт, чтобы их люди не отвечали на приветствия евреев и чтобы они пустили в ход оружие при первом же слове, направленном против него, Флора.

Тем временем первосвященники собрали в Храме великое множество народа, убеждая их выйти навстречу римлянам и приветствовать их, предотвратив тем самым непоправимое несчастье. Однако призыв не подействовал на возмутителей спокойствия, а мысль о погибших толкала большинство народа на сторону горячих голов.

4. Тогда все священники и служители Бога вынесли из Храма священные сосуды и облачились в одежды, надеваемые ими во время богослужения; к ним присоединились певцы и музыканты вместе со своими инструментами, и все они, пав ниц, стали умолять народ пощадить их священные украшения и не побуждать римлян к разграблению сокровищ Бога. Тут же были и сами первосвященники, посыпавшие головы прахом, в разодранных одеждах и с обнаженной грудью. Они обращались по имени к каждому из видных граждан и ко всей толпе вместе и призывали не предавать из-за пустякового оскорбления свою страну в руки людей, только и ждущих ее разграбить. «Что за прок воинам от приветствия евреев? – спрашивали они.– Разве, не выйдя сейчас им навстречу, можно будет исправить уже причиненное зло?» Если они подобающим образом встретят римлян, Флор лишится повода для войны, они же получат взамен за это свою страну и избавление от новых страданий. Ведь было бы удивительным безрассудством поддаться горстке возмутителей спокойствия, тогда как, превосходя их числом, они в состоянии заставить даже их вести себя благоразумно.

5. Этими доводами они утихомирили толпу, тогда как мятежникам пришлось уступить перед угрозами и перед властью. Затем они вывели народ, в спокойствии и полном порядке, навстречу войску, и, когда воины приблизились, евреи обратились к ним с приветствиями. Однако их приветствие осталось без ответа, и тогда мятежники принялись громко поносить Флора. Это был условный знак для нападения на толпу. В мгновение ока воины окружили их и начали избивать дубинками; когда же народ обратился в бегство, преследовавшая его конница стала топтать людей. Многие падали под ударами римлян, но еще больше было смято собственными собратьями. У городских ворот образовалось ужасающее скопление народа,

и, поскольку каждый стремился войти раньше других, всеобщее бегство замедлилось. Того, кто спотыкался, ожидал ужасный конец: задушенные и затоптанные в прах под бесчисленным множеством ног, они были неузнаваемы для родственников, явившихся взять тела для погребения.

Солдаты ворвались в город вместе с беглецами, осыпая ударами каждого попадавшегося им на пути; они гнали народ через Бет-Зету, пытаясь пробить себе дорогу и занять Храм и Антонию. С той же самой целью и Флор вывел из царского дворца своих собственных людей и стремился достигнуть крепости. Однако их попытки провалились, так как народ, обойдя их кругом, вышел им навстречу и остановил их продвижение; затем, выстроившись на крышах, они стали забрасывать римлян камнями. Тяжело страдавшие от сыплющихся сверху снарядов и не имевшие достаточно силы пробиться сквозь запруженные людьми узкие улицы, римляне отошли в конце концов к своему лагерю возле царского дворца.

6. Опасаясь, что Флор возобновит наступление и, пройдя со стороны Антонии, захватит Храм, повстанцы тут же забрались наверх и разрушили колоннаду, соединявшую Антонию с Храмом. Это охладило алчность Флора, ибо он домогался сокровищ Храма и поэтому стремился занять Антонию. Когда же колонны обрушились, он оставил свое намерение. Послав за первосвященниками и Синедрионом, он объявил им, что собирается покинуть город и оставляет им такой гарнизон, какой они запросят. В ответ они торжественно обещали поддерживать порядок и предотвращать попытки к мятежу, если он оставит им одну когорту – но только не ту, которая замешана в беспорядках (так как народ ненавидел ее за все ею причиненное). Переменив согласно их просьбе когорту, сам он с остальными силами возвратился в Кесарию.

XVI

1. Желая создать новый повод для войны, он послал Цестию ложное донесение о восстании евреев, где писал, что это они были зачинщиками войны, и обвинял их в причинении того, чего на самом деле они-то и были жертвой. Однако и должностные лица в Иерусалиме тоже не безмолвствовали: и они, и Береника отправили Цестию не одно письмо с описанием совер-

шенных Флором в городе беззаконий. Цестий прочел послания обеих сторон и стал совещаться с помощниками. Те посоветовали ему самому отправиться с войском в Иерусалим, где или наказать бунтовщиков, если известия о восстании подтвердятся, или же укрепить евреев, если окажется, что они сохраняют верность Риму. Однако он предпочел сначала послать туда одного из своих помощников, чтобы тот исследовал положение и доставил ему достоверный отчет о настроениях среди евреев.

Итак, он послал одного из своих трибунов, Неаполитана, который в Явне случайно встретил Агриппу, возвращавшегося из Александрии, и рассказал, кто послал его и зачем.

2. В это же время явились встретить царя еврейские первосвященники в сопровождении видных граждан и Синедриона. Воздав ему должные почести, они принялись оплакивать свои несчастья и описывать перед ним свирепость Флора. Хотя их рассказ привел Агриппу в негодование, он предусмотрительно обратил свой гнев против евреев, которым в душе сочувствовал. Ведь он намеревался укротить их высокомерие и своим отказом видеть в них несправедливо пострадавших заглушить в них жажду отмщения.

Те, будучи людьми смышлеными (да и размеры их имущества заставляли их искать мира), поняли, что выговор царя сделан с добрыми намерениями. Однако в 60 стадиях от Иерусалима Агриппу и Неаполитана встретил народ, вышедший их приветствовать. Впереди бежали с громкими воплями вдовы убитых, и народ откликнулся на их плач громкими сетованиями; они молили Агриппу о заступничестве и твердили Неаполитану обо всем, что претерпели от Флора. Когда все вступили в город, они стали показывать опустошенный рынок и разграбленные дома.

Затем при посредничестве Агриппы они убедили Неаполитана взять в сопровождающие одного только человека и обойти город до самого Шилоаха, чтобы самому удостовериться в том, что евреи покорны всем римлянам и настроены против одного лишь Флора за его чрезмерную жестокость. Неаполитан прошел по всему городу, получив достаточно доказательств покорности, и взошел в Храм. Здесь он собрал народ, осыпал его похвалами за преданность Риму и убеждал сохранять мир. Затем, поклонившись с верхнего двора святилищу Бога, он возвратился к Цестию.

3. Евреи же обратились к царю и первосвященникам, умоляя их отправить к Нерону посольство с обвинениями против

Флора, чтобы молчание о совершенной им резне не обратило против них самих подозрения в неповиновении; ведь если зачинщик беспорядков не будет своевременно указан, можно будет подумать, что это они первыми взялись за оружие. Было ясно, что всякая попытка воспрепятствовать посольству вызовет сопротивление со стороны народа.

Агриппа понимал, что обвинение Флора не сулит ничего, кроме новых неприятностей; с другой стороны, он видел, что противостоять воинственному одушевлению евреев небезопасно даже для него самого. Поэтому он собрал народ в Газите и, усадив свою сестру Беренику на виду у всех на крыше дворца Хасмонеев (это – над Газитом на другой стороне Верхнего города; Газит же соединялся с Храмом мостом), сказал им следующее:

4. «Если бы я не видел, что наиболее порядочная и неиспорченная часть народа предпочитает сохранение мира, и думал, что все вы жаждете войны с Римом, то я не выступал бы здесь перед вами, не обращался бы к вам с речью и не пытался бы давать советы. Ведь было бы пустой тратой слов выступать в защиту должного, в то время как слушатели единодушно склоняются на сторону дурного. Но одних из вас, тех, кто еще незнаком с ужасами войны, толкает молодость, других – безумная надежда на обретение свободы, третьих – корыстолюбие и расчет в случае войны извлечь выгоду из более слабых. Итак, в надежде, что эти люди еще образумятся и склонятся к иному мнению, и чтобы дурные советы меньшинства не увлекли за собой добрых граждан, я счел нужным созвать всех вас и рассказать вам о том, что я считаю наилучшим. Прошу вас не прерывать меня, если вы не согласны с моей речью: ведь тот, кто уже бесповоротно решился на восстание, не изменит свой взгляд и после того, как выслушает мои мнения, но, если все не будут хранить молчание, мои слова окажутся потерянными и для тех, кто желает им внимать.

Я знаю, что многие сегодня разглагольствуют против дерзости прокураторов и воспевают чудеса свободы. Поэтому, прежде чем приступить к описанию того, кто вы такие и с кем собираетесь воевать, я должен разобрать сплетение выдвигаемых вами предлогов. Ведь если вы стремитесь к отмщению причиненных вам несправедливостей, то почему тогда болтаете о свободе? Если же, с другой стороны, именно рабство представляется вам нестерпимым, то в таком случае хуление правителей – не более чем пустая трата времени: ведь даже ес-

ли бы они были кротчайшими из людей, рабство все равно остается позором.

Рассмотрите последовательно эти предлоги, и вы увидите, сколь ничтожны ваши доводы в пользу войны. Во-первых, обвинения против прокураторов. Ведь вы должны уважать, а не раздражать власть! Но когда в ответ на каждый ничтожный промах вы разражаетесь потоком упреков, то своими обличениями бьете по самим себе, так как они, вместо того чтобы вредить вам тайно и со стеснением, начинают открыто грабить вас. Но ничто так не опасно для тирана, как терпеливое подчинение, и ничто так не угнетает преследователя, как кротость жертв. Я допускаю, что слуги Рима нестерпимо жестоки; но следует ли из этого, что все римляне, включая Цезаря, преследуют вас? Но ведь именно с римлянами вы собираетесь развязать войну! Но не по их желанию прибывает сюда дурной правитель, и не может тот, кто пребывает на Западе, видеть происходящее на Востоке. Да и известия о том, что происходит здесь, не скоро достигают Рима. Было бы нелепостью из-за ничтожных проступков одного человека начать войну против целого народа, даже ничего не знающего о наших жалобах, – и какого народа! Быть может, наши жалобы очень скоро будут удовлетворены, да и один и тот же прокуратор не будет здесь вечно, а его преемники наверняка будут более здравомыслящими людьми. Но война, однажды начавшись, не сможет быть оставлена и принесет с собой величайшие бедствия.

Что же касается вашей нынешней страсти к свободе, то она пришла слишком поздно: раньше нужно было сражаться за то, чтобы ее не потерять. Ведь опыт рабства – тяжкий опыт, и для того, чтобы его избежать, оправдана любая борьба. Но кто уже подчинился ему, а затем восстает, тот не приверженец свободы, а всего лишь непокорный раб! Еще тогда, когда в страну впервые вступил Помпей, нужно было сделать все, чтобы не допустить сюда римлян. Но ваши предки и их цари, намного превосходившие вас и средствами, и мощью, и силой духа, не смогли противостоять даже малой частице римской силы. Так неужели же вы, усвоившие подчинение вместе с молоком матери и настолько уступающие во всем своим предкам, сможете бороться с целой Римской империей?!

Вспомните об афинянах. Чтобы спасти свободу Греции, они предали свой город огню. Когда гордый Ксеркс, для которого моря не были преградой, проплыв через сушу и прошагав

через воду, привел неисчислимое войско, намереваясь захватить Европу, они преследовали его с одним кораблем, словно беглого раба. У маленького Саламина афиняне сокрушили могущество Азии – а сегодня они рабы Рима, и город, некогда царивший над целой Элладой, получает распоряжения из Италии! Вспомните о спартанцах: после Фермопил и Платеи, после Агесилая, умиротворившего всю Азию, они охотно подчиняются тем же самым владыкам. А македоняне? Они все еще грезят о Филиппе и Александре, все еще видят перед собой богиню, засеявшую для них семена власти над миром. Но все-таки они покорно сносят свое столь разительное преображение и верно служат новым любимцам богини судьбы. Тысячи народов, отважно боровшихся в защиту своей свободы, ныне покоряются Риму. Так неужели же вы единственные откажетесь подчиняться владыкам целого мира?!

На какое войско, на какое оружие вы рассчитываете? Где у вас флот, что пройдет через римские моря? Где деньги, чтобы оплачивать ваши походы? Или вы думаете, что вам предстоит война с египтянами или аравийцами? Взгляните на обширность Римской империи, сравните ее со своим собственным ничтожеством! Вспомните, как ваши войска неоднократно терпели поражения даже от соседей и как римское оружие одержало победу над целым миром! Но ведь они, не довольствуясь даже и этим, ищут все новых земель. В самом деле, им недостаточно, что их границы – это Евфрат на востоке, Истр на севере, на юге – пустынная и необитаемая Ливия и Гадира на западе, – нет, они ищут за океаном новый мир, победоносно неся свое оружие вплоть до самой не исследованной прежде Британии. И что же? Неужто же вы богаче галлов, сильнее германцев, умнее греков и многочисленнее всех народов мира? На что полагаетесь вы, посягая на власть Рима?

Вы скажете, что тяжко бремя рабства. Но насколько же тяжелее оно грекам, прославленным на весь мир своим несравненным благородством и населяющим столь обширную страну, или македонянам, с гораздо большим правом, нежели вы, заслуживающим наслаждаться свободой! Нужно ли говорить о пятистах городах Азии, безо всякого даже гарнизона склоняющихся перед императором и предъявляемыми консулом знаками власти? К чему упоминать о гениохах, колхидянах, таврийцах, народах, обитающих у Босфора, Понта и Меотиды? Было время, когда они не признавали власти даже собственно-

го правителя, а сегодня три тысячи легионеров держат их в подчинении и сорок военных кораблей поддерживают спокойствие в море, где прежде не плавал никто, кроме разбойников. С каким основанием могли бы требовать для себя свободы Вифиния, Каппадокия, Памфилия, Ликия, Киликия! И все-таки они платят налоги даже без понуждения войск.

Что сказать о фракийцах, рассеянных по стране шириной в пятидневный переход и длиной в семидневный, далеко превосходящих вас в стойкости и воинственности, населяющих землю, где один только ледяной ветер может остановить наступающее войско, – и все же двухтысячного гарнизона достаточно, чтобы держать их в повиновении. С ними граничат иллирийцы, страна которых простирается от Далмации до Истра и которые подчиняются всего лишь двум легионам: в союзе с римлянами они отражают вылазки даков. А далматы, столько раз пытавшиеся сбросить иго рабства и после каждого поражения собиравшие свои силы для нового восстания, – сегодня они сохраняют спокойствие с одним только римским легионом.

Но если уж и в самом деле существует народ, особые преимущества которого вправе толкнуть его на восстание, то этим народом являются галлы, столь неприступно укрепленные самой природой – Альпами с востока, Рейном с севера, Пиренеями с юга, океаном с запада. Все же, несмотря на эти исполинские преграды, на скопление трехсот пяти народов, на изобилие, можно сказать, ключом бьющее из их земли, плоды которой наводняют едва ли не целый мир, они с покорностью сносят свое превращение в житницу Рима и получают из рук Рима то, что производит их собственная земля! И они поступают так не из изнеженности или от природной низости – ведь в продолжение целых 80 лет они отстаивали свободу, – но из-за благоговейного страха, внушаемого им как мощью Рима, так и его судьбой, которая стяжала больше побед, нежели римское оружие. Итак, Галлию держат в повиновении 1200 воинов – меньше, чем есть у нее городов!

А Иберия? Ни золото, которое приносит ее земля, не помогло ей отстоять свободу, ни обширные пространства моря и суши, отделяющие ее от Рима, ни воинственные племена лузитанцев и кантабров, ни соседствующий с нею океан, устрашающий своими отливами даже местных жителей. Пройдя через заоблачные Пиренеи, римляне принесли свое оружие за Геркулесовы Столпы и поработили иберийцев. И для того, чтобы

держать в повиновении этот воинственный и столь отдаленный народ, им достаточно всего одного легиона!

А кто из вас не слыхал о неисчислимых множествах германцев? Уж конечно, вам неоднократно приходилось наблюдать их телесную мощь и отвагу, ведь римляне повсюду держат при себе германских пленников. Этот народ занимает необозримые пространства, гордость их превышает их телесную силу, от всей души они презирают смерть и в гневе опаснее диких зверей. И все же Рейн кладет предел их воинственности, ибо восемь римских легионов укротили их, обратив в рабство пленников и заставив целый народ искать спасения в бегстве.

Подумайте об укреплениях британцев, вы, столь полагающиеся на стены Иерусалима! Со всех сторон они окружены океаном и населяют остров, обширностью не уступающий остальному миру. И все же римляне пересекли море и поработили и их, и четыре легиона держат в спокойствии весь этот огромный остров. Но к чему мне распространяться об этом, когда даже парфяне, самый воинственный из народов, господствующие над столь многими государствами и защищаемые таким огромным войском, посылают в Рим заложников, и на италийской земле вы увидите цвет знати Востока, пребывающей в рабстве ради сохранения мира.

Итак, почти нет на земле народа, который не склонился бы перед могуществом Рима, – неужели же вы единственные развяжете против него войну?! Вспомните о конце карфагенян, кичившихся величием Ганнибала и славой своих финикийских предков, – не они ли пали под рукой Сципиона? А киренеяне, возводящие свой род к спартанцам, мармариды, народ, простирающийся до самой безводной пустыни, сирты, одно имя которых внушает ужас, насамоны, мавры, нумидийцы с их несметными полчищами, – никто из них не выстоял перед доблестью римлян. И вся эта третья часть мира, народы которой почти невозможно исчислить, простирающаяся от Атлантического океана и Геркулесовых Столпов и до Эритрейского моря, близ которого обитает несметный народ эфиопов, вся она подчинилась Риму. Кроме ежегодного урожая, который в течение восьми месяцев кормит все население Рима, ее жители платят еще и всякого рода подати, с готовностью подчиняясь налогообложению ради нужд империи. В отличие от вас, они не приравнивают приказания к оскорблению, хотя среди них расположен всего один легион.

Но к чему нам ходить так далеко за примерами мощи Рима, когда мы можем взглянуть на Египет, нашего ближайшего соседа? Он простирается до самой Эфиопии и блаженной Аравии, он граничит с Индией, его, как это видно из списков подушного налога, населяет семь с половиной миллионов человек, не считая Александрии, – и все же он не восстает против римского правления. А между тем какой повод для восстания доставляет одна только Александрия, с ее величиной, ее населением, ее богатством! Город в 30 стадиев в ширину и не менее десяти в длину, который за один месяц платит Риму больше налогов, чем вы за целый год, и кроме денег посылает еще и зерно, которого хватает на целых четыре месяца, город, со всех сторон окруженный непроходимыми пустынями, морями, лишенными гаваней, и болотами. Но ничто из этого не может пересилить удачу Рима: стоящие в городе два легиона одновременно держат в узде отдаленнейшие части Египта и гордую знать Македонии.

Или вы собираетесь искать себе союзников в необитаемых землях? Ведь в населенном мире повсюду вы найдете римлян. Или вы простираете свои надежды по ту сторону Евфрата и воображаете, что сородичи из Адиабены пойдут на помощь? Но ведь они не безумцы, чтобы без всякой причины бросаться вместе с вами в такую войну, а если бы даже они и решились, то Парфия не допустила бы этого. Ибо для парфянского царя важнее всего сохранение перемирия с Римом, а он будет считаться нарушившим перемирие, если кто-то из его подданных выступит против Рима.

Итак, вам остается прибегнуть только к помощи Бога. Но ведь и Он стоит за римлян, ибо без Его содействия никогда бы не смогла образоваться столь могущественная империя. Задумайтесь и над тем, сколь трудно будет, даже если бы вы имели против себя слабейшего вас противника, сохранить чистоту вашей веры и как вы, будучи вынуждены преступить те самые законы, которые исполняют вас надеждой на содействие Бога, заставите Его отвернуться от вас. Ведь если вы будете, соблюдая Закон, прекращать по субботам всякую деятельность, то очень скоро потерпите поражение, как ваши предки при Помпее, ибо он усиливал осаду как раз в те дни, когда осажденные бездействовали. Но если в ходе войны вы станете преступать ваш древний Закон, то за что тогда вам останется бороться? Ведь ваша единственная забота, чтобы ни один из древних законов не был нарушен. И как, после того

как вы добровольно преступите почитание Бога, вы сможете призвать Его на помощь?

Каждый, кто начинает войну, полагается либо на божественное, либо на человеческое содействие; но тот, кто очевидно не располагает ни тем, ни другим, навлекает на себя верную погибель. В таком случае, кто препятствует вам собственными руками умертвить жен и детей и самим предать огню родину, прекраснейшую из всех?! Совершив это безумие, вы, по крайней мере, избежите позора окончательного поражения. Прекрасно, друзья мои, прекрасно, пока судно еще находится в гавани, заранее предвидеть надвигающуюся непогоду и не плыть в самое сердце бури навстречу верной гибели. Ведь тот, над кем несчастье разражается словно гром с ясного неба, по крайней мере, заслуживает сожаления, но ничего, кроме порицания, не достоин тот, кто с открытыми глазами устремляется навстречу погибели.

Наконец, пусть никто не думает, что война против вас будет соответствовать принятым правилам и одержавшие победу римляне поведут себя с умеренностью, а не предадут огню ваш священный город и не истребят весь ваш род, чтобы ваша судьба послужила примером для других народов. Нет, говорю я вам: даже оставшись в живых, вы не найдете для себя прибежища, ибо все народы либо уже являются рабами Рима, либо боятся ими стать. Однако опасность угрожает не только здешним евреям, но и тем, кто обитает в иных городах: ведь во всем мире не найдется народа, среди которого не жили бы евреи. Но все они, если вы развяжете войну, будут умерщвлены врагами, так что из-за зломыслия немногих каждый город наполнится еврейской кровью. И это убийство будет оправдано! Если же оно не случится – подумайте, сколь низко поднимать оружие против народа, столь великодушного! Пощадите ваших жен и детей, пощадите хотя бы этот город с его священными пределами! Сжальтесь над Храмом, сохраните для себя самих святилище с его священными сокровищами! Ибо римляне, захватив их, уже не поколеблются взять то, за сохранение чего до сих пор они не получили никакой благодарности. Призываю в свидетели все, что для вас священно, – святых ангелов Божьих и нашу общую родину, – что я использовал все средства ради вашего спасения. Приняв правильное решение, вы вместе со мной будете наслаждаться миром, позволив же страстям увлечь себя, подвергнетесь опасностям без моего участия».

5. Сказав это, Агриппа заплакал вместе со своей сестрой и слезами несколько утихомирил порыв толпы. Когда же они закричали: «Не с римлянами, а с Флором мы собираемся воевать, ведь столько претерпели от него!» – Агриппа ответил: «Но ваши дела свидетельствуют о войне с римлянами. Ведь вы не заплатили налог Цезарю и разрушили колоннады Антонии. Вы могли бы снять с себя обвинения в мятеже, восстановив колоннады и заплатив подать. Ибо крепость принадлежит не Флору и не Флору вы платите деньги».

XVII

1. Этими словами народ был убежден и, поднявшись с царем и Береникой в Храм, начал восстанавливать колоннады; начальники же и члены совета, разделившись по деревням, собирали налог. Вскоре были собраны недостающие 40 талантов. Отодвинув, таким образом, угрозу войны, Агриппа сразу же попытался убедить народ повиноваться Флору, пока Цезарь не пошлет ему преемника. Но это разгневало людей. Царя осыпали оскорблениями, через глашатаев потребовали, чтобы он покинул город, некоторые из мятежников осмелились даже кидать в Агриппу камни. Царь же, видя, что порыв бунтовщиков невозможно сдержать, и оскорбленный грубыми выкриками, отправил народных начальников и знатных людей к Флору в Кесарию, чтобы тот из них назначил сборщиков податей; сам же Аргиппа удалился в свое царство.

2. Тогда некоторые из самых ярых поджигателей войны, сойдясь вместе, напали на укрепление, именуемое Масадой, и, коварно захватив его, римский гарнизон вырезали, свой же поставили взамен. Одновременно некий Эльазар, сын первосвященника Хананьи, весьма самонадеянный юноша, бывший в то время начальником храмовой стражи, склонил служителей Храма не принимать ни даров, ни жертвоприношений от чужеземцев. Это и послужило основанием к войне с Римом: ведь тем самым они отклоняли приношения и самого Цезаря! И они не отступили даже перед отчаянными призывами первосвященников и видных граждан не упразднять принятых обычаем приношений в честь властей: они полагались как на свою численность (ведь все отборные силы бунтовщиков были с ними заодно), так и в особенности на начальника стражи Эльазара.

3. Тогда, ввиду ставшего уже неотвратимым несчастья, видные граждане, первосвященники и главные фарисеи собрались вместе, чтобы обсудить создавшееся положение. Они решили попытаться переубедить мятежников и с этой целью созвали народ к воротам, служившим восточным входом во внутренний Храм. Они начали с осуждения безумия восставших, вовлекающих страну в столь тяжелую войну, а затем стали обличать нелепость предлога. Они говорили, что их предки украсили Храм в первую очередь за счет чужеземцев, всегда принимали дары, предлагаемые язычниками, и не только не препятствовали чьему бы то ни было жертвоприношению (ибо нет ничего нечестивее этого), но и всегда выставляли их по всему Храму в самых видных и заметных местах. И сейчас эти люди своим нововведением в богослужение не только раздражают римлян, вызывая их на войну, но и, помимо самой опасности, навлекают на весь город обвинение в нечестии, ибо окажется, что среди одних только евреев иностранец не может ни приносить жертвы, ни поклоняться Богу. Даже если бы этот их закон распространялся лишь на отдельных лиц и если бы им было безразлично, что римляне и Цезарь не допускаются к жертвоприношению, уже сама эта бесчеловечность вызвала бы негодование, но, отвергнув жертвоприношения в честь Рима, они подвергают себя опасности самим лишиться доступа к собственным жертвам – в том случае, если город будет отторгнут от империи. Поэтому единственный выход – немедленно одуматься, восстановить жертвоприношения и сгладить оскорбление до того, как слух о нем дошел до оскорбленных.

4. Обращаясь с этими словами, они еще и вывели священников, искушенных в отеческих законах, и те засвидетельствовали, что все предки всегда принимали приношения от других народов. Однако никто из мятежников не желал внимать, и даже храмовые прислужники не слушали – до такой степени все они заботились сделать войну неизбежной. Поэтому влиятельные граждане, видя, что более не могут сдерживать восстание, и понимая, что месть Рима падет в первую очередь на них, преисполнились решимости доказать свою невиновность и послали представителей к Флору и Агриппе: во главе первого посольства стоял Шимон, сын Хананьи, во втором выделялись Шауль и царские родственники Антипа и Костобар. Они просили обоих ввести в город войска и подавить восстание, пока еще возможно.

Для Флора это была благая весть, и в своем желании как можно сильнее раздуть пожар он даже не дал ответ посольству. Однако Агриппа, который в равной мере заботился о восставших и об их противниках, желая сохранить римлянам евреев, а евреям – Храм и столицу и понимая, что сам он только потеряет от войны, послал на помощь просителям три тысячи всадников из Хаврана, Башана и Трахона во главе с начальником конницы Дарием и под общим командованием Филиппа, сына Якима.

5. Это ободрило знатных граждан, первосвященников и всю миролюбивую часть населения – тех, кто занимал Верхний город, ибо Нижний город с Храмом были в руках мятежников. Обе части города постоянно перебрасывались снарядами, пускаемыми как руками, так и из пращей; иногда отдельные отряды совершали вылазки и вступали в рукопашный бой, в котором повстанцы превосходили мужеством, а царские отряды – военным искусством. Последние боролись в первую очередь за то, чтобы овладеть Храмом и выдворить оттуда тех, кто осквернял святилище, тогда как люди Эльазара стремились в придачу к тому, чем они уже владели, захватить и Верхний город. Взаимное убийство продолжалось беспрерывно в течение семи дней, и ни одна из сторон не сдвинулась с занимаемого ею места.

6. Следующий день был праздник Ношения дров, когда каждый, согласно обычаю, должен принести в Храм дрова для алтаря, чтобы в святилище никогда не было недостатка в топливе (ибо огонь в нем должен был поддерживаться постоянно). Мятежники не дали противникам принять участие в обряде. Однако они приняли к себе многих сикариев (так зовут разбойников, носящих за пазухой кинжал), проникших в Храм вместе с безоружной толпой, и с еще большим упорством продолжали нападения.

Царские отряды, уступавшие теперь как числом, так и мужеством, были наконец вытеснены из Верхнего города. Ворвавшись в него, их противники сожгли дом первосвященника Хананьи и дворцы Агриппы и Береники. Вслед за этим они подожгли архивы; их целью было, уничтожив списки должников, сделать выплату долгов невозможной. Это обеспечивало им поддержку толпы должников и давало возможность бедным безнаказанно подняться против богатых. Хранители списков разбежались, а здание было предано огню.

Подрубив таким образом сухожилья города, мятежники устремились в погоню за врагом. Одни из видных граждан и первосвященников спустились в подземные каналы и таким образом скрылись из виду, другие вместе с царскими отрядами укрылись в Верхнем дворце, где, не теряя времени, заперлись на засовы (среди них – первосвященник Хананья, его брат Хизкия и те, кто был с посольством у Агриппы). Их враги, удовлетворенные победой и разрушениями, временно прекратили преследование.

7. Однако назавтра, в 15-й день месяца Лой, они двинулись на Антонию и после двухдневной осады захватили ее, уничтожив гарнизон и предав крепость огню. Затем отправились к дворцу, где укрывались царские войска, и, обложив их с четырех сторон, начали осаду стен. Из-за роя нападающих никто из осажденных не осмеливался решиться на вылазку; однако, выстроившись на валах и башнях, они забрасывали камнями каждого, кто осмеливался приблизиться, так что многие разбойники пали у подножия стен. Борьба не прекращалась ни днем, ни ночью: мятежники надеялись взять осажденных голодом, тогда как те рассчитывали истощить силы нападающих.

8. Между тем некто Менахем, сын того самого Йехуды Галилеянина, ужаснейшего законоучителя, который некогда во времена Квирина порицал евреев за подчинение римлянам после того, как они подчинялись только Богу, вместе со своими людьми поднялся к Масаде и, ворвавшись в оружейный склад царя Ирода, раздал оружие своим землякам и прочим разбойникам. Сделав их телохранителями, он, словно царь, возвратился в Иерусалим, где встал во главе восстания и стал распоряжаться осадой.

У осаждавших не было осадных орудий, а подкопать стену на глазах у противника оказалось невозможно из-за снарядов, которыми забрасывали их сверху. Тогда они, отойдя на большое расстояние, сделали подкоп под одну из башен, подвели под нее деревянные опоры, подожгли их и разбежались. Когда опоры сгорели, башня внезапно рухнула, и за ней открылась еще одна стена. Ведь осажденные вовремя узнали о подкопе (возможно, башня раскачивалась, когда ее подрывали) и приготовили себе еще одно прикрытие. Неожиданное зрелище поразило нападавших, которые были в полной уверенности, что победа уже в их руках. Однако осажденные выслали к Менахему и руководителям восстания послов с предложением за-

ключить перемирие и дать им уйти. Это было позволено только людям царя и местным жителям, которые и покинули крепость. Оставшиеся без поддержки римляне пали духом: они не были в состоянии пробить себе путь через такое скопище людей, а просить о сдаче считали позорным. Кроме того, они не верили, что соглашение, даже если оно будет заключено, будет соблюдено евреями. Поэтому они оставили лагерь как более непригодный к защите и бежали к царским башням – Гиппику, Фацаэлю и Мирьям. После этого Менахем и его люди захватили оставленное укрепление, поймали и умертвили всех, кто не успел бежать, разграбили все имущество и подожгли лагерь. Это произошло 6-го дня месяца Горпиея.

9. На следующий день ими был пойман первосвященник Хананья, прятавшийся во рву возле царского дворца; и он, и его брат Хизкия были убиты разбойниками. Затем мятежники обложили башни и несли вокруг них стражу, так чтобы ни один римлянин не мог ускользнуть.

Взятие таких мощных укреплений и убийство первосвященника вскружило голову Менахему: он стал свирепствовать и, думая, что никто не может соперничать с ним в руководстве восстанием, превратился в невыносимого тирана. Но против него поднялись Эльазар и его люди, единодушно считавшие, что было бы нелепостью сначала из любви к свободе восстать против Рима, а затем вручить эту свободу палачу из евреев и подчиниться властелину, который даже если бы и не предался насилию, тем не менее был ниже их самих: ведь даже если они и должны передать власть одному человеку, кто угодно был бы предпочтительнее этого!

Поэтому они, образовав заговор, напали на него в Храме в то время, как он с пышностью вступал туда для богослужения, разодетый в царственные облачения и сопровождаемый вооруженными приверженцами. Как только Эльазар со своими людьми набросился на него, весь остальной народ стал забрасывать законоучителя камнями: ведь люди думали, что его свержение положит конец всему восстанию. Сначала Менахем и его люди держались, но, когда увидели, что все население города выступило против них, они разбежались кто куда. Те из них, кого удалось поймать, были преданы смерти, за теми же, кто скрылся, охотились повсюду. Лишь немногим удалось бежать и пробраться в Масаду; среди этих был и Эльазар, сын Яира, родственник Менахема, позднее ставший полновластным

господином Масады. Сам же Менахем бежал в Офел; здесь он позорно прятался, пока его не схватили: его выволокли на всеобщее обозрение и после длительных пыток предали смерти. Подобная же судьба постигла и его подручных, в том числе и Авшалома, главное орудие его господства.

10. Как я сказал, народ принял участие в этом убийстве в надежде на полное подавление мятежа. Однако заговорщики отнюдь не спешили положить конец войне: ведь они предали смерти Менахема лишь затем, чтобы самим беспрепятственно продолжить восстание. Поэтому чем больше народ настаивал, чтобы они прекратили осаду легионеров, тем сильнее они упорствовали в ней. Наконец начальник римлян Метилий, не имея более сил держаться, послал к Эльазару с единственной просьбой пощадить их жизнь, так как они уже готовы были сдать оружие и все остальное имущество. Евреи тут же ухватились за их предложение и послали к ним Гириона, сына Никомеда, Хананью, сына Цадока, и Йехуду, сына Йонатана, чтобы те под присягой обещали им безопасный проход. После этого Метилий вывел своих легионеров наружу.

Пока римляне оставались при оружии, восставшие не трогали их и не выказывали никаких признаков предательства. Однако когда те сложили, как было условлено, щиты и мечи и, не подозревая ничего дурного, стали уходить, Эльазар и его люди набросились на них, окружили со всех сторон и перерезали; те же не сопротивлялись и не просили о пощаде, но лишь громко взывали к договору и клятвам. Так жестоко были умерщвлены они все, за исключением Метилия, которому единственному удалось спастись: ведь он молил о пощаде и обещал стать евреем и даже совершить обрезание.

Для Рима эта потеря значила немного (ибо что такое гибель нескольких человек для такого несметного войска?), однако для евреев, как кажется, она была предвестием гибели. Ведь не было более возможности устранить повод к войне, и город был запятнан такой скверной, что, казалось, если и не возмездие Рима, то Божий гнев должен покарать его. Поэтому народ погрузился в скорбь и весь город был охвачен унынием: ведь каждый порядочный гражданин приходил в ужас при мысли о том, что ему придется расплачиваться за злодеяние мятежников. Случилось еще и так, что эта резня происходила в субботу – день, когда благочестие воспрещает совершать даже праведные дела.

XVIII

1. В тот же самый день и в тот же самый час, словно по предопределению свыше, в Кесарии было умерщвлено все еврейское население: менее чем за час убито более 20 тысяч человек, так что в городе не осталось ни одного еврея. И даже те, кому удалось бежать, были схвачены Флором и в оковах отправлены на корабельную верфь. Этот удар со стороны кесарийцев привел весь народ в неописуемый гнев, и в ответ еврейские отряды разорили сирийские деревни и соседние города – Филадельфию, Хешбон, Гереш, Пеллу и Скифополь. Затем они напали на Гадер, Гиппос и Голан, разорив одни места и предав огню другие. За ними последовали Кедеш Тирский, Птолемаида, Гава и Кесария. Не оказавшие им сопротивления Себастия и Ашкелон были сожжены дотла. Вокруг каждого из этих городов было разорено много деревень, и все взрослые пленники немилосердно умерщвлены.

2. Сирийцы, со своей стороны, лишили жизни не меньше евреев: умерщвляли тех, кого захватывали в городе, правда, не столько из ненависти к ним, как прежде, сколько затем, чтобы предотвратить собственную гибель. Вся Сирия была охвачена ужасным смятением, и каждый город разделился на два лагеря, причем выживание одного прямо зависело от гибели другого. Дни протекали в кровопролитии, ночи – еще более ужасные – в страхе. Ибо, хотя казалось, что они уже избавились от евреев, в каждом городе оставались иудействующие, которых держали на подозрении. Не решаясь уничтожить подозрительных из своей же собственной среды, они боялись этих принадлежащих к обоим лагерям людей, как настоящих чужаков. Даже тех, кто всегда считался кротчайшим, алчность толкала на убийство противников: ведь безнаказанно расхищали добро жертв и, словно с поля сражения, приносили добычу от убитых к себе домой, причем нахвативший больше других пользовался наибольшим почетом, как будто он победил большее число врагов. Города наполнились непогребенными телами, трупы стариков валялись рядом с трупами детей и женщин, на которых не было даже лохмотьев, прикрывающих наготу, и вся область наполнилась несказанным ужасом. Но угроза того, что еще может случиться, была даже страшнее ежечасно совершаемых зверств.

3. До сих пор евреи нападали лишь на чужеземцев, однако при вылазке на Скифополь им пришлось столкнуться и с ев-

реями. Скифопольские евреи вышли на защиту города вместе со скифопольцами и вступили в бой со своими сородичами, полагая собственную безопасность более важной для себя, нежели узы крови. Избыток рвения, однако, возбудил против них подозрение в предательстве: ведь горожане боялись, что они могут напасть на город ночью и, чтобы оправдаться перед своими сородичами-евреями за то, что не поддержали их, навлекут на него великую беду. Поэтому они велели евреям, если те желают доказать свою преданность и верность соседям-иноземцам, вместе с семьями войти в священную рощу. Ничего не подозревавшие евреи подчинились приказу; в течение двух дней скифопольцы не предпринимали никаких действий, тем самым введя евреев в заблуждение, что будто бы они находятся в безопасности. Однако на третью ночь, улучив время, когда одни пребывали в беспечности, а другие спали, скифопольцы умертвили их всех, всего более 13 тысяч человек, и разграбили имущество всего еврейского населения города.

4. Тут стоит рассказать и о судьбе Шимона, который был сыном некоего Шауля, небезвестного вовсе отца. Этот Шимон отличался необыкновенной телесной силой и мужеством, злоупотребляя, однако, и тем и другим, чтобы вредить соотечественникам. Выходя каждый день из города, он положил мертвыми немало осаждавших Скифополь евреев; более того, зачастую он даже обращал их в бегство и один одерживал победу над целым войском. Однако его постигла заслуженная кара: ведь ему пришлось пролить кровь близких. Именно: когда жители Скифополя, окружив рощу, начали убивать находящихся в ней людей, он хотя и извлек свой меч, но не двинулся в сторону врага, видя его превосходство в силе. Вместо этого в великом волнении он воскликнул: «По заслугам получаю за содеянное я, убивший столь многих братьев лишь затем, чтобы доказать свою верность вам, скифопольцы! Нечего дивиться предательству чужестранцев нам, предателям своего народа! Давайте же как пораженные проклятием умрем от собственной руки: ведь не подобает нам умереть от руки врага! Пусть же одно и то же деяние послужит мне как заслуженным наказанием за злодейства, так и доказательством моего мужества и пусть никто из врагов не похваляется моим убийством и не торжествует над моим трупом!» С этими словами он обвел взглядом, полным жалости и гнева, свою семью: жену, детей и стариков-родителей. Первым он пронзил мечом своего отца, схватив его за се-

дины, за ним – мать, добровольно подчинившуюся смерти, и, наконец, жену и детей, причем каждый едва ли не сам бросался на меч – столь велика была жажда предупредить врага. Покончив таким образом со своей семьей, Шимон встал над их телами и, воздев свою правую руку так, чтобы все видели, до самой рукоятки вонзил себе в горло меч. За доблесть тела и мужество духа этот молодой человек достоин сострадания, однако постигшая его судьба была необходимым следствием доверия чужеземцам.

5. По следам резни в Скифополе население всех прочих городов также взялось за оружие и выступило против своих соседей-евреев. Так, в Ашкелоне было убито 2500 человек, в Птолемаиде – 2000, и многие были брошены в тюрьму. То же самое произошло и в Гиппосе, и в Гадере, где более воинственные из евреев были уничтожены, а более безобидные взяты под стражу, и в прочих городах Сирии, соответственно ненависти или страху, с которыми каждый из них смотрел на еврейское население. Евреи были пощажены только в Антиохии, Сидоне и Апамее, где не было даже намерения убить или посадить в тюрьму кого-либо из евреев. Возможно, это было следствием численного превосходства горожан, которое позволяло им пренебречь возможностью восстания евреев, но мне кажется, что главная причина такого их поведения – жалость к людям, в которых не обнаруживали ни одного признака возмущения. В Гереше не только не причинили никакого вреда оставшимся в городе евреям, но и проводили до границы тех, кто желал его покинуть.

6. Заговор против евреев образовался даже в царстве Агриппы. Агриппа уехал в Антиохию к Цестию Галлу и оставил вместо себя распоряжаться делами одного своего друга по имени Ноар, который приходился родственником царю Соему. Тут прибыло посольство из Башана, состоявшее из 70 человек, граждан, выдающихся как знатностью происхождения, так и богатством. Они просили дать им войско с тем, чтобы, если в их области возникнут волнения, у них было достаточно сил для подавления. Все они были убиты Ноаром, ночью выславшим на них часть царской тяжелой пехоты. Он совершил это убийство, даже не дав знать об этом Агриппе, из-за своего безграничного корыстолюбия, погубив своих же соотечественников и обесчестив все царство. И он продолжал свирепствовать среди народа до тех пор, пока Агриппа не узнал

о беззакониях и не сместил его (ибо он не желал задеть Соема казнью его родственника).

Тем временем восставшие заняли крепость под названием Кипрос, господствовавшую над Иерихоном, уничтожили ее гарнизон и сровняли укрепления с землей. Приблизительно тогда же в Махоре толпа евреев вынудила римский гарнизон покинуть крепость, уступив ее восставшим: ведь римляне боялись, что те возьмут крепость силой, и поэтому заключили перемирие и в согласии с договором отступили, крепость же была тут же занята горожанами, которые поставили в ней свой гарнизон.

7. Что же касается Александрии, то здесь борьба между местными жителями и евреями существовала еще со времен Александра, который, найдя евреев готовыми оказывать ему содействие в борьбе с египтянами, вознаградил их за союзничество тем, что дал возможность проживать в городе, располагая такими же правами, как и греки. Они удержали это отличие и при его преемниках, которые сверх того еще и отделили им особую часть города, чтобы евреи могли, не смешиваясь с иноземцами, сохранять в чистоте собственный образ жизни; наконец, им позволили именовать себя македонцами. Когда же Египтом завладели римляне, ни первый Цезарь, ни его преемники ни в чем не уменьшили права, данные евреям во времена Александра. Однако стычки между евреями и греками возникали постоянно. Поскольку многие предводители с обеих сторон были наказаны властями, борьба обострилась еще более. И в это время, когда повсюду распространилась смута, раздор в Александрии разгорелся с еще большей силой.

Однажды, когда граждане сходились на собрание, чтобы обсудить вопрос о посылке к Нерону посольства, и в амфитеатр вместе с греками влился большой поток евреев, греки при виде своих недругов подняли крик, что среди них находятся вражеские соглядатаи, а затем вскочили и бросились в драку. Большинство евреев разбежалось, кроме троих, которых схватили и потащили с намерением сжечь заживо. Все евреи города поднялись на их защиту: сначала они забрасывали греков камнями, а затем схватили факелы и ринулись к амфитеатру, угрожая сжечь всех присутствующих. И они действительно сделали бы это, если бы их пыл не был обуздан наместником города Тиберием Александром. Сначала он попытался вразумить их, не прибегая к силе, и послал к ним нескольких уважаемых людей с призывом прекратить волнения и не вызывать

римское войско на действия против них. Однако восставшие встретили этот призыв презрением и даже оскорбили Тиберия.

8. Тогда тот понял, что ничто, кроме большого бедствия, не сможет остановить смутьянов, и выслал против них два римских легиона и с ними еще две тысячи воинов, как раз в это время возвратившихся из Ливии на погибель евреям. Он дал своим людям полную свободу не только убивать евреев, но и грабить их имущество и предавать огню их дома. Ворвавшись в Дельту, часть города, населенную евреями, воины приступили к исполнению приказаний, однако не без ущерба и с их собственной стороны. Ибо евреи стояли плечом к плечу, выставив вперед наиболее хорошо вооруженных людей, и держались до последнего. Но как только их ряды были прорваны, они тут же были полностью уничтожены. Смерть ожидала со всех сторон: одних она настигала на открытом месте, других – загнанных скопом в дома, которые римляне предавали огню, предварительно вынеся оттуда все ценное. Римлянам были чужды как жалость к младенцам, так и уважение к старикам: молодые и старые падали мертвыми со всех сторон, так что вся эта часть города была залита кровью от громоздившихся в ней 50 тысяч трупов. Смерть настигла бы и всех остальных, если бы они не взмолились о пощаде. Тогда Александр сжалился и приказал римлянам отступить. Те, со свойственной им привычкой к повиновению, немедленно прекратили кровопролитие, однако ничто не могло заставить жителей Александрии повиноваться и оставить тела в покое – столь безгранична была их ненависть к евреям.

9. Таково несчастье, постигшее евреев Александрии.

Когда повсюду уже евреи развязали войну, Цестий решил, что пора действовать. Он выступил из Антиохии с 12-м легионом в полном составе, с двумя тысячами отборных воинов из остальных легионов, с шестью когортами пехоты и четырьмя конными отрядами. Кроме того, его войско было усилено посланным царями подкреплением: Антиох выставил две тысячи конницы и три тысячи пехоты, состоявшей из одних только лучников, Агриппа – такое же количество пехоты и почти две тысячи конницы, далее следовал Соем с четырьмя тысячами войска, из которых треть была всадники, большинство же – лучники. С этими силами Цестий вступил в Птолемаиду.

По городам было собрано многочисленное подкрепление: эти люди хоть и уступали воинам в опытности, однако их неистовая ненависть к евреям с лихвой возмещала недостаток

в упражнении. Тут же присутствовал и Агриппа, явившийся, чтобы показывать Цестию путь и помогать советами. Во главе части своего войска Цестий выступил против крепости Звулун в Галилее, разделяющей Птолемаиду и земли, населенные евреями. Он нашел город пустым, так как все жители бежали в горы. Однако там было полно всякого добра, которое он отдал на разграбление войску. Несмотря на свое восхищение красотой города, походившего строениями на Тир, Сидон и Берит, он тем не менее предал его огню. Пройдя после этого по всей местности, он разорил все, что встретилось на пути, сжег окрестные деревни, а затем возвратился в Птолемаиду. Однако в то время как сирийцы, особенно те из них, кто пришел из Бейрута, были заняты грабежом, евреи собрались с духом и, видя, что Цестий ушел, внезапно напали на оставленные им силы и уничтожили около двух тысяч человек.

10. Оставив Птолемаиду, Цестий выступил в направлении Кесарии, выслав часть войска вперед, к Яффе. Они получили приказ занять город, если удастся захватить его врасплох; если же их приближение было бы замечено, они должны были ждать, пока подойдет сам Цестий с остальным войском. Разделившись на две части, из которых одна быстро двигалась морем, а другая – сушей, римляне напали на город с двух сторон и легко взяли его. Жители города не успели ни бежать, ни тем более приготовиться к сражению, так что ворвавшиеся в город римляне умертвили их и их семьи, а город разграбили и предали огню; всего было убито 8400 человек. Точно так же они поступили и с граничащей с Кесарией топархией Нарбатена: Цестий послал туда большие силы конницы, которые опустошили всю область и умертвили многих ее жителей, разграбив их имущество и предав деревни огню.

11. В Галилею он послал Цезения Галла, начальника 12-го легиона, снабдив его войском, достаточным, чтобы справиться с населением этой области. Циппори, самый сильный из городов Галилеи, встретил его славословием, и проявленное здесь благоразумие явилось причиной того, что и остальные города сохраняли спокойствие. Все бунтовщики и разбойники бежали на гору Ацамон, расположенную в самой середине Галилеи напротив Циппори, и Галл повел против них свои войска. До тех пор, пока галилеяне располагали преимуществом высоты положения, они легко отражали римлян, убив около 200 человек. Но когда римляне, обойдя их, поднялись на еще более высокое ме-

сто, галилеяне были быстро разбиты, ибо, легко вооруженные, не были в состоянии противостоять тяжелой пехоте, равно как и не могли спастись бегством от конницы. Так что, хотя некоторые из них, воспользовавшись труднопроходимой местностью, и избежали поимки, число убитых достигло двух тысяч.

XIX

1. Не наблюдая более в Галилее признаков возмущения, Галл повел войско назад в Кесарию. Затем Цестий выступил со всеми своими силами и вошел в Антипатриду. Здесь ему стало известно, что в городе под названием Афек собралась большая сила евреев, и он послал против них часть своего войска. Однако еще до того, как дело дошло до боя, евреи в страхе разбежались, оставив лагерь наступающим, которые и сожгли его вместе с соседними деревнями. Из Антипатриды Цестий передвинулся в Лод, который он нашел пустым, так как все население ушло в Иерусалим на праздник Кущей. Пятьдесят попавшихся ему горожан были убиты, а город сожжен дотла. Пройдя дальше, Цестий поднялся в горы через Бет-Хорон и встал лагерем в месте под названием Гева, отстоящем от Иерусалима на 50 стадиев.

2. Видя, что война уже приближается к столице, евреи оставили праздник и взялись за оружие. Уверенные в своем численном превосходстве, они в беспорядке и с криками бросились в битву, пренебрегши даже субботним покоем, – а между тем это была суббота, почитавшаяся с особым усердием. Однако тот же порыв, который стряхнул с них благочестие, принес им и победу в сражении: ведь евреи напали на римлян с таким неистовством, что сумели сломать их ряды и, пройдя через образовавшуюся брешь, нанести тяжелые потери. И если бы конница и те части пехоты, которые не принимали прямого участия в сражении, не обошли их и не пришли на помощь прорванным фалангам, все войско Цестия было бы разбито. Римляне потеряли 515 человек убитыми, среди них – 400 пеших, а остальные – всадники, евреи же потеряли 22 человека, среди которых самыми знатными были Монобаз и Ценедей, родственники царя Адиабены Монобаза, а потом – переянин Нигер и вавилонянин Сила (последний перебежал к евреям от царя Агриппы, в войске которого служил).

После того как их лобовое нападение было отбито, евреи возвратились в город; однако пока римляне поднимались вверх к Бет-Хорону, сзади на них напал Шимон, сын Гиоры. Он нанес серьезные потери арьергарду и захватил много вьючных животных, которые были отведены им в город. В течение трех дней Цестий не предпринимал никаких действий; между тем евреи захватили высоты и следили за всеми проходами, так что было ясно, что, если римляне начнут продвижение, ответ евреев не замедлит последовать.

3. В это время Агриппа, видя, что даже римские войска не могут чувствовать себя в безопасности, когда столь многочисленные силы неприятеля занимают окрестные холмы, решил еще раз попытаться обратиться к евреям, чтобы или убедить их прекратить войну, или внести раскол между противниками и сторонниками. Для этой цели он выбрал среди своих людей Боркая и Феба, более всего известных евреям, и послал с ними обещание, что Цестий готов заключить договор, согласно которому римляне не будут карать евреев за совершенные ими преступления, если те сложат оружие и сдадутся. Однако повстанцы, опасаясь, что надежда на помилование заставит весь народ принять условия Агриппы, в неистовстве набросились на послов. Феб был убит, не успев произнести и слова; Боркаю, хотя и раненному, удалось бежать. На тех из горожан, которые выражали свой протест, они напали с камнями и дубинками и прогнали их обратно в город.

4. Считая, что внутренние распри между евреями предоставляют подходящий случай для нападения, Цестий поднял все войско, бросился в погоню за евреями и преследовал их до самого Иерусалима. Он разбил лагерь на так называемом Скопусе, что в семи стадиях от города, но не предпринимал наступления в течение трех дней, быть может, в расчете на то, что защитники города склонятся к сдаче; тем временем он разослал воинов по близлежащим деревням собирать продовольствие. На четвертый день, который был 30-м днем месяца Гиперберетея, он выстроил войска и вступил в город.

Население города было полностью во власти бунтовщиков; те же, потеряв присутствие духа при виде господствующего среди римлян порядка, оставили городские окраины и обосновались во Внутреннем городе и Храме. Войдя в город, Цестий предал огню Бет-Зету (также известную как «Новый город») и Дровяной рынок, а затем прошел к Верхнему городу и распо-

ложился лагерем перед царским дворцом. Если бы в это самое время он решил пробиться за стены, он тут же захватил бы город, и, таким образом, войне пришел бы конец. Однако начальник лагеря Тиранний Приск и большинство начальников конницы, будучи подкуплены Флором, отговорили его от этой попытки. По этой-то причине война и продолжалась столь долго и евреев постигли непоправимые бедствия.

5. В этих обстоятельствах многие видные граждане, по предложению Ханана, сына Йонатана, призвали Цестия, обещав открыть перед ним ворота города. Однако тот сгоряча не обратил на их предложение должного внимания и, не слишком доверяя им, медлил, пока восставшие обнаружили измену и, сбросив Ханана и его сообщников со стены, закидали их камнями и протащили к их домам. Затем они выстроились на башнях и стали забрасывать снарядами всякого, кто пытался взобраться на стену. В течение дней римляне непрерывно нападали со всех сторон, но так и не сумели войти в город. На следующий день Цестий во главе большого числа отборных воинов и лучников попытался взять Храм с севера. Евреи отражали нападавших с верха колоннады и многократно отбрасывали вспять тех, кто приближался к стене, пока наконец не вынуждены были отступить, осиленные градом сыпавшихся на них снарядов. Тогда передний ряд римлян прислонил свои щиты к стене, следующий ряд накрыл их своими щитами и так далее, пока они не образовали так называемую «черепаху». Снаряды соскальзывали с нее, не причиняя никакого вреда, так что римляне без всяких потерь со своей стороны провели подкоп под стену и приготовились поджечь ворота Храма.

6. Неописуемый страх охватил повстанцев, и многие начали бегство из города, ожидая, что в любое мгновение он падет. Это ободрило народ, и в то время, как негодяи покидали город, граждане подступили к воротам, намереваясь отворить их и приветствовать Цестия как своего благодетеля. И если бы он только еще немного продолжил осаду, то непременно захватил бы город. Но я думаю, что из-за этих негодяев Бог уже отвернулся от народа и не позволил захватить в этот день Храм и тем самым положить конец войне.

7. Как бы то ни было, не подозревавший об отчаянии осажденных и истинных чувствах народа Цестий внезапно отозвал своих людей и, потеряв надежду, хоть и не потерпев поражения, вопреки всякому здравому смыслу отступил от города. Ввиду

такой перемены обстоятельств разбойники воспрянули духом и, напав на задние ряды его колонны, уничтожили большое количество конницы и пехоты. Эту ночь Цестий провел в лагере на Скопусе; на следующий день дальнейшим отступлением он вызвал новые нападения противника, который, не прекращая преследования, нанес большие потери арьергарду. Кроме того, мятежники нападали и с обеих сторон дороги, забрасывая римлян дротиками с флангов. Последние ряды римлян не осмеливались даже обратиться лицом к тем, кто наносил им удары сзади, ибо думали, что их преследует огромное войско. Тех же, кто нападал с флангов, они не решались отразить потому, что, будучи тяжело вооружены, боялись открыть ряды: ведь они видели, что евреи легко вооружены и хорошо приспособлены для внезапных нападений. Иными словами, римляне жестоко страдали, в то время как их противник не нес потерь.

Бои продолжались в продолжение всего перехода, и тот, кто терял место в строю, падал мертвым. Наконец, когда уже многие пали, в том числе начальник 6-го легиона Приск, трибун Лонгин и начальник конницы Эмилий Юкунд, римлянам удалось достичь своего старого лагеря в Геве, оставив позади себя большую часть поклажи. Здесь Цестий оставался в течение двух дней, будучи в полной растерянности относительно того, как ему поступить. На третий день, видя, что противник все время возрастает в числе и что уже вся окрестность полна евреев, он понял, что много потерял из-за своей медлительности и что, если он так и будет оставаться на месте, ему придется столкнуться с еще более многочисленным противником.

8. Чтобы ускорить бегство, он распорядился избавиться от всего, что могло бы замедлить продвижение войска. Римляне забили всех мулов и ослов и даже большинство вьючных животных, за исключением лишь тех, которые везли снаряды и орудия; сохранить их заставляла необходимость, ибо римляне особенно страшились, что евреи захватят все это и обратят против них самих. Затем Цестий повел свое войско в направлении Бет-Хорона. Пока римляне находились на открытой местности, евреи нападали с меньшей силой, но, когда римляне скучились в теснине, ведущей вниз дороги, один отряд противника, выйдя вперед, закрыл им выход, а другой стал сталкивать задние ряды в ущелье. Одновременно основные силы евреев выстроились в месте, возвышавшемся над узкой частью дороги, и стали засыпать колонну снарядами. В этих условиях пехота не имела воз-

можности защищаться, а конница находилась в еще большей опасности: ведь пешие не могли сохранять строй и спускались вниз под градом камней, а крутой спуск не давал конным возможности нападать на противника. А со всех сторон были ущелья и обрывы, куда они срывались, оступаясь. Никто не мог найти пути к бегству или средств к защите, и в своей беспомощности римляне обратились к жалобным крикам и воплям отчаяния. Евреи отвечали радостными возгласами и криками, в которых ликование смешивалось с яростью. Они наверняка захватили бы Цестия и все его войско, если бы не наступила ночь, которая дала возможность римлянам укрыться в Бет-Хороне. Евреи обложили лагерь со всех сторон и ожидали их выхода.

9. Потеряв надежду на открытое отступление, Цестий решился на бесславное бегство. Он отобрал около четырехсот наиболее отважных воинов и расставил их на укреплениях с приказом производить перекличку часовых, так чтобы евреи думали, что войско остается на месте. Сам же он, снявшись со всеми остальными, бесшумно прошел расстояние в 30 стадиев. С наступлением утра евреи заметили, что лагерь опустел: они набросились на 400 обманувших их легионеров, быстро расправились с ними дротиками и устремились в погоню за Цестием. Но за ночь тот успел намного опередить их, а с наступлением дня развил такую скорость, что его воины от страха побросали стенобитные орудия, скорострелы и большинство других механизмов, которые были захвачены евреями, обратившими их против прежних хозяев. Они преследовали римлян на протяжении всего пути до Антипатриды, но так и не смогли догнать. Тогда, повернув вспять, они взяли орудия, обобрали убитых и, собрав всю оставленную позади добычу, с победными песнопениями возвратились в столицу. Понесенные ими потери были незначительны, зато римляне и их союзники потеряли убитыми 5300 пеших и 480 всадников. Все это имело место в 8-й день месяца Дия, на двенадцатом году правления Нерона.

XX

1. После сокрушительного поражения Цестия многие знатные евреи побежали из города, словно с тонущего корабля. Костобар и его брат Шауль, так же как и Филипп, сын военачальника царя Агриппы Якима, ускользнув из города, перебежали

к Цестию. Но Антипа, вместе с ними бывший в осаде в царском дворце, не захотел бежать и был казнен повстанцами, о чем я расскажу позже. Согласно их собственному желанию, Цестий послал Шауля и остальных к Нерону в Ахайю – как для того, чтобы показать ему тяжесть их собственного положения, так и затем, чтобы свалить ответственность за войну на Флора, так как Цестий надеялся, что если гнев Нерона обратится против Флора, то это сделает менее опасным его собственное положение.

2. В это время жители Дамаска, узнавшие о гибели римского войска, задались целью истребить живущих среди них евреев. Этот замысел ничего не стоило осуществить: ведь они уже давно держали всех евреев запертыми в гимнасии, приняв эту меру предосторожности из подозрения против них. Однако они боялись своих собственных жен, из которых почти все перешли в иудейскую веру, и поэтому более всего беспокоились, как бы скрыть свои приготовления от них. Итак, они напали на скученных в одном месте и безоружных евреев, и, хотя их там было 10 500 человек, они без всякого труда перебили их всех в течение часа.

3. Тем временем те, кто преследовал Цестия, возвратились в Иерусалим; здесь они, пользуясь как силой, так и убеждением, склонили на свою сторону тех, кто еще поддерживал римлян. На собрании в Храме они назначили, в дополнение к прежним, новых военачальников. Йосеф, сын Гуриона, и первосвященник Ханан были поставлены полностью распоряжаться делами в самом городе; но главной их задачей было заботиться об увеличении высоты стен. Сын же Шимона Эльазар, хотя и имевший в своем распоряжении захваченную у римлян добычу вместе с деньгами Цестия, а также и большую часть общественных средств, тем не менее не был поставлен во главе дел, так как видны были его тиранические наклонности и то, что его приверженцы вели себя как личные телохранители. Постепенно, однако, Эльазару удалось обойти народ, как вследствие общей нужды в деньгах, так и благодаря его собственной ловкости, и все перешло в его подчинение.

4. В Идумею они избрали двух новых военачальников: Йехошуа, сына Цфии, одного из первосвященников, и Эльазара, сына первосвященника Хананьи; тогдашний же наместник Идумеи Нигер (он был родом из Переи, что за Иорданом, и потому звался еще и Переянин) получил распоряжение подчиняться этим двоим. Не забыли они и о других областях стра-

ны: в Иерихон был направлен Йосеф, сын Шимона, в Перею – Менаше, в топархию Тимна – эссей Йоханан (кроме того, под его начало были отданы еще и Лод, Яффа и Эммаус). Наконец, области Гофна и Акрабатена были отданы под начало Йосефа, сына Хананьи, а в обе части Галилеи был назначен Йосеф, сын Маттитьяху; кроме того, в его подчинение была передана и Гамла, самый неприступный из городов этой области.

5. Каждый из назначенных правителей выполнял возложенные на него задачи со всем рвением и умением, на какие он только был способен. Что же касается Йосефа, то по прибытии в Галилею он первым делом позаботился, чтобы завоевать расположение местных жителей, сознавая, что, даже если в чем-то и будут допущены ошибки, такое расположение будет способствовать исправлению большинства из них. Он понимал, что завоюет поддержку знати, если разделит с ней власть, и поддержку простых людей, если будет управлять ими при посредстве их же соотечественников. Поэтому он выбрал из народа 70 старейшин, каждый из которых отличался благоразумием, и передал им полномочия власти над всей Галилеей. Кроме того, он поставил в каждом городе по семи судей для рассмотрения мелких споров; более же крупные дела и случаи убийства они должны были передавать на рассмотрение ему самому и семидесяти старейшинам.

6. Установив таким образом правила для улаживания внутренних дел каждого города, он обратился к обеспечению безопасности от внешних врагов. Понимая, что Галилея будет первой областью, куда вторгнутся римляне, он занялся укреплением наиболее важных с оборонной точки зрения мест. Он укрепил Йодфат, Беер-Шеву, Цуламин, далее Кфар-Эйхо, Яфиу, гору Тавор, Тарихеи и Тибериаду, а затем укрепил пещеры кругом Геннисаретского озера в Нижней Галилее, а в Верхней Галилее скалу под названием Аккабарон, а также Цфат, Ямнит и Мирон. В Голане он усилил укрепления Селевкии, Соганы и Гамлы. Только в Циппори он возложил строительство стены на самих жителей, так как видел, что они люди зажиточные и их воинственный пыл не нуждается в поощрении сверху. Подобным же образом и Йоханан, сын Леви, по распоряжению Йосефа на собственные средства укрепил Гуш-Халав. Строительство же всех остальных укреплений производилось при непосредственном участии Йосефа, который лично наблюдал за работами и отдавал распоряжения. Кроме того, он набрал в Галилее

войско, свыше ста тысяч молодых людей, и вооружил его собранным отовсюду старым оружием.

7. Йосеф знал, что непобедимостью своей мощи Рим в первую очередь обязан беспрекословному повиновению и постоянным упражнениям в военном искусстве. Ему пришлось отказаться от намерения дать своим воинам такое же обучение, ибо оно требовало длительных упражнений; но он понимал, что привычка к повиновению происходит от множества начальников, и поэтому перестроил войско по римскому образцу, назначив гораздо больше начальников, чем прежде. Именно, он разделил воинов на разряды, поставив над ними декурионов и центурионов, над теми – трибунов, а над трибунами – начальников более крупных соединений. Он научил их тому, как передаются сигналы, как трубят наступление и отступление, как совершаются фланговые атаки и обходные движения и как часть, имеющая в бою преимущество, должна выручать другую, оказавшуюся в затруднении, и приходить на помощь терпящим поражение. Наконец, он разъяснил им, что придает крепость телу и мужество духу.

Но более всего он готовил их к войне своими рассказами о царящем среди римлян строгом порядке: ведь они должны были вступить в сражение с теми, кто благодаря доблести тела и решимости духа завоевал почти целый мир. Он говорил им, что еще до вступления в войну их воинские качества могут быть испытаны тем, что они станут воздерживаться от свойственных им прегрешений – воровства, разбоя и грабежа, от обмана ближнего и привычки рассматривать его несчастья как свою личную выгоду. Ибо если люди выходят на войну с чистой совестью, то победа их обеспечена; тем же, кто вел дурную жизнь, приходится вступать в войну не только с неприятелем, но и с самим Богом. Таковы были его увещевания.

8. Войско, которое он собрал и подготовил к войне, насчитывало 60 тысяч пеших и 250 конных, а сверх того еще 4500 наемников, на которых он полагался более всего; наконец, 600 отборных воинов входило в его личную охрану. Содержание всех их, за исключением наемников, беспрепятственно поступало из городов. Дело в том, что только половина от завербованных в каждом городе находилась в самом войске: другая половина была оставлена на местах, где получала продовольствие. Таким образом, одни должны были воевать, а другие трудиться, и воины обеспечивали безопасность тех, кто снабжал их.

XXI

1. Пока Йосеф занимался устройством обороны Галилеи, в Гуш-Халаве объявился заговорщик, сын Леви по имени Йоханан, самый бесстыдный мошенник из всех когда-либо прославившихся дурными делами. Когда-то он был беден, так что из-за недостатка в средствах его дурные наклонности длительное время находились под спудом. Готовый на любой обман, непревзойденный искусник в том, чтобы завоевывать доверие своих жертв, он считал ложь добродетелью и обращал ее против своих лучших друзей; под личиной человеколюбия он готов был убить любого ради прибыли и, не имея пределов своим притязаниям, питал свои надежды презренными злодеяниями.

Сначала он занимался одиночным разбоем, а потом нашел себе сообщников в действиях: горстку, которая по мере его преуспеяния вырастала в числе. Первой заботой его было не принимать к себе таких, кто мог бы легко попасться, и поэтому он отбирал людей, отличающихся крепостью сложения, твердостью духа и военным опытом. В конце концов он собрал вокруг себя шайку в 400 человек, в основном беглецов из Тира и соседних с ним селений. С их помощью он совершал набеги по всей Галилее и обирал ее жителей, уже и без того бывших в смятении из-за угрозы близкой войны.

2. Он уже метил в военачальники или даже еще выше, и только недостаток в деньгах служил ему препятствием. Когда он увидел, что Йосефу очень по душе его предприимчивость, он сначала убедил того вверить ему строительство стен своего родного города, что дало ему возможность обогатиться за счет зажиточных граждан. Затем он замыслил мошенничество, непревзойденное в своем роде. Якобы желая уберечь сирийских евреев от пользования оливковым маслом, производимым руками неевреев, он добыл себе разрешение доставлять для них масло к границе. Затем он скупил по всей Галилее масло, платя за него в тирской монете цену четырех аттических драхм за четыре амфорея, и перепродал его по цене, в восемь раз превышающей цену, которую платил. Поскольку Галилея славится оливами, да и к тому же еще и год был урожайным, Йоханан, пользуясь своим исключительным правом и продавая оливковое масло туда, где в нем была нужда, нажил несказанное богатство, которое тут же использовал во вред тому, кто дал эту торговлю в его руки. Именно: он вообразил, что, свергнув

Йосефа, сам сделается властелином Галилеи, и потому приказал своим разбойникам еще более усердствовать в грабежах. Приведя таким образом всю страну в волнение, он намеревался или где-либо подстеречь наместника, вызванного на помощь, и расправиться с ним или, если тому удастся избежать разбойников, оклеветать его перед населением области. Он издавна распространял слухи, что Йосеф собирается предать страну римлянам, и изобретал множество подобных уловок, направленных на его свержение.

3. Как раз в это время какие-то молодые люди из селения Дабаритта, участники стражи, расставленной на Большой равнине (Изреельская долина), подстерегли управителя Агриппы и Береники Птолемея и отобрали всю бывшую при нем поклажу, в которой оказалось немало дорогой одежды, большое количество серебряных кубков и 600 золотых монет. Не будучи в состоянии сбыть свою добычу втайне, они принесли награбленное к Йосефу в Тарихеи. Тот разбранил их за насилие над царскими слугами и поместил украденное добро к Эннею, первому из граждан Тарихей, намереваясь при первой же возможности возвратить его владельцам. Этот-то поступок и навлек на него величайшую опасность.

Дело в том, что грабители, не получившие доли в добыче, пришли в ярость, а когда еще и поняли, что Йосеф собирается преподнести плоды их трудов царю и царице, то ночью разбежались по своим деревням, повсюду обвиняя Йосефа в измене. Они привели в волнение и все расположенные поблизости города, так что к утру около 100 тысяч вооруженных человек собрались для нападения на него. Толпа, заполнившая ипподром в Тарихеях, оглашала воздух яростными воплями: одни призывали забросать изменника камнями, другие – сжечь его заживо. Толпу подстрекали Йоханан и Йехошуа, сын Цфии, тогдашний правитель Тибериады.

Все друзья и телохранители Йосефа, за исключением четырех, бежали, испуганные яростью толпы. Сам же он спал и проснулся лишь тогда, когда уже собирались поджечь его дом. Четверо, оставшиеся при нем, уговаривали его бежать, однако он не был устрашен ни своим собственным одиночеством, ни величиной наступавшей на него толпы и выскочил вперед. Одежда его была разодрана, голова посыпана пеплом, руки заложены за спину, а к шее был привязан его меч. Его друзья, и в особенности тарихеяне, были полны сочувствия к нему, но

люди из деревень и те из окрестных жителей, кто был недоволен его правлением, осыпали его бранью и требовали немедленной выдачи общественных денег и признания в том, что он вступил в заговор с целью предать их всех. Ведь по его виду они заключили, что он не будет отрицать возведенных на него подозрений и что он явился в таком жалком обличье для того, чтобы вымолить у них прощение.

Однако это унижение было лишь частью его замысла: он хотел посеять среди своих обвинителей взаимный раздор. Он обещал им признаться во всем, что послужило причиной их гнева, и, получив разрешение говорить, сказал следующее: «У меня не было никакого намерения ни возвращать эти деньги Агриппе, ни обратить их в свою собственную прибыль: ведь я никогда не буду считать вашего врага своим другом и никогда не извлеку выгоды из убытка страны. Но я видел, что ваш город Тарихеи более всех нуждается в защите и что ему недостает средств для возведения стены. Поэтому, боясь, что жители Тивериады и других городов наметили для себя эту добычу, я хотел, никому ни о чем не сообщая, удержать эти деньги для того, чтобы окружить ваш город стеной. Если же вас это не устраивает, я вынесу то, что получил, и дам вам беспрепятственно все это разграбить. Но если я действовал ради вашей же пользы, то к чему наказывать своего же благодетеля?»

4. При этих словах тарихеяне выразили свое одобрение, но те, кто пришел из Тивериады и других мест, стали выкрикивать оскорбления и угрозы. Итак, оставив Йосефа, обе стороны обратились друг против друга. Тот же, приобретя себе новых сторонников (тарихеян же было около сорока тысяч), ободрился и с еще большей свободой стал обращаться к толпе. Он осыпал их упреками за опрометчивое поведение, а затем объявил, что на имеющиеся и его распоряжении средства сможет не только построить стену вокруг Тарихей, но и обеспечить безопасность других городов. В средствах не будет недостатка, если только они будут единодушны в борьбе с врагами и не будут злобствовать против того, кто доставляет эти средства.

5. Введенная в заблуждение этими словами, толпа, хотя еще и не совсем успокоившись, удалилась; осталось только две тысячи человек, которые набросились на него с оружием. Он успел вовремя отступить в дом, и они осадили его и стали выкрикивать угрозы. Тогда Йосеф, снова прибегнув к уловке, об-

манул их и во второй раз. Именно: он поднялся на крышу и, движением руки заставив их замолчать, объявил, что из-за производимого ими шума он не может разобрать, чего они от него требуют; однако он готов выполнить все их требования, если они вышлют к нему людей, с которыми он спокойно поговорит внутри дома. Те послушались, и к нему вошли видные граждане вместе с должностными лицами. Йосеф же, затащив их в самую отдаленную часть дома, запер входную дверь и принялся их бичевать до тех пор, пока у всех них не обнажились внутренности. Между тем толпа ожидала снаружи, думая, что представители обсуждают все подробности дела. Тут Йосеф неожиданно распахнул дверь и вытолкнул тех, с ног до головы залитых кровью; их вид внушил напиравшей толпе такой ужас, что они побросали свое оружие и разбежались.

6. Эта победа еще более возбудила зависть Йоханана, и он образовал новый заговор против Йосефа. Притворившись больным, он послал Йосефу письмо с просьбой позволить ему отправиться на лечение к горячим источникам Тибериады. Не подозревая злого умысла, Йосеф послал своим представителям в городе распоряжение оказать Йоханану радушный прием и снабдить его всем необходимым. Тот расположился со всеми удобствами, а спустя два дня приступил к выполнению своего замысла. Обманув одних и подкупив других, он склонял горожан отложиться от Йосефа. Когда об этом стало известно Силе, поставленному Йосефом для охраны города, тот без промедления послал ему письменное извещение о заговоре. Получив письмо, Йосеф немедленно выступил и быстрым ночным переходом к рассвету достиг Тибериады. Навстречу ему вышло все население города – за исключением Йоханана. Тот, хотя и подозревал, что посещение Йосефа направлено против него, послал к нему одного из своих приближенных с извинением в том, что Йоханан не может его встретить, так как он якобы слишком слаб, чтобы подняться с постели. Однако когда Йосеф собрал горожан на ипподроме и принялся рассказывать о полученном донесении, Йоханан подослал вооруженных людей с приказанием убить его. Но когда убийцы обнажили мечи, заметившие это люди издали крик. Йосеф обернулся на крик и при виде приставленного к горлу клинка сделал большой прыжок в направлении берега. Он продолжал свою речь, стоя на какой-то насыпи в шесть локтей высотой, пока к нему не приблизилось бывшее неподалеку судно с дву-

мя из его телохранителей: он прыгнул на борт, и судно быстро отошло на середину озера.

7. Воины Йосефа немедленно схватились за оружие и напали на заговорщиков. Но Йосеф, опасавшийся, как бы зависть немногих, приведя к гражданской войне, не стала причиной гибели города, направил своим людям распоряжение заботиться только о своей собственной безопасности, но не предавать никого смерти и не отдавать виновных под суд. Воины, повиновавшиеся его приказу, сохраняли спокойствие, однако народ из окрестных мест, узнав о заговоре, стал собираться в город для расправы с Йоханаком. Тот, однако, вовремя успел ускользнуть и скрылся в своем родном городе, Гуш-Халаве. Со всех городов Галилеи люди стекались на помощь Йосефу, пока их количество не достигло многих тысяч вооруженных, заявлявших, что они явились свести счеты с изменником Йоханаком; они угрожали сжечь и его самого, и принявший его город. Йосеф одобрил их преданность, сдержав, однако, их пыл: он предпочитал не убивать врагов, а одолевать их хитростью. Он разузнал в каждом городе имена сторонников Йоханана (ибо сограждане с большой охотой указали на них) и через глашатаев объявил, что имущество каждого, кто в течение пяти дней не прервет сношений с Йоханаком, будет захвачено, а его дом и близкие преданы огню. Тут же три тысячи человек покинули Йоханана, явились к Йосефу и бросили оружие к его ногам. С теми же, кто у него остался (около двух с половиной тысяч сирийских беглецов), тот вновь укрылся в потаенных местах, опять вернувшись от явных козней к тайным. Он тайно направил в Иерусалим людей с доносом, что Йосеф якобы стал набирать слишком большую силу и что, если его намерения не будут предупреждены, он в любое время сможет утвердиться как тиран в самой столице.

Народ в Иерусалиме был готов к этому доносу и поэтому не принял его во внимание; однако донос возбудил зависть среди ведущих граждан и некоторых должностных лиц, которые втайне послали Йоханану деньги, чтобы тот набрал войско наемников и выступил против Йосефа. Кроме того, они по собственному усмотрению приняли решение отозвать Йосефа с занимаемой должности. Не полагаясь, однако, на одно только постановление, они послали в Галилею две с половиной тысячи войска во главе с четырьмя известными гражданами (которые к тому же были и выдающимися ораторами) – Йоэзе-

ром, сыном Номика, Хананьей, сыном Цадока, и Шимоном и Йехудой, сыновьями Йонатана, которые должны были лишить Йосефа поддержки народа. Если бы он пошел с ними добровольно, ему было бы позволено оправдать себя; если же он бы упорствовал в том, чтобы остаться, они должны были обращаться с ним, как с врагом.

Друзья предупредили Йосефа, что на пути к нему находится войско, однако не разъяснили причины, так как враги приняли свое решение втайне. Поэтому он не принял заранее никаких мер, и сразу же четыре города – Циппори, Гамла, Гуш-Халав и Тибериада – перешли на сторону его недругов. Но он сумел быстро и не прибегая к оружию вернуть себе эти города, а вслед за этим с помощью хитрых уловок захватил в свои руки четырех военачальников и отослал их, вместе с виднейшими из их воинов, назад в Иерусалим. Народ встретил их с неприкрытой враждебностью и непременно расправился бы и с ними самими, и с теми, кто их послал, если бы те своевременно не успели бежать.

8. С тех пор страх перед Йосефом держал Йоханана за стенами Гуш-Халава.

Через несколько дней вновь отложилась Тибериада, призвавшая к себе царя Агриппу. Хотя тот и не прибыл в назначенный срок, как раз в этот день неподалеку показался небольшой отряд римской конницы, и жители города объявили, что они более не признают Йосефа. Йосефу стало известно о мятеже, когда он находился в Тарихеях. В это время все его воины были разосланы на поиски продовольствия и он не мог выступить против мятежников, так как был один, но не мог и пребывать в ожидании, боясь, что из-за его промедления царские отряды успеют войти в город. Кроме того, на следующий день он не мог предпринимать никаких действий, так как приближалась суббота.

Тогда он придумал следующую хитрость. Приказав запереть ворота Тарихей, чтобы никто не смог известить о его замыслах тех, против кого он собирался действовать, он собрал все находившиеся на озере суда – 230 числом, и в каждом было не более четырех моряков – и на полной скорости двинулся на Тибериаду. Держась на таком расстоянии от города, чтобы с берега нельзя было рассмотреть происходящее на борту, он распорядился, чтобы пустые лодки оставались на середине озера, а сам всего с семью вооруженными телохранителями при-

близился на расстояние видимости. Смотревшие со стен враги все еще осыпали Йосефа бранью, однако его лодки настолько устрашили их (ведь они думали, что все лодки полны вооруженными воинами!), что они побросали оружие и, размахивая масличными ветвями, стали умолять его пощадить город.

9. Йосеф осыпал их угрозами и упреками. Во-первых, говорил он, подняв оружие против Рима, они расточают свои силы в междоусобной борьбе, играя тем самым на руку неприятелю; во-вторых, они хотели сокрушить стража их безопасности и не постыдились закрыть ворота города перед тем, кто построил им укрепления. Тем не менее он объявил о своей готовности принять для извинений их представителей и через них заручиться уверенностью в спокойствии города. Немедленно выступили вперед десять человек, самые значительные граждане Тибериады; он поднял их на одну из лодок и отвез как можно дальше от берега. Затем он приказал выйти пятидесяти другим, ведущим членам совета, под тем предлогом, что и от них он хочет получить какое-то ручательство. Так, изобретая предлог за предлогом, он, будто бы для заключения соглашений, вызывал к себе все новых и новых людей. Когда лодки наполнились, он приказал рулевым вести их на полной скорости к Тарихеям и там бросить этих людей в тюрьму. Таким образом, весь совет, почти 600 человек, и около двух тысяч рядовых граждан были схвачены и на лодках препровождены в Тарихеи.

10. Тогда оставшиеся стали кричать, что истинным зачинщиком заговора является некто Клит, и призывали Йосефа обратить свой гнев против него. Йосеф предпочитал никого не предавать смерти и потому приказал Леви, одному из своих телохранителей, сойти на берег и отсечь Клиту обе руки. Однако Леви отказался из страха идти одному во враждебно настроенную толпу. Йосеф пришел в негодование и был готов уже сам спрыгнуть на берег, чтобы привести приговор в исполнение, как вдруг Клит, наблюдавший за всем этим с берега, стал умолять его сохранить ему одну руку. Йосеф согласился, но при условии, что другую тот отрубит себе сам; тогда Клит правой рукой вытащил свой меч и отсек себе левую руку: до такой степени устрашил его Йосеф! Вот так, с пустыми лодками и семью телохранителями, он взял в плен целый город.

Он возвратил себе Тибериаду, однако несколькими днями спустя отложились Гуш-Халав и Циппори. Он отдал оба города

на разграбление своим воинам, однако затем собрал всю добычу и возвратил ее жителям. Точно так же он поступил и с Тивериадой: сначала проучил жителей, взяв город и разграбив его, а затем завоевал их расположение тем, что вернул им имущество.

XXII

1. Итак, волнения в Галилее прекратились: оставив междоусобные распри, люди начали готовиться к войне с Римом. Тем временем в Иерусалиме первосвященник Ханан и те из ведущих граждан, которые не были сторонниками Рима, отстраивали стены и запасались оружием. По всему городу ковали снаряды и вооружение, большинство молодежи проводило время в беспорядочных военных упражнениях, и повсюду царила суматоха. Однако умеренные граждане пребывали в совершенном унынии: многие из них предвидели надвигающееся несчастье и предавались горьким сетованиям. Были и предзнаменования, которые сторонники мира рассматривали как зловещие, но те, кто разжег войну, беспечно толковали их к своему собственному удовлетворению. На самом же деле все в городе накануне прихода римлян предвещало приближающуюся гибель. Ханан, правда, рассчитывал на то, что, постепенно сворачивая приготовления к войне, ему удастся склонить повстанцев и безумцев-зелотов к более разумному поведению. Однако ему пришлось уступить перед силой, и ниже я расскажу, каков был его конец.

2. Тем временем в топархии Акрабатена Шимон, сын Гиоры, собрал вокруг себя многих смутьянов и занялся грабежом. Он не только разорял дома богатых, но и увечил их самих, и с самого начала было ясно, что его целью является захват власти. Когда Ханан и должностные лица выслали против него войска, он вместе со своими людьми бежал к разбойникам Масады и оставался там до самой смерти Ханана и других своих врагов, не переставая заниматься разбоем по всей Идумее. Тогда, ввиду множества убитых и частоты его набегов, тамошние власти вынуждены были собрать войско и разместить его по деревням. До сих пор – о событиях в Идумее.

КНИГА ТРЕТЬЯ

I

1. Когда Нерону сообщили о поражении в Иудее, он, как следовало ожидать, в душе преисполнился смятением и страхом, хотя и заявлял с презрением и гневом, что случившееся следует скорее приписать нерадивости военачальников, нежели доблести врагов. Ведь он полагал, что величие власти обязывает его относиться с надменным пренебрежением к дурным известиям и возвышаться духом над потрясениями судьбы. Однако его озабоченность этими событиями выдавала смятение души.

2. Размышляя над тем, кому он мог бы вверить охваченные волнениями восточные области и кто был бы способен подавить восстание в Иудее и предотвратить распространение заразы на соседние народы, он пришел к выводу, что эта задача по плечу лишь Веспасиану и что только тот способен преодолеть трудности столь серьезной войны. И действительно, Веспасиан с ранних лет был воином и состарился в сражениях; в свое время он умиротворил западные области, поднятые германцами против римлян, и силой оружия присоединил к империи дотоле неизвестную Британию, так что отец Нерона Клавдий смог отпраздновать триумф, не пошевелив и пальцем.

3. Все это давало основание надеяться на успех Веспасиана. К доверию располагали и его опыт и возраст, равно как и молодость его сыновей, которые обещали стать превосходными исполнителями распоряжений своего опытного отца. Возможно,

здесь присутствовал также и промысел Бога, заботящегося о будущем мира. Так или иначе, Нерон, из-за тяжести положения не скупившийся на льстивые похвалы, послал этого мужа принять под свое начало римские войска в Сирии. Из ставки Нерона в Ахайе Веспасиан отправил своего сына Тита в Александрию, чтобы тот привел оттуда Пятнадцатый легион, а сам, переправившись через Геллеспонт, сушей прибыл в Сирию, где собрал все римские силы и значительные подкрепления, предоставленные соседними царями.

II

1. Евреи же после поражения Цестия были столь ободрены своим неожиданным успехом, что преисполнились неудержимым воодушевлением и, словно толкаемые судьбой, продолжали войну. Именно: все наиболее воинственные евреи немедленно объединили свои силы и двинулись на Ашкелон. Это старинный город, отстоящий от Иерусалима на расстоянии в 5200 стадиев и всегда служивший предметом ненависти евреев, так что он показался достаточно близким, чтобы первым подвергнуться нападению. Во главе похода стояли трое мужей, выдающихся своей доблестью и умом, – Нигер Переянин, Сила Вавилонянин и Йоханан Ессей. Ашкелон был обнесен мощными стенами, однако почти лишен защитников: его гарнизон состоял из одной пешей когорты и одного конного отряда под началом Антония.

2. Евреи столь стремительно двинулись на Ашкелон, что появились у города совершенно неожиданно, словно место их выступления находилось где-то поблизости. Тем не менее Антонию было известно об их приближении, и он, невзирая на численность и дерзость противника, выслал против него своих всадников и отбил первое нападение на стены города. Ведь неискушенные в военном деле столкнулись с опытными воинами, пешие – с конными, нестройная толпа – с военным строем, вооруженные как попало – с тяжеловооруженными воинами, ведомые более страстью, нежели рассудком, – с послушно действующими по знаку начальника, так что их поражение было предрешено. Конница прорвала первые ряды нападавших, и те, обратившись в бегство, столкнулись с задними рядами, шедшими на приступ стен. Так евреи оказались

лицом к лицу с евреями, пока наконец большинство нападавших не уступило натиску конницы и не рассеялось по всей равнине. Равнина же эта была весьма обширна и чрезвычайно удобна для действий конницы, что содействовало успеху римлян и привело к избиению евреев. Ведь конница опередила бегущих и преградила им путь, а когда те, повернув вспять, сгрудились в одном месте, всадники напали на толпу и убили бесчисленное множество евреев. И куда бы они ни обращались, римляне настигали их и, окружив, без промаха поражали копьями. Несмотря на свое множество, евреи чувствовали себя малочисленными, римлянам же из-за их успеха казалось, что они численно превосходят противника. Евреи продолжали сражаться как из стыда перед своим поспешным бегством, так и в надежде на перемену счастья, однако успех неизменно сопутствовал римлянам. Сражение длилось таким образом до наступления темноты, и за это время было убито 10 тысяч евреев и два их полководца – Йоханан и Сила. Уцелевшие, почти все раненные, во главе с Нигером, единственным из полководцев, оставшимся в живых, бежали в маленький идумейский город Шалит. Все потери римлян в этом сражении составляли несколько раненых.

3. Однако это ужасное несчастье не только не сломило решимости евреев, но, напротив, еще более распалило ее, и, невзирая на потери и утешаясь прежними успехами, они повлеклись навстречу второму несчастью. Даже не дожидаясь, пока затянутся раны, они собрали все силы и с еще большей яростью и в большем числе вернулись к Ашкелону. Но им сопутствовали не только неопытность и другие воинские недостатки, но и прежняя злая судьба. Ведь на подступах к городу Антоний устроил им засаду, и они, не принявшие никаких мер предосторожности, попали в ловушку, так что еще до того, как они выстроились для сражения, конница Антония окружила их и вновь уничтожила свыше 8 тысяч человек. Все, кто уцелел от разгрома, бежали; среди них был и Нигер, давший во время бегства множество доказательств своего мужества. Спасаясь от преследовавшего их неприятеля, евреи укрылись в мощном укреплении в селении Белцедек. Антоний и его воины, не желавшие ни расходовать силы в попытках взять эту почти неприступную крепость, ни оставить в живых доблестнейшего из вражеских полководцев, разожгли у основания стены огонь, который вскоре рас-

пространился на все укрепление. Затем римляне отступили, радуясь смерти Нигера: они не знали, что он спрыгнул со стены и укрылся в пещере в самой гуще их расположения. Спустя три дня его друзья, явившиеся разыскать его тело, чтобы предать его погребению, и громко оплакивавшие его смерть, услышали приглушенный голос; Нигер выбрался наверх, и нечаянная радость наполнила сердце каждого еврея – разве не промысел Божий сохранил его для них, чтобы вновь повести их в сражение?

4. Тем временем в столице Сирии Антиохии, которая по своей величине и процветанию является, несомненно, третьим городом Римской империи, Веспасиан набирал войска. Здесь он застал и царя Агриппу, который ожидал его со всеми находившимися в его распоряжении силами. Наконец Веспасиан выступил к Птолемаиде, где его встретили жители Циппори – единственные в Галилее, кто помышлял о мире. В заботе о собственном спасении и хорошо осознавая силу римлян, они еще до прибытия Веспасиана принесли Цезеннию Галлу доказательства своей верности, обменялись взаимными обязательствами и приняли в свой город римский гарнизон; теперь же они оказали восторженный прием главнокомандующему и предложили ему свою помощь в войне с собственными соотечественниками. В ответ на их просьбы Веспасиан дал им для защиты конные и пешие силы, достаточные, по его мнению, для отражения любой вылазки евреев. Он считал, что успех всего будущего похода окажется под угрозой, если будет потерян Циппори, самый большой из городов Галилеи, по своему расположению подходящий как для отражения нападений противника, так и для поддержания спокойствия во всей области.

III

1. Галилея делится на две части, известные как Верхняя и Нижняя, и расположена между Сирией и Финикией. Ее западные области граничат с Птолемаидой и Кармелем – горой, которая некогда входила в состав Галилеи, а теперь принадлежит Тиру; к Кармелю же примыкает Гава, город всадников, получивший такое наименование из-за того, что в нем жили вышедшие в отставку всадники царя Ирода. На юг Га-

лилея простирается вплоть до течения Иордана и ограничена Самарией и Скифополем; с востока она ограничена Гиппосом, Гадером и Голаном, где начинаются пределы царства Агриппы; на севере Галилея граничит с Тиром и относящейся к нему областью. Нижняя Галилея простирается в длину от Тибериады до Звулуна, соседствующего с прибрежной Птолемаидой, а в ширину – от селения Кисалот на Большой равнине до Беер-Шевы, а там начинается Верхняя Галилея, которая в ширину простирается вплоть до Баки, селения на границе с Тиром, а в длину – от Телы, селения возле Иордана, и до Мерона.

2. Будучи столь невелики и в окружении столь многочисленных иноземных народов, обе Галилеи тем не менее отражали все нападения врагов, ибо галилеяне с малых лет отличаются воинственностью и численность их велика. И никогда эти люди не страдали малодушием, и никогда их страна не испытывала недостатка в жителях, ибо земля ее тучна, богата пастбищами и изобилует деревьями различных пород, так что своим плодородием она даже ленивого побуждает возделывать ее. Оттого-то она из конца в конец и возделана своими жителями, и нет там ни одного пустующего уголка, но вся она усеяна городами и деревнями, которые благодаря ее изобилию населены столь густо, что самый малый из них насчитывает более 15 тысяч жителей.

3. В общем, если Галилея и уступает по величине Перее, то по своему богатству она превосходит ее: ведь вся она возделана и плодоносит из края в край, тогда как Перея, хотя и гораздо более обширная, по большей части представляет собой каменистую пустыню, гораздо менее пригодную для возделывания. Правда, некоторая часть ее пригодна для земледелия, а на равнинах произрастают всевозможные деревья – по большей части оливы, виноград и финиковые пальмы; орошается она горными потоками и источниками – последние не иссякают даже в летний зной, когда пересыхают горные потоки. В длину Перея простирается от Махора до Пеллы, а в ширину – от Филадельфии до Иордана. Вышеназванная Пелла образует северную границу Переи, на юге Перея граничит с Моавом, а на востоке – с Аравией, Хешбоном, Филадельфией и Герешем.

4. Между Иудеей и Галилеей расположена Самария: она начинается у селения Ганим, что на Большой долине, и конча-

ется у топархии Акрабатена. По своей природе она не отличается от Иудеи: обе гористы, с многочисленными долинами, пригодными для земледелия и плодородными, обе лесисты и изобилуют как садовыми, так и дикими плодами, ибо земля там отнюдь не бесплодна и достаточно орошается дождями. Вода во всех потоках отменно хороша, а сочная трава в таком изобилии, что удой тамошних коров исключительно велик. Самое же явное доказательство благодатности обеих стран – многочисленность их обитателей.

5. На границе Иудеи и Самарии находится селение Анват, называемое также Боркай – северный предел Иудеи. Отсюда Иудея тянется на юг до селения, прилегающего к аравийской границе и называемого тамошними евреями Ярден; в ширину же она простирается от реки Иордан до Яффы. В самой ее середине расположен город Иерусалим, отчего некоторые не без основания называют его пупом страны. Иудея не лишена и прелестей моря – ей принадлежит вся прибрежная полоса вплоть до Птолемаиды. Она делится на 11 округов, из которых главенствующим – царским – округом является Иерусалим, возвышающийся над остальными, как голова над телом, прочие же следуют за ним и распределяются по топархиям. На втором месте стоит Гофна, за ней – Акрабатена, затем – Тимна, Лод, Эммаус, Пелла, Идумея, Эйн-Геди, Иродион и Иерихон, за ними – Явне и Яффа с относящимися к ним землями и, наконец, Гамла, Голан, Башан и Трахон, хотя они и составляют часть царства Агриппы. Начинаясь у горы Ливан и истоков Иордана, эти земли простираются в ширину до Тивериадского озера, а в длину – от селения Арфа до Юлиады. Населяют Иудею вперемежку евреи и сирийцы. Таковы самые краткие сведения о стране и прилегающих к ней областях.

IV

1. Итак, Веспасиан послал жителям Циппори подкрепление – 1000 всадников и 6 тысяч пеших воинов под началом трибуна Плацида. После стоянки на Большой равнине войска разделились – пехота вошла в город для несения караульной службы, а конница разбила лагерь за пределами стен. Они совершили ряд совместных вылазок в различных направлениях,

причинив Йосефу и его людям значительный ущерб: если те оставались в своих городах, римляне опустошали окрестности, если же евреи предпринимали ответную вылазку, она оканчивалась неудачей. Наконец Йосеф выступил на Циппори в надежде захватить его, хотя еще до того, как город отложился от галилеян, он сам укрепил его, чтобы сделать неприступным для римлян. Потому надежды Йосефа на взятие города оказались тщетными: ни силой, ни уговорами ему не удалось склонить жителей на свою сторону. Более того, он навлек на страну еще более жестокую войну, ибо в отместку за его попытку римляне днем и ночью опустошали долины и грабили имущество жителей, убивая сопротивляющихся и обращая в рабство тех, кто не оказывал сопротивления. Вся Галилея наполнилась огнем и кровью, и не осталось никого, кто не испытал бы страданий или несчастья, так что лишь укрепленные Йосефом города оставались единственным надежным убежищем для преследуемых.

2. Между тем Тит, отправившийся морем из Ахайи в Александрию, прибыл на место гораздо быстрее, чем это бывает обычно при путешествии зимой. В Александрии он принял войска, за которыми был послан, и стремительными переходами быстро прибыл в Птолемаиду, где соединился со своим отцом, прибавив к двум его легионам, знаменитым Пятому и Десятому, свой собственный Пятнадцатый легион. К этим легионам были приданы 18 когорт, а также 5 когорт и один конный отряд из Кесарии и, наконец, 5 конных отрядов из Сирии. Из этих когорт 10 насчитывали по тысяче пеших воинов, а остальные 13 – по 600 пеших и 120 конных. Кроме того, большое союзническое войско было предоставлено римлянам царями: Антиох, Агриппа и Соем прислали по 2 тысячи пеших лучников и по тысяче всадников каждый, а аравиец Малку прислал тысячу всадников и 5 тысяч пеших, по большей части лучников. Таким образом, все войско, как конное, так и пешее, включая присланных царями, насчитывало 60 тысяч человек, не считая слуг, которые во множестве следовали за войсками: ведь их, ввиду их воинской подготовки, было бы неверно не считать бойцами, поскольку в мирное время они всегда участвуют в военных упражнениях своих господ, а во время войны разделяют все выпадающие на долю господ опасности; как в военном искусстве, так и в храбрости они уступают разве что своим господам.

V

1. В самом деле, предусмотрительность римлян, устраивающих свою жизнь так, что ее распорядок подходит как для мирного времени, так и для войны, достойна всяческого удивления. И если посмотреть на устройство римского войска, то становится понятным, что власть римлян над миром приобретена доблестью, а не досталась им по воле случая. Ведь они не ждут начала войны, чтобы пустить в ход оружие, и в мирное время не остаются праздными, начиная действовать лишь тогда, когда к этому побуждает необходимость, но словно они были рождены с оружием в руках, никогда не прекращают упражняться, не дожидаясь подходящего для этого времени. Их учения не отличаются от настоящего сражения, и каждый воин упражняется каждый день с таким рвением, как если бы это была настоящая война. Потому-то они с такой легкостью переносят трудности сражения: благодаря приобретенной привычке к правильному построению их строй никогда не рассеивается в беспорядке, воины никогда не покидают своего места из-за страха и никакой труд никогда не изнуряет их. Именно поэтому их победа над теми, кто не обучен военному делу, неизбежна. Так что их военные упражнения по справедливости могут быть названы бескровными сражениями, а их сражения – кровавыми упражнениями.

Они никогда не позволяют противнику захватить себя врасплох, ибо всякий раз, вторгаясь во враждебную страну, не вступают в бой прежде, чем построят укрепленный лагерь. Строят же они лагерь не как попало и не без расчета, не занимают на постройке всех людей и не работают в беспорядке. Если почва неровная, они сначала тщательно выравнивают ее, а затем вымеряют на выбранном месте прямоугольник (с этой целью в войске находятся многочисленные строители со всеми необходимыми приспособлениями).

2. Внутренность прямоугольника делится под палатки, а с внешней стороны лагерь окружается стеной, на которой на равном расстоянии друг от друга воздвигаются башни. Между башнями устанавливаются скорострелы, катапульты, камнеметы и другие приспособления для стрельбы, и все они готовы к действию. Затем римляне делают четверо ворот – по воротам в каждой стене: через эти ворота проходят вьючные животные, и ворота достаточно широки, чтобы, если понадобится, выйти

через них на вылазку. Лагерь делится ровными улицами, а в середине ставятся палатки военачальников, центральная из которых – палатка главнокомандующего, по своему виду напоминающая храм. Все это похоже на построенный на скорую руку город: есть здесь и рыночная площадь, и кварталы ремесленников, и помещения для заседаний младших и старших военачальников, где обсуждаются спорные вопросы. Возведение стены и внутренних построек осуществляется с удивительной быстротой благодаря количеству и умению строителей. В случае необходимости выкапывают также и ров в 4 локтя глубиной и такой же ширины.

3. По завершении работ они в тишине и с соблюдением порядка расходятся по отведенным им местам. Снабжение топливом, продовольствием и, если необходимо, водой осуществляется упорядоченно и с соблюдением мер безопасности при точном распределении обязанностей. Ужинают и завтракают не когда кому вздумается, но все вместе; время сна, стражи и пробуждения возвещается звуком трубы, и ничего вообще не делается без приказа. На заре воины выстраиваются на поверку перед центурионами, центурионы являются перед трибунами и приветствуют их, а трибуны сопровождают высших военачальников к главнокомандующему. Тот, в соответствии с заведенным порядком, сообщает им пароль и прочие объявления для их подчиненных. Так они действуют и на поле боя, быстро меняя направление движения, так что как при наступлении, так и при отступлении движутся как один человек.

4. Когда наступает время сворачивать лагерь, звучит труба и никто не остается в бездействии: они мгновенно снимают палатки и делают все необходимые приготовления для выступления. Снова трубы подают сигнал к сбору, и они, навьючив мулов и нагрузив повозки поклажей, немедленно занимают свои места, подобно бегунам, готовым броситься вперед. Теперь они поджигают лагерь, чтобы он не мог быть использован врагом, тогда как сами они могут в случае необходимости легко построить новый. В третий раз трубят тот же сигнал к отправлению, чтобы поторопить тех, кто по какой-то причине запаздывает, так что благодаря этому никто не может потеряться из строя. Затем стоящий справа от главнокомандующего глашатай трижды вопрошает их на их родном языке, готовы ли они к бою, а они, едва дождавшись вопроса, трижды

с воодушевлением громко восклицают «готовы» и, зажигаясь неким воинственным духом, вместе с ответом выбрасывают вверх правую руку.

5. Затем они выступают, двигаясь в тишине и порядке и, как в боевом строю, строго придерживаясь своего места.

Пешие воины оснащены панцирями и шлемами и на каждом боку имеют по мечу, из которых более длинный расположен слева, длина же короткого не превышает одной пяди. Отборные телохранители главнокомандующего вооружены копьями и круглыми щитами, прочие же пешие воины вооружены продолговатыми щитами и дротиками, а также несут на себе пилу, корзину, топор, заступ, ремень, серп, цепочку и трехдневный запас продовольствия, так что пеший воин мало чем отличается от навьюченного мула. Всадники же вооружены длинным мечом, который прикрепляется у правого бедра, а в руке держат длинную пику. Их щит свисает вдоль бока лошади; в колчане лежат три или более дротика с широкими наконечниками и по величине не отличающиеся от копья; шлемы же и панцири у них во всем такие же, как у пеших воинов. Вооружение конных телохранителей главнокомандующего в точности соответствует вооружению всадников в отрядах. Легион, становящийся во главе колонны, всегда избирается по жребию.

6. Таковы у римлян передвижения, стоянки и различия в снаряжении.

В сражениях они ничего не предпринимают без расчета или в силу случайности, но всегда всякому действию предшествует мысль, и действия всегда согласуются с принятыми решениями. Вследствие этого они редко терпят неудачи, а если это и происходит, то легко выходят из положения. Они предпочитают провал подготовленного предприятия случайному успеху, ибо победы, которые приходят сами, побуждают полагаться на случай, тогда как расчет, несмотря на случайные неудачи, учит не возвращаться к прежним ошибкам. Ведь тот, на кого обрушиваются случайные блага, не является их подлинной причиной, тогда как разрушающие расчет непредвиденные случайности хотя бы позволяют утешаться тем, что расчет сам по себе был правилен.

7. Военные упражнения закаляют не только тела, но и души римлян, ибо обучение зиждится также и на страхе. Ведь их законы предусматривают наказание смертью не только за

бегство с поля боя, но и за гораздо менее значительные проступки. Но еще больший страх, нежели законы, возбуждают в них начальники, награждающие доблестных, чтобы не казаться жестокими по отношению к тем, кого наказывают. И повиновение вышестоящим столь беспрекословно, что в мирное время оно является украшением римлян, а в бою превращает войско в единое тело – столь целен и гибок их строй, столь остр их слух на приказания, а зрение – на подаваемые знаки, столь готовы их руки к деятельности. Оттого-то они всегда легки на победу и тяжелы на поражение и никогда не были побеждаемы ни численным превосходством, ни искусством, ни неблагоприятными условиями, ни даже судьбой, а ведь она подвластна им менее, чем победа. Так что, когда расчет предшествует предприятию и осуществляется столь действенным войском, нет ничего удивительного в том, что границы империи достигают Евфрата на востоке, океана на западе, плодороднейших долин Ливии на юге и Истра и Рейна на севере. Поистине можно сказать, что приобретенное уступает в ценности приобретателю!

8. Все сказанное служит не столько для восхваления римлян, сколько для утешения их поверженных противников и для устрашения всякого, кто помышляет о восстании, так что, быть может, тот, чей ум пытлив и кто незнаком с предметом, найдет полезным для себя ознакомиться с устройством римского войска. Это все, что я намеревался сказать об этом.

VI

1. Итак, пока Веспасиан и его сын Тит медлили в Птолемаиде, приводя в порядок войска, Плацид стремительно прошел через всю Галилею, убив на своем пути великое множество народа (это были наименее воинственные и наиболее робкие из галилеян). Затем, обнаружив, что воинственно настроенные галилеяне постоянно находят убежище в укрепленных Йосефом городах, он произвел нападение на сильнейший из них, Йодфат, рассчитывая легко захватить его неожиданным приступом. Взятие Йодфата доставило бы ему славу у начальников и помогло бы в завершении похода, ибо после падения наиболее сильного города все остальные города были бы охвачены страхом и сдались римлянам. Однако его надежды были

далеки от осуществления. Именно: при приближении к городу он был своевременно замечен защитниками, и те, устроив перед городом засаду, неожиданно обрушились на ничего не подозревавших римлян. Превосходя противника числом, готовые к сражению и стремясь отвратить нависшую над их родным городом, женами и детьми опасность, евреи скоро обратили римлян в бегство. Множество римлян было ранено, но убитых было лишь 7 человек – благодаря упорядоченности их отступления, поверхностности полученных ранений (ведь их тела были полностью защищены), а также вследствие того, что евреи, будучи легко вооружены, не отваживались сойтись вплотную с тяжелой пехотой и метали свои копья издалека. Со стороны евреев потери составляли не более трех убитых и горстки раненых. Плацид решил, что взять город ему не по силам, и удалился.

2. Тогда Веспасиан принял решение самому выступить на Галилею. Он вышел из Птолемаиды, ведя за собой войска в принятом у римлян походном порядке. Во главе колонны шли легковооруженные вспомогательные части и лучники, предназначенные для отражения неожиданных нападений противника и произведения разведки в лесах, где противник мог устроить засаду. За ними следовал отряд тяжеловооруженной римской пехоты и конницы, далее – по 10 человек от каждой сотни, несущие, кроме собственной поклажи, приспособления для разметки лагеря. За ними шли дорожные мастера, спрямляющие изгибы дороги, выравнивающие пересеченную местность и рубящие препятствующие продвижению войск деревья, – все это затем, чтобы войска не были слишком утомлены трудной дорогой. Далее под охраной сильного отряда конницы везли имущество главнокомандующего и старших военачальников, а следом ехал верхом сам Веспасиан с отборной конницей и пехотой и отрядом копейщиков. Затем следовала конница легионов (каждый легион имеет собственный отряд конницы в 120 всадников), за всадниками двигались мулы, тащившие стенобитные орудия и другие приспособления того же рода. Далее следовали старшие военачальники, начальники когорт и трибуны, сопровождаемые отборными частями телохранителей, за ними несли боевые значки, включая орла, который находится перед каждым легионом: ведь орел – царь птиц и славится своим бесстрашием, и римляне видят в нем символ империи и предзнаменование победы над любым про-

тивником. Священные значки сопровождаются трубачами, за которыми следуют основные силы – сомкнутыми рядами по 6 человек, как всегда, сопровождаемые центурионом, следящим за порядком в строю. Прислуга каждого легиона в полном составе шла позади пехоты, следя за погруженным на мулов и других вьючных животных имуществом воинов. Колонна легионов замыкалась торговцами, сопровождаемыми для защиты арьергардом, включающим легкую и тяжелую пехоту и сильный конный отряд.

3. Двигаясь таким образом, Веспасиан со своими войсками достиг границ Галилеи. Здесь он разбил лагерь и, сдерживая боевой пыл воинов, произвел смотр войск, чтобы возбудить в противнике страх и дать ему время еще раз обдумать свое положение и, быть может, изменить принятое прежде решение вступить в бой. Одновременно он вел приготовления к осаде укреплений противника. И действительно, вид главнокомандующего заставил задуматься многих и устрашил всех, так что люди Йосефа, стоявшие лагерем неподалеку от Циппори у города под названием Гарис, почуяв приближение войны, разбежались во все стороны еще до соприкосновения с противником, не только не вступив в бой, но даже еще и не видя врага. Оставшийся с горсткой людей Йосеф видел, что силы его недостаточны, чтобы остановить противника, что евреи пали духом и что, если бы им только удалось завоевать доверие римлян, они с радостью бы заключили с ними соглашение и отступили. Он уже предвидел исход войны, но, решив пока что держаться как можно дальше от опасности, укрылся с оставшимися у него людьми в Тибериаде.

VII

1. Подойдя к Гадеру и увидев, что в городе почти нет защитников, Веспасиан взял его первым же приступом. Войдя в город, он предал смерти все взрослое население, причем римляне не щадили ни молодого, ни старого, ибо они ненавидели этот народ и помнили о том, как беззаконно обошлись с Цестием. Римляне сожгли не только самый город, но и все окрестные городки и селения: многие были уже покинуты жителями, но там, где жители остались, все они были обращены в рабство.

2. Бегство Йосефа наполнило город, который он выбрал себе убежищем, страхом, ибо жители Тивериады полагали, что раз Йосеф обратился в бегство, значит, он совершенно отказался от намерения вести войну. Их догадки были совершенно правильными, ибо Йосеф видел неизбежность уготованного евреям конца и знал, что единственное для них спасение – одуматься и изменить прежние решения. Он даже был уверен, что получил бы прощение, если бы перешел на сторону римлян, однако он скорее предпочел бы умереть снова и снова, нежели предать родину и, оскорбив доверенные ему полномочия, оказаться на стороне тех, сражаться с которыми был послан. Потому он решил написать в Иерусалим и в точности описать положение, не преувеличивая силу противника, чтобы не быть впоследствии обвиненным в трусости, но и не преуменьшая ее, чтобы не вызвать прилив бодрости у тех, кто готов раскаяться. Он просил, чтобы, если будет принято решение о заключении мира, ему немедленно сообщили, если же решат продолжать войну с римлянами, было прислано соответствующее подкрепление. Изложив свои предложения, он отправил послание в Иерусалим со спешными нарочными.

3. Тем временем Веспасиан двинулся на Йодфат с намерением разрушить его, так как ему стало известно, что в городе собралось множество неприятелей и что он служит опорным пунктом для вылазок. Он выслал вперед пехоту и конницу, чтобы выровнять дорогу – каменистую тропу, труднопроходимую для пеших и совершенно непроходимую для конных воинов. Всего в 4 дня работы были завершены и проложена удобная дорога для войск. На пятый день после того (это был 21-й день месяца Артемисия) покинувший Тивериаду Йосеф успел проникнуть в Йодфат, возбудив в сердцах евреев уже угасшее было мужество. Веспасиан услышал добрую весть о прибытии Йосефа от перебежчика, который настойчиво советовал напасть на город как можно скорее, ибо если только удастся захватить Йосефа, то с падением Йодфата падет и вся Иудея. Веспасиан истолковал это известие как величайшую удачу: не иначе как с помощью божественного провидения человек, считающийся наиболее способным из его врагов, добровольно заключил себя в темницу! Не теряя времени, он отправил тысячу всадников под началом Плацида и декуриона Эбутия, известного как деятельный и способный воин, с приказанием окружить город, чтобы не дать Йосефу ускользнуть.

4. На следующий день после длительного перехода, завершившегося уже в темноте, к Йодфату прибыл сам главнокомандующий с основными силами. Проведя войска к северу от города, он разбил лагерь в семи стадиях от стен на склоне горы, чтобы быть по возможности на виду у противника и таким образом вселять в него страх. Так и вышло: евреев охватил такой ужас, что никто не отваживался выйти за городские стены. Римляне, однако, не намеревались после дневного перехода сразу же устремиться на приступ: окружив город двумя рядами пехоты, а позади них – третьим рядом конницы, они совершенно лишили противника возможности выйти из города. Но отсутствие надежды на спасение только подняло дух евреев, ибо ничто так не возбуждает боевой пыл, как необходимость.

5. На следующее утро римляне начали приступ. Сначала евреи не двигались с места и удерживали позиции перед стеной напротив римлян. Веспасиан выслал против них своих лучников и пращников, а также всех, кто был вооружен длинными мечами и копьями, и приказал удерживать евреев на месте, в то время как сам он с пехотой взошел на склон, с которого стена была наиболее уязвима. При виде угрожающей городу беды Йосеф во главе всего еврейского гарнизона произвел дерзкую вылазку: обрушившись на римский отряд, они отбросили римлян от стены, совершив множество достойных упоминания отважных и мужественных деяний. Однако, хотя они и причинили ущерб врагу, сами пострадали не меньше: ведь в такой же мере, в какой евреи были побуждаемы безнадежностью своего положения, римлян толкало чувство стыда, и в то время как одни были вооружены и опытом, и отвагой, у других не было иного оружия, кроме отчаянной храбрости, и другого военачальника, кроме ярости. Так они сражались в течение целого дня, и только ночь разъединила их. Многие из римлян были ранены и 13 человек убито; евреи потеряли 17 человек убитыми и 600 ранеными.

6. На следующий день римляне предприняли новое наступление, и евреи, ободренные своим неожиданно действенным сопротивлением накануне, встретили их с еще большей решимостью. Однако они обнаружили, что и римляне гораздо более воинственны, чем прежде, ибо те, приравнивая отсутствие скорой победы к поражению, сгорали от стыда. В течение пяти дней не прекращались приступы римлян, однако

вылазки защитников и их борьба на стенах города становились все ожесточеннее, так что ни евреи не были устрашены силой противника, ни римляне не были остановлены трудностью захвата города.

7. Йодфат почти весь расположен над обрывом и окружен с трех сторон ущельем такой бездонной глубины, что, когда смотришь вниз, взгляд не достигает его конца. Единственный подход находится с севера, где город стоит на самом низком склоне горы: когда Йосеф обносил город укреплениями, он включил этот склон в стены города, так что враг не мог захватить господствовавшую над городом высоту. Город до такой степени со всех сторон скрыт горами, что приближающийся к нему человек, пока не войдет в город, совершенно не виден. Таковы были укрепления Йодфата.

8. Как естественная неприступность города, так и мужество защищавших его евреев побудили Веспасиана принять решение о приготовлениях к серьезной осаде. Он созвал старших военачальников, и они стали обсуждать способы взятия города. Было решено построить насыпь у той части стены, где она уязвима, и Веспасиан разослал все войско собирать материал для строительства. Были вырублены все деревья на горных склонах вокруг города, и рядом с досками выросли горы камней. Затем под прикрытием дождя стрел и камней, запускаемых одной частью войска с высот, другая часть установила подпираемую столбами плетеную изгородь и под ее защитой стала возводить насыпь, причем обстрел со стен не причинял строителям ни малейшего ущерба. В это же время третья часть войска раскапывала близлежащие холмы, постоянно снабжая строителей землей. Итак, все войско было разделено на три части, каждая из которых выполняла определенную работу, и никто не бездействовал. Все это время евреи бросали со стен на изгородь римлян огромные камни и всевозможные метательные снаряды; даже тогда, когда они не попадали в цель, они производили ужасный шум, который мешал работающим.

9. Вслед за этим Веспасиан выставил метательные орудия, 160 числом, разместив их по окружности, и приказал обстреливать защитников на стенах. Копья, выпускаемые одновременными залпами катапульт, выбрасываемые из камнеметов камни весом в талант, пылающие головни, летящие густым роем стрелы заставили евреев покинуть не только сте-

ны, но те места в городе, куда долетали снаряды и стрелы, ибо совместно с метательными орудиями действовало все множество аравийских лучников и все, кто был вооружен метательными копьями и дротиками. Однако защитники, хотя и лишенные возможности нанести ответный удар со стен, также не бездействовали – небольшими отрядами, подобно разбойникам, врассыпную они совершали молниеносные вылазки, срывая изгороди, прикрывавшие возводившие насыпь строительные части, и нападая на них самих, пользуясь их беспомощностью; всюду, где римляне отступали, евреи разрушали насыпь и поджигали столбы и изгородь. Это продолжалось до тех пор, пока Веспасиан не понял, что причина ущерба, который терпели римляне, заключается в прерывистой линии земляных работ, бреши в которой открывали евреям путь для их нападений. Тогда он соединил заграждения и сконцентрировал силы, положив тем самым конец нападениям неприятеля.

10. Насыпь теперь быстро росла и почти достигала уже высоты стены. Йосеф, считавший для себя позором, если ему не удастся изыскать ответные меры для спасения города, собрал строителей и велел им поднять высоту стены. Когда же те заявили, что нет никакой возможности работать под таким градом снарядов, он придумал для работающих на стене следующую защиту: он приказал установить на стене перила и повесить на них сыромятные воловьи шкуры, так что, когда выбрасываемые камнеметами снаряды будут падать на них, они будут лишь прогибаться, стрелы будут скользить по поверхности шкур, а горящие головни погаснут из-за их влажности. Будучи защищены таким способом, строители работали в безопасности днем и ночью и увеличили высоту стены на 20 локтей; на стене они построили на близком расстоянии друг от друга башни, а саму стену увенчали мощными зубцами. Это привело римлян, видевших себя уже входящими в город, в уныние, и они были подавлены как изобретательностью Йосефа, так и стойкостью защитников города.

11. Веспасиан был раздражен хитрой уловкой и дерзостью жителей Йодфата. Ведь евреи, ободренные постройкой новых укреплений, возобновили ночные вылазки, а днем завязывали сражения, нападая на римлян небольшими отрядами и пользуясь всеми ухищрениями, принятыми шайками разбойников: они растаскивали все, что встречалось на пути,

и поджигали все остальные осадные сооружения. Это продолжалось до тех пор, пока Веспасиан не приказал войскам впредь не вступать в сражения и не принял решения вести осаду до тех пор, пока голод не заставит противника сдать город: ведь недостаток продовольствия должен был либо вынудить защитников сдаться на милость победителя, либо – если они будут держаться до конца – привести их к голодной смерти. Он рассчитывал, что если он сначала выждет, а затем предпримет новый натиск на изнуренного противника, то разобьет его с гораздо большей легкостью. Итак, он приказал охранять все выходы из города.

12. В городе были большие запасы зерна и другого продовольствия, за исключением соли, однако испытывался недостаток в воде: не было своего источника, и население пользовалось дождевой водой, а в летнюю пору в этих местах почти нет дождей. Засада пришлась как раз на лето, и защитники, предвидя недостаток воды и беспокоясь так, как будто ее запасы были уже полностью исчерпаны, заметно пали духом. Дело в том, что Йосеф, ввиду изобилия всех остальных припасов и ввиду высокого духа защитников, желал, чтобы римляне вопреки своим надеждам были принуждены вести длительную осаду, и потому распределял воду между жителями в ограниченном количестве. Однако те переносили это ограничение тяжелее, чем действительный недостаток: не имея возможности напиться вдосталь, они испытывали еще более острую жажду и, словно уже достигнув крайнего изнурения, стали терять силы. Их положение не осталось не замеченным римлянами: наблюдая со склона горы за всем, что происходит в городе, они заметили, что евреи собираются в одно место, где между ними распределяется вода, и стали обстреливать это место из скорострелов, нанося евреям тяжелые потери.

13. Веспасиан надеялся, что цистерны с водой вскоре опустеют и за этим неотвратимо последует сдача города. Однако Йосеф придумал, как разрушить эту надежду: он приказал множеству людей намочить свои плащи и развесить их на зубцах стены, так что по всей стене стала стекать вода. При виде того, как такое количество воды растрачивается напоказ людьми, которым, казалось, нечего пить, римляне были поражены и впали в уныние. Даже главнокомандующий отчаялся захватить город при помощи голода и приказал вернуться к вооруженным действиям. Ничто не могло так обрадовать евреев,

давно уже потерявших надежду на спасение города и собственной жизни и боявшихся голода и жажды сильнее, нежели гибели на поле боя.

14. В дополнение к первой своей уловке Йосеф придумал еще одну, благодаря которой в городе не иссякали припасы. По почти непроходимой, а потому оставленной вниманием римлян лощине и по западной части ущелья он посылал людей с письмами к тем из евреев, с которыми хотел установить связь, и получал их ответы вместе с обильными припасами всего, в чем нуждался город. По его приказанию лазутчики, покрыв свои спины овечьими шкурами, ползком пробирались мимо сторожевых постов римлян, так что если бы даже кто-то ночью и увидел их, то принял бы за собак. Это продолжалось до тех пор, пока римляне не обнаружили уловку и не перекрыли лощину.

15. Поняв, что город долго не продержится и что сомнительно, спасется ли он, если останется в городе, Йосеф вместе с ведущими гражданами начал обсуждать планы бегства. Когда народ понял, что происходит, люди собрались вокруг Йосефа и стали умолять его не забывать, что он является их единственной опорой и единственной надеждой на спасение города. Ведь пока он с ними, ради него они с величайшей готовностью будут сражаться все как один, а если город падет, то он послужит для них единственным утешением; ему не подобает ни бежать от врага, ни покидать друзей, уподобляясь тому, кто, вступив на корабль в тихую погоду, спрыгивает с него, как только судно застигает буря; ведь тем самым он потопит их город, ибо после того, как единственный источник их мужества покинет их, никто более не отважится выйти навстречу врагу.

16. В ответ на это Йосеф, скрыв свое беспокойство по поводу собственного спасения, заявил, что он намеревается покинуть город ради них самих. Он сказал, что, оставаясь в городе, мало в чем сможет способствовать их спасению, если же город будет взят, он явится всего лишь еще одной жертвой; с другой стороны, бежав, он сможет оказать им извне значительную помощь, так как немедленно наберет войско со всей Галилеи и, начав военные действия в другом месте, заставит римлян бросить осаду ради новой войны. Еще он сказал, что не видит, какую пользу может принести находящемуся в таком положении городу, если останется в нем; напротив, он лишь может побудить римлян усилить свое рвение, ибо более

всего они желают захватить именно его, Йосефа; когда же им станет известно, что он ускользнул, они значительно ослабят свой натиск на город.

Однако ему не удалось убедить народ, – напротив, он лишь еще более укрепил их решение удержать его. Дети, старики, женщины с младенцами на руках с плачем распростерлись перед ним, обнимали его колени и с рыданиями умоляли остаться с ними и разделить их судьбу – думаю, не из зависти к его возможному спасению, но в надежде на свое собственное, ибо они считали, что, пока Йосеф здесь, с ними не случится ничего страшного.

17. Йосеф понял, что, если он согласится, все ограничится этими мольбами, если же откажется, то его возьмут под стражу; кроме того, его решение покинуть город было весьма поколеблено состраданием к их слезам. Итак, он решил остаться и, обратив всеобщее отчаяние в оружие, сказал им следующее: «Теперь, когда нет надежды на спасение, время начать бой, ибо прекрасно снискать славу ценою собственной жизни и благородными деяниями оставить по себе память в потомстве». После этого он перешел к делу: выйдя из города с самыми воинственными из своих людей, он рассеял римские заслоны и преследовал их до самого лагеря, где разодрал в клочья кожаные завесы, прикрывавшие войска на насыпях, и сжег осадные сооружения. Подобные вылазки повторились и на следующий, и на третий день; так он сражался без устали много дней и ночей.

18. Веспасиан видел ущерб, наносимый этими вылазками римлянам. Ведь поражения, которые они терпели от евреев, уязвляли их; когда же евреи бывали разбиты, то тяжелое вооружение мешало им преследовать врага, так что после нападения евреи всегда успевали укрыться в городе прежде, нежели римляне наносили им ответный удар. Поэтому он приказал легионерам уклоняться от нападений противника и не вступать в сражение с людьми, ищущими собственной смерти, ведь никто не храбр так, как потерявший надежду. С другой стороны, подобно лишенному топлива огню, мужество евреев, будучи лишено применения, неотвратимо угаснет; римлянам же следует достичь победы наиболее безопасным способом, ибо они сражаются не по необходимости, но из стремления расширить свои владения. Итак, он приказал аравийским лучникам и набранным в Сирии пращникам и метателям камней принимать

нападения евреев на себя, а метательным орудиям – действовать без перерыва. Но, хотя это и должно было причинять евреям тяжелые потери, они прорывались через завесу стрел и, оказавшись на расстоянии, где стрелы уже не могли причинить им ущерб, яростно нападали на врага, не заботясь о своих душе и теле и сменяя ряды уставших бойцов постоянно подходящими свежими силами.

19. Из-за длительности осады и вылазок врага Веспасиан сам чувствовал себя словно в осаде. Наконец, когда насыпи уже достигли стен города, он решил привести в действие «барана». «Баран» – это огромное бревно, вроде корабельной мачты, с большим железным наконечником, имеющим вид бараньей головы, откуда и произошло название орудия. Это бревно, наподобие перекладины весов, подвешено за середину канатами к другой балке, укрепленной на стоящих с обеих сторон столбах. Множество людей оттягивают «барана» назад, а затем все вместе изо всех сил толкают его вперед, так чтобы он ударился в стену своим железным наконечником. Первые удары могут не причинить стене ущерба, однако нет такой стены, какой бы толщины она ни была, которая устояла бы против повторяющихся один за другим ударов. К этому-то средству и решил прибегнуть римский главнокомандующий, который, из-за того что осада наносила ущерб его войску и развязывала руки евреям, торопился взять город силой. Чтобы снаряды достигали находящихся на стенах защитников, попытавшихся помешать предприятию, римляне выдвинули вперед катапульты и начали обстрел; лучники и метатели копий также подошли ближе к стенам, так что невозможно было даже поднять голову над стеной. Это позволило другим отрядам придвинуть к стене «барана», крытого плетеным навесом, поверх которого были положены кожи, предназначенные обеспечивать безопасность как людей, так и самого орудия. Когда первый удар потряс стену, находившиеся внутри издали такой вопль, как если бы город был уже взят.

20. Видя, что непрекращающиеся удары в одно и то же место вот-вот разрушат стену, Йосеф изобрел средство, позволившее на некоторое время противостоять силе орудия. Именно: он велел набить соломой мешки и спустить их на веревках к тому месту, куда, как они видели, был нацелен очередной удар, так чтобы отклонить голову «барана» и, смягчив удары, уменьшить ущерб. Эта выдумка совершенно прервала работу

римлян, ибо, куда бы они ни направляли «барана», защитники успевали подставить свои мешки, перехватив удар, и стене не причинялось никакого ущерба. Это длилось до тех пор, пока римляне не привязали к длинным шестам серпы и не срезали мешки. Действия тарана вновь начали приносить плоды, и это побудило Йосефа и его людей прибегнуть к помощи огня. Поджегши все сухие деревянные предметы, какие только они нашли, они вышли из города и напали на врага тремя отрядами, превратив орудия, навесы и насыпи римлян в пылающий костер. Римляне не предпринимали никаких усилий, чтобы спасти все это, ибо удивительная храбрость евреев привела их в оцепенение, а распространяющийся огонь заставил искать спасения в бегстве. Дерево было сухим и вдобавок смешано с асфальтом, смолой и даже серой, так что огонь распространялся повсюду с быстротой мысли и то, что стоило римлянам долгого и тяжелого труда, было уничтожено в один час.

21. Во время этой вылазки один из евреев совершил выдающийся поступок, заслуживающий особенного упоминания. Имя его отца – Шеми, его же самого звали Эльазар, и родился он в Сафе Галилейской. Подняв огромный камень, этот человек бросил его со стены на таран, и с такой силой, что отломил голову «барана»; затем, соскользнув вниз и на глазах у врага завладев головой, он без малейшего признака страха доставил ее на стену. Предоставляя великолепную мишень для всех врагов и не имея на себе панциря, который защитил бы его от града стрел, он был поражен пятью стрелами; однако, ничуть не обращая внимания на это, он поднялся на стену и встал на ней, чтобы все были свидетелями его храбрости, и лишь затем, корчась от боли, упал на землю, все еще сжимая в руках голову «барана». После него наибольшей храбростью отличились два брата, Нтира и Филипп, тоже галилеяне, из деревни Рума: бросившись на ряды Десятого легиона, они напали на римлян с такой силой и неистовством, что прорвали их строй и обратили в бегство всех, кто стоял на их пути.

22. Воодушевленные их примером, Йосеф и остальные защитники города вновь схватили горящие головни и подожгли орудия, укрытия и постройки, обратив в бегство Пятый и Десятый легионы. Однако остальные римляне успели забросать свои орудия и постройки землей. Вечером они вновь установи-

ли «баран» напротив того места, где уже раньше стена была ослаблена его ударами. В это время один из защитников, выстрелив со стены, ранил Веспасиана в ступню. Рана была неглубокой, так как сила стрелы была ослаблена из-за дальнего расстояния, однако это происшествие произвело крайнее замешательство в рядах римлян. Вид крови главнокомандующего страшно поразил тех, кто находился поблизости от Веспасиана, и слухи о его ранении распространились по всему войску; это привело к тому, что большинство, забыв об осаде, в тревоге и страхе сбежалось к главнокомандующему, раньше всех явился испугавшийся за жизнь отца Тит, так что воины были в смятении как из-за беспокойства за своего вождя, так и вследствие отчаяния его сына. Однако Веспасиан без труда положил конец страхам сына и смятению в войсках: преодолев боль, он явился перед теми, кто так тревожился о нем, и стал побуждать к еще более яростному натиску на евреев. И действительно, в стремлении отомстить за главнокомандующего каждый воин рвался в самую гущу опасности; и так, подбадривая друг друга криками, они бросились к стене.

23. Люди Йосефа, падая под градом стрел и камней, стойко сражались на стене, с помощью огня, железа и камней нанося удары по тем, кто под защитой навесов раскачивал «барана». Однако, почти не нанося римлянам никакого ущерба, сами они несли тяжелые потери, так как неприятель мог видеть их, сам оставаясь невидимым. Ведь собственный огонь освещал их со всех сторон, а поскольку орудия врага находились слишком далеко, чтобы быть видимыми, было очень трудно уклониться от выбрасываемых ими снарядов. Сила же скорострелов и камнеметов была столь велика, что один снаряд поражал нескольких человек, а один удар выпускаемого из орудия камня сносил зубцы стены и сбивал углы башен. В самом деле, ведь не существует такого воинского строя, сколь бы силен он ни был, который не повалился бы до последнего ряда под силой удара этих огромных камней. И события этой ночи лишний раз подтверждают действенность этих орудий. Так, например, одному из защитников, стоявшему на стене неподалеку от Йосефа, камнем снесло голову, и она, словно пущенный из пращи камень, пролетела более трех стадиев; когда камень поразил в живот вышедшую из дома на рассвете беременную женщину, плод был отнесен на полстадия в сторону – до того ужасна сила камнеметов. Но еще более устрашающими, нежели осадные

орудия и их снаряды, были свист летящих и грохот падающих камней. Постоянно раздавался стук от падения тел, сбрасываемых одно за другим со стены, а в городе женщины подняли пронзительный крик, которому вторили со стены стоны умирающих мужчин. Вся земля вокруг сражающихся была залита кровью, а по трупам можно было взобраться на стену. Эхо от окружающих гор делало весь этот шум еще более ужасным: короче говоря, в ту ночь не было недостатка ни в чем, что могло бы устрашить зрение или слух.

Многие из стоявших насмерть защитников Йодфата доблестно пали, многие были ранены к тому времени, когда в час наступления утренней стражи стена наконец подалась под безостановочными ударами «барана». Однако прежде, чем римляне успели перебросить переходные мостки, евреи бросились в брешь и закрыли ее своими телами и оружием.

24. С рассветом Веспасиан собрал получившие короткую передышку после ночных трудов войска для решающего приступа. Чтобы удалить от брешей защитников, он спешил своих отборных всадников, облаченных в тяжелые латы и вооруженных длинными копьями, и выстроил их тремя отрядами против брешей в стене. С наведением мостков они должны были проложить путь в город. Позади них он выстроил отборную пехоту, остальную же конницу растянул цепью по всему склону напротив стен так, чтобы перехватить любого, кто ускользнет из захваченного города. Еще дальше он расставил подковой лучников, приказав им держать оружие наготове; такой же приказ был дан метателям копий и тем, кто стоял при метательных орудиях. Одновременно другим было приказано принести лестницы и установить их напротив неповрежденных участков стены, так как он рассчитывал, что часть защитников оставит бреши, чтобы воспрепятствовать неприятелю подняться на стену, тогда как остальные защитники брешей будут вынуждены отступить под градом снарядов.

25. Однако Йосеф понял его замысел и поставил на неповрежденных частях стены более пожилых бойцов, а также тех, чьи силы были уже совершенно истощены, ибо там, по всей видимости, им не грозило подвергнуться нападению. Там же, где стена была проломлена, он поместил самых сильных своих бойцов; во главе каждого отряда стояло шесть начальников, среди которых был и сам Йосеф, желавший находиться в гуще сражения. Он распорядился, чтобы, когда легионы издадут бо-

евой клич, защитники во избежание паники заткнули уши, а когда посыплется град стрел, чтобы они согнулись вдвое под длинными щитами и немного отступили назад, пока стрелки не израсходуют весь запас стрел в колчанах. Когда же мостки будут переброшены, они должны были броситься первыми и напасть на врагов с помощью их же собственных приспособлений. Еще он призвал каждого сражаться до последней капли крови – не в надежде на спасение родного города, но в отмщение за его погибель. В заключение же он сказал: «В то время представляйте себе, как враг убивает стариков, проливает кровь женщин и детей, и пусть ярость, которую пробудит в ваших сердцах это нависающее несчастье, будет направлена против тех, кто является его виновниками».

26. Так он наставлял каждый из отрядов. Но когда женщины и дети, не принимавшие участия в сражении, увидели тройной ряд врагов вокруг города (ведь никто еще из поставленной заранее стражи не был послан в бой), и воинов с обнаженными мечами перед разрушенной стеной, и склон перед городом, весь блистающий оружием, а позади – стрелы аравийских лучников, – когда они увидели все это, то подняли последний общий плач о гибели города, как если бы несчастье уже не только угрожало им, но действительно совершилось. Опасаясь, что эти причитания могут поколебать стойкость мужчин, Йосеф запер женщин в домах и угрозами заставил молчать. Затем он вернулся к бреши и занял место, доставшееся ему по жребию; не обращая внимания на тех, кто со всех сторон подтаскивал лестницы, он в напряжении ожидал дождя стрел.

27. Но вот разом затрубили трубы всех легионов, и ужасающий боевой клич вырвался из тысяч глоток – это был знак для залпа стрел, и они, выпущенные со всех сторон, закрыли небо. Помня приказание Йосефа, его люди заткнули уши, чтобы не слышать крика, а от стрел заслонились щитами. Когда же были переброшены переходные мостки, они овладели ими раньше, нежели те, кто их перекинул, успели на них ступить. Вслед за тем они бросились на врага, являя чудеса храбрости и военного искусства и пытаясь в столь крайнем несчастье казаться не менее отважными, чем те, кто, стоя против них, подвергал свою жизнь гораздо меньшей опасности, и ни один из них не прекращал сражения до тех пор, пока или его противник, или он сам не падал замертво. Однако в то время, как ев-

реи, вынужденные сражаться без передышки и не имевшие возможности сменять тех, кто сражался в первых рядах, постепенно истощали свои силы, у римлян утомленные части заменялись свежими, и как только какое-либо подразделение было вынуждено отступить, другое выдвигалось вперед. Ободряя друг друга и стоя плечом к плечу под покровом своих длинных щитов, они образовывали нерушимый строй, который, двигаясь как один человек и неуклонно оттесняя евреев, начал уже взбираться на стену.

28. Положение было безвыходным, и Йосеф, наученный необходимостью (этой несравненной выдумщицей, пробуждающейся в отчаянных обстоятельствах), приказал лить на закрытых латами воинов противника кипящее масло. Мгновенно, как если бы оно было припасено заранее, многие начали со всех сторон выплескивать масло на римлян, бросая вслед еще шипящие от огня сосуды. Ошпаренные и обожженные, римляне бросали строй и, корчась от боли, скатывались со стены: ведь масло, обладающее способностью быстро нагреваться и медленно остывать, сразу же проникало под латы и растекалось по всему телу от головы до ног, пожирая плоть безостановочно, как огонь. Заточенные в свои доспехи и шлемы, римляне не могли ускользнуть от обжигающей жидкости: высоко подпрыгивая и извиваясь от боли, они падали с деревянных мостков один за другим, пока те, кто отступал, не столкнулись со своими же людьми, двигавшимися вперед, и не оказались легкой добычей для двигавшегося за ними противника.

29. Римляне в их плачевном положении обнаружили свою всегдашнюю силу духа, а евреи – свою всегдашнюю изобретательность. Видя жестокие мучения своих товарищей, римляне продолжали наступать на льющих на них сверху масло евреев, и каждый бранил стоящего впереди за то, что тот мешает ему двигаться вперед. Евреи же придумали еще одну уловку, чтобы остановить наступление противника: они высыпали на доски мостков вареную сочевицу, на которой римляне поскальзывались и оступались. Наступая или отступая, никто не мог стоять прямо; некоторые падали на мостки навзничь и были затаптываемы насмерть, большая же часть сваливалась на насыпь, где они становились добычей евреев, ибо, когда римлянин падал, его противник, не связанный более рукопашной схваткой, получал возможность наносить ему рассчитанные

удары. Во время этого приступа римляне понесли такие тяжелые потери, что к вечеру главнокомандующий вывел свои войска из боя. Множество римлян было убито и еще больше ранено; защитники Йодфата потеряли 6 человек убитыми, и более 300 раненых было вынесено с поля боя. Это сражение произошло в 20-й день месяца Десия.

30. Ввиду того, что случилось, Веспасиан стал было утешать своих воинов, но, увидев, что те преисполнены рвения и нуждаются не в одобрениях, но в действиях, приказал увеличить высоту насыпей и возвести три башни по 50 футов высотой, со всех сторон облицованные железом, слишком тяжелые, чтобы их можно было опрокинуть, и устойчивые перед огнем. Поставив башни на насыпи, он разместил на них метателей копий и лучников, а также самые легкие из метательных орудий, приставив к ним сильнейших из пращников; скрытые высотой и броней башен, эти люди стали обстреливать тех, кто находился на стене. Те же, не имея возможности ни с легкостью уклониться от обрушиваемых на их головы стрел, ни ответить скрытому от глаз противнику и видя, что вершины башен недосягаемы для пускаемых рукой копий, а самим башням из-за их железной облицовки не страшен огонь, оставили стены и вышли навстречу пытающемуся прорваться внутрь противнику. Так они продолжали удерживать город, теряя каждый день множество убитых, в то время как остававшиеся в живых не могли причинить врагу никакого ущерба, но лишь, подвергаясь опасности, препятствовали его продвижению.

31. В эти дни, побуждаемая удивительным сопротивлением Йодфата, восстала Яфия, один из соседних городов. Веспасиан направил туда начальника Десятого легиона Траяна во главе тысячи всадников и двух тысяч пехоты. Траян обнаружил, что взять город будет нелегко, так как он был укреплен и природой, и двойной стеной; увидев же, что горожане вышли ему навстречу и приготовились к сражению, он напал на них и, быстро сломив их сопротивление, начал преследовать. Те бежали под защиту внешней из двух городских стен, куда ворвались и преследовавшие их по пятам римляне. Когда же бегущие бросились ко второй стене, сограждане начали обстреливать их сверху из страха, что вместе с бегущими в город ворвется и неприятель. Несомненно, сам Бог подарил римлянам несчастных галилеян и устроил так, чтобы горожане были избиваемы сво-

ими же согражданами и выданы ими на гибель разящему врагу. Бросившись к воротам, бегущие сгрудились возле них; тамто их, взывавших по имени к находящимся на стене, и настигал враг, разом прерывая их мольбы. Внешняя стена была закрыта от них врагом, внутренняя – согражданами, и они, зажатые между двумя стенами и не могущие вырваться, бросались на мечи своих товарищей или же на свои собственные. Бесчисленное множество было убито римлянами, ибо они не отваживались даже защищаться, так как к страху перед врагом прибавилось окончательно сломившее их предательство сограждан. Умирая, они проклинали не римлян, но своих собственных сограждан, и так продолжалось до тех пор, пока они не погибли все до одного, всего 12 тысяч человек.

Полагая, что в городе нет больше бойцов, а если кто-то и остался, то они должны быть столь испуганы, что не окажут никакого сопротивления, Траян решил сохранить честь взятия города для главнокомандующего и послал к Веспасиану с предложением прислать его сына Тита, чтобы тот довершил победу. Однако Веспасиан понимал, что предприятие еще не закончено, и послал вместе с сыном 500 всадников и тысячу пехоты. Спешно прибыв к городу, Тит выстроил войска и, поставив Траяна на левом крыле и встав во главе правого, повел их на приступ. Легионеры со всех сторон приставили к стене лестницы; некоторое время галилеяне пытались отражать нападение, однако скоро прекратили сопротивление. Взобравшись на стену, воины Тита быстро овладели городом. Однако те, кто находился внутри города, сплотились и вступили в ожесточенное сражение с римлянами: на узких улицах на римлян нападал всякий, у кого хватало сил, а женщины бросали с крыш все, что попадало под руку. Так они сопротивлялись врагу в течение шести часов; однако, когда погибли все бойцы, остальные жители были убиты – на улицах и в домах, юноши и старики, так что не осталось в живых ни одного мужчины, за исключением младенцев, которые вместе с женщинами были обращены в рабство. Всего убитых как в городе, так и в предыдущем столкновении насчитывалось 15 тысяч, обращенных в рабство – 2130 человек. Это несчастье случилось с галилеянами на 25-й день месяца Десия.

32. Потрясения не обошли и самаритян. Они собрались на горе Гризим, которая является для них священной, и, хотя они не двигались оттуда, самое их собрание наряду с господствовавшими среди них воинственными настроениями

представляло собой угрозу войны. Даже несчастья, обрушившиеся на соседей, не образумили их: перед лицом римских побед они исполнились необъяснимой уверенности в собственных слабых силах и жадно стремились навстречу смуте. Веспасиан считал, что следует предупредить вспышку и подавить волнение еще в зародыше: ведь хотя по всей Самарии и стояли римские гарнизоны, как количество собравшихся, так и царивший среди них порядок внушали тревогу. Потому он отправил против самаритян командующего Пятым легионом Цереалия и с ним – 600 всадников и 3 тысячи пеших воинов. Тот решил, что подниматься на гору и завязывать сражение со столь многочисленным противником, да еще и расположенным над его войсками, будет небезопасно, и потому окружил подножие горы и держал самаритян под наблюдением в течение всего дня. Случилось так, что как раз в это время, когда самаритяне и без того испытывали недостаток в воде, разразилась страшная жара (дело было летом, а толпа не запаслась заблаговременно необходимыми припасами). Вследствие этого некоторые из них в этот день скончались от жажды, а многие, предпочтя рабство столь ужасной смерти, перебежали к римлянам. Заключив из этого, что те, кто еще оставался на горе, сломлены ужасными страданиями, Цереалий поднялся наверх и расположил своих воинов кольцом вокруг неприятеля. Сначала он предложил им вступить в соглашение, убеждая спасти свою жизнь и обещая им безопасность, если они сложат оружие; когда же его убеждения не возымели действия, он напал на них и перебил их всех до одного, всего 11 600 человек. Это произошло в 27-й день месяца Десия. Таково было несчастье, обрушившееся на самаритян.

33. Между тем защитники Йодфата все еще держались, перенося тяготы осады долее, чем это представлялось возможным. Однако на 47-й день осады римские насыпи оказались наконец выше стен города. В тот же самый день перебежчик сообщил Веспасиану, как немного осталось в городе людей и как ослаблены их силы; он объяснил, что, будучи истощены постоянным недосыпанием и беспрерывными сражениями, они не смогут отразить приступ и, если попытаться, их можно захватить хитростью. Дело в том, что во время последней ночной стражи, в час, когда они рассчитывают на отдых от дневных трудов и когда измученных людей легко побеждает предутренний сон, стража, сказал он, обычно за-

сыпает, так что это время является наиболее подходящим для приступа. Веспасиан отнесся к словам перебежчика с недоверием, ибо знал преданность евреев друг другу и их презрение к наказаниям: когда однажды римляне захватили одного из защитников Йодфата, он так стойко держался под всевозможными пытками, что даже огонь не заставил его сказать хотя бы слово о положении в городе и, будучи распят на кресте, встретил смерть улыбкой. Рассказ предателя, однако, был весьма правдоподобен; полагая, что тот, возможно, говорит правду, а если и лжет, то его ложь не может причинить римлянам ощутимого ущерба, Веспасиан распорядился держать перебежчика под стражей и подготовить войска к захвату города.

34. В указанный час римляне бесшумно двинулись к стенам; первым на стену поднялся Тит с одним из трибунов, Домицием Сабином, и небольшим отрядом воинов Пятого и Десятого легионов. Сняв стражу, они бесшумно вошли в город, а за ними – трибун Секст Кальварий и Плацид со своими отрядами. Хотя уже была захвачена крепость и враг находился посреди города и хотя уже наступил день, защитники все еще не подозревали об этом. Большинство было расслаблено усталостью и сном, те же, кто уже встал, ничего не видели из-за густого тумана, как раз в это время окутавшего город. Когда же наконец все неприятельские войска вошли в город, вскочившим на ноги защитникам оставалось лишь убедиться, что все потеряно, ибо они узнали о захвате города лишь тогда, когда началось избиение их самих.

Помня, что они вытерпели во время осады, римляне не проявляли ни жалости, ни милосердия, но, убивая, гнали защитников от крепости вниз по склону, где даже те, кто еще был способен сражаться, не могли оказать сопротивления из-за неудобства места: толкаясь и катясь вниз по узким крутым улицам, защитники были захлестнуты губительной волной, мчащейся от крепости вниз. Даже из отборных воинов Йосефа многие покончили с собой, ибо, видя, что они не могут убить хотя бы одного римлянина, предпочли не быть убитыми рукой врага и, собравшись на отдаленном конце города, убили себя сами.

35. Некоторые из часовых, сразу поняв, что это конец, успели ускользнуть: поднявшись на одну из северных башен, они некоторое время удерживали ее; однако, когда большие силы врага окружили их, они опустили руки и без колебаний

подставили свои шеи под меч врага. Римляне вполне могли бы сказать, что конец осады был бескровной победой, если бы во время взятия города не погиб один римлянин – центурион Антоний, павший жертвой хитрости. Один еврей, который вместе с многими другими нашел убежище в пещерах, попросил Антония дать ему руку как залог защиты и помочь ему выбраться из пещеры; римлянин неосторожно протянул руку, и тот мгновенно вонзил меч в его пах, убив его на месте.

36. В этот день римляне убили всех, кто находился на улицах и в домах; следующие несколько дней они обыскивали укромные места и, находя скрывавшихся в подземных каналах и пещерах людей, убивали их всех без различия возраста, за исключением женщин и младенцев. Число пленников составило около 1200 человек; убитых же, включая тех, кто пал в сражениях еще до захвата города, было 40 тысяч. Веспасиан приказал разрушить город и сжечь все его укрепления. Таково было взятие Йодфата, происшедшее на тринадцатом году правления Нерона, в 1-й день месяца Панема.

VIII

1. Повсюду – среди мертвых и в укрытиях – римляне искали Йосефа: и потому, что были злы на него, но, главным образом, по той причине, что таково было желание главнокомандующего, считавшего, что война будет в действительности закончена лишь тогда, когда Йосеф окажется в его руках. Однако во время взятия города Йосефу, который находился в самой гуще неприятеля, несомненно не без божественного содействия удалось ускользнуть, спрыгнув в глубокую яму, сообщавшуюся с незаметной снаружи обширной пещерой. Он застал в этом укрытии еще 40 человек из видных граждан и необходимые припасы, которых должно было хватить на много дней. Таким образом, днем, когда враги шарили повсюду, он скрывался в пещере, а ночью выходил, изыскивая способ бегства и высматривая расположение вражеских караулов; удостоверившись, что все пути перекрыты и нет возможности ускользнуть, он вновь спускался в пещеру. Так в течение двух дней ему удавалось оставаться необнаруженным, но на третий день была поймана находившаяся вместе с ним в пещере женщина, которая и выдала его. Веспасиан немедленно послал

к пещере двух трибунов, Паулина и Галликана, чтобы те предложили ему соглашение и склонили выйти.

2. Прибыв к пещере, трибуны принялись убеждать Йосефа выйти и обещали ему безопасность. Однако их усилия были тщетными: мысль о том, что может грозить человеку, нанесшему римлянам столько ударов, помешала ему увидеть подлинные намерения приглашавших и сделала его крайне подозрительным. И он до тех пор продолжал опасаться, что трибуны приглашают его затем, чтобы впоследствии подвергнуть наказанию, пока Веспасиан не послал еще одного трибуна – знакомого Йосефа Никанора, его давнишнего друга. Выступив вперед, Никанор начал пространную речь о том, что доброта к побежденным – в природе римлян; доблесть Йосефа, говорил он, вызвала в римских полководцах скорее восхищение, нежели ненависть, и главнокомандующий хочет вывести его из пещеры не для наказания (ведь он и без этого мог бы наказать Йосефа), но лишь затем, что желает сохранить жизнь столь выдающемуся человеку. Еще Никанор сказал, что если бы Веспасиан готовил хитрость, то не послал бы к Йосефу его друга, пряча самое отвратительное из преступлений – вероломство под личиной дружбы, самой прекрасной из добродетелей, да и сам он, Никанор, никогда бы не явился сюда, если бы от него требовали обмануть друга.

3. В то время как, несмотря на уверения Никанора, Йосеф все еще колебался, воины в гневе готовы были поджечь пещеру, и лишь приказ главнокомандующего, желавшего во что бы то ни стало получить Йосефа живым, останавливал их. По мере того как Никанор повторял свои призывы, а поведение войска становилось все более угрожающим, Йосеф внезапно вспомнил виденный им ночью сон, в котором Бог возвещал ему о грядущих бедствиях евреев и о судьбах римских императоров. Он же был способен толковать сны и проникать в скрытый смысл двусмысленных речей Бога, ибо был священником и потомком священников и был хорошо знаком с пророчествами священных книг. Как раз в это мгновение исходящее от них вдохновение охватило его и он мгновенно проник в смысл внушающих трепет видений своего недавнего сна. И тогда он обратился с тайной молитвой к Богу: «Поскольку Тебе угодно излить Твой гнев на сотворенный Тобою еврейский народ и передать все милости судьбы римлянам и поскольку Ты избрал меня, чтобы поведать мне о том, что долж-

но произойти, я добровольно предаюсь в руки римлян и буду жить, но я торжественно заявляю, что я иду не как предатель, но как Твой слуга».

4. С этими словами он уже готов был выйти к Никанору, однако, когда евреи, прятавшиеся вместе с ним в пещере, поняли, что он принимает приглашение, они столпились вокруг него, крича: «Отеческие законы, данные самим Богом, наделившим дух нашего народа презрением к смерти, конечно, возопят к небесам! Неужели ты, Йосеф, настолько любишь жизнь, что ради нее готов влачить существование раба? Как быстро забыл ты себя! Скольких из нас ты убедил отдать жизнь ради свободы! Слава о твоем мужестве и уме не более чем ложь, если ты и в самом деле ожидаешь пощады от тех, кому нанес такие глубокие раны, или, когда даже их предложение истинно, желаешь спастись таким образом. Ты потерял голову при виде того, сколь милостива к римлянам судьба? Мы сами позаботимся о добром имени нашей страны – мы одолжим тебе меч и руку, которая владеет им. Если ты умрешь по собственному желанию, то ты умрешь как вождь евреев, если же нет – то как предатель». С этими словами они направили на него свои мечи и угрожали умертвить его, если он сдастся римлянам.

5. В страхе перед угрозой нападения и веря, что, умерев до того, как исполнит возложенное на него Богом, он предаст Его веления, Йосеф в этом затруднительном положении повел перед ними философские рассуждения. «Почему, друзья мои, – начал он, – мы так торопимся умертвить самих себя? Почему мы так стремимся разлучить этих лучших друзей – душу и тело? Тут кто-то сказал, что я переменился, – что ж, об этом лучше всего известно римлянам. Мне говорят, что прекрасно пасть на войне, – согласен, но только по законам войны, то есть от руки победителей. Если я избегаю мечей римлян, то я действительно заслуживаю смерти от собственной руки, но если они склонны пощадить врага, то еще более справедливым с нашей стороны поступком будет пощадить самих себя, ведь было бы нелепостью причинить себе то, из-за чего мы укрылись от них. Вы говорите, что прекрасно умереть за свободу, – я тоже говорю это, однако на поле боя и от руки тех, кто пытается лишить нас свободы. Но ведь сейчас они не намереваются вступать с нами в сражение или убивать нас! Тот, кто не желает умереть, когда следует уме-

реть, такой же трус, как тот, кто желает умереть, когда умирать не следует. В самом деле, что препятствует нам сдаться римлянам? Не страх ли смерти? Но в таком случае неужели же мы из страха перед возможной смертью от руки врагов навлечем на себя верную смерть от своей собственной руки? "Нет, из страха перед рабством", – скажет мне кто-нибудь из вас. Но как будто сейчас мы свободны! "Убить себя – благороднейшее деяние", – скажет другой. Вовсе нет! Нет поступка низменней этого, и я думаю, что отъявленным трусом является тот кормчий, который из страха перед еще не разразившейся бурей заранее топит свое судно.

Кроме того, самоубийство противоречит природе, общей для всех живых существ, перед лицом же сотворившего нас Бога – это сущее нечестие. Ведь ни одно из живых существ по собственной воле не кладет конец своей жизни, ибо желание жить – непреложный и всеобщий закон природы. Именно по этой причине мы считаем врагами тех, кто пытается лишить нас жизни, и всеми способами стремимся покарать их. И неужели же вы думаете, что Бог не гневается, когда человек с презрением отвергает Его дар? Ведь мы получаем бытие от Него и именно Ему должны оставить право решать, когда бытие сменится небытием. Ведь вы же знаете, что тела всех людей смертны и составлены из материи, которая подвержена гибели, душа же вечно бессмертна и представляет собой частицу Бога, обитающую в наших телах. Но ежели человек разрушает что-то, доверенное ему другим человеком, или злоупотребляет им, все считают его бесчестным мошенником, не так ли? Если же человек злоупотребляет тем, что ему доверил сам Бог, – своим собственным телом, – то неужели же вы думаете, что это остается скрытым от Того, по отношению к которому совершена эта несправедливость? Ведь и наказание беглых рабов почитается справедливым, даже если они бежали от дурных господ. Но ежели мы сами бежим от лучшего из господ, от Бога, не подлежим ли мы осуждению за нечестие? И разве вы не знаете, что те, кто уходят из этой жизни в соответствии с законом природы и выплачивают то, что они задолжали Богу, именно в тот час, когда Заимодатель пожелает востребовать долг, удостаиваются вечной славы? Что их семья и весь их род наслаждаются безопасностью? Что, наконец, их души остаются незапятнанными и послушными и удостаиваются самого святого места в небесах, откуда, после того как

совершится круговорот времени, они вновь посылаются обитать в непорочных телах? Но ежели человек впадает в безумие и налагает на себя руки, его душа принимается в мрачную область Аида и Бог, Отец его, карает потомков за дерзость отцов. По этой причине самоубийство ненавистно перед лицом Бога, и мудрейший из законодателей объявил его преступлением, подлежащим каре. Вспомните, в самом деле, что по нашим законам те, кто наложил на себя руки, должны быть выброшены непогребенными еще до того, как зайдет солнце, тогда как Закон предусматривает погребение даже для наших врагов. А у других народов установлено, что подлежит отсечению правая рука того, кто умирает таким образом, ибо она послужила орудием его войны против самого себя, и потому точно так же, как тело его было отторгнуто от души, так и рука должна быть отторгнута от тела.

Итак, мы должны, товарищи, придать своим мыслям достойное направление и не прибавлять к нашим человеческим страданиям нечестие по отношению к нашему Создателю. И если нам угодно остаться в живых, давайте останемся в живых: ведь спасение не навлекает позора, если оно исходит от тех, кого мы своим непревзойденным сопротивлением убедили в нашей доблести. Если же мы предпочитаем умереть, то куда как достойнее пасть от руки победителей. Что же касается меня, то я не перейду на сторону врагов, чтобы предать самого себя: ведь если бы я поступил так, то был бы гораздо глупее перебежчиков, которые делают это ради спасения своей жизни, ибо для меня переход на сторону врага равнозначен гибели, моей собственной гибели. Я молюсь, однако, о том, чтобы римляне оказались вероломными: ведь если, дав мне слово, они предадут меня смерти, я умру с радостью, найдя в нарушенной клятве этих лжецов утешение большее, нежели сама победа».

6. Йосеф долгое время приводил подобные доводы против самоубийства, однако отчаяние сделало его слушателей глухими к речам: уже задолго до того они посвятили себя смерти и слова Йосефа только приводили их в ярость. С мечами в руках они бросились к нему со всех сторон, понося за трусость, и казалось, каждый вот-вот поразит его. Но он назвал одного по имени, бросил повелительный взгляд на другого, схватил за руку третьего, увещеванием устыдил четвертого, и так, сообразно с необходимостью различая между различными страстя-

ми, он удержал их мечи от убийства, подобно затравленному зверю бросаясь поочередно на каждого из них. И даже в таких крайних обстоятельствах они все еще сохранили почтение к своему полководцу: их руки разжались, мечи выскользнули из рук, а многие из тех, кто еще направлял на него свои мечи, непроизвольно опустили их лезвиями вниз.

7. Находчивость Йосефа не оставила его и в этих безвыходных обстоятельствах, и, положившись на покровительство Бога, он достиг гавани спасения. «Итак, вы избрали смерть, – воскликнул он, – что ж, давайте бросим жребий и умертвим друг друга: тот, на кого жребий падет первым, будет убит следующим по очереди, и так далее, как решит судьба. Таким образом, никто не умрет от своей собственной руки, и бесчестно поступит тот, кто после смерти всех остальных вдруг передумает и спасет свою жизнь». Слушатели поверили его словам, и он, убедивший их, стал тянуть жребий вместе с остальными. Каждый, на кого падал жребий, без колебаний подставлял свое горло под меч следующего по очереди, уверенный, что несколькими мгновениями спустя их полководец тоже будет мертв, ведь смерть вместе с Йосефом они почитали сладостнее самой жизни. Но Йосеф, благодаря ли удаче или же по воле божественного провидения, Йосеф остался последним вместе с еще одним человеком, и, поскольку ему претила мысль быть убитым по жребию или же, в случае если он окажется самым последним, запятнать свои руки убийством соплеменника, он прибег к убеждению, оба договорились и остались жить.

8. Таким образом, пройдя невредимым через две войны – с римлянами и со своими собственными людьми, – Йосеф был приведен Никанором к Веспасиану. Все римляне сбежались посмотреть на него, и по мере того, как толпа вокруг вражеского полководца росла, поднялся разноголосый шум: одни торжествовали над пленником, другие угрожали ему, третьи протискивались через толпу, чтобы посмотреть на него вблизи. Те, кто стоял позади, громко требовали казни врага, те же, кто стоял рядом с Йосефом, вспоминали его подвиги и дивились перемене в его судьбе. Что же касается военачальников, то среди них не было ни одного, кто, если даже раньше и питал к нему неприязнь, при виде Йосефа совершенно не забыл бы об этом. Но тем, кто более всех остальных был поражен стойкостью, с какой Йосеф переносил несчастье, и сожалел о его молодости, был Тит: когда он вспо-

минал о том, как Йосеф еще совсем недавно воевал с римлянами, и видел его теперь поверженным и в руках врагов, он начинал размышлять о беспредельном могуществе судьбы, о внезапных поворотах хода дел на войне, об отсутствии всякой определенности в человеческих делах. Потому-то он и склонил очень многих римлян проникнуться к Йосефу тем же сочувствием, какое испытывал сам, и он-то и был главной причиной принятого его отцом решения пощадить жизнь узника. Однако Веспасиан распорядился содержать Йосефа под строжайшей охраной, поскольку он намеревался при первой же возможности отправить его к Нерону.

9. Услышав об этом его намерении, Йосеф попросил переговорить с ним с глазу на глаз. Веспасиан приказал всем, за исключением своего сына Тита и двух близких друзей, удалиться, и Йосеф сказал следующее: «Ты думаешь, Веспасиан, что, взяв меня в плен, ты получил всего-навсего Йосефа? Нет, я явился к тебе как вестник ожидающего тебя величия – иначе, если бы я не был послан к тебе самим Богом, то поверь, я хорошо знаю еврейский Закон и знаю, как подобает умереть полководцу. Ты отправляешь меня к Нерону? Зачем? Разве останутся на его престоле те, кто наследует ему до тебя? Ты, Веспасиан, ты Цезарь и император, ты и твой находящийся здесь сын. Потому надень на меня самые крепкие твои оковы и сохрани меня для себя самого, ибо ты не только мой господин, Цезарь, ты господин земли и моря и всего человеческого рода, и, если я всуе беспокою имя Бога, я действительно заслуживаю наказания строжайшим заключением».

Тогда, казалось, Веспасиан не принял его слов всерьез и был склонен думать, что Йосеф придумывает все это ради собственного спасения. Но постепенно, поскольку Бог уже пробудил в нем стремление к императорской власти и возвестил ему о будущем скипетре и через другие предзнаменования, он стал верить, тем более что ему довелось убедиться в истинности других предсказаний Йосефа. Именно: один из друзей главнокомандующего, присутствовавших при этой тайной беседе, выразил свое удивление по поводу того, что Йосеф не предупредил защитников Йодфата о падении города и не предвидел своего собственного пленения, – значит, и то, что говорит он сейчас, просто пустая болтовня человека, желающего отвратить от себя гнев. На это Йосеф ответил, что он предсказал жителям Йодфата, что после 47 дней осады город падет и что он

сам будет живым взят римлянами. Тогда Веспасиан переговорил наедине с пленниками и, узнав от них, что Йосеф сказал правду, стал принимать на веру и его предсказания относительно себя самого. Так что, хотя он и продолжал держать Йосефа в оковах и под стражей, он подарил ему одежду и другие ценные вещи и все время был с ним милостив и обходителен, чему в значительной мере содействовал сын его Тит.

IX

1. В 4-й день месяца Панема Веспасиан выступил к Птолемаиде, а оттуда – к Приморской Кесарии, самому большому городу Иудеи, большинство населения которого составляли греки. Здесь войско и главнокомандующий были встречены приветственными возгласами и ликованием жителей – вследствие их расположения к римлянам, но главным образом из-за ненависти к побежденным, той самой ненависти, которая заставила толпу с громкими криками требовать казни Йосефа. Однако Веспасиан отверг это требование пренебрежительным молчанием, показав тем самым толпе, что она ничего не смыслит в этом деле. Найдя город удобным для расположения войск, он оставил в Кесарии на зимовку два легиона, Пятнадцатый же легион отправил в Скифополь, чтобы не обременять города всем своим войском. Между прочим, зима в Кесарии столь же мягкая, сколь удушающе жарким является здесь лето, так как город расположен на равнине у самого моря.

2. Тем временем те, кто в ходе междоусобной борьбы был изгнан из своих городов, объединили свои силы с теми, кто остался в живых после недавних поражений, и, образовав таким образом значительную силу, принялись за восстановление незадолго до того опустошенной Цестием Яффы, чтобы превратить этот город в свой оплот. Поскольку вся земля вокруг них была опустошена войной, они решили обратиться к морю: построив изрядный пиратский флот, они начали плавать в сирийских и финикийских водах и по водному пути в Египет, сделав невозможным всякое плавание там. Услышав об этом, Веспасиан выслал на Яффу войско, состоявшее из конницы и пехоты; город не охранялся, и ночью неприятель вступил в него. Обитатели города были предупреждены о нападении, однако

их охватил такой страх, что, не имея мужества выступить против римлян, они бежали, собравшись в свои суда, провели ночь в море, вне пределов досягаемости римских стрел.

3. В Яффе нет естественной гавани – она выходит на неровное побережье, прямое по большей части своей длины, но слегка изгибающееся с обоих концов, образованных высокими утесами и выступающими в море скалами, где до сих пор показывают следы оков Андромеды в доказательство древности сказания. Северный ветер, сильный на этом побережье, гонит на прибрежные скалы высокие волны и делает высадку здесь более опасной, чем открытое море. Именно здесь качались на якоре беженцы из Яффы, когда перед самым восходом были застигнуты страшным ветром, называемым плавающими в этих водах моряками Черным Бореем, который стал швырять их суда друг на друга и на скалы. И столь велик был их страх перед этим скалистым берегом и занимавшим его врагом, что перед лицом надвигавшегося на них вала многие попытались вывести суда в открытое море, но и здесь высокие, как гора, волны покрывали их с головой и топили суда. Некуда было бежать и нельзя было оставаться, ибо сила ветра гнала от моря, а сила римлян – от земли. Повсюду раздавались крики погибающих со сталкивающихся кораблей, но по мере того, как они разбивались, шум стихал. Из тех, кто находился на судах, многие были накрыты волной и тонули, многие погибли, запутавшись в обломках, а некоторые, сочтя смерть от меча менее мучительной, опередили море и сами убили себя. Но большинство было выброшено волнами на берег и разбилось о скалы, так что почти все море окрасилось в цвет крови, а берег был покрыт трупами, так как римляне набрасывались на тех, кого выносило на берег, и приканчивали их. Количество выброшенных на берег тел достигало 4200.

Итак, римляне взяли город без всякого сопротивления и разрушили его.

4. В течение короткого отрезка времени Яффа дважды была взята римлянами. Чтобы здесь вновь не обосновались разбойники, Веспасиан разбил на акрополе лагерь, в котором оставил конницу и небольшие силы пехоты. Пехота должна была оставаться на месте и нести охрану лагеря, тогда как коннице было приказано опустошить всю область, разрушив городки и деревни по соседству с Яффой. Эти приказания были должным образом выполнены, и область ежедневно под-

вергалась набегам и опустошению до тех пор, пока совершенно не обезлюдела.

5. Когда вести о том, что претерпел Йодфат, достигли Иерусалима, почти никто не поверил им – несчастье было столь сокрушительным, а те, кто рассказывал о нем, сами не были свидетелями событий (ведь в живых не осталось ни одного свидетеля, и лишь сама собой родившаяся молва – ибо молва любит вести о несчастьях – повсюду трубила о падении города). Постепенно, однако, просочилась истина, не оставлявшая места для сомнений, однако и здесь действительные события перемешивались с небылицами: так, например, говорили, что Йосеф тоже убит при взятии города. Это сообщение вызвало в Иерусалиме особенно глубокую скорбь – если оплакивание каждого из погибших ограничивалось домом его родных и близких, то о полководце скорбел весь народ: одни оплакивали знакомых, другие – родных, третьи – близких друзей, четвертые – братьев и все – Йосефа. Плач в городе не прекращался в продолжение целых 30 дней, и многие нанимали флейтистов, чтобы те зачинали погребальные причитания.

6. Постепенно, однако истина открылась, и всем стало известно, что случилось с Йодфатом. Когда же обнаружилось, что печальный конец Йосефа – не более чем выдумка, и стало известно, что он жив и находится при римлянах и что их вожди обходятся с ним лучше, чем с обыкновенными пленниками, то ярость, охватившая их, равнялась прежнему горю по поводу его мнимой смерти. Одни поносили его за трусость, другие – за измену, и весь город бурлил от негодования и обрушиваемых на его голову проклятий. Нанесенные удары только ожесточили их, а неудачи лишь разожгли их пыл, и потому поражение, которое для благоразумных людей кладет начало заботе о безопасности и помогает остерегаться повторения подобных обстоятельств, для них явилось лишь стрекалом для новых бедствий, так что конец одной беды одновременно явился началом других бед. Итак, они горели еще большим пылом сразиться с римлянами в надежде, что, расплатившись с ними, расплатятся и с Йосефом. Таково было волнение, охватившее жителей Иерусалима.

7. Веспасиан же тем временем решил ознакомиться с царством Агриппы. Склонил его на это сам царь, который хотел принять главнокомандующего и его войско в полную меру своего достатка и одновременно намеревался использовать их

для усмирения волнений внутри своего царства. Итак, выступив из Приморской Кесарии, Веспасиан прибыл в Кесарию Филиппа. Там его войска отдыхали в течение 20 дней, в то время как сам он проводил время в пирах и в благодарственных жертвоприношениях Богу за свои успехи. Но когда ему сообщили, что в Тибериаде начинается восстание, а Тарихеи уже отложились (и тот, и другой город были частью владений Агриппы), он, в своей решимости сокрушить евреев повсюду, рассудил, что сейчас как раз самое время выступить против мятежников и отблагодарить Агриппу за гостеприимство подчинением его городов. Итак, он послал своего сына Тита в Кесарию с поручением привести все еще находившиеся там войска в Скифополь (это самый большой из городов Десятиградья, расположенный по соседству с Тибериадой), где тот и встретил их. Выступив во главе трех легионов, он встал лагерем в 30 стадиях от Тибериады, в месте под названием Цинабрай, хорошо обозреваемом повстанцами. Затем он выслал декуриона Валериана с 50 всадниками сделать мирные предложения жителям города и склонить их к соглашению, так как он слышал, что горожане желают мира и что группа мятежников насильно втянула их в войну.

Валериан поскакал к Тибериаде; приблизившись к стене, он спешился и приказал своим воинам сделать то же самое – чтобы горожане не думали, что они собираются напасть. Но не успели они произнести и слова, как из города с оружием в руках выскочили главари мятежников, предводительствуемые Йехошуа, сыном Шефета, главой этой разбойничьей шайки. Валериан счел нецелесообразным завязывать сражение вопреки приказу главнокомандующего, даже если победа и была бы обеспечена, а тем более, что очень опасно горстке людей, захваченной врасплох, вступать в сражение с превосходящими силами противника, которые нападают первыми. Кроме того, он был сбит с толку неожиданной дерзостью евреев. Итак, он бежал пешим, и остальные вслед за ним, оставив на месте пять своих лошадей. Этих лошадей Йехошуа и его люди отвели в город с таким ликованием, как если бы они захватили их в бою, а не благодаря нападению из засады.

8. Однако это событие так устрашило городских старейшин и признанных глав города, что они бросились в римский лагерь и, призвав себе на помощь царя, упали к ногам Веспасиана, моля его не отвергать их призыва и не карать целый го-

род за безумие нескольких человек, пощадить жителей, которые всегда были дружественно расположены к римлянам, и наказать только тех, кто ответствен за мятеж, – людей, гнет которых они хотели сбросить уже давно. Главнокомандующий уступил их мольбам, хотя захват лошадей вызвал в нем гнев против всего города, ведь он видел, что Агриппа заботился о спасении города. Поскольку посланники заключили с римлянами соглашение от имени всех граждан, Йехошуа и его люди сочли дальнейшее пребывание в Тибериаде небезопасным для себя и перебросились в Тарихеи.

На следующий день Веспасиан выслал вперед, к самой вершине горы, конный отряд под началом Траяна, поручив ему разведать, все ли население настроено миролюбиво. Как только тот удостоверился в том, что горожане единодушно поддерживают своих представителей, он поднял войско и повел его к городу. Народ открыл перед ним ворота и встретил его приветственными возгласами, называя его своим спасителем и благодетелем. Поскольку узкие входы сдерживали продвижение войска, Веспасиан приказал своим людям сломать южную стену и таким образом сделать широкий проход для войск. Однако из уважения к царю он запретил грабежи и насилия в городе; царь же уговорил его пощадить стены, заверив в том, что жители города и впредь будут сохранять преданность Риму. Так тяжело пострадавший от внутренних распрей город смог наконец прийти в себя.

X

1. Затем Веспасиан продвинулся вперед и разбил лагерь между Тибериадой и Тарихеями; он сделал лагерь необычайно сильным – на тот случай, если война окажется продолжительной и ему придется задержаться здесь надолго. Ведь в Тарихеи стекались мятежники со всей страны, полагаясь на мощь городских стен и на защиту озера, называемого местными жителями Геннисаретским. Подобно Тибериаде, город расположен у подножия горы, и за исключением той его стороны, которая омывается озером, он был со всех сторон мощно укреплен Йосефом – правда, не так мощно, как Тибериада, где крепостной вал был возведен в самом начале восстания, когда его средства и власть были неограниченны, тогда

как Тарихеям достались лишь остатки его щедрости. На озере жители держали наготове большое число лодок, чтобы воспользоваться ими для бегства, если потерпят поражение на суше, и вооружения – на тот случай, если придется вести морское сражение. Пока римляне занимались укреплением лагеря, люди Йехошуа, без всякого страха перед численностью и военным порядком противника, совершили вылазку и при первом же нападении рассеяли отряд строителей и разрушили небольшой отрезок стены. Но когда они увидели, что легионеры выстраиваются в боевом порядке, они, прежде чем понести какие бы то ни было потери, бежали на свои исходные позиции. Когда же преследовавшие их римляне вынудили их укрыться в лодках, они отошли от берега на такое расстояние, с которого можно было вести обстрел, затем бросили якорь и выстроили суда одно рядом с другим, подобно пешей фаланге, и завязали морское сражение с находящимся на берегу неприятелем.

Между тем Веспасиану стало известно, что множество тарихеян собралось на равнине перед городом, и он отправил туда сына с шестьюстами вооруженными пиками всадниками.

2. Когда тот обнаружил, что противник значительно превосходит его числом, он послал к отцу за подкреплениями, а сам, видя, что хотя большинство его воинов рвется сражаться, не дожидаясь подкреплений, но есть и такие, которым едва удается скрыть свой страх перед численностью евреев, встал так, чтобы все его хорошо слышали, и сказал следующее:

«Римляне – ибо нельзя начать лучше, чем напомнив вам о имени, которое вы носите, чтобы вы осознали, сколь отличны вы от людей, с которыми вам придется вступить в сражение. До сих пор еще ничто в обитаемом мире не избегло наших рук, хотя и следует признать, что евреи пока не проявляли признаков усталости от поражений. Но потому будет тем более удивительно, если мы поникнем среди успехов, тогда как они стойко держатся даже в поражениях. Я радуюсь при виде выказываемого вами воодушевления, но в то же время опасаюсь, что численное превосходство противника может породить в некоторых из вас тайный страх. В таком случае следует еще раз принять во внимание, что именно разделяет нас и наших противников: ведь евреи, хотя они и исключительно храбры и испытывают презрение к смерти, не обладают ни военным строем, ни опытом войны и представляют со-

бой не более чем толпу, не заслуживающую наименования войска. Я не буду сейчас распространяться о нашем опыте и воинском порядке. Вспомните, однако, что мы единственные среди всех народов занимаемся военными упражнениями и в мирное время именно затем, чтобы на войне у нас не было нужды сравнивать нашу численность с численностью противника. Иначе какой толк в нашей постоянной военной службе, если нам нужно сравняться числом с не обученным военному делу неприятелем?

Вспомните, наконец, о том, что вы выходите сражаться в полном боевом снаряжении, а на них ничего нет, что вы верхом, а они пешие, что у вас есть военачальники, а ими не командует никто, так что в конечном счете все эти преимущества делают вас гораздо более многочисленными, нежели на самом деле, тогда как их недостатки умаляют их численность. Вспомните, что победа в сражении достигается не величиной хотя бы и рвущегося в бой войска, но мужеством пусть даже незначительного по силе отряда. Ведь небольшой отряд легко разворачивается и легко отражает удар, тогда как чрезмерно раздутое войско причиняет само себе больше вреда, чем может причинить даже противник. Наконец, евреев толкают в бой дерзость и безоглядный порыв – страсти, порожденные отчаянием: они придают силы, когда дела идут хорошо, но испаряются от малейшей неудачи. Мы же руководствуемся добродетелью, повиновением и благородством, которые достигают вершины в случае успеха и остаются при нас и в поражении. Кроме того, цель, за которую вы будете сражаться, гораздо более высока, чем цель евреев: хотя они и претерпевают опасности войны ради того, чтобы отстоять свободу своей родины, что может быть выше ожидающей вас славы и сознания того, что мы, покорившие себе целый мир, не признаем евреев своими соперниками? Подумайте также и о том, что ни в каком случае нам не может угрожать непоправимое несчастье, потому что к нам приближается обширное подкрепление. Однако в наших силах самим выхватить победу, и потому нам не следует дожидаться тех, кого мой отец посылает к нам на помощь, чтобы наша победа, не разделенная ни с кем, была еще величественнее.

Я ощущаю, что именно в этот час решается судьба моего отца, и моя, и ваша. Достоин ли он своих последних побед? Достоин ли я быть его сыном? Достойны ли вы быть моими

воинами? Ведь для него победа вошла в привычку, и потому я не смогу возвратиться к нему отягощенный поражением. А вы – не будете ли вы чувствовать стыда перед военачальником, поведшим вас в бой, если потерпите поражение? А я поведу вас, будьте в этом уверены, и первым вступлю в сражение с неприятелем. Потому и вы не подведите меня и верьте, что Бог будет на нашей стороне и что мой почин увенчается успехом. Я же заранее обещаю вам, что в битве здесь, за пределами стен, мы одержим победу».

3. Во время этой речи Тита чудесное воодушевление пронизало его людей, и, когда перед самым сражением прибыл Траян с четырьмястами всадниками, они стали досадовать на то, что, будучи разделенной с другими, их победа утратит часть своего значения. Веспасиан прислал к ним также Антония Силона с 2 тысячами лучников, которые должны были занять холм напротив города и подавить защитников на стене; лучники выполнили то, что было на них возложено, и каждая попытка привести из города подкрепление заканчивалась неудачей. Тит первым выехал навстречу врагу; за ним с громкими возгласами последовали остальные, растянув свои ряды по всей длине вражеского строя и так произведя впечатление гораздо большей своей численности, чем это было на самом деле. Евреи, хотя и приведенные в смятение порядком и стремительностью их натиска, некоторое время все же отражали нападение, хотя и несли большие потери под ударами копий и копытами лошадей. Лишь тогда, когда убитые уже лежали повсюду, они рассеялись и каждый устремился к городу с такой быстротою, на какую только был способен. Тит преследовал их по пятам, поражая отстававших, обогнав бегущих и зайдя спереди, пробивал себе путь через самую их гущу; он набрасывался на них, когда они сталкивались друг с другом и падали, отрезал их от городских стен и заворачивал назад к равнине – пока, наконец, благодаря своей многочисленности они силой не пробили себе путь и не укрылись в городе.

4. Но, как только они оказались внутри стен, в городе вновь вспыхнула междоусобица. Местные жители, дорожа своим имуществом и городом, с самого начала были против войны; теперь же, после поражения, их сопротивление усилилось еще более. Пришельцы же, которых было большинство, продолжали настаивать на своем. Обе стороны были вне себя от гнева, и их крики и шум явно свидетельствовали, что скоро

они возьмутся за оружие. Звуки волнения достигли слуха Тита, находившегося неподалеку от стены, и он вскричал: «Пробил наш час! Чего нам ждать, если сам Бог отдает евреев в наши руки?! Так берите же победу! Разве вы не слышите крика? Эти люди, ускользнувшие из наших рук, сейчас сцепились друг с другом, и, если мы поспешим, город – наш! Однако одной только быстроты и ловкости недостаточно – нам предстоит тяжелый труд, ибо ничто великое не дается без опасности. Итак, нам не следует ждать, пока между врагами вновь установится согласие, ведь необходимость в скором времени вновь примирит их, и нам не следует ждать нового подкрепления – мы, с горсткой людей победившие несметное войско, своими силами возьмем этот город!»

5. С этими словами он вскочил на коня и поскакал к озеру, откуда, проведя своих лошадей через воду, он и его люди ворвались в город. Его отвага наполнила защитников ужасом, и никто из них не оказал ни малейшего сопротивления. Йехошуа и его люди оставили город и бежали в глубь страны, остальные же бросились к озеру, где были перехвачены вышедшим им навстречу неприятелем; некоторые были убиты, когда садились в лодки, другие – когда пытались подплыть к тем, кто еще раньше успел отойти от берега. В городе царила резня, и одна и та же участь постигала как пришельцев, которые не успели бежать и сейчас пытались оказать сопротивление, так и местных жителей, которые не сопротивлялись в надежде на то, что их нежелание принимать участие в войне известно римлянам и те согласятся заключить с ними мир. Наконец Тит, расправившись с истинными виновниками бунта, сжалился над жителями и положил конец резне. Те же, кто спасся бегством на озеро, при виде падения города отошли от неприятеля так далеко, как только это было возможно.

6. Тит послал одного из своих всадников к отцу с вестью о случившемся. Веспасиан, как и следовало ожидать, пришел в восторг от доблести сына и от его блестящей победы, тем более что он считал, что победа эта подводила итог наиболее значительной части войны. Он немедленно прибыл на место и распорядился выставить вокруг города часовых, чтобы никто не мог ускользнуть живым. На следующий день он спустился к озеру и отдал распоряжение сбить плоты для преследования бежавших. В скором времени плоты были готовы,

так как местность эта не испытывает недостатка ни в материале, ни в плотниках.

7. Геннисаретское озеро получило свое наименование от прилегающей к нему местности. Хотя оно простирается на 40 стадиев в ширину и на 100 в длину, вода в нем пресная и восхитительная на вкус; она гораздо прозрачнее мутной болотной воды и совершенно чистая, поскольку озеро со всех сторон кончается песчаным побережьем. Кроме того, вода в озере умеренной температуры – гораздо приятнее, чем речная или родниковая вода, но и гораздо более холодная, чем можно было бы ожидать от озера такой величины. Если ее выставить под открытым небом, как обычно поступают местные жители в летние ночи, то по холоду она не уступает снегу. Породы рыб, водящиеся в озере, отличаются как по вкусу, так и по виду от рыб всех других мест.

Геннисаретское озеро рассекается надвое рекой Иордан. По-видимости Иордан начинается у Панейона, на самом же деле он лишь появляется там на поверхности, а до того незаметно течет под землей от места под названием Чаша. Каждый, кто поднимается в Трахон, найдет это место в 120 стадиях от Кесарии, взяв чуть вправо от дороги. Название «Чаша» очень подходит к озеру из-за его совершенно кругообразной формы; вода в нем всегда стоит на уровне берега, никогда не отступая и никогда не переливаясь через край. Долгое время не было известно, что Иордан начинается именно здесь, пока это не установил Филипп, который был тетрархом Трахона: мякина, брошенная им в Чашу, всплыла у Панейона, в том самом месте, которое в старину считалось истоком Иордана. Панейон, место само по себе очень красивое, был еще более украшен благодаря щедрости и богатству царя Агриппы. Видимое течение Иордана начинается у этой пещеры, затем оно пересекает илистые, стоячие воды озера Семех, проходит еще 120 стадиев и за городом Юлиадой впадает в самую середину Геннисаретского озера, а затем, после длительного пути через пустынную область, впадает в Мертвое море.

8. Вдоль Геннисаретского озера тянется местность того же названия, удивительная как по своей природе, так и по красоте. Из-за плодородности почвы нет такого растения, которое ни произрастало бы здесь, и местные жители выращивают все, а здешний климат столь умерен, что соответствует самым различным породам. Здесь произрастают в изобилии

как ореховые деревья, более всех прочих растений любящие зиму, так и жаждущие зноя финиковые пальмы, а рядом с ними – смоковницы и масличные деревья, которым благоприятствует более мягкий климат. Можно подумать, что торжествует некий честолюбивый замысел природы, насильно сведшей в одно место враждующие породы и установившей благое соперничество между временами года, словно каждое из них оспаривает у другого господство над этой местностью. Однако природа не только производит здесь самые необычные и разнородные плоды – она, кроме того, еще и тщательно печется о них. Самые царственные из всех, виноград и смоквы, она доставляет в течение 10 месяцев подряд, в то время как все прочие созревают на деревьях круглый год. Ибо, помимо мягкого климата, эта земля орошается еще и плодороднейшим из источников; этот источник, называемый местными жителями Кфар Нахум (Капернаум), некоторые считают ответвлением Нила, так как в нем водятся рыбы, очень схожие с окунями Александрийского озера. Длина этой области соответствует длине побережья одноименного озера и составляет 30 стадиев, ширина ее равняется 20 стадиям. Такова природа этого места.

9. Итак, завершив все приготовления, Веспасиан посадил на плоты столько воинов, чтобы число их равнялось числу противников на лодках, и они отплыли от берега. Преследуемые со всех сторон, евреи не имели возможности ни бежать на сушу, ибо весь берег был в руках неприятеля, ни сражаться на воде хотя бы с малейшей надеждой на успех. Их построенные для разбоя лодки были малы и слабы в сравнении с плотами, и на борту каждой из них было так мало людей, что они не осмеливались приблизиться к наступавшим плотным строем римлянам. Однако они вертелись вокруг плотов, иногда даже и приближались к ним, забрасывая издали камнями или сталкиваясь борт к борту и поражая с близкого расстояния. Но и в том, и в другом случае больше всего страдали они сами: град их камней лишь стучал по вооружению римлян, не причиняя никакого вреда, тогда как сами они представляли удобную мишень для стрел римлян; если же они отваживались приблизиться, то прежде, чем успевали что-либо предпринять, их топили вместе с их лодками. Многих из тех, кто пытался пробиться, римляне закололи копьями, многих пронзили мечами, впрыгнув в их лодки, а некото-

рых, увлеченных движением плотов и оказавшихся в их окружении, римляне захватывали вместе с судами. Если же кто-то из очутившихся в воде появлялся на поверхности, римляне расправлялись с ним с помощью лука или самого плота, а когда в своей крайности те пытались взобраться на борт, римляне отсекали им головы или руки. Так повсюду всевозможными способами погибало неисчислимое множество евреев, пока наконец те, что устремился к суше, не были вытащены на берег и все оставшиеся лодки не были окружены. Когда они выбирались из лодок, многие были убиты еще на воде, а многих из тех, кто достиг берега, римляне прикончили на суше. И куда ни устремлялся взгляд, повсюду озеро было красно от крови и запружено мертвыми телами, ибо никто не остался в живых. В течение последующих дней чудовищная вонь стояла над местностью и вид ее был ужасен: берега озера покрыты обломками и вздувшимися трупами, а испарения, исходящие от разлагавшихся на солнце тел, сделали воздух столь зловонным, что несчастье не только повергло евреев в отчаяние, но и вселило в них ненависть по отношению к его виновникам. Таков был исход этого морского сражения. Число убитых, включая тех, кто еще раньше погиб в самом городе, составило 6700 человек.

10. После сражения Веспасиан созвал в Тарихеях суд. Отделив местных жителей от пришельцев, которых он считал ответственными за войну, он обсудил вместе с участниками заседания вопрос, следует ли пощадить также и этих последних. Единодушное решение всех судей гласило, что освобождение преступников нанесло бы вред общему благополучию, ибо, будучи освобождены, эти лишенные родины люди не будут бездействовать, но непременно попытаются склонить на восстание тех, кто даст им убежище. Итак, Веспасиан решил, что они не заслуживают пощады и не должны ускользнуть из его рук, однако он не был уверен в том, каким способом следует от них избавиться. Он не решался предать их смерти тут же, на месте, из опасения настроить против себя местных жителей, которые не потерпели бы, чтобы в их городе было казнено такое количество молящих о пощаде людей. Не мог он также допустить, чтобы после того, как им будет обещана свобода, его люди напали на них, когда те выйдут из города. Однако возобладало мнение советников, полагавших, что по отношению к евреям никакое действие не может считаться бесчестным и

что везде, где собственная польза и требования приличия несовместимы, следует отдавать предпочтение первой. Потому он в двусмысленных выражениях обещал осужденным безопасность и позволил им покинуть город, разрешив двигаться только по одной, ведущей в Тибериаду, дороге. Поверив тому, чему они желали верить, эти люди у всех на глазах нагрузились своим имуществом и выступили по разрешенному им пути. Сойти с дороги было невозможно, так как на всем ее протяжении стояли римляне, и так все они оказались запертыми в городе. Следовавший за ними Веспасиан выстроил их всех на ипподроме. Сначала он распорядился избавиться от стариков и тех, от кого не было пользы; таких было 1200 человек. Затем отобрали 6 тысяч самых сильных молодых мужчин и отправили их к Нерону на Истр. Остальных, числом 30 400, он продал с торгов, а часть из них подарил Агриппе. С теми, кто происходил из его царства, он позволил царю поступать по своему усмотрению. Агриппа распродал также и их. Что же касается остальной толпы, то они по большей части происходили из Трахона, Голана, Гиппоса и Гадера – разбойники и изгнанники, дурная слава которых во время мира сделала для них войну желанной. Они были взяты в плен в 8-й день месяца Горпиея.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I

1. Если после взятия Йодфата многие галилеяне еще продолжали сопротивляться римлянам, то с падением Тарихей все они сложили оружие, и римляне завладели всеми крепостями и городами, за исключением Гуш-Халава и укрепления на горе Тавор. Их поддерживала Гамла, город, расположенный на другом берегу озера напротив Тарихей.

Гамла, наряду с Соганой и Селевкией, находилась в уделе Агриппы. Гамла и Согана являются частью Голана: Согана входит в так называемый Верхний Голан, а Гамла – в Нижний; Селевкия же находилась у озера Семех. Это озеро простирается в длину на 60 стадий и на 30 стадий в ширину, болота же его тянутся до самой Дафнэ, места благодатного во всех отношениях, где находятся источники, питающие Малый Иордан под храмом золотого тельца и посылающие его в направлении собственно Иордана.

Еще в самом начале восстания Согана и Селевкия были вынуждены принести присягу Агриппе, однако Гамла, еще больше Йодфата полагавшаяся на свою неприступность, не присоединилась к ним. И действительно: с высокой горы нисходит каменистое ущелье, рассекаемое надвое крутым отрогом, который, растягиваясь от вершины к передней части, отклоняется назад таким образом, что очертаниями своими уподобляется верблюду – отсюда и название города, хотя местные жители и выговаривают его не совсем правильно. Непроходимые ущелья обступают отрог спереди и с обеих сторон, и, хотя у ос-

нования, там, где он отходит от горы, отрог несколько менее недоступен, местные жители затруднили доступ, прорыв поперек него ров. Дома, чрезвычайно тесно идущие по отвесному склону, громоздятся один над другим, и город выглядит так, словно, брошенный с крутизны, он стремительно увлекает вниз самого себя. Отрог обращен к югу, и его южный гребень, вздымающийся на головокружительную высоту, служит городу крепостью: она не обнесена стенами и стоит на обрыве, ведущем в глубочайшее ущелье; внутри стен, на самом конце города, имелся источник.

2. И этот, почти неуязвимый благодаря своим природным особенностям город Йосеф сделал еще более неприступным, окружив его стеной и защитив рвами и подземными ходами, так что ввиду преимуществ расположения жители были еще более уверены в себе, нежели жители Йодфата. Однако бойцов среди них было гораздо меньше, либо жители города, полагаясь на укрепления, не расположены были принимать новых людей. И без того город, ввиду своей безопасности, был переполнен беженцами, так что ему удавалось в течение семи месяцев выдерживать натиск войск Агриппы, посланных вперед для осады.

3. Выступив из Хаммата (что в переводе означает «горячие источники»; здесь и в самом деле имеется горячий источник, обладающий целебными свойствами), где он стоял лагерем перед Тибериадой, Веспасиан двинулся к Гамле. Не будучи в состоянии окружить расположенный таким образом город сплошным кольцом воинов, он расставил часовых повсюду, где это было возможно, и занял господствующую над Гамлой гору. Когда на ее склоне был, как это принято у римских войск, разбит и укреплен лагерь, римляне приступили к возведению земляных насыпей у основания отрога. В восточной его части, там, где поднималась самая высокая из башен, работы вел Пятнадцатый легион; Пятый легион работал в месте, противоположном центру города, а заполнением рвов и лощин занимался Десятый легион.

В это время к стенам города приблизился царь Агриппа и пытался уговорить защитников сдаться, но один из пращников метнул в него камень и ранил в правый локоть. И хотя человек, метнувший камень, был немедленно окружен своими же товарищами, гнев за царя и страх за собственную безопасность побудили римлян вести осаду с удвоенной решимостью. Ведь (так думали они) те, кто выказывает подобную дикость в отно-

шении собственного соплеменника, да еще и подававшего им советы к их благу, не остановятся ни перед какой жестокостью в отношении чужеземцев и врагов.

4. При наличии такого количества опытных рук насыпи были скоро завершены, и на них были водружены осадные приспособления. Люди Хареса и Йосефа (эти двое пользовались в Гамле наибольшим влиянием) выстроили в боевом порядке павших духом защитников города, которые не рассчитывали продержаться в течение длительного времени ввиду недостатка в воде и других необходимых припасах; однако начальники, подбадривая, вывели их к стене. Некоторое время они отгоняли тех, кто подвозил осадные приспособления, однако, попав под обстрел катапульт и камнеметов, отступили в город. Тогда римляне подвели к трем местам «баранов», пробив стену, под громкие звуки труб и звон оружия ворвались в город и с боевым кличем набросились на защитников. В течение некоторого времени те удерживали первые волны нападающих, стойко противостоя натиску римлян и не давая им продвинуться вперед. Однако, будучи тяжело теснимы со всех сторон, они в конце концов отступили в верхнюю часть города, где развернулись и устремились в яростное наступление на преследовавшего их врага. Теснимые в узких и крутых проулках, римляне несли тяжелые потери: не будучи в состоянии ни оказать сопротивление наседающему сверху противнику, ни пробить себе дорогу через напирающую снизу толпу своих товарищей, они спасались бегством на находящиеся у их ног крыши домов. Однако переполненные людьми крыши не были в состоянии вынести их веса и вскоре обрушились: один дом, падая, увлекал за собой находящееся под ним строение, то – следующее и так далее, и таким образом множество римлян нашло свою смерть. И столь безвыходным было их положение, что они прыгали на крыши даже тогда, когда видели, что дом вот-вот обрушится. Многие были погребены под обломками, у многих при попытке бежать была придавлена нога или рука, однако большинство задохнулось от пыли.

Защитники Гамлы истолковали происшедшее как перст Божий и, совершенно пренебрегая опасностью, усилили натиск, загоняя неприятеля на крыши домов и градом снарядов расправляясь с теми, кто падал, оступаясь в крутых проулках. Обломки снабжали их любым количеством каменных глыб, а тела врагов – оружием, ибо они выхватывали мечи у упавших и приканчивали ими тех, кто медлил умереть. Многие

кончали с собой, бросаясь вниз с крыш уже оседающих домов, но даже тем, кому удалось спастись, нелегко было унести ноги: незнакомые с местом и ничего не видя из-за пыли, они не узнавали даже своих собственных товарищей и в полной неразберихе приканчивали друг друга.

5. В конце концов, после долгих поисков, они отыскали выходы из города и бежали.

Веспасиан, на которого вид города, рушащегося вокруг его войска, произвел самое удручающее воздействие, старался, как всегда, быть рядом со своими сражающимися воинами и настолько забыл о собственной безопасности, что, сам не замечая этого, постепенно достиг самой высокой части города, где, окруженный лишь немногочисленной свитой, оказался в величайшей опасности. Ведь даже его сына Тита не было тогда при нем, так как именно в это время тот был послан к Муциану в Сирию. Поскольку он считал бегство как опасным, так и позорным, он вспомнил о своей проведенной в боях жизни и о своей доблести и, словно преисполнившись божественным вдохновением, приказал своим людям стать вплотную друг к другу и сомкнуть щиты; так он сдерживал катящуюся на них сверху волну нападающих, бесстрашно противостоя рою людей и граду снарядов, пока пораженный его нечеловеческой стойкостью неприятель не ослабил своего натиска. Подвергаемый теперь меньшему давлению, он отступал шаг за шагом и не обратился спиной к противнику до тех пор, пока не оказался за пределами стен.

Потери в этом сражении были очень велики. Среди павших был и декурион Эбутий – муж, отличившийся доблестью как в этом, так и в предыдущих сражениях и причинивший евреям немало бед. Один центурион по имени Галл, оказавшийся в общей неразберихе отрезанным вместе с десятью своими воинами, прокрался в чей-то дом и там подслушал (и он, и его воины были сирийцами), как обитатели обсуждают будущие действия против римлян и защиту города; ночью он выбрался из укрытия, перерезал им всем глотки и вместе со своими людьми невредимым вернулся в расположение римлян.

6. Сознававшие свое поражение римляне, которым до сих пор не приходилось сталкиваться с бедствием таких размеров, сильно упали духом; однако больше всего они стыдились того, что покинули своего главнокомандующего на произвол судьбы. Веспасиан подбадривал их и, чтобы им не показалось, что он

их упрекает, ни словом не поминал случившегося с ним, но сказал, что следует, преисполнившись мужеством, обсудить дела, касающиеся всех. «Вспомните, – сказал он, – природа войны такова, что не бывает бескровных побед и превратности судьбы окружают человека повсюду. Вы убили много тысяч евреев, сами же внесли лишь незначительный взнос на алтарь божества. И если неумеренно кичиться успехами свойственно только невеждам, точно так же лишь малодушные чрезмерно падают духом от неудач, ибо никогда невозможно знать, чем именно в конечном итоге обернется поражение или успех. И потому подлинно доблестный муж лишь тот, кто не теряет головы от удачи, и оттого неудача никогда не сокрушает его.

Что же касается последних событий, то все случившееся произошло не из-за вашей слабости и не вследствие доблести евреев. Как их выигрыш, так и наши потери должны быть отнесены на счет тяжелых условий местности. И потому если вас и следует за что-то порицать, то лишь за неукротимый пыл: когда противник побежал наверх, вам следовало сдержать себя и не бросаться сломя голову навстречу нависавшей над вами опасности. Завладев нижним городом, надо было постепенно заманивать неприятеля к себе и лишь тогда сойтись с ним в безопасных и удобных для вас условиях. Вместо этого в своем безудержном порыве к победе вы совершенно позабыли о безопасности. Подобная неосмотрительность на войне, подобное безрассудство порыва чужды нам, римлянам, добивающимся всего при помощи опыта и порядка, но являются свойствами варваров – теми самыми свойствами, из-за которых евреи терпели поражение за поражением. И потому нам следует возвратиться к собственным добродетелям и скорее негодовать по поводу незаслуженного поражения, нежели падать из-за него духом. Ваши собственные руки – вот лучшее утешение, какое каждый из вас должен искать, ведь только таким образом вы сможете отомстить за убитых и покарать убийц. Что же касается меня, то в этом сражении, как и во всех остальных, я постараюсь первым вступить в бой с врагом и последним оставить поле сражения».

7. Такова была речь, при помощи которой Веспасиану удалось восстановить дух войска.

Что же касается жителей Гамлы, то на первых порах этот сколь неожиданный, столь и сокрушительный успех преисполнил их уверенностью в себе. Однако позднее, когда они осозна-

ли, что теперь лишились всякой надежды прийти к соглашению с римлянами, и поняли, что все пути к спасению отрезаны (ведь их припасы уже подходили к концу), мужество оставило их, и они совершенно пали духом. Тем не менее они продолжали делать все, что могло послужить к спасению: самые отважные бойцы охраняли бреши, а остальные несли стражу по всей стене. Однако когда римляне подняли высоту насыпей и вновь попытались прорваться в город, многие бросились бежать из города, устремившись в непроходимые ущелья, где не были расставлены дозоры, или в подземные ходы. Осажденные, которые из страха быть схваченными римлянами все же остались в городе, умирали голодной смертью, так как все припасы шли на пропитание тех, кто мог держать в руках оружие.

8. Поскольку, несмотря на все лишения, Гамла все еще держалась, Веспасиан послал часть войск взять укрепление на горе Тавор, что на полпути между Скифополем и Большой равниной. Высота этой горы не менее 30 стадиев, и ее северный склон почти недоступен; вершина же представляет собой ровное место в 26 стадиев длиной, со всех сторон окруженное стеной. Эта мощная стена была возведена Йосефом в течение сорока дней, причем материал строительства и даже вода подвозились снизу, поскольку поселенцы располагали только дождевой водой. Итак, против великого множества народа, собравшегося на горе Тавор, Веспасиан выслал 600 человек конницы под началом Плацида. Обнаружив, что подняться на гору невозможно, тот, заманивая их надеждой на приемлемые условия сдачи и свое заступничество, предложил заключить мир; они же, намереваясь в свою очередь перехитрить его, спустились вниз. Сладкие речи Плацида имели единственной целью заманить их вниз и расправиться с ними на равнине; они же спустились, хоть и являя видимость согласия, но на самом деле намереваясь напасть на него врасплох. Однако это состязание в хитрости выиграл Плацид: когда евреи начали сражение, он притворился, что обратился в бегство, и так выманил преследователей далеко на равнину. Затем он развернул всадников и обратился в наступление, убив великое множество евреев, а остальных отразив так, что они уже не могли возвратиться назад, Итак, бросив Тавор, они бежали в Иерусалим, в то время как местные жители, у которых уже иссякли запасы воды, вступив в соглашение с римлянами, сдали Плациду гору и сдались сами.

9. Тем временем в Гамле наиболее отчаянные незаметно ускользали из города, слабые погибали от голода, а бойцы продолжали выдерживать осаду. Наконец, в 22-й день месяца Гиперберетея перед самым рассветом три воина Пятнадцатого легиона проскользнули в ближайшую к ним башню и бесшумно подкопали ее. Поскольку это происходило ночью, часовые на башне не заметили ни их приближения, ни того, как они приступили к работе. Стараясь не производить шума, римляне выкатили из основания башни пять самых мощных камней и отскочили в сторону. Немедленно вслед за этим башня со страшным грохотом обрушилась, увлекая вместе с собой часовых; остальные дозоры в ужасе бежали. Многие предприняли отчаянное усилие пробиться, но все они были уничтожены римлянами; среди них был Йосеф, убитый случайным снарядом в то время, когда пытался бежать сквозь брешь в стене. Грохот от падения башни потряс город, и люди в ужасе бросились врассыпную, как если бы в город ворвалось уже все вражеское войско. В это самое мгновение испустил дух Харес, который был прикован к постели и находился под надзором врача: причиной его смерти была не столько болезнь, сколько страх.

10. Римляне, однако, помня о недавнем поражении, не предпринимали попытки пробиться в город, пока в 23-й день месяца. Тит, который к тому времени успел уже вернуться, в ярости от удара, нанесенного римлянам в его отсутствие, не отобрал 200 человек конницы и немного пехоты и тайно не вступил в город. Часовые обнаружили его, когда он уже находился внутри, и, подняв тревогу, бросились к своим местам. Известие о вступлении римлян в мгновение ока распространилось по городу: одни, схватив жен и детей, со стенаниями и криками устремились к крепости, надеясь найти там укрытие, другие выступили навстречу Титу и один за другим пали в бою. Все, кому не удалось бежать наверх, в беспомощном положении попадали в руки римских часовых. Повсюду раздавались душераздирающие крики умирающих, и кровь, запрудившая весь город, лилась вниз по склонам.

Чтобы расправиться с теми, кто укрылся в крепости, на помощь Титу подошел Веспасиан со всем остальным войском. Гора вздымалась на головокружительную высоту, ее каменистая вершина была со всех сторон окружена кручами и совершенно неприступна; кроме того, вся крепость была запружена людьми. Здесь евреи, почти неуязвимые на своей высоте, на-

несли врагам тяжелые потери, скатывая вниз камни и пуская различные снаряды. Однако тут, на их погибель, разразилась страшная буря, которая несла на них снаряды римлян, их же собственные заворачивала и относила в сторону. Ветер был столь силен, что они, не имея достаточной опоры под ногами, не были в состоянии удержаться на крутых выступах и не видели приближающегося врага. Так римляне поднялись наверх и окружили их. Оказывали ли они сопротивление или же пытались сдаться, участь всех была одинакова, ибо воспоминание о погибших во время первого нападения заставляло римлян вскипать от ярости на них всех. Потеряв надежду на спасение, многие хватали жен и детей и бросались вместе с ними в глубочайшее ущелье, вырытое под самой крепостью. В итоге их собственное безумие оказалось более разрушительным, чем гнев римлян: от мечей пало 4 тысячи человек, но число тех, кто бросился в пропасть, превысило 5 тысяч. Единственными, кто остался в живых, были две женщины, племянницы Филиппа, сына Якима (этот Яким был известным человеком и командовал войском царя Агриппы); они спаслись благодаря тому, что во время взятия города остались не замеченными римлянами и таким образом избежали их ярости. Римляне же на этот раз не щадили даже младенцев, но швыряли вниз с крепости все, что попадалось им в руки. Так в 23-й день месяца Гиперберетея пала Гамла (начало же мятежа приходилось на 24-й день месяца Горпиея).

II

1. Теперь непокоренным оставался только Гуш-Халав, маленький город в Галилее. Жители города стремились к миру, ибо в большинстве своем были земледельцами, единственная забота которых – ожидание хорошего урожая. Однако в их среду просочилось немалое число разбойников, увлекших за собой и некоторых из горожан. Их подстрекал и готовил к мятежу Йоханан, сын Леви, искусный в разнообразных уловках мошенник, преисполненный честолюбивых замыслов, которые он с необыкновенной ловкостью умел приводить в исполнение. Всякий мог видеть, что он стремится к войне, видя в ней средство для захвата власти. Он был вождем мятежников Гуш-Халава, и из-за них горожане, которые охотно бы выслa-

ли послов с предложением сдаться, готовились сейчас встретить римлян с оружием в руках.

Веспасиан выслал против них Тита с тысячей всадников, сам же, отведя Десятый легион в Скифополь, возвратился в Кесарию вместе с двумя остальными легионами. Он намеревался дать воинам передышку после тяжелых боев, рассчитывая, что отдых и хорошее питание восстановят в них силы души и тела накануне грядущих сражений. Ведь он знал, что у Иерусалима – царского города и столицы всего народа – его ожидает нелегкая задача: беженцы стекались сюда отовсюду, да и естественная неприступность города и мощь его стен вызывали в Веспасиане немалую тревогу; кроме того, он понимал, что даже без всяких стен нелегко будет справиться с гордыней и дерзостью защитников города. Потому он заставлял своих людей упражняться, словно атлетов перед состязанием.

2. Подъехав к Гуш-Халаву, Тит увидел, что город нетрудно будет взять приступом. Однако он хорошо понимал, что в таком случае все население будет вырезано его людьми, он же был уже по горло сыт кровопролитием и скорбел о том, что непричастное к мятежу большинство должно будет разделить участь виновных. По этой причине он предпочитал, чтобы город сдался по обоюдному соглашению. На стене толпилось множество людей, в большинстве своем – члены преступной шайки. «Что именно, – спросил их Тит, – заставляет вас быть столь уверенными в себе, если в то время, как все остальные города уже пали, вы единственные противостоите римскому оружию? Ведь вы видели, что гораздо более сильные города взяты с первого приступа, тогда как все, кто пришел к соглашению с нами, в безопасности наслаждаются своим имуществом. И те же самые условия я сегодня предлагаю вам, совершенно прощая вам вашу самонадеянность. Стремление к свободе вполне простительно, если только оно не оборачивается слепым упорством в безвыходных обстоятельствах. Если же вы отвергнете мои человеколюбивые предложения и откажетесь войти в соглашение, вам придется испытать на себе беспощадность римского оружия и узнать, что для римских орудий ваша стена – та самая, полагаясь на которую вы, единственные из галилеян, доказываете, что бывают самонадеянные пленники, – стена эта не более чем игрушка».

3. Однако жители города не только не были в состоянии ответить на предложения, но даже не могли подняться на сте-

ну: вся она была уже занята разбойниками, а на воротах стояли часовые, следившие, чтобы никто не попытался принять предложенный мир или же впустить кого-либо из всадников в город. Титу отвечал сам Йоханан, сказавший, что он с радостью принимает все и убеждением или силой заставит несогласных подчиниться. Однако (так он сказал) из уважения к еврейскому закону Тит должен дать им этот день (ибо как раз была суббота), в который евреям запрещается как браться за оружие, так и заключать мир: ведь даже римлянам известно, что с наступлением седьмого дня евреи не принимаются ни за какую работу, а если они нарушают этот закон, то тот, кто принудил их к этому, считается не меньшим нечестивцем, чем они сами. «Отсрочка, – продолжал он, – не причинит вам никакого вреда, ибо что, кроме бегства, можем мы предпринять в течение одной ночи? Бегство же невозможно, ибо вы стоите лагерем вокруг города и охраняете все выходы. Для нас же чрезвычайно важно не нарушать ни одного отеческого обычая, и тому, кто дарит нам столь неожиданный мир, подобает почитать законы тех, чьи жизни он пощадил».

Этими доводами Йоханану, который беспокоился не столько о субботе, сколько о собственном спасении, удалось перехитрить Тита; на самом же деле он боялся, что сразу же после взятия города сам он будет схвачен, и возлагал все свои надежды на ночь и бегство. Нет сомнения, что Бог хранил Йоханана затем, чтобы тот послужил орудием гибели Иерусалима, и потому сделал так, чтобы Тит не только принял его предлог и согласился на отсрочку, но и разбил свой лагерь подальше от города, в Кедеше (это хорошо укрепленная деревня тирийцев, которые всегда вели с галилеянами непримиримую борьбу; однако многочисленность жителей и сила укреплений деревни позволяли ей держаться во враждебном окружении).

4. Ночью Йоханан, не видя вокруг города римских часовых, улучил подходящее время и, взяв с собой не только собственных бойцов, но и множество мирных жителей с семьями, бежал в Иерусалим. На протяжении первых двадцати стадиев пути ему удавалось вести за собой толпу женщин и детей, хотя страх перед тюрьмой и смертью и гнал его вперед. Однако по мере его продвижения они оставались позади. Отставшие разражались душераздирающими стенаниями, ибо чем дальше каждый из них оказывался от своих близких, тем ближе представлялся ему враг. Думая, что преследователи уже рядом, они

совершенно потеряли голову и оборачивались на звук шагов товарищей, словно это были шаги римлян. Многие сбились с пути, и, хотя они шли по большой дороге, не один был раздавлен в борьбе за то, чтобы пробиться в передние ряды. Горестная участь детей и женщин достойна жалости, и некоторые из них даже отваживались окликать своих мужей и близких, с воплями и плачем умоляя их подождать. Однако победило требование Йоханана, который громко призывал мужчин спасаться самим и искать убежища в таком месте, где они смогут отомстить римлянам за оставшихся позади, если те будут схвачены. Итак, поскольку каждый продвигался в меру собственных сил, колонна беженцев сильно растянулась.

5. Тит же с наступлением дня приблизился к стене с намерением заключить мир. Народ отворил перед ним ворота и вместе с семьями вышел ему навстречу, приветствуя его как благодетеля, избавившего город от гнета. Они рассказали ему о побеге Йоханана и умоляли пощадить их, наказав только оставшихся в городе мятежников. Отложив пока рассмотрение их просьб, Тит послал в погоню за Йохананом подразделение конницы, которому, однако, не удалось захватить его, так что он благополучно добрался до Иерусалима. Однако 6 тысяч человек из тех, кто вышел из города вместе с ним, было убито, и около трех тысяч женщин и детей захвачено и возвращено назад.

Тит был раздосадован тем, что ему не удалось немедленно покарать Йоханана за обман, однако множество убитых и взятых в плен служило некоторым утешением за совершенный промах. Итак, вступив в город под приветственные возгласы, он приказал воинам разобрать небольшой участок стены в знак того, что город взят. Против нарушителей спокойствия он использовал скорее угрозы, нежели наказание: ведь если бы он попытался найти тех, кто заслуживает наказания, многие из личной ненависти и взаимной вражды охотно оговорили бы невиновных, и потому предпочтительнее было оставить виновных в неизвестности и страхе, нежели погубить вместе с ними кого-то невинного. В самом деле, ведь из страха перед наказанием и из благодарности за прощение прошлых преступлений виновный еще может образумиться, однако ничто уже не возвратит к жизни безвинно казненного. Однако Тит обеспечил спокойствие в городе, поставив гарнизон, благодаря которому можно было держать в повиновении смутьянов и позволить свободно жить тем, кто желал мира. Так Галилея, закалив рим-

лян в многих тяжких упражнениях перед грядущим наступлением на Иерусалим, была наконец полностью покорена.

III

1. С прибытием в Иерусалим Йоханана весь народ высыпал на улицы, и вокруг каждого из его товарищей по бегству собралась огромная толпа, жаждавшая известий о событиях вне города. Их еще тяжелое и прерывистое дыхание выдавало всю тяжесть перенесенного, однако, кичась даже в несчастье, они заявляли, что не бежали от римлян, но прибыли сюда, чтобы вести с ними войну в более подходящих условиях. Они сказали, что безнадежно и бессмысленно было бы подвергать себя опасности в тщетной борьбе за Гуш-Халав и другие слабые и маленькие города, в то время как их оружие и силы должны послужить объединенной защите столицы. Затем они мимоходом упомянули о взятии Гуш-Халава, однако всем было очевидно, что отступление на самом деле является бегством. Когда же, наконец, стало известно о судьбе захваченных в плен, крайнее уныние охватило народ, видевший в этом безошибочное предзнаменование своей собственной судьбы. Однако участь захваченных по его вине людей нимало не смущала Йоханана, который расхаживал по городу и, возбуждая во всех и каждом ложные надежды, подбивал на войну против римлян. Он измышлял, что мощь римлян ослабла, и одновременно преувеличивал силы евреев и высмеивал невежество неопытных. «Даже если бы у римлян выросли крылья, – говорил он, – они все равно никогда не смогли бы одолеть стену Иерусалима после того, как столь жестоко пострадали при взятии галилейских селений и износили свои орудия на тамошних стенах».

2. Этими разговорами он завлек в свои сети большинство молодежи, возбудив в них жажду войны, однако среди здравомыслящих граждан старшего возраста не было никого, кто бы не предвидел надвигающегося несчастья и не оплакивал бы город, как если бы он уже погиб. Таково было смятение народа в Иерусалиме, однако остальная страна разрывалась в раздорах еще до того, как междоусобица подняла голову в столице. В это время Тит отошел от Гуш-Халава и прибыл в Кесарию, а Веспасиан выступил из Кесарии на Явне и Ашдод; покорив

эти города и поставив в них гарнизоны, он возвратился с множеством евреев, добровольно сдавшихся в плен.

В каждом городе зрели беспорядки и гражданская война. Как только римляне дали евреям передышку, те тут же обратились друг против друга. Повсюду свирепствовал жестокий раздор между сторонниками войны и защитниками мира. Прежде всего борьба между приверженцами различных партий нарушила взаимное согласие внутри каждого дома, затем разорвались все узы, связывавшие до того близких людей, каждый прилепился к собственным единомышленникам, и весь народ разбился на два враждебных лагеря. Междоусобица господствовала повсюду, и смутьяны и горячие головы благодаря молодости и безрассудству сумели одержать верх над благоразумием старших. Они начали с разграбления собственных городов, а затем объединились в отряды и распространили свой разбой по всей стране, так что для соотечественников были ничем не лучше римлян и многие предпочли бы римский плен их жестокостям и разбою.

3. Гарнизоны же городов как из желания избежать неприятностей, так и из недоброжелательства к евреям не предпринимали ничего или почти ничего для защиты тех, кто подвергался нападениям.

Когда же наконец главари разбойничьих шаек насытились разграблением страны, они сошлись вместе и, образовав единое войско негодяев, стали просачиваться в Иерусалим, неся гибель и разрушение городу. Город не имел военного руководства, и по старинному обычаю каждый еврей мог войти в него без всякой предварительной проверки; в существующих же обстоятельствах все полагали, что желающие присоединиться к ним руководствуются благими побуждениями и приходят как союзники. И именно это, наряду с междоусобицей, впоследствии окончательно погубило город: ведь бесполезная и праздная толпа потребляла припасы, которых должно было хватить для пропитания бойцов, так что в придачу к войне они навлекли на себя еще и междоусобицу и голод.

4. В город влились еще и другие разбойники со всей страны, которые, объединившись с головорезами внутри стен, предались всевозможным преступлениям. Они не ограничивали своего беспутства воровством и грабежами, но дошли до смертоубийства – и не среди ночи, не тайно и не против случайных людей, но открыто и среди бела дня стали убивать самых вид-

ных граждан. Сначала они захватили и поместили в заключение Антипу, члена царской семьи и одного из наиболее влиятельных людей в городе, которому была доверена городская казна. За ним последовали Леви, один из первых граждан города, и Цофа, сын Реуэля, оба царской крови, а за ними и другие, пользовавшиеся влиянием в стране. Несказанное смятение охватило народ, и, как если бы город был застигнут войной, каждый не думал ни о чем другом, кроме как о собственном спасении.

5. Однако разбойники не удовлетворились лишь тем, что схватили этих людей: они считали небезопасным содержать длительное время в заключении столь влиятельных лиц, поскольку число их домашних было достаточно велико, чтобы предпринять попытку к освобождению, а беззаконное поведение разбойников в скором времени могло подвигнуть весь народ подняться на восстание. Поэтому они решили умертвить заключенных, избрав орудием самого кровожадного убийцу из своей среды, некоего Йоханана, прозванного «сыном газели» на языке местных жителей. Он и еще десять человек вошли в тюрьму с мечами в руках и закололи всех заключенных. Для оправдания чудовищного преступления они прибегли к лживому объяснению: убитые якобы вели с римлянами переговоры о сдаче Иерусалима и потому были преданы смерти как предатели общей для всех цели – свободы. Короче говоря, они похвалялись преступлениями, как если бы были благодетелями и спасителями города.

6. Следствием этих событий явилось то, что народ пребывал в таком унижении и страхе, а разбойники преисполнились такого неистовства, что даже взяли в свои руки назначение первосвященников. Оттеснив семьи, которые поочередно поставляли из своей среды людей на первосвященнические должности, они стали выдвигать людей безродных и никому не известных с целью обзавестись соучастниками своих святотатственных преступлений: в самом деле, ведь тот, кто без всяких заслуг случайно удостаивается высочайшей должности, неизбежно должен будет во всем подчиняться давшим ему эту честь. В конце концов посредством разнообразных наветов и измышлений они натравили друг на друга и этих своих ставленников, обратив к своей собственной выгоде склоки между теми, кто мог бы их обуздать, пока наконец, пресытившись преступлениями против людей, они не обратили свою дерзость против самого Бога, вступив в Его святилище осквернеными ногами.

7. К тому времени уже все население города было охвачено возмущением; во главе недовольных стоял старейший из священников – Ханан, разумнейший муж, который, если бы ему удалось избежать рук заговорщиков, наверняка смог бы спасти город. Своим оплотом и убежищем от народного возмущения разбойники сделали Храм Бога, и святилище превратилось в местопребывание тиранов. Их бесчинства отдавали еще и издевательской насмешкой, которая причиняла больше боли, чем самые действия. Так, чтобы проверить покорность народа и испытать свою силу, они стали назначать первосвященников по жребию, хотя, как мы уже сказали, преемственность первосвященства определялась происхождением. В оправдание своего замысла они ссылались на старинный обычай, говоря, что в прежние времена первосвященник избирался по жребию. На самом же деле это было извращение установленного порядка вещей, уловка, предназначенная для того, чтобы закрепить власть при помощи своих ставленников.

8. Итак, собрав один из священнических родов, Яхин, они стали бросать жребий, чтобы выбрать первосвященника. Эта жеребьевка послужила лучшим доказательством того, до какой степени дошло их беззаконие, ибо жребий пал на некоего Пинхаса, сына Шмуэля, из селения Хафта – человека, не только не происходящего от первосвященников, но и слишком неотесанного, чтобы иметь мало-мальски определенное понятие о том, что представляет собой эта должность. Так или иначе, они против его воли вытащили его из деревни, словно на сцене, приладили к нему чужую маску и, обрядив его в одежды первосвященника, стали учить, что нужно делать в тех или иных обстоятельствах. Для них самих это неслыханное кощунство служило поводом к шуткам и веселью, однако другие священники, наблюдая издали за этим надругательством над законом, разражались слезами, оплакивая гибель священных обрядов.

9. Этого дерзостного кощунства народ уже не мог вынести, и все как один преисполнились решимости свергнуть тиранию. Наиболее влиятельные среди граждан, Гарион, сын Йосефа, и Шимон, сын Гамалиэля, на общественных сходках и в частных беседах в каждом доме поощряли народ отомстить разрушителям свободы и очистить святилище от тех, чьи руки осквернены убийством. Йехошуа, сын Гамлы, и Ханан, сын Ханана, самые уважаемые среди верховных священников, на сходках порицали народ за бездействие и настраивали его против зелотов

(ведь эти люди называли себя зелотами, ревнителями, как если бы и в самом деле были ревнителями благих деяний, а не преступили всякую меру в порочнейших из преступлений).

10. Однажды народ сошелся на собрание, где каждый порицал захват святилища, грабеж и кровопролитие, однако никто не был готов оказать сопротивление, как если бы само собой разумелось, что с зелотами невозможно справиться. Тогда посреди толпы поднялся Ханан и, то и дело обращая в сторону Храма полные слез глаза, сказал следующее:

«О, сколь прекрасно было бы, если бы я умер до того, как мне пришлось увидеть обиталище Бога преисполненным несказанными мерзостями, а его священные пределы занятыми людьми, чьи руки осквернены убийством! И все же я, тот, кто носит одежды первосвященника и откликается на самые почетные и священные из имен, я все еще жив и цепляюсь за жизнь, не имея мужества встретить смерть, которая послужила бы к прославлению моей старости! Что ж, я пойду один и, словно никого больше нет около меня, один отдам свою жизнь за Бога. В самом деле, что толку жить среди народа, слепого и глухого к происходящим бедствиям и более неспособного справиться с ними своими собственными руками? Ведь вы не сопротивляетесь, когда вас грабят, молчите, когда вас избивают, и ни единым стоном не выражаете сочувствия к жертвам убийц. Что за невыносимая тирания! Но к чему обвинять тиранов? Разве не вы сами и ваше малодушие взрастили их? Не вы ли закрывали глаза, когда они – тогда еще горстка людей – начали объединяться, не вы ли своим молчанием поощряли умножение их числа, не вы ли, праздно наблюдая за их вооружением, обратили это оружие против самих же себя? А следовало бы пресечь их поползновения еще в зародыше, когда они осыпали поношениями ваших соотечественников, но вы своим равнодушием поощряли этих преступников к грабежам. Никто не сказал ни слова, когда они обирали дома, – тогда они схватили и их хозяев: они протащили их посреди города, и никто не пошевелил и пальцем в их защиту. Они бросили в тюрьму тех, кто был оставлен вами на произвол судьбы, – я не буду упоминать, сколько их было и кто был среди них, – без обвинения, без приговора их поместили в заключение, и никто не выступил на их защиту, и потому за заключением последовало убийство, свидетелями которого явились мы все. Да, мы все видели это, мы уподобились стаду бессловесных животных, из

которого по очереди извлекаются отборные жертвы, – никто не издал ни звука, ни одна рука не поднялась.

И потому терпите, терпите при виде того, как попирается святилище, не сетуйте на то, что нечестивцы достигли вершины лестницы, ступени которой воздвигались вашими собственными руками! Не удивляйтесь, если теперь они пойдут еще дальше, если только существует на свете что-либо, что может превзойти разрушение Храма. Теперь они завладели наиболее укрепленным местом в город, и отныне Храм будет рассматриваться как крепость. Тирания хорошо укрепилась, и враг над самыми вашими головами – но что намереваетесь делать вы? Куда обратите свои надежды? Или вы ожидаете римлян, чтобы они возвратили нам наши святые места? Неужто же дела в этом городе зашли так далеко и мы достигли в своих несчастьях того, что даже враги сострадают нам? Так почему же вы не восстанете, о малодушнейшие из малодушных, и не обратитесь навстречу ударам и, как это принято даже у животных, не дадите отпор мучителям?! Пусть каждый вспомнит о собственных несчастьях, представит все, что ему пришлось выстрадать, разожжет в своей душе пламя сопротивления! Неужто и в самом деле вы утратили наиболее достойное и естественное из человеческих чувств – стремление к свободе? Неужто мы возлюбили рабство и ищем себе господ, словно подчинение – это то, что мы унаследовали от наших предков? Но ведь именно они столько раз поднимались на великую борьбу за независимость и ради того, чтобы не повиноваться ничьим приказаниям, бросали вызов мощи Египта и Мидии. Но к чему вспоминать предков? Война с Римом, которую мы ведем сейчас, – не буду говорить о том, является ли она полезной и выгодной для нас или же как раз напротив, – что именно ее причина? Не свобода ли? В таком случае неужели же мы, отказавшиеся подчиниться владыкам целого мира, признаем своими господами собственных соплеменников? Однако если подчинение власти чужеземцев может быть отнесено на счет сокрушительного удара судьбы, то раболепство перед собственными подонками является сознательно избранной низостью.

Раз уж я упомянул о римлянах, не скрою от вас того, что посреди речи заставило меня обратить мысли в этом направлении. Даже если мы и попадем в их руки (хотя я и не думаю, что это случится), нам не придется терпеть обращения хуже того, которому нас подвергают эти люди. Неужто что-либо мо-

жет уязвить нас более, нежели вид приношений, возлагаемых в Храме теми, кто снял их как добычу с убитых соотечественников, кто предал смерти всю знать столицы, умертвив мужей, которых не тронули бы даже римляне в час победы? Римляне никогда не преступали запретного для непосвященных предела, никогда не попирали ни одного из наших священных обрядов, с почтением взирая издали на стены святилища, тогда как люди, рожденные в этой стране, воспитанные в наших обычаях и называющие себя евреями, расхаживают посреди святыни, когда на руках их еще не остыла кровь соплеменников! И перед лицом всего этого неужто кто-либо может еще страшиться войны с чужеземцами, врагом гораздо более умеренным, нежели наши собственные соотечественники? Что ж, если приходится называть вещи своими именами, то, пожалуй, именно в римлянах можно найти защиту нашим законам, тогда как истинные их враги находятся здесь, в городе!

Однако, я думаю, вы собрались сюда уже убежденные в том, что эти заговорщики против нашей свободы являются подлинными чудовищами и что не существует такого наказания, которое бы равнялось всему содеянному ими, и еще до того, как я произнес эту мою речь, вы пылали на них гневом за все то, что они заставили вас претерпеть. Возможно, большинство из вас устрашено их численностью и дерзостью, равно как и преимуществом их расположения. Но все это – следствие вашего небрежения, и все время, пока вы мешкаете, положение будет еще более ухудшаться. В самом деле – их численность возрастает день ото дня, поскольку всякий подонок по своей природе стремится к себе подобным; их дерзость, не встречавшая до сих пор никакого противодействия, воспламеняется еще более; и конечно же, они извлекут выгоду из своего господствующего положения и укрепятся еще более, ежели мы дадим им на это время. Но можете быть уверены, что, если мы начнем против них наступление, они будут побеждены своей собственной нечистой совестью и разум сведет на нет их преимущество в расположении. Может быть, оскорбленный ими Бог обратит их снаряды против них самих, и нечестивцы погибнут от своего же оружия. Им довольно будет только увидеть нас, и с ними будет покончено! И даже если это и сопряжено с некоторой опасностью, что может быть прекраснее, чем смерть перед священными вратами и принесение своей жизни в жертву – пусть не за детей и жен, но за Бога и Его Храм. Я поведу вас за со-

бой своей мыслью и своей десницей, не упущу ничего, что может послужить вашей безопасности, и не пощажу ни капли из телесной силы, находящейся в моем распоряжении».

11. Этой речью Ханан поднял народ против зелотов. Он хорошо понимал, однако, что с ними – многочисленными, молодыми, бесстрашными, имеющими на своей совести такие преступления – справиться будет нелегко: ведь, не имея надежды на прощение, они непременно должны держаться до конца. Тем не менее он предпочитал вынести все что угодно, нежели оставить город в нынешнем ужасном положении. Народ со своей стороны требовал, чтобы он повел их против тех, кого обвинил, и каждый горел желанием сражаться в первых рядах.

12. Но пока Ханан записывал и выстраивал годных для сражения горожан, зелотам уже стало известно, что затевается в городе (ведь на собрании присутствовали осведомители, сообщавшие зелотам обо всем, что происходит). В ярости они все до одного бросились из Храма в город, разбившись на отряды, и предавали смерти всякого, кто встречался на их пути. Ханан быстро собрал войско горожан, численностью превосходившее зелотов, но значительно уступавшее им в вооружении и обученности. Воодушевление, однако, дополняло недостатки обеих сторон. И в самом деле, те, кто пришел из города, были вооружены яростью гораздо более сильной, чем само оружие, а те, кто пришел из Храма, – дерзостью, с которой не могла соперничать никакая численность; первые были убеждены, что, если не очистить город от разбойников, жить в нем более нельзя; зелоты же знали, что, если они не одержат победы, нет такого наказания, которому они не будут подвергнуты. Так, руководствуясь каждая своими страстями, обе стороны вступили в бой. Сначала они забрасывали друг друга камнями на улицах и перед Храмом и метали копья с большого расстояния; когда же одна из сторон отступала, победители пускали в ход мечи. Было много убитых с обеих сторон, число же раненых не поддавалось счету. Пострадавшие горожане доставлялись родственниками домой, раненые же зелоты поднимались в Храм, обагряя своей кровью священную землю. В самом деле, можно сказать, что одна только их кровь осквернила святилище!

В этих столкновениях неожиданные вылазки разбойников всегда увенчивались успехом. Однако горевшие воодушевлением и постоянно прибывавшие в числе горожане осыпали бранью всякого, кто склонялся к отступлению, а те, кто поворачи-

вал вспять, не были в состоянии продвинуться из-за напиравших сзади людей. Так они обратили все свои силы против противника, и те, не будучи более в состоянии выдерживать натиск, постепенно отступали в Храм, едва успевая отражать совместные удары людей Ханана. Потеря внешней стены повергла их в ужас, и они, укрывшись за внутренней стеной, тут же заперли за собой ворота. Ханан не хотел нападать на священные ворота, тем более что противник швырял сверху снаряды; кроме того, он считал нечестивым, даже если они и одержат победу, ввести в Храм неочищенную толпу. Потому он выбрал по жребию около шести тысяч вооруженных человек и поставил их охранять колоннады. Одни часовые сменялись другими, и все жители города должны были по очереди нести охрану, хотя многие из высокопоставленных горожан получили от властей разрешение нанимать более бедных сограждан, чтобы те несли стражу вместо них. Позднее, однако, все это войско было уничтожено по вине Йоханана, который, как уже рассказывалось, бежал в Иерусалим из Гуш-Халава.

13. Йоханан был человек необыкновенной хитрости, вынашивал в своей душе ненасытную страсть к единоличной власти и давно уже метил взять дела в городе в свои руки. Теперь он притворился сторонником горожан и повсюду сопровождал Ханана, он находился при нем и во время дневных советов с ведущими гражданами, и во время ночных обходов часовых, а потом выдавал все тайны зелотам. Итак, каждый рассматриваемый горожанами вопрос передавался их врагам даже еще до того, как принималось решение. Стараясь быть вне подозрений, Йоханан выказывал крайнее раболепие перед Хананом и предводителями горожан. Однако его старания возымели прямо противоположное действие: его нелепое подобострастие вызвало еще большие подозрения, а его обыкновение появляться повсюду без приглашения наталкивало на мысль, что он занимается соглядатайством. Ибо было уже очевидно, что неприятель осведомлен обо всем, а никто не возбуждал подозрения в том, что именно он является доносчиком, в такой степени, как Йоханан. Однако избавиться от него было нелегко: своими кознями он завоевал себе положение в городе, да и вообще был не тот человек, с которым можно было не считаться, так как он сумел заручиться множеством сторонников среди членов Высшего Совета (Синедриона). Потому было решено заставить его принести присягу в благонадежности.

Йоханан с готовностью присягнул, что будет хранить верность народу, не выдаст врагу ни действий, ни намерений и всеми силами души и тела будет содействовать уничтожению заговорщиков. Удовлетворившись этими клятвами, сторонники Ханана отбросили теперь все подозрения и стали приглашать его на свои советы. Более того, они даже поручили ему вести с зелотами переговоры о заключении мира, ибо заботились о том, чтобы те не осквернялиХрам и чтобы ни один еврей не пал в его пределах.

14. Однако Йоханан, как если бы он присягал на верность зелотам, а не против них, вошел в Храм и, встав посреди зелотов, объявил, что ради них он неоднократно подвергал свою жизнь опасности, желая поставить их в известность обо всех тайных мерах, предпринимаемых против них Хананом и его сторонниками. Сейчас же (так он сказал) все зелоты находятся перед лицом величайшей из опасностей, которая может быть предотвращена разве только благодаря божественному вмешательству; ибо Ханан более не бездействует: он убедил народ отправить посольство к Веспасиану и просить его немедленно явиться и завладеть городом, сам же назначил на завтра очистительный обряд лишь затем, чтобы его люди смогли получить доступ в Храм – либо под видом совершения обряда, либо силой – и затем напасть на зелотов. «Я не вижу, – сказал далее Йоханан, – каким образом вы сможете продержаться здесь длительное время или же устоять перед натиском такой толпы народа. Я уверен, что само божественное провидение устроило так, чтобы для ведения с вами переговоров был послан именно я, ибо Ханан предлагает вам мир лишь с тем, чтобы захватить вас врасплох. Итак, вам остается либо молить осаждающих о пощаде, либо заручиться какой-то помощью извне. Но тот, кто тешит себя надеждой на пощаду, должно быть, позабыл уже о своих прегрешениях или представляет себе, что жертвы тут же прощают своим обидчикам, если те выказывают раскаяние. На самом же деле даже само раскаяние преступников нередко вызывает ненависть, и гнев оскорбленных только усиливается от сознания того, что оскорбители находятся теперь в их власти. Родственники и друзья убитых ждут своего часа, а народ пребывает в таком негодовании из-за попрания законов и роспуска судов, что даже если некоторые среди них и сочувствуют вам, это сочувствие сходит на нет перед лицом разъяренного большинства».

IV

1. Таковы были вымыслы, которыми ему удалось устрашить всех без исключения зелотов. Он, правда, не отважился объяснить, что имеет в виду под «помощью извне», однако можно было понять, что он намекает на идумеян. Для того же, чтобы возбудить ярость среди предводителей зелотов, он наговорил им на Ханана, будто бы тот отличается свирепостью и все его угрозы направлены в первую очередь именно против них. Этими предводителями были Эльазар, сын Шимона, считавшийся среди них первым в удачных замыслах и искусстве осуществлять их, и Захария, сын Амфикала, оба из священнических родов. Когда эти двое, помимо общих угроз, услышали об угрозах, направленных против них лично, и когда им было сказано, что сторонники Ханана в своей решимости захватить власть в городе призывают римлян (еще одна ложь Йоханана), они совершенно растерялись и не знали, что предпринять, поскольку времени в их распоряжении оставалось очень мало. В самом деле, горожане вот-вот намеревались напасть на них, и быстрота, с которой этот замысел должен был быть приведен в исполнение, лишала их надежды на помощь извне, поскольку с ними было бы покончено еще до того, как кто-либо из союзников услышал бы о происходящем в городе. Тем не менее они решили призвать идумеян. Итак, они написали краткое письмо, в котором сообщалось, что Ханан обманул народ и предает столицу римлянам, что сами они восстали на защиту свободы и вследствие этого осаждены в Храме, что в ближайшее время решится их судьба и что, если идумеяне немедленно не придут им на помощь, сами они окажутся в руках Ханана, а город – в руках римлян. Остальные подробности вестники должны были сообщить главам идумеян устно. Для передачи письма выбрали двух человек, отличавшихся своей предприимчивостью, красноречием и способностью убеждать слушателей, но самое главное – отличных бегунов. Они были уверены в немедленном согласии идумеян, ибо идумеяне – народ беспокойный и не знающий порядка, всегда склонный к восстаниям и любящий перевороты, готовый от малейшей лести схватиться за оружие и броситься в сражение, словно на пир. Послание должно было быть доставлено как можно быстрее, вестники (оба носили имя Хананья) не нуждались в поощрении, и потому в скором времени они уже стояли перед предводителями идумеян.

2. Те были настолько поражены письмом и сообщениями посланников, что как безумные стали носиться по всей стране и собирать войско. Оно собралось даже прежде самого объявления о сборе, так как каждый взялся за оружие, чтобы защитить свободу столицы. Войско в 20 тысяч человек выступило в направлении Иерусалима под началом четырех полководцев – Йоханана и Яакова, сыновей Сосы, Шимона, сына Катлы, и Пинхаса, сына Клуцота.

3. Ни Ханан, ни часовые не видели, как вестники вышли из города, однако прибытие идумеян не могло остаться незамеченным. Вовремя узнав об этом, Ханан закрыл городские ворота и выставил на стенах часовых; однако, совершенно не желая развязать войну с идумеянами, он решил прежде оружия прибегнуть к убеждению. Потому старейший после Ханана первосвященник Иехошуа, поднявшись на башню, перед которой стояли идумеяне, обратился к ним со следующими словами:

«Много различных потрясений терзает этот город, однако ни одна из превратностей судьбы не поразила меня так, как то, что эти негодяи получили поддержку от столь неожиданных союзников. Ведь вы явились сюда защищать от нас этих злодеев из злодеев с большей, пожалуй, готовностью, чем даже в том случае, если бы столица призвала вас противостоять нападению чужеземцев. Но если бы я видел хоть какое-нибудь сходство между вами и призвавшими вас, то ваше одушевление не казалось бы мне столь бессмысленным – ибо не существует уз более сильных, нежели общность нравов. Однако ежели мы примемся исследовать по очереди каждого из них, то не окажется ни одного, кто не был бы найден тысячекратно заслуживающим смерти. Отребье, подонки со всей страны, они расточили свое собственное имущество, затем обрушили свое безумие на окружающие города и селения и, наконец, незаметно просочились в священный город. И столь неслыханно безбожны эти разбойники, что осквернили даже заповедную землю, – вы можете видеть в это самое время, как они предаются бесстыдному пьянству в святилище, расточая награбленное ими у их жертв добро и удовлетворяя свои ненасытные желудки! Да, присутствие здесь вашего несметного войска с его образцовым порядком было бы оправданно, если бы с общего согласия столица пригласила вас в качестве союзников в борьбе против внешнего врага. Но чем, если не насмешкой судьбы, объяснить,

что целый народ берется за оружие, дабы выступить на защиту отъявленных негодяев?

Я давно уже спрашиваю себя, какая причина могла заставить вас выступить столь внезапно, – ведь не может быть, чтобы вы без веской причины вооружились с головы до пят и вышли на помощь разбойникам против собственных соплеменников. Когда мы слышим, как вы упоминаете Рим и измену (ведь именно об этом кричали только что некоторые из вас и еще о том, что вы явились, чтобы защитить свободу столицы), то ни одна из дерзостей этих нечестивцев не поражает нас, как это лживое измышление. В самом деле, ведь того, кто по природе свободолюбив и потому более всего готов к борьбе с внешним врагом, невозможно было настроить против нас никаким иным образом, кроме как измыслив, что мы предаем столь любимую им свободу. Однако поразмыслите над тем, кто клеветники и кто оклеветанные, и на основании положения дел, а не пустых измышлений придите к выводу о том, где истина. И в самом деле, что может заставить нас, столь уже претерпевших, перекинуться к римлянам именно сейчас? Тогда уж нам не следовало восставать с самого начала или, восстав, поскорее сдаться в то время, пока еще вся страна не подверглась разорению. Сейчас же нам, даже если бы мы и стремились к этому, нелегко было бы прийти к соглашению с римлянами, презирающими нас за потерю нами Галилеи, не говоря уж о том, что раболепствовать перед римлянами теперь, когда они находятся у самого нашего порога, было бы позорнее самой смерти. Что до меня самого, то я бы предпочел смерти мир, однако теперь, когда война уже в самом разгаре, я ставлю славную гибель выше жизни в рабстве.

И что же они говорят? Что мы, предводители народа, тайно послали к римлянам, или же что народ, проголосовав, уполномочил нас сделать это? Если они обвиняют только нас, то пусть назовут имена посланных нами к римлянам друзей, пусть назовут имена домашних, оказавших нам эту услугу! Разве видели, как кто-либо отправляется к римлянам? Или кто-то был схвачен на обратном пути? Они могут представить письма, уличающие нас в предательстве? И как нам удалось скрыть свои тайные приготовления от множества горожан, с которыми мы общаемся в течение целого дня, но не утаить их перед горсткой людей, осажденных в Храме и не имеющих возможности выйти в город? Почему им стало известно обо

всем именно сейчас, когда для них пробил час расплаты за совершенные преступления? В самом деле, до тех пор, пока у них не было оснований бояться за себя, никто из нас не подозревался в предательстве! Если же, с другой стороны, они обвиняют народ, то ведь решение принималось открыто, не так ли? Все до одного присутствовали на собрании, так что еще до получения вами доноса слухи о принятом решении должны были без всяких затруднений дойти до вас. Так что же? Неужто ж народ, проголосовав в пользу мира, не отправил посольства? И кто же был избран? Пусть они назовут имена! Но все дело в том, что все это – не более чем уловка тех, кто в страхе перед смертью пытается отвратить надвигающуюся кару. Наконец, если городу и суждено быть преданным, то решиться на это могли бы только люди, клевещущие на нас, ибо в длинном списке их злодеяний не хватает только одного – измены.

Ныне же, коль скоро вы уже вооружены и находитесь здесь, первейший ваш долг – выступить на защиту столицы и помочь нам расправиться с тиранами, уничтожившими суды, поправшими законы и вершащими суд своими собственными мечами. Без всякого обвинения знатные граждане были схвачены ими посреди города, брошены в тюрьму и подвергнуты пыткам и, несмотря на мольбы и крики, умерщвлены. Вы можете войти – но не по закону войны – и собственными глазами убедиться в справедливости моих слов: увидите дома, опустошенные их грабежами, облаченных в черное жен и детей убитых, услышите стенания и плач в каждом уголке города, ибо нет здесь никого, кто не испытал на себе неистовство этих нечестивцев. Однако они погрузились в такую пучину безумия, что привели свой нечестивый разбой не только из городов и селений страны в самое сердце всего народа, но и из Иерусалима – в Храм. Они сделали святилище своей ставкой, крепостью и складом, они готовили здесь вылазки против нас! И вот место, благоговейно чтимое всем миром, даже в дальних пределах земли уважаемое всяким, кто только слыхал о нем, попирается хищниками, взращенными в нашей собственной стране. В своем отчаянном положении они натравливают сейчас область на область, город на город, подбивают народ ополчиться против собственного своего сердца. И потому прекраснейшим и подобающим для вас деянием будет, как я уже сказал, помочь расправиться со злодеями, тем самым наказав их за то,

что они ввели вас в обман и осмелились призвать в качестве союзников тех, кого им следовало бы опасаться как мстителей.

Если же вы все-таки не решаетесь пренебречь призывами таких людей, вы все же можете, сложив оружие, вступить в город по праву соплеменников и, не считая себя союзниками или врагами, стать для нас судьями. Подумайте о том, сколь выиграют они, те, кто не дал сказать и слова в свою защиту людям, взятым без всякого обвинения, если вы будете разбирать их признанные всеми и столь чудовищные преступления. Итак, дайте им пожать плоды вашего прибытия! Если же вы все-таки не разделяете нашего негодования и не желаете быть их судьями, есть еще одна возможность: не становитесь ни на чью сторону, не умножайте наших несчастий, не поддерживайте тех, кто желает погубить столицу. Если же вы все-таки подозреваете, что мы ведем переговоры с римлянами, вы можете держать под наблюдением все входы и выходы, и, если хотя бы одно из этих лживых обвинений подтвердится, тогда вы сможете войти, занять город и наказать тех, чья вина будет доказана. Ведь, поскольку вы находитесь в такой близости от города, неприятель не сможет опередить вас. Однако если ни одно из наших предложений не кажется вам умеренным и благоразумным, не удивляйтесь тому, что ворота города будут закрыты перед вами до тех пор, пока вы держите в руках оружие».

4. Однако речь Йехошуа не произвела на идумеян никакого впечатления. Рядовые воины были в ярости от того, что их тут же не впустили в город, а полководцы пришли в негодование от предложения сложить оружие, ибо считали его равнозначным предложению сдаться в плен. Наконец, с трудом успокоив своих людей, Шимон, сын Катлы, один из их вождей, поднялся на место, откуда первосвященники могли хорошо его слышать, и сказал следующее:

«Нет более ничего удивительного в том, что приверженцы свободы осаждены в Храме, если ворота города, принадлежащего нам всем, заперты перед нашим народом людьми, готовящимися принять римлян и даже, может быть, увенчать ради них ворота города венками. И те же самые люди беседуют с идумеянами с башен и приказывают им сложить оружие, поднятое в защиту свободы! И вы, не доверяющие защиту столицы собственным соплеменникам, еще ожидаете, что мы рассудим ваши разногласия? Вы обвиняете других в казнях без суда, но кто, как не вы сами, присудил целый народ к позору?

Ворота этого города всегда были широко открыты перед всяким иноземцем, приходящим сюда для богослужения, а сегодня вы закрыли их перед собственными братьями! Да, конечно, мы примчались сюда лишь затем, чтобы учинить резню, мы спешили развязать братоубийственную войну – мы, которые пришли сюда, чтобы спасти вашу свободу! Я не сомневаюсь, что те, кого вы сейчас осаждаете, нанесли вам точно такое же оскорбление, что вы собрали против них столь же убедительные обвинения. И теперь, когда вы осадили внутри города тех, кто заботится об общем благополучии, когда вы закрыли ворота перед народом, связанным с вами теснейшими узами, и отдаете ему столь оскорбительные приказания, теперь вы еще смеете жаловаться, что находитесь во власти тиранов, и обвиняете в стремлении к захвату власти жертв вашей собственной тирании. Как можно снести ваше притворство, видя, что слова противоречат действительности? Или, быть может, это идумеяне не пускают вас в столицу, не допускают к отеческим святыням? В самом деле, осажденные в Храме заслуживают порицания. Хотя у них и достало мужества покарать предателей, тех самых, которых вы, из-за своей близости к ним, называете «знатными мужами, пятыми безо всякого обвинения», они не начали с вас и не отсекли заблаговременно наиболее жизненные органы этого предательского заговора. Но если нужда и заставила их проявить слабость, мы, идумеяне, защитим обиталище Бога и выступим на борьбу за нашу общую родину, оградив ее как от внешнего, так и от внутреннего врага. При полном вооружении мы будем оставаться здесь, перед стенами города, до тех пор, пока римляне не устанут возиться с вами или же вы сами не раскаетесь и не перейдете на сторону свободы».

5. Идумеяне встретили эту речь громогласным одобрением, Йехошуа же удалился в отчаянии, что их укротить невозможно и что враги угрожают теперь городу с обеих сторон. Однако и идумеяне не были спокойны: они разъярились оттого, что их силой не пустили в город, а то, что зелоты, которые, как казалось, были в сильном положении, не оказывали им никакой помощи, привело идумеян в такое смущение, что многие из них уже раскаивались в том, что пришли. Однако позор безрезультатного возвращения был сильнее сожалений, и потому они продолжали оставаться на том же месте перед стеной, с большим неудобством расположившись под открытым небом. Но ночью разразилась невиданная буря: свирепствовал ураган,

дождь лил потоками, беспрестанно сверкали молнии и удары грома были столь устрашающи, что земля сотрясалась от гула. Это потрясение всего порядка вещей совершенно определенно предвещало гибель людям, и никто не сомневался, что все это – знамения беды.

6. Идумеяне и горожане думали об одном и том же: идумеяне чувствовали, что Бог гневается на них за их поход и что они не избегнут кары, подняв оружие против столицы, Ханан же и его люди были убеждены, что победили без боя и Бог ведет войну вместо них. Однако это истолкование оказалось далеко от истины: они предсказывали врагам участь, которая должна была постигнуть их самих.

Итак, идумеяне, сбившись в кучу, согревали друг друга теплом своих тел и, сомкнув щиты над головой, пытались защититься от потоков дождя. В это самое время зелоты, беспокоясь о них больше, чем о своей собственной судьбе, собрались, чтобы обсудить, можно ли как-нибудь им помочь. Горячие головы настаивали на том, чтобы силой пробиться через ряды охраны, ворваться в город и у всех на глазах открыть ворота перед союзниками: неожиданность нападения, говорили они, повергнет в растерянность часовых и заставит их отступить, тем более что многие из них без оружия и не имеют военного опыта, войску же горожан будет нелегко собраться, потому что все они сидят по домам, укрываясь от бури; если же это и сопряжено с опасностью, то долг зелотов – пойти на все, лишь бы не быть безучастными свидетелями того, как такое огромное войско гибнет из-за них столь жалким образом. С другой стороны, более благоразумные возражали против применения силы, указывая на многочисленность охраны и на то, что из-за прихода идумеян город тщательно охранялся; они также полагали, что Ханан присутствует повсюду и ежечасно совершает обход часовых. И в самом деле, в другие ночи дело обстояло именно так, однако в эту самую ночь все было иначе – и не из-за беспечности со стороны Ханана, но потому, что судьба предопределила гибель ему и всей его страже. Именно она на исходе ночи и в самый разгар бури навела сон на охранявших колоннаду часовых и надоумила зелотов взять из Храма пилы и перепилить засовы на воротах, тогда как рев ветра и непрестанные громовые раскаты заглушали шум их работы.

7. Итак, они потихоньку выбрались из Храма и подошли к стене, где, пустив в ход те же самые пилы, отворили ворота пе-

ред идумеянами. Сначала, думая, что на них напали Ханан и его люди, те в испуге схватились за оружие, однако очень скоро признали зелотов и вошли в город. Ярость их была такова, что, поверни они в город, ничто не спасло бы от гибели всех жителей, однако они спешили прежде всего снять осаду с зелотов, ибо впустившие их умоляли не забывать, что те, на помощь кому они прибыли, находятся в отчаянном положении, да и сами они могут оказаться в немалой опасности. Ведь после снятия охраны Храма идумеянам легче будет напасть на город, если же они направятся туда немедленно, то горожане, узнав о случившемся, соберут войско и отрежут все подступы к Храму.

V

1. Убежденные этими доводами идумеяне, пройдя городом, поднялись к Храму, где мучимые неизвестностью зелоты с нетерпением ожидали их прибытия. Когда идумеяне появились внутри Храма, зелоты, воспрянув духом, вышли за внутреннюю стену и вместе с идумеянами напали на часовых. Некоторые из находившихся впереди были заколоты еще спящими, однако крики проснувшихся подняли на ноги всю охрану, и, схватившись за оружие, те, еще совершенно растерянные, бросились отражать нападение. Сначала, думая, что им противостоят одни только зелоты, они, полагаясь на свой численный перевес, были полны уверенности в себе, но при виде подкрепления, прибывающего к зелотам извне, поняли, что в город вторглись идумеяне. Тогда, потеряв надежду, большинство бросило оружие и предалось стенаниям, и только некоторые из молодежи остались при оружии и стойко выдерживали натиск идумеян, долгое время прикрывая собой более слабых.

Криками они давали знать людям в городе о своем отчаянном положении. Однако когда стало известно о вторжении в город идумеян, никто не осмелился прийти на помощь, горожане лишь откликались бесполезными криками и стонами, да повсюду раздавался громкий плач женщин, близкие которых находились среди охраны. Одновременно зелоты и идумеяне издавали боевой клич, а буря делала доносившийся со всех сторон шум еще более устрашающим.

Дикие и кровожадные от природы, идумеяне не щадили никого и, жестоко пострадав от бури, вымещали свою ярость

на тех, кто не пустил их в город. Они не делали различия между умолявшими их о пощаде и упорствующими в защите и пронзали мечами многих, напоминавших им об узах крови или заклинавших не осквернять общий для них Храм. Не было ни пути к бегству, ни надежды на спасение – все оттеснены в одно место и отрезаны, отступать некуда, и убийцы следуют по пятам. В этом безвыходном положении, теснимое врагами, большинство бросалось с кручи вниз в город, избрав, как мне кажется, участь еще более достойную жалости, нежели та, которой они избежали. Весь Внешний Храм был затоплен кровью, и солнце, взойдя, осветило 8500 трупов.

2. Однако идумеяне еще не насытили своей ярости: теперь они принялись за город, грабя каждый дом и убивая всякого, кто попадался на пути. Затем, решив, что не имеет смысла расточать силы на простой народ, они обратились на поиски первосвященников, ибо более всего стремились выместить свой гнев именно на них. Первосвященники были скоро схвачены и убиты, причем, стоя над их трупами, идумеяне еще и насмехались над Хананом за его преданность народу и над Йехошуа за его речь со стены. И они до такой степени преступили все правила благочестия, что бросили мертвые тела непогребенными – и это несмотря на то, что евреи придают такое значение погребению мертвых: даже приговоренный к казни через распятие должен быть снят с креста и погребен до захода солнца.

Мне думается, я буду недалек от истины, если скажу, что падение города началось со смертью Ханана и отсчет разрушения стены и всеобщего крушения евреев должно вести с того самого дня, когда народ увидел своего первосвященника, вождя и спасителя умерщвляемым посреди города. Ибо Ханан поистине был мужем, достойным почитания во всех отношениях, но в первую очередь – за свою приверженность справедливости. Будучи вознесен столь высоко благодаря своему происхождению, положению и славе, он даже с последним из бедняков обращался как с равным себе. Безмерно любивший свободу, страстный приверженец народоправия, он всегда ставил общую пользу выше собственной выгоды и более всего стремился к сохранению мира, ибо знал, что Рим непобедим. Однако под воздействием необходимости он тщательно предусмотрел и все военные дела, чтобы евреи, если не примирятся с римлянами, были в состоянии вести успешную войну. Короче говоря, если бы Ханан был жив, война с Римом непременно завершилась бы

примирением: непревзойденный оратор, он всегда умел склонить народ на свою сторону – да он уже и заставил замолчать всех своих противников. Если же все-таки пришлось бы воевать, то под началом такого человека евреи доставили бы немало хлопот римлянам.

Его напарником был Йехошуа, быть может и проигрывавший в сравнении с ним, однако значительно возвышавшийся над всеми остальными. Однако я думаю, что сам Бог приговорил осквернённый город к гибели и пожелал очистить святилище огнем, а потому отсек тех, кто прилепился к городу и святилищу всем сердцем и так сильно любил их. Вот так те, кто незадолго до того был облачен в священные одеяния, совершал славящееся по всему миру богослужение и почитался пришельцами со всех концов земли, на глазах у всех были брошены обнаженными на растерзание псам и хищникам. Я думаю, сама Добродетель оплакивала этих мужей, сетуя о своем поражении от рук Порока. Таков был конец Ханана и Йехошуа.

3. Покончив с этими двумя, зелоты и полчища идумеян набросились на жителей города и стали избивать их, словно стадо нечистых животных. Большинство убили прямо на месте, однако молодые люди знатного происхождения были в оковах помещены под стражу – их казнь отложили в надежде на то, что некоторые захотят перейти на сторону зелотов. Однако никто не пошел на это, и все предпочли смерть тому, чтобы выступить вместе с негодяями против своей родины. За этот отказ они заплатили ужасную цену: были подвергнуты бичеванию и пытке на дыбе, и только когда их тела не могли уже выносить новых мучений, их сочли достойными смерти от меча. С теми, кто был взят утром, было покончено в течение ночи, и их тела выволокли наружу, чтобы очистить место для новых узников. Люди до такой степени были поражены страхом, что никто не осмеливался ни открыто оплакивать убитого родственника, ни предать погребению его тело. Все прятали слезы за запертыми дверями и не испускали даже стона, не удостоверившись прежде, что никто из врагов не может подслушать их, ибо оплакивающий немедленно подвергался той же участи, что и оплакиваемый. Ночью они брали в руки немного пепла и посыпали тела, а некоторые смельчаки делали это и днем. Таким образом нашли свою смерть 12 тысяч благородных юношей.

4. Зелоты же, исполнившись в конце концов отвращения к неприкрытым убийствам, создали видимость судебного раз-

бирательства. Они поставили себе целью уничтожить одного из виднейших граждан, Захарию, сына Баруха, раздражавшего их своей безграничной ненавистью к пороку и любовью к свободе. Он был, кроме того, еще и богат, так что они надеялись и избавиться от человека, способного погубить их, и заодно разграбить его имущество. Итак, они приказом собрали в Храме 70 граждан, обладающих правом вершить суд, и, словно на сцене, сделали их судьями без всякой власти. Они выдвинули против Захарии обвинение в попытке передать дела в городе в руки римлян и в том, что он послал Веспасиану письмо с предложением измены. Ни единой улики и ни единого свидетельства не было выдвинуто в подтверждение обвинения, однако они заявили, что сами совершенно убеждены в виновности, а это вполне может считаться подтверждением истинности обвинений.

Захария понял, что судьба его предрешена, что его заманили не на суд, а в тюрьму. Однако верная смерть не сделала его менее свободоречивым – он поднялся и, осыпав насмешками неправдоподобие приписываемых ему преступлений, в нескольких словах разбил обвинения. Затем он обратился против обвинителей и перечислил одно за другим все их беззакония, горько сетуя на причиненное ими всеобщее разрушение. Гул негодования поднялся среди зелотов, они едва сдерживались, чтобы не пустить в ход мечи, но все же предпочли продолжить игру и довести до конца это поддельное разбирательство, тем более что желали испытать, способны ли судьи ради справедливости подвергнуть опасности собственные жизни. Однако семьдесят признали подсудимого невиновным, предпочтя погибнуть вместе с ним, нежели взять на себя ответственность за убийство. Зелоты встретили оправдательный приговор криками недовольства: все они негодовали на судей, ведь те не поняли, что возложенные на них полномочия – не более чем игра. Двое из наиболее дерзких набросились на Захарию и умертвили его посреди Храма, а когда он упал, сказали, издеваясь: «Сейчас ты получил также и наш приговор и теперь-то уж наверняка освобожден». С этими словами они сбросили его тело в ущелье, что под Храмом. Затем они, глумясь над судьями, избили их рукоятками мечей и вытолкали из храмовых пределов, воздержавшись от их убийства только затем, чтобы те разнесли по всему городу весть о рабстве.

5. Идумеяне уже раскаивались в том, что пришли, и тяготились происходящим в городе. Один из зелотов, тайно явившись к ним, созвал их на сходку, где указал им на все беззакония, совершенные ими совместно с призвавшими их, и перечислил нанесенный ими столице ущерб. «Вы явились сюда, – сказал он, – думая, что первосвященники предают столицу римлянам. Однако не свидетельства измены нашли вы здесь, но притворных защитников города, рвущихся к войне и тирании. Вам следовало с самого начала остановить их, но если уж вы однажды столь опрометчиво вступили в союз для пролития братской крови, то должны по крайней мере теперь отдать себе отчет в своих ошибках и перестать содействовать разрушителям отеческих обычаев. Если же кто-то из вас все еще негодует, что перед вами закрыли ворота и не дали беспрепятственно войти в город с оружием, то разве виновные не расплатились уже за это? Ханан мертв, и за одну ночь умерщвлены едва ли не все жители города. Эти события вызвали во многих из вас раскаяние, однако призвавшие вас продолжают проявлять безграничную свирепость, нимало не считаясь с мнением своих спасителей. На глазах у союзников они осмеливаются совершать нижайшие из гнусностей, и до тех пор, пока кто-либо из вас не остановит их или не отмежуется от их деяний, все их беззакония будут ставиться в вину вам, идумеянам. Итак, поскольку обвинение в измене оказалось клеветой и прихода римлян не предвидится, в городе же утвердилась тирания, которую невозможно свергнуть, вам следует возвратиться домой и прекратить союз с этими негодяями – тем самым вы снимаете с себя вину за все те преступления, в которых, будучи введены в заблуждение, приняли участие».

VI

1. Убежденные этой речью, идумеяне сначала освободили из тюрьмы около двух тысяч горожан (все они немедленно покинули город и перебежали к Шимону, о котором речь пойдет немного позже), а затем отошли от Иерусалима и возвратились домой. Их уход имел для обеих сторон непредвиденные последствия: горожане, не подозревавшие об их раскаянии, несколько приободрились, как если бы избавились от врагов, зе-

лоты же еще более обнаглели, как если бы не были оставлены союзниками, но избавились от недоброжелателей, мешавших им в беззакониях. И в самом деле, теперь их бесчинства не сопровождались уже никакими колебаниями или размышлениями, они принимали решения с молниеносной быстротой и еще быстрее приводили их в действие. Мужество и благородство были главными жертвами, они уничтожали первое из них завистью, а второе – страхом, ибо понимали, что вся их безопасность держится на том, чтобы в городе не осталось ни одного сколько-нибудь заметного человека.

Наряду с многими другими они умертвили и Гуриона, человека, славного своим именем и происхождением. Гурион был сторонник народоправления и свободолюбив, как никто другой из евреев: многие его достоинства были причиной гибели, но в первую очередь – свободоречие. Их рук не избежал даже Нигер Переянин, более всех отличившийся в походах против римлян, – и его, громко кричащего и указывающего на свои шрамы, протащили посреди города. Когда его выволокли за ворота, он потерял надежду на спасение и стал умолять их о погребении. Однако они сначала дали ему понять, что он не будет предан столь желанной ему земле, а затем умертвили его. Умирая, Нигер призвал на их головы месть Рима, голод, чуму и войну и, сверх всего, борьбу друг с другом не на жизнь, а на смерть. И все это Бог свершил над нечестивцами, и не было ничего справедливее этой кары, ибо в скором времени им предстояло вкусить от собственного безумия.

Со смертью Нигера их страх перед свержением уменьшился, и не осталось такой части народа, для истребления которой они не изобрели бы предлога. Те, кто когда-либо был с ними в ссоре, давно уже пали жертвой, против тех же, кто никогда не сталкивался с ними в мирное время, были выдвинуты подходящие к каждому случаю обвинения: если человек никогда не приближался к ним, он обвинялся в высокомерии, если приближался и вел откровенные речи – в непочтении, если льстил – в заговоре. Самые серьезные и самые незначительные обвинения одинаково карались смертью, которой не мог избежать никто, за исключением людей совсем незначительных вследствие низкого происхождения или бедности.

2. Римские военачальники рассматривали междоусобицу в стане врага как дар, посланный им самим небом, и рвались выступить на Иерусалим. Они подступили к Веспасиану и проси-

ли его, как командующего всеми силами, не терять времени. Само божественное провидение, говорили они, встало на их сторону и натравило их врагов друг на друга; однако обстоятельства могут измениться, и евреи, как вследствие усталости от междоусобных распрей, так и из-за перемены в образе мыслей, могут вскорости снова прийти к согласию. Однако Веспасиан ответил им, что они заблуждаются относительно того, что следует делать, словно в театре, принимают воинственный вид и алчут небезопасного предприятия, совершенно пренебрегая соображениями безопасности и пользы. «Если, – сказал он им, – двинемся на город сейчас, только принудим врагов к согласию и будем вынуждены противостоять их объединенным силам. Если же будем выжидать, то благодаря внутренним раздорам число наших врагов сократится. Поэтому лучше препоручить командование Богу, который передает нам евреев без всяких усилий с нашей стороны и вручает победу без всякой опасности для войска. Пусть наши враги гибнут пока от собственных рук, уничтожая себя в величайшей междоусобице, мы же, словно зрители, понаблюдаем за этой опасной борьбой издалека и не будем связываться с теми, кто запутался во взаимных убийствах.

Если же кто-нибудь думает, что победа без борьбы лишит нас славы, пусть поймет, что бескровный успех гораздо выгоднее чреватого опасностями сражения, не говоря уж о том, что тот, кто добивается победы благодаря самообладанию и разуму, достоин славы ничуть не менее, чем отличившиеся в сражении бойцы. Кроме того, я хочу вам напомнить, что в то время, как неприятель с каждым днем убывает в числе, наше войско оправляется от перенесенных трудов и набирается все новых сил. Наконец, сейчас неподходящее время для того, чтобы устремиться в погоню за победным венцом, ибо евреи не заняты ни укреплением стана, ни изготовлением оружия, ни набором подкрепления – случаи, в которых отсрочка обратилась бы против допустивших ее, – но пожирают друг друга в раздоре и гражданской войне, неся изо дня в день потери большие, чем могли бы нанести им даже мы, римляне, если бы наши войска заняли город. И если мы считаемся с собственной безопасностью, то нужно позволить им и далее уничтожать друг друга, если же мы заботимся о славе, то тем более не следует нападать на пораженный болезнью город, ибо всякий справедливо скажет, что своей победой мы обязаны не себе самим, но междоусобице среди врагов».

3. Военачальники согласились с доводами Веспасиана, и действительность очень скоро подтвердила правильность его соображений. Каждый день в римский лагерь прибывали перебежчики, спасшиеся от рук зелотов. Бежать из города было очень трудно, так как все выходы тщательно охранялись и с каждым, кого заставали поблизости от римлян, чтобы он там ни делал, расправлялись как с перебежчиком. Однако если человек платил деньги, ему давали уйти, так что изменником был только тот, кто не мог заплатить, – богатые покупали бегство, и только бедные умерщвлялись. Вдоль всех больших дорог громоздились груды мертвых тел, и многие, кто прежде подумывал о бегстве, предпочли гибель внутри городских стен, поскольку надежда на погребение делала смерть в городе меньшим из зол. Однако зелоты дошли в своей дикости до того, что не позволяли предавать земле ни убитых на дорогах, ни тех, кто был казнен в самом городе. Словно бы договорившись между собой разрушить законы отечества и самой природы и вместе с преступлениями против людей осквернить даже самого Бога, они оставляли мертвые тела разлагаться под открытым небом. Те, кто хоронил родственников, карались, как и перебежчики, смертью, так что каждый, кто предавал погребению другого, в скором времени нуждался в нем сам. Короче говоря, ни одно из человеческих чувств не истребилось среди ужасов того времени до такой степени, как сострадание, ибо как раз то, что заслуживало сострадания, распаляло более всего преступников, переносивших свою ярость с живых на убитых и с мертвых опять на живых.

Пораженные ужасом, живые завидовали покою умерших, а те, кого истязали в тюрьмах, заявляли, что в сравнении с ними даже непогребенные могут считаться счастливцами. Все человеческие установления были попраны, Божьи законы подверглись осмеянию, над предсказаниями пророков издевались словно над измышлениями мошенников. Ибо пророками было многое сказано о законах добродетели и порока, преступив которые зелоты исполнили их предсказание о гибели отечества. Ведь по старинному слову боговдохновенных мужей, когда город будет поражен междоусобной борьбой и руки евреев первыми осквернят священные пределы Бога, город будет взят и Святая Святых предана огню по обычаям войны. Зелоты, не подвергавшие сомнению истинность этого предсказания, превратили себя самих в орудия его осуществления.

VII

1. К тому времени Йоханан, который не был удовлетворен своим положением равного среди равных и стремился к единоличной власти, понемногу окружил себя приверженцами худшего разбора и перестал считаться с остальными заговорщиками. Он и раньше не обращал никакого внимания на их распоряжения, теперь же, подобно правителю, стал издавать свои собственные, сделав совершенно очевидным, что его целью является единоличное правление. Одни уступали ему путь из страха, другие потому, что действительно были расположены к нему (ведь он был непревзойден в искусстве вести за собой людей хитростью или обманом), большинство же считало, что для них самих безопаснее, если вина за все уже совершенные преступления будет возложена на одного, а не на многих. Итак, пуская в ход то голову, то руки, он уже окружил себя немалым числом телохранителей.

Вместе с тем он был оставлен значительной группой противников, отчасти подвигнутых на это завистью и нежеланием находиться в подчинении у того, кто раньше был равен им, но более всего из опасения перед единоличным правлением. Ведь после того, как он захватит власть, свергнуть его будет уже нелегко и он безусловно найдет способ расправиться с теми, кто противостоял ему с самого начала, и потому каждый предпочитал претерпеть что угодно на войне, нежели добровольно подчиниться и умереть смертью раба. Итак, они раскололи лагерь мятежников, однако Йоханан правил, несмотря на сопротивление. Впрочем, обе стороны вели себя с осторожностью и дело почти никогда не доходило до вооруженного столкновения: вся борьба шла за счет народа, и они соревновались, кто принесет больше добычи.

Сейчас, когда терзаемый бурями город был отдан на произвол трех величайших несчастий – войны, тирании и междоусобицы, граждане чувствовали, что в сравнении с остальными двумя война была меньшим из зол. Не останавливаясь ни перед чем, они бежали от соотечественников и искали пристанище среди чужеземцев, обретая в лагере римлян ту безопасность, которую отчаялись найти в родном городе.

2. Однако на них надвигалось четвертое несчастье, призванное окончательно погубить народ.

Неподалеку от Иерусалима расположена неприступная крепость, построенная в старину царями, чтобы в ненадежное

военное время хранить сокровища и скрываться самим. Крепость называлась Масада и находилась в руках так называемых сикариев. До сих пор сикарии ограничивались лишь набегами на близлежащие области с целью обеспечить себя припасами, и страх удерживал их от более крупных грабежей. Но когда им стало известно, что римское войско стоит на месте, а евреи в Иерусалиме раздираемы междоусобной борьбой и местной тиранией, они стали пускаться и на более крупные предприятия. Во время праздника Опресноков (отмечаемого евреями как день спасения с тех самых пор, как они бежали из египетского рабства и пришли в землю отцов) сикарии, проскользнув незаметно мимо тех, кто мог им помешать, совершили ночной набег на городок под названием Эйн-Геди. Те, кто мог оказать сопротивление, были рассеяны и выброшены из города еще до того, как успели взяться за оружие и собраться; те же, кто не смог бежать, женщины и дети, числом более семисот, – вырезаны. Затем они очистили дома и все собранное зерно отправили в Масаду. Так они грабили все деревни вокруг крепости и опустошали всю область, и число их с каждым днем возрастало благодаря притоку новых людей со всех концов страны.

В других областях Иудеи точно так же поднял голову до того дремавший разбой, и как в теле при воспалении главного органа заражаются все остальные, так и здесь, когда в столице стали свирепствовать междоусобица и беспорядки, негодяи по всей стране беспрепятственно предались разбою. После опустошения собственных селений они удалялись в пустыню и там объединяли свои силы и образовывали отряды – меньшие, чем войско, но более крупные, чем просто вооруженная шайка, – которые совершали налеты на храмы и города. Те, кто подвергался их нападениям, страдали не меньше, чем если бы были захвачены войском неприятеля, и не были в состоянии отразить удар, ведь налетчики, подобно всем разбойникам, убирались сразу же после того, как получали, что хотели. Короче говоря, не было в Иудее уголка, который не влекся бы к гибели вслед за столицей.

3. Все это Веспасиан узнавал от перебежчиков. Ведь хотя мятежники и охраняли все выходы и убивали всякого, кто приближался к выходам по какой бы то ни было причине, все же были и такие, которым удавалось ускользнуть и перебежать к римлянам. Здесь они умоляли главнокомандующего защитить город и спасти остатки народа, поскольку из-за расположения

к Риму многие уже лишились жизни, а жизнь остальных находится в опасности. Тронутый их несчастьями, Веспасиан поднял войска – по видимости затем, чтобы осадить Иерусалим, но на самом деле с намерением оттянуть осаду. Ведь сначала он должен был покорить неусмиренные места, чтобы не оставить за пределами Иерусалима ничего, что могло бы помешать осаде. Потому он выступил на Гдор, хорошо укрепленную столицу Переи, и вошел в город в 4-й день месяца Дистра.

Дело в том, что знатным людям Гдора удалось втайне от мятежников выслать к Веспасиану посольство с предложением сдать город: они стремились к миру и боялись за свое имущество, так как многие гдоряне были богатыми людьми. Их противники ничего не знали о посольстве, а когда узнали – Веспасиан был уже рядом. Мятежники отказались от мысли удержать Гдор – как из-за множества врагов в самом городе, так и ввиду приближения римского войска – и решили бежать. Однако они не хотели бежать, не совершив кровопролития и не отомстив тем, кто был причиной такого оборота событий. Потому они схватили Долеса – по рождению и по имени первого человека в городе, считавшегося инициатором посольства, – убили его, в ярости набросились на мертвое тело и обезобразили его и лишь тогда бежали из города. Тут подошло римское войско. Народ Гдора встретил Веспасиана славословиями и получил от него ручательства защиты и гарнизон из всадников и пехоты, чтобы отражать налеты беженцев. Они снесли стены города еще до того, как римляне потребовали сделать это, чтобы самая невозможность их участия в войне, даже если бы они того и пожелали, послужила ручательством миролюбия.

4. В погоню за теми, кто бежал из Гдора, Веспасиан послал Плацида с пятьюстами всадниками и тремя тысячами пехоты, сам же с остальным войском возвратился в Кесарию. Когда беглецы неожиданно увидели преследующих их всадников, они, прежде чем вступить в сражение, ворвались в селение под названием Бет-Нимра, где нашли много молодых людей, которых, кого по доброй воле, а кого и насильно, заставили взяться за оружие. Затем они с полным безрассудством бросились из деревни, чтобы встретить отряд Плацида. При первом натиске люди Плацида, замышлявшие отвлечь неприятеля подальше от стен, немного отступили, когда же им удалось заманить мятежников в удобное для себя место, они окружили их и разбили наголову. Те, кто пытался бежать, были отрезаны конни-

цей, тех же, кто продолжал сражаться, прикончила пехота. Все, что оставалось евреям в этой схватке, – это погибать, являя свою отвагу; бросаясь на сплошной строй римлян, прикрытых доспехами как стеной, они не находили ни цели для своих снарядов, ни средства прорвать ряды неприятеля. Пронзаемые римскими снарядами, они, подобно самым диким из зверей, бросались на железо и погибали или под ударами мечей, или под копытами всадников.

5. Главной заботой Плацида было не дать им прорваться в деревню, и потому его люди двигались так, чтобы обойти их с этой стороны. Затем они развернулись и метким залпом поразили близстоящих и обратили в бегство тех, кто находился в задних рядах, тогда как наиболее храбрые прорвали ряды римлян и бросились к стене. Стража на стене оказалась в безвыходном положении: они не были в состоянии не пускать в город гдорян, среди которых находились их собственные сограждане, но и не могли впустить их, ибо в таком случае сами погибли бы вместе с ними. Именно это и произошло в конце концов: когда евреи протиснулись вовнутрь, части римской конницы удалось прорваться вместе с ними, так как перед ними не успели закрыть ворота. Плацид повел наступление и после ожесточенной схватки, длившейся до самого вечера, овладел стеной и селением. Менее проворные были уничтожены, более сильным удалось бежать, дома были разграблены, и вся деревня предана огню.

Беглецы подняли окрестности на ноги: они преувеличивали собственные бедствия и рассказывали, что за ними движется все римское войско. Их рассказы заставили местных жителей в ужасе бежать во все стороны, но большая часть устремилась к Иерихону. Это был единственный город, где еще можно было рассчитывать на спасение, ибо стены его были крепки, а население многочисленно. Полагаясь на свою конницу и воодушевленный прежними успехами, Плацид преследовал их до самого Иордана, убивая всякого, кого удавалось настигнуть. Наконец он согнал их всех к реке, где им пришлось остановиться, ибо Иордан вздулся от дождей и был непроходим, и здесь развернул против них свои силы. Все пути к бегству были отрезаны, и безвыходность положения разжигала в евреях воинственный пыл. Итак, они растянулись, насколько было возможно, по берегу реки и приняли на себя град снарядов и натиск конницы, которая сбросила многих

в воды Иордана. Число погибших от рук римлян составило 15 тысяч, тех же, кто вынужден был поневоле броситься в реку, вообще невозможно было сосчитать. Около 2200 человек попало в плен; было захвачено также множество ослов, овец, верблюдов и быков.

6. Евреям еще не приходилось нести поражения тяжелее этого, тем более что оно выглядело даже более ужасным, чем было на самом деле: не только весь путь бегства был усеян трупами, но трупами наполнились и Иордан, и Мертвое море, куда те были снесены течением реки. Плацид же, воспользовавшись своей удачей, двинулся на близлежащие городки и селения и захватил Авел, Юлиаду, Бет-ха-Йешимот и так далее до самого Мертвого моря, разместив в каждом из них преданных Риму перебежчиков. Затем он поднял воинов на суда и захватил тех, кто искал спасения на озере. Так была покорена или опустошена Перея до самого Махора.

VIII

1. В это время пришли известия о восстании в Галлии и о том, что Виндекс и другие местные вожди отложились от Нерона; более подробно обо всем этом сообщается у других писателей. Эти вести заставили Веспасиана ускорить военные действия, ибо он уже предвидел приближение гражданской войны и нависшую над всей империей опасность, а потому считал, что быстрое покорение им восточных областей облегчит положение в Италии. До окончания зимы он обеспечил безопасность завоеванных городов и селений, поставив в них гарнизоны под началом центурионов в городах и декурионов – в деревнях и вновь заселив многие из разрушенных прежде мест, а с началом весны отправился с большей частью войска из Кесарии к Антипатриде.

Здесь он задержался всего на два дня и, наведя в городе порядок, отправился дальше, опустошая и предавая огню всю область. Покорив местность, что рядом с топархией Тимна, он выступил к уже ранее подчиненным Лоду и Явне и, разместив здесь достаточное количество покоренных жителей, продвинулся к Эммаусу. После того как все подступы к столице в этой области были заняты, он разбил здесь лагерь и, оставив в нем Пятый легион, выступил с остальными силами к топархии Бет-

Лефтефей. Он предал огню ее и все соседние области, включая окраины Идумеи, и во всех важных местах поставил гарнизоны. Затем он захватил две деревни в самой середине Идумеи – Бет-Гаврей и Кфар-Това, убил 10 тысяч жителей, более тысячи взял в плен, остальных изгнал и разместил здесь значительную часть своих собственных сил, которые постоянными набегами опустошали всю горную область. Сам же он вместе с остальными силами возвратился в Эммаус, откуда через Самарию и мимо Неаполя (называемого местными жителями Мабартой) спустился к Караве и во 2-й день месяца Десия разбил там лагерь. На следующий день он подошел к Иерихону, где соединился со своим военачальником Траяном, приведшим войска из Переи, поскольку Заиорданье было уже покорено.

2. Не дожидаясь их прихода, основная часть населения бежала из Иерихона в горную область, что против Иерусалима (многие из них были схвачены и погибли), и римляне нашли город пустым.

Иерихон расположен на равнине, над которой возвышается очень длинная горная гряда, лишенная всякой растительности и идущая на север до окрестностей Скифополя, а на юг – до Содома и крайней оконечности Мертвого моря; она неровная по высоте и на всем своем протяжении необитаемая ввиду своего неплодородия. По ту сторону Иордана ей противостоит другая гряда, начинающаяся у Юлиады на севере и тянущаяся на юг до Соморы, что граничит с Петрой Аравийской; к ней относится и так называемая Железная гора, выступающая до самого Моава. Местность между этими двумя грядами называется Большая равнина, и она тянется от селения Цинабрай до Мертвого моря; длина ее 1200 стадиев, ширина – 12. Равнина рассекается Иорданом на две части и включает в себя Мертвое море и Тивериадское озеро, совершенно противоположные по своей природе, ибо первое из них соленое и бесплодное, второе же – пресноводное и плодородное. В летнюю пору равнина совершенно выжжена солнцем, и чрезмерная сухость воздуха делает ее климат нездоровым. За исключением Иордана она совершенно безводна, и этим объясняется, почему пальмовые рощи на берегу реки разрослись особенно пышно и приносят особенно богатый урожай, но ухудшаются по мере удаления от Иордана.

3. Однако неподалеку от Иерихона находится полноводный источник, в высшей степени пригодный для орошения: он

бьет из земли поблизости от Старого города – первого города в земле Ханаан, захваченного еврейским полководцем Йехошуа бин-Нуном. Рассказывают, что этот источник сначала не только был причиной порчи плодов и злаков, но поражал даже детей в материнской утробе, короче говоря, являлся причиной болезней и пагубой всего живого, впоследствии же был очищен и превращен в самый целительный и животворящий из источников пророком Элишей, последователем и преемником Элияху. Жители Иерихона радушно приняли его и почтили более, чем кого-либо другого из людей, и в благодарность за это он даровал их земле бессмертную благодать. Выйдя к источнику, он бросил в воду наполненный солью глиняный сосуд, а затем, воздев праведную десницу к небесам, вылил на землю искупительное возлияние: он просил землю очистить воды источника и открыть пресные протоки, а небо – благословить его более животворным воздухом и послать живущим здесь людям изобилие плодов и неиссякающее потомство и чтобы до тех пор, пока они будут оставаться праведниками, животворящие воды не иссякали. Этими молитвами, с присовокуплением свойственных его искусству обрядов, он оживил источник, так что вода, приносившая прежде лишь бездетность и голод, отныне стала источником плодородия и процветания.

И в самом деле, этот источник обладает такой плодотворной силой, что от одного его прикосновения земля плодоносит больше, чем после длительного и обильного орошения: этим и объясняется, почему другие источники, даже очень полноводные, приносят немного пользы, тогда как этот, не столь обильный, производит столь великие блага. И в самом деле, он орошает больше земли, чем все остальные, вместе взятые, именно равнину длиной в 70 стадиев и шириной – в 20, питая собой многочисленные и чрезвычайно красивые сады. Что касается орошаемых им пальм, то их разновидностей великое множество, и каждая отличается от другой по вкусу плодов и по наименованию. Наиболее сочные из них выпускают при давке большое количество меда, по вкусу немногим уступающего настоящему. Однако и пчелы тоже водятся в изобилии в этой области, которая производит еще и бальзам, наиболее ценный из местных плодов, а также кипарис и мирру.

Итак, эта местность без преувеличения может быть названа божественной, ибо здесь произрастают в изобилии наиболее редкие и прекрасные плоды. Что же касается других плодов

этой земли, то, пожалуй, трудно было бы найти другое место во всем мире, способное сравниться с этим, – столь велики собираемые здесь урожаи. Причина этого, я полагаю, заключается в теплом климате и плодородной мощи воды, ибо тепло заставляет все растущее тянуться вверх и распространяться вширь, тогда как влага укрепляет корни и наделяет их силами для перенесения летнего зноя. Летом же вся область до такой степени выжжена солнцем, что люди стараются не выходить наружу. Если до рассвета зачерпнуть из источника воду и выставить ее под открытое небо, она, в полную противоположность окружающему воздуху, становится крайне холодной, зимой же, напротив, нагревается и очень приятна для купания. Климат здесь столь мягок, что в то самое время, когда вся остальная Иудея покрыта снегом, местные жители ходят в льняных одеждах. Иерихон отстоит от Иерусалима на 150 стадиев, а от Иордана – на 60; местность между Иерихоном и Иерусалимом представляет собой каменистую пустыню, в сторону же Иордана и Мертвого моря она понижается, однако все равно пустынна и бесплодна. Однако довольно об Иерихоне и его великих природных дарах.

4. Природные особенности Мертвого моря также заслуживают описания. Это, как я уже сказал, соленое и бесплодное озеро с легкостью выносит на поверхность брошенные в него даже самые тяжелые предметы, и погрузиться в него нелегко, даже прилагая усилия. Так, когда к нему приблизился Веспасиан, он в целях исследования приказал бросить в глубоком месте несколько человек со связанными за спиной руками и не умеющих плавать, и все они, словно толкаемые сильным ветром, всплыли на поверхность. Примечательно также, как озеро меняет свой цвет: трижды в день поверхность приобретает иной вид, и оно переливается различными цветами, отражая солнечные лучи. Наконец, во многих местах озеро выносит на поверхность черные комья асфальта, которые, плавая, очертаниями и размером очень похожи на безголовых быков. Рабочие с озера подплывают к ним на лодках, зацепляют и цельными кусками волокут к себе в лодки. Достать асфальт из уже наполненной лодки весьма нелегко, так как из-за своей упругости волокна асфальта пристают к бортам, и единственное, чем их можно снять, – это женской месячной кровью и мочой. Асфальт не только идет на просмолку судов, но и используется при лечении телесных недугов, входя в состав многих лекарств.

Длина этого озера – 580 стадиев (оно доходит до самого Цоара, что в Аравии), ширина – 150 стадиев. К нему прилегает земля Содома, некогда столь плодородная и изобиловавшая городами, нынче же – сплошь выжженная пустыня. Рассказывают, что земля эта была испепелена молнией в наказание за нечестие обитателей; в самом деле, еще и сегодня здесь можно видеть следы небесного огня и очертания пяти городов, и пепел до сих пор воспроизводит контуры плодов, по цвету похожих на съедобные, но в руках превращающихся в прах и золу. Таково наше свидетельство относительно рассказов о земле Содомской.

IX

1. Чтобы взять Иерусалим в кольцо со всех сторон, Веспасиан разбил два лагеря – один в Иерихоне и другой в Хадиде, поставив в каждом из них смешанные гарнизоны из римлян и союзников. Кроме того, он послал в Гереш Луция Анния, придав ему отряд конницы и большие силы пехоты. Анний взял город приступом, предал смерти тысячу молодых мужчин (всех, кто не успел бежать), женщин и детей обратил в рабство, позволил воинам разграбить имущество, а затем, прежде чем выступить на окрестные селения, сжег дома. Итак, сильные бежали, слабые погибли, а все, что осталось, было предано огню. Сейчас, когда война охватила и горную область, и равнину, уже невозможно было покинуть Иерусалим: за теми, кто хотел перебежать к противнику, следили зелоты, тем же, кто все еще был против римлян, преграждало путь войско, окружившее город со всех сторон.

2. Возвратившийся в Кесарию Веспасиан готовился выступить со всеми своими силами на Иерусалим, когда к нему пришло известие о гибели Нерона, царствовавшего в течение 13 лет и восьми дней. Я мог бы рассказать здесь о том, как он злоупотреблял властью, доверив ведение дел этим отъявленным негодяям – Нимфидию и Тигеллину, двум ничтожным вольноотпущенникам; о том, как они составили против него заговор и он, оставленный всеми телохранителями, бежал вместе с четырьмя верными вольноотпущенниками и в городском предместье покончил с собой; или о том, как те, кто низложил его, в скором времени расплатились за это. Я мог бы также расска-

зать, как закончилась война в Галлии, как провозглашенный императором Гальба возвратился из Испании в Рим, как он был обвинен воинами в низости и предательски убит посреди римского форума, а императором объявлен Отон. Я мог бы описать поход Отона против военачальников Вителлия и его падение; беспорядки, последовавшие при правлении Вителлия, и битву вокруг Капитолия; наконец, как Антоний Прим и Муциан уничтожили Вителлия и германские легионы, тем самым положив конец гражданской войне. Однако я должен отказаться от подробного изложения всех этих событий, так как они общеизвестны и описаны уже многими греческими и римскими писателями, а потому я лишь перечислил их по порядку, чтобы сохранить связность и единство повествования.

Итак, Веспасиан немедленно отложил поход на Иерусалим и с напряжением ожидал, кто займет место Нерона. Когда ему стало известно, что императором провозглашен Гальба, он, до получения новых указаний, не предпринимая никаких военных действий, послал в Рим своего сына Тита приветствовать императора и получить у него распоряжения относительно иудейского похода. С той же самой целью вместе с Титом в Рим отправился и царь Агриппа. Но пока они в зимнюю пору двигались на военных судах вдоль берегов Ахайи, Гальба, после семи месяцев и семи дней правления, был убит, и императором стал оспаривавший у него власть Отон. Агриппа решил продолжать путешествие, как если бы ничего не произошло, однако Тит, повинуясь божественному внушению, отплыл из Греции в Сирию, а оттуда поспешил в Кесарию к отцу. Пребывая в неизвестности – ибо Римская империя колебалась, – они прекратили военные действия против евреев, понимая, что, пока ими владеет страх за судьбу отечества, война в чужой земле несвоевременна.

3. В Иерусалиме же разгорелась новая война. Был некий Шимон, сын Гиоры, родом из Гереша – юноша хотя и уступавший в ловкости Йоханану, уже забравшему власть в городе в свои руки, но гораздо превосходивший его телесной силой и дерзостью. Именно за это качество первосвященник Ханан отстранил его от власти в топархии Акрабатена и отправил в изгнание: так он появился у разбойников, захвативших Масаду. Сначала они отнеслись к нему с подозрением и допустили его вместе с приведенными им женщинами лишь в нижнюю часть крепости (сами они занимали верхнюю часть). Но очень скоро,

как вследствие сходства нравов, так и потому, что он казался достойным доверия, они стали брать его в грабительские набеги в окрестностях Масады. Он пытался склонить их на более дерзкие предприятия, однако те привыкли к крепости и, словно дикие звери, не решались удаляться от своей норы на слишком большое расстояние.

Однако Шимон стремился к великому и помышлял о захвате верховной власти, а потому, как только ему стало известно о смерти Ханана, удалился в горную область. Здесь он обещал свободу рабам и вознаграждение свободным и тут же собрал вокруг себя подонков со всей страны.

4. Когда его отряд достаточно усилился, он стал совершать набеги на деревни горной области, а затем, благодаря постоянному притоку людей, осмелился спуститься и ниже. Когда же он стал наводить страх на города, его сила и постоянные успехи сбили с пути многих порядочных людей, так что его войско уже не состояло более из одних только рабов и разбойников, но включало в себя и немало уважаемых граждан, которые повиновались ему словно царю. Затем он разорил топархию Акрабатена и земли вплоть до Великой Идумеи; около селения Аин он возвел стену, которая служила ему оплотом против возможных нападений, а в ущелье Фаран превратил пещеры в склады для хранения казны и награбленной добычи, расширив одни из них, а другие использовав в их первоначальном виде. Кроме того, он складывал здесь захваченное зерно, и в этих же пещерах были расположены многие из его отрядов: было очевидно, что он упражняет свое войско и готовит его к наступлению на Иерусалим.

5. Встревоженные такими намерениями зелоты, намереваясь предупредить его действия, выступили против него с большим войском. Шимон вышел им навстречу и, дав сражение, нанес им тяжелые потери и загнал в город тех, кто остался в живых. Однако он еще не был столь уверен в своих силах, чтобы решиться на приступ стен, и потому сначала предпринял покорение Идумеи, выступив к ее границам во главе 20-тысячного войска. Вожди идумеян спешно собрали около 25 тысяч лучших бойцов и, оставив внутри страны сильные гарнизоны для защиты от набегов сикариев из Масады, ожидали Шимона у границы. Сражение длилось целый день и закончилось без победы какой-либо из сторон: Шимон возвратился в Аин, а идумеяне разошлись по домам. Но вскоре Шимон с еще боль-

шими силами вновь вторгся в их земли и разбил лагерь у селения под названием Ткоа. Оттуда он послал одного из своих приближенных, Эльазара, в гарнизон соседнего Геродиона, чтобы тот склонил его сдать крепость. Не подозревавшая о цели его прибытия охрана с готовностью приняла Эльазара, однако, когда он упомянул о сдаче, они взялись за мечи и преследовали его до тех пор, пока он, потеряв надежду спастись бегством, не бросился со стены в лежащее под крепостью ущелье и не погиб на месте. Однако теперь сила Шимона повергла идумеян в трепет, и они решили не давать сражения до тех пор, пока не узнают все о его войске.

6. Один из их военачальников, Яаков, с готовностью предложил свои услуги в этом, на самом деле, однако, намереваясь совершить предательство. Выйдя из Алура (деревни, где в то время стояло идумейское войско), он явился к Шимону и вступил с ним в соглашение. Взамен на клятву Шимона сохранить за ним высокое положение Яаков обещал Шимону, что сначала передаст ему свой родной город, а затем будет оказывать содействие в покорении всей Идумеи. Завершив переговоры, во время которых Шимон оказывал ему роскошный прием, он, воодушевленный блестящими посулами, возвратился к своим. Здесь, представив войско Шимона во много раз превышающим его действительные размеры, он стал ходить от военачальника к военачальнику и от воина к воину, убеждая их принять Шимона и без борьбы вручить ему верховную власть. Одновременно он не переставал через послов призывать Шимона, обещая ему рассеять идумейское войско, что в конце концов и сделал. Именно при приближении войска Шимона он первым вскочил на лошадь и бежал вместе со своими соумышленниками. Идумеян же охватил такой страх, что прежде, чем завязалось сражение, они побросали свои места и разбежались по домам.

7. Столь неожиданно и без кровопролития ворвавшись в Идумею, Шимон сначала занял город Хеврон, внезапно напав на него и захватив богатейшую добычу и множество зерна. По рассказам местных жителей, Хеврон – не только самый древний город в стране, но превосходит своей древностью даже Мемфис, что в Египте, ведь ему насчитывается 2300 лет. Рассказывают, что здесь поселился прародитель евреев Авраам, после того как покинул Месопотамию, и что именно отсюда вышли его дети, чтобы сойти в Египет. И до сих пор в этом го-

родке показывают их могилы, из прекраснейшего мрамора и искусной работы. В шести же стадиях от города показывают огромный теребинт (фисташковое дерево), о котором говорится, что оно сохранилось с самого основания города.

Отсюда Шимон делал вылазки по всей Идумее, не только разоряя деревни и города, но и опустошая всю страну, так как ему недоставало припасов для содержания такого множества людей (ведь помимо вооруженных воинов за ним следовало еще 40 тысяч человек). Помимо нужды, причинами опустошения Идумеи в еще большей степени были его собственная свирепость и злоба на идумейское племя. Словно после нашествия саранчи, когда можно видеть, как оголяется целый лес, так и в тылу войска Шимона не оставалось ничего, кроме пустыни. Одно они предавали огню, другое разрушали; топча или поедая, они уничтожали растительность во всей стране, а своими переходами утаптывали возделанные земли до такой степени, что те становились тверже, чем бесплодная пустыня. Короче говоря, после них не осталось ни малейшего свидетельства, что разрушенное ими существовало когда-либо.

8. Все это побудило зелотов к новой деятельности. Не отваживаясь сойтись с Шимоном в открытом бою, они устроили на дороге засаду и захватили жену Шимона и многих из ее слуг. Затем они возвратились в город с таким ликованием, словно взяли в плен самого Шимона, и едва ли не были уверены, что он тут же сложит оружие и явится умолять о возвращении жены. Однако ее пленение возбудило в Шимоне не сострадание, а злобу: он поднялся к стенам Иерусалима и, подобно раненому зверю, который не может схватить охотника, излил свою ярость на тех, кто попался на его пути. Он схватил всех, кто вышел в этот день за ворота собрать зелени или хвороста, безоружных и стариков, и подверг их истязаниям или убил, и столь безгранична была его ярость, что он едва ли не был готов пожрать самые их трупы. Многих он отослал обратно в город, предварительно отрубив им руки, чтобы таким образом устрашить врагов и одновременно поднять народ против ответственных за похищение. Им было велено сказать, что Шимон клянется Всевидящим Богом, что, если они немедленно не возвратят ему жену, он сломает стену и сделает то же самое со всеми, кто находится в городе, не щадя ни молодых, ни старых и не разбирая между правыми и виноватыми. Его угрозы устрашили не только горожан, но и зелотов, и они отосла-

ли ему жену. Это на некоторое время смягчило его, и непрерывное кровопролитие сменилось временной передышкой.

9. Не только Иудея, но и Италия были охвачены мятежом и гражданской войной. Гальбу убили посреди римского форума, а его преемник Отон вел войну с избранником германских легионов – Вителлием, стремившимся занять престол. Сражение с Валентом и Цецинной, военачальниками Вителлия, состоялось при Бедриаке в Галлии, и в первый день перевес был на стороне Отона, а во второй – на стороне Вителлия. С обеих сторон было пролито много крови; Отон же, когда в Брикселле ему стало известно о поражении, покончил с собой, пробыв у власти всего три месяца и два дня. Его войска присоединились к военачальникам Вителлия, и Вителлий в сопровождении всей армии вступил в Рим.

Между тем в 5-й день месяца Десия Веспасиан вышел из Кесарии и двинулся против тех частей Иудеи, которые еще не были покорены. Поднявшись в горную область, он занял две топархии, Гофну и Акрабатену, а затем городки Бет-Эль и Афарайим. Он поставил в них гарнизоны и продвинулся верхом к самому Иерусалиму, убивая или беря в плен тех, кто попадался ему на пути. Один из его военачальников, Цереалий, взяв небольшой отряд конницы и пехоты, совершил налет на Верхнюю Идумею, взял приступом и сжег Кафтиру, называющую себя городом, и обложил осадой другой городок, Кфар-Биш. Стена города была очень мощной, и он уже готовился к длительной осаде, как вдруг жители неожиданно отворили ворота и, выйдя из города с масличными ветвями в руках, сдались на его милость. Приняв их сдачу, Цереалий продвинулся к Хеврону, древнейшему из всех городов, расположенному, как мы уже говорили, в горной области неподалеку от Иерусалима. Силой войдя в город, он предал смерти все взрослое население, а сам город сжег до основания. Теперь все – за исключением Геродиона, Масады и Махора, бывших в руках разбойников, – было покорено римлянами, и их целью сейчас был сам Иерусалим.

10. Отняв у зелотов жену, Шимон возвратился в то, что осталось от Идумеи, и всевозможными притеснениями толкнул многих идумеян на бегство в Иерусалим. Он преследовал беглецов до самого города, где, вновь окружив стены, стал убивать выходивших на работы за городские ворота. Для народа Шимон под стенами города был страшнее римлян, а зелоты внутри города хуже и того, и других. Среди них при-

шельцы из Галилеи превосходили всех прочих в изощренности и дерзости злодеяний: ведь это они возвысили Йоханана, он же с вершины могущества, на которую они возвели его, отблагодарил их тем, что дал каждому полную свободу действий. Их страсть к грабежам не знала насыщения: они очищали дома богатых и ради забавы убивали мужчин и насиловали женщин, а затем пропивали омытую кровью добычу. Из пресыщения они бесстыдно предавались женоподобным занятиям: убирали себе волосы, наряжались в женские одежды, умащались благовониями и, чтобы казаться привлекательными, подводили глаза. Они подражали не только нарядам, но и страстям женщин и в крайностях своего разврата изобретали беззаконные наслаждения. Превратив весь город в дом разврата, они осквернили его нечистыми делами, однако, видом уподобившись женщинам, руки свои использовали для убийства. Они приближались мелкой семенящей походкой, но в мгновение ока превращались в бойцов и, извлекая мечи из-под крашеных накидок, пронзали случайного прохожего. Если же кому удавалось бежать от Йоханана, то Шимон оказывал ему еще более кровавый прием, так что каждый, спасшийся от рук тирана внутри стен, находил смерть от рук тирана, расположившегося за воротами, и для тех, кто хотел перебежать к римлянам, был отрезан всякий путь к бегству.

11. Однако в стане Йоханана возник раздор: все идумейские силы отложились и обратились против единоличного властителя как из-за зависти к его могуществу, так и по причине ненависти к его жестокости. В завязавшемся столкновении они убили много зелотов, а остальных загнали в царский дворец (дворец этот был построен Граптой, родственницей царя Адиабены Изата). Ворвавшиеся вслед за зелотами во дворец идумеяне оттеснили их в Храм и занялись грабежом имущества Йоханана, который жил в этом дворце и хранил там добычу своей тиранической власти. Между тем множество рассеянных по всему городу зелотов соединились с беглецами в Храме, и Йоханан готовился вести их вниз против народа и идумеян. Последние, гораздо лучшие воины, нежели зелоты, опасались их нападения меньше, чем их безумия, – ведь зелоты были способны, выскользнув из Храма под покровом темноты, уничтожить своих противников и сжечь город до основания. Потому они собрались вместе с первосвященниками, чтобы обсудить, каким способом уберечься от нападения. Однако Бог, как вид-

но, обратил их мысли в дурном направлении, ибо лекарство, избранное для спасения, было хуже самой гибели. Чтобы свергнуть Йоханана, они решили пригласить Шимона и с масличными ветвями в руках ввести к себе в город другого тирана. В исполнение этого решения они послали первосвященника Маттитьяху, чтобы тот умолил Шимона войти в город – того самого Шимона, перед которым они прежде испытывали такой страх! Вместе с ним пошли приглашать Шимона те из горожан, кто, в страхе за свои дома и имущество, стремился избавиться от зелотов. Шимон высокомерно выразил свое согласие стать их господином и, сопровождаемый славословиями жителей, называвших его спасителем и защитником, вступил в город как бы затем, чтобы очистить его от зелотов. Однако как только он со всеми своими силами вступил в город, главной его заботой стало укрепить собственную власть, и он смотрел на тех, кто призвал его, как на таких же своих врагов, как и те, против кого он был призван.

12. Так в месяце Ксантике на третьем году войны Шимон стал полновластным господином Иерусалима.

Йоханан и зелоты, не имевшие возможности покинуть Храм и лишившиеся всего своего имущества в городе (ибо их добро тут же было разграблено людьми Шимона), не видели для себя надежды на спасение. С помощью горожан Шимон начал приступ Храма; противник, закрепившийся на колоннадах и крепостных зубцах, отражал натиск. Многие из людей Шимона были убиты, и многие были вынесены ранеными, так как зелоты со своей господствующей позиции направляли снаряды наверняка и легко попадали в цель. И без того обладая преимуществом расположения, они еще соорудили четыре огромные башни, чтобы метать снаряды с еще большей высоты: одна башня была установлена на северо-восточном углу стены, другая – над Газитом, третья – на другом углу, напротив Нижнего города, и последняя – над священническими покоями (согласно обычаю, один из священников, стоя на этом месте, звуками трубы провозглашает вечером каждого седьмого дня наступление субботы, а на следующий вечер – ее исход, объявляя в первом случае о прекращении работы, а во втором – о ее возобновлении). На этих башнях они поставили скорострелы и камнеметы и разместили лучников и пращников. Теперь натиск Шимона стал менее решительным, поскольку большинство его людей пало духом. Однако он продолжал держаться,

ведь людей у него было в избытке, хотя многие из бойцов и были поражены посылаемыми из орудий снарядами, которые залетали очень далеко.

X

1. Как раз в это самое время Рим тоже страдал от тяжелых потрясений. Прибывший из Германии Вителлий привел вслед за своим войском огромную толпу приставшего к нему народа, и так как для их размещения не хватило предназначенных для воинов помещений, он превратил весь Рим в военный лагерь и наполнил каждый дом вооруженными людьми. Те же, непривычные к римскому богатству, ослепленные блеском серебра и золота, едва сдерживали порывы своей алчности и в конце концов обратились к грабежу и убийству каждого встречного. Таково было положение дел в Италии.

2. Веспасиан же, подавив всякое сопротивление в окрестностях Иерусалима, возвратился в Кесарию. Здесь до него дошли известия о беспорядках в Риме и провозглашении Вителлия императором. Он в равной степени умел и подчиняться, и властвовать, однако новости все-таки повергли его в негодование, ибо он должен был признать своим господином того, кто дерзко захватил императорскую власть, как если бы она была брошена на произвол судьбы. И страдания его были столь велики, что он не мог пересилить эту боль и отдаться войне на чужбине в то самое время, когда его отечество было предано разграблению. Но в то время как гнев толкал его на защиту отечества, мысль об отделявшем его от Италии расстоянии удерживала его. В самом деле, прежде чем он бы смог добраться до Италии, судьба успела бы сыграть с ним много коварных шуток, особенно если бы он отправился в плавание в зимнюю пору, и мысль об этом сдержала вышедший было из-под его власти гнев.

3. Однако его военачальники и воины уже устраивали сходки, на которых открыто говорили о перевороте. «Воины в Риме, – кричали они в негодовании, – купаясь в роскоши и не желая слышать даже самого слова “война”, выбирают на престол кого им вздумается и провозглашают императоров в надежде на наживу. Мы же, перенесшие столько трудов и состарившиеся в походах, предоставляем другим распоряжаться властью в империи, хотя среди нас и находится чело-

век, более всех прочих достойный занять престол. Чем еще мы сможем отблагодарить его за доброту к нам, если мы упустим эту возможность? Права Веспасиана на престол настолько же превосходят права Вителлия, насколько мы сами превосходим тех, кто его избрал. Войны, перенесенные нами здесь, не идут ни в какое сравнение с теми, которые они вели в Германии, и как воины мы ни в чем не уступаем тем, кто привел с собой оттуда этого тирана! Впрочем, спорить тут не о чем – ведь ни сенат, ни народ не предпочтут распутника вроде Вителлия человеку столь благоразумному, каковым является Веспасиан, не променяют доброго правителя на жестокосердого тирана и не отвергнут отца семейства в пользу бездетного. В самом деле, что может быть лучшим залогом прочности мира, как не благородство царской крови? Ежели хорошее правление требует опыта старости – мы имеем Веспасиана, ежели юношеской силы – у нас есть Тит, так что мы располагаем благоприятным сочетанием обоих возрастов. Далее, не только мы сами придадим силу тем, кого мы выдвигаем (ведь в нашем распоряжении имеются три легиона и союзнические войска царей), но сверх того они будут еще поддержаны и всеми восточными провинциями, и той частью Европы, которая свободна от страха перед Вителлием, и союзниками в Италии – братом Веспасиана и вторым его сыном. В самом деле, за одним из них пойдут многие из знатной молодежи, другому же доверена охрана города, что совсем немало для того, кто стремится к императорской власти. Короче говоря, если мы будем медлить, то, скорее всего, сам сенат назначит на эту должность того самого человека, которого обесчестили своим выжиданием его собственные воины».

4. Так говорили на сходках воины Веспасиана.

Наконец, они собрались вместе и, подбадривая друг друга, провозгласили Веспасиана императором и призвали его спасти колеблющуюся империю. Тот и сам уже давно беспокоился о состоянии дел в государстве, однако вовсе не стремился стать правителем, ибо хотя он и сознавал, что по своим заслугам вполне достоин этого, однако предпочитал безопасность частной жизни ненадежности высокого положения. Но когда он отклонил их предложение, военачальники обступили его еще плотнее, а рядовые воины, окружив его с мечами в руках, угрожали убить его, раз он не желает жить как ему подобает. Приведя множество причин, на основании которых он откло-

няет предлагаемую ему власть, но не будучи в состоянии убедить их, Веспасиан в конце концов уступил.

5. Теперь Муциан и другие военачальники настаивали, чтобы он, как император, повел их против всех противников, и все остальное войско громкими криками поддерживало это требование. Первой его заботой была Александрия, ведь он знал, что Египет как поставщик зерна является важнейшей частью Римской империи. Потому он надеялся, завладев Египтом и отделив его от империи, вызвать насильственное свержение Вителлия: было ясно, что народ в Риме не потерпит голода. Кроме того, он хотел заручиться поддержкой двух стоявших в Александрии легионов и, наконец, сделать Египет своим оплотом против неожиданных поворотов судьбы.

В самом деле, в Египет очень трудно проникнуть по суше, а его побережье почти не имеет гаваней. С запада он защищен безводными пространствами Ливии, с юга – отделяющей Египет от Эфиопии Сиеной и непроходимыми нильскими порогами, с востока – Красным морем, которое тянется до самого Копта, а с севера – землями, лежащими между Египтом и Сирией, и Египетским морем, где совершенно невозможно пристать судну. Таким образом, Египет неприступен со всех сторон. Его длина от Пелусия до Сиены составляет 2 тысячи стадиев, расстояние же морем от Плинтины до Пелусия составляет 3600 стадиев. По Нилу суда поднимаются до города Элефантины, за которым дальнейшему продвижению препятствуют вышеупомянутые пороги. Александрийская гавань труднодоступна для судов даже в мирное время: вход в нее узок, а движение по прямой невозможно из-за подводных скал. Слева она отгорожена искусственными насыпями, а справа перед ней находится островок под названием Фарос, здесь стоит огромная башня, огни которой видны мореплавателям на расстоянии трехсот стадиев – таким образом отсюда предупреждают подплывающие ночью суда бросать якорь подальше от берега, так как пристать здесь очень трудно. Со всех сторон островок окружен мощными искусственными укреплениями: накатывающиеся на них и разбивающиеся о прибрежные заграждения волны затрудняют продвижение и из-за узости гавани делают вход в нее очень опасным. Внутри, однако, гавань совершенно безопасна и тянется в длину на 30 стадиев. В эту гавань привозится все, что нужно стране для процветания, и отсюда же вывозятся во все концы населенного мира излишки местных товаров.

6. Естественно, что Веспасиан, чтобы обеспечить себе власть над всей империей, стремился завладеть Египтом. Он послал немедленно к правителю Египта и Александрии Тиберию Александру, извещая его о решимости войска, заставившей его взвалить на свои плечи бремя империи, и предлагая стать союзником и помощником. Александр с воодушевлением огласил это письмо и подвел легионы и народ к присяге Веспасиану. И те и другие, хорошо знакомые с достоинствами Веспасиана еще с тех пор, как он был там главнокомандующим, охотно подчинились. Таким образом, Александр, которому было поручено позаботиться о воцарении Веспасиана, подготовил все для его прибытия.

Новости о появлении на Востоке императора распространились с быстротой молнии, и каждый город праздновал добрые вести, принося жертвы в его честь. Мисийский и Паннонский легионы, незадолго до того бывшие в брожении из-за нечестия Вителлия, с тем большей радостью присягали на верность Веспасиану. Сам же он вышел из Кесарии и прибыл в Берит, где его ожидало множество посольств из Сирии и других провинций, с венцами и поздравительными посланиями ото всех городов. Прибыл также и наместник провинции Муциан, принеся с собой вести о воодушевлении народа и принесении присяги в каждом городе.

7. Повсюду, как и следовало ожидать, судьба благоприятствовала Веспасиану, и дела по большей части складывались в его пользу. Теперь у него возникла мысль, что он приближается к власти не без божественного вмешательства, что некая справедливая судьба вручает в его руки бразды правления над миром. Он вспомнил о различных предзнаменованиях, многократно предвещавших ему императорскую власть, но в особенности о словах Йосефа в то время, когда тот, еще при жизни Нерона, дерзнул обратиться к нему как к императору. Мысль о том, что этот человек все еще является его узником, повергала его в смущение, и потому он призвал Муциана и других своих военачальников и друзей и, распространившись сначала о предприимчивости Йосефа и о трудностях, причиненных им римлянам при Йодфате, перешел затем к описанию его предсказаний, тогда принятых им за порожденные страхом измышления, но впоследствии подтвержденных временем и всем ходом событий. «Не позор ли, – сказал он, – что человек, предсказавший мое возвышение и говоривший

с гласа Божьего, до сих пор влачит участь пленника и заключен в оковы?» С этими словами он призвал Йосефа и приказал отпустить его на свободу. При виде вознаграждения, какого удостоился чужеземец, военачальники преисполнились блестящих надежд относительно своего собственного будущего, Тит же, стоявший подле отца, воскликнул: «По справедливости, отец, позор Йосефа должен быть снят вместе с его оковами – ведь если мы не развяжем его оковы, а разрубим их, это будет равносильно тому, что он никогда не терял свободы!» (Дело в том, что так принято освобождать тех, кто был заключен несправедливо.) Веспасиан согласился, и выступивший вперед человек топором рассек цепи Йосефа. Так в вознаграждение за свои прежние предсказания Йосеф был восстановлен в правах, и все сейчас верили в его способность предсказывать будущее.

XI

1. Закончив переговоры с посольствами и назначив по справедливости и в соответствии с заслугами наместников для каждого города, Веспасиан отбыл в Антиохию. Здесь он обсудил свой будущий образ действий и пришел к выводу, что целесообразнее заняться покорением Рима, нежели отправиться в Александрию, поскольку Александрия и без того уже принадлежала ему, Рим же под властью Вителлия был охвачен беспорядками. Потому он послал в Италию Муциана с большими силами конницы и пехоты; опасаясь пускаться в плавание в разгар зимы, Муциан повел войско сушей через Каппадокию и Фригию.

2. Тем временем Антоний Прим, взяв из Мисии, где он был наместником, Третий легион, быстро продвигался вперед с целью дать сражение Вителлию. Вителлий выслал против него большое войско под началом Цецины Алиена, на которого он полностью полагался ввиду его победы над Отоном. Цецина, поспешно выступив из Рима, сошелся с Антонием вблизи Кремоны, города на границе между Галлией и Италией. Однако при виде размеров и порядка сил противника он не отважился вступить в сражение, а поскольку отступление представлялось ему небезопасным, принял решение перейти на сторону противника. Собрав подчиненных ему центурионов и

трибунов, он, изображая в мрачном свете положение Вителлия и преувеличивая силы Веспасиана, стал уговаривать их перейти к Антонию. «Один, – сказал он, – обладает только именем власти, тогда как другому принадлежит ее сила, так что лучше нам предупредить неизбежное и приноровиться к нему, поскольку же поражение наше неотвратимо, следует предупредить опасность, прибегнув к смекалке. Ведь Веспасиан и без нашей помощи в состоянии завладеть всем, что еще не находится в его власти, Вителлий же, даже с нами, не способен сохранить то, что имеет».

3. Ведя пространные речи подобного содержания, Цецина убедил их и вместе с войском перешел на сторону Антония. Однако в ту же ночь его воины внезапно переменили свое решение из страха перед тем, что пославший их воевать может в конце концов выйти победителем. Они выхватили мечи и бросились к Цецине с намерением убить его. И они наверняка осуществили бы свое намерение, если бы не трибуны, которые коленопреклоненно просили их не делать этого. Потому они не убили предателя, но связали его с намерением отослать к Вителлию. Однако когда об этом стало известно Приму, он немедленно поднял своих людей и при полном вооружении повел их против смутьянов. Те выстроились в боевом порядке и в течение некоторого времени выдерживали натиск, однако вскоре обратились вспять и бросились бежать к Кремоне. Однако Прим со своей конницей отрезал их от города, перед самой Кремоной окружил и истребил великое множество, а затем вместе с их остатками ворвался в город и отдал его на разграбление своим воинам. В этом деле погибло много иноземных купцов и много местных жителей, а также все войско Вителлия – всего 30 200 человек; из воинов же Мисийского легиона пало 4500 человек. Антоний освободил Цецину и послал его к Веспасиану известить о происшедшем – тот по прибытии был принят Веспасианом с такими неожиданными почестями, что они совершенно стерли позор его предательства.

4. Сабин в Риме, получив известие о приближении Антония, почувствовал себя настолько уверенно, что вместе с отрядами ночной стражи под покровом темноты занял Капитолий. На рассвете к нему присоединились многие из знати, в том числе и сын его брата Домициан, главный залог его упований на победу. Вителлий же не столько беспокоился

из-за Прима, сколько кипел гневом на тех, кто отложился вместе с Сабином: его врожденная свирепость возбудила в нем жажду благородной крови, и он бросил против Капитолия ту часть своего войска, которая возвратилась с ним в Рим. Обе стороны выказали в сражении незаурядное мужество, однако в конце концов сказался численный перевес, и войска из Германии заняли холм. Домициану и многим из первых римских граждан удалось чудесным образом бежать, однако все остальные были убиты. Сабин был доставлен к Вителлию и казнен, сокровища храма разграблены воинами, и само святилище предано огню.

На следующий день в город вступил Антоний с войском. Вышедшие ему навстречу воины Вителлия завязали сражение в трех частях города и все до одного были убиты. Тут из дворца вышел пьяный Вителлий, который, словно на исходе бесчинного пиршества, жадно поглощал какую-то еду. Он был протащен через толпу, подвергнут всевозможным оскорблениям и истязаниям и заколот посреди Рима после восьми месяцев и пяти дней правления – я думаю, что если бы ему довелось прожить дольше, то всей империи недостало бы на удовлетворение его похоти. Число остальных погибших превышало 50 тысяч. Все это произошло в 3-й день месяца Апеллея.

На следующий день в город вступил Муциан с войском и положил конец убийствам, совершаемым людьми Антония: ведь они все еще обыскивали дома и предавали смерти воинов Вителлия вместе с многочисленными гражданами, подозреваемыми в сочувствии к нему, позволив своему гневу предупредить тщательное разбирательство каждого дела. Он вывел вперед Домициана и представил его народу как главу государства до тех пор, пока не прибудет его отец. Свободный теперь от страха народ славословил Веспасиана как императора, празднуя одновременно как его воцарение, так и свержение Вителлия.

5. Добрые вести из Рима достигли Веспасиана по его прибытии в Александрию. Со всех концов империи сошлись сюда посланники, чтобы разделить его радость, так что город, по величине уступавший только Риму, не был в состоянии вместить такого наплыва народа. Сейчас, когда он утвердился во всей империи и Рим был столь неожиданным образом спасен, мысли Веспасиана вновь обратились на завершение иудейского похода. Поскольку, однако, он желал по окончании зимы

самолично отправиться в Рим, а пока был занят спешным приведением в порядок дел в Александрии, то на завоевание Иерусалима он послал своего сына Тита в сопровождении отборных войск. Тит прошел сушей до Никополя, отстоящего от Александрии на 20 стадиев, здесь поместил войско на военные суда и поднялся вверх по Нилу через область Мендес до города Тмуис. Высадившись здесь, он совершил переход до городка Танис, где разбил лагерь; следующей его стоянкой был Гераклеополь, третьей – Пелусий. Здесь он сделал двухдневную передышку, на третий же день пересек Пелусийские устья и после дневного перехода по пустыне разбил лагерь у храма Зевса Касийского. На следующий день он выступил к Остракину – на этом переходе не было воды, так как даже тамошние жители доставляют ее из других мест. Следующая стоянка была в Ринокоруре, откуда он продвинулся к Рафиаху – городу, находящемуся в пределах Сирии, где сделал четвертую стоянку. В пятый раз он разбил лагерь в Газе, оттуда продвинулся в Ашкелон, из Ашкелона – в Явне, из Явне – в Яффу, а из Яффы – в Кесарию, где решил собрать все свои остальные силы.

КНИГА ПЯТАЯ

I

1. Итак, Тит, прошедши описанным образом пустыню от Египта до Сирии, прибыл в Кесарию, где было решено предварительно собрать все силы. Но в то время, когда он находился в Александрии, помогая отцу в утверждении только что вверенной ему Богом власти, междоусобная борьба в Иерусалиме обострилась еще более. На сей раз в ней были замешаны три стороны, ибо в одной из партий произошел раскол – вне всякого сомнения, лучшее и наиболее справедливое из событий, могущих произойти в столь злополучных обстоятельствах. Мы уже описали ранее нападение зелотов на горожан, ознаменовавшее начало гибели города, в точности изложив его истоки и бедственные последствия; что же касается этого нового раздора, то мы будем недалеки от истины, если назовем его междоусобицей внутри междоусобицы, подобием того, что случается с взбесившимся хищником, который, за неимением другой пищи, начинает пожирать собственную плоть.

2. Дело в том, что Эльазар, сын Шимона (тот самый, который еще в самом начале отвел зелотов из города в храмовые пределы), стал выражать свое якобы негодование по поводу ежедневно творимых Йохананом бесчинств (тот и в самом деле не прекращал своих кровопролитий). В действительности же Эльазар не мог снести подчинения тирану, появившемуся в городе после него, сам стремился к неограниченной власти и жаждал единоличного правления. Потому-то он и отколол-

ся, увлекши за собой Йехуду, сына Хелкии, и Шимона, сына Хецрона (оба влиятельные люди), вместе с Хизкией, сыном Ховри, тоже не безвестным человеком. Поскольку за каждым из них последовало значительное число зелотов, они смогли захватить внутренние пределы Храма и выставить вооруженных людей на фронтоне святилища над Святыми Вратами. Они были вполне уверены в себе, так как запасов было в изобилии (ведь для тех, в чьих глазах ничто не являлось нечестивым, здесь имелось неограниченное количество священных припасов), однако из-за своей небольшой численности опасались двигаться с занятого места и по большей части не предпринимали ничего. Йоханан же, напротив, хотя и располагал численным преимуществом, не мог использовать его из-за неудобств расположения: пока враги находились прямо над ним, он не был в состоянии ни напасть наверняка, ни бездействовать ввиду душившей его ярости. Итак, он нес бóльшие потери, чем был в состоянии причинить Эльазару и его людям, и тем не менее не мог отступиться, и потому взаимные вылазки и перестрелка не прекращались, и каждый уголок Храма был осквернен убийством.

3. Шимон же, сын Гиоры, тот самый, которого в своем отчаянии призвал народ, надеявшийся на помощь, но получивший в нем еще одного тирана, господствовал в Верхнем городе и большой части Нижнего. Сейчас, когда люди Йоханана стали подвергаться нападениям сверху, он стал предпринимать против них более дерзкие вылазки: он наступал на них снизу, точно так же, как делали они сами в отношении тех, кто находился над ними. И так выходило, что теснимый с обеих сторон Йоханан вынужден был терпеть то же самое, что он сам причинял другим, и ровно столько, сколько проигрывал из-за того, что находился под Эльазаром, он выигрывал, находясь над Шимоном. Потому нападения снизу он легко отражал при помощи легкого оружия, тяжелые же орудия использовал против тех, кто сверху засыпал его снарядами.

В его распоряжении было большое число скорострелов, катапульт и камнеметов, посредством которых он не только отражал нападения неприятеля, но и умертвил многих, приходивших в Храм для совершения жертвоприношения. Ведь зелоты, хоть и дошли в своем неистовстве до всевозможного святотатства, допускали в Храм тех, кто желал совершить об-

ряды, – местных жителей с подозрением и после тщательного обыска, пришельцев же с меньшими предосторожностями. Однако те, после того, как добивались допуска в Храм благодаря тому, что заставляли зелотов стыдиться собственной дикости, зачастую сами становились жертвой междоусобицы. Ведь снаряды выпускались из орудий с такой силой, что достигали алтаря и святилища, падая на священников и на людей, приносивших жертвы. Многие, кто спешил со всех концов земли посетить это прославленное и священное для всех людей место, прежде жертвы падали сами, окропляя своей кровью почитаемый как эллинами, так и варварами алтарь. Трупы местных жителей и чужеземцев, священников и мирян громоздились друг на друга, и кровь жертв всякого рода образовывала озера в священных пределах.

О несчастнейший из городов! Что из того, что ты претерпел от римлян, может сравниться с этим? Ведь они вступили в твои пределы лишь затем, чтобы очистить тебя от снедавшей изнутри скверны, ибо ты уже более не был обиталищем Бога. И как бы ты мог оставаться им теперь, превратившись в могилу своих собственных сыновей, теперь, когда самый Храм стал кладбищем братоубийственной войны?! Но еще и тогда ты мог быть возвращен к жизни, если бы только ты совершил искупление перед разрушившим тебя Богом! Впрочем, должно подавить страсти и подчиниться законам сочинения, ибо нет места моим собственным сетованиям там, где следует описывать события. Приступаю к изложению дальнейшего хода восстания.

4. Итак, мятежники, злоумышлявшие против города, были сейчас разделены на три партии: Эльазар, удерживавший за собой священные первины, обрушивал пьяное безумие на Йоханана; Йоханан и его люди грабили горожан и с новыми силами ополчались против Шимона; тот же в своей борьбе с соперничающими партиями зависел от городских запасов. Всякий раз, когда Йоханан подвергался нападению с обеих сторон, он разворачивал свои силы в двух направлениях: с колоннад, засыпая камнями тех, кто поднимался со стороны города, и ведя стрельбу из орудий против тех, кто обстреливал его со стороны Храма. Когда же натиск сверху ослабевал (а он зачастую прерывался из-за опьянения и усталости), Йоханан предпринимал более дерзкие и обширные вылазки против людей Шимона. Впрочем, к какой бы части города ни обращался, он никогда не

упускал случая поджечь дома, полные зерном и всякого рода припасами; когда же отступал, то продвигавшийся на его место Шимон следовал его примеру. И так они играли на руку римлянам, разрушая все накопленное городом на случай осады и подрывая собственные силы. В итоге строения вокруг Храма были сожжены до основания, город превратился в пустыню, служившую ареной междоусобной борьбы, и все зерно, которого бы достало на то, чтобы продержаться в течение многолетней осады, сгорело. И в самом деле, они потерпели поражение именно из-за голода, чего бы никогда не случилось, если бы они сами не навлекли на себя этой беды.

5. Итак, весь город превратился в поле брани заговорщиков и их приспешников, и оказавшийся между ними народ был растерзываем ими на части, словно огромный труп. Не видя спасения от охвативших город бедствий, старики и женщины молились о приходе римлян и с надеждой ожидали нападения извне, которое освободило бы их от свирепствовавших внутри города ужасов. Исконные жители города пребывали в неописуемом смятении и страхе, но они не располагали возможностью изменить положение, равно как и не имели надежды на мирное соглашение или бегство, если они желали этого. В самом деле, повсюду была расставлена стража, и главари разбойников, бывшие в раздоре друг с другом относительно всего прочего, предавали казни, как общих врагов, всех стремившихся к миру с римлянами или подозревавшихся в намерении к бегству, соглашаясь, таким образом, только в одном – убийстве тех, кто заслуживал жизни. Выкрики сражающихся не прекращались ни днем ни ночью, но еще более ужасны были непрестанные стенания страждущих. Несчастья доставляли им все новые и новые поводы для плача, который не мог излиться открыто из-за поглощавшего их страха, и так, боясь дать выход своей боли, они корчились в муках, издавая исступленные стоны. Почитание умерших близких уже более ничего не значило для живущих, и никто не заботился о погребении мертвых. Причиной того и другого была потеря надежды на спасение. Те, кто не принадлежал ни к одной из враждующих партий, перестали стремиться к чему бы то ни было, хорошо зная, что так или иначе им предстоит умереть.

Топча ногами груды мертвых тел, мятежники сцепились в смертельной схватке, и безумие, вдыхаемое ими от лежащих

под их ногами трупов, делало их еще более свирепыми. Они не уставали изобретать все новые и новые средства собственной погибели и, бестрепетно приводя в исполнение любое свое решение, не оставили неиспытанным ни одного вида жестокости или дикости. Так, Йоханан даже расхитил священный лес и пустил его на строительство военных приспособлений. Однажды народ и священники приняли решение подвести под Храм подпоры, чтобы благодаря этому увеличить его высоту на 20 локтей, а царь Агриппа с величайшими трудами и затратами доставил из Ливана необходимый для этого лес, бревна поразительной прямизны и величины. Однако работы были приостановлены из-за войны, и теперь Йоханан распилил эти бревна и построил из них башни, поскольку нашел бревна достаточно длинными, чтобы с их помощью достичь своих врагов, засевших наверху в Храме. Он установил башни, выведя их за внешним двором Храма, напротив западной галереи, в единственно возможном для этого месте, так как все остальные стороны были отрезаны лестницами.

6. При помощи этих-то столь нечестивым образом сооруженных приспособлений он надеялся одолеть врагов, однако Бог свел на нет все его усилия, наслав на него римлян прежде, чем он успел выставить на своих башнях хотя бы одного человека. Ведь как раз к этому времени Тит, собрав часть своих сил, приказал остальным сойтись с ним под Иерусалимом, а сам выступил из Кесарии. За ним следовали те самые три легиона, которые еще прежде под началом его отца опустошили Иудею, а также Двенадцатый – этот легион однажды потерпел поражение под началом Цестия, но вообще отличался своей доблестью и теперь, хорошо помня о случившемся, рвался вперед, чтобы отомстить за поражение. Пятому легиону Тит приказал соединиться с ним, пройдя через Эммаус, Десятый же должен был подняться к Иерусалиму через Иерихон. Сам он двигался с остальными легионами в сопровождении еще более многочисленных союзных войск царей и множества сирийских наемников. Кроме того, поскольку часть людей из четырех пришедших с Титом легионов была отобрана Веспасианом и отправлена с Муцианом в Италию, этот недостаток восполнялся двумя тысячами отборных людей из александрийских войск и тремя тысячами воинов из гарнизонов на Евфрате. Вместе с Титом прибыл также его друг, человек испытанной предан-

ности и ума, Тиберий Александр. Еще недавно он управлял Египтом, а теперь был сочтен достойным возглавить войска – такова награда за то, что он первым приветствовал появление нового императорского рода и со столь великолепной верностью связал свою судьбу с теми, чье будущее было еще столь неопределенно. Итак, он, обремененный годами и опытом, следовал за Титом в качестве советника в затруднительных обстоятельствах, могущих возникнуть в ходе войны.

II

1. Тит продвигался в глубь враждебной страны позади авангарда, составленного из царских войск и всех союзных соединений. За ними следовали прокладчики дорог и строители лагерей, за которыми под вооруженной охраной везли имущество военачальников. Далее двигался сам Тит в окружении своих копьеносцев и других отборных воинов и сопровождаемый конницей легионов. Сзади везли орудия, а за ними следовали трибуны и префекты когорт в сопровождении отборных воинов, за ними – Орел в окружении знамен и с трубачами впереди, за ними – основная колонна, растянувшаяся по шести человек в ряд. Далее везли обоз, за ним двигалась прислуга каждого легиона; наконец, позади всех шли наемники под защитой арьергарда. Ведя свои силы в образцовом, как принято у римлян, порядке, Тит быстро прошел через Самарию и вступил в Гофну, еще ранее взятую его отцом и сейчас занятую римскими гарнизонами. Он провел здесь ночь, а с рассветом выступил вперед и после дневного перехода разбил лагерь в лощине, издревле называемой евреями Терновой лощиной, неподалеку от селения Гиват-Шауль (что означает Холм Шауля), отстоящего от Иерусалима всего на тридцать стадиев. Отсюда он, взяв всего лишь 600 отборных всадников, прошел вперед, чтобы удостовериться в крепости стен города и настроении евреев и желая испытать, не будут ли они при виде его испуганы до такой степени, что сложат оружие еще до начала военных действий. Ведь он располагал достоверными сведениями, что находящийся под гнетом мятежников и разбойников народ жаждет мира и не поднимается на восстание только потому, что те сильнее его.

2. Все время, пока Тит двигался прямо по большой дороге, ведущей к городской стене, ни один человек не показался перед воротами. Однако когда он свернул с дороги и повел строй всадников наискось к башне Псефин, то у так называемых Женских башен, через ворота, что напротив Елениных могил, вдруг высыпало множество евреев. Они прорвались сквозь строй его конницы и, встав против тех, кто еще скакал по дороге, воспрепятствовали им соединиться с их свернувшими в сторону товарищами, отрезав таким образом Тита всего с горсткой людей. Тот не имел возможности пройти вперед, ибо вся земля от самой стены была изрыта канавами пригородных садов и изрезана поперечными стенками и множеством изгородей, но не мог и отступить к своим из-за многочисленности разделявшего их неприятеля. Более того, те, кто оставался на дороге, повернули вспять, так как большинство из них не подозревало об угрожавшей царю опасности: они думали, что он, как и они, повернул назад, и потому обратились в бегство.

Тит, видя, что его спасение заключается единственно в его собственной доблести, повернул лошадь и, крикнув своим людям, чтобы они следовали за ним, устремился в самую гущу неприятеля, полный решимости пробиться. И я полагаю, что именно здесь представился наилучший случай узнать, что Бог надзирает и за превратностями войны, и за судьбой царей. Ибо когда на Тита, не имевшего на себе ни шлема, ни щита (как я уже говорил, он вышел не в бой, а на разведку), посыпался град снарядов, ни один из них не коснулся его тела, но, словно преднамеренно направленные мимо цели, все они пролетали мимо, не причиняя никакого вреда. Своим мечом он без устали рассеивал тех, кто наседал сбоку, находившихся перед ним обращал в бегство и гнал коня вперед по трупам врагов. Воодушевленные мужеством Цезаря, его люди с громкими криками призывали друг друга следовать за ним, тогда как противник обращался в бегство повсюду, куда он ни направлял своего коня. Воины, вместе с Титом оказавшиеся в опасности, примыкали к нему вплотную, постоянно получая удары в спину и в бок, однако единственной надеждой на спасение для каждого из них было вместе с Титом прорваться сквозь ряды неприятеля прежде, чем кольцо вокруг них сомкнется. И в самом деле, как только двое из них отделились от остальных, один был окружен и убит вместе с лошадью, другой же, спешившийся,

был тоже убит, а лошадь его уведена. Но Тит вместе с остальными благополучно достиг лагеря. Что же касается евреев, то перевес над римлянами в первом же нападении возбудил в них неумеренные надежды, и мимолетная улыбка случая наполнила сердца беспредельной уверенностью в будущем.

3. Ночью к Цезарю присоединился легион, который шел через Эммаус, и с наступлением дня они продвинулись к так называемому Скопосу, откуда уже был виден город и сияющая громада Храма (отсюда и имя Скопос – Обозреватель – у этого невысоко расположенного места, прилегающего к северному спуску в город). В семи стадиях от города он приказал разбить совместный лагерь для двух легионов, тогда как Пятый расположился в трех стадиях позади них (Тит дал ему возможность возводить свой лагерь в большей безопасности, так как считал, что воины, изнуренные ночным переходом, имеют право быть прикрытыми своими товарищами). Только они начали располагаться на месте, как из Иерихона подошел Десятый легион, оставивший там подразделение тяжеловооруженной пехоты для защиты еще прежде взятого Веспасианом прохода. Этот легион получил приказание разбить лагерь в шести стадиях от Иерусалима, на Масличной горе, прилегающей к городу с востока и отделенной от него глубокой лощиной под названием Кидрон.

4. Теперь, ввиду внезапно нависшей войны, враждующие партии внутри города впервые приостановили беспрестанную усобицу. Мятежники, со смятением наблюдавшие, как римляне строят три отдельных лагеря, пришли к не сулившему добра единодушию, обратившись друг к другу со словами: «Что будет с нами, если мы допустим сооружение этих трех укреплений, призванных задушить нас? Враг беспрепятственно строит их напротив нас, а мы, сложа руки и не поднимая оружия, сидим за стеной, словно зрители, наблюдающие за прекрасными и полезными деяниями! Неужели мы способны только бороться друг с другом?! И неужели римляне, благодаря нашим раздорам, получат город без пролития капли крови?!» Так кричали они.

Подбадривая друг друга таким образом, они собрались все вместе и, схватив оружие, совершили неожиданную вылазку против Десятого легиона. Они пронеслись через лощину и со страшными криками набросились на римлян, занятых работами на укреплениях. Те, поглощенные своим делом, были рас-

сеяны по всей площади и по большей части сложили оружие, так как совершенно не предполагали, что евреи осмелятся на вылазку (ведь они думали, что, даже если те и будут расположены к этому, любой порыв сведется на нет раздором в их среде). Итак, римляне были захвачены врасплох, и некоторые, оставив свои занятия, поспешно отступили, а другие, хотя и бросились к оружию, погибли еще до того, как успели обратиться против врага. Численность же евреев непрерывно возрастала, так как первый успех побуждал многих присоединиться к нападавшим, а поскольку обстоятельства складывались в их пользу, то и римлянам, и самим евреям их число казалось гораздо большим, чем это было на самом деле.

Люди, привыкшие к образцовому порядку и приученные воевать в соответствии с правилами и подчиняясь приказаниям, легко приходят в замешательство от беспорядочного поведения противника. Потому-то захваченные врасплох римляне и уступили натиску евреев. Застигнутые врагом, они обратились в бегство, но все еще пытались приостановить стремительное продвижение евреев и, пользуясь их неосмотрительностью в азарте погони, здесь и там наносили им удары, однако по мере того, как евреи из города все прибывали, смятение возрастало и в конце концов римляне были совершенно изгнаны из лагеря. Вполне вероятно, что весь легион оказался бы в опасности, если бы Тит, извещенный о положении дел, немедленно не поспешил на помощь. Сурово порицая воинов за малодушие, он остановил их бегство, а сам во главе бывшего с ним отборного отряда напал на евреев с фланга. Многих он убил, еще больше ранил и всех обратил вспять, загнав на дно лощины. При спуске евреи понесли тяжелые потери, однако когда вырвались наружу, то развернулись и, будучи отделены от римлян потоком, вступили с ними в ожесточенное сражение, длившееся до полудня.

Но вскоре после полудня Тит, сам вместе с приведенным им подкреплением и людьми из когорт оставшись отражать натиск евреев, отправил остальной легион на верх горы продолжать строительство укрепления.

5. Евреи же истолковали это как бегство: выставленный ими на стене дозорный сделал знак плащом, и множество совершенно свежих людей ринулось вперед с такой силой, что их бег можно было уподобить бегу стада до крайности разъярен-

ных животных. В рядах римлян никто не ожидал такого удара, и, словно внезапно застигнутые обстрелом, они смешали ряды, обратились вспять и бросились бежать к вершине горы, оставив Тита с горстью людей на середине склона. Те из друзей, которые из уважения к своему вождю оставались при нем, несмотря на опасность, прибегли к многочисленным доводам с целью уговорить его отступить перед этими стремящимися к смерти евреями, не рисковать жизнью из-за тех, кому следовало оставаться на месте и прикрывать его, принять в расчет собственное высокое положение и, поскольку он является не только главнокомандующим, но и владыкой мира, не играть роль рядового воина и не оставаться на месте в столь крайних обстоятельствах, когда все вокруг него находится в смятении. Однако Тит, казалось, не слышал увещеваний – словно вкопанный противостоял он несущимся против него вверх по склону евреям; поражая тех, кто пытался пробиться прямо напротив него, и наседая на толпившихся внизу по склону, он сумел отразить натиск толпы. Его твердость и отвага поразили евреев, но тем не менее они не бежали назад в город, а, расступившись с обеих сторон, чтобы не стоять на его пути, продолжали преследовать римлян, спасавшихся бегством вверх по склону. Тогда он напал на них с фланга и вновь остановил их натиск.

Тем временем римляне, которые наверху занимались строительными работами, при виде нового бегства их товарищей преисполнились смятением и страхом, и легион, думая, что натиск евреев неотразим и что сам Тит уже бежал, рассеялся во все стороны (они полагали, что, если бы Тит оставался на месте, остальные воины никогда бы не обратились в бегство). Подобно тем, кто объят паническим ужасом, все они бежали в разные стороны, пока наконец некоторые из них не заметили в гуще сражения своего главнокомандующего и, преисполнившись страхом за него, не закричали другим, давая знать о грозившей Титу опасности. Стыд заставил их повернуть назад, и, порицая друг друга не столько за самое бегство, сколько за то, что они оставили Цезаря, римляне со всей силой обрушились на евреев, обратили их вспять и погнали по склону холма в долину. Отступавшие евреи сражались за каждую пядь, но римляне, благодаря преимуществу своего расположения, согнали их всех на дно лощины. Тит же продолжал напирать на находившихся перед ним и, отправив легион назад на

строительные работы, с теми же людьми, что были при нем прежде, твердо противостоял продвижению противника. Итак, если должно говорить истину, не прибавляя ничего из лести и не убавляя из зависти, то не кто иной, как сам Цезарь дважды отразил опасность от целого легиона, дав ему возможность спокойно укреплять лагерь.

III

1. Но едва только утихла внешняя война, как распря внутри города вновь подняла голову. С наступлением праздника Опресноков, в 14-й день месяца Ксантика (который евреи считают днем своего избавления от египтян), люди Эльазара приотворили ворота, чтобы впустить горожан, желавших совершить богослужение в Храме. Однако Йоханан воспользовался празднеством для прикрытия заговора: он снабдил менее значительных членов своей шайки оружием, которое те скрыли под одеждой, и, хотя многие из них даже не совершили очищения, сумел заслать их в Храм с приказанием захватить его прежде, чем они будут обнаружены. Как только те оказались внутри, они сбросили верхние одежды, предстали перед всеми в полном вооружении, и в мгновение ока Храм оказался охвачен величайшим беспорядком и сумятицей: те, кто не имел никакого отношения к борьбе между партиями, думали, что нападение направлено против всех без исключения, зелоты же считали, что целью нападения являются они одни. Однако еще до того, как дело дошло до рукопашной, они, оставив посты на воротах и спрыгнув со стен, укрылись в подземных переходах Храма. Зато народ, припавший к алтарю и столпившийся вокруг Храма, был потоптан и жестоко избит мечами и дубинами. Более того, многие мирные граждане были убиты своими врагами из личной вражды и ненависти, но якобы за то, что они являлись приверженцами противной партии: всякий, кто когда-либо в прошлом нанес обиду кому-либо из заговорщиков, немедленно признавался зелотом и был уводим навстречу пыткам. Но в то время как невинные были подвергнуты столь жестокой расправе, настоящие виновники получили перемирие, и они, выйдя наверх, смогли спокойно удалиться. Теперь захватчики, овладев Храмом и всеми его запасами, могли без-

боязненно обратиться к борьбе с Шимоном, и, таким образом, борьба, еще недавно бывшая борьбой между тремя партиями, вновь превратилась в распрю с участием двух сторон.

2. Тем временем Тит решил оставить Скопус и разбить лагерь ближе к городу. Отобрав достаточное, по его мнению, число конных и пеших воинов для предупреждения возможных вылазок, он дал основным своим силам задание разровнять почву до самих городских стен. Все плетни и изгороди, поставленные жителями вокруг своих садов и огородов, были повалены, каждое плодовое дерево в округе срублено, углубления и рытвины засыпаны, каменистые выступы стесаны железом, и вся местность от Скопуса до Могил Ирода, что у Змеиной купели, была совершенно выровнена.

3. В это время евреи изобрели против римлян хитроумную уловку. Именно, наиболее отважные из мятежников вышли из города через Женские башни и, словно они были изгнаны из города сторонниками мира и теперь страшились нападения римлян, сгрудились вместе с испуганной толпой. Другие же, изображая жителей города, выстроились по стенам и, восклицая в поддержку мира, просили римлян о защите и призывали их вступить в город, обещая отворить ворота; одновременно они забрасывали собственных людей камнями, как бы пытаясь отогнать их от ворот. Те, в свою очередь, делали вид, что пытаются силой пробиться внутрь и обращаются с мольбами к людям в городе; одновременно они то и дело устремлялись в сторону римлян, а затем обращались вспять со всеми признаками сильнейшего испуга.

Римские воины попадись на эту уловку: думая, что стоящие за воротами евреи уже находятся в их руках и что ничего не стоит расправиться с ними, и надеясь, что евреи внутри города откроют им ворота, они немедленно начали действовать. Однако Титу действия евреев показались подозрительными и странными. Ведь всего лишь накануне он через посредство Йосефа предлагал им прийти к соглашению и не нашел в них никакой умеренности. Потому он приказал своим воинам оставаться на месте. Однако некоторые из тех, кто находился на передних линиях работ, уже успели схватить оружие и броситься к воротам. Те, кто якобы был изгнан из города, сначала отступили перед ними, но, когда римляне находились уже между башнями ворот, выбежали, окружили их и напали на них

с тыла; в то же самое время толпа на стенах засыпала их градом камней и снарядов всякого рода, поражая многих насмерть и еще больше раня. Под постоянным давлением с тыла римлянам нелегко было уйти от стены, да, кроме того, еще и стыд за свой промах и страх перед начальниками заставлял их упорствовать в своей ошибке. Потому они держались в течение длительного времени, отражая нападение при помощи копий, и несли тяжелые потери от рук евреев, хотя, без всякого сомнения, и сами наносили не меньшие. В конце концов им удалось прорвать теснившее их кольцо. Однако евреи следовали за отступавшими до самых Елениных могил, на всем протяжении этого пути забрасывая их камнями.

4. Затем, вне себя от своего успеха, они стали насмехаться над римлянами за то, что те попались на их уловку, и потрясали щитами, и плясали, и кричали от радости.

Между тем римские воины были встречены угрозами своих начальников и гневом Цезаря. «В то время как евреи, – сказал он, – единственным военачальником которых является безрассудство, обдумывают свои действия заранее и ведут себя осмотрительно, устраивая против нас засады и козни, и уловки их увенчиваются успехом благодаря послушанию и их непоколебимой преданности друг другу, вы, римляне, всегда бывшие господами судьбы благодаря царившему в ваших рядах порядку и беспрекословному повиновению вышестоящим, на этот раз потерпели поражение от противника и были захвачены врасплох исключительно вследствие собственной невоздержанности и, что самое позорное, сражались без начальника в присутствии самого Цезаря! Сколь велик удар, нанесенный вами законам воинской службы! Сколь велик удар, нанесенный вами моему отцу, когда он узнает о вашем поражении! Ведь за всю свою проведенную в сражениях жизнь ему ни разу не пришлось испытать подобного провала. И законы, которые всегда карали смертью виновных за малейшее нарушение воинского строя, сегодня видят целое войско покинувшим строй! Впрочем, эти самонадеянные хвастуны скоро убедятся, что с римлянами даже победа, если она достигнута в отсутствие приказаний, не означает ровным счетом ничего!»

Так Тит распекал подчиненных, и казалось очевидным, что он расправится с нарушителями по всей строгости закона. Те потеряли всякую надежду и ожидали немедленной и заслужен-

ной казни. Однако легионы столпились вокруг Тита и умоляли его пощадить товарищей, отнесясь снисходительно к опрометчивости меньшинства ввиду повиновения, выказанного всем остальным войском; они обещали, что провинившиеся воины искупят настоящую ошибку образцовым поведением в будущем.

5. Цезарь уступил – как из-за их просьб, так и из соображений собственной выгоды, поскольку он придерживался того мнения, что наказание одного человека следует всегда приводить в исполнение, напротив, наказание многих не должно идти дальше слов. Потому он простил воинов, но самым настоятельным образом предостерег их впредь быть более осмотрительными. Сам же он стал обдумывать, как предупредить новые уловки со стороны евреев.

Четыре дня были затрачены на то, чтобы разровнять почву до самых городских стен. Затем, с целью обеспечить безопасное прибытие обоза и остального войска, Тит развернул лучшие силы против стены с севера и с запада. Он выстроил их в семь рядов: три ряда пехоты выдвинул вперед, три ряда конницы разместил сзади, седьмой же, срединный ряд, образовывали лучники. Столь глубокий строй положил конец вылазкам евреев, и обоз из трех легионов и пополнения прошел совершенно спокойно. Сам Тит находился в лагере, отстоявшем всего на два стадия от стены, там, где она делает угол против башни Псефин и где кольцо стен меняет направление, поворачивая с севера на запад. Другая часть войска возвела укрепления у башни под названием Гиппик, тоже в двух стадиях от города; Десятый же легион оставался на прежнем месте, на Масличной горе.

IV

1. За исключением тех мест, где Иерусалим окружен непроходимыми обрывами и где потому было достаточно всего одной стены, город защищали три стены. Иерусалим расположен на двух обращенных друг к другу холмах, разделенных долиной, прямо над которой кончаются сплошные ряды городских домов. Один из этих холмов, тот, на котором расположен Верхний город, гораздо выше и круче другого; ввиду этой-то своей неприступности он и назывался Твердыней царя Давида

(Давид был отцом Соломона, первого строителя Храма), в наше же время он известен как Верхний рынок. Второй же холм, на котором расположен Нижний город, имеет форму серпа и называется Кремлем (Акра). Напротив него находился третий холм, по природе более низкий, чем Акра, и первоначально отделенный от нее широкой лощиной. Однако позднее, во времена правления Хасмонеев, эта лощина была засыпана, чтобы соединить город с Храмом; кроме того, верхушка Акры была срыта и холм понижен настолько, чтобы за ним был виден Храм. Долина же Сыроделов, которая, как было сказано, разделяет холмы Верхнего и Нижнего города, спускается до Шилоаха – так называли мы этот пресноводный и обильный источник. С наружной стороны оба холма, на которых стоит город, окружены глубокими лощинами, а крутые обрывы с обеих сторон делали город неприступным отовсюду.

2. Первая из трех стен, Старая стена, была почти неприступна благодаря ущельям внизу и высоте холма, на котором она выстроена; в придачу к преимуществам расположения она была еще и очень мощной, ибо Давид и Соломон, равно как и их преемники, стремились превзойти друг друга в этом строительстве. Она начиналась на севере у башни Гиппик и шла до Газита, затем соединялась с зданием совета и кончалась у западной колоннады Храма. Отходя от той же самой башни с другой, западной, стороны, она тянулась вниз через место под названием Бет-Цо до Ессейских ворот, а там заворачивала с юга, огибая источник Шилоах, откуда вновь подымалась по восточной стороне к купальням Соломона, доходя до места под названием Офел, где соединялась с восточной колоннадой Храма.

Вторая стена брала начало от Геннатских ворот первой стены; она огибала только северный подступ к городу, поднимаясь вверх вплоть до Антонии. Третья же стена, начинаясь у башни Гиппик, тянулась на север до башни Псефин, потом продолжалась против Елениных могил (эта Елена была царицей Адиабены, матерью царя Изата), тянулась мимо Царских пещер и, загибаясь угловой башней у так называемой Могилы Сукновала, обрывалась у Кидронской долины, где она сходилась со Старой стеной. Эта стена была построена Агриппой вокруг новых частей города, бывших совершенно незащищенными. Дело в том, что население города так разрослось, что он постепенно расползся за пределы стен, а люди, селившиеся по северному скло-

ну холма, на котором стоял Храм, отошли от него так далеко, что застроили еще один, четвертый, холм, называемый Бет-Зетой. Этот холм расположен напротив Антонии, но отсечен от нее глубоким рвом, вырытым с той целью, чтобы основание Антонии не соединялось с холмом и вследствие этого не было бы легко доступным и слишком низким; теперь же, разумеется, высота башен была увеличена соответственно глубине рва. Новозаселенная местность называлась жителями Бет-Зетой, что может быть переведено на греческий язык как «Новый город». Поскольку ее жители нуждались в защите, отец нынешнего царя, также носивший имя Агриппа, приступил к строительству вышеупомянутой стены. Однако, испугавшись, что мощность укреплений возбудит в Цезаре Клавдии подозрения в подготовке отложения и мятежа, он прекратил строительство, успев заложить одно только основание. Если бы эта стена была завершена так же, как начата, город никогда не был бы взят, ибо она была сложена из камней по 20 локтей в длину и по 10 локтей в ширину каждый, которые нелегко подрыть железными орудиями или сотрясти осадными приспособлениями. Сама стена была толщиной в 10 локтей и, без всякого сомнения, вздымалась бы гораздо выше, если бы воодушевление ее основателя не имело препятствий. Позднее, хотя евреи и возводили ее в большой поспешности, она поднялась в высоту на 20 локтей, а если прибавить зубцы в два локтя и насыпь в три локтя высотой, то общая ее высота достигала 25 локтей.

3. Над стенами возвышались четырехугольные, цельные, как сами стены, башни по 20 локтей в ширину и 20 локтей в высоту; по слаженности же и красоте камней они ничуть не уступали самому Храму. На этих цельнокаменных, высотой в 20 локтей, башнях находились роскошные покои, а над ними – верхние помещения с многочисленными хранилищами для сбора дождевой воды, к каждому из которых вела широкая лестница. Таких башен, отстоявших друг от друга на 200 локтей, на третьей стене было 90; на средней стене стояло 14 башен, а число башен на Старой стене доходило до шестидесяти. Общая же длина окружавших город стен составляла 33 стадия.

Вся третья стена была достойна удивления, но самым удивительным в ней была стоявшая на ее северо-западном углу башня Псефин, против которой расположился лагерем Тит. Она поднималась в высоту на 70 локтей, и при восходе солн-

ца с нее можно было видеть как Аравию, так и окраины надела евреев до самого моря. Эта башня была восьмиугольной формы. Напротив нее находился Гиппик, а рядом с ним – еще две башни, и эти три башни, возведенные в Старой стене царем Иродом, не имели себе подобных в целом мире по своей величине, красоте и мощи. Превосходство этих сооружений объясняется тем, что здесь к природной щедрости Ирода и его рвению ко всему, что касалось великолепия города, присоединились еще и родственные чувства, так как эти башни были воздвигнуты им в память трех самых дорогих ему людей – брата, друга и жены – и названы их именами. (Жену свою, как мы уже сообщали, он убил из ревности, брат же и друг пали на войне смертью храбрых.)

Гиппик, башня, названная по имени друга, была четырехугольной и имела 25 локтей в ширину и длину и 30 локтей в высоту, и в ней не было ни одного полого места. На этом составленном из вплотную пригнанных друг к другу каменных глыб основании находился водоем для хранения воды глубиной в 20 локтей, над ним – двухэтажное жилое помещение высотою в 25 локтей, разделенное на всякого рода покои, а еще выше – кольцо башенок в 2 локтя с насыпями в 3 локтя высотой, так что общая высота башни достигала 80 локтей.

Вторая башня, названная по имени брата Ирода Фацаэлем, имела по сорока локтей в ширину и длину, и высота ее цельнокаменного основания также равнялась сорока локтям. Верх ее был опоясан колоннадой высотой в 10 локтей, защищенной насыпями и выступами. Посреди колоннады возвышалась другая башня, разделенная на великолепные покои, среди которых была даже баня, так что эта башня ни в чем не уступала настоящему царскому дворцу. Верх же ее увенчивался насыпями и башенками еще более многочисленными, чем в предыдущей. Общая высота ее достигала девяноста локтей, и по общему виду она была подобна Фаросскому маяку, указывающему путь плывущим к Александрии, хотя и значительно превосходила его по площади. Во время же, о котором идет речь, в ней располагался Шимон, сделавший ее своим дворцом.

Третья же башня, Мирьям (ибо таково было имя царицы), имела цельное основание в 20 локтей высотой и столько же в ширину и длину. На нем располагались жилые помещения, своей роскошью и отделкой превосходящие помещения

двух других башен, так как царь полагал, что здание, носящее имя женщины, должно быть украшено с большей роскошью, чем те, которые названы именами мужчин; зато те две были гораздо более мощны, чем эта. Общая высота башни составляла 55 локтей.

4. Эти три башни, столь огромные сами по себе, казались еще более высокими вследствие своего местоположения. Ведь Старая стена, в которой они находились, сама была выстроена на высоком холме и вздымалась над ним, словно горная вершина, еще на тридцать локтей, что, разумеется, много увеличивало высоту стоявших на ней башен. Достойна удивления также и величина камней, из которых они были сложены. Ведь это не были обыкновенные камни или обломки скал, такие, что могут нести люди, но тесаные глыбы белого мрамора, в 25 локтей длины, 10 локтей ширины и 5 локтей толщины каждая. И столь искусно были они пригнаны друг к другу, что каждая башня казалась выросшей из земли цельной скалой, в которой лишь впоследствии руки строителей вытесали формы и высекли углы – столь незаметны были соединения между камнями, с какой бы стороны вы ни смотрели на них.

Изнутри к этим стоявшим на северной стороне стены башням примыкал царский дворец, великолепие которого превосходило всякое описание. Его роскошь и убранство не имели себе равных, и сверх того он был окружен со всех сторон стеной в 30 локтей высотой, по которой на равном расстоянии друг от друга шли богато украшенные башни, и заключал в себе огромные покои и пиршественные залы, способные вместить сотни приглашенных. Невозможно передать словами красоту отделки камней внутри дворца, ведь отовсюду сюда были доставлены в великом множестве редчайшие из камней, потолки же дворца поражали как величиной балок, так и великолепием отделки. Здесь было неисчислимое множество покоев, и все отличались один от другого по виду, все были полностью обставлены, и большинство находившихся в них предметов состояло из серебра и золота. Много было кольцеобразных пересекающихся между собой колоннад, отличавшихся одна от другой своими колоннами. Их внутренние дворы сплошь зеленели от растительности: здесь росли всякого рода сады, рассекавшиеся длинными дорожками для гуляния и окруженные глубокими каналами или бассейнами, уставленными медными изваяниями, из

которых лилась вода, а кругом этих водоемов находились многочисленные башни для ручных голубей. Однако как возможно передать в словах все великолепие этого дворца, когда даже сама память о нем мучительна, ибо она подымает вновь воспоминания о разрушениях, произведенных здесь зажженным руками разбойников огнем! Ведь дворец был сожжен не римлянами, но, как мы уже упоминали, это сделали заговорщики из города еще в самом начале восстания: пожар начался в Антонии, перебросился на царский дворец и, наконец, охватил верхние помещения всех трех башен.

V

1. Что же касается Храма, то он, как я уже говорил, был воздвигнут на мощном холме. Вначале на верхушке этого холма с трудом размещались только святилище и алтарь, так как все вокруг было обрывисто и покато. Когда же Соломон, царь, который заложил Храм, укрепил стеной восточную часть холма, на земляной насыпи этой стены была построена одна колоннада, а с трех остальных сторон Храм продолжал оставаться открытым. Но век за веком народ понемногу увеличивал насыпь, и холм выравнивался и расширялся. Наконец, пробили и северную стену и присоединили все то место, которое впоследствии составило всю площадь Храма. После того как евреи окружили холм с трех сторон стеной, идущей от самого его подножия, завершив таким образом предприятие, превзошедшее всякие ожидания, на которое ими были затрачены долгие века и священные сокровища, стекавшиеся со всех концов света как дань Богу, они возвели вокруг святилища Верхний и Нижний дворы. В некоторых особенно низких местах приходилось строить основания высотой в 300 локтей, а кое-где даже и более того, однако вся глубина этих оснований не была видна глазу, так как для того, чтобы выровнять улицы города, лощина по большей части была засыпана. На строительство оснований пошли каменные глыбы в 40 локтей величиной. Итак, изобилие средств и рвение народа принесли превзошедшие меру вероятного плоды, а настойчивость и время привели к тому, что предприятие, на окончание которого нельзя было и надеяться, в конце концов завершилось успешно.

2. Возведенные наверху строения были вполне достойны таких оснований. Все колоннады – двойные и подпирались колоннами, каждая из которых имела 25 локтей в высоту и высечена из цельного куска белейшего мрамора, а потолки набраны из кусков кедрового дерева, природное богатство и искусная выделка которого вместе с игрой сочетаний между отдельными кусками представляли зрелище, замечательное во всех отношениях, хотя поверхность потолков и не была украшена ни живописью, ни резьбой. Ширина колоннад была 30 локтей, а совокупная их длина, включая Антонию, составляла 6 стадиев. Все открытые дворы были вымощены камнями различных цветов и пород.

Каждый, кто проходил из Нижнего двора во второй двор Храма, оказывался за богато отделанной каменной оградой в три локтя высотой. По ней на равном расстоянии друг от друга шли столбы с греческими или римскими надписями, провозглашавшими закон очищения, именно, что чужеземцы не допускаются внутрь святилища (ибо второй двор Храма носил название святилища). Чтобы попасть в Верхний двор из первого двора, нужно было подняться на 14 ступеней. Верхний двор был четырехугольной формы и обнесен отдельной стеной: снаружи ее высота достигала сорока локтей, хотя этого и не было видно из-за ступеней, а изнутри в ней было всего 25 локтей (поскольку Верхний двор располагался на возвышенном месте и к нему следовало подниматься по ступеням, внутренность его лишь частично просматривалась со стороны холма). От конца лестницы до стены шла ровная площадка протяженностью в 10 локтей; отсюда шли другие лестницы, в 5 ступеней каждая, которые вели к воротам. На север и юг вместе выходило восемь ворот (по четыре с каждой стороны), а с востока стояло двое ворот – это потому, что здесь было отгорожено особое место для богослужения женщин, и пришлось пробить вторые ворота, прямо напротив первых. В женском отделении стояли также ворота и с прочих сторон, одни с севера и одни с юга, ведь женщинам не дозволялось входить через другие ворота, точно так же, как им не разрешалось покидать пределы своего отделения. Доступ сюда был открыт для всех еврейских женщин без различия – как местных, так и чужестранок. С западной же стороны ворот не было, и стена там была сплошной. Между воротами во внутренней сторо-

не стены шли в один ряд колоннады, обращенные ко входам в казнохранилища; колонны, подпиравшие их, были чрезвычайно велики и красивы и за исключением размеров ни в чем не уступали колоннам Нижнего двора.

3. Девять ворот были сплошь покрыты серебром и золотом, включая боковые колонны и притолоки, а десятые, те, что за пределами святилища, из коринфской меди, в ценности далеко превосходили посеребренные и позолоченные ворота. Все ворота – двудверные, и в каждой двери – 30 локтей высоты и 15 ширины. Внутри, однако, ворота расширялись, и с обеих сторон каждых были вделаны крытые помещения наподобие башен по 30 локтей в ширину и длину и более сорока в высоту; каждая башня подпиралась двумя колоннами окружностью в 12 локтей. Все ворота были одинаковой величины, и только те, что находились над Коринфскими воротами в восточной стороне женского отделения и прямо напротив ворот в святилище, были гораздо больше: высота их была 50 локтей, высота дверей – 40 локтей, украшения на них богаче, а золотая и серебряная обшивка толще, чем на других воротах (золотую и серебряную обшивку для всех девяти ворот пожертвовал Храму Александр, отец Тиберия). От женского отделения к Большим воротам вело 15 ступеней – на пять ступеней меньше, чем к остальным.

4. Собственно Храм, то есть святилище, располагался в середине, и к нему вели 12 ступеней. Передняя его часть была 20 локтей в высоту и ширину, задняя – у́же на 40 локтей, так как перед ней расходились в обе стороны два крыла, по 20 локтей каждое. Первые ворота были 70 локтей в высоту и 25 – в ширину и не имели дверей, являя тем самым образ разверстого, беспредельного неба; их лицевая сторона вся покрыта золотом, и сквозь них виднелась вся внутренность первого, чрезвычайно большого отделения, и внутренние ворота с их окаймлением, сплошь блистающие золотом, тоже открывались взору. Хотя святилище состояло из двух помещений, открытым для обозрения было только первое, имевшее 90 локтей в высоту, 50 в длину и 20 в ширину. Ворота, которые вели в него, были, как я уже говорил, сплошь позолочены, равно как и окаймлявшая их стена; сверху на них – золотые виноградные лозы, с которых свешивались грозди длиной в человеческий рост. Из двух помещений святилища внутреннее было расположено ниже

внешнего, и в него вели золотые двери в 50 локтей высоты и 16 ширины. Перед дверьми висел, скрывая их, такой же величины занавес вавилонской работы, расшитый гиацинтом, виссоном, багрецом и пурпуром, – произведение, достойное всяческого удивления. Подобное смешение материалов не было случайным, но долженствовало служить подобием мироздания: багряница обозначала огонь, виссон – землю, гиацинт – воздух, а пурпур – море. Багряница и гиацинт были избраны для этой цели по сходству цвета, а два остальных – из-за своего происхождения, так как виссон происходит от земли, а пурпур – от моря. Шитье на занавесе представляло собой полный обзор неба, за исключением знаков зодиака.

5. Тот, кто вступал внутрь, переходил в нижнее отделение святилища. Оно имело 60 локтей в высоту, столько же в длину и 20 локтей в ширину и в свою очередь делилось по длине на два отделения. В первом из них, имевшем 40 локтей длины, находились три самых замечательных и прославленных на целый свет предмета – светильник, стол и курильница. Семь лампад, на которые разветвлялся светильник, обозначали планеты, двенадцать хлебов на столе – зодиак и год, а тринадцать благовоний курильницы, взятые из моря и земли, как необитаемой, так и обитаемой, знаменовали, что все существует от Бога и для Бога. Самая же внутренняя часть имела в себе 20 локтей и тоже была закрыта занавесом, отделявшим ее от внешней части. Здесь не было совершенно ничего: это место сохранялось недоступным, неприкосновенным и невидимым для всех, и называлось оно Святая Святых.

Еще по сторонам нижнего отделения святилища имелось много сообщавшихся между собой трехэтажных помещений, в которые можно было проникнуть как с той, так и с другой стороны входа. В верхнем отделении такие помещения отсутствовали, поскольку оно было уже нижнего; кроме того, оно было выше нижнего на 40 локтей и гораздо скромнее отделано. Таким образом, если прибавить эти 40 локтей к 60 локтям нижнего отделения, то получается, что общая высота составляла 100 локтей.

6. Что же касается наружного вида святилища, то он являл все, что может поразить взор и душу. Святилище было обложено со всех сторон толстыми золотыми пластинами, и блеск, излучаемый им при восходе солнца, казался столь нестерпи-

мым, что тот, кто пытался взглянуть, отворачивался, словно от солнечных лучей. Приближающимся же к Иерусалиму чужестранцам Храм представлялся издали горой под снежным покровом, потому что в тех местах, где не было позолоты, он был ослепительно белого цвета. На верхушке святилища находились острые золотые шпицы, предназначенные для того, чтобы птицы не могли садиться на Храм и загрязнять его. Из пошедших на строительство камней некоторые достигали 45 локтей длины, пяти локтей высоты и шести локтей ширины.

Перед святилищем был расположен жертвенник, имевший 15 локтей в высоту, тогда как ширина и длина его были равны и составляли по 50 локтей каждая. Он был четырехугольной формы, и каждый угол выдавался вперед наподобие рога, а с юга к нему вел довольно пологий подъем. Жертвенник был сооружен без всякого участия железа, и железо никогда не касалось его. Святилище и жертвенник были окружены красивым каменным выступом в 2 локтя высотой, по внешнюю сторону которого находился народ, а по внутреннюю – священники. Гноеточивым и прокаженным нельзя было вступать даже просто в город; доступ в Храм был закрыт перед женщинами во время месячных, – впрочем, даже после очищения они не допускались далее вышеупомянутого предела. Что же касается мужчин, то, если они не были совершенно чисты, им не дозволялось вступать во внутренний двор, и запрет этот распространялся равным образом и на не прошедших очищение священников.

7. Тот, кто происходил из рода священников, но вследствие какого-либо увечья не допускался до несения службы, находился вместе со священниками, не имевшими телесных недостатков, по внутреннюю сторону выступа и получал причитавшуюся ему в силу его происхождения долю, хотя и носил обыкновенную одежду (ведь облачаться в священные одежды мог только тот, кто совершал богослужение). К жертвеннику же и к святилищу могли восходить только священники, лишенные телесных пороков: они облекались в виссоновые одежды и из благоговения к священным обрядам строжайшим образом воздерживались от несмешанного вина, чтобы невзначай не допустить какого бы то ни было нарушения обряда.

Вместе с ними всходил и первосвященник, но не во всякий день, а только по субботам и новолуниям или в те дни года, на

которые приходился какой-нибудь еврейский праздник или всенародное торжество. Для совершения службы он надевал пояс, покрывавший ему бедра вплоть до чресел, и нижнюю одежду из льна, а сверху облекался в облегающую тело и спускающуюся до самых пят гиацинтовую одежду, обшитую кистями. На этих кистях висели, чередуясь друг с другом, золотые колокольчики и гранатовые яблоки: первые долженствовали служить символом грома, а вторые – молниями. Верхняя одежда прикреплялась к груди разноцветной повязкой, сплетенной из пяти лент тех же самых материалов – золота, пурпура, багряницы, виссона и гиацинта, – из которых, как мы уже рассказывали, были сотканы храмовые занавески. Из них же было сделано и наплечное одеяние, но золота в нем было больше, чем остальных материалов. Видом своим оно походило на панцирь и скреплялось двумя золотыми застежками, в которые были вправлены выдающиеся своей красотой и величиной сардониксы с вырезанными на них именами колен [еврейского] народа. С другой же стороны к нему четырьмя рядами прикреплялись двенадцать других камней по три в каждом ряду: сердолик, топаз и смарагд в первом ряду, карбункул, яшма и сапфир – во втором, агат, аметист и лигирион – в третьем, оникс, берилл и хризолит – в четвертом. Здесь тоже на каждом камне было вырезано имя одного из колен. Голову покрывала тиара: она была из виссона, а сверху увенчивалась гиацинтовой тканью; вокруг нее шел еще один венец, золотой, с вырезанными в нем священными буквами, именно, четырьмя гласными. Однако это облачение он надевал не во всякое время (обыкновенно он носил более простые одежды), а лишь тогда, когда вступал в Святая Святых. Только он один мог входить туда, и это случалось единственный раз в году, в день, когда все евреи постятся в честь Бога. О городе и Храме и касающихся их обычаях и законах мы еще будем говорить более подробно, так как немало осталось такого, что можно было бы рассказать об этих предметах.

8. Что же касается Антонии, то она была расположена на пересечении двух колоннад первого храмового двора, западной и северной, и построена на обрывистой со всех сторон скале, возвышавшейся на высоту пятидесяти локтей. Это произведение царя Ирода более всех остальных делало явным прирожденное величие его замыслов. Прежде всего, начиная от самого основания скала была покрыта гладкими каменными плита-

ми, служившими как для украшения, так и для того, чтобы всякий, кто попытается подняться по ней, соскальзывал вниз. Далее, уже перед самым зданием башни находилась стена высотой в три локтя, и лишь за ней вздымалась во всю свою высоту 40 локтей Антония. Внутренность ее по размерам и устройству ничем не отличалась от дворца: она разделялась на покои всевозможного вида и назначения, были в ней и дворы с колоннадами, и бани, и обширные площади для размещения войск, так что если судить по тому, что она заключала в себе все необходимое для жизни, она могла бы считаться городом, если же принять в расчет всю ее пышность – царским дворцом. По общим своим очертаниям являясь башней, Антония имела еще по башне на каждом из своих четырех углов; три из них имели по пятидесяти локтей высоты, а та, что стояла на юго-восточном углу, была семидесяти локтей, так что с нее можно было обозревать весь Храм. Там, где Антония соприкасалась с колоннадами Храма, с обеих сторон шли вниз лестницы, по которым спускались воины римского гарнизона (ведь здесь всегда стояла римская часть, и во время праздников воины в полном вооружении растягивались вдоль колоннад, чтобы предупреждать проявления возмущения в народе). Ибо точно так же, как Храм господствовал над городом, Антония господствовала над Храмом, и потому здесь размещался гарнизон всех троих; Верхний же город имел свою собственную крепость, именно дворец Ирода. Что же касается холма Бет-Зета, то он, как я уже сказал, был отделен от Антонии; на этом, самом высоком из холмов располагалась часть Нового города, и он единственный закрывал с севера вид на Храм. Впрочем, поскольку о городе и его стенах я еще собираюсь говорить более подробно в будущем, то сказанного пока достаточно.

VI

1. Что же касается войска мятежников внутри города, то людей Шимона, не считая идумеян, было 10 тысяч; над ними главенствовали 50 начальников, а Шимон главенствовал над всеми. Союзные же ему 5 тысяч идумеян подчинялись десяти начальникам, из которых первыми признавались Яаков, сын Сосы, и Шимон, сын Катлы. У занимавшего Храм Йоханана

было 6 тысяч тяжеловооруженных бойцов, над которыми стояло 10 начальников; кроме того, к тому времени с ним снова соединились покончившие с прежней враждой зелоты, 2400 числом, возглавлявшиеся своим прежним начальником Эльазаром и Шимоном, сыном Ари. Все то время, пока эти партии враждовали между собой, их жертвой был, как мы уже рассказывали, народ, ибо та часть населения, которая не принимала участия в бесчинствах, подвергалась грабежу как с той, так и с другой стороны.

Шимон удерживал за собой Верхний город и Большую стену до Кидронской долины, включая восточный отрезок Старой стены от того места, где она заворачивает у Шилоаха, и вниз до дворца Монобаза (этот Монобаз был царем Адиабены, что за Евфратом), равно как и самый источник Шилоах и Акру, она же Нижний город, а также всю местность до дворца Елены, матери Монобаза. Йоханан же господствовал над Храмом и большей частью его окрестностей, а также над Офелом и Кидронской долиной. Всю ту местность, что лежала между ними, они выжгли дотла, расчистив пространство для междоусобной войны, – ведь война внутри города не прекращалась даже тогда, когда римляне уже стояли лагерем под стенами Иерусалима. Очнувшись ненадолго после первой вылазки, они очень скоро вновь погрузились в прежнее безумие и, вновь разделившись на две партии, возобновили прежнюю борьбу, словно бы задавшись целью во что бы то ни стало угодить осаждавшим город римлянам. Что и говорить – ни сами они не претерпели от римлян ничего хуже того, что причинили друг другу, ни город после них не перенес ни одной муки, с которой он не был бы знаком, ибо самые тяжкие страдания были испытаны им еще до того, как он пал, так что взявшие его даже в некотором отношении исправили положение к лучшему. И потому мое мнение таково, что город пал от междоусобицы; междоусобица же, бывшая гораздо сильнее городских стен, пала от римлян, так что все тяжелое и неприглядное должно быть отнесено на счет обитателей самого города, тогда как все справедливое следует заслуженно отнести на счет римлян. Впрочем, пусть каждый составит себе мнение соответственно ходу событий.

2. В то время, когда дела в городе обстояли таким образом, Тит в сопровождении отборных всадников объехал город кру-

гом с целью наметить места, подходящие для нападения на стены. Повсюду он столкнулся с трудностями, так как если со стороны лощин стена была и вовсе не приступной, то в остальных местах первая стена казалась слишком мощной для осадных орудий. Наконец он решил начать нападение от гробницы первосвященника Йоханана: здесь первое укрепление было ниже и второе не смыкалось с ним, поскольку в тех местах, где Новый город не был густо заселен, его укрепления были оставлены в небрежении, и потому отсюда можно было без труда достичь третьей стены, через которую он намеревался овладеть Верхним городом, а там через Антонию проникнуть в Храм. При этом объезде был ранен стрелой в левое плечо один из его друзей, Никанор, когда он, приблизившись вместе с Йосефом к стене, пытался вести переговоры о мире со стоявшими там евреями, которым он был хорошо знаком. Цезарь по этому их порыву против того, кто приближался к ним ради их же собственного спасения, узнал всю силу их одержимости и с усиленным рвением начал готовиться к осаде. Одновременно он позволил легионам разорять городские предместья и приказал собирать материал для возведения осадных валов.

Для выполнения работ он разделил все войско на три части, копейщиков и лучников разместил между валами, а перед ними поставил скорострелы, катапульты и камнеметы, чтобы отражать вылазки противника против строителей и препятствовать попыткам помешать работам со стены. По мере того как вырубались деревья, городские предместья совершенно оголились; однако пока римляне носили лес к валам и все войско было занято на строительных работах, евреи тоже не теряли времени даром. Народ как раз в это время воспрянул духом среди убийств и грабежей: он рассчитывал вздохнуть свободно, пока мятежники отвлечены делами вне города, и надеялся расправиться с ними, если перевес окажется на стороне римлян.

3. Йоханан, побуждаемый своими людьми выступить против внешнего врага, не двигался с места из страха перед Шимоном. Шимон же, напротив, не бездействовал (правда и то, что он был ближе к осадным работам), но расставил по стене все те метательные орудия, что были отняты ранее у Цестия, и те, что были захвачены при взятии гарнизона Антонии. Эти орудия, впрочем, приносили мало пользы, так как большинство не умело ими пользоваться, а те немногие, что научились

от перебежчиков, стреляли из рук вон плохо. Зато они со стены забрасывали строителей камнями и стрелами или, выходя в боевом порядке за ворота, завязывали внезапные сражения. Однако плетеные навесы, натянутые на сооруженных на валах частоколах, служили римлянам защитой от снарядов, а против вылазок они использовали метательные машины. В этом отношении все легионы были снаряжены превосходно, особенно же выделялся Десятый, располагавший самыми мощными скорострелами и самыми большими камнеметами, которые могли обратить вспять не только нападавших, но и тех, кто стоял на стене. Камни, выбрасываемые из этих орудий, были весом в талант и летели на расстояние двух и более стадиев, удар их повергал не только стоявших в первом ряду, но и находившихся далеко позади.

Поначалу евреи уклонялись от летевших камней: те были белого цвета и предупреждали о себе не только свистом, но и ослепительным блеском. Всякий раз, когда заряжалось орудие и из него выпускался снаряд, дозорные на башнях давали об этом знать, выкрикивая на местном наречии: «Летит, летит!» – и немедленно те, в кого был направлен снаряд, расступались и бросались на землю – предосторожность, благодаря которой камни часто падали впустую. Тогда римляне придумали окрашивать камни в темный цвет: вследствие этого те перестали быть видны и достигали цели, поражая насмерть многих одним-единственным попаданием. И все же, несмотря на потери, евреи не давали римлянам спокойно возводить валы, но мешали им и днем и ночью, прибегая как к хитростям, так и к дерзостям любого рода.

4. По окончании работ строители отмерили расстояние до стены, бросив туда привязанный к льняной нити свинцовый груз: из-за обстрела сверху у них не было иного способа. Найдя, что тараны в состоянии достичь стены, римляне подвезли их. Тит приблизил к стене метательные орудия, чтобы евреи не препятствовали работе «баранов», и приказал начать долбить. И когда с трех сторон город внезапно потряс ужасный удар, среди жителей поднялся крик, и сами мятежники были поражены не меньшим страхом. Ввиду общей для обеих сторон опасности они наконец решили объединить силы для совместной обороны. «Доколе мы будем делать все на руку врагу?! – перекрикивались друг с другом противники. – Если даже Бог

и не даровал нам прочного взаимного согласия, то по меньшей мере в настоящих обстоятельствах нам следует пренебречь взаимными счетами и вместе выступить против римлян!» И в самом деле, Шимон провозгласил, что те, кто укрепился в Храме, могут без всякой для себя опасности выйти на стены, и Йоханан, хотя и не без опаски, принял предложение.

И вот, забыв о ненависти и взаимных раздорах, они встали плечом к плечу, как один человек, и, заняв позиции на стене, принялись метать в осадные сооружения тысячи пылающих головней и засыпать градом камней тех, кто приводил в движение стенобитные орудия. Одновременно наиболее отчаянные сомкнутым строем бросались вперед, срывали с орудий заградительные навесы и нападали на приставленных к орудиям римских воинов; обычно эти вылазки увенчивались успехом – не столько благодаря опыту воинов, сколько из-за их безудержной отваги. Тит, однако, без устали заботился о том, чтобы помочь своим терпевшим тяжелые потери людям: вокруг каждого орудия он расставил всадников и лучников, которые препятствовали евреям бросать горящие головни, прогоняли с башен метателей камней и так давали орудиям возможность действовать. Однако стена не поддавалась ударам, и только в одном месте, там, где работал таран Пятнадцатого легиона, римлянам удалось снести угол башни; впрочем, сама стена не была повреждена и даже не подверглась опасности, так как башня выдавалась далеко вперед и ее повреждение не представляло собой серьезной угрозы целостности стены.

5. Тогда евреи временно прекратили свои вылазки и стали подстерегать римлян, которые, думая, что страх и усталость заставили противника отступить, рассеялись по лагерю и стали заниматься своими делами. И тут евреи вдруг высыпали во множестве из ворот, что у башни Гиппик: они несли в руках факелы, намереваясь поджечь осадные сооружения, и были полны решимости продвинуться вперед до самых римских укреплений. И хотя близстоящие римляне тут же выстроились в боевом порядке, а те, кто находился поодаль, сбегались на поднятый евреями крик, дерзость евреев предупредила римский порядок, и они, обратив в бегство тех, кто встретился на пути, устремились против вновь прибывающих. Вокруг орудий завязалось несказанное по ожесточенности сражение, ибо в то

время как евреи делали все, чтобы их поджечь, римляне не останавливались ни перед чем, чтобы воспрепятствовать этому. С обеих сторон раздавались невнятные крики, и многие из старавшихся в первых рядах пали мертвыми. Безрассудство евреев начинало одерживать верх: огонь уже лизал некоторые сооружения и угрожал вместе с орудиями пожрать и все остальное. Так наверняка и случилось бы, если бы не отборные александрийские части, которые в большинстве своем проявили неожиданную даже для самих себя стойкость, затмив в этом сражении гораздо более прославленные части римского войска, и отражали удар до тех пор, пока на неприятеля не обрушился Цезарь, поднявший лучшие отряды своей конницы. Он собственноручно поразил двенадцать евреев из сражавшихся в первых рядах; их участь заставила остальных повернуть вспять, и он преследовал их всех до самых городских ворот. Так он спас осадные сооружения от пожара.

Случилось, что в этом сражении один из евреев был схвачен живым, и Тит приказал распять его перед городской стеной, чтобы это зрелище послужило к устрашению остальных и к большей уступчивости с их стороны. Уже после отступления был убит предводитель идумеян Йоханан: он был поражен в грудь стрелой аравийского лучника в то время, как разговаривал перед стеной с каким-то знакомым воином. Он умер на месте, и смерть его повергла в великую скорбь идумеян и глубоко опечалила всех мятежников, ибо он отличался как храбростью, так и остротой ума.

VII

1. В следующую ночь и в стане римлян произошло неожиданное смятение. Дело в том, что Тит приказал построить и установить на валах три башни в 50 локтей высотой, по одной на каждом валу, чтобы с них обстреливать и обращать в бегство защитников на стене. И вот среди ночи одна из башен неожиданно сама по себе обрушилась. Произведенный ее падением ужасный грохот поразил римское войско страхом, и все, думая, что на них напал неприятель, бросились к оружию. Беспорядок и смятение воцарились в стане римлян, и так как никто не мог объяснить», в чем дело, они носились по

лагерю в полном замешательстве. А поскольку неприятеля нигде не было видно, римляне стали бояться друг друга, и, как если бы евреи уже прорвались в лагерь, каждый требовал от другого назвать ему пароль. Короче, они уподобились тем, кого поражает панический ужас, и пребывали в таком состоянии до тех пор, пока Тит не узнал о причине шума и не приказал объявить о ней по всему войску, с трудом положив конец всеобщему смятению.

2. Причиной поражения евреев, твердо державшихся во всех остальных отношениях, было не что иное, как башни. С этих башен по ним вели обстрел не только легкие орудия, но и копейщики, и лучники, и пращники, сами бывшие недосягаемыми из-за высоты, на которой размещались; взять же эти башни было невозможно и даже опрокинуть или поджечь их было нелегко из-за их веса и железа, которым они были обшиты. Когда же евреи отошли за пределы досягаемости снарядов, они уже больше не могли препятствовать работе таранов, медленно, но верно делавших свое дело. И стена наконец начала поддаваться под ударами Никона (Никон, или Победитель, было прозвище, данное самими евреями самому большому стенобитному орудию по той причине, что оно побеждало все на своем пути). Но евреи уже давно изнемогали от усталости из-за постоянных сражений и ночных дозоров вдали от города; кроме того, как ввиду своей беспечности, так и вследствие своего обыкновения принимать неправильные решения, они сочли защиту этой стены излишней (ведь за ней оставались еще две другие), и потому большинство защитников, смалодушничав, отступило от нее. И вот, в то время как римляне поднимались по проделанным Никоном проломам, все как один защитники оставили эту стену и бежали ко второй стене. Те же, перебравшись через стену, отворили ворота и впустили внутрь все войско. Таким образом, на 15-й день осады, в 7-й день месяца Артемисия, римляне овладели первой стеной; так же, как это сделал до них Цестий, они снесли бóльшую ее часть вместе с северными предместьями города.

3. Теперь Тит перенес свой лагерь за стену, к так называемому Ассирийскому стану, расположив его до самой Кидронской долины, но на таком расстоянии от второй стены, чтобы быть недосягаемым для снарядов, и немедленно повел

наступление. Разделившись, евреи упорно отстаивали стену: люди Йоханана вели бой с Антонии, северной колоннады Храма и с места, что перед гробницей царя Александра, тогда как части Шимона, заняв проход у гробницы первосвященника Йоханана, укрепились по всей линии до ворот, через которые подвозилась вода к башне Гиппик. Часто они выскакивали за ворота и завязывали рукопашный бой, но всегда терпели поражение и, преследуемые римлянами, едва успевали спастись бегством на стену: несведущие в военном искусстве римлян, они проигрывали в рукопашной, но зато в битве за стены преимущество было на их стороне. И если римляне располагали силой в сочетании с опытом, то на стороне евреев были отчаянная отвага, которую питали страх и врожденная стойкость перед лицом бедствий; кроме того, они все еще надеялись на спасение, точно так же, как римляне – на скорую победу. Ни те ни другие не знали усталости: нападения, стычки у стен, вылазки отдельных отрядов не прекращались в течение целого дня, и не было такого вида ведения боя, который бы остался неиспробованным. Начинали с рассвета, и даже ночь почти не приносила передышки – она проходила без сна как с той, так и с другой стороны и переносилась даже еще тяжелее, чем день, ведь и евреи, и римляне проводили ее в непрестанном страхе: первые боялись, что неприятель вот-вот захватит стену, вторые же все время ожидали нападения на лагерь. И потому обе стороны проводили ночи в боевой готовности и с первыми лучами солнца были готовы к сражению.

Между евреями было постоянное соперничество в том, чтобы выказать большую отвагу и тем самым снискать благоволение своих начальников. Но ни к кому они не относились с таким почтением и страхом, как к Шимону: его подчиненные были столь преданы ему, что по его приказанию каждый с величайшей готовностью наложил бы на себя руки. Что же касается римлян, то их мужество было вызвано как привычкой к победам и непривычкой к поражениям, так и постоянными походами и непрерывными упражнениями и величием империи, но более всего прочего причиной их мужества был Тит, появлявшийся повсюду и всегда бывший на виду у воинов. Выказать слабость в присутствии Цезаря, сражавшегося вместе со всеми, считалось ни с чем не сравнимым позором,

зато для тех, кто отличался в бою, Цезарь был одновременно и свидетелем, и награждающим, ибо уже одно то, что Цезарь признал чьи-то заслуги, было само по себе большой выгодой. И потому многие выказывали рвение, зачастую превышавшее их силы. Так, например, как раз в эти дни перед стеной однажды выстроились большие силы евреев, и оба строя обменивались выстрелами на далеком расстоянии. Один из римской конницы, по имени Лонгин, вдруг вырвался из строя и, врезавшись в самую середину еврейских рядов, рассеял их своим нападением. Им были убиты двое еврейских бойцов из самых отборных – одного, выступившего против него, он поразил ударом в лицо, а другому, обратившемуся в бегство, пронзил бок вырванным из рук первого копьем. Совершив все это, он невредимым умчался из гущи врагов назад в свой лагерь. Подвиг прославил его имя, и многие в рядах римлян стремились подражать его доблести.

Евреи, со своей стороны, пренебрегали потерями и стремились только нанести урон римлянам. Они не ставили ни во что даже самое смерть – лишь бы только, умирая, увлечь за собой кого-либо из врагов. Зато Цезарь заботился о безопасности своих воинов не менее, чем о самой победе: он всегда называл неосмотрительную отвагу безумием и видел доблесть только в таких действиях, которые совершались обдуманно и не влекли за собою потерь. Потому он наказывал своим людям быть мужественными, не подвергая себя опасности.

4. Наконец он подвел таран к средней башне северной стены. Здесь притаился один мошенник-еврей по имени Кастор вместе с десятью другими ему подобными, в то время как все остальные бежали перед стрелами римских лучников. Некоторое время они сидели неподвижно, спрятавшись за защитными валами; когда же башня начала раскачиваться, они поднялись, и Кастор, простирая руки наподобие умоляющего, стал взывать к Цезарю и жалобным голосом молить его о пощаде. Тит по своему прямодушию поверил ему и в надежде, что евреи уже образумились, приостановил работу тарана; запретив своим лучникам стрелять в молящих, он велел Кастору говорить. Когда же тот пообещал спуститься и сдаться на милость победителя, Тит ответил, что приветствует его благоразумие, надеется, что все в городе уже пришли к подобному решению, и он, со своей стороны, готов взять на себя соответствующие

обязательства перед городом. Пятеро из десяти вместе с Кастором лицемерно молили о пощаде, тогда как остальные пятеро кричали, что, пока у них есть возможность умереть свободными, они никогда не согласятся стать рабами римлян. Так они долгое время препирались друг с другом. Между тем наступление было приостановлено, Кастор же послал передать Шимону, что тот может пока спокойно совещаться о том, что ему следует предпринять, так как он еще долго будет водить за нос главу римлян.

Даже отправляя это послание, он продолжал оставаться на виду у римлян и уговаривать несогласных сдаться. Наконец, те, словно будучи вне себя от негодования, воздели над валами обнаженные мечи и, ударив ими по своим щитам, упали, словно пронзенные насмерть. Решимость этих людей поразила Тита и всех, кто был с ним, изумлением – не будучи в состоянии видеть снизу все подробности происходящего, они восхищались их отвагой и сожалели об их участи.

Тут кто-то пустил стрелу, ранившую Кастора в лицо у носа; немедленно вынув стрелу, он показал ее Титу и стал жаловаться, что он-де страдает несправедливо. Сделав выговор стрелявшему, Тит послал находившегося тут же Йосефа пожать Кастору руку, закрепив тем самым его обязательство перед ним. Однако Йосеф, подозревавший недоброе, отказался идти и удерживал своих друзей, желавших пойти вместо него. Наконец вызвался один перебежчик, по имени Эней, а так как Кастор еще и приглашал кого-нибудь принять от него бывшие при нем деньги, то тот еще с большей готовностью подбежал и подставил свой плащ. Тогда Кастор поднял камень и бросил им в Энея, но, поскольку тот был настороже, не попал в него самого, а ранил одного приблизившегося вместе с ним воина. И тут Цезарь проник в его обман и понял, что жалость к врагу не приносит ничего, кроме вреда, тогда как суровость предохраняет от опасности стать жертвой козней. В гневе на то, что с ним проделали подобную шутку, он приказал еще более усилить удары тарана. Когда башня стала поддаваться, Кастор и его люди подожгли ее, а сами спрыгнули сквозь пламя в бывшее под ней тайное убежище, вновь поразив своей храбростью римлян, думавших, что они и в самом деле бросились в огонь.

VIII

1. Это и было то место, где, на пятый день после взятия первой стены, Тит завладел и второй. Евреи бежали от нее, и он в сопровождении тысячи тяжеловооруженных воинов, а также своего собственного отборного отряда вступил в ту часть Нового города, где жили торговцы шерстью и кузнецы, где находился платяной рынок и где улицы косо отходили от стены. И если бы он сразу по вступлении разрушил большую часть стены или, следуя закону войны, разграбил занятую часть города, то, мне думается, никакая неудача не омрачила бы победы. Но он тогда еще надеялся усовестить евреев тем, что не причиняет им зла, какой мог бы причинить, и потому не расширил проема в стене настолько, чтобы обеспечить себе беспрепятственное отступление. Ведь он и не подозревал, что те, кому он благодетельствует, будут строить против него козни! Более того – при вступлении в город он распорядился, чтобы его люди не убивали схваченных евреев и не поджигали домов, дал мятежникам возможность вести войну при том условии, что они не будут причинять вреда мирным гражданам, а последним обещал неприкосновенность их имущества. И все это он сделал потому, что более всего остального желал спасти для себя город, а для города – Храм.

Что касается народа, то он и прежде, и сейчас был готов на любые условия, однако те, кто участвовал в войне, принимали человеколюбие за слабость. Тит, думали они, предлагает это только потому, что не в состоянии взять весь город. Они угрожали горожанам смертью за одно упоминание о сдаче и убивали на месте всякого, кто произносил слово «мир». Одновременно они набросились на вступавших в город римлян: одни нападали в узких переулках, другие выскакивали из домов, третьи же совершали из верхних ворот налеты на тех, кто находился за стеной. Вылазки этих последних повергли поставленную при стене охрану в такое смятение, что они попрыгали с башен и убежали к лагерю. По обе стороны стены раздавался громкий крик римлян: находившиеся внутри кричали оттого, что были со всех сторон окружены врагами, находившиеся снаружи – от страха за судьбу оставшихся позади товарищей.

Между тем евреи все прибывали. Знакомство с городскими улицами давало им значительное преимущество перед рим-

лянами, и потому они не переставали теснить их, ранив при этом многих. Римляне же не имели другой возможности, кроме как продолжать сопротивляться, так как узкий проход в стене не позволял бежать всем одновременно. Можно полагать, что все, кто вошел в город, были бы перебиты, если бы им на помощь не явился Тит. Расставив на концах улиц лучников, он сам встал в том месте, где скопление было наиболее густым, и стрелами отбивал неприятеля; вместе с ним сражался Домиций Сабин, доблестный муж, особенно проявивший себя в этой битве. Цезарь не двигался с места и сдерживал своей стрельбой натиск евреев до тех пор, пока все его воины не отступили.

2. Таким образом, римляне были отброшены от второй стены, уже овладев ею. Это подняло дух тех, кто желал войны; успех вскружил им голову, и они уже думали, что римляне больше не осмелятся вступить в город, а если и попытаются сделать это, то наверняка будут разбиты. Не иначе как Бог в наказание за беззакония помрачил их рассудок, и они не видели ни того, что разбитый ими отряд составлял лишь ничтожную часть римских сил, ни того, как к ним приближается голод. Еще бы – ведь они все еще могли питаться несчастьями граждан и пить кровь города! Между тем порядочные граждане уже давно страдали от нужды, и недостаток во всем самом необходимом был причиной смерти многих из них. Однако мятежники видели в гибели людей только облегчение для самих себя: ведь они считали, что достоин жизни лишь тот, кто не ищет мира и живет только для битв с римлянами, и потому радовались, видя, как несогласное с ними большинство постепенно вымирает. Это они считали освобождением от лишнего бремени. Так они относились к жителям города.

Что же касается римлян, то те вновь пытались пробиться в город, и мятежники отражали их натиск, закрывая брешь своими телами. Так, благодаря отчаянному сопротивлению, они сумели продержаться в течение трех дней. Однако на четвертый день доблестный натиск Тита превозмог их сопротивление, и они вынуждены были отступить на прежние позиции. Тит вновь овладел стеной и на этот раз приказал немедленно разрушить всю северную ее часть. В башнях же южной стены он разместил гарнизон и стал готовиться к наступлению на третью стену.

IX

1. Вместе с тем он решил временно приостановить осаду, чтобы дать мятежникам время на размышление: он надеялся, что взятие второй стены вместе с угрозой голода (ведь запасы, пополняемые грабежами, должны были скоро иссякнуть) склонят их к сдаче. Этой передышкой он распорядился следующим образом. Поскольку наступил срок выдачи жалованья воинам, он приказал военачальникам выстроить войско на виду у противника и отсчитать каждому причитающуюся сумму. Согласно принятому обычаю, воины снимали с оружия обыкновенно прикрывавшие его чехлы и выходили в полном боевом облачении, всадники выводили лошадей в полном убранстве. Все пространство перед городом засверкало золотом и серебром: для римлян не было ничего восхитительнее этого зрелища, для их врагов – ничего ужаснее. Вся Старая стена и северная сторона Храма были переполнены зрителями, люди высовывались из домов, чтобы лучше видеть, и во всем городе не было такого места, где бы ни толпились люди.

Вид собравшегося в одном месте римского войска, красота его вооружения и царивший в его рядах порядок повергли в неописуемый ужас даже самых отважных. И я думаю, что если бы изобилие совершенных ими против народа злодеяний не лишало их всякой надежды на прощение со стороны римлян, то это зрелище заставило бы мятежников переменить свой образ действий. Теперь же они знали, что даже в случае прекращения борьбы им уготована мучительная смерть, и потому предпочитали смерти под пытками смерть в бою. Кроме того, и судьбой уже было решено так, что вместе с виновными погибнут невинные и вместе с междоусобицей – весь город.

2. Выдача жалованья римским легионам продолжалась четыре дня. На пятый день Тит, видя, что нет никаких признаков того, чтобы евреи склонились к миру, разбил легионы на две части и приступил к строительству насыпей – одной против Антонии, а другой у гробницы Йоханана (отсюда он намеревался взять Верхний город, а со стороны Антонии – Храм, обладание которым обеспечивало и власть над городом). У каждого из этих мест велись работы по возведению двух насыпей, по одной на каждый легион. Работам у гробницы пытались помешать вылазками идумеяне и отряды Шимона,

а люди Йоханана и толпа зелотов нападали на тех, кто занимался строительством у Антонии. На их стороне было теперь преимущество не только в ручном метании снарядов (ведь они посылали снаряды сверху вниз), но и в стрельбе из орудий, которыми они к тому времени научились пользоваться, ежедневными упражнениями понемногу приобретя опыт в этом деле. У мятежников было 300 скорострелов и 40 камнеметов, с помощью которых они существенно затрудняли римлянам строительство валов.

Вместе с тем Цезарь, знавший, что как спасение, так и погибель города зависят именно от него, вместе с продолжением осады не переставал заботиться и о том, чтобы склонить евреев к изменению образа действий. Хорошо понимая, что зачастую словами можно достичь большего, чем силой оружия, он сочетал военные действия с благими советами, лично призывая евреев сдаться и тем спасти и без того уже взятый римлянами город. Кроме того, он послал Йосефа поговорить с ними на их родном языке, рассчитывая, что они скорее поддадутся на речи соотечественника.

3. Обойдя стену, чтобы отыскать такое место, где бы он был недосягаем для снарядов и одновременно хорошо слышим защитниками, Йосеф простер к ним руки и стал умолять не быть более равнодушными, чем даже чужеземцы, и пощадить как самих себя и народ, так и родной город и Храм. «Даже римляне, – сказал он, – которым и дела нет до вражеских святынь, даже римляне принимают близко к сердцу их судьбу и до сих пор воздерживаются посягнуть на них, тогда как вы, взращенные в их лоне, вы, которым, если только они сохранятся, эти святыни будут безраздельно принадлежать, делаете все, чтобы привести их к гибели! Разве вы не видите, что самые сильные стены уже пали, те же, что остались, гораздо слабее взятых? Или вы не знаете, что ничто не может одолеть римской мощи? Да ведь и нельзя сказать, чтобы вы не были знакомы с подчинением римлянам! Но вы возразите, что воевать за свободу прекрасно, – однако в таком случае следовало поступить так с самого начала, ибо если кто уже однажды склонился под ярмом и нес его долгое время и вдруг потом захотел это ярмо сбросить, то не любовью к свободе следует это называть, но самоубийственным стремлением к смерти! И если даже правда, что не должно считаться со слабыми власти-

телями, то это никак не может относиться к тем, которым подвластно все. Назовите мне хоть одно место, которое избегло бы римской власти, за исключением разве что тех, которые ввиду своего слишком жаркого или же слишком холодного климата не могут представлять никакой пользы. Повсюду судьба сопутствует им, и Бог, передающий власть от народа к народу, ныне обитает в Италии.

Есть один непреложный закон, общий для животных и для людей, именно, что слабый всегда склоняется перед сильным и что победа всегда достается тому, кто располагает превосходством в оружии. Оттого-то и предки ваши, далеко превосходившие вас и духом и телом, равно как и во многих других отношениях, склонились перед римлянами: ведь они никогда бы не стерпели этого, если бы не были уверены, что на стороне римлян сам Бог. А вы? На что полагаетесь вы в своем сопротивлении? Ведь бóльшая часть города уже взята, и даже если стены, за которыми вы укрываетесь, уцелеют, настоящее ваше положение даже хуже, чем плен. Не думайте, что римлянам ничего не известно о голоде: пока он косит только народ, но в недалеком будущем распространится на все ваше войско. И потому, даже если римляне и остановят осаду и не будут вторгаться в город с мечами в руках, то все равно у вас внутри стана находится непобедимый противник, силы которого возрастают с каждым часом. Или и против него вы хотите, подняв оружие, выступить войной, доказав тем самым, что вы единственные из людей способны победить даже телесные недуги?

Но сколь прекрасно было бы одуматься еще до того, как совершится непоправимое несчастье, и, пока еще это возможно, обратить помыслы к спасению! Ведь если вы не будете упорствовать в самонадеянности, римляне, со своей стороны, не будут злопамятны и простят вам все происшедшее. Они по природе своей милосердны к побежденным и ставят собственную выгоду выше мести, а обезлюдевший город и опустошенная страна не находятся в согласии с их выгодой. Потому-то Цезарь даже сейчас готов предложить вам условия сдачи. Но если вы даже в крайней нужде, в которой находитесь, не последуете его призыву, то он, взяв город силой, не пощадит никого. А ручательством того, что третья стена вскоре будет взята, служат стены, взятые прежде, и даже если бы эта твер-

дыня была несокрушима, то голод воюет против вас на стороне римлян».

4. Пока Йосеф увещевал их таким образом, многие из тех, кто был на стене, насмехались над ним, многие бранили, а некоторые даже бросали в него камнями. Увидев, что его доводы, несмотря на их очевидность, не возымели действия, Йосеф перешел к событиям еврейской истории. «О несчастные! – воскликнул он.– Забывая о том, кто ваш единственный союзник, вы хотите побороть римлян силой рук и оружия? Но разве мы хоть раз победили кого-либо таким путем? И разве не Бог, Творец [всего сущего], бывал мстителем за евреев всякий раз, когда они подвергались несправедливости? Оглянитесь же назад и посмотрите, что подвигло вас на эту борьбу и сколь велик союзник, которого вы оскорбили! Вспомните о чудесах, свершавшихся во времена наших отцов, вспомните, сколько раз в былые времена это священное место повергало в прах наших врагов! И хотя мысль о том, что я повествую о деяниях Божьих столь недостойным слушателям, приводит меня в трепет, все же слушайте, слушайте затем, чтобы убедиться, что вы ведете войну не только против римлян, но и против самого Бога.

Некогда египетский царь Нехо, называвшийся также фараоном, пришел сюда с неисчислимым войском и похитил царицу Сарру, праматерь нашего рода. И как поступил тогда ее супруг Авраам, наш прародитель? Быть может, он взялся за оружие, чтобы отомстить обидчику, – ведь ему подчинялись триста восемнадцать полководцев, каждый из которых располагал несметным войском? Но нет! Для него все это было не более чем пустым местом в сравнении с помощью Бога, и потому он простер свои безгрешные руки к оскверненному вами нынче месту и заручился содействием непобедимейшего из союзников. И что же? На следующий же вечер царица была возвращена нетронутой к своему супругу, а египтянин, весь трепеща от ночных видений, преклонился перед местом, которое вы запятнали братской кровью, и бежал, одарив любезных Богу евреев серебром и золотом.

Говорить мне или же умолчать о переселении наших предков в Египет, о том, как они были угнетаемы чужеземными царями в продолжение четырехсот лет и, хотя и могли защищаться с оружием в руках, препоручили себя Богу? Кто не знает, как затем Египет наполнился всякого рода зверьем и стал гиб-

нуть от всевозможных болезней, о том, как земля перестала плодоносить, а воды Нила иссякли, о череде десяти казней, о том, как наконец наши предки были отпущены в полной безопасности, без кровопролития, под охраной, – и все потому, что сам Бог вел их, чтобы они стали хранителями Его Храма?

А когда наш священный ковчег был захвачен сирийцами – не стонала ли в те дни вся Палестина и изваяние Дагона, не стонал ли в те дни народ, к которому принадлежали похитители? Сокровенные части тела покрылись у них гнойными язвами, сквозь которые вместе с поглощаемой пищей проваливались их внутренности, и что же? Сами же похитители принесли ковчег обратно под звуки кимвалов и тимпанов и искупительными жертвами старались умилостивить святыню! Ибо сам Бог был воителем за дело ваших отцов, которые, не прибегая к оружию, всецело положились на Его волю.

А ассирийский царь Синнахериб? Он, приведший сюда за собой полчища со всей Азии и со всех сторон обложивший этот город, пал ли он от человеческих рук? Нет, ибо руки тогда не касались оружия, а были простерты в молитве, и что же? Ангел Божий в течение одной ночи скосил все бесчисленное войско, когда же ассириец, пробудившись поутру, нашел вокруг себя сто восемьдесят пять тысяч трупов, он с остатками войска бежал от безоружных евреев, даже не преследовавших его.

Известно вам и о вавилонском рабстве, о том, как народ жил на чужбине в течение семидесяти лет, даже не пытаясь восстать, чтобы возвратить себе свободу, пока наконец Кир не сделал этого для них в угоду Богу, ибо он отправил их назад, чтобы они восстановили служение своему Союзнику.

Короче говоря, еще ни разу наши предки не добились чего бы то ни было силой оружия, и еще ни разу Бог, к Которому они, пренебрегая силой, обращали свои молитвы, не подводил их. Они побеждали, не двигаясь с места, ибо так было угодно [Небесному] Судье, и терпели поражение всякий раз, когда вступали в борьбу. Именно так и случилось, когда царь вавилонян осаждал этот город, а наш царь Седекия (Цидкияху), вопреки пророчествам Иеремии (Ирмияху), вступил с ним в бой. И что же? Сам он был взят в плен, а город и Храм были снесены до основания на его глазах. И все же насколько тот царь был умереннее ваших вождей и насколько его подданные были умереннее вас! Ведь ни царь, ни

народ не причинили никакого вреда Иеремии, кричавшему, что это они своими прегрешениями против Бога вызвали на себя Его гнев и что все они будут взяты в плен, если не сдадут города вавилонянам. А вы? Не говоря уже о том, что вы совершили в городе – ведь у меня недостало бы сил изложить все учиненные вами беззакония, – вы поносите и забрасываете камнями меня, пришедшего говорить о вашем же спасении, ибо вы злы на меня за то, что я напоминаю вам о ваших преступлениях, ведь вы не в состоянии слушать о делах, совершаемых вами ежедневно.

Но я продолжаю. Когда Антиох, прозванный Эпифаном, большой грешник перед Господом, осаждал город и наши предки выступили против него с оружием, то не только сами они погибли в этом сражении, но и город был разграблен и святилище было предано запустению в течение трех лет и шести месяцев. Но стоит ли еще продолжать?

И наконец, кто наслал римлян на нашу страну? Не безбожие ли ее обитателей? И откуда берет начало наше рабство? Не от междоусобицы ли наших предков? Ведь не что иное, как безумие Аристобула и Гиркана и их взаимный раздор привели Помпея, и тогда Бог подчинил власти римлян тех, кто более уже не заслуживал свободы. И вот, после трех месяцев осады они сдались, хотя и не погрешили против святилища и отеческих законов так, как погрешили вы, и гораздо лучше вас были подготовлены к войне. И разве мы не знаем, каков был конец Антигона, сына Аристобула? Ведь в его царствование Бог вновь отдал этот заблудший народ в добычу победителям: Ирод, сын Антипатра, привел Сосия, а Сосий – римское войско, город был окружен и переносил осаду в течение шести месяцев, пока наконец его жители в расплату за свои прегрешения не были захвачены, а сам он не был разграблен неприятелем.

Таким образом, сила нашего народа никогда не заключалась в оружии, и война всегда влекла за собой поражение и плен. И потому, думаю я, тем, кто владеет священным местом, должно предоставить все Божьему суду и, если только они полагаются на Высшего Судью, презреть силу рук человеческих. Но разве вы исполнили что-нибудь из того, что благословил законодатель? Или отвергли что-нибудь, что предал он осуждению? Насколько же нечестивее вы тех, кто пал еще быстрее, чем вы! Вы не гнушались тайными преступления-

ми – воровством, предательством, прелюбодеянием; вы соревновались друг с другом в грабежах и убийствах; вы продолжили новые, дотоле неведомые у нас пути порока. Вы превратили Храм во всеобщий притон; вы, рожденные в этой стране, собственными руками осквернили посвященное Богу место, которое почитали издали даже римляне, отказавшиеся ради нашего закона от многих собственных обычаев. И после всего этого вы еще ожидаете, что Тот, Кого вы оскорбили, будет вашим союзником?! Что и говорить, вот поистине благочестивые просители, простирающие незапятнанные руки, чтобы призвать Его к себе на помощь!

Но разве такими были руки нашего царя, молившего о помощи против ассирийцев в ту пору, когда Бог за одну ночь истребил все их огромное войско? И разве действия римлян подобны действиям ассирийцев, чтобы вы могли надеяться на подобную же защиту? Ведь те взяли у нашего царя деньги и на этом условии обязались пощадить город, и, однако, вопреки принесенным клятвам, явились, чтобы сжечь Храм. Римляне же требуют только условленной дани, которую наши отцы обязались выплачивать их отцам: как только получат требуемое, не причинят вреда городу и даже не коснутся Храма, предоставив все в наше распоряжение. Семьи наши будут свободными, собственность – в безопасности, и священные законы спасены.

Но ожидать, чтобы Бог поступал с благочестивыми и нечестивыми одинаково – не что иное, как безумие. Кроме того, Он умеет тотчас же прийти на помощь, когда должно: сломил же Он мощь ассирийцев в первую же ночь, когда они разбили свой стан перед городом! И потому если б Он считал наше поколение достойным свободы, а римлян – заслуживающими наказания, то Он обрушился бы на них так же, как на ассирийцев, немедленно – еще тогда, когда Помпей поднял руку на этот народ, или тогда, когда вслед за Помпеем пришел Сосий, или тогда, когда Веспасиан опустошал Галилею, или, наконец, сейчас, когда Тит приблизился к городу! Однако Помпей и Сосий не только не пострадали, но и взяли город силой, Веспасиан в войне с нами проложил путь к императорскому престолу, что же касается Тита, то при нем даже источники наполнились водой – те самые источники, которые прежде высохли при вас! Ведь вы и сами знаете, что до его прибытия и

Шилоах, и те источники, что за городом, иссякали, так что вода в городе покупалась по амфорам. И что же? Теперь эти источники настолько наполнились водой в честь ваших врагов, что ее хватает не только для них самих и их скота, но и для орошения садов. А ведь это знамение известно вам, ведь оно имело место уже однажды при взятии города, именно, при нашествии вышеупомянутого вавилонского царя, который взял город и сжег Храм, между тем как я уверен, что тогда наши предки не были столь нечестивы, как вы. И потому я полагаю, что Божество оставило наши священные места и стоит теперь на стороне тех, против кого вы воюете. Ведь если порядочный человек бежит из дома порока и с омерзением отворачивается от его обитателей, то неужели же вы все еще рассчитываете, что Бог, Которому видно скрытое от глаз и слышно умалчиваемое, что Бог будет с вами, несмотря на все ваши злодеяния?! Впрочем, разве вы умалчиваете о чем-либо, разве вы что-либо скрываете? Разве хоть что-то из совершаемого вами не стало явным даже вашим врагам? Ведь вы кичитесь своими беззакониями, изо дня в день оспариваете друг у друга первенство в пороке и, словно какую-то добродетель, выставляете напоказ несправедливость.

И все же, несмотря на все это, перед вами, если только захотите, еще открыт путь спасения, ибо Божество охотно прощает тех, кто раскаивается и сознает свою вину. О жестокосердые! Сбросьте вооружение, сжальтесь наконец над гибнущим отечеством! Оглянитесь вокруг себя, посмотрите, сколь прекрасно то, что вы губите, – что за город, что за Храм приношения скольких народов! Кто укажет сюда путь пламени?! Кто желает, чтобы это перестало существовать?! Что заслуживает спасения более, чем все это?! Поистине вы безжалостны и более бесчувственны, чем камни. Но если вас не трогает даже вид всего этого, то сжальтесь хотя бы над своими семьями! Пусть каждый представит детей, жену и родителей, которых вскоре унесет голод или война. Я знаю, что опасность нависла также и над моими собственными матерью и женой, над моим далеко не безвестным родом и издревле славным домом, и вы, наверное, думаете, что это из-за них я советую вам сдаться. Но убейте их, и пусть ценой за ваше спасение будут мои собственные плоть и кровь! И сам я готов умереть, если только это заставит вас образумиться».

X

1. Однако слезные призывы Йосефа не возымели никакого действия. Мятежники не собирались сдаваться и не считали, что перемена образа действий обеспечит их безопасность. Что же касается жителей города, то они один за другим склонялись в пользу бегства в римский лагерь. Одни продавали за бесценок имущество, другие – драгоценнейшие из своих сокровищ; чтобы вырученные таким образом деньги не стали добычей разбойников, они проглатывали золотые монеты, а после этого бежали к римлянам. Там им оставалось только опорожнить желудок, и они располагали средствами, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Большинству из них Тит позволял рассеяться по стране, и каждый селился там, где хотел. Это в особенности располагало их в пользу бегства к римлянам, ибо таким образом они избавлялись от бедствий внутри города, не становясь вместе с тем рабами римлян. Люди же Йоханана и Шимона, со своей стороны, препятствовали бегству даже ревностнее, чем вторжению римлян, и на месте расправлялись со всяким, на кого падала хотя бы тень подозрения.

2. Богатым же людям оставаться в городе и вовсе было равнозначно погибели, ибо всякий позарившийся на их имущество мог расправиться с ними под тем предлогом, что они намереваются перебежать к римлянам. По мере того как усиливался голод, безумие мятежников все возрастало, и со дня на день оба бедствия разгорались все с большей силой. Когда продовольствия уже совсем не стало, они начали врываться в дома с обыском; если удавалось что-нибудь найти, они истязали хозяев за то, что те не сказали правды; если же ничего не находилось, подвергали их пытке, подозревая, что продовольствие скрыто в потайном месте. Присутствие или отсутствие у кого-либо припасов определялось по внешнему виду несчастных: тех, кто сохранял еще какую-то крепость, они подозревали в наличии у них источника пропитания; тех же, кто был уже совершенно истощен, обходили, полагая излишним умерщвлять людей, которых и без того вот-вот подкосит голод. Многие тайком обменивали имущество на меру зерна – более богатые на меру пшеницы, те же, кто победнее, – на меру ячменя. Затем они запирались в самых укромных уголках своих домов, и были и такие, что в нестерпимом голоде поедали зерно сырым, другие же пекли его – постольку, поскольку позво-

ляли обстоятельства и страх. За стол, однако, нигде не садились – хлеб выхватывали из огня и пожирали сырым.

3. Жизнь эта была столь жалкой, что слезы наворачивались на глаза при виде того, как сильные забирают себе все лучшее, а слабые влачат жизнь, полную скорби и страданий. Голод подавлял остальные чувства, и все же ни одно из них не уничтожилось до такой степени, как чувство стыда, ибо из-за голода люди стали попирать все, что прежде высоко ставилось ими. Жены вырывали пищу у мужей, дети – у родителей и, что ужаснее всего, – матери у своих малюток, ибо в то самое время, когда их любимые детища угасали в их объятиях, они без колебаний отказывали им в живительной влаге. Но даже и это жалкое пропитание они не могли утаить, ибо грабившие их мятежники подстерегали повсюду. Всякий запертый дом был признаком того, что внутри что-то едят, и они немедленно врывались внутрь, выламывая двери, и вырывали куски едва ли не из самой глотки. Они избивали цеплявшихся за пищу стариков, вырывали волосы у женщин, пытавшихся прикрыть куски руками. Не было пощады ни седым старикам, ни младенцам – детей, цеплявшихся за свои куски, они поднимали высоко вверх, а затем швыряли на землю! С теми же, кто предупреждал их налет и успевал проглотить то, что они собирались отнять, мятежники поступали еще более жестоко, как будто бы у них отнимали то, что принадлежало им по праву. Для того чтобы узнать, где спрятаны припасы, они изобретали ужасные роды пыток: горошинами затыкали несчастным отверстия в срамных частях и втыкали им в седалище острые палки. Пыткам, самый рассказ о которых приводит в содрогание, они подвергали людей, чтобы добиться признания в укрытии одного-единственного хлеба или добраться до места, где спрятана всего одна горсть муки.

Мучителей можно было бы счесть менее жестокими, если бы их действия вызывались нуждой, однако сами они не страдали от голода – поступая так, они лишь тешили свое безумие и заботились о припасах на будущее. Некоторые из горожан по ночам прокрадывались вплоть до римской стражи и собирали дикую зелень и травы; однако в то самое время, когда они уже думали, что благополучно избежали рук неприятеля, мятежники отнимали все, что они принесли. И даже когда те умоляли их и заклинали наводящим трепет именем Бога, чтобы им оставили хотя бы часть добытого с такой опасностью, мятежники

отнимали все без остатка, и ограбленный должен был радоваться тому, что его по крайней мере не лишили жизни.

4. Таковы были насилия, которым приспешники тиранов подвергали простых людей. Что же касается знатных и богатых, то их приводили к самим тиранам и умерщвляли, выдвигая против них ложные обвинения или в заговоре, или в том, что они собираются предать город римлянам. Впрочем, чаще всего выступал подставной осведомитель, обличавший их в намерении перебежать к римлянам. Те, кого обобрал Шимон, препровождались к Йоханану, а ограбленные Йохананом переходили в руки Шимона. Так они по очереди пили кровь горожан и делили между собой трупы несчастных, ибо, хотя они и боролись друг с другом за власть, во всем, что касалось нечестивых преступлений, между ними царило полное согласие. И тот, кто не давал другому доли в чужих несчастьях, единодушно признавался злодеем, а обделенный скорбел о потере возможности совершить жестокость так, словно лишился какого-то блага.

5. Однако нет никакой возможности описать по порядку все их злодеяния, вообще же можно сказать, что еще ни один город не перенес ничего подобного и еще ни одно поколение во веки веков не производило столько зла. В конечном итоге они, чтобы выглядеть меньшими нечестивцами в глазах чужаков, стали относиться с пренебрежением и к самому еврейскому племени, показав тем самым, кто они такие на самом деле – рабы, сброд, выродки еврейского народа. Они-то и ниспровергли город, хотя и принудили римлян против их воли поставить свое имя под этой безрадостной победой, и это они почти что втащили в Храм медливший еще огонь! Достоверно известно, что без скорби и слез они созерцали из Верхнего города пылающий Храм, скорбь же и слезы следовало искать в стане римлян. Впрочем, об этом мы еще скажем позднее, в том месте, где будет дано описание соответствующих событий.

XI

1. Тем временем Тит почти закончил сооружение насыпей, несмотря на большие потери, причинявшиеся его войску со стены. Кроме того, он отрядил конную часть с приказом устраивать засады по лощинам и отлавливать тех, кто выходил из города собирать продовольствие. Иногда среди этих людей по-

падались и бойцы, бывшие уже не в состоянии прокормить себя грабежами, но по большей части это были бедняки из простого народа, не перебегавшие к римлянам только из страха за судьбу близких. Не было никакой надежды бежать с женами и детьми втайне от мятежников; оставить же их у этих разбойников вместо себя означало обречь их на верную смерть. Голод толкал горожан на эти дерзкие вылазки, и те, кому не удавалось остаться незамеченными, попадали в руки римлян. Будучи же застигнуты, они по необходимости, из страха перед наказанием, начинали обороняться, просить же о пощаде после сражения казалось им неуместным. Итак, после бичевания и всевозможных пыток, которым их подвергали перед смертью, их распинали перед стеной. Их приводили в день по пятьсот человек, а иногда и больше. Страдания их вызывали в Тите жалость, однако он считал небезопасным отпускать на свободу людей, при взятии оказавших сопротивление, а содержание такой толпы под стражей требовало целого гарнизона. Более же всего он не препятствовал этим казням из-за надежды на то, что вид распятых быстрее склонит защитников города к сдаче, ибо они осознают, какая участь будет ожидать их, если они не сдадутся. Воины же в своем ожесточении и ненависти ради насмешки пригвождали пойманных в самых различных позах, а численность их была такова, что не хватало уже ни места для крестов, ни крестов для тел.

2. Однако мятежники были настолько далеки от раскаяния, что даже придумали, как использовать страдания распятых для прямо противоположного воздействия на остальной народ. Они пригоняли к стене родственников перебежчиков и тех горожан, которые были готовы принять условия римлян, и показывали им, что претерпевают от римлян те, кто перебегает на их сторону (ведь они говорили, что распятые были перебежчиками, а не взятыми с боя пленными). И до тех пор пока не открылась истина, это действительно удерживало многих от бегства. Впрочем, были и такие, что тут же бежали к римлянам в расчете на верную казнь, ибо в сравнении с муками голода смерть от руки врага была в их глазах просто избавлением. Многим из схваченных Тит приказал отрубить руки, чтобы их не принимали за перебежчиков и чтобы постигшее их несчастье внушало доверие к ним, и послал их к Йоханану и Шимону со следующим увещеванием: «Не пора ли наконец остановиться и не толкать Тита на разрушение города? И не стоит ли

раскаяться хотя бы в последний миг и выиграть таким образом как собственную жизнь и родной город во всем его великолепии, так и, наконец, нераздельно принадлежащий одним только евреям Храм?» Одновременно с этим сам он объезжал насыпи и торопил строителей, показывая, что за словами в скором времени последуют и дела.

В ответ на это предложение мятежники, однако, только поносили со стены и самого Тита, и его отца. «Смерть мы презираем, – кричали они, – ибо для нас она гораздо желаннее рабства. Пока мы еще дышим, мы будем причинять римлянам столько вреда, сколько в состоянии причинить. Поскольку же, как ты сам сказал, нам предстоит погибнуть, то судьба города нас не волнует; что же касается Храма, то Вселенная – вот лучший Храм, который есть у Бога. Однако и этот Храм будет еще спасен Тем, Кто в нем обитает, Тем, находясь в союзе с Которым мы смеемся над всеми угрозами, весьма еще далекими от осуществления, ибо исход дела зависит от Бога». Вот примерно то, что выкрикивали они вперемешку с бранью.

3. В разгар этих событий прибыл Антиох Эпифан в сопровождении большого числа тяжеловооруженных воинов и с отрядом телохранителей, так называемых македонян. Это были рослые юноши-однолетки, едва вышедшие из отроческого возраста и воспитанные и вооруженные на македонский лад – отсюда и это прозвище, хотя в большинстве своем они далеко уступали македонскому племени. Царь Коммагенский из всех подчиненных римлянам царей пользовался наибольшим счастьем; однако и ему в конце концов пришлось испытать на себе превратности судьбы, так что к старости он являл собою пример того, что до тех пор, пока человек жив, не следует называть его счастливым.

Так вот, этот его сын, появившийся под Иерусалимом еще в пору расцвета своего отца, не скрывал удивления по поводу того, что римляне так медлят с приступом. Сам он был прирожденный воин и в придачу к отваге наделен такой исключительной телесной силой, что его дерзкие предприятия по большей части увенчивались успехом. На его слова Тит с улыбкой ответил, что эта война – их общее дело. Тогда Антиох вместе со своими македонянами сделал приступ на стену. Благодаря силе и сноровке сам он, пока его люди засыпали евреев стрелами, остался невредим, однако его отроки, за исключением немногих, были совершенно смяты снарядами евреев. И хотя они, боясь

нарушить обещание, являли в бою чудеса храбрости, в конце концов им, совершенно израненным, пришлось отступить, размышляя о том, что даже настоящим македонянам, чтобы побеждать, нужна была счастливая судьба Александра.

4. Римляне приступили к работам на 12-й день месяца Артемисия и закончили их только к 29-му дню, по истечении 17 дней беспрерывного изнурительного труда. Зато они насыпали четыре огромных вала: первый, что против Антонии, был возведен Пятым легионом посреди так называемого Воробьиного пруда; второй, на расстоянии 20 локтей от первого, был построен Двенадцатым легионом; вал Десятого легиона был воздвигнут на значительном расстоянии от первых двух, на север от города, у так называемого Миндального пруда; наконец, в 30 локтях от него, у гробницы первосвященника, был насыпан вал Пятнадцатого легиона.

В то время как к валам уже подвозили орудия, Йоханан из города провел подкоп к валу, возведенному против Антонии, и, подперев его своды деревянными сваями, подвел их также и под орудия, которые таким образом оказались висящими в воздухе. Затем он заполнил все это обмазанными асфальтовой смолой дровами и поджег. Когда сваи сгорели, подкоп обрушился, и осадные орудия со страшным грохотом провалились вниз. Сначала надо всем этим поднялся густой столб дыма и пыли, так как огонь был задушен обвалом; однако когда давившие сверху деревянные обломки выгорели, сквозь развалины пробилось яркое пламя. Неожиданное это событие так потрясло римлян, что они совершенно пали духом: они были уже совершенно уверены в победе, а теперь это происшествие погасило даже надежду на будущее. Тушить пожар не имело никакого смысла, ведь даже если бы это и удалось, насыпи все равно уже были поглощены пламенем.

5. Двумя днями спустя люди Шимона предприняли нападение на остальные валы, так как римляне уже подвезли к ним тараны и начали сотрясать стену. Некий Тифтай из галилейского города Гарис и Мегассар, из слуг царицы Мирьям, вместе с одним адиабенянином, сыном Навтая, носившим вследствие своего увечья прозвище Хагира (что означает Хромой), схватили факелы и бросились на орудия. За всю войну в городе не появлялось ни столь отчаянных, ни столь страшных для противника бойцов, как эти трое. Они ринулись без страха, без колебаний, без промедления – словно навстречу товарищам, а не

против вражеского строя! – и, прорвавшись сквозь гущу неприятеля, подожгли орудия. И хотя отовсюду на них обрушился град снарядов и удары мечей, они не отступались от своего опасного предприятия до тех пор, пока огонь не охватил орудия. Когда уже разгорелся пожар, римляне из лагеря бросились на помощь, но евреи со стены препятствовали им, ничуть не щадя собственной жизни, набрасывались на тех, кто пытался тушить пожар. Бросаясь в огонь, евреи перехватывали римлян, пытавшихся вытащить тараны, навесы над которыми уже загорелись, и не выпускали орудия из рук, даже когда им приходилось держаться за раскаленное железо.

От орудий огонь перекинулся на насыпи, предупредив таким образом усилия римлян потушить его. Оказавшись в кольце огня, римляне оставили надежду спасти сооружения и стали отступать в направлении лагеря. Однако евреи, число которых постоянно прибывало, потому что к ним присоединялись люди из города, не переставали теснить их и, ободренные своим успехом, нападали столь неудержимо, что продвинулись в конце концов до самых укреплений и завязали бой с охраной лагеря. Эта охрана – особая сменяющаяся часть, выставляемая перед римским лагерем, и относительно нее у римлян существует суровый закон, что всякий часовой, по какой бы то ни было причине отступивший с поста, непременно карается смертной казнью. Итак, часовые, предпочтя доблестную смерть казни, выстояли перед натиском евреев, и крайнее положение, в котором они оказались, заставило многих из тех, кто спасался бегством, устыдиться и повернуть назад. Расставив по стенам скорострелы, они удерживали все прибывавшую из города толпу, не позаботившуюся ни о каких мерах для обеспечения своей безопасности. Евреи схватывались со всяким, кто стоял на их пути, совершенно забыв об осторожности, бросались на копья и валили неприятеля одними только ударами своих тел. Они возобладали над римлянами не столько вследствие своих действий, сколько благодаря дерзости, римляне же отступали перед ними не столько потому, что несли потери, сколько из-за их безумной отваги.

6. В это время от Антонии, куда он отправился, чтобы выбрать места для новых насыпей, появился Тит. Он осыпал воинов насмешками; ведь они, уже почти овладев стенами неприятеля, подвергают опасности свои собственные стены, оказавшись в положении осажденных из-за того, что позволили евре-

ям вырваться из заключения, где те находились, и наброситься на них. Затем он со своими отборными частями стал нападать на неприятеля с фланга. Те же, выдерживая натиск с фронта, обратились и против него и отражали его нападение. Ничего нельзя было ни видеть из-за поднявшейся пыли, ни слышать из-за всеобщего крика, и ни те ни другие уже не были в состоянии различать между своими и чужими. Евреи держались уже не столько ввиду своей доблести, сколько из отчаяния; римлянам же, напротив, прибавили сил как стыд перед бесславием и забота о чести оружия, так и то, что Цезарь находился в первых рядах сражающихся. И ярость их была такова, что, я думаю, сражение это непременно окончилось бы пленением всей толпы евреев, если бы они не предупредили подобный оборот сражения и не отступили бы обратно в город.

XII

1. С разрушением валов римляне, потерявшие в один час все, что создали столь многодневным и тяжелым трудом, сильно пали духом, и многие уже отчаивались в возможности взять город при помощи обыкновенных приспособлений. Ввиду этого Тит созвал военный совет. Более горячие из военачальников были того мнения, что стоит попытаться двинуть против города все войско и силой взять стены. «До сих пор, – говорили они, – евреи имели дело только с разрозненными частями войска. Однако если выступить против них всеми силами, они будут засыпаны снарядами и не смогут выдержать натиска». Более осторожные советовали или вновь строить насыпи, или, не строя никаких насыпей, обложить город так, чтобы нельзя было ни выйти из него, ни ввезти в него продовольствие, и, воздерживаясь от сражения, оставить неприятеля один на один с голодом. Эти последние считали, что бессмысленно вступать в бой с людьми, которыми руководит отчаяние и заветное желание которых – умереть от меча, ибо в противном случае их ожидает участь гораздо более тяжкая, чем эта.

Что же касается самого Тита, то, с одной стороны, он считал, что не подобает столь огромному войску пребывать в полном бездействии, с другой же стороны, соглашался, что бессмысленно воевать с людьми, которые и без того будут истреблять друг друга. «Строить новые насыпи, – сказал он, – очень

трудно ввиду недостатка в лесе и еще труднее закрыть все выходы из города. Ведь окружить город со всех сторон воинами будет нелегко ввиду его величины и трудностей местности, да и небезопасно из-за угрозы внезапных нападений. Кроме того, даже если мы и поставим охрану у всех известных нам проходов, евреи, как вследствие нужды, так и благодаря своему знакомству с местностью, смогут отыскать новые, потайные пути. Если же в город будет тайно доставляться продовольствие, то это увеличит продолжительность осады, и я боюсь, как бы ее длительность не умалила мне славу победы. Разумеется, все достигается со временем, однако славу приносит именно быстрота действий. А потому, если мы желаем сочетать быстроту с безопасностью, следует окружить весь город стеной. Только так можно закрыть все выходы, и тогда евреи или впадут в отчаяние и сдадут нам город, или будут легко побеждены голодом. Помимо этого, я вовсе не намереваюсь бездействовать, но собираюсь начать строительство новых насыпей, выбрав такое время, когда сопротивление евреев начнет ослабевать. Если же кому-нибудь это предприятие представляется слишком великим и трудновыполнимым, то ему следует принять во внимание, что римлянам не подобает браться за какие-то ничтожные дела, совершать же без усилий нечто великое не доступно никому, за исключением одного только Божества».

2. Убедив этими словами военачальников, он приказал войску разделиться и приступить к работам. Некое божественное воодушевление охватило воинов, так что когда окружность будущей стены была разделена на части, началось соревнование не только между легионами, но даже между когортами внутри каждого из легионов. Простой воин стремился отличиться перед декурионом, декурион – перед центурионом, центурион – перед трибуном, трибуны стремились снискать одобрение военачальников, в состязании же между последними судьей был сам Цезарь, который по нескольку раз в день объезжал работы и лично наблюдал за продвижением строительства.

От Ассирийского стана, где был расположен его собственный лагерь, он вел стену к нижней части Нового города, а оттуда, пересекая Кидрон, к Масличной горе. Здесь стена заворачивала на юг, охватывая Масличную гору вплоть до утеса, называемого Голубятней (Перистерон), вместе со следующим холмом, прилегающим к долине, что у Шилоаха. Отсюда она отклонялась на запад, спускаясь в долину этого источника, а по

выходе из нее поднималась в направлении гробницы Ханана-первосвященника, охватывая гору, где некогда стоял лагерем Помпей. Здесь она поворачивала на север, проходя мимо одной деревни под названием Гороховый Дом, и, огибая гробницу Ирода, обращалась к востоку, где соединялась с лагерем Тита в том самом месте, где и начиналась. Длина ее составляла 39 стадиев, и снаружи к ней были пристроены 13 сторожевых башен, совместная окружность которых насчитывала 10 стадиев.

Все строительство, требовавшее нескольких месяцев работы, совершалось с превосходящей всякое вероятие быстротой и было завершено в течение трех дней. Замкнув город стеной со всех сторон и расставив по башням гарнизоны, Тит сам объезжал первую ночную стражу, надзор за второй поручил Александру, а за третьей следили начальники легионов. Часовые спали и бодрствовали по жребию и в течение всей ночи обходили отрезки стены между башнями.

3. Закрыв выходы из города, римляне лишили евреев всякой надежды на спасение, и голод, становившийся с каждым днем все сильнее, пожирал народ целыми семьями и родами. Крыши домов были усеяны обессилевшими женщинами и младенцами, а улицы – трупами стариков. Мальчики и юноши, совершенно распухшие, блуждали по площадям, словно призраки, и падали там, где силы покидали их. Некоторые ослабели настолько, что не имели сил похоронить умерших близких, те же, кто еще держался, отступали из-за множества трупов и ввиду неопределенности собственной судьбы. Ведь многим уже случилось испускать дух на телах тех, кого они предавали погребению, и многие приходили к могилам еще до того, как наступал их смертный час. Бедствие не сопровождалось ни плачем, ни стенаниями, ибо голод подавил все чувства. Оскалившись, с сухими глазами взирали те, чья смерть медлила наступить, на всех, обретавших покой прежде них. Мертвая тишина объяла город, и с ней – преисполненная смертью ночь.

Но ужаснее всего были разбойники. Словно грабители могил, они врывались в дома и обирали трупы, а затем, сорвав с мертвецов их облачения, со смехом удалялись. Были такие, что испытывали на трупах остроту своих мечей или для проверки оружия пронзали насквозь тех из лежащих, в ком еще теплилась жизнь; зато тех, кто умолял поднять руку и прикончить их мечом, они с презрением оставляли умирать голодной смертью. Испуская дух, каждый устремлял взор в сторону Храма, где он

оставлял мятежников живыми. Последние на первых порах приказывали хоронить умерших на общественный счет, так как запах трупов был невыносим, однако позднее, когда это стало уже невозможным, просто сбрасывали их со стен в ущелья.

4. Когда Тит, объезжая позиции, увидел эти наполненные трупами ущелья и потоки гноя, истекавшие из-под разлагавшихся тел, он издал стон и, воздев руки к небу, призвал Бога в свидетели того, что все это не дело его рук. Таково было положение в городе.

Теперь, когда мятежники прекратили вылазки (ведь упадок духа и голод коснулись уже и их), римляне находились в приподнятом настроении. Хлеба и других припасов у них было в избытке, так как они получали все это из Сирии и других близлежащих провинций. Многие становились рядом со стеной и выставляли на обозрение изобилие съестного, своей сытостью еще сильнее разжигая в неприятеле голод. Однако Тит, видя, что никакие страдания не могут заставить мятежников сдаться, из жалости к остаткам населения и в заботе спасти тех, кто еще оставался в живых, принялся за строительство новых валов, хотя доставка леса и представляла значительные трудности. Ведь весь лес вокруг города был вырублен еще при прошлом строительстве, так что теперь воины подвозили его с расстояния девяноста стадиев. Теперь они строили только против Антонии, где, разделившись на четыре части, возвели валы, еще более мощные, чем прежние. Тит объезжал легионы и сам торопил работающих, тем самым показывая разбойникам, что они у него в руках. Но они единственные были лишены сожаления о совершенных злодеяниях: отделив в себе душу от тела, они обращались с обоими так, как будто ни то ни другое не принадлежало им. Ведь души их были столь же нечувствительны к страданиям, сколь тела нечувствительны к боли: словно псы, терзали они труп народа и наполняли темницы обессилевшими людьми.

XIII

1. Шимон предал пыткам и казни даже Маттитьяху, благодаря которому овладел городом. Этот Маттитьяху, сын Боэта, происходил из первосвященнического рода и пользовался в народе высоким почетом и доверием. Когда народ жестоко притеснялся зелотами, к которым примкнул уже и Йоханан, Мат-

титьяху убедил горожан призвать себе на помощь Шимона, с которым он не заключил никакого предварительного соглашения, не ожидая от того ничего дурного. Но как только Шимон вступил в город и завладел им, он стал относиться к советовавшему в его пользу Маттитьяху так же враждебно, как и ко всем остальным, относя его заступничество на счет его простодушия. Тогда-то Маттитьяху и был приведен к нему и обвинен в сочувствии к римлянам, и Шимон, не позволив ему даже оправдаться, приговорил его вместе с тремя сыновьями (четвертый к тому времени успел перебежать к Титу) к смертной казни. Тот умолял казнить его прежде детей, требуя этой милости взамен того, что открыл перед ним ворота города, Шимон же велел предать его смерти самым последним. И он был выведен на обозрение римлян и заколот после того, как детей умертвили на его глазах. Все это проделал по приказанию Шимона Ханан, сын Багадата, самый жестокий из его телохранителей; и он еще глумился над Маттитьяху, спрашивая, помогут ли ему теперь те, к кому он намеревался бежать. Шимон же запретил хоронить тела казненных. Вслед за ними были казнены Хананья, сын Масбала, довольно видный священник, и писец совета Аристей из Эммауса, а вместе с ними еще 15 граждан высокого положения. Отец Йосефа содержался в заключении под охраной, и из страха перед изменой они во всеуслышание провозгласили, что никому из города не дозволяется вести совместные беседы и собираться в одно место, тех же, кто выказывал скорбь по осужденным, казнили без всякого разбирательства.

2. При виде всего этого некий Йехуда, сын Йехуды, один из подчиненных Шимона, которому была вверена охрана одной из башен, то ли из сострадания к столь жестоко умерщвленным, то ли, скорее всего, в заботе за свою собственную судьбу, собрал десяток самых надежных своих людей и сказал им следующее: «Доколе мы будем терпеть все эти злодеяния? Разве то, что мы сохраняем верность злодею, дает нам хоть какую-то надежду на спасение? Ведь уже и голод против нас, да и римляне вот-вот вступят в город. Шимон же предает даже своих благодетелей, и во всякий час существует опасность быть казненным по его слову, между тем как на слово римлян можно смело положиться. Так давайте же сдадим им стену и так спасем и самих себя, и город. Что же до Шимона, то ничего страшного с ним не произойдет, если приговор ему будет вынесен чуть-чуть быстрее». Убедив своими словами этих десятерых, он

с рассветом разослал остальных своих подчиненных по разным местам, чтобы заговор его не был каким-либо образом разоблачен, сам же спустя три часа начал со своей башни обращаться к римлянам. Одни отнеслись к его речам с пренебрежением, другие – с недоверием, большинство же оставило их без внимания потому, что рассчитывали и без того в скором времени взять город без всякой опасности для себя. Тем не менее Тит с тяжеловооруженными воинами начал было приближаться к стене, но Шимон предупредил его – ему стало известно об измене, и он, успев занять башню прежде римлян, немедленно схватил заговорщиков, умертвил их на глазах римлян и сбросил изуродованные тела со стены.

3. В это время Йосеф, не прекращавший увещеваний к защитникам города, получил при одном из своих обходов удар камнем в голову и тут же, потеряв сознание, рухнул на землю. Это побудило евреев совершить вылазку, и они наверняка успели бы втащить его в город, если бы Цезарь немедленно не выслал людей для защиты. В то время пока те и другие сражались между собой, Йосеф, едва ли понимавший, что происходит вокруг него, был унесен. Мятежники, полагавшие, что прикончили наконец того, чьей смерти они так жаждали, громкими криками выражали ликование. Когда весть о происшедшем распространилась по городу, оставшиеся в живых жители сильно пали духом, так как они думали, что тот, чье содействие поддерживало в них надежду о переходе к римлянам, и в самом деле умер. Когда же мать Йосефа услышала в тюрьме о смерти сына, она сказала своим стражам, что для нее он мертв еще с Йодфата, ведь даже пока он был жив, все равно у нее не было сына. Наедине же со своими служанками она оплакивала его, говоря: «Вот он, плод моего материнства, – я не могу даже похоронить сына, который, как я надеялась, предаст меня земле!» Однако ни ее это ложное известие не заставило долго скорбеть, ни разбойников – долго радоваться, ибо Йосеф вскоре оправился от удара и, появившись у стены, крикнул им, что в скором времени они заплатят ему за рану. И он продолжал убеждать народ сдаться на милость римлян. Появление его было ударом для мятежников, в народе же возбудило новые надежды.

4. Многих перебежчиков нужда побуждала просто спрыгивать со стены и бежать к римлянам; другие выходили вперед с камнями в руках, словно для сражения, а там переходили на сторону неприятеля. Однако участь их была еще ужаснее уча-

сти тех, кто оставался в городе, ибо насыщение, которое они находили у римлян, приближало их к гибели еще стремительнее, чем оставленный в городе голод. Они прибывали в римский лагерь распухшие от голода и словно страдающие водянкой, и здесь настолько переполняли свои пустые желудки, что они разрывались. И только тот избегал этой участи, кто, будучи научен опытом, укрощал свой аппетит и принимал пищу понемногу, так, чтобы ее смогло принять отвыкшее от еды тело. Однако сохранивших жизнь ожидала следующая казнь. Сирийцы однажды подсмотрели, как один перебежчик выбирает из испражнений золотые. Как я уже говорил, перед тем, как покинуть город, перебежчики проглатывали золотые, так как мятежники подвергали всех тщательному обыску. Золота же в городе было в изобилии, и за двенадцать аттиков можно было купить его столько, сколько прежде продавалось за двадцать пять. Когда эта уловка обнаружилась на одном из перебежчиков, по всем лагерям разнесся слух, что перебежчики прибывают наполненные золотом, и многие аравийцы и сирийцы распарывали животы людям, пришедшим в поисках убежища, и искали в их внутренностях золото. По моему мнению, евреям еще не доводилось претерпевать бедствия ужаснее, ведь за одну ночь было таким образом разрезано около двух тысяч человек!

5. Когда Цезарю стало известно об этом беззаконном преступлении, он решил было оцепить виновных всадниками и закидать копьями, и удержало его от этого лишь то, что слишком многие были замешаны, так что число подлежащих наказанию намного превышало число умерщвленных. Потому он созвал предводителей союзников вместе с начальниками легионов (поскольку кое-кто из римлян тоже участвовал в преступлении) и излил свое негодование как на тех, так и на других. «Возможно ли, – воскликнул он, – чтобы ради случайной прибыли кто-то из моих воинов решился на такое злодеяние, не устыдившись своего собственного оружия, тоже сделанного из золота и серебра?!» Арабам же и сирийцам он сказал: «Вы, участвуя в этой чужой для вас войне, сначала даете свободу своим необузданным страстям, а затем делаете римлян ответственными за вашу зверскую жестокость и ненависть к евреям. Вот уже и теперь некоторые из моих воинов стали причастны вашей дурной славе». Союзникам он пригрозил, что всякий, кто еще раз осмелится на подобное преступление, будет караться смертью, на-

чальникам же легионов приказал, чтобы подозреваемые в участии в этом деле были разысканы и приведены к нему.

Но поистине корыстолюбие пренебрегает любым наказанием, и человеку врождена столь сильная и непреоборимая страсть к наживе, что ни одна другая не может соперничать с нею. Правда и то, что все страсти так или иначе имеют пределы и могут быть обузданы страхом, и не кто иной, как сам Бог осудил этот народ на совершенную погибель и закрыл ему все пути к спасению. Ибо как иначе можно объяснить, что столь суровый запрет Цезаря был нарушен и насилие над перебежчиками продолжало совершаться втайне? Ведь чужеземные союзники встречали и убивали беглецов еще до того, как они появлялись на виду у остальных, и, остерегаясь, чтобы не быть замеченными кем-нибудь из римлян, потрошили их, извлекая из внутренностей мерзостную добычу. Впрочем, золото было найдено только в немногих, большинство же пало жертвой тщетных надежд. И вот страх перед подобной участью явился причиной того, что многие из перебежчиков возвратились назад.

6. Между тем Йоханан, когда отнимать у народа было уже нечего, обратился к святотатственному грабежу. Именно он отдал на переплавку множество храмовых приношений и употреблявшейся в богослужении утвари, чаш, блюд и столов, не воздержавшись даже от сосуда, присланного в дар Августом и его супругой. Римские правители во все времена почитали Храм и умножали его великолепие, и не кто иной, как еврей, расхитил теперь дары чужеземцев! Приближенным своим он говорил, что то, что принадлежит Богу, можно безбоязненно использовать на угодные Богу цели, и тем, кто сражается за Храм, дозволено брать из него средства к существованию. По той же причине он опустошил и запасы священного вина и масла, хранимые священниками во Внутреннем Храме для окропления жертв всесожжения, и разделил их среди толпы, которая без малейшего трепета израсходовала эти запасы на умащение и питье. Я не смогу обойти молчанием того, о чем мне велят сказать мои чувства: я полагаю, что если бы римляне помедлили с наказанием этих нечестивцев, то или земля разверзлась бы под городом, или бы его поглотил потоп, или бы он, подобно Содому, был бы поражен молнией, ибо он произвел на свет поколение гораздо более безбожное, чем те, которых постигли все эти кары, поколение, безумие которого повлекло за собой гибель всего народа.

7. Но к чему перечислять по порядку все бедствия? Как раз в эти дни к Титу перебежал Маноах, сын Эльазара, рассказавший, что через одни только ворота, к которым он был приставлен, между 14-м днем месяца Ксантика, когда римляне встали лагерем перед городом, и 1-м днем месяца Панема было вынесено 115 880 трупов! И все это – только трупы бедняков. Ведь Маноах был там не начальником стражи, а лишь выдавал деньги на погребение за счет общественной казны и потому поневоле вел счет мертвым. Остальных хоронили родные и близкие, и все погребение состояло в том, что тела выносились за город и там попросту выбрасывались. После Маноаха к римлянам перебежало еще немало видных граждан, и по их сообщениям всего за ворота было таким образом выброшено не менее 600 000 бедняков. Что же касается остальных умерших бедняков, то их число не поддается определению. Когда же (так рассказывали они) уже не было сил выносить трупы неимущих, то их стаскивали в самые большие дома и там запирали. Мера зерна продавалась за талант, а когда город был обнесен стеной и стало нельзя собирать и зелень, некоторые дошли до того, что рылись в сточных канавах и засохшем коровьем навозе, выискивая хоть что-то пригодное для еды. Короче говоря, то, на что люди прежде не могли даже смотреть, теперь стало для них пищей.

Римляне, только слыша обо всем этом, испытывали сострадание; мятежники же, видевшие все собственными глазами, и не думали раскаяться, и в конце концов эти бедствия распространились и на них самих. Все это произошло потому, что они были ослеплены уже представшим перед городом и перед ними самими роком.

КНИГА ШЕСТАЯ

I

1. Итак, по мере того как мятежники все более ожесточались вследствие неудач и голода, косившего теперь не только народ, но и их самих, бедствия жителей Иерусалима усугублялись день ото дня. По всему городу громоздились груды трупов, являвшие собою ужасающее зрелище, распространявшие тлетворный запах и мешающие тем, кто отправлялся на вылазки. Словно переходя после кровавой брани, они вынуждены были ступать по трупам. Однако, двигаясь таким образом, мятежники не испытывали ни стыда, ни сожаления, равно как не подозревали, что подобное надругательство над умершими заключает в себе зловещее предзнаменование для них самих. Руки их были осквернены братоубийством, они же рвались в бой с чужеземцами, не иначе, думается мне, как затем, чтобы упрекнуть Божество за промедление в исполнении над ними Своей кары, ибо причиной их воинственного пыла была теперь уже не надежда на победу, но одно лишь отчаяние.

Что же касается римлян, они, несмотря на то что доставка леса была сопряжена с большими трудностями, завершили возведение валов в течение двадцати одного дня. Все окрестности города в окружности 90 стадиев были, как я уже говорил ранее, совершенно оголены. Подобно самому городу, вся область являла собой удручающее зрелище – там, где прежде радовали глаз деревья и сады, не было теперь ничего, кроме бесплодной, голой пустыни. При виде этого опустошения те из чужестранцев, кто знавал прежнюю Иудею и помнил всю красоту иеру-

салимских предместий, не могли сдержать скорби и сетований по поводу постигшей ее перемены. Война до такой степени истребила всякий намек на прежнюю красоту, что если бы здесь вдруг возник кто-то из знавших эту местность прежде, то он не только не понял бы, где находится, но и, стоя перед самым городом, все еще продолжал бы искать его.

2. Завершение строительства валов породило одинаковый страх как в римлянах, так и в евреях. Евреи предвидели, что, если им не удастся сжечь и эти валы, город неизбежно падет, римляне же осознавали, что на этот раз с потерей валов они лишатся и надежды на взятие города. В самом деле, и леса достать было уже больше неоткуда, да и сами воины были изнурены как телом – от постоянных трудов и усилий, так и душой – от следовавших одна за другою неудач. И даже бедствия осажденных способствовали скорее упадку духа среди римлян, нежели в стане их противников. Ведь осажденные, вопреки всем своим страданиям, нисколько не смягчились духом, но всякий раз обращали надежды римлян в прах, осиливая их валы своими кознесплетениями, их осадные орудия – крепостью своих стен, их искусство в ведении боя – своей отчаянной отвагой. Но самое главное – обнаружив в евреях силу духа, превозмогающую и раздор, и голод, и войну, и все неисчислимые бедствия, римляне начали считать, что их нападения неотразимы, а их стойкость – неколебима. «На что только, – стали задаваться они вопросом, – на что только не были бы способны эти люди, если бы им благоприятствовала судьба, раз даже бедствия только прибавляют им силы?» И вот по этой-то причине римляне еще более усилили охрану валов.

3. Люди Йоханана в Антонии одновременно и предпринимали меры на случай падения стен, и, предугадывая установление таранов, нападали на осадные сооружения римлян. Но на этот раз их предприятие не увенчалось успехом; выступив с факелами в руках, они потеряли надежду на удачу еще до того, как достигли валов, и повернули вспять. Прежде всего они, судя по всему, не имели единого и согласованного плана действий, ибо выступили разрозненными группками, неодновременно, неуверенно и со страхом – короче говоря, отнюдь не по-еврейски. Ведь все то, что отличает этот народ, на сей раз отсутствовало почти совершенно, именно: отвага, безудержный порыв, всеобщий стремительный натиск и способность не поворачивать вспять, несмотря на потери. В то время как реши-

мость евреев была ослаблена, противодействие римлян оказалось сильнее обыкновенного. Они повсюду так плотно прикрывали насыпи своими телами и вооружением, что не оставалось даже места, куда мог бы проникнуть огонь, и каждый был полон решимости не двигаться с места даже под угрозой смерти. Ведь, не говоря уже о том, что сожжение и этих сооружений было равнозначно крушению всех их надежд, римляне трепетали от стыда при одной мысли о том, что и на этот раз хитрость одержит верх над доблестью, безумная отвага – над военным искусством, численность – над опытностью, иудеи – над римлянами. Наконец, им оказывали содействие и метательные орудия, снаряды которых достигали нападавших: каждый упавший служил препятствием для двигавшегося за ним, и опасность, с которой было сопряжено продвижение вперед, ослабила решимость. Уже находясь в поле обстрела, евреи отступили до того, как завязался бой, – одни, будучи устрашенными образцовым порядком и тесной сплоченностью рядов неприятеля, другие же вследствие ран, нанесенных им вражескими копьями. В конце концов они, так ничего и не добившись, отступили, осыпая друг друга упреками в трусости. Эта попытка имела место в 1-й день месяца Панема.

По отступлении евреев римляне, забрасываемые из Антонии камнями, горящими головнями, кусками железа и вообще всем, что только попадалось под руку, установили стенобитные орудия. Ведь евреи, хотя и полагались вполне на крепость стены и относились к римским орудиям с пренебрежением, все-таки хотели воспрепятствовать их установке. Римляне же, со своей стороны, истолковали рвение евреев в защите Антонии как признак слабости стены и, в надежде на непрочность оснований, удвоили усердие. И хотя стена не поддавалась, римляне, не обращая внимания на непрерывный обстрел и угрожавшие сверху опасности, продолжали приводить стенобитные орудия в действие. Несколько воинов, несмотря на свое невыгодное расположение и причиняемые каменными глыбами ранения, образовали из щитов прикрытие и начали руками и рычагами подкапывать основание стены; их усилия привели к тому, что удалось выворотить четыре камня. С наступлением темноты обе стороны прекратили действия, но в эту же ночь в том самом месте, где Йоханан выводил подкоп против предыдущих укреплений, обрушилась стена: подкоп осел, и стена, и без того потрясенная ударами таранов, внезапно обвалилась.

4. Это неожиданное происшествие произвело на обе стороны действие обратное тому, какого можно было бы ожидать. Евреи, которых непредвиденное падение стены должно было бы, кажется, повергнуть в уныние, отнюдь не лишились присутствия духа, поскольку Антония как таковая от этого падения не пострадала. С другой стороны, радость римлян угасла, как только они обнаружили еще одну стену, возведенную людьми Йоханана прямо позади первой. Правда, не приходилось сомневаться, что взять эту стену будет гораздо легче первой, так как громоздившиеся перед ней развалины значительно упрощали подъем; следовало ожидать, что она будет гораздо менее прочной, чем стена Антонии: возведенная наспех, она должна была легко поддаться разрушению. Однако никто не отваживался подняться на нее, ибо первые из наступающих обрекали себя на верную гибель.

5. Убежденный, что вселяющая надежду речь более всего пригодна для возбуждения боевого духа и что призывы и обещания зачастую заставляют людей забывать об опасностях, даже презирать смерть, Тит собрал самых доблестных воинов и подверг их испытанию. «Соратники! – сказал он.– Призывать к делу, не сопряженному с опасностью, значит оскорблять того, к кому обращен призыв. Это несомненный признак малодушия того, кто такой призыв произносит. Ведь поощрительные речи, по моему мнению, необходимы только в опасных предприятиях, все же остальное должно совершаться без всякого поощрения. И потому сам я объявляю вам, что подняться на эту стену – дело чрезвычайно трудное. Но правда и то, что тем, чьей целью является доблесть, более всего подобает вести бой с трудностями, что нет ничего прекраснее славной гибели и что высота духа тех, кто начнет приступ, не останется без вознаграждения. Прежде всего, к вашему поощрению должно послужить именно то, что иных, пожалуй, и оттолкнуло бы, – я имею в виду выносливость евреев и силу их духа в тяжелых обстоятельствах. Ведь для вас, римлян и моих воинов, и во время мира занятых военными учениями, и на войне привыкших побеждать, было бы позором оказаться ниже евреев в силе и мужестве, и это в то самое время, когда победа уже близка и сам Бог содействует нам. Ведь все наши поражения проистекают не от чего иного, как от их отчаянного безумия, причиной же того, что их бедствия возрастают день ото дня, являются ваша доблесть и содействие Бога. В самом деле, распря, голод, осада,

стена, рухнувшая без участия орудий, – чем еще можно объяснить все это, как не Божьим гневом против них и Его содействием нам? Но ежели так, то и потерпеть поражение от рук тех, кто хуже нас, и, сверх того, предать Бога, нашего союзника в этой войне, было бы деянием, поистине нас недостойным!

И не позор ли для нас, что евреи, уже познавшие иго рабства (и потому поражение не принесет им большого позора), ради того, чтобы снова не стать рабами, презирают смерть и то и дело бросаются в гущу наших рядов не из надежды на победу, но с единственной лишь целью показать свое мужество, в то время как мы, властелины почти всей земли и моря, для которых постыдно не одержать победы, ни разу не подвергли себя непосредственной опасности, но праздно сидели со всем этим оружием, выжидая, чтобы голод и судьба сделали за нас наше дело, и это в то время, когда с небольшой опасностью мы можем единым ударом одержать полную победу?! Ведь стоит нам только подняться на Антонию – и весь город будет в наших руках. Даже если потом и случатся какие-то стычки (чего я, впрочем, не думаю), то, находясь наверху, мы не дадим им вздохнуть и обеспечим себе быструю и полную победу.

Я не намереваюсь ни воспевать гибель на поле брани, ни распространяться о бессмертии, стяжаемом теми, кто пал, будучи одержим воинственным духом, – но воину, ведущему себя по-иному, я желаю быть пораженным в мирное время смертью от болезни, чтобы вместе с телом и душа его разложилась в могиле. Кому из доблестных мужей не известно, что души, отторгнутые от тела мечом в боевом строю, находят радушный прием в чистейшем из элементов – эфире и размещаются на звездах, являясь своим потомкам в лице благих духов и героев-покровителей, в то время как души, вследствие болезни истлевающие вместе с телом, даже если они и совершенно чисты от преступления и скверны, бесследно пропадают в подземной ночи, где их поглощает глубокое забвение и где вместе с жизнью и телом они лишаются также и памяти. Но ежели всем людям неизбежно суждено умереть и ежели меч служит этой цели лучше любого недуга, то не будет ли низостью с нашей стороны отказаться добровольно пожертвовать тем, с чем так или иначе нам придется расстаться по воле рока?

Из сказанного не следует, что решившиеся на это дело не выйдут из него живыми. Ведь бывает и так, что те, кто ведет себя, как подобает мужам, выходят живыми из самых опасных

дел. Во-первых, взойти по разрушенной стене не представляет большого труда, а там уже совсем просто разрушить новую стену. И если многие из вас решатся и если вы будете поощрять друг друга и друг другу помогать, то спесь противника будет очень скоро сломлена вашей решимостью. И вполне возможно, что стоит только начать – и победа обойдется вам без всякого кровопролития. Ведь хотя они, по всей вероятности, и попытаются воспрепятствовать вам подняться на стену, если вы совершите бросок незаметно для них, они уже вряд ли смогут оказать сопротивление, даже если на стену успеют взойти лишь немногие. И пусть я покроюсь позором, если не сделаю того, кто первым пойдет на приступ, предметом всеобщей зависти, – оставшись в живых, он станет начальником над теми, кто ныче равен ему, павшему же будут оказаны почести, достойные блаженных!»

6. Вот что сказал им Тит.

В то время как большинство в страхе перед опасностью предприятия все еще медлило, в одной из когорт объявился воин по имени Сабин, сириец родом, который доблестью и мужеством превзошел всех остальных. Правда, по внешнему виду этого человека нельзя было заключить, что он обладает воинскими достоинствами, ибо он был черен кожей, худ и неуклюж. Однако в невзрачном теле обитала душа героя, благородство которой далеко превосходило телесные качества этого человека. Поднявшись первым, он сказал: «Я, Цезарь, с готовностью предоставляю себя в твое распоряжение. Я первым взойду на стену. И я твердо уповаю на то, что моей силе и решимости будет сопутствовать твоя удача. Но если мое начинание не увенчается успехом, знай, что я готов и к такому исходу и по доброй воле выбрал смерть за тебя».

С этими словами он левой рукой поднял над головой щит, правой обнажил меч и двинулся в направлении стены. Это произошло почти в самый полдень. За ним последовали еще одиннадцать – единственные, кто пожелал соревноваться с ним в воинской доблести. Но Сабин, словно движимый неким божественным вдохновением, далеко опередил остальных. Охрана стены отовсюду метала в них копья, забрасывала их бесчисленными снарядами, скатывала на них каменные глыбы, увлекшие некоторых из одиннадцати. Однако Сабин, не обращая внимания на засыпавший его град стрел, мчался навстречу снарядам и не прервал своего бега, пока не достиг вершины и не

обратил противника в бегство. Ведь евреи были до такой степени поражены силой его натиска и его несокрушимой решимостью, что подумали, что он ведет за собой множество воинов, и потому бежали.

Но как тут не вознегодовать на судьбу за то, что она завистлива к человеческим доблестям и вечно препятствует свершению необычайных подвигов! Ведь как раз тогда, когда этот муж достиг уже цели, его постигла неудача: споткнувшись о большой камень, он упал на него с таким грохотом, что евреи обернулись и, увидев, что он один лежит на земле, со всех сторон забросали его снарядами. Он привстал на колено и, прикрывшись щитом, сначала защищался, ранив при этом многих из теснивших его; однако вскоре, обессиленный от многих ран, опустил руку и наконец, весь покрытый стрелами, испустил дух. И хотя за свою доблесть этот муж заслуживал гораздо более счастливой участи, все же конец его был вполне соразмерен свершенному им подвигу. Из тех, кто следовал за ним, трое, уже достигшие вершины, были насмерть забросаны камнями, а остальные восемь, совершенно израненные, оттащены римлянами и унесены обратно в лагерь. Все это произошло в 3-й день месяца Панема.

7. Двумя днями позже двадцать человек из тех, что несли охрану впереди римских валов, составили отряд и, взяв с собой знаменосца Пятого легиона, двух человек из конницы и трубача, на исходе ночи тайно проникли через развалины в Антонию, закололи спящую передовую стражу, заняли стену и велели трубачу подать сигнал. Пробужденные этим звуком, остальные стражи вскочили на ноги и бросились бежать, не рассмотрев даже, какова численность нападавших, так как от страха и из-за звука трубы они вообразили, что на стену поднимается огромная неприятельская рать. Между тем Тит при звуке сигнала мгновенно поднял войско и вместе с военачальниками и отборными силами первым взошел на стену.

Евреи бежали в Храм, и римляне устремились за ними по подземному ходу, вырытому Йохананом для вылазок против римских укреплений. Оба войска, на которые были разделены мятежники – Йоханана и Шимона, устремились в направлении римлян и сдерживали их натиск. Выказанные ими сила и решимость были поистине безграничны, ибо они хорошо сознавали, что вступление римлян в святилище будет означать окончательное взятие города; римляне же видели в этом начало по-

беды. У входов в Храм завязалось ожесточенное сражение – римляне делали все, что в их силах, чтобы захватить святилище, евреи же пытались оттеснить их в Антонию. Не имело смысла пускать в ход копья и стрелы, и обе стороны, обнажив мечи, сошлись в рукопашной схватке. И так тесно они смешались, что невозможно было различить, кто сражается на чьей стороне, – из-за тесноты люди слились в одну неразличимую толпу, столь огромную, что невозможно было разобрать значения издаваемых криков. С обеих сторон кровь лилась рекой, тела и вооружение павших растаптывались ногами сражающихся. Всякий раз, когда одна из сторон одерживала верх, раздавались радостные крики побеждавших и горестные стоны теснимых. Но не было места ни для бегства, ни для преследования, и исход беспорядочной битвы склонялся то на ту, то на другую сторону. Тем, кто оказывался впереди, оставалось либо убивать, либо быть убитыми, бегство было немыслимо, так как задние ряды с обеих сторон оказывали такой напор, что не оставалось даже свободного места для сражения. В конце концов боевой пыл евреев одержал верх над опытностью римлян, и сражение, длившееся с исхода ночи до полудня, начало затухать. В этом сражении участвовали все силы евреев, и они сражались с храбростью, внушенной им угрожавшей городу опасностью; со стороны же римлян, напротив, участвовала только часть всего войска, так как легионы, на которые рассчитывали сражавшиеся, еще не успели подойти. Итак, на этот раз они довольствовались взятием одной Антонии.

8. В Антонии вместе с Титом находился некто Юлиан, центурион из Вифинии, человек небезызвестный (я сам наблюдал, как он во время этой войны превосходил всех прочих в искусстве владения оружием, в телесной силе и стойкости духа). Увидев, что римляне начинают сдавать и слабо отражают натиск неприятеля, он бросился вперед и один отогнал побеждавших уже евреев до угла внутреннего двора Храма. Они побежали всей массой, сочтя его силу и отвагу чем-то несвойственным человеческой природе. Он же носился во все стороны в толпе бегущих, убивая всякого, кто попадался на пути: ничего удивительнее этого зрелища не представало перед глазами Цезаря и ничего ужаснее – перед глазами противной стороны! Но и он был преследуем роком, которого не дано избежать никому из смертных. У каждого римского воина обувь подбита множеством острых гвоздей; и вот, перебегая мостовую, Юли-

ан поскользнулся и упал навзничь, а грохот, произведенный при падении его вооружением, был столь силен, что бежавшие обернулись. Римляне в Антонии, увидев его в опасности, издали громкий крик; евреи же всей толпой окружили Юлиана и со всех сторон устремили на него копья и мечи. Многие из ударов он отразил щитом; время от времени Юлиан делал попытки подняться, но нападавших было слишком много, и он вновь опускался на землю. Однако и лежа он сумел поразить многих. Ведь он не был убит сразу, так как все жизненно важные части тела были защищены у него шлемом и щитом, а шею он прятал от ударов; и лишь когда все остальные члены были отсечены и никто так и не отважился прийти к нему на помощь, он перестал сопротивляться.

При виде того, как столь доблестный муж был умерщвлен на глазах стольких товарищей, Цезаря охватила неописуемая скорбь. Сам он не смог прийти на помощь из-за того, что место, в котором он находился, не позволяло этого; других же, кто мог это сделать, удержал страх. Итак, Юлиан был убит с большим трудом и после продолжительного боя, из которого лишь немногие из убийц вышли невредимыми. Он оставил по себе славную память не только римлянам и Цезарю, но и самим врагам. Евреи, захватив его тело, вновь отогнали римлян назад и заперли в Антонии. В этом сражении у них особенно отличились Алекса и Гифтай из войска Йоханана, Малкия и Йехуда, сын Мертона, из войска Шимона, а также предводитель идумеян Соса, сын Яакова; из среды же зелотов – два брата: Шимон и Иуда, сыновья Ари.

II

1. Что же касается Тита, то он, чтобы облегчить проход остальному войску, приказал сровнять Антонию с землей. В тот же день (в 17-й день месяца Панема) ему стало известно, что евреи из-за недостатка людей вынуждены прекратить так называемое постоянное принесение жертвы и что народ по этой причине пребывает в крайнем отчаянии. Потому он призвал к себе Йосефа и велел ему еще раз передать Йоханану то, что говорилось им и ранее, именно, что если тот все еще одержим некоей губительной жаждой брани, то пусть выступит против него, взяв с собой сколько угодно людей, лишь бы только он

не губил вместе с собой города и Храма, не осквернял святилища и не грешил перед Богом. Еще он просил передать, что тот может набрать у него, Тита, недостающих ему евреев и таким образом восстановить прерванные жертвоприношения.

Йосеф выбрал такое место, откуда его мог слышать не только Йоханан, но и множество евреев, и сообщил им на еврейском языке послание Тита. Сверх того, он настойчиво умолял их пощадить родной город, разметать огонь, уже лижущий Храм, и вновь начать приносить Богу положенные Ему жертвы. Народ, подавленный его речью, молчал, тиран же осыпал Йосефа бранью и проклятиями, а в конце добавил, что взятие города совершенно не страшит его, так как город принадлежит Богу. В ответ на эти слова Йосеф громко воскликнул:

«Воистину чистым сохранил ты этот город для Бога, да и святилище осталось неосквернённым! Воистину ты ни в чем не оскорбил Того, на Чью помощь надеешься, и Он до сих пор получает привычные жертвы! О нечестивец из нечестивцев! Если бы у тебя кто-нибудь отнял ежедневное пропитание, ты почитал бы его своим врагом, а Его, Бога, лишенного тобой испокон веков установленного служения, ты прочишь себе в союзники?! И ты еще взваливаешь свои грехи на римлян, между тем как они и прежде пеклись о наших законах, и теперь настаивают на возобновлении прерванных тобою жертвоприношений. Как тут не стенать, как не плакать при виде чудовищной перемены, постигшей этот город, когда чужеземцы и враги стремятся исправить совершенное тобою святотатство, ты же, еврей, взращенный на этих законах, свирепствуешь против них хуже всякого врага?!

Одумайся, Йоханан, одумайся, пока не поздно! Ведь нет ничего постыдного в том, чтобы в крайних обстоятельствах обратиться от зла к добру, и в этом отношении прекрасный пример спасения родины являет тебе еврейский царь Иехония (Йехойахин). Ведь когда по его вине на него пошел войной вавилонский царь, он добровольно покинул город еще до взятия, предпочтя плен для себя и своего рода тому, чтобы враги овладели святыми местами и чтобы дом Божий был предан огню на его глазах. За это-то все евреи и прославляют его в священной книге, и память о нем, переходя из поколения в поколение, остается навеки бессмертной для потомства. Поистине прекрасный пример, Йоханан, даже если следование ему и сопряжено с опасностью! Но я ручаюсь тебе за прощение со сто-

роны римлян. Вспомни, что это совет соплеменника и обещание еврея. Подумай и о том, что за человек подает тебе этот совет и какого он происхождения. Ведь никогда не может случиться со мной, чтобы я, живя вот так в плену, пренебрег бы своим родом и забыл бы обо всем, связанном с отечеством.

Вновь ты негодуешь и кричишь и осыпаешь меня бранью – что ж, я заслуживаю, пожалуй, еще и худшего обращения, пытаясь вопреки судьбе склонить ваш слух и спасти людей, уже осужденных Богом. Кому неизвестны писания древних пророков и их предсказание об участи несчастного города, ныне сбывающееся? Ведь они предсказали, что город падет тогда, когда некто положит начало братоубийственному кровопролитию. А разве город и Храм не наполнились уже трупами убитых вами? И потому не кто иной, как Бог, сам Бог посылает с римлянами очистительный огонь в Храм и истребляет этот обремененный столькими сквернами город».

2. Так говорил Йосеф, стеная и обливаясь слезами, пока рыдания не сдавили ему горло и не прервали речь. Даже римляне прониклись состраданием к его отчаянию и восхищались его целеустремленностью. Однако люди Йоханана еще более ожесточились против римлян и горели желанием заполучить Йосефа в свои руки. Впрочем, речь его оказала воздействие на многих из знати, и хотя они, уже ясно видя перед собой гибель города и свою собственную, все же оставались на месте из страха перед часовыми мятежников, были и такие, что улучали возможность безопасного бегства и перебегали к римлянам. Среди последних были первосвященники Йосеф и Йехошуа, а также сыновья первосвященников – три сына Ишмаэля, обезглавленного в Кирене, четыре сына Маттитьяху и сын другого Маттитьяху – тот самый, что один лишь спасся после того, как Шимон, сын Гиоры, казнил его отца и трех братьев, о чем я уже рассказывал прежде. А также и многие другие из знати перешли к римлянам вместе с первосвященниками. Цезарь не только принял их благосклонно, но и, понимая, что им будет тяжело сжиться с чужеземными обычаями, отправил их в Гофну с советом пока оставаться там; кроме того, он обещал, что, освободившись от войны, возвратит каждому из них его имущество. Они же охотно и в полной безопасности отправились в отведенный им городок.

Поскольку они исчезли из виду, мятежники вновь распространили слух, что перебежчики умертвлены римлянами, – вне

всякого сомнения, с той целью, чтобы страх отвратил остальных от мыслей о бегстве. И теперь, как и в предыдущий раз, их уловка удалась, и страх удерживал людей от перехода к римлянам.

3. Тогда Тит возвратил этих людей из Гофны и приказал им обойти стены вместе с Йосефом, чтобы народ мог их видеть. И вновь множество людей бежало к римлянам. Они собрались все вместе и, встав перед римскими рядами, начали с воплями и слезами умолять мятежников прежде всего сдать весь город римлянам и таким образом вновь спасти отечество или по крайней мере совершенно покинуть святилище и сохранить для них Храм, ведь римляне дерзнут предать святые места огню, только если будут вынуждены крайней необходимостью. Однако их слова только укрепили мятежников в упорстве, и они, осыпав перебежчиков проклятиями и бранью, установили на священных воротах скорострелы, катапульты и камнеметы, так что Храм уподобился крепости, окруженной кладбищем (именно так выглядели храмовые дворы из-за обилия трупов). Вооруженные, с руками, на которых не остыла еще кровь соплеменников, они врывались в священные, заповедные пределы. И столь неслыханно было их святотатство, что римляне испытывали к евреям, кощунствовавшим против своих собственных святынь, такие чувства, какие наверняка испытывали бы евреи при виде ругающихся над этими святынями римлян. Даже из воинов никто не мог взирать на Храм без трепета и благоговения, и каждый из них молился, чтобы разбойники раскаялись еще до того, как свершится непоправимое.

4. От избытка негодования Цезарь еще раз обратился к Йоханану с обличительной речью. «О нечестивейшие! – воскликнул он. – Не вы ли обнесли святые места этой оградой? Не вы ли расставили на ней эти столбы с высеченными на них греческими и нашими письменами, запрещающими переступать через нее? И разве не позволили мы вам карать смертью всякого нарушителя этого запрета, будь это даже римлянин?! Что ж теперь, преступные, вы сами топчете в этих пределах тела умерших? Что мараете Храм чужеземной и своей собственной кровью? Я призываю в свидетели богов моего отечества и Того, Кто некогда, быть может, надзирал за этим местом (не думаю, чтобы Он присутствовал здесь и ныне), я призываю в свидетели и мое собственное войско, и тех евреев, что находятся в моем стане, и вас самих,

что не я принуждаю вас осквернять эти святыни! И если вы изберете себе другое место сражения, никто из римлян не ступит туда ногой и не надругается над ними, и я сохраню для вас Храм даже против вашей воли».

5. Когда Йосеф передал им эти слова Цезаря, разбойники и их главарь отнеслись к ним с пренебрежением, возомнив, что причина этих призывов не в благих намерениях, но в малодушии римлян. Когда Тит удостоверился, что эти люди и не жалеют самих себя, и не хотят пощадить Храм, он был вынужден возобновить военные действия. Выступить всеми силами не было возможности, так как для этого недоставало места. Поэтому он выбрал из каждой сотни по тридцáть лучших воинов, поставил над каждой тысячей по трибуну и, отдав все это войско под начало Цереалия, приказал на исходе ночи напасть на сторожевые посты евреев. Он и сам облачился в боевые доспехи и был готов выступить вместе с ними, однако приближенные удержали его – как из-за великой опасности предприятия, так и вследствие доводов, приводимых военачальниками. Ведь те говорили, что он будет более полезен воинам, оставшись в Антонии и оттуда руководя военными действиями, чем если выступит вместе с ними и будет сражаться в первых рядах: зная, что Цезарь видит их всех, каждый воин будет стараться превзойти другого в храбрости. Убежденный доводами, Цезарь объявил воинам, что остается только затем, чтобы быть в состоянии судить их доблесть, чтобы ни один доблестный воин не лишился вознаграждения и ни один трус – наказания, и что он, во власти которого как покарать, так и увенчать славой, будет очевидцем и свидетелем всего совершающегося. Итак, он в указанный срок отпустил назначенных в дело людей, а сам занял в Антонии удобное для наблюдения место и стал с нетерпением ожидать дальнейшего развития событий.

6. Однако посланному им войску не удалось захватить часовых врасплох: в противоположность ожиданиям римлян, те не спали, но с криком бросились навстречу и немедленно вступили в бой. На крик передовой стражи изнутри сомкнутыми рядами высыпали и все остальные. Но поскольку римляне выдержали натиск первых рядов, те, что следовали за ними, натолкнулись на собственный строй, и многие пострадали от своих, словно от врагов. Ведь распознать своих по боевому кличу невозможно было из-за поднявшегося с обеих сторон крика, ночная же тьма также препятствовала различать между своими

и чужими, не говоря уже о том, что одни были слепы от ярости, а другие от страха. Потому они наносили удары без разбора, стараясь поразить первого попавшегося. Римляне, которые вплотную сдвинули щиты и двигались в боевом порядке, меньше страдали от неразберихи; кроме того, каждый из них хорошо помнил пароль. Евреи же, напротив, были рассеяны и то наступали, то отступали в полном беспорядке, часто принимая друг друга за неприятеля: каждому мнилось, что отступающие свои являются на самом деле наступающими римлянами. Словом, больше евреев было ранено евреями, чем римлянами, пока наконец не наступил день и не стало возможным различать, что происходит на поле сражения, – лишь тогда они разбились на два строя и повели упорядоченную перестрелку.

Ни одна из сторон не отступала и не проявляла признаков усталости. Римляне, зная, что Цезарь наблюдает за ними, соревновались воин с воином и отряд с отрядом, и каждый рассчитывал, что, если он будет доблестно сражаться, этот день положит начало его повышению. Для евреев же судьей отваги был страх за самих себя и за святилище, а также тиран, стоявший над ними и побуждавший одних поощрениями, других – угрозами и плетью. Сражение по большей части велось на одном и том же ограниченном пространстве, выходы за пределы которого были незначительны и кратки, ибо ни у тех и ни у других не было места для бегства или преследования. Всякий поворот в сражении сопровождался поощрительными криками римлян с Антонии – когда перевес оказывался на стороне их воинов, они призывали усилить натиск, когда же те отступали, они призывали держаться. Это было словно некое подобие театра, на сцене которого велась война: Тит и его приближенные могли созерцать сражение во всех подробностях. Около полудня наконец сражение, начавшееся на исходе ночи, прекратилось. Окончилось оно в том же положении, что и началось, – ни одна из сторон не получила определенного перевеса, и победа не досталась ни тем и ни другим. Многие из римлян показали себя в этом сражении, у евреев же из людей Шимона более всего отличились Йехуда, сын Мариота, и Шимон, сын Хошии, из идумеян – Яаков и Шимон, первый – сын Сосы, второй – сын Катлы, из людей Йоханана – Гифтай и Алекса, из зелотов – Шимон, сын Ари.

7. Тем временем остальная часть римского войска сровняла основания Антонии с землей и стала прокладывать широ-

кую дорогу к Храму. Дойдя до первого круга стен, легионы приступили к возведению насыпей: против северо-западного угла Внутреннего Храма, у северной галереи, что между двумя воротами, и еще двух – у западной колоннады Внешнего Храма и с наружной стороны северной колоннады. Продвижение работ было сопряжено со многими усилиями и трудами, так как лес для строительства приходилось подвозить с расстояния в сто стадиев. Кроме того, римляне зачастую несли потери из-за устраиваемых евреями засад, так как превосходство в силах сделало их слишком беспечными, тогда как совершенно уже отчаявшиеся в спасении евреи были готовы на самые дерзкие поступки. Так, некоторые всадники взяли в обыкновение, отправляясь за дровами или за сеном, отпускать, пока сами были заняты делом, своих лошадей пастись без узды; евреи же совершали массовые вылазки и похищали лошадей. Поскольку подобные случаи повторялись очень часто, Тит догадался об их истинной причине, именно, что похищения удавались скорее по небрежению его воинов, нежели из-за мужества евреев, и потому решил прибегнуть к строгости, чтобы таким образом заставить лучше беречь лошадей. Он приказал казнить одного воина, потерявшего лошадь, и страх перед подобным наказанием сберег лошадей остальным: они больше не отпускали лошадей пастись, но словно срастались с ними всякий раз, когда отправлялись выполнять какое-либо поручение. Итак, военные действия у Храма продолжались, и валы близились к завершению.

8. Через день после того, как легионы подошли к Храму, многие мятежники под гнетом голода, который уже не мог быть утолен грабежами, сошлись вместе и на исходе дня атаковали римскую стражу на Масличной горе: они рассчитывали, что занятые своими делами римляне будут захвачены врасплох и легко разбиты. Однако римляне своевременно заметили их приближение и вместе с воинами, быстро сбежавшимися с соседних постов, воспрепятствовали им перебраться через стену лагеря или прорваться сквозь нее силой. Завязалась ожесточенная схватка, в которой обе стороны выказывали чудеса храбрости. Римляне сочетали в бою силу с военным искусством, евреи – неудержимый натиск с беспредельной яростью. Одной из сторон руководил страх перед позором, другой – сила необходимости: ведь римляне считали величайшим для себя позором дать евреям уйти из ловушки, в которую они

попали, евреи же могли искать спасение только в том, чтобы силой пробиться сквозь стену.

Отличился в этом сражении всадник из одной когорты по имени Педаний. Когда евреи были уже обращены в бегство и теснились на дне лощины, он на полном скаку налетел на них с фланга и за ногу вытащил из толпы бегущих крепко сложенного и в придачу полностью вооруженного юношу – так ловко сумел он наклониться со скачущей во весь опор лошади, столь велика была выказанная им сила мышц и всего тела, столь великолепно владел он искусством верховой езды! Затем, словно похитив какую-то драгоценность, он доставил пленника к Титу. Тот выразил свое восхищение силой похитителя, похищенного же приказал казнить за участие в нападении на стены; сам он в это время был занят подготовкой боевых действий против Храма и торопил строителей с завершением валов.

9. Война шаг за шагом близилась к развязке и подбиралась уже к самому Храму, и тогда евреи, несшие в каждом сражении тяжелые потери, решили, как если бы речь шла о гниющем теле, отсечь пораженные члены и предотвратить распространение заразы. Они сожгли ту часть северо-западной колоннады, которая была соединена с Антонией, и разломали все, что было за ней на протяжении 20 локтей, положив начало сожжению святых мест. Двумя днями позже, на 24-й день указанного месяца, римлянами была подожжена соседняя колоннада. Когда огонь распространился на 15 локтей, евреи сорвали с нее крышу, как с предыдущей, и без малейшего сожаления к уничтожаемым строениям вновь разрушили все, что соединялось с Антонией. И хотя остановить пожар было полностью в их власти, они ничего не предпринимали против распространения огня, заранее отмерив для себя ту площадь, сожжение которой соответствовало их выгоде. Между тем стычки вокруг Храма не прекращались и небольшие отряды как с той, так и с другой стороны постоянно совершали вылазки, продолжая, таким образом, войну.

10. В это время среди евреев выдвинулся человек по имени Йонатан – маленького роста, невзрачный на вид, да и по происхождению и во всех других отношениях незначительный. Он стал появляться у гробницы первосвященника Йоханана, всячески поносить римлян и вызывать храбрейшего из них на поединок. Большинство находившихся там римских воинов отнеслось к нему с пренебрежением, были и такие, что по видимости побаивались его. Некоторые же приводили тот более чем

разумный довод, что не стоит завязывать поединок с тем, кто стремится к смерти: ведь потерявшие надежду на спасение (так рассуждали они) способны на неукротимые порывы и не испытывают страха перед Божеством; победа над таким не принесет большой славы, поражение же сопряжено с опасностью и позором, и потому поединок будет скорее доказательством дерзости, нежели мужества.

Долгое время никто не выходил против него, и еврей этот не переставая поносил римлян за трусость, ибо был он большой хвастун и презирал римлян. Наконец выступил один из конного отряда по имени Пудент – он не в силах был уже вынести этих наглых речей, да и, сравнивая себя с малорослым Йонатаном, неосмотрительно счел того ничтожным противником. Между ними завязался бой, но, хотя римлянин и превосходил противника во всех отношениях, ему изменило счастье – он упал, и тут же подоспевший Йонатан заколол его на месте. Встав ногами на труп, он потрясал окровавленным мечом и щитом, который держал в левой руке, издавал перед римским войском победные крики, похвалялся перед поверженным врагом и насмехался над смотревшими на все это римлянами. Так он скакал и кривлялся до тех пор, пока центурион Приск не пустил в него стрелу и не пронзил его насквозь. При виде этого евреи и римляне, движимые совершенно противоположными чувствами, издали громкий крик. Корчась в предсмертных муках, он упал на тело своего противника, явив своей смертью наглядный пример того, что на войне незаслуженная удача немедленно влечет за собой справедливую кару.

III

1. Что же касается мятежников в Храме, то они не только вели явную войну, изо дня в день не давая покоя находившимся на валах римлянам, но и на 27-й день упомянутого месяца измыслили следующую уловку. Они заполнили пространство между балками и крышей западной колоннады сухими дровами, асфальтом и смолой, а затем, сделав вид, что силы их уже совершенно иссякли, удалились. Многие неосмотрительные римляне не смогли удержаться и стали преследовать отступавших, взбираясь вверх по лестницам, приставляемым к колоннаде; более рассудительным же неоправданное отступление ев-

реев показалось подозрительным, и они выжидали. И действительно, как только колоннада наполнилась наступавшими римлянами, евреи подожгли ее со всех сторон. Внезапно поднявшееся отовсюду пламя наполнило ужасом сердца римлян, бывших вне опасности, тем же, кто находился на колоннаде, открылась вся безвыходность положения. Окруженные со всех сторон огнем, они стали спрыгивать или назад в город, или в расположение неприятеля, но многие из тех, кто в попытке обрести спасение прыгал к своим, ломали себе члены, большинство не успело спрыгнуть из-за огня, а некоторые предупредили огонь своими собственными мечами. Но даже те, кто погиб иным образом, были очень скоро охвачены распространившимся повсюду огнем.

Что же касается Цезаря, то как ни негодовал он на погибавших воинов, взобравшихся на колоннаду без его приказа, все же, наряду с негодованием, испытывал и глубокое сострадание к их судьбе. И поскольку оказать помощь не было в чьих-либо силах, то единственным утешением умирающих было видеть, как скорбит о них тот, ради которого они отдают жизнь. Ведь Цезарь все время был у них на виду – и когда кричал им слова поощрения, и когда бросался вперед, и когда призывал окружающих сделать все возможное, чтобы оказать им помощь. И каждый умирал легко и спокойно, унося с собой эти крики и эту заботу, словно великолепное погребальное одеяние.

Некоторые, правда, спасались от огня, отступив на стену колоннады, которая была достаточно широка, но здесь они были окружены евреями: несмотря на ранения, они долго сопротивлялись, пока наконец не погибли все до одного.

2. Последним пал юноша по имени Лонг, его смерть послужила завершительным украшением этого горестного случая. Ибо хотя каждый из погибших здесь был достоин славы в потомстве, доблесть, явленная Лонгом, превзошла все остальное. Не имея возможности справиться с ним и восхищенные его мужеством, евреи обещали пощадить его жизнь, если он сойдет вниз и сдастся на их милость. С другой стороны, его брат Корнелий уговаривал его не навлекать позора на себя и на римское войско. Он внял увещеваниям брата и на виду и того и другого войска вынул меч и заколол себя. Из всех застигнутых огнем римлян спасся лишь один, по имени Серторий, и благодаря вот какой хитрости. Он подозвал своего товарища по палатке по имени Луций и крикнул ему громким голосом: «Я ос-

тавлю тебя наследником всего моего имущества, если ты подойдешь и подхватишь меня!» Тот с готовностью подбежал к нему, но в то время как прыгнувший остался цел и невредим, принявший его был придавлен его тяжестью к каменной мостовой и умер на месте.

Полученный римлянами удар, хотя и лишил их на некоторое время присутствия духа, научил быть более осмотрительными и остерегаться козней евреев. Незнание местности и еврейских нравов причиняли римлянам немало вреда. Что же касается колоннады, то она выгорела вплоть до башни Йоханана (это была башня, построенная Йохананом над воротами, выходящими к Газиту, в то время, когда он вел борьбу с Шимоном). Все, что уцелело от нее, евреи сломали, засыпав обломками тела погибших римлян. На следующий день римляне в свою очередь сожгли всю северную колоннаду вплоть до ее соединения с восточной; угол, где сходились обе эти колоннады, возвышался над так называемой Кидронской долиной, глубина которой в этом месте была поистине устрашающей. Таково было положение в окрестностях Храма.

3. Между тем в городе свирепствовал голод. Число его жертв не поддавалось исчислению, и причиняемые им страдания были поистине неописуемы. В доме, где только появлялась тень пищи, разгоралась непримиримая борьба; ближайшие люди набрасывались друг на друга с кулаками, вырывая один у другого жалкие куски, которые могли продлить жизнь. Даже умиравшим не было веры в том, что у них уже ничего нет, и разбойники обыскивали испускавших дух, чтобы удостовериться, что их смерть – не притворство и они не прячут за пазухой что-то съедобное. С широко разинутыми от голода ртами, словно бешеные собаки, блуждали они повсюду, словно в опьянении, ломились в двери домов, и столь велико было их отчаяние, что они вламывались в один и тот же дом два или три раза подряд. И во что только не заставляла их запускать свои зубы нужда! Они собирали и уносили с собой, чтобы съесть, даже то, чем гнушались самые нечистые из неразумных тварей. В конце концов они обратились уже к поясам и обуви, жевали кожу, сдираемую со щитов. Иные пускали в пищу клочья старого сена, а некоторые собирали сухожилия и продавали крошечную связку за четыре аттические драхмы!

Но к чему описывать бесстыдство, с каким голод заставлял их набрасываться на неодушевленные предметы? Ведь я намерен рассказать о событии, подобного которому не было

еще описано ни у эллинов, ни у варваров, событии, превосходящем все пределы вероятного, и само повествование о котором приводит рассказчика в содрогание. Я сам с радостью избежал бы этого рассказа, чтобы не прослыть в потомстве сочинителем небылиц, если бы не знал, сколь велико число свидетелей тому среди моих современников. Кроме того, отечество мое вряд ли было бы мне благодарно, если бы я преднамеренно опустил в своем рассказе описание того, что ему пришлось испытать на самом деле.

4. Одна женщина из жителей Заироданья, Мирьям, дочь Эльазара из селения Бет-Эзов (что означает «Дом иссопа»), известная своим происхождением и богатством, бежала в числе прочих в Иерусалим и вместе со всеми переносила осаду. Имущество, что она вывезла с собой из Переи, было разграблено тиранами, а остатки драгоценностей и пищу, что ей удалось припасти, изо дня в день расхищали врывавшиеся в дом приспешники тиранов. И вот женщиной этой овладело крайнее ожесточение, и она стала набрасываться на грабителей с бранью и проклятиями, стремясь натравить их на себя. Но когда не нашлось никого, кто, по злости ли или из жалости, захотел бы покончить с ней, а сама она уже не имела сил добывать пищу на потребу другим, не говоря уж о том, что и найти что-то теперь уже не было возможности, и когда голод проник ей до мозга костей, а ярость сжигала ее внутренности еще сильнее голода, – тогда она, взяв в союзники нужду и ярость, ополчилась против самой природы. Схватив своего ребенка (у нее был грудной младенец), она сказала: «Несчастное дитя! Ради чего мне беречь тебя среди войны, голода и мятежа? У римлян, даже если мы и доживем до их прихода, нас ожидает рабство, еще прежде рабства нас настиг голод, а мятежники еще хуже их обоих. Так стань же мне пищей, мятежникам – духом мщения, а миру – мифом, тем единственным мифом, которого недостает еще, чтобы несчастья евреев обрели полноту!» С этими словами она умертвила сына и, изжарив его, съела половину, а вторую половину оставила и прикрыла.

Тут же появились мятежники и, учуяв запах нечестивого блюда, стали угрожать, что прикончат ее на месте, если она не укажет, где спрятана приготовленная пища. «Я приберегла для вас хороший кусок», – сказала она и открыла остатки ребенка. Дрожь и крайнее замешательство охватили их при этом зрелище, и они застыли оцепеневшие. Она же сказала им: «Это мое род-

ное дитя и дело моих рук. Ешьте, ибо я уже насытилась. Не будьте мягче женщины и жалостливее матери. Если ж вы трепещете и отворачиваетесь от моего жертвоприношения – что ж, я съела половину, так пусть и остальное достанется мне». Этого они уже не могли вынести и, дрожа от ужаса, бросились вон из ее дома. Это было единственное, от чего они отшатнулись в страхе и, хоть и с трудом, уступили матери эту пищу. Весть о страшном преступлении мгновенно распространилась по всему городу, и каждый, представляя себе этот ужас, содрогался, словно сам осмелился на что-то подобное. Смерть отныне стала единственным стремлением голодающих, и они почитали блаженными тех, кто успел умереть, не слыхав и не видав ничего подобного.

5. Римлянам тоже скоро стало известно об этом страшном происшествии. Одни отказывались верить, другие прониклись жалостью, большинство же вследствие этого события прониклось еще более сильной ненавистью к евреям. Что же касается Цезаря, то он и по этому поводу призвал Бога в свидетели своей невиновности. Он сказал: «Я предложил евреям мир, самоуправление и прощение всех их преступлений. Но они предпочли раздор согласию, войну – миру, голод – довольству и благополучию. Собственными руками они начали поджигать святилище, которое мы хотели для них же сберечь, и они поистине достойны подобной пищи! Но я похороню этот позор пожирания детей под развалинами их города, чтобы во Вселенной солнце не освещало своими лучами город, в котором матери питаются таким образом! И уж скорее, чем матерям, такая пища подошла бы отцам, которые и после столь неслыханного деяния продолжают оставаться под оружием!» Изъясняясь таким образом, Тит имел в виду, что эти люди уже пропали безвозвратно, ибо если прежде еще можно было ожидать, что они раскаются, то теперь, после того как они пережили все, что пережили, пропала всякая надежда на их здравомыслие.

IV

1. В 8-й день месяца Лоя оба легиона окончили наконец возведение валов, и Тит приказал подвести тараны к западной галерее внешнего храмового двора. Еще до них здесь в течение шести дней сильнейшие из стенобитных орудий непрерывно долбили стену, но не достигли ничего – камни были

столь велики и столь плотно соединены друг с другом, что устояли и перед этим, и перед другими орудиями. Однако тем временем римляне своими механизмами подрывали основания северных ворот и после длительных и тяжелых усилий выкатили наконец передние камни. Но ворота, поддерживаемые внутренними камнями, продолжали стоять, и тогда отчаявшиеся в орудиях и рычагах римляне стали приставлять к колоннадам лестницы. Евреи отнюдь не препятствовали им, но, когда те взбирались на стену, они нападали и вступали в бой. Многие были сброшены со стены, другие убиты в сражении, заколоты мечами, когда они, только сойдя с лестниц, еще не успели прикрыться щитами. Некоторые лестницы, сверху донизу нагруженные тяжеловооруженными воинами, евреям удалось оттолкнуть от стены и опрокинуть. Впрочем, сами они тоже несли тяжкие потери.

Те, кто поднял наверх знамена, сражались за них не на жизнь, а на смерть, так как потеря знамени считается ни с чем не сравнимым позором. Но в конце концов евреи овладели и знаменами и перебили всех, кто взобрался на стену. Что же касается остальных, то они, устрашенные участью погибших, отступили. Ни один из римлян не отдал жизнь даром; из мятежников же и на этот раз доблестно сражались все те, кто отличался и ранее, и сверх того Эльазар, племянник правителя мятежников Шимона. Что же до Тита, то он, увидев, что пощада чужих святынь приводит к ущербу и гибели воинов, распорядился поджечь ворота.

2. Как раз в это время к нему перебежали Ханан из Эммауса, кровожаднейший из преспешников Шимона, и Архелай, сын Магадата. Они надеялись снискать прощение, поскольку оставили евреев как раз тогда, когда те одержали победу. Тит отверг эту уловку; ему и ранее было известно об их зверствах в отношении евреев, и он от всей души желал казнить обоих. «Не по свободному выбору, – сказал он, – явились они к нам, но были приведены необходимостью. Кроме того, те, кто бросает отечество, охваченное огнем по их же вине, не заслуживает быть оставленными в живых». Однако данное им ранее слово заставило его смирить гнев, и он отпустил обоих, не пожаловав им, впрочем, тех же прав, что и остальным перебежчикам.

Итак, воины подожгли ворота, и расплавившееся серебро перенесло огонь на все деревянные части: мощное пламя вырвалось оттуда и распространилось на колоннады. При виде ог-

ненного кольца все силы души и тела оставили евреев – потрясение их было столь велико, что ни один не двинулся с места, чтобы отразить или погасить огонь, но они стояли и созерцали все это в полном бессилии. И все же охватившее их по поводу этого разрушения отчаяние не сделало их благоразумнее в отношении будущего, и они, словно и Храм уже был охвачен огнем, лишь еще больше ожесточились против римлян. Пожар длился весь тот день и всю следующую ночь, так как римляне не были в состоянии поджечь все колоннады сразу и поджигали их одну за другой.

3. На следующий день Тит приказал части своих людей потушить огонь и расчистить доступ к воротам, чтобы облегчить продвижение легионов. Сам же он созвал к себе военачальников. Среди собравшихся были шесть главнейших, именно начальник всего войска Тиберий Александр, начальник Пятого легиона Секст Цереалий, начальник Десятого Ларций Лепид, начальник Пятнадцатого Тит Фригий, а также Литерний (Этерний) Фронтон, стоявший во главе двух александрийских легионов, и наместник Иудеи Марк Антоний Юлиан; сверх того прибыли еще наместники и трибуны. Собрав их всех, Тит начал держать совет, как обойтись с Храмом. Одни советовали поступить в соответствии с законами войны, ибо (так говорили они) до тех пор, пока существует Храм, к которому отовсюду тянутся евреи, они никогда не перестанут бунтовать. Другие предлагали пощадить Храм при условии, что евреи оставят его и он будет совершенно очищен от оружия, но сжечь, если они поднимутся туда с целью ведения войны: ведь (так говорили они) в таком случае он будет уже не храмом, а крепостью, и тогда обвинение в кощунстве падет не на римлян, а на тех, кто принудил их к этому. Тит же сказал следующее: «Даже если евреи и поднимутся туда с целью ведения войны, это еще не означает, что неодушевленные предметы должны быть наказаны вместо людей – напротив, ни в коем случае не следует предавать огню столь великолепное сооружение. Ведь уничтожение его будет потерей для Рима, тогда как, оставшись целым, он будет служить украшением империи». Фронтон, Александр и Цереалий, ободренные этой речью, тут же присоединились к мнению Тита. После этого Тит распустил собрание, приказав военачальникам дать отдых всему войску, чтобы люди набрались сил к предстоящему сражению; лишь один отряд, отобранный из

когорт, получил приказание прокладывать дорогу через развалины и тушить огонь.

4. В этот день усталость и уныние одержали верх над боевым пылом евреев. Но уже на следующий день они настолько собрались с силами и воспрянули духом, что утром предприняли из восточных ворот вылазку против охраны Внешнего Храма. Римляне мужественно встретили натиск: они сомкнули ряды и образовали перед собой стену из тесно сдвинутых щитов. Тем не менее было ясно, что они не смогут долго продержаться, уступая нападавшим и в числе, и в воинственности. Однако Тит, который наблюдал за всем этим с Антонии, предупредил неблагоприятный исход сражения тем, что поспешил на помощь с отборным отрядом конницы. Евреи не выдержали натиска, и, как только пали сражавшиеся в первых рядах, остальные обратились вспять. Но когда римляне стали отходить, евреи развернулись и напали на них, когда же и римляне в свою очередь развернулись против евреев, те вновь обратились в бегство – пока наконец около полудня римляне не одолели их и не загнали во Внутренний Храм.

5. Тит же отошел в Антонию, приняв решение на заре следующего дня повести все свои силы на приступ и завладеть Храмом.

Бог давно уже обрек Храм огню, но вот наконец настал предопределенный во времени срок – 10-й день месяца Лоя, тот самый день, в который и прежде Храм был сожжен царем вавилонян. Виной и причиной огня были сами евреи. Когда Тит отошел, мятежники после короткой передышки вновь напали на римлян. Завязался бой между охранявшими Храм евреями и теми римлянами, что тушили огонь во внутренних пределах святилища; обратив евреев в бегство, римляне преследовали их вплоть до самого Храма. И тут один из воинов, не дожидаясь приказаний и не задумываясь о последствиях подобного деяния, но подвигнутый некоей божественной силой, хватает горящую головню и, приподнятый вверх своим товарищем, бросает ее внутрь сквозь золотой проем, ведший с севера к окружавшим Храм помещениям. При виде поднявшегося пламени евреи издали крик, отвечавший значению свершившегося, и, не щадя больше ни жизни, ни сил, со всех сторон бросились на защиту Храма. Теперь они теряли то, что так рьяно охранялось ими до сих пор.

6. Кто-то бросился сообщить о случившемся Титу, который как раз в это время отдыхал после сражения в своей па-

латке. Он вскочил на ноги и в том виде, в каком находился, бросился бежать к Храму, чтобы предупредить пожар. За ним следовали все военачальники и переполошенные легионы. Беспорядочное движение такого числа людей сопровождалось неописуемым шумом и гамом. И криком, и знаками Цезарь пытался дать понять сражающимся, чтобы они тушили огонь. Однако те не слышали его криков, тонувших в общем шуме, и не обращали внимания на подаваемые Цезарем знаки – одни потому, что были поглощены сражением, других же ослепляла ярость. Ни слова, ни угрозы не могли сдержать бешеного натиска легионов, единственным полководцем которых был неистовый гнев. Многие из столпившихся у входов были растоптаны своими же товарищами, многие делили участь побежденных, попадая на еще теплые и дымящиеся развалины колоннад. Те, кто был ближе к Храму, притворялись, что не слышат приказаний Тита, и передавали впереди стоящим, чтобы те поджигали внутренности Храма. Мятежники уже отчаялись в том, что можно что-то спасти, и гибель и бегство царили повсюду. Римляне поражали всех, кто попадался на их пути, и большинство убитых были мирные граждане, бессильные и безоружные. Вокруг жертвенника громоздились горы трупов, а по ступеням Храма лились потоки крови и скатывались тела убитых наверху.

7. Когда Цезарь увидел, что не в его силах сдержать порыв впавших в неистовство воинов и что огонь одержал победу, он в сопровождении военачальников вступил в Святая Святых и обозрел ее содержимое. Увиденное им намного превосходило ходившую в других странах молву и вполне оправдывало славу и почет, которыми святыня пользовалась у местных жителей. Ничто из внутренностей Храма еще не было затронуто пламенем, пожиравшим пока лишь храмовые пристройки, и Тит, правильно оценив, что здание еще может быть спасено, выскочил наружу, чтобы попытаться заставить воинов погасить огонь. Чтобы достичь этой цели, он пустил в ход и свои собственные увещевания, и прибег к помощи одного из своих телохранителей, центуриона Либералия, которому было приказано усмирять ослушников палочными ударами. Однако и почтение к Цезарю, и страх перед наказанием были побеждены яростью, ненавистью к евреям и неким неистовым воинственным порывом. Кроме того, многих вдохновляла надежда на добычу, так как они, судя по наружной золотой отделке, полага-

ли, что внутри все ломится от сокровищ. Однако после того как Цезарь выскочил наружу, чтобы удержать воинов, кто-то из проникших вовнутрь успел под покровом темноты подложить огонь под поворотные крюки ворот. При виде внезапно появившегося внутри огня военачальники с Цезарем удалились, и уж никто больше не препятствовал находившимся снаружи воинам поджигать Храм. Так против воли Цезаря Храм был предан огню.

8. Но пусть всякий, кто горестно оплакивает участь этого сооружения, далеко превосходящего все виденное и слышанное нами до сих пор как по своему устройству и величине, так и в отношении роскошной отделки его частей и славы его святых мест, пусть он найдет себе утешение в мысли о том, что неизбежность судьбы одинаково распространяется как на живые существа, так и на творения человеческих рук и даже на земли. И кого не приведет в изумление точность, с какой судьба совершила свой круговорот? Ведь, как я уже говорил, она выжидала до тех пор, пока исполнился тот самый месяц и тот самый день, в который и прежде Храм был сожжен вавилонянами! Со дня основания его царем Соломоном и до нынешнего его разрушения, имевшего место на втором году царствования Веспасиана, прошло тысяча сто тридцать лет, семь месяцев и пятнадцать дней; со вторичного его основания Хаггаем на втором роду царствования Кира и до взятия его Веспасианом прошло шестьсот тридцать девять лет и сорок пять дней.

V

1. В то время как в Храме разгорался пожар, нападавшие предавались грабежу и смерть стала участью тысяч побежденных. Не было ни жалости к возрасту, ни уважения к званию – детей и старцев, мирян и священников настигала одна и та же смерть. Война окружила кольцом и теснила всех без различия – и тех, кто молил о пощаде, и тех, кто сражался с оружием в руках. Рев прорывающегося отовсюду пламени сливался в одно с воплями падавших, а высота холма вместе с громадными размерами пылающего здания создавали представление, что весь город охвачен огнем. Невозможно представить что-то более мощное и ужасное, чем стоявший над городом крик. Ведь в нем были и победный клич всех римских легионов, и вопль

окруженных стеною огня и железа мятежников, и топот и плач покинутой наверху толпы, в ужасе бежавшей навстречу врагу и собственной гибели, и сверх того крикам, раздававшимся на холме, отвечал поднявшийся по всему городу вопль, ибо при виде пылающего Храма все те, кто лежал при последнем издыхании, вновь обрели силы и разразились стенаниями и плачем. И еще страшнее делало этот крик эхо, доносившееся от Переи и окрестных гор.

Однако участь побежденных была еще ужаснее этого крика. Казалось, Храмовая гора кипит от самого основания, так как вся она была залита огнем; однако обилие огня не шло ни в какое сравнение с обилием крови, так же как число убитых не могло сравниться с числом убийц. Земля совершенно скрылась под трупами, и римляне преследовали убегавших, носясь по грудам тел. Большинство разбойников, с трудом оттеснив римлян, прорвались во Внешний Храм, а оттуда в город, тогда как уцелевшие горожане спаслись бегством на внешнюю колоннаду. Некоторые из священников сначала выламывали шпицы Храма и, отрывая от них свинцовые основания, швыряли их в римлян; когда же стало ясно, что они ничего этим не достигают, а огонь все приближался к ним, они отступили на стену, ширина которой была восемь локтей, и оставались там. Но двое видных священников, которые могли или перебежать к римлянам и таким образом спасти свою жизнь, или оставаться на стене и ожидать общей для всех участи, бросились в огонь и сгорели вместе с Храмом. Звали их Меир, сын Билги, и Йосеф, сын Длайи.

2. Решив, что пожар Храма лишает смысла сохранение окружающих его строений, римляне сожгли все – и то, что осталось от колоннад, и ворота, за исключением двух, восточных и южных, которые, впрочем, были снесены впоследствии. Сожгли они и казнохранилища, где находились несметные суммы денег, бесчисленное количество одеяний и прочих драгоценностей – одним словом, все богатство евреев, ибо это было место, куда богатые сносили на хранение свое добро. Добрались они и до оставшейся колоннады Внешнего Храма – той самой, где спасались женщины, дети и смешанная толпа горожан общей численностью в 6 тысяч человек. Прежде чем Тит успел принять какое-либо решение в отношении этих людей или отдать распоряжения военачальникам, ослепленные яростью воины подожгли колоннаду. Одни погибли в пламени, другие

убились, прыгая с горящей колоннады, так что из такого множества людей не осталось в живых ни одного человека. Виновником их гибели был один лжепророк, разгласивший в тот день по городу, что Бог повелевает подняться в Храм, чтобы принять там знамение спасения. В те дни среди народа ходило много пророков: их засылали главари мятежников, чтобы те уговаривали народ дожидаться помощи Божьей. В результате сокращалось число перебежчиков, ибо лишь надежда могла удержать тех, кого не удерживали уже ни стража, ни страх. Человек в несчастье вообще легко поддается на обольщения; если же обманщик сулит избавление от преследующих ужасов, то надежда и вовсе всецело поглощает несчастного.

3. Вот так лжецы и обманщики обольщали несчастный народ, пользуясь именем Бога.

В то же самое время они не внимали и не верили знамениям, явственно предвещавшим грядущее опустошение. Словно оглушенные громом, незрячие и бесчувственные, они не слышали того, что возвещал глас Божий. Именно, сначала над городом появилась звезда наподобие фракийского меча, и в течение целого года висела комета. Затем, накануне отпадения от Рима, когда стали уже проявляться признаки войны, на 8-й день месяца Ксантика, когда народ собирался на праздник Опресноков, на исходе ночи алтарь и Храм вдруг озарились необычайно ярким светом: можно было подумать, что на дворе стоит день; сияние это длилось около получаса. Несведущие приняли его за доброе предзнаменование, однако толкователи Священного писания сразу разгадали смысл, и так все и сбылось. В тот же праздник приведенная кем-то для жертвоприношения корова отелилась посреди Храма, и люди видели, как около полуночи сами по себе отворились восточные ворота Внутреннего Храма – это были медные ворота необыкновенной крепости (ежевечерне их с трудом запирали 20 человек), задвигавшиеся обитыми железом засовами и снабженные глубоко уходящими в цельнокаменный порог крюками. Охрана Храма бросилась донести о случившемся своему начальнику, и тот, поднявшись, лишь с большим усилием сумел затворить их вновь. И опять невежды усмотрели в этом блестящее предзнаменование, именно, что якобы Бог отворил перед ними врата благополучия. Однако ученые постигли, что это разрешается и уходит безопасность Храма, что отворение ворот означает дар врагу, и втайне истолковывали это знаме-

ние как ясное предзнаменование будущего опустошения. А спустя несколько дней после праздника, в 21-й день месяца Артемисия, появилось одно божественное видение, превышающее пределы вероятного. То, о чем я собираюсь рассказать, могло бы показаться небылицей, если бы оно не было описано очевидцами и если последующие несчастья полностью не подтвердили бы этого знамения. Именно, перед заходом солнца по всей стране были видны на небе мчащиеся сквозь облака колесницы и ряды воинов, которые окружали города. Наконец, в праздник, называемый Пятидесятницей, когда жрецы ночью вошли во Внутренний Храм, чтобы совершить обычную службу, до них, как они рассказывают, сначала донеслись движение и топот, а затем слитные голоса: «Давайте уйдем отсюда в другое место!»

А вот предзнаменование еще более грозное. Некий Йехошуа, сын Ханана, простой деревенский житель, за четыре года до войны, когда в Иерусалиме царили мир и благополучие, явился на праздник, в который все евреи строят для Бога кущи, и посреди Храма вдруг начал выкрикивать: «Глас от востока, глас от запада, глас от четырех ветров, глас над Иерусалимом и над Храмом, глас над женихами и над невестами, глас надо всем народом!» День и ночь он ходил по улицам, повторяя этот крик. Несколько знатных горожан, разгневавшись на зловещие слова, схватили его и жестоко избили. Он же не издал ни звука в свою защиту, даже когда был один на один со своими истязателями, но продолжал выкрикивать те же самые слова. Тогда власти сочли, что, как оно и было на самом деле, этот человек движим некоей божественной силой, и привели его к римскому прокуратору. Но и там, будучи истерзан плетьми до костей, он не проронил ни просьбы о пощаде, ни слезы, но лишь как нельзя более жалостным голосом откликался на каждый удар: «Горе тебе, Иерусалим!» И когда Альбин, бывший в то время прокуратором, допрашивал его, кто он такой и откуда и почему произносит такие слова, он не давал никакого ответа и лишь продолжал оплакивать город. В конце концов Альбин признал его одержимым и отпустил восвояси. За все время до начала войны он не приблизился ни к кому из жителей города, и никто не видел, чтобы он говорил, но изо дня в день, как молитву, он твердил свой плач: «Горе тебе, Иерусалим!» Никогда он не проклинал тех, кто его бил, а это случалось каждый день, никогда не благословлял тех, кто давал

ему есть, и единственным его ответом всякому было все то же зловещее предсказание. Чаще же всего он издавал этот вопль во время праздников. И хотя он произносил эти слова в течение семи лет и пяти месяцев, голос его не ослабел и силы не иссякли. Он умолк лишь во время осады, после того, как собственными глазами увидел свершение своих пророчеств. Именно, когда один раз он, по своему обыкновению, обходил стену с пронзительным криком «Горе городу, горе народу, горе Храму!» и в конце добавил «Горе и мне!», посланный из камнемета камень ударил его и убил на месте. Так, все с теми же прорицаниями на устах, он испустил дух.

4. Каждый, кто задумается над этими вещами, придет к выводу, что Бог печется о людях и всячески указует человеческому роду пути к спасению, людей же приводит к гибели их собственное безумие и добровольно избираемый порок. Например, после разрушения Антонии евреи придали Храму четырехугольную форму, хотя в пророчествах записано, что город и Храм падут, когда святилище станет четырехугольным. Далее, проклятием, более всего остального побудившим евреев к войне, было двусмысленное пророчество, также содержащееся в Священном писании, именно, что к тому времени некто из их страны обретет власть над всем миром. Они приняли это как указание на кого-то из их собственного племени, и даже многие мудрецы впали в заблуждение в толковании этого пророчества. Между тем оно явственно указывало на воцарение Веспасиана, который был провозглашен императором, когда находился в Иудее. Но людям не дано избежать предначертанного даже тогда, когда они предвидят его. Так евреи толковали одни предзнаменования к собственному удовлетворению и совершенно не считались с другими, пока наконец падение родного города и собственная гибель не изобличили их неразумия.

VI

1. Когда мятежники бежали в город, римляне, хотя и сам Храм, и его окрестности еще горели, принесли в священные пределы свои знамена и, водрузив их против восточных ворот, тут же совершили перед ними жертвы и при громких славословиях провозгласили Тита императором. Каждый воин был до такой степени нагружен добычей, что во всей Сирии золото

упало в цене наполовину против прежнего. Между тем священники все еще находились в стене Храма. Один мальчик, мучимый жаждой, взмолился к римским стражам о пощаде, открыто признавшись им, что изнемогает от жажды. Проникшись сочувствием к его возрасту и тяжелому положению, римляне обещали сохранить ему жизнь. Сойдя к ним, он напился, наполнил водою принесенный с собою сосуд, а затем снова убежал наверх к своим. Никому из стражей не удалось его поймать, и тогда они стали бранить его за вероломство. Он же ответил, что ни в чем не преступил бывшего между ними соглашения: они-де договаривались не о том, что он останется у них, но лишь о том, что он спустится вниз и получит воду, – он выполнил оба эти условия и потому не может считаться вероломным. Одураченные римляне были до глубины души поражены и самой уловкой, и в особенности юным возрастом ее изобретателя. Однако на пятый день сломленные голодом священники были вынуждены наконец сойти вниз. Стражники привели их к Титу, и те стали умолять его даровать им жизнь. Тит же ответил, что время для их прощения давно прошло, что нет уже более и того, ради чего имело смысл сохранить им жизнь, и что священникам подобает погибнуть вместе с Храмом. С этими словами он приказал их казнить.

2. Когда мятежники и их главари увидели, что они повсюду разбиты и заперты за стеной, не дающей ни малейшей возможности к бегству, они предложили Титу вступить в переговоры, уступив как своему природному человеколюбию, которое побуждало его спасти по крайней мере город, так и советам друзей, предполагавших, что теперь-то эти разбойники научились умеренности. Тит стал у западной стороны Внешнего Храма. Дело в том, что именно здесь, над Газитом, были ворота и мост, соединявший Верхний город с Храмом: этот-то мост и лежал теперь между главарями мятежников и Цезарем. С обеих сторон собралась большая толпа – вокруг Шимона и Йоханана теснились воодушевленные надеждой на помилование евреи, вокруг Цезаря – римляне, сгоравшие от нетерпения услышать его решение. Тит приказал воинам сдержать гнев и воздержаться от стрельбы и, чтобы указать, кто именно является здесь победителем, выставил рядом с собой переводчика и заговорил первым:

«Вполне ли насытились несчастьями своей родины те, кто не посчитался ни с нашей мощью, ни с собственным бессили-

ем, те, чей неосмотрительный порыв и чье безумие погубили и народ, и город, и Храм, и кто в конце концов навлек на самих себя вполне заслуженную гибель? Не вы ли неустанно стремились к отложению еще с того времени, как были впервые покорены Помпеем, и не вы ли затем развязали против Рима открытую войну? На что вы полагались? На свою многочисленность? Но даже ничтожной части римского войска хватило на то, чтобы справиться с вами. На поддержку союзников? Но какой из народов за пределами империи пойдет на то, чтобы предпочесть евреев римлянам? Быть может, на телесную крепость? Но вы не можете не знать, что даже германцы – и те наши рабы. На прочность стен? Но нет преграды более прочной, чем стена океана, а даже окруженные океаном британцы преклонились перед римским оружием. На силу вашего духа и изворотливость вождей? Но ведь вам было известно, что нами был покорен даже Карфаген!

Следовательно, вы были подвигнуты на выступление против римлян не чем иным, как человеколюбием самих же римлян. В самом деле – во-первых, мы отдали страну в ваше собственное управление и поставили над вами царей из вашего племени. Далее, мы блюли законы ваших предков и позволили вам не только у себя, но и среди чужих жить, как вы желаете. Наконец, самое главное – мы позволили вам взимать подати и собирать приношения во имя Бога, никогда не отговаривая жертвователей и ни в чем не препятствуя им, вследствие чего вы, наши враги, становились все богаче и использовали наши же деньги на приготовления к войне против нас. И наконец, вы, вкушавшие от столь неслыханных благ, обратили свое пресыщение против тех, кто осыпал вас ими, и, наподобие неукротимо диких змей, выпустили свой яд в ласкавшую вас руку!

Вне всякого сомнения, вы презирали беспечность Нерона и, подобно перелому или судороге, злонамеренно бездействовали все время для того, чтобы открыться посреди болезни и простереть свои помыслы до бесстыдных и неумеренно дерзких упований. Мой отец явился в страну не затем, чтобы покарать вас за причиненное Цестию, но лишь предостеречь вас. В самом деле, если бы он пришел уничтожить ваше племя, он должен был устремиться к самому корню и без промедления разрушить вот этот город. Однако он лишь опустошил Галилею и ее окрестности, тем самым дав вам время одуматься. Однако вы приняли человеколюбие за слабость, и наша кротость

дала пищу вашей дерзости. После смерти Нерона вы усвоили повадки отпетых негодяев: вы черпали бодрость в наших внутренних волнениях, вы, когда я и мой отец удалились в Египет, воспользовались этим для военных приготовлений, вы бесстыдно смущали покой тех самых новых правителей, которых знали как человеколюбивых полководцев! И вот, наконец, когда вся империя была уже под нашей властью, когда во всех частях ее воцарилось спокойствие и когда чужеземные народы отправляли к нам посольства, чтобы приветствовать нас, – кто, как не евреи, вновь были нашими врагами?! Ваши посольства отправлялись за Евфрат, чтобы возбудить против нас тамошние народы; вокруг города возводились новые стены; поднялись мятежи, раздоры между тиранами и междоусобная война – все, чего только можно ожидать от людей, отличающихся подобной низостью.

Наконец, я, обремененный печальными полномочиями, против воли данными мне отцом, явился перед вашим городом. Я слышал, что народ склоняется к миру, и радовался этому. Я призывал вас прекратить войну еще до того, как она началась, и, несмотря на то что вы вели против меня военные действия, долгое время щадил вас: я даровал прощение перебежчикам и твердо держался данных мною ручательств; я пощадил многих пленников и жестокими пытками наказал их притеснителей; лишь по необходимости я подвел к вашим стенам орудия и всегда обуздывал кровожадные порывы своих воинов; наконец, после каждой своей победы я призывал вас к миру, словно не кто иной, как я, был тем, кто потерпел поражение. Приблизившись к Храму, я вновь по собственной воле забыл законы войны; я призывал вас пощадить ваши собственные святыни и для самих себя спасти Храм. Я даровал вам свободный выход из города и поручился в сохранности вашей жизни, более того – я предоставил вам возможность провести сражение в каком-либо ином месте. Но вы пренебрегли всеми этими предложениями и собственными вашими руками сожгли Храм.

И после всего этого, о презренные из презренных, вы еще приглашаете меня вести с вами переговоры? Разве можете вы спасти что бы то ни было, что выдержало бы сравнение с уже погубленным вами? И разве теперь, после погибели Храма, ваши жизни хоть чего-то стоят? Но даже и теперь вы стоите здесь при оружии и даже в столь крайних обстоятельствах не

берете на себя труда притвориться, что явились ко мне умолять о пощаде. Несчастные! На что вы еще уповаете? Народ ваш мертв, Храм погиб, город – мой, самая ваша жизнь в моих руках, и вы еще рассчитываете стяжать славу своей геройской смертью?! Но я не собираюсь соперничать с вами в безумии и, если вы бросите оружие и сдадитесь, дарую вам жизнь. Подобно кроткому домохозяину, я истреблю лишь то, что не подлежит исцелению, все же остальное сохраню для своих собственных нужд».

3. На это они ответили, что принимать условий они от него не могут, так как поклялись никогда не делать этого, но что они просят дать им уйти через обводную стену вместе с женами и детьми – тогда они удалятся в пустыню и оставят ему город. То, что люди, находящиеся на положении пленников, еще смеют, словно победители, выставлять условия, привело Тита в такое негодование, что он приказал объявить следующее: «Нет больше перебежчиков, и нет надежды на то, чтобы сдаться, ибо отныне не будет пощады никому. Сражайтесь изо всех сил и спасайтесь, как умеете, отныне я буду действовать лишь согласно законам войны». Одновременно он приказал воинам жечь и грабить город. В тот день они еще ничего не предпринимали, но на следующий день подожгли городское правление, Акру, Совет и часть города, называемую Офел. Огонь распространился до дворца Елены, а тот находился посреди Акры. Сгорели также улицы и дома, наполненные телами умерших от голода.

В этот день явились умолять Цезаря о помиловании сыновья и братья царя Изата, а с ними многие из высокопоставленных горожан. Он же, сколь ни велик был его гнев на последних мятежников, все же не изменил своему нраву и принял этих людей. В то время он содержал их всех под стражей, впоследствии же сыновья и родственники царя были в оковах отправлены в Рим в качестве заложников.

• VII

1. Что же касается мятежников, то они устремились к царскому дворцу, куда ввиду его укрепленности многие снесли свое имущество, выбили оттуда римлян, перебили весь собранный там народ и разграбили бывшие там ценности. Еще они захватили в плен двух римлян, всадника и пехотинца. Пехотинца

убили на месте, а труп проволокли по всему городу, словно желая на одном этом теле выместить все, что было у них против римлян. Всадник же, поскольку он говорил, что может посоветовать нечто полезное относительно их спасения, был приведен к Шимону. Но так как тут ему нечего было сказать, он был предан для казни Ардале, одному из их предводителей. Тот связал ему руки за спиной, закрыл глаза повязкой и повел в сторону римлян, чтобы обезглавить у них на виду. Но пока еврей извлекал меч, пленник успел убежать в римский лагерь. Тит не мог допустить, чтобы тот был казнен после того, как спасся из рук врага, но поскольку сдаться в плен живым он считал бесчестием для римского воина, то приказал лишить его оружия и изгнать из воинского строя – наказание даже худшее, чем смерть, для всякого обладающего чувством стыда.

2. На следующий день римляне выбили разбойников из Нижнего города и выжгли всю местность до Шилоаха. Хотя они и радовались тому, что все меньше и меньше остается от города, все же их ожидания относительно добычи не оправдались, так как перед тем, как отступить в Верхний город, мятежники успели все опустошить. Ведь вместо того чтобы раскаяться, они кичились своими преступлениями, словно какими-то добрыми делами! Лица их были веселы даже при виде горящего города, и они говорили, что теперь, когда народ умерщвлен, Храм сожжен, а город в огне, они с радостью примут смерть, так как ничто не оставлено ими врагу.

И теперь, на краю гибели всего, Йосеф без устали умолял их пощадить остаток города. Однако сколько ни твердил он им об их свирепости и нечестии, сколько ни увещевал спасти самих себя, на его долю не выпадало ничего, кроме насмешек. Поскольку, ввиду принесенной ими клятвы, они не могли сдаться римлянам и поскольку, с другой стороны, они были заперты словно в тюрьме и не могли уже на равных воевать с римлянами, жажда же убийства, вошедшего в привычку, не давала им покоя, то мятежники рассеивались по городским окраинам и в развалинах устраивали засады тем, кто собирался перебежать на сторону римлян. Многие попадали в их руки, а так как из-за голода у перебежчиков не было сил спастись бегством, то всех их умерщвляли, а тела бросали на съедение собакам. Но для тех любой вид смерти казался легче, чем смерть от голода, потому-то и бежали они к римлянам, хотя и не имели уже никакой надежды на сострадание с их стороны,

потому-то и шли добровольно в руки кровожадных мятежников. И уже не оставалось в городе места, где бы не лежали тела – жертвы голода или мятежа, – и весь он наполнился трупами погибших то ли от мятежа, то ли от голода.

3. Последняя надежда, что еще согревала сердца тиранов и их приспешников, были подземные ходы. Они рассчитывали скрыться там и так ускользнуть от римлян, а когда весь город будет взят и римляне уйдут, выйти наружу и бежать. Впрочем, все это было не более как мечта, и в конце концов они не укрылись ни от Бога, ни от римлян. Пока же, полагаясь на эти подземелья, они жгли даже еще больше, чем римляне. Тех, кто бежал из горящих строений в подземные ходы, они без колебаний убивали и грабили, а если при грабеже находили еду, то пожирали ее невзирая на кровь, которой она была запятнана. Даже друг с другом они уже воевали из-за награбленного, и мое мнение таково, что если бы город был взят позже, то зверство их достигло бы такой крайности, что они принялись бы пожирать и трупы.

VIII

1. Поскольку Верхний город стоял над обрывом, не было никакой возможности взять его, не возводя валов, и потому в 20-й день месяца Лоя Тит разослал войско по осадным работам. Особенно тяжело было с доставкой леса, ибо, как я уже говорил, на сто стадиев вокруг города все было оголено еще при возведении прежних насыпей. Все четыре легиона работали у западной стороны города, напротив царского дворца, союзники же, равно как и все остальные, возводили валы у Газита, у моста при Газите и у Шимоновой башни, что была в свое время построена Шимоном как опорный пункт в войне с Йохананом.

2. В эти дни вожди идумеян на тайном совете решили сдаться римлянам; они послали к Титу посольство из пяти человек просить о помиловании и залогах безопасности. Идумеяне составляли значительную часть военных сил мятежников, и Тит надеялся, что по их отложении тираны сделаются более уступчивыми, потому он, хотя и после долгих размышлений, согласился сохранить им жизнь и отослал послов. Однако о приготовлениях идумеян стало известно Шимону, который

немедленно казнил прибывших от Тита послов. Что же касается вождей, знатнейшим из которых был Яаков, сын Сосы, то они были схвачены и помещены под стражу, а над остальными идумеянами, которые без вождей были совершенно беспомощны, установил надзор. Кроме того, Шимон усилил охрану стены. Но даже это средство не было действенным против перебежчиков, и, несмотря на множество убитых, число перебежчиков все возрастало.

Римляне принимали всех – как вследствие кротости Тита, не настаивавшего на соблюдении прежних своих распоряжений, так и потому, что из пресыщения и в надежде на прибыль воины воздерживались от убийств. Дело в том, что всех, за исключением простых граждан, они продавали вместе с женами и детьми за бесценок, так как продающих было намного больше, чем покупающих. И хотя объявили заранее, чтобы никто не приходил поодиночке, но лишь вместе с семейством, одиночек принимали тоже. Впрочем, Тит приставил к ним людей, отбиравших тех из перебежчиков, кто заслуживал наказания. Сколько всего было продано в рабство, сосчитать невозможно; простых же граждан, помилованных Титом, было свыше сорока тысяч, и всем им было позволено уйти, куда угодно.

3. В эти же дни явился и один из священников, Йехошуа, сын Тевути, после того, как заручился от Тита обещанием о пощаде при условии, что вынесет с собой что-то из священной утвари. Он принес два светильника с храмовой стены, совершенно такие же, как те, что хранились в Храме, столы, кувшины и чаши – все из чистого массивного золота. Еще были принесены им завесы, облачения первосвященников с камнями, и много другой утвари, употреблявшейся при священнослужении. Помимо него, был взят в плен еще и хранитель храмовой казны Пинхас, который представил облачения и пояса священников, пурпур и багряницу в изобилии (то были пурпур и багряница из запасов, предназначенных для починок завесы), а также много корицы, кассии и других пряностей, из которых составлялась смесь для ежедневного воскурения Богу. Он передал также много других сокровищ и немало священных украшений, за что и снискал помилование как перебежчик, хотя и был схвачен против своей воли.

4. Валы были возведены в 18 дней, и в 7-й день месяца Горпиея римляне подвели к ним осадные орудия. Что же до мятежников, то часть их, потеряв надежду удержать город, от-

ступила со стены в Акру, часть спустилась в подземные ходы, но многие, выстроившись на стене, пытались помешать установке осадных орудий. Но римляне одолели и этих, как благодаря превосходству в числе и силе, так и в первую очередь потому, что, в то время как они были бодры духом, противник пал духом и изнемог. Как только часть стены была разрушена и башни начали поддаваться под ударами таранов, защитники тут же обратились в бегство. Тиранов тоже охватил страх, превышавший меру действительной опасности, ибо они были готовы к бегству еще до того, как противник поднялся на стену. Зрелище этих людей, некогда столь надменных и кичливых в преступлениях, а ныне смиренных и трепещущих от страха, внушало жалость даже к таким негодяям, столь разительна была произошедшая в них перемена. Их единственным желанием было ринуться на обводную стену и, отбросив стражу, пробить себе выход наружу. Однако они больше не видели вокруг никого из некогда верных людей, каждый бежал куда смог, вестники же, посланные ими вперед, один за другим сообщали, что вся западная стена разрушена, что римляне уже вторглись в город, что, наконец, те уже поблизости и ищут их, а некоторые вестники, ослепленные страхом, даже говорили, что своими глазами видят врагов на башнях. Тут они пали ниц и стали проклинать собственное безумие – можно было подумать, что у них перерезаны сухожилия и потому они не в состоянии спасаться бегством.

Здесь, более чем где бы то ни было, и сделалось явным, что Божья сила преследует нечестивцев, а римлянам сопутствует удача. Ведь тираны сами лишили себя надежной твердыни, по собственной воле сойдя с башен, на которых никто, кроме голода, не был в состоянии осилить их. Римляне же, потратившие столько сил на взятие слабейших укреплений, взяли благодаря удаче то, над чем бессильны были бы все их орудия. Ведь эти три башни, устройство которых описано нами выше, легко могли противостоять любому из осадных приспособлений.

5. Оставивши эти башни, или, скорее, будучи низвергнуты оттуда Богом, они на некоторое время нашли убежище в лощине внизу под Шилоахом, а после того как немного оправились от страха, бросились к расположенному там же укреплению. Однако не было в них уже прежней отваги, да и силы их были сведены на нет страхом и лишениями – те, кто охранял укрепление, сумели отразить их нападение, и они рас-

сеялись по подземным ходам. Тем временем римляне овладели стенами, расставили по башням знамена и под ликующие рукоплескания запели победную песнь. Конец войны оказался для них гораздо более легким, чем ее начало; они не могли поверить, что без единой потери взяли последнюю башню, и растерялись, не видя против себя ни одного противника. Тогда, обнажив мечи, они ринулись на улицы города, беспощадно умерщвляя всякого, попадавшегося им на пути, и поджигая дома вместе с укрывшимися в них людьми. И хотя грабили они много, но, попадая в дома, где находились целые семейства мертвецов, а спальные покои были полны умерших от голода, приходили в такой ужас от этого зрелища, что не трогали ничего. Но, несмотря на сострадание к жертвам столь ужасной гибели, они не испытывали жалости к живым. Убивая всякого, попадавшегося на пути, римляне загромоздили узкие улицы трупами и запрудили весь город кровью, так что кровь потушила даже многие из пожаров. К вечеру резня прекратилась, огонь же за ночь лишь окреп. Утро 8-го дня месяца Горпиея нашло Иерусалим объятым пламенем. Поистине, если бы со дня своего основания этот город вкусил столько же благ, сколько несчастий ему пришлось претерпеть во время осады, то он был бы достоин всеобщей зависти! И всеми своими бедствиями он был обязан только тому, что вскормил поколение, которое и явилось причиной его гибели.

IX

1. Войдя в город, Тит был поражен мощью укреплений, и в особенности башнями, покинутыми тиранами в припадке безумия. Обозрев их силу и высоту, размеры каждого камня, сколь плотно они пригнаны друг к другу, сколь необъятны шириной и сколь громадны высотой, он воскликнул: «Поистине Бог воевал на нашей стороне! Не кто иной, как Бог, низверг евреев с этих укреплений, ибо ни руки, ни орудия человека не могли бы справиться с этими башнями». В то время он часто высказывался в таком роде в беседах с друзьями. Он освободил всех заключенных, содержавшихся тиранами в крепости. Позднее он приказал разрушить остальной город и срыть стены, но башни оставил нетронутыми как памятник сопутствовавшей ему удаче, с помощью которой он сумел возобладать даже над невозможным.

2. Так как воины начали уже уставать от резни, а оставшихся в живых было еще очень много, Цезарь распорядился предавать смерти только тех, кто оказывал сопротивление, всех же остальных брать живыми. Помимо тех, о ком было им объявлено, они убивали еще стариков и слабых; молодых же и крепких, что могли еще принести пользу, согнали в Храм и заперли в женском притворе. Надзирать над ними Тит приставил одного из своих вольноотпущенников, а другу своему Фронтону поручил определить судьбу каждого в соответствии с его деяниями. Тот казнил всех мятежников и разбойников, доносивших друг на друга; самых рослых и красивых из юношей отобрал для триумфа; из остальных всех, кто был старше семнадцати лет, в оковах отправил в Египет на каторжные работы, и множество было раздарено Титом по провинциям – судьбой этих было погибнуть в театрах от меча или от диких зверей; все не достигшие семнадцатилетнего возраста были проданы. Пока Фронтон занимался определением их участи, 11 тысяч пленников умерло от голода – часть потому, что стражники из ненависти не давали им есть, часть же потому, что сами не касались пищи, не говоря уж о том, что просто недоставало еды на пропитание такого множества людей.

3. Число всех пленных, взятых в течение войны, составляло 97 тысяч, а погибших во время осады было миллион сто тысяч. Большинство их, хоть и евреи, не были жителями Иерусалима – собравшись со всей страны к празднику Опресноков, они были застигнуты здесь войной. Скученность явилась причиной многих жертв, сначала от чумы, а затем от голода, который вызвал особенно много смертей. То, что город был в состоянии вместить такое множество народа, следует и из переписи, проведенной при Цестии. Ведь Цестий, желая показать Нерону меру процветания этого города (ибо Нерон относился к евреям с пренебрежением), поручил священникам по возможности исчислить его население. В ближайший праздник, называемый ими Пасха, когда в послеполуденное время в течение двух часов приносят жертвы Богу и вокруг каждой жертвы собирается не менее десяти, а зачастую и по двадцати человек (ведь запрещено справлять этот пир в одиночку), сосчитали все жертвы, и их оказалось 256 500. Если положить по десять человек на каждую жертву, то выходит 2 700 000 только прошедших очищение: ведь ни прокаженным, ни испускающим гной из детородных частей, ни женщинам во время месячных,

ни нечистым в каком-либо ином отношении не дозволялось принимать участие в жертвоприношении, равно как и всем тем чужеземцам, что присутствовали при богослужении.

4. В большинстве своем это были люди, прибывшие в Иерусалим из других мест, и рок судил так, чтобы целый народ оказался заключенным в общую для всех темницу и чтобы война окружила город, до отказа наполненный людьми. И впрямь, жертв было столько, что это превысило меру всякой гибели, когда-либо причиненной Богом или людьми. Всякого, кто был у них на виду, римляне или умертвили, или взяли в плен, а затем стали разыскивать прятавшихся в подземельях, разрывая землю и убивая всех, кто попадался. Более двух тысяч трупов было найдено там – одни пали от собственной руки, другие умертвили друг друга, большинство же погибло от голода. И столь страшен был исходивший оттуда трупный дух, что многие из тех, кто пытался спуститься туда, тут же отпрянули назад. Впрочем, были и такие, что, влекомые алчностью, все-таки спускались, шагая по грудам мертвых тел. И в самом деле, в подземельях находили множество драгоценностей, и жажда наживы оправдывала те средства, какими они были добыты.

Из подземелий же были выведены и многие, кого тираны держали там в заключении, ведь даже в самых крайних обстоятельствах они продолжали упорствовать в своей свирепости! Однако в конце концов Бог воздал по заслугам и им обоим. Йоханан, жестоко голодавший в подземелье вместе со своими братьями, попросил наконец от римлян столь многократно отвергнутой им в прошлом пощады. Что же касается Шимона, то он сдался лишь после продолжительной борьбы с неизбежным исходом, борьбы, которая будет описана нами ниже. Шимон был предназначен для триумфального шествия и казни, Йоханана же ожидало пожизненное заключение. Теперь римляне предали огню наиболее отдаленные городские предместья и срыли стены.

X

1. Итак, на втором году правления Веспасиана, в 8-й день месяца Горпиея, Иерусалим пал. Подобное случалось с ним пять раз в прошлом, и это уже второй раз, что он был совершенно опустошен. Египетский царь Асохей (Шишак), затем Антиох, после него Помпей, а за ними Сосий вместе с Иродом

были те, кто, хоть и взяли город, пощадили его. Однако еще до них, спустя 1468 лет и 6 месяцев после его основания, вавилонский царь овладел городом и опустошил его. Первым же основателем города был ханаанский владыка, звавшийся на местном наречии «царь праведный», каковым он и был на самом деле. Потому он и был первым жрецом Бога и первым строителем Храма, отчего и дал городу, что прежде назывался Солимом, имя Иерусалима. Но ханаанеяне были изгнаны царем евреев Давидом, который поселил здесь собственный народ. 477 лет и 6 месяцев спустя город был разрушен вавилонянами. А от царя Давида, первого еврейского царя в Иерусалиме, и до разрушения города Титом прошло 1179 лет, и 2177 лет прошло от первоначального основания города до его окончательного падения. И ни древность города, ни его неимоверное богатство, ни то, что народ его распространился по всему миру, ни даже великая слава свершавшегося в нем богослужения недостали на то, чтобы предотвратить его гибель. Итак, вот таков был конец осады Иерусалима.

КНИГА СЕДЬМАЯ

I

1. Уже когда войску нечего было грабить и некого убивать и всеобщему ожесточению всего этого оказалось мало (ибо и впрямь они не могли удержать себя и что-либо пощадить, пока имели, что уничтожать), Цезарь приказал им и Храм, и весь город до основания срыть, оставив самые высокие из башен – Фацаэль, Гиппик, Мирьям, а также часть стены, которая защищала город с запада; последнюю – чтобы послужить местом для расположения оставленного там гарнизона, а башни – дабы свидетельствовать перед потомками о том, сколь величественным и сильно укрепленным был город, над которым вот так возобладала римская доблесть. Всю же остальную часть городской стены разрушители сровняли с землею таким образом, чтобы у подошедших к ней и мысли не возникало, что это место когда-то было населено. Так из-за безумия мятежников пришел конец Иерусалиму, городу прекраснейшему и прославленному перед всеми народами.

2. Для охраны Цезарь решил оставить там Десятый легион, а также несколько всадников и несколько когорт пехоты. Покончив с заботами войны, он пожелал выразить благодарность всему войску за ратные подвиги и особо отличившимся вручить подобающие награды. Посреди бывшего лагеря для него была сооружена трибуна. Взойдя на нее вместе с главнейшими военачальниками, он обратился во всеуслышание к воинам и сказал, что испытывает величайшую признательность

за их неизменную благосклонность к нему. Он похвалил их за исполнительность во все время войны, которую вместе с присущим им мужеством проявили они в многочисленных и величайших опасностях, приумножив тем самым могущество отечества и воочию засвидетельствовав перед всеми народами, что ни множество врагов, ни укрепления на местах, ни величина городов, ни безрассудная отвага и звериная жестокость противника никогда не сумеют устоять перед римской доблестью, пусть даже кому-то из врагов способствовала бы во многом удача. Хорошо, сказал он, что они положили таким образом конец войне, оказавшейся столь длительной. Ибо ничего лучшего он и не желал, когда они вступали в нее. Но еще более к украшению и славе их то, что будущих правителей и властителей Римской державы, которых они прежде избрали и проводили в отечество, все принимают с радостью и подчиняются их распоряжениям, будучи благодарными к их избравшим. Также сказал, что восхищается и любит всех, зная, что никто не проявил усердия меньшего, чем мог проявить. А тем, кто сражался с особо выдающимся мужеством, украсив доблестями собственную жизнь и все его войско прославив своими подвигами, сказал, что тотчас воздаст им в дарах и почестях, и никто из пожелавших претерпеть в битве больше, нежели остальные, не останется без справедливого вознаграждения. Ведь именно об этом величайшая его забота, поскольку он более желает вознаграждать доблести соратников, нежели наказывать провинившихся.

3. Тотчас же он приказал назначенным для этого лицам зачитать имена тех, кто совершил что-либо выдающееся за время войны. И, вызывая их поименно, он хвалил подходивших к нему, радуясь при этом так, словно это были его собственные подвиги; он надевал на них золотые венки и золотые ожерелья, дарил длинные золотые копья и знамена, сделанные из серебра, и возводил каждого в высший чин. Кроме того, он щедро наделил их золотом и серебром из награбленного и одеждой из остальной части добычи. Почтив всех так, чтобы самолично оценить заслуги каждого, он благословил все войско, при общем ликовании сошел с трибуны и приступил к победным жертвоприношениям. Заклав огромное множество быков, стоявших перед алтарями, он раздал мясо войску для пиршества. Сам же праздновал вместе с военачальниками три дня и затем распустил часть войска, не интересуясь тем, куда они направятся. Ох-

рану Иерусалима Цезарь поручил Десятому легиону, на этот раз не отослав его за Евфрат, где он находился прежде. Двенадцатому, памятуя о том, что при Цестии тот потерпел поражение от евреев, он приказал вообще оставить Сирию (ранее же он стоял в Рафанее) и отослал его в место, называемое Мелитена (находится оно у Евфрата, на границе Армении и Каппадокии). А двум легионам, Пятому и Пятнадцатому, до отправления в Египет он приказал оставаться при нем. И, отойдя вместе с этим войском в Приморскую Кесарию, он перевез туда несметную добычу и приказал содержать там пленных под охраной, поскольку отплытию в Италию препятствовала зима.

II

1. Когда Тит Цезарь был занят осадой Иерусалима, Веспасиан на грузовом корабле отправился из Александрии на Родос. Оттуда он плыл на триерах и заходил по пути во все города, встречавшие его со всею торжественностью. Затем он переправился из Ионии в Элладу, на Керкиру, а оттуда на мыс Япигий, откуда продолжал путешествие по суше. Тит же, отправившись из Приморской Кесарии, пришел в Кесарию, называемую Филипповой и, надолго остановившись там, устраивал многочисленные зрелища; и многие из пленников были погублены там; одни – будучи отданы на растерзание зверям, другие – по принуждению сражаясь друг с другом толпами. Там Тит и узнал о взятии в плен Шимона, сына Гиоры, которое произошло следующим образом. Шимон во время осады Иерусалима находился в Верхнем городе. Когда римское войско, проникнув внутрь за крепостную стену, повсюду опустошало город, Шимон, взяв самых преданных из товарищей, а с ними и каменотесов, необходимые им для работы инструменты, также запас продуктов, которых могло хватить на длительное время, со всем этим спустился в одно из потайных подземелий. До тех пор пока тянулся подземный ход старой копки, они пробирались по нему, когда же уперлись в непрокопанную землю, то стали рыть ее в надежде на то, что обретут спасение, если станут продвигаться вперед и выберутся наверх в безопасном месте. Несбыточность надежды обнаружило само совершение работы. Ибо землекопы едва продвигались вперед, а припасы при всей бережливости стали подхо-

дить к концу. И тогда, желая привести римлян в смятение и таким образом обмануть, Шимон облачился в белую тунику, надел поверх нее пурпурную хламиду и в том самом месте, на котором прежде был храм, появился из-под земли. Поначалу увидевшие это пришли в изумление и не трогались с места, но затем, приблизившись, стали расспрашивать, кто он. Но Шимон этого им не открыл, а приказал позвать командующего. Они поспешно сбегали за ним, и явился Теренций Руф, оставленный за главнокомандующего.

Узнав от Шимона всю правду, он велел связать его и посадить под стражу, а Цезаря оповестил о том, как Шимон был пойман. Так в наказание за жестокость к своим соотечественникам, которых он бесчеловечно тиранил, Бог предал Шимона в руки смертельно ненавидевших его врагов. Не силой был он захвачен в плен, но по собственной воле предал себя на расправу, за что ранее сам многих умерщвлял, необоснованно обвиняя в измене и переходе к римлянам. Ибо злу не избежать Божьего гнева, справедливость Его всемогуща, рано или поздно настигает она преступивших ее и карает злодеев тем более жестоко, что они мнят себя избежавшими кары, если не получают ее тотчас же. Понял это и Шимон, когда изведал силу римского гнева. А его появление из-под земли весьма способствовало в те несколько дней нахождению и других мятежников в подземельях. К Цезарю по возвращении его в Приморскую Кесарию Шимон был приведен в цепях, и тот приказал оставить его в живых для триумфа, который собирался отпраздновать в Риме.

III

1. Во время пребывания в Кесарии Тит пышно справлял день рождения своего брата и в его честь предал смерти множество евреев из тех, которые подлежали наказанию. Число погибших в битвах со зверями, сожженных и павших в сражениях друг с другом превышало 2500 человек. И все эти неисчислимые способы казни казались римлянам незаслуженно легким наказанием. После этого Цезарь прибыл в Берит (этот город, колония римлян, находится в Финикии) и оставался там более длительное время, обставляя день рождения отца с еще большей пышностью как в великолепии зрелищ, так и

в отношении других изобретений всевозможных трат. И множество пленных погибали там той же смертью, что и их предшественники.

2. В то самое время случилось, что на евреев, проживающих в Антиохии, поступили жалобы, и смертельная опасность нависла над ними. Жители Антиохии возмутились против них отчасти вследствие тогда возведенной клеветы, отчасти же из-за предшествующих событий. О последних необходимо вкратце рассказать, чтобы я мог последовательно перейти к изложению и позднейших событий.

3. Еврейский народ рассеян по всей земле среди обитателей разных стран, более же всего он проник в Сирию по причине соседства, и в особенности много евреев в Антиохии из-за большой величины города, тем более что цари, преемники Антиоха, предоставляли им право беспрепятственно там селиться. Так, Антиох, прозванный Эпифаном, при разграблении Иерусалима разорил также и Храм, но его наследники в царской власти из храмовой утвари все медные изделия передали антиохийским евреям, поместили это в их синагоге и разрешили им принимать участие в городских делах наравне с эллинами. Встречая и после этого со стороны царей такое же к себе отношение, еврейское население весьма приумножилось. Они украсили свою святыню дарами, исполненными с тщательностью и великолепием, и, постоянно привлекая к своим обрядам множество эллинов, сделали в некотором смысле и их частью своей общины. Когда сразу по прибытии Веспасиана в Сирию была объявлена война и ненависть к евреям доходила до предела, тогда один из них, некто Антиох, пользующийся уважением более всего благодаря заслугам отца (тот был начальником тамошних евреев), пришел в театр на собрание антиохийских граждан и стал обвинять своего отца и других в том, что они в одну ночь задумали сжечь весь город. Он выдал нескольких приезжих евреев как причастных к заговорщикам.

Услышав это, народ не стал сдерживать свой гнев, но повелел тотчас соорудить костер, и все выданные евреи были сожжены в театре незамедлительно. Затем они бросились на остальную массу евреев, полагая спасение своего отечества в скорейшем отмщении им. Антиох еще более разжигал их ярость в надежде засвидетельствовать перемену образа своих мыслей и ненависть к иудейским обычаям совершением жертвоприношения, как того требовал эллинский обряд. Он приказал, чтобы и

остальных заставили сделать то же, ибо по нежеланию можно будет выявить заговорщиков. Когда антиохийцы приступили к испытанию, отступились немногие, все же не пожелавшие были казнены. Антиох, получив от римского военачальника отряд солдат, жестоко притеснял своих сограждан, не позволяя им праздновать субботу и заставляя делать все то, что и в обычные дни. Его меры были настолько действенны, что не только в Антиохии, но начиная оттуда также и в других городах некоторое время запрещено было праздновать субботу.

4. Вскоре после того, как случились эти несчастья, антиохийских евреев постигла другая беда, приступив к рассказу о которой я и изложил предыдущие события. Когда в Антиохии сгорели четырехугольный рынок, претория, архив и царский дворец и ценою огромных усилий едва удалось помешать огню перекинуться на весь город, Антиох стал обвинять в этом евреев. Если ранее антиохийцы и не пылали к ним ненавистью, то теперь он заставил их, клеветой приведенных в возмущение из-за случившегося, еще более поверить в сказанное им ранее о предыдущих событиях, что будто бы они просто не видели, как огонь был подброшен им евреями. И тогда, словно обезумев, с какой-то невероятной яростью все они бросились на оклеветанных. С трудом удалось сдержать их гнев легату Гнею Коллеге, который потребовал дать ему возможность сообщить о случившемся Цезарю. Ведь хотя Веспасиан и выслал правителя Сирии Цезенния Пета, но тот к тому времени еще не прибыл. Произведя же тщательное расследование, Коллега установил истину, и никто из евреев, на которых Антиох возлагал вину, не оказался причастным. Все это было делом рук нескольких негодяев, погрязших в долгах, которые думали получить освобождение от уплаты, если сожгут рынок и общественные архивы. Евреи же, при выяснении причин, ожидая своей будущей участи, пребывали в мучительном страхе.

IV

1. Тит Цезарь, получив о своем отце известие, что радушно принят во всех италийских городах и что с особым расположением и пышностью его встретил Рим, испытывал чрезвычайное удовольствие и радость, будучи тем самым избавленным – что было самым для него приятным – от волнений за отца.

В самом деле, прибытие Веспасиана, даже когда он был еще очень далеко, лелеяли в мыслях жители всей Италии. От нетерпения само ожидание заменяло им его приезд, и в их расположении к нему не было и тени неискренности. Сенат, памятуя о потрясениях, произошедших при смене властителей, почитал за счастье иметь императором человека почтенного возраста, прославленного многими военными подвигами, чье возвышение, они знали, будет исключительно к спасению подданных. И народ, истерзанный внутренними бедами, с еще большим нетерпением ожидал его прибытия, полагая, что теперь-то наверняка избавится от несчастий, и веря, что настанут благоденствие и жизнь без опасностей. Особое уважение испытывало к нему войско; ведь более всего оно могло оценить значение успешно законченных им войн. На себе изведав бездарность и трусость других императоров, солдаты желали избавиться от неуемного чувства стыда и только в Веспасиане надеялись приобрести человека, способного их и спасти и прославить. При таком настроении всеобщей восторженности самые почтенные из граждан уже не могли более ждать, но поспешили далеко за пределы Рима, чтобы встретить его там. Также и из остальных никто долее не мог выносить откладывания встречи, и такими толпами все хлынули из города – ибо всякому, казалось, будет легче и приятнее уйти, чем остаться, – что в самом городе впервые тогда ощущалось приятное малолюдие, потому что оставшихся было меньше, чем ушедших. Когда же было объявлено о приближении императора и шедшие впереди толпы оповещали о его ласковом обращении при встрече со всеми, тогда уже и все остальные римляне с женами и детьми вышли ему навстречу по пути следования и повсюду, где он проезжал, выкрикивали всяческие похвалы его приятному виду и приветливому взору, называя его благодетелем, спасителем и единственным императором, достойным Рима. Город же весь был, как храм, наполнен венками и фимиамом. С трудом пробравшись к дворцу сквозь обступавшую его толпу, сам он принес жертвы домашним богам в благодарность за благополучное прибытие, народ же обратился к пиршеству и, собравшись на угощение по трибам, по филам или по соседству, при совершении возлияний возносил молитвы Богу о том, чтобы на многие годы римлянами правил сам Веспасиан, и о сохранении престола неоспоримым и для детей его, и для будущих их потомков. Так город римлян, столь вос-

торженно встретивший Веспасиана, вступал в пору своего полного благоденствия.

2. Еще до пребывания Веспасиана в Александрии, когда Тит был занят осадой Иерусалима, восстала значительная часть германцев. К ним присоединились и ближайшие их соседи из галлов, и сообща они возымели большие надежды на избавление от римского владычества. Самих германцев побудил поднять восстание и начать войну прежде всего их национальный характер, лишенный здравомыслия и готовый при малейшей надежде на всякое безрассудство; затем – ненависть к властителям, поскольку они сознавали, что только перед римлянами принужден был рабствовать их род. А кроме этого, весьма важным было и то, что выдавшийся случай придал им отваги. Ибо видя, что Римская держава расшатана изнутри непрестанными сменами императоров, и понимая, что все подвластные им земли пребывают в неопределенном и зыбком положении, они решили, что именно теперь, ввиду смут и неурядиц у римлян, самое время начать. Они собрались на совет, и надеждами вскружили им головы двое из их вождей, Классик и Вителлий, которые, очевидно, давно замышляли мятеж, но обнаружили свои планы лишь тогда, когда случай предоставил им возможность показать свою смелость. Они собирались привести планы в исполнение, опираясь на племена, и без того воинственные. И когда значительная часть германских племен уже согласилась участвовать в восстании и остальные наверняка не стали бы сомневаться, Веспасиан, словно по божественному внушению, отправил послание прежнему правителю Петилию Цереалию, в котором давал ему консульское звание и приказывал отправиться для управления Британией. Тот же, направляясь, куда и было предписано, и узнав о готовящемся восстании германцев, напал на них, когда те уже собрались. Его войско, построенное в боевые порядки, уничтожило в сражении значительную их часть, и таким образом он вынудил их отказаться от своего безумства и стать более благоразумными. Но они наверняка были бы вскоре проучены, даже если бы он и не вторгся столь быстро в их страну. Ибо как только сообщение об их восстании пришло в Рим, Цезарь Домициан узнал об этом; иной в его возрасте (ведь он был еще совсем юным) побоялся бы взвалить на себя такое непосильное бремя забот, но он, имея от отца врожденное мужество, обладая военным опытом, значительным не по годам, тут же выступил в поход против варваров. Они же,

услышав о его приближении, пали духом и из страха покорились ему, находя преимущество в том, чтобы снова пройти под тем же ярмом, но без опасений за свою жизнь. Приняв по всей Галлии надлежащие меры, дабы не скоро там подобное могло повториться, Домициан возвратился в Рим в сиянии своей красоты и стяжав славу подвигами, несвойственными его возрасту, но достойными его отца.

3. Одновременно с упомянутым отпадением германцев в Риме было получено известие о возмущении скифов. Огромное скифское племя сарматов незаметно переправилось через Дунай в Мисию, затем, с неукротимой силой и повсюду наводя величайший ужас вследствие неожиданности вторжения, они устремились вперед, истребили значительную часть выступившего против них римского гарнизона, убили наместника в этой провинции Фонтея Агриппу, который храбро сражался, и стали опустошать всю покоренную область, уводя и унося все, что им попадалось. Веспасиан же, узнав об этих событиях и о разграблении Мисии, чтобы наказать сарматов, выслал Рубрия Галла, который большинство из них истребил в сражении, а остальных в страхе прогнал в места проживания. Положив конец этой войне, полководец позаботился и о будущей безопасности: он отвел место самым доблестным и самым многочисленным гарнизонам, чтобы переход через Дунай был для варваров полностью невозможен. Посему война в Мисии закончилась столь быстро.

V

1. Тит Цезарь оставался некоторое время в Берите, о чем мною уже было сказано. Оттуда он повернул обратно и во всех сирийских городах, через которые проходил, устраивал великолепные зрелища, предавая смерти пленных евреев в ознаменование их поражения. Во время путешествия он наблюдал необычную природу реки, о которой следует рассказать. Она протекает по границе между Аркеей в царстве Агриппы и Рафанеей и обладает удивительным свойством. Многоводная, пока течет, и быстрая в своем струении, она полностью иссякает сроком на шесть дней и открывает глазам зрителя сухое русло. Затем, словно ничего такого и не происходило, на седьмой день она продолжает течь, и такого порядка река в точности придер-

живается всегда, отчего и называется Субботней, получив свое имя от священного седьмого дня евреев.

2. Жители Антиохии, когда узнали, что Тит близко, от радости не могли оставаться внутри городских стен, но поспешили ему навстречу и вышли вперед более чем на 30 стадиев. Не только мужчины, но и множество женщин с детьми оставили город. И как только увидели, что он едет, встав по обеим сторонам дороги, они протягивали правые руки в приветствиях и обращались к нему со всевозможными пожеланиями. Причем во всяком их восклицании непременно звучала просьба об изгнании евреев из города. Тит не уступил этой просьбе, молча выслушивая то, что они говорили. Но все то время, пока было неясно, о чем он думает и что собирается предпринять, евреи пребывали в величайшем страхе.

В Антиохии Тит не остановился, но тут же предпринял путешествие в Зевгму на Евфрате. Там к нему прибыли посланцы от парфянского царя Вологеза, которые почтили его золотым венком за победу над евреями. Приняв венок, он угостил царских послов и оттуда возвратился в Антиохию. На многократные просьбы совета и народа прийти в их театр, где его ожидало все собравшееся там население, он дал благосклонное согласие. Когда же и они принялись настойчиво и наперебой упрашивать его изгнать евреев из города, он дал весьма остроумный ответ: «Так ведь отечество их, куда евреев следовало бы изгнать, опустошено, а другого места, которое могло бы их принять, не существует». Получив отказ на первую просьбу, антиохийцы обратились к нему со второй. Они требовали, чтобы он объявил недействительными медные доски, на которых записаны права евреев. Ни на ту, ни на другую просьбу Тит не дал своего согласия, но позволил антиохийским евреям пользоваться в этой стране всеми прежними правами и затем отбыл в Египет. По пути он зашел в Иерусалим и, сравнивая былое великолепие города с бросающимся в глаза гнетущим опустошением и вызывая в своей памяти прежнюю величественную красоту срытых сооружений, он скорбел о гибели города. Не гордился он, как кто-то иной, тем, что силой покорил столь великий и прекрасный город, но многократно проклинал виновников восстания, уготовивших Иерусалиму такую ужасную участь. И тогда ясно было, что он не пожелал бы утвердить свою доблесть на несчастиях тех, кто понес наказание. Даже в развалинах еще можно было найти немалую часть огромного богатства

города. Многое откапывали римляне. Но еще больше они находили по указаниям пленников – и золото, и серебро, и наиболее драгоценное из утвари, то, что владельцы закапывали в землю до непредсказуемого тогда исхода войны.

3. Тит предпринял, как было намечено, путешествие в Египет. Он быстро преодолел пустыню и пришел в Александрию. Собираясь отплыть в Италию, он отослал каждый из сопровождавших его легионов туда, откуда тот прибыл, – Пятый в Мисию, Пятнадцатый – в Паннонию. Выбрав из пленников вожаков, Шимона и Йоханана, и кроме них 700 человек, отличавшихся своим ростом и красотой, он приказал немедленно доставить их в Италию, желая провести их в триумфальном шествии. Он успешно совершил морское путешествие. Рим в ожидании Тита готовился встретить его так же, как и его отца. Но самый почетный прием оказал Титу сам Веспасиан, выехавший ему навстречу. Множеству горожан доставляло какую-то божественную радость видеть уже всех троих вместе. По прошествии нескольких дней они решили устроить единый и общий триумф для чествования своих подвигов, хотя сенат проголосовал за отдельный триумф для каждого из них. Поскольку день, назначенный для празднования победы, был известен заранее, никто из бесчисленного населения столицы не остался дома. Вышедшие на улицу заполнили все места, где только можно было стоять, оставив лишь необходимое пространство для прохождения выставленного на обозрение.

4. Еще ночью все войско, построенное в боевые порядки по центуриям, под началом своих командиров было выведено и находилось у ворот, но не у Верхнего дворца, а вблизи храма Исиды (ибо в эту ночь императоры отдыхали там), и с наступлением утра Веспасиан и Тит появились увенчанные лавром, облаченные по обычаю в пурпурные одежды и направились к портику Октавии. Там ожидал их прибытия сенат, высшие чиновники и знатнейшие всадники. Перед портиком соорудили трибуну, где для них были поставлены кресла из слоновой кости, на которые по прибытии они воссели. И тотчас воины разразились радостными криками, дружно свидетельствуя о многочисленных их доблестях. Воины тоже были без оружия, в шелковых одеждах и лавровых венках.

Выслушав их приветствия, хотя они и желали продолжать, Веспасиан сделал им знак замолчать. И как только наступило всеобщее спокойствие, он встал и, покрыв голову, сотворил по-

лагающиеся по обычаю молитвы. Точно так же помолился и Тит. После этого Веспасиан произнес краткую речь перед всем войском и отпустил солдат на пиршество, по обыкновению устраиваемое в таких случаях самими императорами, а сам направился к воротам, получившим свое название вследствие того, что через них всегда проходили триумфальные шествия. Там императоры сперва вкусили пищи, затем облачились в триумфальные одежды и, принеся жертвы богам, статуи которых были поставлены у ворот, открыли триумфальное шествие, проходившее мимо театров, чтобы народ мог больше увидеть.

5. Невозможно достойным образом описать разнообразие этих зрелищ и великолепие во всем, что только можно себе представить, – в произведениях искусства, в размерах богатства, в изобилии природных диковин. Ибо почти все, что когда-либо по отдельности было приобретено состоятельными людьми и у других вызывало восхищение, все это, в тот день собранное вместе, свидетельствовало о величии Римского государства. Изобилие всевозможных изделий из серебра, золота и слоновой кости словно не было уготованным для праздника, но, можно сказать, разливалось рекой. Одни одежды из редчайших пурпурных тканей, другие – испещренные тончайшим узором вавилонского искусства, блестящие самоцветы, украшающие золотые венки и другие изделия, – все это в таком количестве проплывало перед глазами, что, казалось, напрасно мы почитаем что-то из того за редкость. Несли и статуи богов, поразительные по своим размерам, исполненные с величайшим искусством, и не было среди них ни одной, сделанной из недорогого материала.

Вели животных разных пород, причем всякое из них было убрано особо. И множество людей, несущих все это по отдельности, также было одето в пурпурные и златотканые одежды. Особым богатством и великолепием отличались наряды тех, кто был назначен для участия в шествии. Притом даже из пленников не было людей плохо одетых, но пестрота одежд и их разноцветное великолепие скрадывали чувство отвращения, внушаемое их изможденными телами. Но наибольшее удивление производило устройство переносных полотнищ. Ввиду их размеров следовало быть осторожным, чтобы на полном ходу не столкнуться с ними. Многие из них имели два или три ряда в высоту. Дух захватывало от восторга при виде великолепия их убранства. На большинстве из них были натянуты зо-

лотые ткани, и все увешаны были золотом и слоновой костью. В многочисленных картинах война, изображенная на всех поразному, представляла собой правдоподобнейшее зрелище. Можно было видеть, как опустошается счастливейшая страна, как истребляются целые фаланги неприятелей, как одни бегут, а другие уводятся в плен, как проламываются высочайшие стены под ударами машин, как сдаются сторожевые укрепления, как поверх обводных стен берутся штурмом многолюдные города, как войско врывается в город и повсюду учиняет резню, как поднимаются в мольбе руки побежденных, как в храмы врывается огонь и дома обрушиваются на своих хозяев и как за всеобщим опустошением и разорением реки текут, не орошая поля и не давая влагу человеку или скоту, но разливаются по земле, повсюду еще объятой пламенем. Ибо все это навлекали на себя евреи, вступая в эту войну. Художественное мастерство и громадность этих сооружений для незнавших представляли эти события так, словно они сами при сем присутствовали. На каждом из полотнищ был изображен предводитель завоеванного города и каким образом он был захвачен. Затем следовало множество кораблей.

Прочую добычу несли в беспорядке, но из всего выделялось взятое в Иерусалимском Храме – золотой стол весом в несколько талантов и светильник, также сделанный из золота, но по форме отличный от тех, которые употребляются у нас. Серединный подсвечник представлял собой массивный стержень, исходивший от основания. От него отходили тонкие ветви, расположением похожие на трезубец, и к каждой из них сверху была прикреплена лампадка. Было их семь, указывавших на почитание седьмицы у евреев. Последним из добычи несли еврейский Закон. За всем этим шло множество людей, несущих статуи богини победы. Все статуи были сделаны из золота и слоновой кости. Сразу за ними первым ехал Веспасиан, потом Тит и рядом Домициан, облаченный и сам в великолепные одежды, и на коне, также достойном восхищения.

6. Шествие завершилось у храма Зевса Капитолийского, где подошедшие участники остановились, потому что с древних времен существовал обычай ожидать там, пока не будет объявлено о смерти вражеского вождя. Им был Шимон, сын Гиоры, участвовавший в шествии среди пленников. В то время, связанного веревками, его волокли в предназначенное место на форуме. При этом сопровождавшие жестоко избивали

его. По римскому обычаю там полагалось умерщвлять осужденных на смерть за злодеяния. После того как было объявлено, что Шимону пришел конец и поднялось всеобщее ликование, они приступили к жертвоприношениям. И, совершив с установленными молитвами при благих предзнаменованиях, императоры возвратились во дворец. Некоторых они пригласили к своему столу, у всех же остальных дома были приготовлены праздничные пиршества. Ибо для римской столицы тот день был праздником – и не только чествованием победы войска над неприятелем, но и прекращением внутренних распрей и зарей надежд на лучшее будущее.

7. После триумфов и упрочения установившейся римской власти Веспасиан решил построить святилище богине Мира. Оно было закончено очень быстро и превосходило всякое человеческое разумение. Употребив неимоверные средства из казны, а также еще и доставшиеся ему плоды былых побед, он украсил его произведениями изобразительного и ваятельного искусства. В тот храм были привезены и установлены вещи, ради созерцания которых люди путешествовали прежде по всей земле, желая повидать, что у кого имеется. Там же он поместил и золотые предметы из Иерусалимского Храма, поскольку ценил их очень высоко. Закон же и пурпурные завесы Святая Святых он приказал отправить во дворец и хранить там.

VI

1. Посланный в Иудею легатом Луцилий Басс, получив от Цереалия Вителлиана войско, с имеющимися силами овладел крепостью Геродион и тамошним гарнизоном. После этого, взяв всех, сколько было, солдат (а значительная часть войска была разрознена), а также из легионов – Десятый, он решил предпринять поход против Махора. Взять эту крепость было насущной необходимостью, ибо жители Махора могли воспользоваться сильными укреплениями и поднять многих на восстание. Природа этого места весьма располагала к тому, чтобы удерживающим крепость внушить прочную надежду на спасение, а в осаждающих посеять нерешительность и страх. Это место было обнесено стеной и представляло собой скалистый холм, вздымающийся на огромную высоту, так что еще и вследствие этого оно было неодолимо. Но природа сделала его также и не-

приступным, ибо со всех сторон крепость окружена пропастями, непроницаемыми для зрения, не позволяющими с легкостью перебраться на другую сторону; засыпать же эти пропасти невозможно. Одна, ограничивающая крепость с запада, простирается на 60 стадиев, образуя в конце Асфальтовое озеро (в том самом месте, где и Махор поднимается на самую большую высоту). Другие же впадины, идущие с севера на юг, уступают по протяженности только что упомянутой, но столь же неудобны для штурма. Глубина же впадины на востоке составляет не менее 100 локтей, и в конце она примыкает к возвышенности, лежащей напротив Махора.

2. Приметив особенности этого места, еврейский царь Александр первым заложил там крепость, которую затем разрушил Габиний, когда воевал против Аристобула. Ирод же во время своего царствования посчитал, что это место более, чем какое-либо другое, заслуживает внимания и строительства укреплений, особенно ввиду соседства арабов, ибо, имея виды на их земли, он полагал его удобным для достижения своих целей. Посему, окружив обширное пространство стеной и башнями, он основал там город, из которого крутой подъем вел в цитадель. Кроме того, и вокруг вершины он воздвиг стену и расположил по углам башни высотою в 160 локтей каждая. Внутри обводных стен он построил роскошный дворец с просторными и великолепными покоями, соорудив в наиболее удобных местах многочисленные цистерны для сбора и хранения обильных запасов воды. Тем самым он словно соперничал с природою в том, чтобы естественную неприступность места самому превзойти строительством искусственных сооружений. К тому же он поместил там огромный запас стрел и машин и задумал обзавестись всем, что дало бы возможность жителям ни в чем не испытывать нужды при длительной осаде.

3. Во дворце росла рута, удивительная по своим размерам. Ни высотой, ни раскидистостью она не уступала фиговому дереву. Говорили, что она росла там со времен Ирода и наверняка простояла бы и долее, но была срублена занявшими это место евреями. В ущелье, которое ограничивает город с севера, есть некое место, называемое Беара (пламя). Оно производит одноименный ему корень. По цвету корень похож на пламя, но по вечерам, когда он испускает сияние, приблизившимся к нему и желающим сорвать его сделать это не просто, поскольку он ускользает и не остается на месте, пока какая-нибудь жен-

щина не польет его куриной или месячной кровью. Но и тогда те, кто прикоснется к нему, обретут верную смерть, если не будут нести корень так, чтобы он свешивался с руки. Безопасно добыть его можно и другим способом, который заключается в следующем. Его обкапывают вокруг так, чтобы самая малая часть корня оставалась скрытой землей, затем к нему привязывают собаку, и, когда она устремляется за привязавшим ее, корень легко извлекается из земли, собака же тотчас умирает, как бы вместо того, кто хотел взять это растение. И после этого нет никакой опасности для тех, кто берет его. Добывать его, несмотря даже на такие опасности, стоит из-за одного-единственного свойства. Ибо так называемых демонов (они же суть духи злых людей), вселяющихся в живых и умерщвляющих тех, кто не находит спасительного средства, этот корень немедленно изгоняет, даже если его только подносят к больным. В том месте бьют и горячие источники, воды которых на вкус сильно различаются между собой. Некоторые из них горькие, другие же совершенно пресные. Многие источники холодных вод в самых низких местах имеют близко расположенные ключи; однако еще более удивительно вот что: неподалеку видна какая-то пещера не очень большой глубины, но скрытая нависающей скалой. Над ней выступают как бы две женские груди на небольшом расстоянии одна от другой, причем из одной бьет очень холодный, а из другой очень горячий ключ. Смешиваясь, они доставляют наиприятнейшее и исцеляющее болезни купание, полезное в особенности для нервов. В этой местности есть также серные и квасцовые рудники.

4. Басс, повсюду осмотрев ту местность, принял решение сделать подход к крепости, засыпав землей природную впадину с востока. Он вел земляные работы, прилагая все усилия к тому, чтобы как можно скорее возвести валы и с их помощью облегчить себе осаду. Тогда осажденные жители из евреев, сами отделив себя от прибывших извне, принудили последних оставаться в Нижнем городе и первыми встретить опасность, ибо и без того почитали их сбродом; а сами, захватив Верхний город, находились там, полагаясь на мощь укреплений и уповая на спасение: ибо они рассчитывали, что будут прощены, если сдадут крепость римлянам. Но сперва они хотели на опыте убедиться в тщетности надежд на то, что им удастся избежать захвата крепости. Потому-то всякий день они совершали дерзкие вылазки и, вступая в схватки с попавшимися им

римлянами, сами в большом количестве гибли, но убивали также и многих римлян.

Тем, кому достанется большая победа, всегда распоряжался случай: евреям, если они заставали римлян врасплох, и римлянам – если с насыпей они прежде замечали приготовления к вылазке и встречали ее во всеоружии. При таком положении дел осада не смогла бы достигнуть своей цели. Но одно событие, произошедшее по счастливой случайности, неожиданно поставило евреев перед необходимостью сдать крепость. Среди осажденных был юноша по имени Эльазар, до отважности храбрый и искусный в сражениях. Он всегда отличался в вылазках, ободряя многих выбегать за городскую стену и препятствовать римлянам в насыпании вала. В битвах он наносил осаждавшим серьезный урон; участвовавшим вместе с ним в ожесточенных вылазках легко было совершать нападения и затем в безопасности отступать, поскольку он уходил с поля сражения последним. Но однажды, когда исход битвы был уже решен и обе стороны отошли на свои позиции, Эльазар, считая, что никто из врагов уже не начнет сражение, как бы в насмешку остался за городскими воротами и заговорил со стоявшими на стене. При этом все свое внимание он обратил на них.

Некто Руф, по происхождению египтянин, приметил этот удобный случай и неожиданно для всех вдруг подбежал к нему, прямо с оружием поднял и, пока смотревшими на это со стены владело оцепенение, унес его и доставил в римский лагерь. По приказу главнокомандующего юношу раздели донага и, поставив его на виду у городских жителей, истязали бичами. Страдания юноши поразили евреев, весь Верхний город стенал, и плач был больший, нежели обычно бывает из-за несчастия одного человека. Увидев это, Басс решил победить врагов военной хитростью, и в своем желании умножить их скорбь, дабы принудить ради спасения юноши сдать крепость, он не обманулся. Он приказал поставить крест, как будто собираясь пригвоздить к нему Эльазара. Увидевшие все это из крепости прониклись еще большей жалостью. Они оглашали окрестности плачем, сетуя на невыносимость такого страдания. Между тем и Эльазар стал умолять их не дать претерпеть ему самую мучительную из смертей, а также спасти и себя самих, уступив силе и счастью римлян, в то время как все уже покорены. Они же, склоняясь к его мольбам, а также вследствие того, что в городе многие просили за него (ибо он был из боль-

шого и весьма многочисленного семейства), вопреки своему обычаю сжалились и тотчас отправили послов, заявляя, что хотят сдать крепость, и требуя, чтобы им сохранили жизнь и отдали Эльазара. Римляне и их военачальники приняли эти условия. Когда же об этом заключенном в интересах евреев соглашении узнала толпа людей из Нижнего города, они решили втайне ночью бежать. Они уже открыли ворота, но Бассу пришел донос от заключивших договор евреев, которые сделали это то ли из зависти к их спасению, то ли ввиду страха за то, что понесут наказание за их побег.

Самые мужественные из вышедших за ворота успели пробиться и бежали, из застигнутых же внутри города около 1700 мужчин было перебито, а женщин и детей продали в рабство. Полагая, что с теми, кто сдал крепость, договор следует соблюсти, Басс отпустил их и отдал им Эльазара.

5. Покончив с этим, он поспешил отвести войско к лесу, называемому Ярдей (Ярдес), поскольку там, как ему сообщили, собрались многие из тех, кто ранее во время осады бежал туда из Иерусалима и Махора. Придя к этому месту и убедившись, что сообщение вполне верно, он сперва оцепил эту местность конными воинами, чтобы для евреев, которые отважатся прорываться, было затруднительным бегство через кольцо всадников; пехоте же приказал вырубать лес, в котором укрывались беглецы. Вследствие всего этого евреи были поставлены перед необходимостью решиться на отважное дело – напасть на врага врасплох и тотчас обрести спасение. С криками, ринувшись всей массой, они бросились на заключавших их в кольцо воинов. Те стойко выдержали натиск, и, поскольку одни сражались с величайшим безрассудством, а другие – с таким же упорством, сражение затянулось на весьма продолжительное время. Исход же его был неравным для сражавшихся сторон. Оказалось, что из римлян пало всего 12 человек, из евреев же в этой битве никто не избежал смерти, число всех убитых составило не менее 3000 человек, среди которых был и их вождь Йехуда, сын Ари, о котором мы ранее сказали, что во главе какого-то отряда при осаде Иерусалима он сумел бежать, пробравшись через подземелья.

6. К тому времени Цезарь направил Бассу и Либерию Максиму (последний был прокуратором) предписание распродать всю землю еврейскую. Он не основал в ней города, но сохранял страну за собою в собственности. Из войска лишь вось-

мистам заслуженным воинам он отдал под заселение местность, которая называется Эммаус и располагается в 30 стадиях от Иерусалима. Евреев же, где бы они ни проживали, он обложил налогом, повелев каждому платить в Капитолийский храм две драхмы в год – столько же, сколько прежде они отдавали на Иерусалимский Храм. В таком положении находились тогда евреи.

VII

1. Шел уже четвертый год царствования Веспасиана, когда царя Коммагены Антиоха и весь его дом постигли величайшие несчастья. Причины тому были следующие. Цезенний Пет, бывший тогда правителем Сирии, то ли поступая по совести, то ли вследствие неприязни к Антиоху (в точности это не было выяснено), направил Цезарю письмо, в котором сообщал, что Антиох со своим сыном Эпифаном задумал отложиться от римлян и заключил договор с парфянским царем; следует поэтому упредить их и напасть первыми, чтобы им не удалось приступить к делу и вовлечь все римское государство в гибельную войну.

Получив это донесение, Цезарь не мог оставить его без внимания, к тому же и соседство обоих царей заставляло отнестись к делу с большей предусмотрительностью. Ибо Самосата, самый крупный в Коммагене город, располагался на Евфрате, так что парфяне, если что-то подобное замышлялось, могли очень легко перейти реку и найти там надежное убежище. Он поверил Пету, и тот, получив полномочия делать все, что сочтет необходимым, не стал медлить, но, имея с собой из легионов Шестой, а кроме того, несколько когорт пехоты и несколько всадников, вторгся в Коммагену, когда никто из окружения Антиоха ничего не подозревал. Союзниками его были цари халкидикийский по имени Аристобул и эмесийский по имени Соем. При вторжении им нигде не было оказано сопротивления, поскольку никто из жителей той страны не имел желания браться за оружие. Когда пришло это неожиданное известие, Антиох не обнаружил ни малейшего желания воевать с римлянами, но решил оставить в своем царстве все как было и вместе с женой и детьми удалиться, рассчитывая таким образом показать римлянам, что к нему не имеют отношения воз-

веденные на него обвинения. И, отойдя из города на 120 стадиев, на равнине он устроил стоянку.

2. Пет отослал часть войска для занятия Самосаты и посредством его овладел городом, сам же с остальными силами двинулся против Антиоха. Но даже неминуемая опасность не заставила царя предпринять что-либо враждебное римлянам. Сетуя на свою тяжкую участь, он положился на волю судьбы и решил перенести все, что та ни пошлет. Но его молодым, опытным в военном деле и отличавшимся телесной силой сыновьям не просто было сидеть сложа руки. Посему Эпифан и Каллиник взялись за оружие. В ожесточенном сражении, продолжавшемся целый день, они проявили замечательное мужество и, не понеся никакого урона, с наступлением вечера закончили битву. Но даже ввиду этого сражения, обернувшегося для них таким образом, Антиох не мог заставить себя остаться. Взяв жену и дочерей, он бежал в Киликию.

Но, сделав это, он подорвал тем самым боевой дух своих же солдат. И так, как будто он отрекся от царства, они оставили его и перешли на сторону римлян, и отчаяние их было совершенно понятно. Посему и Эпифану, и его свите, прежде чем окончательно лишиться соратников, необходимо было спастись от врагов. Евфрат перешло вместе с ними всего десять воинов. Но оттуда уже без всякой опасности они прибыли к парфянскому царю Вологезу, где их принимали не с презрением, как беглецов, но воздали им всяческие почести как имеющим до сих пор прежнее благополучие.

3. За Антиохом, прибывшим в Тарсы Киликийские, Пет послал центуриона и затем, заключив в оковы, отправил царя в Рим. Веспасиан не смог перенести, что царь будет приведен к нему в таком виде и что при этом сам он, почитая старую дружбу, будет более испытывать стыд, нежели помнить неумолимый гнев за начатую войну. Он приказал снять с царя оковы, когда тот был еще в пути, а также чтобы до прибытия в Рим он оставался пока в Лакедемоне. Он назначил Антиоху огромное денежное содержание, чтобы тот не только ни в чем не нуждался, но жил по-царски. Узнав об этом, Эпифан и его свита, поначалу сильно испугавшись за отца, избавились наконец от тяжелых забот и душевных тревог. И у них появилась надежда на примирение с Цезарем, когда Вологез сообщил о них в письме. Ибо даже в благополучии они не могли жить вне пределов Римской державы. И когда Цезарь благосклонно

пообещал им неприкосновенность, они прибыли в Рим. И после того как вскоре из Лакедемона к ним приехал отец, в полном почете они оставались там.

4. Народ аланы, о котором я прежде пояснил, что это скифы, живущие по берегам реки Танаиды и озера Меотиды, задумав в то самое время совершить набег на Мидию и в еще более отдаленные области, договаривались об этом с царем гирканов. Ибо через его владения проходил путь, который был заперт железными воротами, поставленными царем Александром. И, получив от него разрешение на проход, многочисленными толпами они напали на ничего не подозревавших мидийцев и стали опустошать густонаселенный и обильный стадами край. Никто не отважился им противостоять. Царствующий в этой стране Пакор от страха бежал в труднодоступные места. Оставив все, он едва вызволил попавших к ним в плен жену и наложниц, отдав за них 100 талантов. Они грабили страну с большой легкостью, не вступая в сражения, и, опустошая все на своем пути, дошли таким образом до Армении. Там царствовал Тиридат, который выступил им навстречу и дал сражение, в котором чуть было живым не попал в плен. Ведь кто-то издалека набросил на него аркан, и ему удалось бы утащить царя, если бы тот не успел перерубить веревку мечом и таким образом спастись. Варвары же, еще более рассвирепевшие от этой битвы, опустошили страну и с великим множеством пленников и другой добычей, взятой из обоих царств, возвратились обратно на родину.

VIII

1. После смерти Басса прокураторство в Иудее принял Флавий Сильва. И, видя, что вся страна в ходе войны покорена и только одна крепость все еще остается в руках восставших, он выступил против нее со всем имевшимся в тех местах войском. Называлась эта крепость Масада, а предводительствовал занявшими ее сикариями влиятельный муж Эльазар, потомок того Йехуды, который, как мы упомянули ранее, убедил многих евреев воспротивиться переписи, в то время когда Квириний был послан цензором в Иудею. Так и теперь сикарии восстали на тех, кто желал подчиниться римлянам, и во всем относились к ним как к врагам: они преследовали их повсюду, имущество

грабили, а жилища предавали огню. Ведь ничем не отличаются от иноземцев, говорили они, те, кто так постыдно предал с таким трудом завоеванную евреями свободу и решился предпочесть ей римское рабство.

Но эти слова были лишь оправданием их жестокости и корыстолюбия, что они и показали своими деяниями. Ибо те вместе с ними принимали участие в восстании и вместе с ними вели войну против римлян, хотя и с меньшей решимостью, чем они. И всякий раз, когда изобличалась лживость их доводов, они жестоко преследовали тех, кто справедливо порицал их бесчестие. Вообще, то время у евреев было наполнено всевозможными злодеяниями, так что не было ни одного дурного дела, которого бы они не совершили. И даже если бы кому-то пришло в голову только измыслить что-нибудь новое, то и этого нельзя было бы сделать. И в частной, и в общественной жизни все были заражены этой болезнью и стремились превзойти друг друга как в преступлениях перед Богом, так и в несправедливостях к ближним. Стоящие у власти причиняли зло простому народу, а те, в свою очередь, старались извести правителей. Ибо первые желали угнетать, а последние – бесчинствовать и грабить богатых. Прежде других обратились к беззаконию сикарии. Они ожесточились на своих соплеменников и ни одного оскорбительного слова не оставили не высказанным. Они делали все для погибели тех, против кого злоумышляли. Но даже их злодеяния были весьма умеренными по сравнению с тем, что творил Йоханан. Он не только убивал призывавших к справедливости и благу, видя более всего в этих гражданах своих злейших врагов, но и вообще наполнил отечество бесчисленными злодеяниями, совершить которые способен только тот, кто уже и Бога осмелился презирать. Он вкушал недозволенную пищу и отказался от искони установленного очищения, так что уже не было удивительным, что столь безумный и нечестивый пред Богом человек не сохранил к людям доброго отношения и заботы об общем благе. А Шимон, сын Гиоры, каких только злодеяний он не совершал! От каких удержался он бесчинств по отношению к свободным гражданам, которые его провозгласили правителем? И разве с кем-нибудь дружба или родство еще более не воодушевляли их на совершение каждодневных убийств? Ибо причинять зло чужим считалось у них делом постыдной трусости, а благовидным поступком считалось проявление жестокости по отноше-

нию к самым близким людям. Соперничало с их безумием разве что неистовство идумеев. Эти нечестивцы, чтобы не оставить и капли богопочтения, перерезали первосвященников, разрушили все, что где оставалось от облика государства, и ввели повсюду совершеннейшее беззаконие, при котором возвысилось сословие так называемых зелотов, делами подтвердивших свое имя. Ибо они подражали всякому дурному делу, из содеянного ранее сами повторяя все, что только могли вспомнить. А имя себе они положили от ревности в благе, то ли вследствие того, что по своей зверской природе глумились над жертвами, то ли потому, что благом почитали величайшие из злодеяний.

Из-за всего этого каждый из них обрел достойный конец, ибо всем Бог воздал по заслугам. Они претерпели все мучения, которые в состоянии только вынести человек – вплоть до крайнего жизненного предела – смерти, которую они принимали, подвергаясь всевозможным истязаниям. Но даже после этого можно сказать, что они претерпели меньшее, чем своими деяниями заслужили. Ибо полное возмездие было невозможно. Всех тех, кто стал жертвами их злодеяний, пожалуй, не место здесь досточтимо оплакивать. И таким образом, я перехожу к заключительной части моего повествования.

2. Римский полководец со своим войском выступил против Эльазара и сикариев, занимавших Масаду. Он сразу овладел всеми прилегавшими землями, расставил там в наиболее подходящих местах сторожевые посты, а крепость окружил стеной, чтобы никто из осажденных не смог с легкостью выбраться, и расставил по ней стражников. Сам же расположился лагерем в наиболее, по его мнению, подходящем для осады месте – там, где скалы крепости смыкались с ближайшей горой, несмотря на то что подвозить необходимые припасы туда было неудобно. Ибо не только провиант доставлялся издалека, что требовало огромных усилий со стороны приставленных к этом делу евреев, но и воду в лагерь необходимо было привозить, поскольку вблизи не было ни одного источника. Закончив необходимые приготовления, Сильва приступил к осаде, требующей изобретательности и недюжинных усилий ввиду отличной защищенности крепости.

3. Скалу немалого объема и значительной высоты со всех сторон окружают ущелья недоступной для взгляда глубины и кручи, повсюду не достижимые ни для одного живого сущест-

ва, кроме разве двух мест на скале, позволяющих не без труда начать восхождение. Есть две дороги, одна из которых поднимается от Асфальтового озера к востоку, и, двигаясь таким образом с запада, по ней сравнительно просто пройти. Другую дорогу называют Змеей, вследствие ее тесноты и многочисленных извивов. При подъеме она вьется по выступам утеса, часто поворачивает вспять, затем снова немного вытягивается и таким образом едва-едва продвигается вперед. Тот, кто пробирается этой дорогой, должен попеременно твердо ставить то одну, то другую ногу. Со всей очевидностью он может представить себе свою гибель, ибо со всех сторон зияют глубины ущелья, способные ужасностью своей смутить любую отвагу. Прошедший по этой дороге 30 стадиев достигает наконец вершины, которая заканчивается не острием, но образует плоскость. Здесь первым заложил крепость первосвященник Йонатан и назвал ее Масадой. Затем укреплением этого места весьма усердно занимался царь Ирод. Вокруг вершины он воздвиг стену из белого камня длиною в семь стадиев, высотою же в двенадцать локтей, а шириною – в восемь и соорудил тридцать семь башен, из которых можно было попасть в жилища, построенные внутри по всей длине стены. А вершину, поскольку земля ее была плодородной и более рыхлой, чем на любой равнине, царь оставил под пашню, с тем чтобы если когда-нибудь станет невозможным доставлять пищу извне, то без этого смогли бы обойтись те, кто вверил свое спасение крепости. Царский дворец он выстроил у западного входа под стеной, окружавшей вершину, с фасадом, обращенным на север. Стена дворца была очень высокая и мощная и имела четыре угловые башни шестидесяти локтей каждая.

Разнообразным и роскошным было убранство внутренних комнат, галерей и бань. Повсюду были возведены колонны, сработанные из цельного камня, стены же и полы в комнатах были украшены каменной мозаикой. Возле каждого жилища, на высоте вокруг царского дворца и перед стеной, он вырубил в скале множество вместительных хранилищ для воды, с тем расчетом, чтобы они могли обеспечить то же ее количество, что и источники. Вырубленная в скале и невидимая снаружи дорога вела из царского дворца на самую вершину. Однако и видимыми дорогами врагам не просто было воспользоваться. Ибо восточный путь, как уже было сказано, благодаря особенностям природы этого места был неприступен, а путь с запада царь пе-

регородил в самом узком месте огромной башней, отстоявшей от вершины не менее чем на тысячу локтей, которую невозможно было ни обойти, ни без труда взять. Да и выйти оттуда тем, кто безопасно проникал в нее, было непросто. Так самой природой и трудом человеческих рук это место было укреплено против вражеских набегов.

4. Имевшиеся внутри припасы еще более поражали своим количеством, а также способностью долго храниться. Там было в избытке хлеба, которого могло хватить надолго, а также вина и масла; стручковых плодов и фиников там тоже было в изобилии. Когда Эльазар вместе с сикариями хитростью овладел крепостью, он застал все это в полном порядке и не нуждающимся в обновлении, хотя со времени заготовления этих припасов до римского завоевания прошло сто лет. Да и римляне оставшиеся плоды нашли неиспорченными. Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что причиной столь длительной их сохранности является воздух, который на такой высоте не содержит в себе никаких нечистых земляных примесей. Кроме того, было найдено большое количество разнообразного оружия, припасенного царем, которого хватило бы для 10 000 человек, а также необработанные серебро, медь и свинец. Все эти приготовления были сделаны ввиду серьезных причин. Говорят, Ирод приготовил для себя эту крепость как убежище, ибо подозревал две опасности: прежде всего – со стороны еврейского народа, который мог свергнуть его и вернуть на престол прежних царей. Но бóльшая и серьезнейшая опасность грозила ему со стороны египетской царицы Клеопатры. Она не скрывала своих намерений и постоянно обращалась к Антонию с требованиями убить Ирода и подарить ей Иудейское царство. Опасаясь всего этого, Ирод и построил Масаду, которой впоследствии суждено было стать последним оплотом евреев в войне с римлянами.

5. Когда римский полководец уже окружил снаружи всю эту местность стеной, о чем было сказано ранее, заботясь прежде всего о том, чтобы ни один человек из крепости не мог бежать, он приступил к осаде, найдя единственное место, пригодное для засыпания землей. За башней, которая перегораживала дорогу, ведущую с запада в царский дворец и затем на вершину горы, имелся выступ скалы, который был очень широк и сильно выдавался вперед, но лежал ниже Масады на триста локтей. Он назывался Левком. Поднявшись на этот выступ и

заняв его, Сильва приказал воинам делать насыпь. В результате неустанной работы огромного числа людей был построен мощный вал в двести локтей. Однако казалось, что насыпь такой величины недостаточно прочна и не способна выдержать осадные машины. А потому на ней был возведен помост пятидесяти локтей в длину и столько же в ширину из огромных подогнанных друг к другу камней.

Устройство всех прочих осадных приспособлений было подобно тем, которые сначала были придуманы для осад Веспасианом, а затем Титом. Кроме того, была сооружена башня в шестьдесят локтей, целиком обшитая железом, с которой римляне с помощью многочисленных приспособлений метали стрелы и камни и таким образом быстро подавили сражающихся на стене и не позволяли им даже высунуться. В это время, подведя большой таран, Сильва приказал производить частые удары в стену, и хотя с трудом, но ему все же удалось пробить в ней брешь. Но сикарии успели быстро соорудить внутри другую стену, которую никак нельзя было разрушить с помощью осадных машин. Чтобы она была упругой и могла несколько ослаблять силу ударов, они построили ее следующим образом. Положив огромные бревна одно к другому, они скрепили их концы. Два таких параллельных ряда отстояли друг от друга ровно на ширину стены, а промежуток между ними они заполнили землей. Чтобы при этом земля не высыпалась, они связали лежащие в длину бревна с другими, поперечными.

Таким образом, их работа напоминала постройку дома. Удары, наносимые машинами, естественно ослаблялись, а оседающая от сотрясений постройка становилась еще прочнее. Когда Сильва заметил это, то решил, что это укрепление легче будет взять с помощью огня, и приказал солдатам забрасывать его горящими факелами. И действительно, стена, которая была по большей части деревянной, быстро занялась пламенем и, из-за рыхлости своей воспламенившись изнутри, запылала как огромный костер. В начале пожара дул опасный для римлян северный ветер; отклоняя пламя сверху, он обращал его на них. Они уже почти отчаялись, думая, что их машины сгорят вместе со стеной. Но вдруг, словно по божественному провидению, внезапно переменившись, подул южный ветер, и его сильные порывы отбросили пламя в противоположную сторону, прямо на стену, которая и без того уже пылала сверху донизу. Римляне, радуясь божественной помощи,

удалились в лагерь, решив на следующий день совершить нападение на врагов. А дабы никто не смог бежать, они усилили ночную стражу.

6. Но ни сам Эльазар не помышлял о бегстве, ни кому-либо другому не позволил бы сделать это. Когда он увидел, что стена сожжена и более нет никакой надежды на спасение или помощь, и ясно представил себе, что в случае победы сделают римляне с сикариями, с их женами и детьми, он решил, что все должны умереть. Считая этот выход в создавшемся положении наилучшим, он собрал самых отважных из своих товарищей и стал ободрять их на этот шаг следующими словами: «Уже давно, храбрые мужи, приняли мы решение не быть рабами ни римлян, ни кого бы то ни было, но только Бога (ибо Он один истинный и справедливый Господин над людьми). Именно сейчас пришло время, которое обязывает нас на деле доказать верность своему решению. Не посрамим же себя в этом, и если уж мы не потерпели рабства и прежде, когда оно ничем не грозило нам, то тем более теперь, когда вместе с ним нас ожидает ужаснейшее отмщение, если мы попадем в руки римлян живыми. Ибо и восстали мы первыми, и последними продолжаем вести борьбу. Я считаю, что по милости Божией дарована нам, до сих пор свободным, возможность достойно умереть, чего не удавалось другим, которых заставали врасплох. Нам наперед ясно, что завтра мы попадем в плен, но мы вольны избрать для себя славную смерть вместе с самыми дорогими людьми. Ибо в этом враги не могут нам помешать, как бы они ни желали взять нас живыми. К тому же нам уже не одолеть их в сражении. Ибо еще в самом начале, когда для нас и наших соотечественников, пожелавших сразиться за свободу, все складывалось тяжело и более благоприятно для наших врагов, следовало угадывать в этом Божий замысел и понимать, что Он обрек на уничтожение некогда любезный Ему еврейский народ. Ведь если бы Он оставался милостивым к нам или по крайней мере не так сильно гневался на нас, то не попустил бы гибели стольких людей и не предал бы Своего священного народа врагам на сожжение и уничтожение.

Получается, что из всего еврейского народа мы одни возымели надежду на то, что уцелеем и сохраним свободу, словно мы безгрешны пред Богом и непричастны к беззакониям, в то время как мы и других этому научили. Между тем вы видите, как Бог сокрушает нас в этих тщетных надеждах и ставит пе-

ред неизбежностью перенести ужасы бóльшие, чем любые наши ожидания. Ибо нашему спасению не помогла ни защищенность этого места, ни изобилие припасов и огромное количество оружия, ни все прочие приготовления, имеющиеся у нас в избытке. Ясно, что сам Бог лишает нас надежды на спасение. Ибо пламя, которое было устремлено на врагов, не само по себе обратилось на выстроенную нами стену, но это гнев Божий, карающий нас за многочисленные преступления, которые мы в своем безумии дерзнули совершить против своих соплеменников. И пусть мы сами понесем наказание, но не перед римлянами, злейшими нашими врагами, а перед Богом. Его наказание не так страшно, как наказание врагов. Пусть жены наши умрут неопозоренными и дети наши – не изведавшими рабства. И вслед за ними окажем и мы друг другу достойную милость, сохранив тем самым свободу как величественное себе надгробие. Но прежде и имущество наше, и всю крепость пускай истребит огонь. Я прекрасно знаю, как будут огорчены римляне, если не овладеют нами и обманутся в своих надеждах на добычу. Мы оставим только съестные припасы, ибо после нашей смерти они будут свидетельствовать о том, что мы были побеждены не нуждой, но, как и решились с самого начала, предпочли смерть рабству».

7. Так говорил Эльазар, но не находил в этом понимания у всех присутствующих. Одни спешили подчиниться и чуть ли не преисполнились радости, считая смерть благом, другие же, менее стойкие, проникались жалостью к своим женам и семьям и, так или иначе усматривая в глазах друг друга свою неминуемую гибель, слезами выражали свое внутреннее несогласие. Увидев этих напуганных и в душе подавленных величием его замысла людей, Эльазар испугался, как бы своими мольбами и плачем они не смутили и тех, кто мужественно выслушал его слова. А потому он не оставил своих призывов, но ободрился и, исполненный великой решимости, взялся произнести возвышенную речь о бессмертии души. Громко воскликнув и в упор посмотрев на плачущих, он сказал: «Право, я жестоко ошибся, считая, что погибаю в борьбе за свободу вместе с мужами доблестными, решившими жить достойно или же принять смерть. Вы же, как оказалось, не отличаетесь от прочих ни доблестью, ни отвагой. Даже смерти во избавление от величайших несчастий боитесь вы, в то время как ради этого не стоит медлить или дожидаться указания. Ибо с незапамятных

времен существует отеческая мудрость и божественные поучения, подтвержденные делами и мыслями наших предков, которые от самого раннего пробуждения сознания наставляют нас в том, что для людей несчастие – жизнь, а не смерть. Ибо смерть, предоставляя душам свободу, позволяет им переселиться в место родное и чистое, где они будут нечувствительны к любому несчастию. Но до тех пор пока они заключены в оковы смертного тела и преисполнены вместе с ним его же страданиями, они, поистине сказать, мертвы, ибо не пристало божественному сообщаться со смертным.

Однако душа, даже заключенная в теле, способна на многое, потому что превращает его в свое восприимчивое орудие, наделенное чувствами, которым движет и заставляет далеко превосходить смертное его естество. А кроме того, когда она, освободившись от увлекающей ее к земле и опостылевшей тяжести, достигает своей родной обители, именно тогда она и приобщается блаженной мощи и ничем не стесняемой силы и пребывает невидимой для человеческих глаз, как и сам Бог. Ведь незрима она и во время пребывания в теле: незаметно приходит, невидимая снова покидает его и тогда, поскольку только она имеет нетленное естество, становится для тела причиной распада. Ведь чего ни коснется душа, все живет и исполняется сил, и стоит ей уйти – чахнет и умирает – такова заключенная в ней сила бессмертия. Пусть же наивернейшим свидетельством нам в этом будет сон, в котором души, не облеченные телами, обретают сладчайшее успокоение, ибо становятся сами по себе. Тогда они имеют общение с Богом, Которому сородственны, и предвещают многое из грядущих событий. Неужто следует бояться смерти тем, кто любит успокоение, наступающее во сне? Разве не безрассудно то, что стремящиеся к свободе при жизни отказывают себе в вечной свободе? Посему следовало нам, сызмальства воспитанным в этом у себя на родине, быть и для других примером готовности к смерти. А кроме того, если мы нуждаемся в заверениях от других народов, то обратимся к индусам, которые, быть может, научат нас мудрости. Ведь они, будучи людьми благородными, проживают время земной жизни нехотя, как бы отбывая некую принудительную повинность природе, и поспешают отделиться душой от тела. Никакая напасть не понуждает их и не подгоняет, но из жажды бессмертного бытия они объявляют всем прочим людям, что намерены уйти, и никто

не препятствует им, но, напротив, все почитают их счастливцами и каждый передает с ними послание к своим умершим родственникам.

Так веруют они в то, что душам с несомненной истинностью уготовано совместное существование. Выслушав же данные им поручения, они предают тело огню, чтобы как можно более тщательно отделить душу от тела, и, прославляемые всеми, умирают. Родным и близким гораздо легче провожать их на смерть, чем в дальнее странствие каких-то других своих сограждан. И оплакивают они самих себя, их же считают блаженными, поскольку они уже обретают бессмертное звание. Разве не постыдно для нас считаться хуже индусов и из-за собственного малодушия бессовестно глумиться над отеческими законами, которые даны нам всем народам на удивление? Но и напротив, даже если изначально мы научены противоположному, что будто бы для людей жизнь есть величайшее благо, а несчастие – смерть, то и тогда настоящее положение побуждает нас принять ее с легким сердцем, поскольку мы обретем смерть по необходимости, по воле Божией. Ибо, сдается, давно уже Бог назначил всему еврейскому роду сей жребий – чтобы мы исчезли с лица земли, поскольку не стремились всем сердцем предаваться Ему. Не возлагайте поэтому вину на себя самих и не благодарите римлян, что война против них ввергла нас всех в погибель. Ибо случилось все это не вследствие их могущества, но причина сильнейшая принесла им видимость победы. Разве от римских мечей погибли евреи в Кесарии, когда и не собирались предавать интересы римлян, однако во время празднования субботы на них напала кесарийская чернь и перерезала беззащитных вместе с женами и детьми, не обращая внимания даже на римлян, которые считали врагами лишь отложившихся, таких, как мы? Но можно сказать, что у жителей Кесарии была давняя неприязнь к евреям, жившим у них, и, улучив момент, они выместили старую злобу. Что же тогда сказать об евреях в Скифополе? Ведь в угоду эллинам они дерзнули воевать против нас, а не бороться против римлян вместе с единоплеменниками. Много же пользы было им от преданности и доверия к римлянам, если ими же они и были беспощадно истреблены вместе со всеми своими семействами, получив таким образом награду за помощь римлянам в этой войне. Ведь что помешали они сделать нам по отношению к римлянам, то и претерпели сами как бы по

собственной воле. Долго можно было бы говорить о каждом отдельном случае. Но знайте, что из сирийских городов нет такого, который не истребил бы проживающих в нем евреев, хотя они были нам врагами более, чем римлянам. Так, жители Дамаска, не сумев даже выдумать благовидного предлога, устроили в своем городе кровавую бойню и умертвили 18 000 евреев вместе с женами и семьями.

В Египте, как мы знаем, число издевательски убитых превысило 60 000 человек. Они-то, скорее всего, погибли потому, что в чужой земле не сумели найти, чем противостоять врагам, но для тех, кто у себя дома поднялся на войну с римлянами и мог иметь твердую надежду на победу, в том не было недостатка. Ведь и оружие, и стены, и неприступные крепости, и мужество, ради свободы не знающее страха, укрепили всех в мысли об отложении. Но всего этого хватило лишь на краткое время, и, хотя мы исполнились гордых надежд, это оказалось только началом еще больших несчастий. Все было захвачено и все досталось врагам, словно собранное для пущего прославления их победы, а не для спасения тех, кто все это для себя приготовил.

Счастливцами следует считать павших в битвах (ибо они погибли, защищая свободу, и не предали ее); но разве можно не пожалеть оказавшихся в руках у римлян? И кто не поспешит принять смерть ради избавления от такой участи? Из них одни умерли под пытками, истязаемые огнем и бичами, другие же, наполовину съеденные зверями, на потеху и смех врагам оставлены в живых для вторичного съедения. Из них еще можно застать в живых несчастнейших, которые непрестанно молят, но не могут обрести смерть. И где город великий, мать всего народа еврейского, обнесенный множеством стен, защищенный столькими цитаделями и сторожевыми башнями, с трудом вместивший все приготовленное к войне, имевший тысячи защитников, сражавшихся за него? Куда исчез этот город, удостоенный быть обиталищем Бога? Он уничтожен с корнем, до основания, и только памятью о нем остается лагерь разрушивших его, еще стоящий на развалинах. На пепелище Храма сидят несчастные старики и несколько женщин, оставленных врагами ради удовлетворения постыдной похоти. Кто из нас, переживая все это в душе, даже если получит возможность жить в безопасности, в состоянии будет видеть свет солнца? Кто настолько враждебен своему отечеству или на-

столько труслив и привязан к жизни, что не раскаивается и в том, что до сих пор жив?

О если бы все мы умерли, не увидев этот священный город в руинах от рук врагов и святой Храм столь святотатственно попранным! Тогда нас окрылила благородная надежда на то, что мы вскоре сможем отомстить за него врагам. Но теперь, когда она исчезла и мы остались одни перед лицом неумолимого рока, поспешим же достойно умереть! Смилуемся над самими собой, над детьми и женами, пока еще способны сами проявить к себе милосердие. Ибо для смерти рождены и мы, и те, кто родился от нас, и даже наисчастливейшим не избежать ее. Для людей насилие, рабство, вид женщин, которых вместе с детьми ведут на поругание, не есть данное от природы зло, но все это из-за собственного малодушия претерпевают те, кто вовремя не пожелал умереть. Мы, похваляясь своим мужеством, восстали против римлян и после этого в последний раз не послушались сейчас тех, кто призывал нас к свободе. Разве кто-то не знает, каковым будет гнев римлян, если они возьмут нас живыми? Несчастны юноши, которым их телесных сил достанет на длительные мучения; горе старикам, возраст которых не способен к перенесению страданий. Кто-то увидит, как поведут насиловать его жену, услышит крик своего ребенка, призывающего отца, связанного по рукам. Но пока эти руки свободны и держат меч, пусть сослужат они нам верную службу. Умрем же не порабощенные врагом! Уйдем из жизни свободные вместе с женами и детьми. Так повелевает нам Закон, и об этом умоляют нас жены и дети. Необходимость этого ниспослал нам Бог, римляне же хотят противного этому. Они боятся, как бы кто из нас не погиб до пленения. Посему поспешим же вместо ожидаемого ими взятия нас в плен поразить их своею смертью и своим мужеством привести в изумление!»

IX

1. Он хотел и далее ободрять их, но все в один голос прервали Эльазара и стали торопить его приступить к делу. Они расходились, исполненные какой-то беззаветной решимости, словно одержимые демоном, и стремились опередить друг друга, поскольку считали, что доказывают свое мужество и го-

товность тем, что не оказались замеченными в числе последних: столь великое овладело всеми желание убивать своих жен, детей и самих себя. И даже тогда, когда они приступили к делу, ярость их, как можно было бы ожидать, не ослабла. Они оставались непреклонными в своем решении, которое приняли, слушая слова Эльазара. И хотя по-прежнему они испытывали чувство нежной любви к своим семьям, но верх брал рассудок, подсказавший им как бы наиважнейшее для самых любимых людей. Они обнимали и целовали жен, ласкали детей, запечатлевая последние поцелуи и плача, но при этом, действуя словно чужими руками, приступили к исполнению своего замысла.

При мысли о том, какие несчастия придется претерпеть, оказавшись в руках у римлян, они признавали необходимость самоубийства и утешались этим. В итоге никто не оказался малодушным для деяния столь дерзкого. Все умертвили ближайших родственников одного за другим. Несчастные по воле рока! Им казалось, что убить собственноручно жену и детей есть наименьшее из зол. Вслед за тем, более неспособные выносить весь ужас совершенного и считая, что поступают по отношению к убитым несправедливо, если пережили их хотя бы на некоторое время, они спешно свалили в одну кучу все свое добро, подожгли его и, избрав по жребию из своего числа десять человек, будущих своих убийц, покрыли собственными телами лежащих на земле жен и детей, обхватив их руками и предоставив исполнителям оказать им эту ужасную услугу.

Те же, без содрогания умертвив всех, на таких же условиях постановили метать жребий между собой, чтобы тот, кому он выпадет, заколов остальных девятерых, зарезал бы тут же и самого себя. Все были твердо убеждены, что нет разницы, кому исполнять, а кому принимать смерть. В конце концов все прочие подставили горло под нож, а оставшийся последним осмотрел во множестве лежавших вокруг, не остался ли еще где-нибудь при этом великом избиении кто-то, кому требуется его помощь, и как только убедился, что все мертвы, поджег дворец, твердой рукой вонзил в себя меч по самую рукоять и упал подле своих родственников. Они погибли в убеждении, что ни одной живой души не останется в руках у римлян. Но оказалось, что какая-то старуха и еще одна женщина, родственница Эльазара, выделявшаяся среди большинства женщин умом и воспитанием, а также пятеро малолетних детей спрятались в под-

земном канале, доставлявшем питьевую воду. Число же остальных, пожелавших умереть, считая с женщинами и детьми, составило 960 человек. Это ужасное событие совершилось в 15-й день месяца Ксантика.

2. Римляне в ожидании сражения рано утром были наготове и, наведя мосты от земляных насыпей к подступам, приступили к штурму, но, не увидев ни единого из врагов, а вместо этого повсюду гнетущее опустошение, в крепости пожар и безмолвие, недоумевали, что могло произойти. Наконец они издали боевой клич, как при начале штурма, ожидая, не вызовут ли тем самым ответных действий изнутри. Крик услышали женщины и, выйдя из подземелья, принялись рассказывать римлянам о том, как это произошло. Причем одна из них в подробностях описывала все, о чем уже было сказано, и каким образом это было совершено. Римляне почти не обратили на нее внимания, поскольку не верили в такое величие их подвига. Они принялись тушить пожар и вскоре, проложив себе дорогу через огонь, оказались во внутренности дворца. И когда они наткнулись на множество убитых, то не испытывали чувства как при виде врагов, но поразились благородству решения этих людей и их несокрушимому презрению к смерти при исполнении собственного замысла.

X

1. Когда таким образом крепость была взята, полководец оставил там гарнизон, а сам с основными силами двинулся в Кесарию. Ибо в этой стране не оставалось уже ни единого врага, но вся она была покорена в ходе длительной войны, которая даже в самых отдаленных местах дала почувствовать евреям страшную опасность возмущения против римлян. Кроме того, и в Александрии Египетской после этого случилась массовая гибель евреев. Ведь некоторые из восставших сикариев сумели бежать туда и не удовольствовались своим спасением, но снова взялись за введение новшеств. Они убеждали многих из тех, кто дал им приют, добиваться свободы и считать, что римляне ничуть не лучше евреев и что только Бога следует почитать своим повелителем. Когда же некоторые из знатных евреев воспротивились им, они перебили одних, а других стали преследовать, понуждая к восстанию.

Видя затеваемую смуту, знатнейшие члены совета сочли, что уже более небезопасно попустительствовать им, и, созвав всех евреев в собрание, изобличили безумие сикариев, доказывая, что те являются виновниками всех бед. И вот теперь, говорили они, когда они избежали гибели, но еще не имеют твердой уверенности в своей свободе (ибо как только про них узнают римляне, то тут же казнят их), они навлекают положенные им несчастия на головы тех, кто ни в чем предосудительном не замешан. Кроме того, они призывали народ остерегаться гибели, которая исходит от сикариев, а также признать необходимость выдачи их римлянам. Осознавая степень опасности, евреи вняли их словам, с величайшим гневом набросились на сикариев и захватили их. Из них тут же было взято 600 человек, а те, которым удалось бежать в Египет, в тамошние Фивы, вскоре были схвачены и доставлены обратно. Надо признать, что среди них не было ни одного, кто не поражал бы упорством и еще – то ли безумием, то ли твердостью духа. Когда их подвергали всевозможным пыткам и телесным истязаниям с тем только лишь, чтобы заставить их признать своим повелителем Цезаря, никто из них не отступился и не обнаружил даже желания произнести это, но все оставались непреклонны, словно их тела были бесчувственны, и чуть ли не с радостью в душе они принимали пытки и пламя. Более же всего поразило зрителей несвойственное возрасту упорство детей. Ибо не нашлось ни единого среди них, которого заставили бы признать Цезаря своим повелителем. Настолько, как видно, дерзновенная отвага превозмогла телесную немощь.

2. Александрией тогда управлял Луп, который сразу известил Цезаря об этом волнении. И он, видя неизбывную склонность евреев к мятежам и опасаясь, как бы они, собравшись вместе, снова не сговорились и не привлекли кого-нибудь еще на свою сторону, повелел Лупу снести иудейский храм в так называемом Онийском округе. Этот храм находился в Египте. Он был основан и получил свое название по следующей причине. Хонио, сын Шимона, один из иерусалимских первосвященников, бежал от воевавшего против евреев сирийского царя Антиоха и прибыл в Александрию. Принятый Птолемеем благосклонно вследствие вражды последнего с Антиохом, он сказал, что сделает его союзником весь еврейский народ, если тот послушается его советов. Когда царь согласился сделать все, что

в его силах, тот попросил позволения где-нибудь в Египте соорудить храм и разрешить ему вести там богослужение по древнему обычаю. Ведь таким образом против Антиоха, который опустошил Иерусалимский Храм, евреи станут бороться еще решительнее, а к самому Птолемею почувствуют большую преданность и во множестве стекутся туда, чтобы почитать Бога в безопасности.

3. Убежденный этими словами, Птолемей предоставил ему место, расположенное в ста восьмидесяти стадиях от Мемфиса. Этот холм назывался Гелиопольский. И, возведя укрепления, Хонио соорудил там храм, непохожий на Иерусалимский, но подобно башне – из огромных камней, возвышавшийся на шестьдесят локтей. Жертвеннику, однако, он придал форму Иерусалимского и украсил дарами похожим образом, за исключением формы светильника. Он не стал делать его большим, но изготовил из золота испускавшую сияние лампаду и подвесил ее на золотую цепь. Все освещенное место он окружил стеной из обожженного кирпича и в ней соорудил каменные ворота. Царь также даровал храму большой участок земли для получения денежного дохода, чтобы и священники жили безбедно и чтобы не нуждаться ни в чем при отправлении богослужения. Но Хонио сделал все это не из добрых намерений: в нем жил дух соперничества по отношению к иерусалимским евреям, поскольку он не мог забыть их ненависть к нему за его бегство. Он считал, что, соорудив этот храм, привлечет к нему значительное число евреев. Существовало же и некое древнее пророчество, явившееся за 600 лет до того времени, у пророка по имени Йешайаху (Исайя), который предсказал сооружение храма в Египте мужем иудейским. Таким образом был построен этот храм.

4. Луп, правитель Александрии, получив от Цезаря предписание, прийдя в храм, изъял некоторые священные дары и запер его. После скорой смерти Лупа принявший прокураторство Паулин ничего не оставил из священных приношений, пригрозив священникам жестоким наказанием, если они что-нибудь утаят, и запретил посещать храм евреям, которые желали строго по обычаю почитать Бога. Он запер ворота и сделал храм совершенно недоступным, чтобы в этом месте не осталось более и следа от былого почитания Бога. От постройки и до закрытия храма прошло 343 года.

XI

1. Безумие сикариев охватило, подобно болезни, и Кирену с близлежащими городами. Ведь бежавший туда Йонатан, человек весьма низкий, ткач по ремеслу, смог привлечь на свою сторону немало людей из беднейшего населения и вывел их в пустыню, обещая показать знамения и чудеса. Совершая все это и занимаясь обманами, он оставался незамеченным для большинства, но наиболее почтенные из киренских евреев о его уходе и намерениях известили правителя Ливийского Пентаполя Катулла. И тот, отправив всадников и пехоту, без труда овладел безоружными. Большинство были убиты на месте, остальных же, схваченных живьем, привели к Катуллу. Главный зачинщик, Йонатан, тогда скрылся, но после длительного и весьма тщательного розыска по всей стране был схвачен. И приведенный к правителю, он принялся изобретать причины для избавления от наказания и таким образом подал Катуллу основание для незаконных действий, поскольку оклеветал богатейших из евреев, что они будто бы наставили его так поступить.

2. Катулл воспринял клевету с большим воодушевлением. Он представил все делом огромной важности, весьма преувеличив опасность, дабы могло показаться, что и сам он вынес на своих плечах нечто подобное Иудейской войне. Но воистину ужаснее было то, что он, помимо своей легковерности, еще и наставлял сикариев в их лжи. Так, он приказал, чтобы Йонатан назвал имя некоего Александра из евреев, с которым Катулл столкнулся давно и с тех пор открыто ненавидел его. Также он впутал в обвинение и жену Александра Беренику. Катулл казнил их в первую очередь, а вслед за ними умертвил всех наиболее состоятельных евреев числом около 3000. И все это, как он считал, свершается безнаказанно, поскольку он лишал их имущества, записывая его в доходы Цезаря.

3. А для того чтобы кто-нибудь из евреев не изобличил его беззаконий, он пошел еще дальше в своей лжи и убедил Йонатана и некоторых из взятых вместе с ним обвинить в мятеже наиболее влиятельных евреев в Александрии и Риме. Одним из этих коварно обвиненных людей был Йосеф, написавший эту историю. Но для Катулла его происки обернулись иным, нежели он ожидал. Он прибыл в Рим, ведя в кандалах Йонатана и его сообщников и думая, что подложные обвинения, созданные им в собственных интересах, положат конец расследованию. Но

Веспасиан, которому дело показалось подозрительным, возобновил дознание, и когда убедился, что обвинение, возведенное на этих людей, безосновательно, то по настоянию Тита освободил их от подозрений, Йонатана же подверг подобающему наказанию: тот был предан бичеванию и потом сожжен заживо.

4. По великодушию императоров Катуллу в то время удалось избежать осуждения. Но вскоре, заболев сложной и трудноизлечимой болезнью, он умер в мучениях, страдая не только от телесного недуга, но еще более вследствие душевной болезни. Его мучили страхи, он непрестанно кричал, что видит рядом с собой призраки убитых им людей, и, неспособный овладеть собой, вскакивал с ложа, словно к нему применяли пытки и пламя. Болезнь постоянно усиливалась. В конце концов у него выпали гниющие внутренности. И так он умер, красноречивее, чем кто-либо другой, свидетельствуя, что провидение Божие карает злодеев.

5. На этом я заканчиваю свою историю, которую обещал со всею подробностью поведать тем, кто желает узнать, как велась эта война римлян против евреев. Насколько удалось изложение, пусть судят будущие читатели, но в отношении его истинности я без стеснения с уверенностью скажу, что только она составляла единственную цель всего моего повествования.

Указатель имен и географических названий

Август: см. Цезарь (III).

Авел (I). Город в Перее, IV, 7, 6.

Авел (II). Город, который император Нерон отдал Агриппе Второму в Заиорданье (возможно, это вышеупомянутый город), II, 13, 2.

Авраам. Жил в Хевроне, IV, 9, 7; был подобен царю, и ему подчинялись вожди, у каждого из которых было большое войско, V, 9, 4.

Авшалом (I). Тесть и дядя Аристобула (II), хасмонейского царя. Попал в плен к Помпею после захвата Иерусалима, I, 7, 6.

Авшалом (II). Друг вождя зелотов Менахема, убит в Иерусалиме, II, 17, 9.

Агей: см. Хаггай.

Агесилай. Царь Спарты, II, 16, 4.

Агриппа (I). Марк Випсаний Агриппа. Зять и друг императора Августа, друг царя Ирода, I, 20, 4; последний в его честь построил дворец, там же, 21, 1 и 8.

Агриппа (II). Еврейский царь, сын Аристобула (III), I, 28, 1; II, 9, 5. Был преследуем императором Тиберием; друг Гая (Калигулы), там же; назначен царем во владениях своего дяди Филиппа, там же, 6; получил также владения Антипы, там же; добился согласия между сенатом и императором Клавдием, II, 11, 2 и далее; стал царем во всех землях своего деда Ирода, там же, 5; начал строить стену в Иерусалиме, там же, 6; его смерть, там же.

Агриппа (III), Второй. Сын Агриппы (II) и его жены Кипры. Стал царем в Халкиде с помощью императора Клавдия, II, 12, 1; получил от него владения Филиппа, там же, 8; получил также четыре города в Иудее от императора Нерона, там же, 13, 2; был в Александрии, II, 15, I; вернувшись в Иудею, нашел народ очень неспокойным из-за

убийства Флора, там же, 16, 1; долго уговаривал жителей Иерусалима сдаться римлянам, там же, 3–4; был вынужден бежать из Иерусалима, там же, 17, 1; послал войско в Иерусалим для поддержки своих друзей, там же, 4; затем присоединился к Цестию Галлу в его походе на Иерусалим, там же, 18, 9; пытался вести мирные переговоры с жителями города, там же, 19, 3; случай с одним из его управляющих, там же, 21, 3; послал войско на помощь Веспасиану; принял его в своем доме, там же, 9, 7 и далее. Продал захваченных евреев в рабство, там же, 10, 10; города его царства в Голане, IV, 1, 1; осаждал Гамлу семь месяцев, там же, 2; находился в лагере Веспасиана во время осады Гамлы и был ранен камнем во время переговоров, там же, 3; поехал с Титом в Рим приветствовать императора Гальбу, там же, 9, 2; на границе его владений протекает Самбатион, VII, 5, 1.

Агриппиада. Так Ирод в честь Агриппы (I), своего друга, назвал город Анфедон, отстроенный им заново, I, 21, 8. (См. также I, 4, 2; там же, 8, 4.)

Агриппина. Жена императора Клавдия, мать Нерона, II, 12, 8. (Умерщвлена своим сыном, там же, 13, 1.)

Агриппион. Так Ирод назвал один из своих дворцов в Иерусалиме, по имени Агриппы (I), I, 21, 1.

Адиабена. Страна в Месопотамии. Вассальное царство Парфии. Иудаизировано. На помощь его жителей надеются восставшие евреи, II, 16, 4. См. также: дворец Грапты, дворец Елены, Монобаз (I), Монобаз (II), Хагира и др.

Адора (Адораим). Город в Идумее, захваченный Гирканом (I), 1, 2, 6; отстроен заново римлянином Габинием, там же, 8, 4.

Азия (I). Часть света, сюда направился Антоний, I, 12, 4. Ксеркс был царем над всеми странами в Азии, II, 16, 4. Была покорена Синнаххерибом, V, 9, 4. (II). Малая Азия.

Азот: см. Ашдод.

Аин: см. Наин.

Аккабарон: см. Ахбера.

Акко (Птолемаида). Город на побережье Средиземного моря, город тирян – естественная гавань Галилеи. Там был схвачен Йонатан Хасмоней, I, 2, 1; Тигран осадил его, там же, 5, 3; открыл ворота парфянам, там же, 13, 1; Ирод прибыл туда и направился оттуда в Галилею, там же, 15, 3; император Август командовал в долине Акко своими войсками и встретился там с Иродом, там же, 20, 3; Ирод построил там гимнасий, там же, 21, 11; Петроний прибыл туда, II, 10, 1; описание города, там же, 2; его окрестности, там же; повстанцы напали на него, там же, 18, 1; его жители убили 2000 евреев из числа окрестного населения, там же, 5; Цестий прибыл туда и направился в Галилею, там же, 18, 9; Веспасиан командовал там своими войсками, III, 2, 4; к западу от Галилеи, там же, 3, 1; Тит пришел туда с легионами из Александрии и присоединился к своему отцу, там же, 5, 2; там приве-

ли армию в боевую готовность, там же, 6, 1; оттуда Веспасиан выступил в Галлилею, там же, 2.

Акмэ. Имя служанки Ливии. Антипатр подкупил ее написать донос на Шломит, I, 32, 6. Ирод пожаловался на нее императору, там же, 7. Казнена по приказу императора, там же, 33, 7.

Акра. Крепость в Иерусалиме. Йехуда Маккавей оттеснил туда войско Антиоха, I, 1, 4; Шимон Хасмоней захватил ее, там же, 2; находилась в Нижнем городе, V, 4, 1; часть ее находилась в руках Шимона, сына Гиоры, там же, 6, 1; сожжена Титом, VI, 6, 3.

Акраба (Акрабим, Акрабатена). Область в Северной Иудее, граничащая с Самарией. Оттуда напали на самаритян Эльазар, сын Диная и Александр, II, 12, 4; правительство Иерусалима направило туда военачальником Йоханана, сына Хананьи, там же, 20, 4; Шимон, сын Гиоры, разбойничал там со своими людьми и был изгнан Хананом, сыном Ханана, там же, 22, 2; IV, 9, 3; граничит с Самарией, III, 3, 4; округ в Иудее, там же, 5; Шимон, сын Гиоры, снова напал на эту область, IV, 9, 4; Веспасиан захватил ее, там же, 9.

Актиада: см. Акций.

Акций. Место решающего сражения между Антонием и императором Октавианом, I, 20, 1. В память о той войне император объявил состязания раз в четыре года, называвшиеся «актиадами», там же, 4.

Аланы. Народ, прорвавшийся через стальные ворота (недалеко от Каспийского моря) на земли Мидии и Армении и захвативший там добычу, VII, 7, 4.

Алекса (I). Друг Антония. Ирод заступился за него перед императором Октавием, I, 20, 3.

Алекса (II). Зять Ирода, третий муж его сестры Шломит, I, 28, 5; получил приказ от Ирода умертвить после его смерти всех собранных в Иерихоне иудеев, там же, 33, 6; приказ не выполнил и отпустил их на свободу, там же, 8.

Алекса (III). Один из людей отряда Йоханана, сына Леви. Показал героизм в сражениях с римлянами на Храмовой горе, VI, 1, 8 и там же, 2, 6.

Александр (I) (Македонский, Великий). Воспоминание о его подвигах, II, 16, 4; дал евреям в Александрии Египетской гражданские права, там же, 18, 7; ему сопутствовала удача, V, 11, 3; соорудил железные ворота на горном перевале, VII, 7, 4.

Александр (II), Яннай. Иудейский царь из династии Хасмонеев, I, глава 4; его могила в Иерусалиме, V, 7, 3; построил крепость Махор, VII, 6, 2.

Александр (III). Сын хасмонейского царя Аристобула. Был пленен Помпеем вместе с отцом, но бежал по пути в Рим, I, 7, 7; собрал большое войско в Иудее, поднял восстание против римлян и Гиркана, потерпел поражение от Габиния, там же, 8, 2–4; вновь поднял восста-

ние и опять был разбит, там же, 7; казнен Сципионом в Антиохии, там же, 9, 2; его дочь вышла замуж за Ирода, там же, 17, 8.

Александр (IV). Сын Ирода и Мирьям из Хасмонеев. Воспитывался в Риме со своим братом Аристобулом, I, 23, 1; женился на дочери царя Каппадокии, там же. Был схвачен отцом и отправлен в Рим на суд императора, там же, 3; император примирил его и отца, там же; интриги против него, там же, 24, 1–2; Шломит и Ферора ненавидели его, там же, 5; три евнуха донесли на него, там же, 7; Ирод установил за ним слежку, там же, 8; написал четыре книги против своих врагов, там же, 25, 1; его тесть Архелай помирил его с отцом, там же, 1–6; Эврикл оклеветал его, там же, 26, 1–4; Эварат пытался его защитить, там же, 5; суд Ирода приговорил его к смерти, глава 27; его сыновья, там же, 28, 1–2; один мошенник взял его имя, II, 7, 1–2; явился во сне к своей жене, там же, 4; его сыновья царствовали в Большой Армении, II, 12, 6.

Александр (V). Мошенник, объявивший себя Александром, сыном Ирода. Его история, II, 7, 1–2.

Александр (VI). Сын Александра (IV) от жены Глафиры, I, 28, 1. (Его сын Тигран был царем в Большой Армении. См. II, 12, 6.)

Александр (VII). Глава иудеев в Александрии Египетской. Покрыл золотом ворота во дворе Храма, V, 5, 3.

Александр (VIII). Тиберий Юлий, сын Александра (VII). Был прокуратором Иудеи, II, 11, 6; затем наместником Египта, там же 15, 1; учинил кровавую расправу над евреями Александрии, там же, 18, 7–8; признал Веспасиана императором, IV, 10, 6; главнокомандующий войска Тита, V, 1, 6; командовал охраной сторожевых башен, там же, 12, 2; участвовал в совете о судьбе Храма и был против разрушения, VI, 4, 3.

Александр (IX). Еврей, возглавивший нападение толпы на самарийские селения, II, 12, 4.

Александр (X). Еврей из Кирены, убит римским наместником, VII, 11, 2.

Александра (I). Царица в Иудее, из Хасмонейской династии. Женщина богобоязненная и миролюбивая, I, глава 5.

Александра (II). Дочь хасмонейского царя Аристобула (II). Вышла замуж за Филиппиона, сына Птолемея, владетеля Халкиды, а затем за его отца, Птолемея, сына Меннея, I, 9, 2.

Александрион. Крепость в Иудее, расположенная на вершине горы. Царь Аристобул бежал сюда от Помпея, I, 6, 5; его сын Александр укрепил стены, там же, 8, 2; Габиний разрушил ее, там же, 4–5; Аристобул, убегавший от римлян, хотел отстроить стены, там же, 6; Ирод приказал Фероре укрепить крепость, там же, 16, 3; фальшивое письмо Александра, сына Ирода, к коменданту крепости, там же, 26, 3; там захоронены Александр и Аристобул, сыновья Ирода, а также Александр, отец их матери, там же, 27, 6.

Александрия (Египетская), I, 14, 2. Брат Антифила был там врачом, там же, 30, 7; Агриппа Второй прибыл в город, чтобы приветствовать нового наместника Александра, II, 15, 1; ее величина и численность жителей, там же, 16, 4; иудейская община в городе, ее права, там же, 18, 7; ее конфликт с греками, там же; Тит прибыл забрать легионы на войну с евреями, III, 1, 3; Веспасиан склонил город на свою сторону, IV, 10, 5–6; Веспасиан принял здесь посланцев всех стран, прибывавших к нему с приветствиями, там же, 11, 5; юноши города в войске Тита, V, 1, 6 и там же, 6, 5; Тит прибыл в город, VII, 5, 3; беглецы-зелоты организовали беспорядки среди евреев, там же, 10, 1.

Алур. Селение в Идумее, IV, 9, 6.

Альбин. Римский прокуратор в Иудее, II, 14, 1; к нему был приведен пророк Йехошуа, сын Ханана, VI, 5, 3.

Альпы. Горы, II, 16, 4.

Анват (Боркай). Селение на границе между Иудеей и Самарией, III, 3, 5.

Андромеда. Дочь эфиопского царя в греческой мифологии. Следы от ее оков остались на скале недалеко от Яффы, III, 9, 3.

Анний, Луций, послан Веспасианом в Геразу, IV, 9, 1.

Антигон (I). Сын (Йоханана) Гиркана Хасмонея, захватил вместе со своим братом Аристобулом (I) Самарию и Скифополь, I, 2, 7; был любимцем своего брата, там же, 3, 1; но по возвращении после победы над врагами был убит братом по навету, там же, 2–6.

Антигон (II). Сын Аристобула (II) Хасмонея, доставлен в плен в Рим вместе с отцом, I, 7, 7; бежал с отцом из Рима, там же, 8, 6; находился в Аскалоне, там же, 9, 2; Птолемей, сын Меннея, владетель Халкиды, принял его, там же; обвинил перед Цезарем Гиркана и Антипатра, там же 10, 1–2; при помощи Птолемея, сына Меннея, наместника Фабия и Мариона стал правителем Иудеи, там же, 12, 2; Ирод изгнал его из Иудеи, там же, 3; парфяне захватили Сирию и поставили его правителем Иудеи, там же, глава 13; изувечил своего дядю Гиркана, там же, 9; его войны с Иродом, там же, главы 16–18; взят в плен Сосием, там же, 18, 2; казнен, там же, 3; упоминание о его поражении, V, 9,4.

Антиох (I), Четвертый, Эпифан. Сирийский царь, Введение, 7. Жестокие его дела и поражение в Иудее, I, 1–4; упоминание о нем, V, 9, 4; разграбил Храм, VII, 3, 3.

Антиох (II), Пятый. Сын Антиоха (I). Его войны в Иудее, I, 1, 5.

Антиох (III), Седьмой, сирийский царь. Шимон Хасмоней оказал ему помощь во время войны с Трифоном, I, 2, 2. Послал войско в Иудею, но потерпел поражение, там же. Воевал с Гирканом (I), там же, 5; выступил на войну против Мидии, там же, 6.

Антиох (IV), Восьмой, Аспендий. Царь Сирии. Пришел на помощь осажденному городу Себаста, но потерпел поражение от Аристобула Хасмонея, I, 2, 7.

Антиох (V), Двенадцатый, Дионис. Последний из династии Селевкидов. Победоносно прошел по Иудее, но пал в битве с аравийцами, I, 4, 7.

Антиох (VI), Первый. Царь Коммагены. Антоний осадил и взял его город Самосату, I, 16, 7.

Антиох (VII), Четвертый. Царь Коммагены. Послал войско на помощь Цестию Галлу, II, 18, 9; и также Веспасиану, когда он начал боевые действия в Галилее, III, 4, 2. Римский наместник Сирии пошел на него войной и лишил царства, после чего он жил в Риме, VII, глава 7.

Антиох (VIII), Эпифан, сын Антиоха (VII). Сражался под Иерусалимом на стороне Тита, V, 11, 3. Бежал в Парфию, VII, 7, 2. Жил в Риме, там же, 3.

Антиох (IX). Один из руководителей еврейской общины в Антиохии. Причинил евреям многочисленные несчастья, VII, 3, 3–4.

Антиохия. Столица Сирии. Там был казнен Александр Хасмоней по приказу Помпея, I, 9, 2; поблизости находилась Дафнэ, там же, 17, 3; Ирод вымостил в Антиохии мрамором улицу и построил колоннаду, там же, 21, 11; Архелай прибыл в Антиохию, там же, 25, 6; II, 2, 2; Вар прибыл в город, там же, 5, 3; Квадрат прибыл туда, там же, 12, 6; жители города не преследовали проживавших там евреев, там же 18, 5–6; там Веспасиан принял командование над своими войсками, III, 2, 4; третий город по важности и численности населения среди всех римских городов, там же; Веспасиан прибыл сюда после того, как войска провозгласили его императором, IV, 11, 1; преследования евреев – жителей города, VII, 3, 2–3; пожар в городе и обвинение евреев виновниками, там же, 4; жители города просили Тита изгнать евреев, там же, 5, 2.

Антипа (I), Ирод. Сын царя Ирода и Мальтаки, I, 28, 4; отец назначил его престолонаследником, там же, 32, 7; но, изменив завещание, сделал лишь тетрархом, там же, 33, 7; Антипа отправился в Рим защищать свои права на престол, II, 2, 3; Сабин и Антипатр (IV) помогали ему, там же, 4–5; поставлен тетрархом в Галилее и Перее, там же, 6, 3.

Антипа (II). Родственник царя Агриппы Второго; был послан к нему за помощью в подавлении мятежа, II, 17, 4; осажден повстанцами в царском дворце, там же, 20, 1; арестован зелотами, IV, 3, 4; убит в тюрьме вместе с другими заключенными, там же, 5.

Антипатр (I). Из Идумеи, убедил Гиркана (II) бежать к аравийцам, I, 6, 2; вышел на войну с Аристобулом (II), там же; его брат погиб в сражении, там же, 3; обратился к Помпею, там же, 4; Гиркан посылал через него съестные припасы для Скавра, там же, 8, 1; его воины помогли Габинию низложить Александра (III), там же, 3; помог Габинию в организации похода в Египет, там же, 7; его семья, там же, 9; перешел на сторону Цезаря и помогал ему в египетском походе, там же, 9, 3–4; получил римское гражданство, там же, 5; Антигон обвинил его перед Цезарем, там же, 10, 1; оправдался перед Цезарем, там же, 2; назначен наме-

стником всей Иудеи, там же, 3; уговорил своего сына Ирода отойти от Иерусалима, там же, 9; был вынужден собрать большую дань для Кассия, там же, 11, 2; спас Малиха, там же; был им предан и отравлен своим виночерпием, там же, 3–4; Ирод отомстил Малиху за кровь отца, там же, 8; был союзником и другом Антония (I), там же, 14, 4; его сын Ирод построил город и назвал его Антипатрида, там же, 21, 9.

Антипатр (II). Сын Ирода от Дориды, I, 23, 1; Ирод приблизил его к себе, там же, 2; стал наследником престола, там же; оклеветал Александра перед Цезарем, там же, 3; его происки и козни, там же, 24, 1; был приближен к отцу, там же, 2; оклеветал Александра перед отцом, там же, 9; сблизился с Эвриклом из Спарты, там же, 26, 2 и далее; сделался единственным наследником престола после казни братьев, там же, 28, 1; помешал замыслу отца обручить детей казненных братьев, там же, 3–5; его интриги, там же, 29, 1; был послан к императору с завещанием своего отца, там же, 2; пытался отравить своего отца, но был разоблачен, там же, главы 30–31; его возвращение из Рима, там же, 31, 3–4; суд над ним, там же, 5 и далее; казнен, там же, 33, 7.

Антипатр (III). Самаритянин, управляющий дома Антипатра (II). Подвергнутый пыткам, дал показания против Антипатра (II), I, 30, 5.

Антипатр (IV). Сын Шломит, сестры Ирода. Прибыл в Рим, чтобы обвинить Архелая (II) перед императором, II, 2, 5.

Антипатрида. Город в Иудее. На его месте когда-то проходил ров, сделанный царем Александром (II), I, 4, 7; Ирод назвал его по имени своего отца, там же, 21, 9; Цестий Галл прибыл в город, II, 19, 1; там же, 9; Веспасиан стоял здесь два дня, IV, 8, 1.

Антифил. Друг и наперсник Антипатра (II). Привез из Египта яд отравить Ирода, I, 30, 5, там же, 7; его брат был врачом в Александрии Египетской, там же.

Антоний (I). Член римского триумвирата. Военачальник в войсках Габиния; воевал с Александром (III) Хасмонеем, I, 8, 3; его подвиги, там же, 4; воевал с Аристобулом (II), там же, 6; после победы над Кассием направился в Азию; был подкуплен Иродом, там же, 12, 4; старый друг Антипатра, там же, 5; разгневался на посланцев-евреев, жаловавшихся на Ирода, там же, 6; и приказал их убить, там же, 7; ненавидел Антигона и сделал Ирода царем евреев, там же, 14, 4; находился в Афинах, там же, 16, 4; Ирод помог ему захватить город Самосату в Коммагене, там же, 7; назначил Сосия наместником Сирии и приказал ему помогать Ироду, там же, 17, 2; попал в сети любви Клеопатры, там же, 18, 4 и далее; в угоду своей любимой поручил Ироду начать войну с аравийцами, там же, 5 и там же, 19, 1 и далее.

Антоний (II), Марк Юлиан. Прокуратор Иудеи, участвовал в совете римлян по вопросу судьбы Храма, VI, 4, 3.

Антоний (III), Силон. Военачальник в армии Веспасиана, участвовал во взятии Тарихей, III, 10, 3.

Антоний (IV), Прим. Наместник Паннонии. Признал Веспасиана императором и разбил войско Вителлия возле Кремоны, IV, 11, 2–3. Вошел в Рим, там же, 4.

Антоний (V). Римский центурион, убит при осаде Йодфата, III 7, 35.

Антония (Бира). Цитадель к северо-западу от Храмовой горы. Имела подземные туннели, I, 3, 3 и там же, 5, 4; построена царем Иродом с большим великолепием и названа именем Антония (I), там же, 21, 1; Флор пытался ее захватить, II, 15, 5; евреи сожгли галереи, соединявшие ее с Храмом, там же, 6; захвачена и сожжена повстанцами, там же, 17, 7; V, 4, 4; ее детальное описание, V, 5, 8; там же, 6, 2; Йоханан, сын Леви, укрепился в ней, там же, 7, 3; Тит построил к ней насыпь, и евреи сражались с ним, там же, 9, 2; римляне соорудили две насыпи, но евреи устроили подкопы и разрушили их, там же, 11, 4; там же, 6; битвы за Антонию и ее захват, VI; Тит приказал разрушить цитадель, там же, 2, 1; там же, 5; разрушена до основания, там же, 7; Тит воздвиг там свой шатер, там же, 4, 5.

Анфедон. Приморский город недалеко от Газы, захвачен Александром (II), I, 4, 2; отстроен и заселен Габинием, там же, 8, 4; Ирод получил его от императора, там же, 20, 3; и назвал Агриппиада, там же, 21, 8; евреи разрушили его во время восстания, II, 18, 1.

Апамея. Город в Сирии, I, 10, 10; II, 18, 5.

Аполлон. Греческий бог, его храм в Риме на холме Палатин, II, 1, 6.

Аполлония. Город, построен по приказу Габиния, I, 8, 4.

Аравия. Страна набатейских арабов. Набатейцы воевали с Александром Яннаем, I, 4, 4, и победили его, там же; победили Антиоха Диониса, царя Сирии, там же, 7; снова победили Александра и заключили с ним мирный союз, там же, 8; Гиркан Второй бежал к ним, и они выступили вместе с ним против Аристобула Второго, там же, 6, 2; Скавр оттеснил их от Иерусалима, там же; Антипатр, посредник между ними и римлянами, добился мира, там же, 8, 1; Ирод бежал к ним, но не был ими принят, там же, 14, 1; Клеопатра обратила свой взор на эту страну, там же, 18, 4; спровоцировала войну между ними и Иродом, там же, 19, 1; тяжелые войны между Иродом и ними, там же, глава 19; козни Сулая Аравитянина против Ирода, там же, 28, 3; в своей ненависти к евреям присоединились к войскам Вара, чтобы воевать в Иудее, и произвели там страшные опустошения, II, 5, 1; присоединились к войскам Веспасиана, III, 6, 2; их лучники возле Йодфата, там же, 7, 9; там же, 26; возле Иерусалима, V, 6, 5; их зверства по отношению к беженцам из Иерусалима, там же, 13, 4–5; Аравия находится к юго-востоку от иудейского Заиорданья, III, 3, 3; и к югу от южной части Иудеи (от Идумеи), там же, 5; Соморра на границе с Заиорданьем, IV, 8, 2; вся страна Израиля до границы с Аравией видна с башни Псефин, V, 4, 3; укрепления евреев на границе с Аравией, I, 21, 10; VII, 6, 2.

Арбел. Деревня в Галилее, недалеко от пещер, I, 16, 2.

Аргов (Трахон, Трахонитида). Область. Варрон отнял ее у Зенодора, передал Ироду, I, 20, 4; Ирод завещал ее сыну Филиппу, там же, 33, 8. Император утвердил завещание, II, 6, 3; Агриппа Первый владел ею, там же, 11, 5. Затем ее получил Агриппа Второй, там же, 12, 8. Отсюда посылал войска в Иерусалим против восставших, там же, 17, 4. На дороге отсюда находится озеро Чаша, III, 10, 7.

Аргос. Город в Греции, здесь находится статуя Геры, I, 21, 7.

Ардала. Один из военачальников Шимона, сына Гиоры, VI, 7, 1.

Арета (I), Третий. Набатейский царь, правил в Дамаске и Келесирии и сражался с Александром Яннаем, I, 4, 8; Гиркан бежал к нему, и он сражался за Гиркана с Аристобулом, там же, 6, 2; Скавр приказал ему оставить Иудею, там же, 3; Антипатр (I) устроил мир между ним и римлянами, там же, 8, 1.

Арета (II), Четвертый. Набатейский царь в конце дней Ирода. Сулай убил его друзей, I, 29, 3; ненавидел Ирода и присоединился к войскам Вара, II, 5, 1.

Арий. Центурион. Убит евреями, II, 4, 3 и там же, 5, 1.

Аристей. Секретарь Синедриона в Иерусалиме. Убит вместе с пятнадцатью знатными иерусалимцами Шимоном, сыном Гиоры V, 13, 1.

Аристобул (I). Сын Гиркана (I) Хасмонея. Захватил Самарию и Бет-Шеан и разбил Антиоха (IV), царя Сирии, I, 2, 3; стал правителем Иудеи и первосвященником, там же, 3, 1; его злодеяния и смерть, там же, 2.

Аристобул (II). Сын Александра (II) Хасмонея. Отличался буйным характером во время царствования его матери Александры, I, 5, 1; к нему бежала от фарисеев опальная знать, там же, 3; захватил все крепости, там же, 4; Гиркан боялся его, и мать заключила его жену под стражу, там же; после смерти матери победил брата и захватил царство, там же, 6, 1; его брат расторг союз с ним и начал войну при помощи аравитян, там же, 2; римляне вмешались в конфликт, там же, 2–4; Помпей разгневался и пошел на него войной, там же, 5; заключил его под стражу, там же, 7, 1; привел его вместе с сыновьями в римский плен, там же, 7; дела его сына Александра, там же, 8, 2 и далее; сбежал из Рима, призвал к восстанию в Иудее, снова попал в плен и был увезен в Рим, там же, 6; Цезарь освободил его, дал два легиона и послал на войну с Помпеем, там же, 9, 1; сторонники Помпея отравили его, там же; тело его, сохраненное в меду, впоследствии было послано евреям для захоронения в могилах его предков, там же.

Аристобул (III). Сын Александра (III) Хасмонея. Брат жены Ирода, Мирьям. Стал первосвященником в возрасте 17 лет, был утоплен галатами в Иерихонском пруду по приказу Ирода, I, 22, 2.

Аристобул (IV). Сын Ирода и Мирьям из Хасмонеев. Брат Александра (III). Ненавидел своего отца, I, 23, 1; завидовал своему брату Антипатру, там же, 24, 1; мать Антипатра преследовала его, там же, 2; был зятем своей тети Шломит, там же, 3; стыдил свою жену за низкое происхождение, там же; лжесвидетели обвинили его в заговоре против

отца, там же, 24, 8–9; Эврикл стал вхож в его дом, там же, 26, 2; и строил против него козни, там же; арестован по приказу Ирода, там же, 2; вместе со своим братом присужден к смерти, там же, 3 и далее; умерщвлен в городе Себастия и похоронен в Александрионе, там же, 6; его дети и жена Береника, там же, 28, 1; II, 9, 5; там же, 11, 6.

Аристобул (V). Сын Аристобула (IV) и Береники. Брат царя Агриппы Первого I, 21, 1; II, 12, 6.

Аркея. Область в царстве Агриппы Второго, VII, 5, 1.

Армения. Страна к северу от Сирии, I, 5, 3; потомки сына Ирода, Александра, царствовали в Великой Армении, II, 11, 6; Аристобул, сын Ирода Второго, царя Халкиды, царствовал в Малой Армении, там же, 13, 2; аланы напали на нее, VII, 7, 4.

Артабаз. Из парфянского царского рода. Захвачен в плен Антонием, I, 18, 5.

Арфа. Восточная оконечность царства Агриппы Второго, III, 3, 5.

Архелай (I). Царь Каппадокии, тесть Александра, сына Ирода, I, 23, 1. Радушно принял Ирода, там же, 4. Его происхождение, там же, 24, 2. Прибыл в Иерусалим и помирил Ирода и Александра, там же, глава 25. Александр хотел бежать к нему, там же, 26, 2. К нему вернулась его дочь, I, 28, 1 и II, 7, 4. Защищал детей-сирот Александра, I, 28, 4.

Архелай (II). Сын царя Ирода и самаритянки Мальтаки, I, 28, 4. Воспитывался в Риме, там же, 31,1. Отец отнял у него владение, там же, 32, 7. Во изменение к завещанию отписал ему царство, там же, 33, 7. Похоронил отца, там же, 9. Отправился в Храм, II, 1, 1. Жалобы на него от жителей Иерусалима, там же, 2. Народ восстал против него в праздник Пасхи, и он с помощью войска подавил восстание, там же, 3. Устроил резню на Храмовой горе, там же; отправился в Рим, там же, 2; посланники евреев выступили против Архелая перед императором, там же; император назначил его этнархом, там же, 3; ссылка в Галлию, там же, 7, 3; его сон, там же; сон его жены Глафиры, там же; его страна стала римским наместничеством, там же, 8, 1.

Архелай (III). Сын Магадата. Один из руководителей отряда Шимона, сына Гиоры. Изменил ему и сдался римлянам; Тит сохранил ему жизнь, VI, 4, 2.

Асохей: см. Шишак.

Асохис: см. Кфар-Сихин.

Ассирийский лагерь. Место в Иерусалиме, где стоял Тит со своими солдатами после взятия первой городской стены, V, 7, 3; там был шатер Тита, там же, 12, 2.

Асфальтовое море: см. Мертвое море.

Атратин. Римский сенатор, представлял Ирода в Риме, I, 14, 4.

Атронгей. Пастух, провозгласивший себя царем Иудеи во время смуты после смерти Ирода, II, 4, 3.

Афек. Укрепление, II, 19, 1.

Афины. Известный город в Греции, I, 16, 4; Ирод оказал его жителям много благодеяний, I, 21, 11; в свое время его жители отличались любовью к свободе, но впоследствии склонили голову перед римлянами, II, 16, 4.

Афуним: см. Бет-Адашим.

Ахбера (Аккабарон). Скала в Верхней Галилее, на которой Йосеф бен Маттитьяху воздвиг укрепления, II, 20, 6.

Ахиав. Двоюродный брат царя Ирода, I, 33, 7; был военачальником царя в Идумее, II, 4, 1, там же, 5, 3.

Ацамон. Гора в Галилее, II, 18, 11.

Ашдод (Азот). Город на прибрежной равнине (Шфела). Помпей вывел его за пределы границ Иудеи, I, 7, 7; отстроен Габинием, там же, 8, 4; Веспасиан заключил с ним союз, IV, 3, 3.

Ашкелон. Город на прибрежной равнине (Шфела), недалеко от моря, I, 9, 2; там же, 3; Ирод построил там бани, там же, 21, 11; там находился также царский дворец, II, 6, 3; повстанцы напали на город, там же, 18, 1; жители города вырезали евреев, там же, 5; евреи выступили против него, но потерпели сокрушительное поражение, III, глава 2; Тит миновал город, IV, 11, 5.

Базедель. Место недалеко от Ашкелона, III, 2, 3. (Другой вариант: Бельцедек.)

Бакхид. Военачальник Антиоха Четвертого, жестоко издевался над Израилем, I, 1, 2; там же, 3.

Баланея. Город в Сирии. Царь Ирод снизил налоги его жителям, I, 21, 12.

Баниас (также Паниас, Панейон). Место у истоков Иордана. Ирод построил там храм в честь императора Августа, I, 21, 3; Филипп отстроил город и назвал его Кесария, II, 9, 1; об истоках Иордана в Баниасе, III, 10, 7. См. также: Кесария Филиппова.

Барзафарн. Парфянский сатрап. Захватил Сирию и страну Израиля и поддерживал Антигона (II), I, 13, 1 и далее.

Басс, Луцилий. Легат и римский военачальник в Иудее. Был послан туда после разрушения Храма и захватил крепости Геродион и Махор и Ярдесский лес, VII, 6, I и далее; продал (или сдал в аренду) всю Иудею по распоряжению императора, там же, 4; скончался в Иудее, там же, 8, 1.

Басс, Цецелий. Римский военачальник. Убил Секста Цезаря, I, 10, 10; заключил союз с сирийским наместником Мурком, там же, 11, 1.

Батанея: см. Башан.

Батилл. Вольноотпущенник Антипатра (II), в ходе допроса дал показания против него, I, 31, 1.

Башан (Батанея). Область в Заиорданье, владение Лисания и Зенодора, передана Ироду, I, 20, 4; а затем его сыну Филиппу, II, 6, 3 [а после него Агриппе Первому, там же, 11, 5]; а после него Агриппе Вто-

рому, там же, 12, 8; там же, 17, 4; семьдесят старейшин убиты там Нооаром, там же, 18, 6; часть царства Агриппы, III, 3, 5.

Башня Гиппик. В стене Старого города возле дворца Ирода, II, 17, 8; возле нее встала часть армии Тита, V, 3, 5; от нее начиналась городская стена, там же, 4, 2; к ней подходила новая стена, там же; ее описание, там же, 3; оттуда евреи нападали на римлян, там же, 6, 5; там же, 7, 3; Тит не разрушил ее в память о своей победе, VII, 1, 1.

Башня Йоханана. Построена Йоханаком, сыном Леви, вблизи западной галереи Храма во время его сражений с Шимоном, сыном Гиоры, VI, 3, 2.

Башня Мирьям. В стене Старого города возле дворца Ирода, II, 17, 8; самая красивая башня города, V, 4, 3; Тит не разрушил ее в память о своей победе, VII, 1, 1.

Башня Псефин. В Иерусалимской стене, V, 2, 2; к ней примыкала новая стена, там же, 4, 2; Тит встал возле нее лагерем, там же, 3; во время восхода солнца с нее была видна вся земля Израиля, там же.

Башня Фацаэль. В Иерусалимской стене возле дворца Ирода. Построена Иродом и названа именем его брата, I, 21, 9; самая высокая башня города, II, 3, 2; там же, 17, 8; ее описание, V, 4, 3; Тит не разрушил ее в память о своей победе, VII, 1, 1.

Башня Шимона. Построена Шимоном, сыном Гиоры, во время войны с Йоханаком. Римляне построили возле нее насыпь, VI, 8, 1.

Беара. Местность вблизи крепости Махор, изобиловавшая горячими источниками, VII, 6, 3.

Бедриак. Город в Северной Италии. Возле него войско императора Отона потерпело поражение от войска Вителлия, IV, 9, 1.

Беер-Шева. Город в Галилее, стены которого укрепил Йосеф, II, 20, 6; город на границе между Верхней и Нижней Галилеей, III 3, 1.

Безета: см. Бет-Зета.

Бель (Белый). Река вблизи Акко. Источник стеклянного песка, II, 10, 2.

Бельцедек: см. Базедель.

Бемеселис. Город, в который бежали фарисеи, ненавидевшие Александра Янная. Разрушен им, I, 4, 6.

Береника (I). Дочь Шломит, сестры Ирода, и супруга Аристобула (IV), сына Ирода [I, 23, 1; 24, 3], I, 28, 1. Мать Агриппы (II).

Береника (II). Дочь царя Агриппы (II) и Кипры. Супруга своего дяди Ирода, царя Халкиды, родила двух сыновей, II, 11, 6; находилась в Иерусалиме во время резни, учиненной Флором, взывала к его милосердию, но он не послушал ее, и она находилась в опасности, там же, 15, 1; принесла жертву в Храме, там же. (Стояла вместе со своим братом, выступавшим с речью перед народом, там же, 16, 3.)

Береника (III). Жена Александра (X) из Кирены. Убита вместе со своим мужем, римским наместником Катуллом, VII, 11, 2.

Береницианы. Сын Ирода, царя Халкиды, и Береники (I), II, 11, 6.

Берит. Древний финикийский город, а затем римское поселение. Царь Ирод построил в нем залы с колоннадами, I, 21, II; и там устроил суд над двумя своими сыновьями от Мирьям, там же, 27, 2; воины города присоединились к Вару, II, 5, 1; известен своими красивыми зданиями, там же, 18, 9; туда пришли жители всех городов Сирии провозгласить Веспасиана царем, IV, 10, 6; Тит устроил там гладиаторские бои с участием пленных евреев, VII, 3, 1; и оттуда отправился в Сирию, там же, 5, 1.

Бет-Рамата: см. Бет-ха-Рам.

Бет-Адашим (Афуним). Поселок вблизи Иерусалима, через который прошел вал римлян, V, 12, 2.

Бет-Гаври (Бет-Говрин). Город в Идумее, IV, 8, 1.

Бет-Зета (Безета). Северная часть Нового города в Иерусалиме, II, 15, 5; захвачена и сожжена Цестием Галлом, там же, 19, 4; местоположение и описание, V, 4, 2; эта часть города была построена на высоком холме, там же, 5, 8.

Бет-Зхария. Место между Бет-Цуром и Иерусалимом. Там прошла битва Йехуды Маккавея с войском Антиоха Пятого, во время которой геройски погиб брат Йехуды Эльазар, I, 1, 5.

Бет-Лефтефей (Бет-Лехем или Нетопа?). Район в Иудее, IV, 8, 1. (См. также Пелла, III, 3, 5.)

Бет-Нимра (Бетеннабрин). Город в Перее. Завоеван Веспасианом, IV, 7, 4.

Бет-Хорон. Поселение по дороге из Иерусалима в Лод. Около него евреи разграбили имущество Стефана, раба императора, II, 12, 2; Цестий Галл миновал его на своем пути в Иерусалим, там же, 19, 1; Шимон, сын Гиоры, напал на римскую армию возле этого места, там же, 2; поражение римлян возле этого места, там же, 8–9.

Бет-Цо. Место к западу от Иерусалима, вблизи городской стены, V, 4, 2.

Бет-Цур (Цор). Крепость на юге Иудеи. Завоевана Антиохом Пятым, I, 1, 5.

Бет-Шеан (Скифополь). Город к западу от Иордана, I, 2, 7; Помпей перешел Иордан возле него, там же, 6, 5; и вывел его из-под власти Иудеи, там же, 7, 7; Габиний отстроил его, там же, 8, 4; евреи напали на него в начале восстания, II, 18, 1; евреи – жители города заключили союз с греками и воевали против своих братьев. Греки изменили им и умертвили их, там же, 3, 4; находится вблизи границы с Галилеей, III, 3, 1; Пятнадцатый легион стоял там лагерем в период дождей, там же, 9, 1; Тит пришел туда, там же, 7; Десятый легион стоял там лагерем, IV, 2, 1.

Бет-Эзов (или Бет-Эзова). Поселок в Заиорданье, VI, 3, 4.

Бет-Эль (Вифиль). Город. Завоеван Веспасианом, IV, 9, 1.

Бет-ха-Йешимот. Город в долине Иордана. Захвачен Веспасианом, IV, 7, 6.

Бет-ха-Рам (Бет-Рамата). Город в долине Иордана, II 9, 1 [IV, 7, 6].

Бетеннабрин: см. Бет-Нимра.

Библ (Гваль). Приморский город. Ирод отстроил там городскую стену, I, 21, 11.

Бира: см. Антония.

Большая долина (I). Прибрежная равнина или Шарон, II, 10, 2; III, 4, 1 (?). (II). Изреельская долина, II, 21, 3; III, 3, 1; там же, 4 (III). Долина Иордана (Эльгор), IV, 8, 2.

Боркай. Посланник Агриппы Второго к иерусалимским евреям. Избит и изгнан повстанцами, II, 19, 3.

Боркай: см. Анват.

Брикселл. Город в Северной Италии, где покончил с собой император Отон, IV, 9, 9.

Британия. Захвачена римлянами, II, 16, 4 и VI, 6, 2; Веспасиан воевал там и удостоился славы, III, I, 2; Цереалий был поставлен там наместником, VII, 4, 2.

Британник. Сын императора Клавдия и Мессалины, II, 12, 8.

Брундизий. Приморский город в Восточной Италии, I, 14, 3.

Брут, Марк Юний. Убил Юлия Цезаря, I, 11, 1.

Валент. Один из полководцев Вителлия, одержал победу над Стоном, IV, 9, 9.

Валериан. Римский декурион, был направлен на мирные переговоры с евреями в Тивериаде, III, 9, 7.

Вар, Публий Квинтилий. Наместник Сирии. Ирод назначил его судьей Антипатра, I, 31, 2; заседал во главе суда, там же, 32, 1 и далее; имел тайное совещание с Иродом и вернулся в Антиохию, там же, 5; просил Сабина отложить поездку за казной Ирода, II, 2, 2; послал сообщение в Рим о восстании в Иудее, там же, 3, 1; его война с восставшими евреями, там же, глава 5; разрешил евреям послать делегацию в Рим с жалобами на царя Ирода и с просьбами изменить порядки в государстве, там же, 6, 1.

Варрон. Римский наместник Сирии. Сражался с разбойниками в районе Аргова, I, 20, 4.

Вентидий. Римский военачальник. Сражался с парфянами в Сирии. Напал на Иудею; принял взятку от Антигона, I, 15, 2; послал армию на помощь Ироду, там же, 16, 6.

Верхний город в Иерусалиме. Мост соединял его с Храмовой горой, II, 16, 3; знать Иерусалима при помощи войск Агриппы укрепилась там против повстанцев, там же, 17, 5; были вытеснены оттуда к дворцу Ирода, там же, 6; Цестий Галл прибыл туда, II, 19, 4; Шимон, сын Гиоры, контролировал Верхний город, V, 1, 3; его описание и план, V, 4, 1; там же, 4, 9; Шимон, сын Гиоры, оборонял его, там же, 6, 1; Тит нашел путь захватить его, там же, 2; там же, 9, 2; взятие Верхнего города, VI, 8.

Веспасиан, Тит Флавий. Римский полководец, затем император. Император Нерон послал его во главе большой армии в Иудею, III, 1,

2; его выезд из Ахайи, там же, 3; прибытие в Антиохию, там же, 2, 4; послал в Циппори войско, там же, 4, 1; его сын Тит прибыл к нему с двумя легионами, там же, 2; стоял с войском в Акко, там же, 6, 1; вступил в Галилею, там же, 2; встал там лагерем, там же, 3; захватил Гбару и убил всех жителей, там же, 7, 1; подошел к Йодфату, там же, 3; разбил лагерь возле крепости, там же, 4; усилил осаду, там же, 8; установил перед крепостью метательные машины, там же, 9; решил захватить крепость голодом, там же, 11; ожидал, что в городе кончится вода, там же, 13; приказал римлянам избегать стычек, там же, 18; приказал установить у стены таран, там же, 19; был ранен в ногу, там же, 22; собрал войско на приступ города, там же, 24; приказал установить осадные башни, там же, 30; послал Траяна захватить Яфиа, там же, 31; послал Цереалия захватить гору Гризим, там же, 32; еврей-перебежчик подсказал ему, как захватить крепость, там же, 33; послал двух военачальников пленить Йосефа, там же, 8, 1; Йосеф предсказал ему, что он станет императором, там же, 9; подошел к Яфии, там же, 9, 1; прибыл к Агриппе Второму, там же, 7; заключил с Тибериадой соглашение, там же, 8; взял Тарихеи, там же, глава 9; подошел к Гамле, IV, 1, 3; вместе с воинами проник через брешь в город, там же, 5; обратился с речью к воинам и успокоил их, там же, 6; послал захватить гору Тавор, там же, 8; послал Тита в Гуш-Халав, там же, 2, 1; его военачальники хотели напасть на Иерусалим во время междоусобной войны в городе, но он остановил их, там же, 3; вторгся в Перею и взял Гадару, там же, 7, 3–4; услышал о волнениях в Галлии, захватил Лод и Явне и поселил там не примкнувших к восстанию евреев, там же, 8, 1; по прибытии к Мертвому морю проверил его свойства, там же, 4, 10; разбил лагерь в Иерихоне, там же, 9, 1; вернулся в Кесарию и услышал о переменах в Риме, там же, 2; отложил поход на Иерусалим и послал сына к императору Гальбе, там же; захватил всю Иудею, кроме Иерусалима, Геродиона, Масады и Махора, там же, 9; вернулся в Кесарию, там же, 10, 2; его легионы провозгласили его императором, там же, 3 и далее; Муциан (наместник Сирии) и другие военачальники торопили его принять царствование, там же, 5; отправил посланников в Александрию, и легионы в Египте присягнули ему на верность, там же, 6; освободил Йосефа из заточения, там же, 7; отправил войско в Италию, там же, 11, 1; прибыл в Александрию и получил хорошие известия из Рима, там же, 5; его поездка из Египта в Рим, VII, глава 2; назначил Пета наместником Сирии, там же, 3, 4; его прием в Риме, там же, 4, 1; послал войско в Германию, там же, 2; и в Мисию, там же, 3; триумф, там же, 5, 4 и далее; построил храм в честь Мира и роскошно его украсил, там же, 7; издал указ распродать всю иудейскую землю, там же, 6, 6; его отношение к Антиоху, царю Коммагены, там же, глава 7; приказал закрыть храм Хонио, там же, 10, 2 и далее; провел расследование по обвинению наместника Катулла, там же, 11, 3.

Виенна. Город в Галлии, куда был сослан Архелай, сын Ирода II, 7, 3.

Виндекс. Военачальник в Галлии. Восстал против императора Нерона, IV, 8, 1.

Вителлий (I). Римский император, IV, 9, 2; избран германскими легионами, и его военачальники победили императора Отона, там же, 9; армия Веспасиана не признала его, там же, 10, 7; война между его армией и сторонниками Веспасиана, там же, 21, 11 и далее; его смерть, там же.

Вителлий (II). Один из вождей восстания германцев, VII, 4, 2.

Вифиль: см. Бет-Эль.

Вифиния. Страна в Малой Азии, I, 12, 5; II, 16, 4; воины из этой страны участвовали в походе Тита, VI, 1, 8.

Вологез. Сын царя Парфии, VII, 5, 2; к нему бежали дети царя Коммагены Антиоха, там же, 7, 2–3.

Волюмний (I). Трибун, послан Иродом к Цезарю, I, 27, 1.

Волюмний (II). Римский наместник. Один из членов суда над Александром и Аристобулом, детьми Ирода, I, 27, 1; первый из потребовавших жестокого наказания, там же, 3.

Воробьиный пруд. В Иерусалиме. Во время осады посреди него римляне насыпали вал, V, 11, 4.

Габиний. Римлянин, друг Помпея. Был послан в Иерусалим для получения обещанных денег, но не был впущен в город, I, 6, 6; назначен наместником Сирии и воевал с Александром (III), сыном Аристобула (II), там же, 8, 1–5; отстроил и заселил греческие города в земле Израиля, там же, 4; разделил землю Израиля на пять округов, там же, 5; воевал с Аристобулом (II), там же, 6; выполнил свое обещание жене Аристобула, там же; выступил на войну с парфянами, но был вынужден вернуться, чтобы оказать помощь Птолемею, там же, 7; прибыл в Иерусалим, там же.

Гава. Город неподалеку от Акко и горы Кармель. Повстанцы напали на него, II, 18, 1; в этих местах начиналась граница Нижней Галилеи, III, 3, 1.

Гавла. Город. Заново отстроен и заселен Габинием, I, 8, 4.

Гавланитида: см. Голан.

Гадара: см. Гадер.

Гадер (I) (Гдор, Гадара). Главный город евреев Переи. Центр округа во время правления Габиния, I, 8, 5; Веспасиан захватил его, III, 7, 1.

Гадер (II) (Гадара). Один из греческих городов Десятиградья. Александр Яннай захватил его после осады, I, 4, 2; Помпей отстроил его, там же, 7, 7; император Август отдал его Ироду, там же, 20, 3; и вывел из границ его царства после его смерти, II, 6, 3; повстанцы напали на него, там же, 18, 1; его жители притесняли окрестных евреев, там же, 5; вблизи Галилеи, III, 3, 1; беженцы из города были проданы в рабство после захвата Тарихей, там же, 10, 10.

Гадес: см. Гадира.

Гадира (или Гадес, сейчас Кадикс). Город на побережье Испании, II, 16, 4.

Газа. Приморский город в стране филистимлян. Завоевана Александром Яннаем, I, 4, 2; Помпей отторг город от Иудеи, там же, 7, 7; император Октавиан передал Газу Ироду, там же, 20, 3; после его смерти передал город в сирийское наместничество, II, 6, 3; восставшие опустошили город, там же, 18, 1; Тит остановился в городе во время своего похода на Иерусалим, IV, 11, 5.

Газит (Ксист). Площадь в Иерусалиме в Верхнем городе напротив Храмовой горы, соединена с ней мостом. Видимо, была выложена тесаным камнем и служила для собраний народа. Напротив нее стояло здание Синедриона. Агриппа Второй собрал там народ, II, 16, 3; Йоханан из Гуш-Халава построил напротив нее башню в стене Храмовой горы, IV, 9, 12 и VI, 3, 2; ее касалась старая стена, V, 4, 2; евреи собрались там выслушать речь Тита, VI, 6, 2; Тит построил там насыпь, там же, 8, 1.

Гай (I). Внук императора Августа, участвовал в его суде, II, 2, 4.

Гай (II). Друг наместника Вара. Выступил вместе с ним на Иудею II, 5, 1.

Гай (III) (Калигула). Сын Германика. Агриппа (II) добивался его расположения, II, 9, 4; стал императором в Риме и сделал Агриппу царем, там же, 6; сослал Ирода Антипу, там же, 6; обожествил себя и приказал поставить свою статую в Иерусалимском Храме, там же, 10, 1; Петроний отказался выполнить его приказ, там же, 5; известие о его смерти получено в земле Израиля, там же; убит в результате заговора, там же, 11, 1.

Галилея. Страна на севере земли Израиля, I, 3, 3; находящийся там город Хаммат Габиний сделал центром округа, там же, 8, 5; Антипатр назначил там Ирода наместником, там же, 10, 4–5; тирский тиран Марион захватил часть страны и изгнал Ирода, там же, 12, 2; жители страны восстали против Антипатра, там же, 13, 4; вся страна примкнула к Ироду во время войны с Антигоном, там же, 15, 3, тяжелые сражения в Галилее, там же, 16, 1–5; восстание в Галилее против Ирода и новая война, там же, 17, 2–3; паломники из Галилеи призывали к восстанию в Иерусалиме, II, 3, 1; Йехуда, сын Хизкии, воцарился в стране, там же, 4, 1; Вар, вторгшийся в страну, там же, 5, 1; Антипа получил ее в наследство, там же, 6, 3; из этой страны вышел Йехуда, основатель партии зелотов, там же, 8, 1; Антипа построил город Тибериаду, там же, 9, 1; Акко – приморский город в Галилее, там же, 10, 2; в Галилею прибыл наместник Петроний, там же, 3; война между ее жителями и самаритянами, там же, 12, 3 и далее; Феликс назначен там прокуратором, там же, 7; Агриппа Второй получил в наследство два галилейских города, там же, 13, 2; Менахем был выходцем из Галилеи, там же, 17, 8; Цестий Галл опустошил страну, там же, 18, 9–11; Йосеф назначен там

военачальником, там же, 20, 4; города, которые он укрепил, там же, 5 и далее; споры между жителями страны, там же, глава 21; описание Галилеи (Верхней и Нижней), III, 3, 1–2; очень плодородная страна, там же; город Циппори перешел на сторону Веспасиана, там же, 4, 1; восстание в Галилее и покорение ее Веспасианом, III, 5–6.

Галилеяне. Жители страны Галилеи. Народ многочисленный и воинственный, III, 3, 2; героические подвиги галилеян, там же, 21–22; там же, 27–29; V, 11, 5; галилеянин Йоханан, сын Леви, творил злые дела в Иерусалиме, IV, 9, 10.

Галл. Центурион. Уцелел во время кровопролитного сражения в Гамле, IV, 1, 5.

Галл, Рубрий. Наместник Мисии. Одержал победу над сарматами, VII, 4, 3.

Галл, Цезений. Командир Двенадцатого легиона, подавил восстание в Галилее, II, 18, 11; заключил союз с жителями Циппори и оставил там гарнизон, III, 2, 4.

Галл, Цестий. Наместник Сирии. Прибыл в Иерусалим и выслушал жалобы народа на Флора, II, 14, 3; направил в Иерусалим Неаполитана для расследования, там же, 16, 1; пошел войной на евреев, там же, 18, 9; сражения в Галилее, там же; сражения в Иудее и отступление от Иерусалима, там же, глава 19; направил делегацию евреев к Нерону, там же, 20, 4.

Галликан. Трибун Веспасиана, послан к Йосефу, III, 8, 1.

Галлия. Архелай был изгнан туда, II, 10, 3 (по другому варианту туда был изгнан Ирод Антипа, там же, 9, 6). О ее величине, богатстве и природе, там же, 16, 4; там вспыхнуло восстание против Нерона, IV, 8, 1; волнения там продолжались также во время восстания евреев, Введение, 2; из жителей этой страны набирались телохранители Клеопатры, а затем они были переданы Ироду императором, I, 20, 3; они убили последнего первосвященника из рода Хасмонеев по приказу Ирода, там же, 22, 2; шествовали перед носилками Ирода во время похорон, там же, 33, 9.

Галлия Цизальпийская. В Северной Италии. Там прошли сражения между Огоном и Вителлием, IV, 9, 9.

Гальба. Провозглашен императором в Риме после смерти Нерона, IV, 9, 2; Агриппа (III) ездил к нему; Тит был послан к нему от Веспасиана, там же; убит в Риме, там же, 9.

Гамала: см. Гамла.

Гамла (Гамала). Укрепленный город в Голанах. Захвачен Александром Яннаем, I, 4, 8; восстановлен Габинием, там же, 8, 4; Йосеф отстроил его стены, II, 20, 6; город восстал против Йосефа и снова заключил с ним союз, там же, 21, 7; часть царства Агриппы Второго, III, 3, 5; описание города, его осада и захват Веспасианом, IV, 1, 1 и далее.

Ганим (Генис, Эйн-Ганим). Селение на Большой самарийской долине, III, 3, 4. Видимо, она же Гема или Гена.

Ганнибал. Знаменитый карфагенский военачальник, II, 16, 4.

Гаризим: см. Гризим.

Гарион (Горион). Сын Йосефа. Объединился с первосвященниками для борьбы с зелотами, IV, 3, 9; убит зелотами, там же, 6, 1.

Гарис (Гарсис). Селение в Галилее, где встал лагерем Йосеф, III, 6, 3; оттуда родом был герой Тафтай, V, 11, 5.

Гваль: см. Библ.

Гдор: см. Гадер (I).

Гева (Гивон). Селение к северу от Иерусалима. Цестий Галл расположился там лагерем во время наступления на Иерусалим II, 19, 1–2; и во время отступления, там же, 7.

Гезер. Укрепленный город по дороге из Иерусалима в Лод. Подчинен Шимоном Хасмонеем, 1, 2, 2.

Гелик. Брат Малиха, с войском выступил против Фацаэля, чтобы отомстить за брата, I, 12, 1.

Гелиополь. Город в Египте. Поблизости от него находился храм Хонио, I, 1, 1; VII, 10, 3.

Геллеспонт. Пролив, разделяющий Турцию и Малую Азию (сейчас Дарданеллы). Веспасиан переправился через него во время похода в Иудею, III, 1, 3.

Гена (Гема). Селение на Большой самарийской долине. Около нее был убит один из паломников-галилеян, II, 12, 3.

Гениохи. Народ, II, 16, 4.

Геннисаретское (Тивериадское) **озеро** (Кинерет) [1, 17, 5]; II, 20, 6 [там же, 21, 6]. Битвы на этом озере, III, 10, 1 и далее; его описание, там же, 3.

Гера. Греческая богиня. Ирод установил в Кесарии статую Рима, подобную статуе Геры в Аргосе, I, 21, 7.

Гераклеополь. Город на границе Египта. Место стоянки Тита во время похода в Иудею, IV, 11, 5.

Геракловы столбы. В настоящее время – Гибралтарский пролив, II, 16, 4.

Гереш. Город в Заиорданье, один из городов Десятиградья; захвачен Александром Яннаем Хасмонеем, I, 4, 8 (остался греческим городом); на него напали повстанцы, II, 18, 1; его жители не участвовали в нападениях на евреев, там же, 5; оттуда родом Шимон, сын Гиоры, IV, 9, 3.

Гереш. Город в Иудее. Захвачен Веспасианом, который оставил там гарнизон, IV, 9, 1.

Германия. Страна в бассейнах Рейна и Верхнего Дуная. Римский гарнизон в этой стране провозгласил императором Вителлия, IV, 9, 9; восстание в этой стране, VII, 4, 2.

Германик. Отец императора Гая, II, 9, 5.

Германцы. Из них были набраны телохранители Ирода, которые шли перед его погребальными носилками, I, 33, 9; люди могучие и

сильные, в бою страшнее хищников, II, 16, 4; были подчинены римлянам, VI, 6, 2; восстали против римлян, VII, 4, 2.

Геродион (Иродион) (I). Крепость (в Южном Заиорданье?), вблизи границы с Аравией, построена царем Иродом, I, 21, 10.

Геродион (Иродион) (II). Крепость на расстоянии 60 стадий от Иерусалима, рядом с Ткоа, которую построил Ирод на месте, где спасся от преследовавших его евреев, I, 13, 8; там же, 21, 10; там похоронен Ирод, там же, 33, 9; главный город области в Иудее, III, 5, 5; место на границе с Идумеей, IV, 9, 5; Шимон, сын Гиоры, хотел захватить ее, но не сумел, там же; не была взята римлянами, там же, 9; сдалась Луцилию Бассу, VII, 6, 1.

Гессий Флор. Наместник Иудеи, отличался своей жестокостью, II, 14, 2; взял деньги у евреев Кесарии, но не предоставил им защиты, там же, 4–5; раздул пламя войны в стране, приказав взять деньги из храмовой казны, там же, 6; пришел в Иерусалим отомстить евреям, там же, 7; разорил Верхний рынок и учинил большую резню, там же, 9; послал народ для торжественной встречи своих войск, там же, 15, 3; приказал своим воинам напасть на евреев, там же; снова учинил резню в Иерусалиме, там же, 5; попытался захватить Храмовую гору и завладеть сокровищами Храма, но евреи возмутились и изгнали его из города, там же, 6; направил письмо наместнику Сирии о восстании евреев против него, там же, 16, 1; евреи потребовали от Агриппы (III) обжаловать действия Флора перед императором, но Агриппа воспротивился этому, там же, 3; схватил беженцев из Кесарии и послал их на каторжные работы, там же, 18, 1; подкупил военачальников Цестия Галла, чтобы те не взяли город, там же, 19, 4; Цестий Галл послал людей из еврейской знати к императору Нерону, чтобы возложить всю вину на Флора, там же, 20, 1.

Гиват-Шауль. Селение. Возле него расположился лагерем Тит, V, 2, 1.

Гивон: см. Гева.

Гилеад. Страна в Заиорданье. Александр Яннай захватил ее, I, 4, 3.

Гиннесар. Плодородная долина, примыкающая к Геннисаретскому озеру, III, 10, 7; плодородие этой земли, там же, 8.

Гиппос (Сусита). Греческий город в Заиорданье, выведен Помпеем из-под власти правительства Иудеи, I, 7, 7; император Август отдал его Ироду, там же, 20, 3; после смерти Ирода присоединил его к территории Сирии, II, 6, 3; восставшие напали на него, там же, 18, 1; жители города убили евреев, живущих рядом с ними, а менее опасных заключили под стражу, там же, 5; расположен к востоку от Галилеи, III, 3, 1; беженцы из этого города были убиты или проданы в рабство, там же, 10, 10.

Гирион. Сын Никомеда. Один из людей Эльазара, сына Хананьи, II, 17, 10.

Гиркан (I) (Йоханан Гиркан Хасмоней). Властитель и первосвященник в Иудее. Его властвование, войны, завоевания и конфликты с народом, I, 2, 3 и далее.

Гиркан (II). Сын Александра Янная Хасмонея и его жены царицы Александры. Слабый человек, стал первосвященником после смерти отца, I, 5, 1; боялся брата Аристобула (II), там же, 4; после смерти матери Аристобул победил его и забрал власть и первосвященство, там же, 6, 1; они заключили между собой союз, там же; Антипатр (I) уговорил его бежать к аравийскому царю Арете и просить у него помощи, там же, 2; с помощью аравитян осадил Иерусалим, там же; Скавр вынудил его снять осаду, там же; пожаловался Помпею, там же, 4; его сторонники открыли перед Помпеем ворота Иерусалима, там же, 7, 1; стал первосвященником, там же, 6; Александр, сын Аристобула, выступил с войском против него и Антипатра, там же, 8, 2; Габиний изменил систему правления, там же, 5; помог Габинию в подготовке похода на Египет, там же, 7; Цезарь утвердил его в должности первосвященника благодаря Антипатру, там же, 9, 5; Антигон (II) принес на него жалобу императору, там же, 10, 1; Цезарь решил дело в пользу Гиркана и Антипатра, там же, 3; Антипатр управлял от его имени, там же, 4; Гиркан ревновал к молодому Ироду, там же, 6; вызвал его на суд, там же; позван с Малихом на пир к Ироду, там же, 11, 8; обвинен в слабости, там же, 12, 1; Ирод женился на его внучке, там же, 2–3; поддержал Ирода перед Антонием, там же, 5; приказал похоронить евреев – жертв гнева Антония, там же, 7; Антигон сговорился с парфянами изгнать Гиркана, там же, 13, 1; отправился на переговоры с парфянами, там же, 3; был взят в плен, там же, 5; пал к ногам Антигона, и тот нанес ему увечье, чтобы он не смог стать первосвященником, там же, 9; его трусость, там же, 10; уведен в плен в землю парфян, там же, 11; евреи освободили его и воздали царские почести, после чего он вернулся в Иерусалим во время царствования Ирода, Ирод убил его по навету, там же, 22, 1.

Гиркан (III). Сын царя Халкиды Ирода (V) от его жены, дочери царя Агриппы (II), II, 11, 6.

Гирканион. Крепость в Иудее. Александр (III) Хасмоней захватил ее, I, 8, 2; Габиний захватил ее и разрушил, там же, 5; Ирод захватил ее у сестры Антигона и дал название, там же, 19, 1; Ирод приказал похоронить там останки казненного Антипатра, там же, 33, 7.

Гиркания. Земля на берегу Каспийского моря, возле железных ворот, воздвигнутых Александром Македонским, VII, 7, 4.

Гисхала: см. Гуш-Халав.

Гитта. Крепость в Идумее, I, 17, 2.

Гифтай. Воин из отряда Йоханана, сына Леви. Отличился героизмом во время сражения на Храмовой горе, VI, 1, 8; там же, 2,6.

Глафира. Дочь Архелая, царя Каппадокии. Вышла замуж за Александра (IV), сына Ирода. Возомнила себя владычицей всех женщин

в царском доме [I, 23, 1]; 1, 24, 2; вернулась после убийства мужа в дом отца, там же, 28, 1; вышла замуж за Юбу, царя Ливии, а затем за Архелая, брата своего убитого мужа; ее сон и ее смерть, II, 7, 4.

Голан (Гавланитида). Страна к востоку от озера Кинерет и один из городов в этой стране. Там была разбита армия Александра Янная, I, 4, 4; захвачена этим царем, там же, 8; в Нижнем Голане сын царя Ирода Филипп построил город Юлиаду (Бет-Цида), II, 9, 1; император Клавдий передал ее царю Агриппе Второму, там же, 12, 8; Йосеф отстроил стены вокруг трех городов, там же, 20, 6; за пределами Галилеи, III, 3, 1; беженцы из этой страны, пойманные в Тарихеях, были убиты или проданы в рабство, там же, 10, 10; Верхний и Нижний Голан, IV, 1, 1.

Гофна (Гуфна). Город в Северной Иудее. Ее жители были проданы в рабство Кассием, I, 11, 2, столица округа в Иудее, III, 3, 5; Веспасиан покорил ее без применения силы, IV, 9, 9; Тит миновал ее, V, 2, 1; и заселил беженцами из Иерусалима, VI, 6, 2.

Грапта. Родственница Изата, царя Адиабены. Ее дворец в Иерусалиме, IV, 9, 11.

Грат. Командир царской пехоты Ирода, II, 3, 4; там же, 4, 2–3; там же, 5, 2.

Греки (также: сирийцы). Жили в земле Израиля и вокруг нее. Их конфликты с евреями и погром в Кесарии, II, 14, 4; а также в городах земли Израиля и в Александрии Египетской, там же, глава 18; в Дамаске, там же, 20, 2; в Антиохии, VII, 3, 2–4; благодеяния, оказанные им Иродом, там же, 5, 2; I, 21, 11–12; мнение автора об их писателях, Введение, 2–3; их мысли по вопросу бессмертия души, II, 8, 11; народ мудрый и разумный, там же, 16, 4.

Гризим (Гаризим). Гора. Захвачена Гирканом (I) Хасмонеем, I, 2, 6; сражение между самаритянами и римлянами на этой горе, III, 7, 32.

Гуфна: см. Гофна.

Гуш-Халав (Гисхала). Укрепленный город в Верхней Галилее. Отсюда родом Йоханан, сын Леви, который отстроил городские стены по приказу Йосефа, сына Маттитьяху, II, 20, 6; там же, 21, 1–2; восстал против Йосефа, там же, 7–8; Тит напал на него и вошел в город после бегства Йоханана из города, IV, глава 3; его жители были земледельцами и отличались миролюбием, там же, 4.

Дабаритта. Селение в Большой долине (Изреельская долина) в Галилее, II, 21, 3.

Давид. Царь. Прославился своим богатством, в его могиле было захоронено много золота, I, 2, 5; Гиркан (I) Хасмоней вскрыл его могилу, там же; отец царя Соломона, и его именем названа цитадель в Иерусалиме, V, 4, 1; захватил Иерусалим, VI, 10, 1.

Дагон. Филистимский идол, V, 9, 6.

Дагон (Док, Дод). Крепость возле Иерихона, I, 2, 3.

Даки. Народ, населявший страну Дакию, II, 16, 4.

Далматы. Жители страны Далмации. Покорены Римом, II, 16, 4.

Дамаск. Жители города призвали на царство аравийца Арету, I, 4, 8; царица Александра послала туда войско, там же, 5, 3; Метелл и Лоллий захватили город; туда прибыл Скавр, там же, 6, 2; там же, 3; Помпей там принял двух братьев Хасмонеев, там же, 4; Ирод направился туда к Сексту Цезарю, там же, 10, 5; и гостил у наместника Фабия, там же, 12, 1; жители Аргова (Тархона) много раз нападали на город, там же, 20, 4; Ирод построил там гимнасий, там же, 21, 11; жены жителей города перешли в иудейскую веру, II, 20, 2; жители истребили всех живших там евреев, там же и см. VII, 8, 7.

Дарий (I), Гистасп. Царь Персии, предок Глафиры, жены Агриппы Второго, I, 24, 2.

Дарий (II). Военачальник Агриппы Второго, II, 17, 4.

Дафнэ (I). Квартал Антиохии. Евреи пришли туда с жалобой на сыновей Антипатра к Антонию, I, 12, 5; Ирод видел там сон о смерти Йосефа, своего брата, там же, 17, 3.

Дафнэ (II). Место вблизи истоков Иордана, IV, 1, 1.

Дворец (или дом, или двор) **Грапты**, родственницы царя Адиабены. Находился в Иерусалиме. Туда бежали люди Йоханана, сына Леви, от восставших против него идумеев, после чего были вытеснены оттуда на Храмовую гору, IV, 9, 11.

Дворец Агриппы. Находился в Иерусалиме. Сожжен повстанцами, II, 17, 6.

Дворец Береники. Находился в Иерусалиме. Сожжен повстанцами, II, 17, 6.

Дворец Елены, царицы Адиабены. Находился в Иерусалиме, в Нижнем городе, V, 6, 1; VI, 6, 3.

Дворец Ирода (I). Находился в Иерусалиме, I, 21, 1; II, 14, 8; там же, 15, 1; римляне и иерусалимская знать бежали туда, там же, 17, 6 и далее; повстанцы захватили его, там же; описание дворца, V, 4, 4; Тит соорудил в этом месте вал, VI, 8, 1.

(II). В Иерихоне, I, 21, 4; сожжен повстанцами после смерти Ирода, II, 4, 1.

(III). В Махоре, VII, 6, 2.

(IV). В Масаде, VII, 8, 3.

(V). В Геродионе, I, 13, 8; там же, 21, 10.

Дворец Монобаза, царя Адиабены. В Иерусалиме, недалеко от источника Шилоах, к юго-востоку от города, V, 6, 1.

Дворец Хасмонеев. В Иерусалиме [I, 6, 1; там же, 7, 2]. Возвышался над площадью, соединенной мостом с Храмовой горой. Там Агриппа Второй попытался убедить евреев не начинать войну, II, 16, 3.

Делий, Квинт. Друг Антония. Оказал помощь Ироду, I, 15, 3.

Дельта. Название четвертого квартала в Александрии Египетской (по четвертой букве алфавита), где находился еврейский район, II, 18, 8.

Дельта Нила. Здесь Антипатр оказал помощь Митридату во время сражения с египтянами, I, 9, 4.

Деметрий Эукер («своевременный»). Царь Сирии. Прозвище – Акер («несвоевременный»). Воевал с Александром Яннаем, I, 4, 4–5.

Деметрий, уроженец Гадера. Вольноотпущенник Помпея, I, 7, 7.

Десятиградье греков в земле Израиля, III, 9, 7.

Дидий, Квинт. Римский наместник, установивший власть императора Августа в Сирии. Оказал услуги Ироду, I, 20, 2.

Диоген. Один из советников Александра Янная. Казнен по требованию фарисеев, I, 5, 3.

Диосполь. Город, возле которого царь Ирод напал на аравийскую пехоту; I, 19, 2.

Диофант. Писец царя Ирода. Подделал послание его сына Александра и многие другие документы, был казнен; I, 26, 3.

Долец (Долее, Долеш). Старейшина евреев города Гдор. Убит повстанцами, IV, 7, 3.

Долина Иерихона. Подробное описание, IV, 8, 3.

Долина Сыроделов. Разделяет Верхний и Нижний город в Иерусалиме, V, 4, 1.

Домициан. Сын Веспасиана и младший брат Тита, III, 1, 2 (IV 10, 3); сражался за воцарение своего отца против людей Вителлия в Риме, IV, 11, 4; боролся с восставшими германцами, VII, 4, 2; ехал на коне рядом с отцом и братом во время триумфа, там же, 5, 5.

Дор. Приморский город в Шаронской долине. Антиох Седьмой осадил его, I, 2, 2; Помпей вывел его из состава Иудейского царства, там же, 7, 7; там же, 21, 5.

Дорида. Первая жена царя Ирода, мать Антипатра (IV), I, 12, 3; там же, 22, 1; там же, 23, 1–2; там же, 24, 2–3; там же, 28, 4; одна из наложниц раскрыла ее злые деяния, там же, 30, 2; Ирод изгнал ее, там же, 4; встретила Антипатра, там же, 31, 5; ее рабы были пойманы с посланием, там же, 32, 1.

Дрим: см. Дубрава.

Друз. Приемный сын императора Августа. В его честь одна из башен в порту Кесария названа Друзион, I, 21, 6.

Друзилла. Дочь царя Агриппы (II) от его жены Кипры, II, 11, 6.

Дубрава (Дрим). Дубовая роща к югу от Кармеля, I, 13, 2.

Евреи, иудеи – автор защищает их честь перед сирийскими греками, Введение, 3; и оплакивает несчастья, выпавшие на их долю, там же, 4; героически воевали с Помпеем, отстаивая свою свободу, I, 6, 5–7; и с Габинием, там же, 8, 1–7; Кассий обложил их тяжелой данью, там же, 11, 2; отвергли власть дома Антипатра перед Антонием, там же, 12, 4–7; присоединились к парфянам и изгнали сыновей Антипатра, там же, глава 13; воевали против Ирода и пришедших с ним римлян, там же, главы 15–18, 2; Ирод расправился с ними, там же, 18, 3; и грабил, чтобы

насытить чужеземные народы, там же, 26, 2; восстали против Ирода, там же, 33, 2; и против Архелая, II, 1, 3; общее восстание против Сабина, там же, главы 3–4; против Вара, там же, глава 5; разделились на четыре партии, там же, глава 8; их страдания от римских наместников, там же, 9, 2–4; там же, главы 13–15; мессианские движения в их среде, там же, 13, 2–6; VI, 5, 2; восстали против Флора, II, 15, 5–6; Наполитан убедился в их приверженности миру, там же, 16, 2; речь Агриппы перед ними, там же, 4; не смог утихомирить восстание, там же, 17, 1; убили безоружных римлян в Иерусалиме, там же, 17, 10; Цестий Галл выступил против них с войной, там же, 18, 9; его поражение, там же, глава 19; распространение восстания, там же, главы 20–21; Флавий Веспасиан, III–IV; братоубийственные войны среди евреев, IV, 3, 2; V, 3, 1; конец Иудейской войны, VII, 6, 8–9; рассеяны по всему миру, II, 16, 4; VII, 3, 3; история еврейской общины в Александрии Египетской, II, 18, 7–8; история антиохийской общины, VII, 3, 3–4; там же, 5, 2; евреи Кесарии, их несчастья и жертвы (см. Кесария), беспорядки и убийства евреев по всей Сирии, II, глава 18; там же, 20, 2; испытания евреев в Египте, VII, глава 10; и в Киренее, там же, II, 1–2; сила веры в святость их религии и народа, благодаря которой неоднократно удивляли чужеземцев, стойко выдерживая мучения, I, 7, 4–5; там же, 33, 2–3; II, 8, 10; там же, 9, 2–4; там же, 10, 1–5; стремились к свободе и предпочитали смерть рабской жизни, III, 8, 4; там же, 6; там же, 7; VII, 8, 6–9, 2; VII, 10, 1; их мужество и страдания от пыток, II, 8, 10; III, 7, 33; VII, 10, 11; их героизм в сражениях, III, 7, 17–20, там же, 21–23; там же, 27–29, IV, 1, 4; V, 2, 4–5; там же, 8, I; там же, 11, 5; VI, 1, 7–8; там же, 2, 10; там же, 4, 1 и в других местах; страх римлян перед ними, IV, 1, 6; VI, 1, 2; умение евреев воевать, VI, 1, 3; народ упрямый и склонный к неповиновению, II, 6, 2; завоевали страну Ханаан под руководством Йехошуа бин-Нуна, IV, 8, 3; с башни Псефин во время жары открывался вид на крайние пределы еврейской земли (на древние уделы колен), V, 4, 3; евреи вышли из Египта с большими богатствами, V, 9, 4.

Еврейский лагерь. Место в Египте в дельте Нила. Там произошло решающее сражение Митридата Пергамского и Антипатра (I) с египтянами, I, 9, 4.

Евфрат. Река. Месопотамские евреи получили книгу Йосефа, сына Маттитьяху, посвященную Иудейской войне, на своем родном языке, Введение, 2; восставшие были уверены в помощи месопотамских евреев, там же; Красс пал в войне за Евфратом, I, 8, 8; город Самосата находился на этой реке, там же, 16, 7; граница между Римом и Парфией, II, 16, 4; римская армия охраняла реку, V, 1,6; Адиабена находилась за рекой, там же, 6, 1; Тит привел оттуда легионы Шестой и Шестнадцатый, I, 1, 3; Тит принял там посланцев парфянского царя, VII, 5, 2 и далее.

Египет. Во время похода Габиния в Египет Гиркан и Антипатр склонили проживавших там евреев помогать римлянам, I, 8, 7; Анти-

патр отправился с войском в Египет на помощь Цезарю, там же, 9, 3–4; Антипатр склонил проживавших в округе Хонио евреев помогать римлянам, там же, 4; Ирод помог императору Октавиану на его пути в Египет, там же, 20, 3; Антипатр приносит ему оттуда яд, там же, 30, 7; в дни наместника Феликса оттуда приходит в Иудею лжепророк и мутит народ, II, 13, 5; многие жители страны склоняются перед римлянами, там же, 16, 4; евреи помогали Александру Македонскому, за что в Александрии им были дарованы права, там же, 18, 7; размеры и значение Египта, IV, 10, 5; войска, стоящие в Египте, поддержали Веспасиана, стремящегося стать императором, там же, 6; история исхода из Египта, V, 5, 9; Тит послал пленных евреев на каторжные работы в горах Египта, VI, 9, 2; после захвата Иерусалима Тит поехал в Египет, VII, 1, 3; прибыл в Александрию и оттуда направился в Рим, там же, 5, 3; трудности, испытываемые евреями Египта по вине беженцев-сикариев, там же, 10, 1; сикарии схвачены и приговорены к страшным пыткам, там же; храм Хонио в Египте и его закрытие, там же, 2–4.

Елена. Царица Адиабены, принявшая иудаизм, мать царя Изата, V, 4, 2; см. Дворец Елены.

Елисей (Элиша). Пророк, IV, 8, 3.

Ессеи. Одна из еврейских сект. Ее вожди, II, 8, 2 и далее (см. Йехуда Ессей, Иоханан Ессей, Шимон Ессей).

Заиорданье: см. Перея.

Звулон: см. Кавуль.

Зевгма. Город на реке Евфрат. Тит принял там посланников парфянского царя Вологеза, VII, 5, 2.

Зевс. Греческое божество. Ирод установил статую императора, подобную статуе Зевса в Олимпии, I, 21, 7; храм Зевса Касийского находился к востоку от Пелусия, где остановился Тит во время похода на Иудею, IV, 11, 5; Зевс (Юпитер) Капитолийский, VII, 5, 6.

Зелоты. Стремились к свободе и не хотели принимать власть Рима [четвертая партия, которая была основана Йехудой Галилеянином, II, 8, 1], II, 17, 9; Ханан, сын Ханана, хотел усмирить их, там же, 22, 1; склонялись к делам гнусным, IV, 3, 9; их преступления, IV, 3, 4–8; Ханан, сын Ханана, конфликтовал с ними, там же, 10; в тяжелой битве жители Иерусалима вытеснили их во внутренний двор Храма, там же, 12; Ханан, сын Ханана, направил Йоханана, сына Леви, заключить с ними соглашение, там же, 13; Йоханан склонил их послать депутатов к идумеям, там же, 4, 1; их вожди Эльазар, сын Шимона, и Захария, сын Амфикала, там же; они открыли городские ворота перед идумеями, там же, 7; вместе с идумеями устроили резню в Иерусалиме, там же, 5, 3–4; один из них склонил идумеев покинуть Иерусалим, там же, 5; остались единовластными хозяевами в городе, там же, 6, 1; жестоко убили Гуриона, сына Йосефа, и Нигера, там же; Йоханан, сын Леви, возглавил их, там же, 7, 1; выступили против Шимона, сына Гио-

ры, и потерпели поражение, там же, 9, 5; захватили жену Шимона, но были вынуждены вернуть, там же, 8; идумеи восстали против них и призвали Шимона, сына Гиоры, в Иерусалим, там же, 11; воевали с Шимоном, там же, 12; восстали против Йоханана, сына Леви, V, 11, 2–4; Йоханан, сын Леви, хитростью победил их, и они ему подчинились, там же, 3, 1; воевали с римлянами под предводительством Эльазара, сына Шимона, и Шимона, сына Ари, там же, 6, 1; герои, отличившиеся в битве, VI, 1, 8; там же, 2, 6; горстка уцелевших бежала в Ярдесский лес, VII, 6, 5; суд автора над ними, там же, 8, 1.

Зенодор. Держал на откупе владения Лисания в Аргове и Башане, I, 20, 4; эти владения были переданы Ироду, там же; а затем Филиппу, II, 6, 3.

Зенон. Назывался также Котила. Правитель Филадельфии. К нему бежал Птолемей, убийца Шимона Хасмонея, I, 2, 4.

Зефирион. Город на побережье Киликии. Ирод миновал его, I, 23, 4.

Змеиная купель: см. Эйн-Атанин.

Зхария (I). Сын Амфикала, один из предводителей зелотов, IV 4, 1.

Зхария (II). Сын Баруха, один из иерусалимских старейшин. Убит зелотами, IV, 5, 4.

Иберийцы. Народ в Испании, покорен римлянами, II, 16, 4.

Идумея (Южная Иудея). Была завоевана Йохананом Гирканом (I). Ее города, I, 2, 6; отсюда вышел Антипатр (I), там же, 10, 2; Ирод миновал ее во время бегства от Антигона, там же, 13, 8; была надежным союзником Ирода, там же, 15, 6; восстала против него, там же, 17, 2; восстала против Архелая, II, 6, 3; была покорена Варом, там же, 5, 3; отошла под власть Архелая, там же, 6, 3; иерусалимское правительство послало туда трех военачальников, там же, 20, 4; считалась частью Иудеи, III, 3, 5; Веспасиан завоевал в ней несколько областей, IV, 8, 1; Большая Идумея, там же, 9, 4; Шимон, сын Гиоры, воевал с ней и разрушил ее, там же, 5–7; Верхняя Идумея была завоевана и разрушена Цереалием, там же, 9.

Идумеяне (идумеи). Народ, населявший Идумею. Их вожди собрали войско, чтобы изгнать Шимона, сына Гиоры, II, 22, 2; по совету Йоханана, сына Леви, к ним послали иерусалимских зелотов просить помощи, IV, 4, 1; первосвященник Йехошуа обратился к ним с увещеваниями, там же, 3; ночью вошли в город при помощи зелотов, там же, 7; учинили резню в городе, там же, 5, 1–3; покинули город, там же, 9, 5; идумеяне, которые остались в Иерусалиме, восстали против Йоханана, сына Леви, там же, 11; они присоединились к войску Шимона, сына Гиоры, V, 6, 1; проявили героизм в войне с римлянами, VI, 1, 8; там же, 2, 6; захотели перейти к римлянам, там же, 8, 2; суд автора над ними, VII, 8, 1.

Иерихон. Город в Иорданской долине, I, 2, 3; вблизи него состоялось решающее сражение между Гирканом (II) и Аристобулом (II), там же, 6, 1; там Помпей услышал о смерти Митридата, там же, 6; плодородная земля, там же; Габиний учредил округ с центром в Иерихоне, там же, 8, 5; Ирод захватил его в сражении с Антигоном, там же, 15, 6; на пути туда был убит Йосеф, брат Ирода, там же, 15, 1; Ирод воспользовался его запасами, там же, 4; Антоний отдал Иерихонский округ Клеопатре, и Ирод арендовал его, там же, 18, 5; Ирод построил там царский дворец и другие здания, там же, 21, 4; его рабы утопили там его шурина, там же, 22, 2; во время своей болезни Ирод приказал собрать знатных людей Иудеи на городском ипподроме и умертвил их, там же, 33, 5; там умер Ирод, там же, 8; Птолемей обратился там к народу и прочел завещание царя, там же; армия хотела провозгласить царем Архелая, II, 1, 1; Шимон, один из повстанцев, сжег царский дворец в городе, там же, 4, 2; Йосеф, сын Шимона, был назначен там военачальником, там же, 20, 4; столица округа в Иудее, III, 3, 5; туда направились беженцы из Заиорданья, IV, 7, 5; туда прибыли Веспасиан и Траян, там же, 8, 1; захват города, там же, 2; описание долины Иордана, там же, 3; Веспасиан разбил там лагерь, там же, 9, 1; оттуда к Иерусалиму подошел Десятый легион, V, 1, 6; там же, 2, 3.

Иерусалим. Введение, 1. Хонио изгнал оттуда сыновей Товии, Антигон (I) захватил город, I, 1, 1; Йехуда Маккавей захватил город, там же, 4; Антигон (II) вошел в него, там же, 5; Гиркан (II) прибыл в город и был возведен в сан первосвященника, там же, 2, 3; Антиох Седьмой остановился в нем, там же, 5; аравийский царь Арета и Гиркан осадили его, там же, 6, 2; Помпей вошел в город, там же, 7, 2; люди Гиркана сдали ему весь город, кроме Храмовой горы, там же; Помпей разрушил городские стены и наложил дань на город, там же, 6; Александр (III) вошел в город, там же, 8, 2; потерпел вблизи него поражение, там же, 3; Гиркан вернулся в город, там же, 5; Габиний учредил синедрион, там же; Красс вошел в город и забрал храмовую казну, там же, 7; Антипатр (I) восстановил разрушенную стену, там же, 10, 4; Фацаэль был военачальником в городе, там же; Ирод двинулся на город отомстить Гиркану, там же, 9; Ирод вошел в город как победитель, там же, 12, 3; парфяне и люди Антигона вошли в город, там же, 13, 2; сражения на городских улицах, там же, 3 и далее; парфяне устроили в городе грабеж, там же, 9; Антигон захватил власть над городом, там же, 11; Ирод и Сосий осадили город, там же, 17, 9; осада города, там же, 18, 1–2; взятие города, там же, 2; Ирод предотвратил грабежи, там же, 3; Ирод украсил город красивыми зданиями, там же, 21, 1; восстание в городе против Ирода, там же, 33, 2–3; восстание в городе против Архелая, II, 1, 2–3; очередное восстание в городе, там же, 3, 1–2; Сабин сжег здания, там же, 3; был осажден евреями, там же, 4; Вар подошел к городу и взял его, там же, 5, 3–4; Пилат тайно доставил в город изображения императора, там же, 9, 2; соорудил в городе водопровод, забрал храмовую казну и устроил резню в городе, там же, 4; царь Агрип-

па (II) начал строить новую крепкую городскую стену, но не закончил строительство, там же, 11, 6; восстание против Флора, взявшего деньги из храмовой казны, там же, 14, 6; Флор устроил большую резню в городе, там же, 9; еще одна резня в городе, там же, 15, 5; волнения евреев и изгнание Флора, там же, 6; Агриппа Второй направил в город армию, там же, 17, 4; сражения между повстанцами и сторонниками мира, там же, 5 и далее; римляне, находившиеся в городе, были уничтожены, там же, 10; сражения Цестия Галла за город и его поражение, там же, 19, 2–7; в городе остались только сторонники партии свободы, там же, 20, 1; правительство города, там же, 3; лидеры укрепили городские стены и подготовили все к войне, там же, 22, 1; падение Галилеи не остудило жителей города в их стремлении к свободе, III, 9, 6; Йоханан, сын Леви, и его люди вошли в город, IV, 3, 1; и укрепили дух повстанцев, там же, 2; дела зелотов в городе, там же, 4–5; городская знать поднялась против зелотов и осадила их во дворе Храма, там же, 9–11; идумеи пришли на помощь зелотам и встали перед городскими воротами, там же, 4, 2; зелоты открыли им ворота, там же, 7; резня на Храмовой горе, там же, 5, 1; переворот в городе, там же, 2–4; идумеи покинули город, там же, 5; зелоты правили городом как злодеи, там же, 6, 1; Йоханан, сын Леви, стал верховным правителем, там же, 7, 1; Шимон, сын Гиоры, встал под городом и навел ужас на зелотов, там же, 9, 8; бесчинства галилейского войска в городе, там же, 10; идумеи и беженцы призвали Шимона, сына Гиоры, войти в Иерусалим, там же, 11; сражения между Йохананом и Шимоном, там же, 12; Эльазар, сын Шимона, восстал против Йоханана, сына Леви, V, 1, 2; сражения между Йохананом и Шимоном и между Йохананом и Эльазаром и разрушение части города, там же, 3–5; Тит подошел к городу, там же, глава 2; Йоханан одержал победу над Эльазаром, там же, 3, 1; Тит встал возле городской стены, там же, 5; описание города, там же, глава 4; защитники города, там же, 6, 1; захват первой стены, там же, глава 7; захват второй стены, там же, глава 8; голод в городе, там же, глава 10; тяжелые сражения в городе, там же, глава 11; Тит окружил город валом, там же, 12, 1–2; усиление голода, там же, 3; Шимон, сын Гиоры, совершил много жестокостей в городе, там же, 13, 1; число жертв голода, там же, 7; беды и муки населения осажденного города, VI, 1, 1; осада Антонии и ее захват, там же, 2–7; сражения за Храмовую гору, там же, глава 2; многие бежали из города, там же, 2, 2; ужасы голода, там же, 3, 3–4; захват и разрушение Храма, там же, глава 4; повстанцы бежали в Верхний город, там же, 6, 1; Тит приказал разрушить часть Нижнего города, там же, 5; весь Нижний город разрушен, там же, 7, 2; захват Верхнего города, там же, 5, 4–5; римляне сожгли его, там же, 5; размышления Тита о могуществе города, там же, 9, 1; число павших за время осады, там же, 3; численность населения Иерусалима, там же; история Иерусалима, там же, глава 10; Тит приказал разрушить весь город, VII, 1, 1; на развалинах города оставил Десятый легион, там же, 2; Тит прошел мимо развалин города, там же, 5, 2; по вопросу разрушения города, там же, 8, 7.

Иерусалимский Храм. Антиох (I) вынес из него священные сосуды и отменил храмовые службы в течение трех с половиной лет, I, 1, 1; Йехуда Маккавей очистил и освятил жертвенник, там же, 4; Антигон (I) пришел в Храм молиться за здоровье больного брата, там же, 3, 2; Гиркан (II) и Аристобул (II) заключили там мир, там же, 6, 1; Помпей нашел его сильно укрепленным, там же, 7, 1; туда бежали приверженцы Аристобула, там же, 2; Помпей осадил Храм, там же, 3; и захватил его, там же, 4; когены (священники) не покинули Храм и были убиты во время службы, там же, 5; Помпей осквернил Святая Святых, там же, 6; не коснулся священных предметов, не тронул храмовую казну и распорядился очистить Храм и возобновить службу, там же; Красс разграбил храмовую казну, там же, 8, 3; сражения парфян и людей Антигона с людьми Ирода вблизи Храма, там же, 13, 3; множество евреев бежало туда во время осады Ирода и Сосия, там же, 18, 1; Ирод не позволил римлянам осквернить храмовые святыни, там же, 3; Сосий возложил там золотой венец, там же; Ирод перестроил Храм с пышностью и великолепием, там же, 21, 1; водрузил золотого орла над воротами Храма, и два мудреца послали своих учеников сорвать его, там же, 33, 2–3; Архелай пошел в Храм получить благословение народа, там же, 2, 1; бунт в храмовом дворе и резня, учиненная воинами Архелая, там же, 3; битва с римлянами в храмовом дворе, там же, 3, 1–2; пожар в галереях и разграбление храмовой казны Сабином, там же, 3; Пилат взял деньги из казны, там же, 9, 4; император Гай распорядился установить свое изображение в зале, там же, 10, 1; резня во дворе Храма во время наместничества Кумана, там же, 12, 1; Флор послал за деньгами из храмовой казны, там же, 14, 6; он безуспешно попытался захватить Храм, там же, 15, 5; восставшие сожгли галереи, соединяющие Храм с Антонией, там же, 6; Неаполитан оказал почести Храму, там же, 16, 2; Эльазар, сын Хананьи, отказался приносить жертву в честь императора, там же, 17, 2; по поводу жертв, принесенных чужестранцами, и их подарки Храму, там же, 3–4; повстанцы захватили Храм, там же, 5; Цестий Галл напал на Храм, там же, 19, 5; и отступил назад, там же, 7; народ собрался там на совет по поводу восстания и выбрал предводителей, там же, 20, 3; служил крепостью зелотам, IV, 3, 7; Ханан, сын Ханана, призвал иерусалимцев освободить Храм от власти зелотов, там же, 10; внешний двор Храма перешел в руки иерусалимцев, и зелоты бежали от них внутрь Храма, там же, 12; зелоты привели туда пришедших в Иерусалим идумеев, там же, 4, 7; страшная битва и резня на внешнем дворе, там же, 5, 1; люди Йоханана, сына Леви, были вытеснены туда идумеями, там же, 9, 11; Шимон, сын Гиоры, воевал с ними, там же, 12; сражения Йоханана, сына Леви, с зелотами во дворе Храма и т.д., V, 1, 2–5; Йоханан победил зелотов и захватил Храм, там же, 3, 1; городская стена примыкала к Храму с двух сторон, там же, 4, 2; план Храма, там же, глава 5; Йоханан осквернил его, там же, 13, 6; первая битва армии Тита за Храм, VI, 1, 7–8; сражения за внешний двор, там же, главы 2–3; сражения внутри Храма, там же, 4, 1; Тит устроил совет по во-

просу судьбы Храма, там же, 3; захват внутреннего двора, там же, 4; римский воин бросил огонь в окно Храма, там же, 5 и далее; Тит попытался спасти Храм, но не смог, там же, 6 и далее; вошел в Храм, там же, 7; пожар в Храме, там же; размышления автора о разрушении Храма, там же, 8; описание Храма в огне, там же, 5, 1; окончательное разрушение Храма, там же, 2; знамения, предвозвестившие разрушение Храма, там же, 3; с развалин Храма римляне провозгласили Тита победителем и императором, там же, 6, 1; римляне собрали там пленных и устроили над ними суд, там же, 9, 2.

Изреельская долина: см. Большая долина.

Иксион. Один из героев греческой мифологии, II, 8, 11.

Илия (Элияху). Пророк, IV, 8, 3.

Иллирия. Страна между Фракией и Далмацией. Покорена римлянами, II, 16, 4.

Индия. Страна, II, 16, 4; мудрецы Индии умерщвляют себя, VII, 8, 7.

Иония. Страна, расположенная на побережье Малой Азии и на островах, I, 21, 11; VII, 2, 1.

Иордан. Истоки реки, I, 21, 3; II, 3, 3; там же, 5, и там же, 10, 7; Малый Иордан и Большой Иордан, IV, 1, 1; тяжелые сражения возле Иордана, там же, 7, 5; описание окрестностей Иордана, там же, 8, 2; там же, 3.

Иорданская долина: см. Большая долина.

Иоэзер. Сын Номика. Послан в Галилею снять с должности Йосефа, сына Маттитьяху, II, 21, 7.

Ипподром (I). В Иерихоне, I, 33, 6. (II). В Иерусалиме, II, 4, 1. (III). В Тарихеях, там же, 21, 4.

Ириней. Ритор. Антипа (I) возлагал большие надежды на его красноречие, II, 2, 3.

Ирод (I). Сын Антипатра (I) от его жены Киприы, I, 8, 9; поставлен наместником Галилеи, там же, 10, 4; убил предводителя разбойников Хизкию, там же, 5; был вызван на суд в Иерусалим, но Секст прекратил дело против него, там же, 6–7; был назначен правителем в Келесирии и Самарии, там же, 8; двинулся на Иерусалим, там же, 9; обложил налогом жителей Галилеи, чтобы умилостивить Кассия, там же, 11, 2; явился во главе армии отомстить за смерть отца, там же, 5; организовал отцу пышные похороны, там же; подавил восстание в Самарии, там же, 6; пришел на праздник в Иерусалим, там же; подговорил военачальников Кассия убить Малиха, там же, 5; воевал с восставшими против него и захватил крепости, там же, 12, 1; победил Мариона и других своих врагов, которые пытались поставить Антигона царем в Иудее, там же, 2; изгнал Антигона из страны и отравил Мирьям, там же, 3; щедрыми подарками обворожил Антония, там же, 4; назначен им тетрархом, там же, 5; жаловавшиеся на него казнены по приказу Антония, там же, 6–7; сражения Ирода с парфянами и с солдатами Антигона на улицах Иерусалима, там же, 13, 2–3; избежал гибели от рук парфян, там же, 6; тайно бежал в Масаду, там же, 7; разгромил преследовавших его

евреев и прибыл в Аравию, там же, 8; царь Аравии отказался принять его, там же, 14, 1; направился в Египет и оттуда в Рим, там же, 2; Антоний и Октавиан поставили его царем в Иудее, там же, 4; его война с Антигоном, там же, главы 15–18; тяжелая война с разбойниками и с жителями пещер в Галилее, там же, 16, 2–5; его героизм в захвате Самосаты, там же, 7; чудо, происшедшее с ним в Иерихоне, там же, 17, 4; второе чудо, происшедшее с ним в бане после победы над армией Антигона, там же, 7; женился на Мирьям, там же, 8; захватил Иерусалим, там же, 18, 2; не дал римлянам осквернить Храм и разграбить город, там же, 3; убил многих из людей Антигона, там же, 4; Антоний отобрал у него часть царства и отдал Клеопатре, там же; взял в аренду у Клеопатры эту землю за двести талантов, там же, 5; его война с аравийцами, там же, глава 19; его поездка к императору Октавиану, там же, 20, 1; император поставил его на царство, там же, 2; и сильно расширил его владения, там же, 3–4; реконструкция Храма и другое строительство, им осуществленное, глава 21; убил свою жену Мирьям, там же, 27, 6; дела его семьи, там же, глава 23 – глава 32; убил двух сыновей Мирьям, там же, 27, 6; изменил завещание, там же, 32, 7; его болезнь, там же, 5; приказал собрать знатных людей и убить в день его смерти, там же, 6; казнил Антипатра (II) и изменил завещание, там же, 7; его смерть, там же, 8; похороны, там же, 9; претензии евреев к его власти, II, 6, 2; по поводу строительства города Кесарии, там же, 13, 7; башни Иерусалима, им построенные, V, 4, 3; строительство им крепости Антония, там же, 5, 8; его строительство в Масаде, там же, 8, 3–4.

Ирод (II). Сын царя Ирода (I) и Мирьям, дочери первосвященника, I, 28, 2; там же, 4; был назначен наследником престола, там же, 29, 2; там же, 30, 3; его имя вычеркнуто из завещания за грех матери, там же, 30, 7.

Ирод (III). Сын царя Ирода и Клеопатры из Иерусалима, I, 28, 4.

Ирод (V). Сын Аристобула (IV), убитого его отцом, царем Иродом. Его связь с Береникой, I, 28, 1; женился на Беренике, дочери своего брата Агриппы (II), II, 11, 5; от Береники родились двое сыновей и от первой жены Мирьям еще сын, там же, 6; после его смерти престол наследовал Агриппа Второй, там же, 12, 1.

Иродиада. Дочь Аристобула (IV), сына Ирода, I, 21, 1; жена Ирода Антипы (властителя в Галилее и Заиорданье). Подстрекала мужа просить у императора царство, а затем последовала за мужем в его изгнание в Испанию, II, 9, 6.

Иродион: см. Геродион.

Исайя. Пророк. Предсказал постройку храма Хонио в Египте, VII, 10, 3.

Испания. Сюда был сослан Ирод Антипа, II, 9, 6 (возможно, в Галлию).

Истр (Дунай). Река, граница римского владычества на севере, II, 16, 4; III, 5, 7. Через нее переправились сарматы, VII, 1, 3.

Иудейские горы, I, 1, 3; там же, 5; там же, 4, 5; IV, 8, 1; там же, 2; там же, 9, 1; там же, 4; там же, 9.

Иудея. Название страны.

(I). В узком смысле – историко-географическая область, часть земли Израиля (включая или не включая территорию Идумеи), 5 I, 1, 1; там же, 3; там же, 2, 2; там же, 5; там же, 4, 8; там же, 6, 2; там же, 3; там же, 10, 4; там же, 7; там же, 11, 7; там же, 12, 3; II, 2, 2; там же, 6, 3; там же, 7, 4; там же, 9, 2; там же, 10, 1; там же, 12, 8; III, 1, 1; там же, 3, 4; там же, 5 (разделена на 11 округов с центром в Иерусалиме); IV, 9, 9 и далее.

(II). В широком смысле: еврейское царство, все еврейские царства на земле Израиля со времени хасмонейских завоеваний и далее (Иудея, Галилея, Заиорданье, приморские города и т.д.), I, 8, 9; там же, 10, 3 (вся земля иудейская); там же, 13, 1; там же, 17, 2; там же, 19, 1; там же, 3; там же, 22, 1; там же, 31, 2; II, 4, 3; там же, 18, 9 (земля иудейская); VII, 6, 1; там же, 8, 1.

Ишмаэль. Первосвященник, убит в Кирене. Его сыновья бежали из осажденного Иерусалима к Титу, VI, 2, 2.

Йехошуа (I). Сын Нуна (Йехошуа бин-Нун, Иисус Навин). Вождь евреев во времена покорения земли Израиля. Взял Старый Иерихон, IV, 8, 3.

Йехошуа (II). Сын Цафы (или сын Цфии; есть другие варианты). Из рода первосвященников. Послан в Идумею на должность военачальника, II, 20, 4.

Йехошуа (III). Сын Цфии. Предводитель борцов за свободу в Тивериаде, II, 21, 3; был враждебно настроен по отношению к Йосефу, сыну Маттитьяху, там же; воевал против римлян в Тивериаде, III, 9, 7; бежал из города в Трахеи, там же, 8; героически воевал против римлян, там же, 10, 1 и далее.

Йехошуа (IV). Сын Гамлы. Первосвященник. Один из предводителей жителей Иерусалима. Пробудил в них гнев на зелотов, IV, 3, 9; с городской стены обратился с речью к идумеям, там же, 4, 3; потерпел неудачу, там же, 5; убит идумеями, там же, 5, 2; его убийцы издевались над его телом, там же; скорбь автора о нем, там же.

Йехошуа (V). Сын Дамная. Первосвященник. Бежал из города во время осады Храмовой горы, VI, 2, 2.

Йехошуа (VI). Сын Ханана. Предсказал гибель Иерусалима и разрушение Храма, VI, 5, 3.

Йехуда (I), Маккавей (Маккаби). Его история и подвиги, I, 1, 3–6.

Йехуда (II). Ессей. Ясновидец, ни разу не ошибшийся в пророчествах. Предсказал смерть Антигона (I) Хасмонея, I, 3, 5.

Йехуда (III). Сын Ципорая, или Ципора. Иерусалимский мудрец, пославший своих учеников сорвать золотого орла с храмовых ворот, I, 33, 2 и далее.

Йехуда (IV). Сын Хизкии (II). Поднял восстание в Галилее и захватил город Циппори, II, 4, 1.

Йехуда (V). Галилеянин (предполагают, что одно лицо с Йехудой (IV)) [или Голанский, выходец из Гамлы]. Основатель партии зелотов. Поднял евреев на восстание, II, 8, 1; его сына звали Менахем, там же, 17, 8; Эльазар, сын Яира, – его потомок, VII, 8, 1.

Йехуда (VI). Сын Йонатана. Один из посланников правительства Иерусалима, направленных в Галилею сместить Йосефа, сына Маттитьяху, II, 21, 7.

Йехуда (VII). Сын Хелкии. Один из лидеров зелотов. Присоединился к Эльазару, сыну Шимона, и восстал против Йоханана, сына Леви, V, 1, 2.

Йехуда (VIII). Сын Йехуды. Один из еврейских военачальников, защищавших Иерусалим. Воевал под началом Шимона, сына Гиоры, изменил ему и попытался сдать город римлянам, V, 13, 2.

Йехуда (IX). Сын Мертона (Мариота?). Один из героев войска Шимона, сына Гиоры. Отличился в сражениях на Храмовой горе, VI, 1, 8; там же, 2, 6.

Йехуда (X). Сын Ари (другая трактовка: сын Яира). Один из зелотов. Показал свое мужество во время обороны Храмовой горы, VI, 1, 8; бежал из Иерусалима по подземному ходу и пал в битве возле Ярдесского леса, VII, 6, 5.

Йодфат (Йотапата). Крепость в Галилее, стены которой построил Йосеф, сын Маттитьяху, II, 20, 6; Плацид пытался ее захватить, но отступил, III, 6, 1; туда бежали многие борцы за свободу, там же, 7, 3; Веспасиан встал лагерем возле крепости, там же; туда пришел Йосеф, там же; первые сражения за крепость, там же, 4–6; краткое описание крепости, там же, 7; сражения за крепость, там же, 8 и далее; нехватка воды в городе, там же, 12; Йосеф пытался покинуть город, там же, 15; но жители не дали ему уйти, там же, 16; защитники крепости разрушили валы римлян, там же, 21–22; римляне попытались захватить крепость общим штурмом, там же, 24 и далее; поражение римлян, там же, 27–29; перебежчик из крепости показал римлянам путь к ее захвату, там же, 33; ночью римляне пробили брешь, захватили крепость и устроили резню, там же, 34 и далее; Йосеф спрятался в пещере с 40 людьми, там же, 8, 1 и далее.

Йонатан (I), Хасмоней. Встал во главе евреев после смерти своего брата Йехуды Маккавея. История его подвигов и смерти от руки Трифона, I, 2, 1; построил стены Масады, VII, 8, 3.

Йонатан (II), Хасмоней. Брат жены Ирода Мирьям. Был утоплен в бассейне в Иерихоне по царскому приказу, I, 22, 2.

Йонатан (III). Сын Ханана. Первосвященник. Один из руководителей народа в Иерусалиме. Жаловался Квадрату на злодеяния наместника Кумана и был послан в Рим, II, 12, 5–6; убит зелотами во время наместничества Феликса, там же, 13, 3.

Йонатан (IV). Один из еврейских воинов в Иерусалиме. Вызвал на поединок и убил римского воина, после чего был убит стрелой, VI, 2, 10.

Йонатан (V). Сикарий. Ткач, бежавший в Кирену и поднявший бунт среди местных евреев. Был схвачен наместником и дал ложные показания на знатных евреев диаспоры, и в том числе на Йосефа (автора книги), VII, 11, 1–3; император Веспасиан присудил его к сожжению, там же, 3.

Йосеф (I). Сын Антипатра (I) и Кипры, I, 8, 9; вышел навстречу своему брату Ироду, направлявшемуся в Масаду, там же, 13, 8; Антигон запер его в крепости, там же, 15, 1; захватил Идумею, там же, 16, 1; Ирод назначил его командующим войсками на время своего отсутствия, там же, 17, 1; пал в битве с Антигоном, там же; Антигон приказал отрезать его голову, там же, 2; Папп выполнил этот приказ, и Ирод отомстил ему за кровь брата, там же, 5.

Йосеф (II). Муж сестры Ирода, Шломит. Рассказал жене Ирода о его приказе, I, 22, 4; Ирод подозревал его в том, что он соблазнил Мирьям, и велел убить его, там же, 5.

Йосеф (III). Сын брата Ирода. Его жена, дочь Ирода и Мальтаки Олимпия, I, 28, 4. [Выступил навстречу Вару, II, 8, 2.]

Йосеф (IV). Сын Гуриона. Глава свободного правительства Иерусалима, II, 20, 3.

Йосеф (V). Сын Шимона. Назначен правительством Иерусалима военачальником в Иерихоне, II, 20, 4.

Йосеф (VI). Сын Маттитьяху из рода первосвященников, автор книги, Введение, 1; назначен правительством Иерусалима военачальником в Галилее и Гамле, II, 20, 4; создал суды в Галилее и организовал там синедрион по образцу иерусалимского, там же, 5; укрепил многие города, там же, 6; собрал большое войско и обучал его военному искусству, там же, 7–8; Йоханан из Гуш-Халава стал его противником, там же, 21, 1; вначале был приближен Йосефом, там же, 2; несколько молодых людей похитили имущество управляющего Агриппы Второго, и Йосеф вернул похищенное владельцу, там же, 3; чем накликал на себя большую беду и спасся благодаря хитрости, там же, 3–5; Йоханан замыслил убить его в Тибериаде, но Йосеф избежал беды, там же, 6; принял решение одержать верх над врагами мудростью, а не силой, там же, 7; Йоханан послал на него жалобы в Иерусалим, и оттуда прибыли посланцы снять его с должности, но он воспрепятствовал этому, там же; Тибериада восстала против него, там же, 8; усмирил восстание без кровопролития, там же, 8, 9; захватил и разграбил Гуш-Халав и вернул награбленное его жителям и так же поступил с Тибериадой и с Циппори, там же; воевал с Плацидом, III, 6, 1; будучи в Гарисе, его люди прослышали о прибытии в страну Веспасиана и разбежались, там же, 3; бежал в Тибериаду, там же; отчаялся победить римлян, но решил продолжить войну до конца, там же, 7, 2; направил запрос правительству Иерусалима, там же; направился из Тибериады в Йодфат, и Веспасиан поспешил к крепости, чтобы захватить ее, там же, 3; возглавлял оборону Йодфата, там же и далее; надстроил городские стены, там же; приказал разделить

имеющуюся воду, там же, 12; ввел в заблуждение римлян, там же, 13; хитростью раздобыл съестные припасы, там же, 14; увидев приближение конца, попытался покинуть крепость, там же, 15; но жители города воспрепятствовали ему, там же, 16; остался в городе, там же, 17; нашел способ помешать римлянам, там же, 20; сжег римские осадные машины, там же, 22; вдохновил воинов на героическую борьбу, там же, 25; хитростью привел в смятение римлян, проникавших в город через пролом в стене, там же, 28; разыскивался римлянами после захвата Йодфата, там же, 8, 1; спрятался в пещере с 40 людьми, там же; одна еврейка выдала его местонахождение Веспасиану, и тот послал двух трибунов за ним, там же; Йосеф не поверил им, пока не пришел Никанор, знакомый Йосефа, там же, 2; вспомнил вещие сны и слова, которые вложил Господь в его уста, там же, 3; хотел сдаться римлянам, но его люди схватили его, там же, 4; произнес перед ними речь о жизни и смерти, там же, 5; его слова не произвели впечатления, там же, 6; предложил бросить жребий, там же, 7; вышел к Никанору, был отведен к Веспасиану и пощажен Титом, там же, 8; сказал Веспасиану, что послан к нему Господом возвестить, что он будет императором, там же, 9; ложные слухи о смерти Йосефа достигли Иерусалима, и по нему был объявлен траур, там же, 5; однако, когда раскрылась правда, город наполнился негодованием, там же, 6; став императором, Веспасиан освободил Йосефа из-под стражи и удостоил почестей, IV, 10, 7; стоя рядом с Титом во время осады Иерусалима, не поверил словам Кастора, V, 7, 4; Тит послал его с мирными предложениями к евреям Иерусалима, там же, 9, 2; стоя в надежном месте, обличал евреев, там же, 3; предсказал скорый конец, там же, 4; был ранен камнем, там же, 13, 3; неприязнь к Йоханану, сыну Леви, VI, 2, 1; до конца не переставал взывать к иерусалимцам, там же, 7, 2; сикарий Йоанатан оклеветал его в Кирене, VII, 11, 3; Веспасиан расследовал это дело и оправдал его, там же.

Йосеф (VII), [сын повитухи]. Предводитель борцов за свободу в Гамле, IV, 1, 5; убит, там же, 9.

Йосеф (VIII). Сын Каби, первосвященник. Бежал к римлянам во время осады Храмовой горы, VI, 2, 2.

Йосеф (IX). Сын Длайи. Один из начальников священников, служивших в Храме. Прыгнул в огонь во время пожара, VI, 5, 1.

Йотапата: см. Йодфат.

Йоханан (I). Сборщик налогов. Один из лидеров евреев Кесарии. Дал взятку Флору, II, 14, 4; взят под стражу Флором, там же, 5.

Йоханан (II). Ессей. Послан правительством Иерусалима в Тимну, Лод, Яффу и Эммаус на должность военачальника, II, 20, 4; пошел войной на Ашкелон, III, 2, 1; убит в бою, там же, 2.

Йоханан (III). Сын Хананьи. Послан правительством Иерусалима в округа Гофна и Акрабатена на должность военачальника, II, 20, 4.

Йоханан (IV). Сын Леви из Гуш-Халава (Гисхальский). По распоряжению Йосефа отстроил стены своего города (Гуш-Халава), II, 20,

6; описание его характера и история его жизни, там же, 21, 1; осуществил удачную сделку с галилейским маслом, там же, 3; по мнению Йосефа, обладал торговым талантом, там же; конфликт жителей Тибериады с Йосефом, там же, 3; хотел удалить Йосефа, но не преуспел и послал на него донос в Иерусалим, там же, 7; боялся Йосефа и не выходил за пределы Гуш-Халава, там же, 8; интриган и деятельная личность, стремящаяся к власти, поднял жителей Гуш-Халава на восстание против Рима, IV, 2, 1; ввел Тита в заблуждение, там же, 3; тайно бежал из Гуш-Халава, там же, 4; прибыл в Иерусалим и раздул там пламя войны, там же, 3; обманул всех членов правительства в Иерусалиме, там же, 13; направился к зелотам и устрашил их гневом влиятельных лиц Иерусалима, там же, 14; дал совет направить посланников к идумеям, там же, 4, 1; хотел стать единоличным властителем Иерусалима и привлек к себе значительную часть зелотов, там же, 7, 1; позволил галилеянам совершать любые злодеяния, там же, 9, 10; идумеи из его войска восстали против него и после совета с иерусалимской знатью призвали в Иерусалим Шимона, сына Гиоры, там же, 11; сражения между ним и Шимоном, там же, 12; построил несколько башен, там же; Эльазар, сын Шимона, и его друзья восстали против него, V, 1, 2; сражения с ним, там же, 3 и далее; использовал святые деревья для нужд войны, там же, 5; победил Эльазара, там же, 3, 1; численность его войска и место дислокации, там же, 6, 1; боялся Шимона, сына Гиоры, и не сражался с римлянами, там же, 3; заключил союз с Шимоном и напал на врагов, там же, 4; не позволил жителям Иерусалима бежать из города, там же, 10, 1; его бесчинства и разбои в городе, там же, 4; сделал подкоп и разрушил валы римлян, там же, 11, 4; расплавил священные сосуды, там же, 13, 6; напал на новые римские валы, но потерпел поражение, VI, 1, 3; построил новую стену в Антонии, там же, 4; вел тяжелое сражение перед Храмовой горой, там же, 7; Йосеф обратился к нему с упреками, там же, 2, 1; вел тяжелое сражение на Храмовой горе, там же, 6; башня, которую он построил над воротами, там же, 3, 2; бежал в Верхний город, там же, 6, 1; переговоры с Титом, там же, 2; покинул башни Верхнего города и бежал в подземные ходы, там же, 6, 4; выгнанный голодом, сдался римлянам и был осужден на вечное заточение, там же, 9, 4.

Йоханан (V), [сын газели]. Один из иерусалимских зелотов. Умертвил заключенных (Антипу и других), IV, 3, 5.

Йоханан (VI). Сын Сосы (или сын Цоцы, или сын Шошы). Один из предводителей идумеев, пришедших в Иерусалим, IV, 4, 2; защищал город от римлян и пал от стрелы, V, 6, 5; известен своей смелостью и мудростью, там же.

Кавуль (Звулон). Город в Галилее. Цестий нашел его покинутым жителями и приказал сжечь, II, 18, 9; находился вблизи от Акко на краю Нижней Галилеи, III, 3, 1.

Каллиник. Сын царя Коммагены, VII, 7, 2.

Каллироя. Место, где находятся источники воды на востоке Мертвого моря (в Заиорданье). Туда поехал на лечение царь Ирод, I, 33, 5.

Кальварий, Секст. Трибун в армии Веспасиана. Один из первых ворвался в Йодфат через пролом, III, 7, 34.

Кана (I). Селение в Аравии. Возле него потерпел поражение и был убит Антиох Дионис, I, 4, 7.

Кана (II). Селение в Самарии или Северной Иудее. Возле него произошло решающее сражение между Иродом и военачальником Антигона Паппом, I, 17, 5–6; по другой версии: Ешана.

Кантабрии. Воинственный народ, проживавший в Испании, II, 16, 4.

Капернаум: см. Кфар-Нахум.

Капитолий. Храм Юпитера в Риме, на вершине Капитолийского холма. Там Цезарь установил медные таблицы с заслугами Ирода и Антипатра, I, 10, 3; там в честь царствования Ирода молодой Цезарь и Антоний принесли жертвы, там же, 14, 4; после убийства Гая Калигулы там собрался сенат, II, 11, 1; император Клавдий установил там медные таблицы о даровании Иудеи Агриппе (II), там же, 5; сожжение храма во время братоубийственной войны в Риме, IV, 11, 4; на вершину холма пришла торжественная процессия по случаю победы Веспасиана и Тита, VII, 5, 6; Веспасиан наложил на евреев подать на нужды этого храма, подобно тому как ранее платили подать на Храм в Иерусалиме, VII, 6, 6.

Капитон. Римский военачальник. Во главе 50 всадников направлен в Иерусалим Флором, II, 14, 7.

Каппадокия. Страна в Малой Азии к северу от Киликии. Ее царем был Архелай (I), 1, 31, 1 и далее; ее жители были покорены Римом, II, 16, 4; IV, 11, 1; VII, 1, 5.

Каравей (Карава). Город в долине Иордана, первый пограничный город Иудеи с севера. Помпей прибыл туда, I, 6, 5; Веспасиан остановился там, IV, 8, 1.

Кармель. Гора в стране Израиля вблизи моря. Парфяне достигли этого места, I, 13, 2; на расстоянии 120 стадиев от Акко, II, 10, 2; вершина в Галилее, III, 3, 1.

Карфаген. Был покорен и разрушен римлянами, II, 16, 4; его жители отличались героизмом, там же; VI, 6, 2.

Кассий. Изгнал парфян из Сирии, I, 8, 9; пришел в Иудею и продал 30 000 жителей Тарихеев в рабство, там же; по совету Антипатра умертвил Птолемея, там же; один из убийц Цезаря, там же, 11, 1; прибыл в Сирию, наложил дань 700 талантов на евреев и продал в рабство население четырех городов, не уплативших дань, там же, 2; Ирод помог ему в его войне с Антигоном и молодым Цезарем, там же, 4; покорил Лаодикею, там же, 7; его трибуны умертвили Малиха, там же, 8;

был убит в сражении с Цезарем (III) и Антонием возле Филипп, там же, 12, 4.

Катулл. Римский наместник Ливийского Пентаполя во времена Веспасиана. Его деяния по отношению к евреям этой страны и клевета на остальных евреев, VII, 11, 1–3; наказан небесами, там же, 4.

Кафтира. Селение в Верхней Идумее. Захвачено и сожжено Цереалием, IV, 9, 9.

Квадрат, Нумидий. Легат Сирии во времена императора Клавдия. Рассудил спор между евреями и самаритянами; отправил их представителей в Рим, II, 12, 5–6.

Квириний. Прибыл [во время изгнания сына Ирода Архелая] в Иудею, и Йехуда Галилейский призвал к восстанию против него, II, 17, 8, поскольку тот приказал организовать перепись и оценить имущество, VII, 8, I.

Кеара: см. Чаша.

Кедеш. Поселение тирян. Восставшие напали на него, II, 18, 1; постоянная вражда с евреями Галилеи, IV, 2, 3; Тит остановился там, там же.

Келендерис. Город в Киликии. Туда прибыл Антипатр (II), I, 31, 3.

Келесирия. Страна в Заиорданье. Жители Дамаска призвали Арету (I) из Аравии править в ней, там же, 4, 8; Помпей отобрал у евреев города, захваченные ими в этой стране, там же, 7, 7; Секст Цезарь назначил Ирода наместником этой страны, там же, 10, 8; город Кнат находился там, там же, 19, 2 (этим именем называлось все Заиорданье, а иногда и вся Иудея).

Кельты. Жители Галлии. Восстали против римлян во время Иудейской войны, Введение, 2.

Кендебей. Военачальник Антиоха Третьего, царя Сирии. Был послан на войну с Шимоном Хасмонеем и потерпел поражение, I, 2, 2.

Керкира. Остров в Ионийском море, VII, 2, 1.

Кесарион. Ирод назвал этим именем одно из зданий своего дворцового комплекса, I, 21, 1, также в Иерихоне и других городах, там же, 4.

Кесария (I). Прибрежный город в долине Шарона, основанный Иродом на месте, где стояла Стратонова Башня. Назван в честь императора. История строительства города и порта, I, 21, 5–8; плохой прием, оказанный Антипатру, там же, 31, 4; большая вражда по вопросам о гражданских правах между евреями и греками (сирийцами), населяющими ее, II, 13, 7; суд императора Нерона и война в городе, там же, 14, 4; конфликт возле синагоги в Кесарии, там же; евреи покинули город с книгами Торы, там же, 5; греки убили в субботу 20 000 евреев, Флор продал оставшихся в живых в рабство, там же, 18, 1; после захвата Йодфата туда пришел Веспасиан, и жители города потребовали от него убить Йосефа, III, 9, 1; 2 легиона остались в городе на время дож-

дей, там же; IV, 8, 1; Веспасиан вернулся туда, там же, 9, 2; Тит был послан в Рим и вернулся туда к Веспасиану, там же; вернулся снова в город, там же, 10, 3; военачальники провозгласили его императором, там же, 4; вывел своих солдат оттуда и повернул в сторону Берита, там же, 6; Тит прибыл туда во время своего похода на Иерусалим, там же, 11, 5; ушел оттуда, V, 1, 6; поехал туда после разрушения Иерусалима, VII, 1, 2; отправился оттуда в Кесарию Филиппову, там же, 2, 1.

Кесария (II) Филиппова. Построена Филиппом, сыном Ирода, на месте Баниаса, II, 9, 1; Веспасиан пришел туда и был принят Агриппой Вторым, III, 9, 7; после разрушения Иерусалима туда завернул Тит и задержался на длительное время, устраивая состязания и бои, VII, 2, 1; там же, 3, 1.

Кидрон. Долина возле Иерусалима между Масличной горой и городом, V, 2, 3; третья стена проходила вплотную к нему, там же, 4, 2; Йоханан, сын Леви, защищал стену в этом месте, там же, 6, 1; и вал Тита прошел по нему, там же, 12, 1; выше него смыкались северная и восточная галереи, VI, 3, 2.

Киликия. Страна в Малой Азии. В этой стране вербовал наемников Александр (II) Хасмоней, I, 4, 3; там же, 7, 7; Ирод облегчил налоги, взимаемые с ее жителей, там же, 21, 12; Ирод встретился там со своим зятем Архелаем, там же, 23, 4; там же, 31, 3; ее жители были покорены Римом, II, 16, 4; туда бежал Антиох, царь Коммагены, VII, 7, 2, и был там схвачен, там же, 3.

Кинерет: см. Геннисаретское озеро.

Кипр. Остров в Средиземном море недалеко от побережья Сирии, II, 7, 2.

Кипра (I). Из знатной аравийской семьи, жена Антипатра (I). Родила ему Фацаэля, Ирода, Йосефа, Ферору и Шломит, I, 8, 9.

Кипра (II). [Дочь Фацаэля, сына Фацаэля и его жены Шлом-Цион, дочери Ирода и Мирьям.] Жена царя Агриппы (II). Родила ему Агриппу Второго, Беренику, Мирьям и Друзиллу, II, 11, 10.

Кипра (III). Крепость вблизи Иерихона, построена царем Иродом и названа именем его матери, I, 21, 4; восставшие захватили ее, II, 18, 6.

Кир. Персидский царь. Отпустил евреев из вавилонского плена, V, 9, 4; пророк Хаггай основал Второй Храм на втором году его царствования, VI, 4, 8.

Кирена. Страна и город в Северной Африке. Народ, проживающий там, лакедемонцы, был подчинен Римом, II, 16, 4; там был убит первосвященник Ишмаэль, VI, 2, 2; сикарий Йонатан поднял там восстание, VII, 11, 1; римский наместник Катулл воспользовался этим, чтобы убить 3000 евреев, там же, 2.

Классик. Один из вождей восстания германцев, VII, 4, 2.

Клеопатра (I). Царица Египта. Изгнала из страны Израиля своего сына Птолемея, который бежал к Теодору, победившему Александра Янная Хасмонея, I, 4, 2.

Клеопатра (II) [Селена]. Сирийская царица. Царь Армении Тигран осадил ее в Акко, I, 5, 3.

Клеопатра (III). Царица Египта. Околдовала Антония своей красотой, I, 12, 5; хотела сделать Ирода своим военачальником, там же, 14, 2; Антоний был порабощен ее красотой, там же, 18, 4, и умертвил сирийских правителей, там же, 4; хотела умертвить также Ирода и набатейского царя Малку, там же; Антоний отнял Иерихон с окрестностями у Ирода и отдал Клеопатре, там же, 5; послала Ирода воевать с аравийцами, там же, 19, 1; один из ее военачальников изменил Ироду и привел его к поражению, там же, 2; Ирод посоветовал Антонию умертвить ее, там же, 20, 1; ее интриги и преступления, там же, 22, 3; VII, 8, 4.

Клеопатра (IV). Из Иерусалима. Жена царя Ирода. Родила ему Ирода и Филиппа, I, 28, 4.

Клит. Знатный человек из Тиберианы. Поднял жителей Тиберианы против Йосефа и был приговорен последним к отсечению руки, II, 21, 10.

Кнат. Место в Перее. Возле него Ирод сражался с аравийцами и потерпел от них поражение, I, 19, 2.

Коллега, Гней. Легат сирийского наместника. Не дал жителям Антиохии обрушить свою ярость на евреев, VII, 3, 4.

Колхи. Народ, живущий вблизи Черного моря. Был покорен Римом, II, 16, 4.

Коммагена. Страна на Евфрате. Вассальное царство Рима. Присоединение ее к Римской империи, VII, 7, 1–3. См. также: Антиох (VI) Первый, Антиох (VII) Четвертый, Антиох (VIII) Эпифан.

Копоний. Первый римский прокуратор в Иудее. В дни его наместничества Йехуда Галилеянин призвал к восстанию, II, 8, 1.

Копт. Место в Верхнем Египте, IV, 10, 5.

Коринф. Раб царя Ирода. Был подговорен убить своего господина, I, 29, 3.

Корнелий. Римский воин, брат Лонга, VI, 3, 2.

Кос. Остров вблизи Малой Азии. Ирод благоволил к его жителям, I, 21, 11.

Костобар (I). Второй муж сестры Ирода Шломит. Состоял в сговоре с братом Ирода Феророй, I, 24, 6.

Костобар (II). Родственник Агриппы Второго. Был послан к нему в составе посольства иерусалимской знати, II, 17, 4; бежал из города к Цестию [и был послан к императору Нерону в Ахайю], там же, 20, 1.

Красс, Марк Лициний. Римский политический деятель. Прибыл в Сирию, похитил сокровища Храма и отправился на войну с парфянами, где пал со всем своим войском, I, 8, 8.

Кремона. Город в Северной Италии. Место решающей битвы между армией Веспасиана во главе с Антонием Примом и военачальниками Вителлия, IV, 11, 2–3.

Ксеркс. Персидский царь, в его дни евреи вернулись в землю Израиля из Вавилона, II, 6, 2; воевал с греками, жителями Афин и Спарты, там же, 16, 4.

Ксист: см. Газит.

Куман. Наместник Иудеи во время правления императора Клавдия. Устроил резню на Храмовой горе, II, 12, 1; утихомирил евреев казнью солдата, сжегшего книгу Торы, там же, 2; вначале не вмешивался в спор между евреями и самаритянами, там же, 3; а затем уклонился от наказания виновных, там же, 5; Квадрат послал его к императору, там же, 7; приговорен к изгнанию, там же, 6.

Кутеяне. Народ. Построили на горе Гризим храм по образцу Храма в Иерусалиме. Были покорены Гирканом Хасмонеем, I, 2, 6. См. также: самаритяне.

Куш (Эфиопия). Страна к югу от Египта. Покорена Римом, II, 16, 4; возле ее границы находился город Сиен и нильские пороги, IV, 10, 5.

Кфар-Авис: см. Кфар-Биш.

Кфар-Биш (Кфар-Авис). Город в Верхней Идумее. Захвачен Цереалием, IV, 9, 9.

Кфар-Нахум (Капернаум). Селение в Галилее, рядом с которым находится известный одноименный источник, III, 10, 8.

Кфар-Сихин (Асохис). Город в Галилее, захвачен Птолемеем Латиром, I, 4, 2.

Кфар-Това. Селение в Идумее. Захвачено Веспасианом, IV, 8, I.

Кфар-Эйхо. Селение в Нижней Галилее, укреплено Йосефом, сыном Маттитьяху, II, 20, 6.

Лакедемон (Спарта). Страна в Южной Греции (на Пелопонесском полуострове). Получила много даров от Ирода, I, 21, 11; оттуда родом негодяй Эврикл, там же, 26, 1; героизм жителей этой страны, II, 16, 4; Антиох, царь Коммагены, задержался там, VII, 7, 3.

Лаодикея. Город в Северной Сирии. Захвачен Кассием, I, 11, 7; Ирод соорудил в городе водопровод, там же, 21, 11.

Ларций Лепид. Командир Десятого легиона в армии Тита, VI, 4, 3.

Леви. Телохранитель Йосефа, сына Маттитьяху, II, 21, 10.

Леви. Знатный житель Иерусалима. Схвачен и убит зелотами, IV, 3, 4–5.

Лестница Тира: см. Тирийская лестница.

Либералий. Центурион, телохранитель Тита. Безуспешно пытался остановить римских воинов, поджегших Храм, VI, 4, 7.

Либерий, Максим. Наместник Иудеи после разрушения Храма. Получил приказ распродать землю в стране Израиля, VII, 6, 6.

Ливия. Страна в Северной Африке. Царем там был Юба, II, 7, 4; оттуда в Александрию прибыли 5000 воинов и устроили резню среди евреев города, там же, 18, 8; пять городов Ливии, VII, 11, 1.

Ливия (Юлия). Жена императора Августа. Заступилась за Шломит перед Иродом, I, 32, 6; ее рабыня Акмэ послала Ироду письма Шломит, сфабрикованные Антипатром, там же, 32, 6; Ирод упомянул ее в завещании, там же, 7; перед своей смертью Шломит завещала ей свои владения (Явне и пальмовые плантации возле Фацаэлиса), II, 9, 1; Антипа и Филипп назвали ее именем города, там же; Тиберий – ее сын, там же. [Йоханан, сын Леви, расплавил винные чаши, которые она подарила Храму, V, 13, 6.]

Лидда: см. Лод.

Ликия. Страна в Малой Азии. Ирод оказал много благодеяний ее жителям, I, 21, 11; покорена Римом, II, 16, 4.

Лисаний (I). Сын Птолемея, сына Меннея, властитель Халкиды, I, 13, 1; убит по желанию Клеопатры, там же, 22; 3; Зенодор арендовал его владения в Заиорданье, там же, 20, 4; после чего они перешли к Ироду, там же.

Лисаний (II). Возможно, внук предыдущего. Властвовал в Авеле. Его владения перешли к царю Агриппе (II), II, 11, 5, а потом к Агриппе Второму, там же, 12, 8.

Летерний, Фронтон. Командующий александрийскими легионами. Присоединился к мнению Тита воздержаться от разрушения Храма, VI, 4, 3.

Лод (Лидда). Город на севере Иудеи. Там зимовала римская армия во время правления Антигона, I, 15, 6; наместник Квадрат прибыл туда на суд между евреями и самаритянами, II, 12, 6; Цестий Галл сжег город, там же, 19, 1; Йонатан Ессей был назначен там военачальником, там же, 20, 4; окружной город в Иудее, III, 3, 5; Веспасиан заключил с ним мирный договор и поселил в его окрестностях верных ему евреев, IV, 8, 1.

Лоллий. Один из римских военачальников, захвативших Дамаск, I, 6, 2.

Лонг. Римский военачальник. Пал в битве на Храмовой горе, VI, 3, 2.

Лонгин. Римский военачальник. Пал во время отступления Цестия Галла, II, 19, 7.

Лонгин. Всадник из армии Тита. Убил двух воинов – защитников Иерусалима, V, 7, 3.

Лузитане. Народ на Пиренейском полуострове. После изнурительных войн были подчинены Римом, I, 16, 4.

Луп. Наместник Александрии во времена императора Веспасиана. Получил приказ закрыть храм Хонио, VII, 10, 2; выполнил этот приказ и вскоре умер, там же, 4.

Луций. Римский воин. Пал в битве у Храмовой горы, VI, 3, 2.

Мабарта. Она же Неаполь (Шхем). Веспасиан прошел через этот город, IV, 8, 1.

Македония. Жители этой страны, бывшие в свое время повелителями мира, подчинены Римом, II, 16, 4; воины, называемые македонцы, V, 11, 3; македонцы правили евреями 170 лет, I, 2, 2. См. также: Александр Великий.

Малих. Стоял во главе армии Гиркана во время его войны с Александром (III), I, 8, 3; ненавидел Антипатра, там же, 11, 2; Антипатр дважды спас его от смертельной опасности, там же, 2–3; подкупил виночерпия отравить Антипатра, там же, 4; отрицал это, там же, 5; льстил Ироду, и тот донес на него императору, там же, 6; хотел поднять восстание в Иудее и провозгласить себя царем, там же, 7; был убит трибунами Кассия на пиру у Ирода, там же, 8.

Малкия. Герой из отряда Шимона, сына Гиоры. Отличился в битве возле Храмовой горы, VI, 1, 8.

Малку (I). Набатейский царь. Отказался принять Ирода, I, 14, 1 и далее; Клеопатра замышляет его убийство, там же, 18, 4.

Малку (II). Набатейский царь. Послал войска в помощь римлянам, III, 4, 2.

Мальтака, самаритянка. Одна из жен царя Ирода. Родила ему Архелая и Антипу, I, 28, 4; вместе с Архелаем отправилась в Рим, II, 2, 1; умерла в Риме, там же, 3, 1.

Маноах. Сын Эльазара. Один из иерусалимских беженцев, попавших к Титу, V, 13, 7.

Мареша (Марисса). Город в Идумее. Захвачен Гирканом Хасмонеем, I, 2, 6; Помпей вывел его из-под власти Иудеи, там же, 7, 7; Габиний отстроил его, там же, 8, 4; опустошен парфянами, там же, 13, 9.

Марион. Тиран в Тире в дни правления Кассия в Сирии, I, 12, 2; захватил ряд городов в Галилее; Ирод их вернул; поддержал Антигона против Ирода, там же.

Марисса: см. Мареша.

Мария. Из Бет-Эзова. Сварила и съела своего ребенка во время голода в Иерусалиме, VI, 3, 4.

Мармариды. Народ в Африке на краю пустыни. Покорен Римом, II, 16, 4.

Масада. Мощная крепость в Иудейской пустыне на берегу Мертвого моря. Построена первосвященником Йонатаном, VII, 8, 3; Феликс захватил ее, I, 12, I; Ирод снова взял ее, там же, 2; Ирод бежал в Масаду от Антигона, там же, 13, 7; оставил там свою семью, там же, 8; Антигон осадил крепость, но не смог ее взять, там же, 15, 1; Ирод снял осаду, там же, 4; Ирод превратил в роскошную резиденцию, VII, 8, 3; восставшие (сикарии) захватили крепость и укрепились в ней, II, 17, 2; Менахем взял запасы оружия из арсенала Ирода, там же, 8; Эльазар, сын Яира, и остатки сикариев бежали туда, там же, 9; Шимон, сын Гиоры, бежал к ним, там же, 22, 2; они пали в Эйн-Геди, IV, 7, 2; Ши-

мон, сын Гиоры, покинул крепость, там же, 9, 3; крепость укрепляется в ожидании прихода римлян, там же, 9; детальное описание крепости, история осады крепости римским военачальником Сильвой, подвиги Эльазара, сына Яира, и его людей, взятие крепости, VII, 8, 2 – до 9, 2.

Маттитьяху (I). Сын Хасмонея, из селения Модиин. Убил Бакхида и начал войну против Антиоха Эпифана, I, 1, 3.

Маттитьяху (II). Сын Маргала. Один из мудрецов, пославших своих учеников сорвать золотого орла, поставленного Иродом над воротами Храма, I, 33, 2; Ирод приказал сжечь его живьем, там же, 4.

Маттитьяху (III). Сын Бита, первосвященник. Призвал Шимона, сына Гиоры, в Иерусалим, IV, 9, 11; вместе с тремя сыновьями казнен Шимоном, сыном Гиоры, V, 13, 1; его четвертый сын бежал к Титу, VI, 2, 2.

Маттитьяху (IV). Первосвященник (сын Теофила?). Его сыновья бежали к Титу во время осады Храмовой горы, VI, 2, 2.

Маттитьяху (V). Священник, отец Йосефа, автора книги, Введение, 1; восставшие заключили его в темницу [III, 13, 1].

Махор. Сильная крепость в Южном Заиорданье вблизи от аравийской границы. Построена Александром Яннаем Хасмонеем, VII, 6, 2; его внук Александр (III) захватил ее, I, 8, 2; Габиний разрушил ее, там же, 5; Ирод отстроил ее заново и укрепил, VII, 6, 2; евреи изгнали оттуда римлян, II, 18, 6; на границе Южного Заиорданья, III, 3, 3; не был покорен римлянами, IV, 9, 9; описание крепости, VII, 6, 1–3; захвачена Бассом, там же, 4.

Махора. Римский военачальник, был послан на помощь Ироду во время его войны с Антигоном (II). Отличился своей жестокостью, I, 16, 6–7.

Мегассар. Слуга царицы Мирьям. Один из героев, которому не было равных в Иерусалиме. Атаковал римлян и сжег их насыпи, V, 11, 5.

Медва. Город в Перее. Захвачен Гирканом Хасмонеем, I, 2, 6.

Мезия: см. Мисия (II).

Меир. Сын Билги. Один из предводителей священников, сжег себя во время пожара в Храме, VI, 5, 1.

Мелитена. Страна и город вблизи верхнего течения Евфрата, VII, 1, 3.

Мелос. Остров в Эгейском море, II, 7, 1.

Мелхиседек (в тексте: «царь праведный»). Основатель Иерусалима, VI, 10, 1.

Мемнон. Мифологический герой. Его гробница, II, 10, 2.

Мемфис. Крупный город в Египте. Его население перешло на сторону Цезаря, I, 9, 4; Хеврон древнее, чем Мемфис, IV, 9, 7; храм Хонио построен на расстоянии 180 стадиев от Мемфиса, VII, 10, 3.

Менахем. Сын Йехуды Галилейского, мудрец и законоучитель. Во главе толпы разбойников захватил крепость Масаду, взял оружие в ар-

сенале Ирода, вступил в Иерусалим и осадил дворец Ирода, II, 17, 8; дал свободный проход для отступления войскам Агриппы, там же; захватил дворец, там же; умертвил первосвященника Хананью, там же, 9; убит людьми Эльазара, сына Хананьи, там же.

Менаше. Назначен военачальником в Заиорданье, II, 20, 4.

Мендис. Район в Египте, где находился город Тмуис, IV, 11,5.

Меотида. Море в юго-восточной части Европы (Азовское море). Народы, населявшие его побережье, были покорены Римом, II, 16, 4; аланы жили на его побережье, VII, 7, 4.

Меромское озеро: см. Семех.

Мерот (Маром, Мирон). Место в Верхней Галилее, где Йосеф построил укрепления, II, 20, 6; III, 3, 1.

Мертвое море (Асфальтовое море). Туда текут теплые воды Каллирои, I, 33, 5; туда впадает Иордан, III, 10, 7; Плацид подчинил все Заиорданье до Мертвого моря, IV, 7, 6; Большая долина примыкает к нему, IV, 8, 2; земля между ним и Иерихоном пустынна, там же, 3. Описание Мертвого моря, там же, 4; крепость Махор на расстоянии 60 стадиев от него, VII, 6, I; Змеиная тропа ведет от Мертвого моря к Масаде, там же, 8, 3.

Месалла. Известный римский сенатор. Защищал Ирода перед Антонием, I, 12, 5; представил Ирода римскому сенату, там же, 14, 4.

Мессалина. Первая жена императора Клавдия. Родила ему Британика и Октавиана, II, 12, 8.

Метелл, Квинт. Римский консул. Взял Дамаск, I, 6, 2.

Метилий. Командир римской когорты в Иерусалиме, уничтоженной в ходе освободительной войны евреев. Пообещал перейти в иудаизм и таким образом спасся, II, 17, 10.

Мидия. Страна в Передней Азии. Ее жители – мидяне. Антиох воевал с ними, I, 2, 6; аланы напали на эту страну и разграбили ее, VII, 7, 4.

Миндальный пруд. В Иерусалиме. Во время осады возле него римляне насыпали вал, V, 11, 4.

Мирон, Маром: см. Мерот.

Мирьям (I). Дочь Александра Хасмонея и его жены Александры, дочери Гиркана. Была помолвлена с Иродом, I, 12, 3; во время бегства от Антигона Ирод спрятал ее в Масаде, там же, 13, 7–8; женился на ней в Самарии во время осады Иерусалима, там же, 17, 8; очень любил ее, там же, 22, 1, но она ненавидела Ирода, там же, 2; мать и сестра Ирода оклеветали Мирьям, там же, 3; Ирод передал ее в руки шурина Йосефа с распоряжением убить в случае соответствующего приказа, там же, 4; Ирод приказал убить ее, там же, 5; ее сыновья унаследовали ненависть своей матери к отцу, там же, 23, 1; ее сыновья, там же, 28, 1; ее именем назвал Ирод башню в Иерусалиме, там же, 4; II, 11, 6; V, 4, 3.

Мирьям (II). Дочь первосвященника, третья жена царя Ирода, I, 25, 2. Родила ему Ирода (II), I, 25, 4. Ирод назначает ее сына вторым

наследником после Антипатра, там же, 29, 2; знала о замысле Антипатра умертвить ее отца, там же, 30, 7.

Мирьям (III). Первая жена Архелая. Была удалена от него, II, 7, 4.

Мирьям (IV). Дочь Аристобула (сына Ирода) и Береники, I, 28, 2; Ирод хотел выдать ее замуж за Ирода, своего сына от дочери первосвященника, там же; выдал ее замуж за Антипатра, там же, 5.

Мирьям (V). Дочь Йосефа (сын Йосефа, брата Ирода) и его жены Олимпии (дочь Ирода и Мирьям из Хасмонеев). Первая жена Ирода, царя Халкиды, родила ему Аристобула, II, 11, 6.

Мирьям (VI). Дочь царя Агриппы Первого и Кипры, II, 11, 6. Возможно, это о ней говорится в книге V, 11, 5.

Мисия (I). Страна в Малой Азии, где находился город Пергам, жители которого были облагодетельствованы Иродом, I, 21, 11.

Мисия (II) (Мезия). Страна в Центральной Европе к югу от реки Истр, римское наместничество. Легионы, расквартированные там, провозгласили Веспасиана императором, IV, 10, 6; Антоний Прим, наместник в этой стране, взял Третий легион и выступил на Рим, чтобы захватить его для Веспасиана, там же, 11, 2; сарматы напали на страну и разграбили ее, VII, 4, 3; Пятый легион был послан туда после Иудейской войны, там же, 5, 3.

Митридат (I). Известный понтийский царь, воевавший с Римом более 25 лет. Помпей услышал о его смерти, когда стоял у Иордана, I, 6, 6.

Митридат (II). Беженец из Парфии, Габиний помог ему скрыться, I, 8, 7.

Митридат (III). Уроженец Пергама. Известный военачальник, пришел на помощь Юлию Цезарю, находившемуся в осаде в Египте, I, 9, 3; Антипатр помог ему выиграть битву и спас его, там же, 4.

Моав. Страна к востоку от Мертвого моря. Ее жители, моавитяне, были покорены Александром Яннаем Хасмонеем, I, 5, 3; находилась к югу от Переи, III, 3, 3; к ее границам примыкает Железная гора, IV, 8, 2.

Модиин. Селение в Иудее. Маттитьяху, сын Хасмонея, уроженец этого места, I, 1, 3.

Монобаз (I). Царь Адиабены, перешел в иудаизм. Его дворец находился в Иерусалиме, V, 6, 1. См. Дворец Монобаза.

Монобаз (II). Родственник царя Адиабены, перешел в иудаизм. Отличился во время войны евреев с Цестием Галлом, II, 19, 2.

Мост. Соединял Газит (Ксист) с Храмовой горой, II, 16, 3; VI, 6, 2.

Мурк. Прибыл из Италии занять должность наместника в Сирии, I, 10, 4; Кассий уладил ссору между ним и Цецилием Бассом, там же, 11, 1.

Муциан. Римский наместник в Сирии после Цестия Галла. Тит был послан к нему своим отцом, IV, 1, 5; склонил Веспасиана провозгласить себя императором и воевать с Вителлием, IV, 10, 5; поклялся

в поддержке Веспасиана жителями всей Сирии, там же, 10, 6; в его присутствии Веспасиан приказал освободить Йосефа, сына Маттитьяху, от оков, там же, 7; был послан Веспасианом в Рим во главе армии, там же, 11, 1; прибыл со своей армией в Рим, там же, 5; V, 1, 6.

Набатея: см. Аравия.

Навтай. Еврей из Адиабены. Его сын по прозвищу Хагира (см.), один из героев в войске Шимона, сын Гиоры, сжег осадные сооружения римлян, V, 11, 5.

Наин (Аин). Селение, по всей видимости, в Идумее. Шимон, сын Гиоры, построил там укрепления, IV, 9, 4.

Нарбата. Еврейское селение на расстоянии 60 стадиев от Кесарии. Туда, взяв с собой книги Торы, бежали евреи Кесарии от напавших на них греков, II, 14, 5.

Насамоны. Народ в Африке. Покорены Римом, II, 16, 4.

Неаполитан. Трибун. Помощник римского наместника в Сирии Цестия Галла. Был послан в Иерусалим для расследования, II, 16, 1 и далее.

Неаполь: см. Мабарта.

Нерон. Пятый римский император, сын Агриппины, которая уговорила своего мужа Клавдия дать Нерону в наследство трон. Взял в жены Октавию, дочь Клавдия, и воцарился вместо него в Риме, II, 12, 8; его зверства, там же, 13, 1; поставил царями потомков Ирода и передал Агриппе Второму ряд городов, там же, 2; назначил Феликса наместником в Иудее, там же; греки и евреи из Кесарии отстаивали перед ним свои права, там же, 7; греки добились у него разрешения спора в свою пользу, там же, 14, 4; евреи просили Агриппу Второго послать к Нерону представителей для обжалования действий Флора, там же, 16, 3; Цестий Галл послал к нему в Ахайю знатных евреев, там же, 20, 1; испугался, когда услышал о восстании евреев, III, 1, 1; направил Веспасиана на войну с евреями, там же, 2–3; Веспасиан повелел отправить к нему Йосефа, сына Маттитьяху, там же, 8, 8; Йосеф предсказал конец царствования Нерона, там же, 9; Веспасиан послал к нему в Коринф 6000 молодых здоровых пленных евреев, там же, 10, 10; Виндекс организовал заговор против него, IV, 8, 1; страшная смерть, там же, 9, 2; VI, 6, 2.

Нехо. Царь египетский. Похитил Сарру у Авраама, V, 9, 4.

Нигер. Переянин. Отличился во время нападения на армию Цестия Галла, II, 19, 2; военачальник в Идумее, там же, 20, 4; стоял во главе евреев, воевавших в Ашкелоне, III, 2, 1; разбит в сражении, покинул войско, там же, 2; чудом избежал смерти, там же, 3; убит зелотами с большой жестокостью, IV, 6, 1; проклял зелотов перед смертью, и его пророчество сбылось, там же.

Нижний город в Иерусалиме. Восставшие захватили его и атаковали оттуда сторонников и воинов Агриппы, II, 17, 5; Шимон, сын Ги-

оры, захватил его часть, V, 1, 3; его описание, V, 4, 1; Шимон, сын Гиоры, оборонял его, там же, 6, 1; после разрушения Храма и переговоров Тита с предводителями евреев римляне приняли решение сжечь его, VI, 6, 4; выжгли всю местность до Шилоаха, там же, 7, 2.

Никанор. Военачальник, знакомый Йосефа, сына Маттитьяху. Был послан Веспасианом к Йосефу, когда тот сидел в пещере в Йодфате, III, 8, 2 и далее; ранен во время произнесения мирной речи перед евреями в Иерусалиме, V, 6, 2.

Николай. Выходец из Дамаска. Друг Ирода. Жаловался императору на Сулая, I, 29, 3; обвинил Антипатра (II), сына Ирода, перед Варом, там же, 32, 3–4; сопровождал Архелая (II) во время его поездки в Рим, II, 1, 1; его брат Птолемей был на стороне Антипы, там же, 3; опроверг обвинения родственников Антипатра, там же, 6; защищал еврейских царей и характеризовал евреев как трудных в управлении, там же, 6, 2.

Никон. Этим именем евреи называли самый большой таран у осадивших Иерусалим римлян, V, 7, 2.

Никополь (I). Город в Перее, которому Ирод оказал большую милость, II, 11, 4.

Никополь (II). Место в Египте на расстоянии 20 стадиев от Александрии, II, 11, 5.

Нил. Река в Египте. Полагают, что источник Кфар-Нахум (Капернаум) в Галилее является одним из его протоков, III, 10, 8; протекает в пределах Египта, IV, 10, 5; Тит провел по нему свои войска, там же, 11, 5.

Нимфидий. Вольноотпущенник императора Нерона. Злодей, захвативший власть в Риме, IV, 9, 2.

Ноар. Иначе Вар. Агриппа Второй вверил ему правление своей страной, и он убил многих евреев Башана, II, 18, 6.

Новый город в Иерусалиме. Цестий сжег его, II, 19, 4; его часть называлась Бет-Зета, там же; V, 4, 2; примыкал к Антонии, там же, 5, 8; евреи обороняли его не во всех местах, там же, 6, 2; Тит вошел в него после захвата второй стены, там же, 8, 1; обводная стена прошла в его нижней части, там же, 12, 2.

Нтира. Человек из селения Рома в Галилее. Он и его братья отличились при осаде Йодфата, III, 7, 21.

Октавиан: см. Цезарь (III).

Октавия (I). Таким именем назывался зал в Риме, где собирались члены сената и толпы римлян, VII, 5, 4.

Октавия (II). Дочь императора Клавдия, вышедшая замуж за Нерона, II, 14, 8.

Олимп. Друг царя Ирода, I, 27, 1.

Олимпия (I). Город в Элиде, Греция. Ирод поддерживал деньгами проходившие здесь игры, I, 21, 12.

Олимпия (II). Дочь Ирода от самаритянки Мальтаки, I, 28, 4.

Ормиза. Место, где находился лагерь Ирода во время войны с аравийцами, I, 19, 2; аравийцы захватили его, там же.

Орсан. Беженец из Парфии, I, 8, 7.

Остракина. Место по дороге из Египта к побережью земли Израиля, IV, 11, 5.

Отон. Римский император, был побежден Вителлием и лишил себя жизни, IV, 9, 2; там же, 9.

Офел. Место в Иерусалиме. Туда бежал Менахем Галилейский от людей Эльазара, сына Хананьи, II, 17, 9; там проходила стена Иерусалима, V, 4, 2; Йоханан, сын Леви, оборонял его, там же, 6, 1; римляне сожгли его, VI, 6, 3.

Офелий. Советник Фацаэля, сына Антипатра, I, 13, 5.

Пакор (I). Сын царя парфян, напал на Сирию в период правления Антония и завоевал ее, I, 13, 1.

Пакор (II). Один из управляющих Пакора (I). Вторгся в Иудею, I, 13, 1; вошел в Иерусалим, там же, 3; хитростью выманил Гиркана и Фацаэля из города, там же, 4; стремился также захватить Ирода, но безуспешно, там же, 6.

Палатин. Холм в Риме, где находился храм Аполлона, II, 6, 1.

Паллад. Вольноотпущенник императора Клавдия, глава администрации в Риме. Его брат Феликс был наместником Иудеи, II, 12, 8.

Паллада. Имя одной из жен Ирода. Родила ему Фацаэля, I, 28, 4.

Памфилия. Страна в Малой Азии, I, 14, 3; покорена Римом, II, 16, 4.

Панейон: см. Баниас.

Паниас: см. Баниас.

Паннония. Страна в Центральной Европе к югу от реки Истр. Легионы, расквартированные там, провозгласили Веспасиана императором, IV, 10, 6; Тит послал туда Пятнадцатый легион после взятия Иерусалима, VII, 5, 3.

Папирон. Возле этого места Аристобул (II) Хасмоней одержал победу над аравийцами и над людьми Гиркана и Антипатра, I, 6, 3.

Паран: см. Фаран.

Парфяне. Народ, владеющий восточными землями, Введение, 2; победили Красса, I, 8, 8; напали на Сирию и Иудею и возвели на трон Антигона, там же, глава 13; изгнаны оттуда Вентидием, там же, 15, 2; Антигон выступил против них, там же, 18, 5; Гиркан поселился в их стране (в Вавилонии), там же, 22, 1; Ферора хотел бежать к ним, там же, 24, 6; парфяне испытывали страх перед римлянами и поэтому не позволили своим евреям воевать с Римом, II, 16, 4; Тит принял их представителей, VII, 5, 2; сыновья царя Коммагены Антиоха бежали к ним, VII, 7, 2–3; соображения об их дурных качествах, I, 13, 3; там же, 6.

Паулин (I). Римский центурион. Был послан Веспасианом за Йосефом, сыном Маттитьяху, который вышел из пещеры в Йодфате, III, 8, 1.

Паулин (II). Назначен императором Веспасианом наместником в Египте после смерти Лупа. Опечатал храм Хонио и запретил приближаться к нему, VII, 10, 4.

Педаний (I). Один из легатов Вара, наместника Сирии. Член суда по делу Александра и Аристобула, сыновей Ирода, I, 27, 2.

Педаний (II). Один из всадников в армии Тита. История его подвига, VI, 2, 8.

Пейтолай. Военачальник в армии Антипатра, I, 8, 3; изменил ему и перешел на сторону Аристобула, там же, 6; Кассий велел его убить, там же, 9.

Пелла (I). Греческий город к востоку от Иордана. Взят Александром Яннаем Хасмонеем, I, 4, 8; Помпей миновал его, там же, 6, 5; отторг его от Иудеи, там же, 7, 7; повстанцы напали на него, II, 18, 1; возле него проходила граница Переи, III, 3, 3.

Пелла (II). Центр округа в Иудее, III, 3, 5. См. Бет-Лефтефей.

Пелусий. На библейском иврите Син. На границе между Египтом и Сирией. Антипатр (I) убедил местных евреев помочь Габинию, I, 8, 7; захватил эту область во время своего похода на помощь Цезарю, там же, 9, 3–4; Ирод прибыл туда, там же, 14, 2; Ирод проводил Клеопатру до Пелусия, там же, 18, 5; позаботился о снабжении армии Августа провиантом на пути до Пелусия, там же, 20, 3; IV, 10, 4; Тит миновал этот район во время своего похода в Иудею, там же, 11, 5.

Пентаполь (Пятиградье) в Ливии. Римская провинция в Северной Африке, VII, 11, 1.

Пергам (I). Страна в Малой Азии, родина Митридата, I, 9, 3.

Пергам (II). Город в Мисии (Малая Азия), гражданам которого благоволил царь Ирод, I, 21, 11.

Перея. Ферора правил там, I, 14, 5; оттуда пришли паломники в Иерусалим, II, 3, 1; Шимон, раб Ирода, призвал там к восстанию, там же, 4, 2; другое восстание, там же; император Август отдал эту страну Антипе, там же, 6, 5; Антипа основал город Юлиада, там же, 9, 1; правительство Иерусалима назначило Менаше военачальником в Перее, там же, 20, 4; описание страны и ее границ, III, 3, 3; Веспасиан захватил всю страну, IV, 7, 3–6; оттуда вышли Нигер и Мария из Бет-Эзова; упоминание Переи, VI, 5, 1.

Пет, Цезенний. Был назначен Веспасианом наместником Сирии, VII, 3, 4; его война с Антиохом, царем Коммагены, там же, 7, 1 и далее.

Петра. Столица Набатейского царства. Здесь укрылись Гиркан и Антипатр, I, 6, 2; Скавр не смог достичь Петры, там же, 8, 1; Ирод хотел бежать туда, там же, 13, 8; Сулай убил знатных горожан, там же, 29, 3; Петра Аравийская, IV, 8, 2.

Петроний. Наместник Сирии в период правления императора Гая (Калигулы). Получил приказ идти с войсками на Иерусалим и воз-

двигнуть статую императора в Храме. Внял просьбам евреев и не выполнил приказ, II, глава 10.

Пещеры (I). В Галилее (вблизи Арбела). Ирод сражался возле них, I, 16, 2–5; Йосеф, сын Маттитьяху, укрепил их, там же, 6.

(II). В Йодфате, III, 8, 1 и далее.

(III). В Баниасе, исток Иордана, I, 21, 3.

(IV). В долине Паран (в Идумее?), IV, 9, 4; Шимон, сын Гиоры, хранил там награбленную добычу, там же.

Пизон, Кальпурний. Один из военачальников Помпея. Захватил царский дворец в Иерусалиме и организовал осаду Храмовой горы, I, 7, 2.

Пилат. Был назначен императором Тиберием прокуратором Иудеи, II, 9, 2; приказал доставить значки легионов в Иерусалим, там же; своим упорством и силой веры евреи вынудили Пилата отменить это распоряжение, там же, 3; взял деньги из храмовой казны для постройки водопровода в Иерусалиме, там же, 4; подавил бунт в Иерусалиме, там же.

Пинхас (I). Сын Шмуэля, из селения Хафта. Крестьянин-священник, избранный по жребию первосвященником (последний первосвященник), IV, 3, 8.

Пинхас (II). Сын Клуцота. Один из предводителей идумеев, IV, 4, 2.

Пинхас (III). Священник, заведовал храмовой казной. Попал в руки Тита после разрушения Храма и передал ему многое из храмовой утвари, VI, 8, 3.

Пирей. Порт Афин. Порт в Кесарии был крупнее его, I, 21, 5.

Пиренеи. Высокие горы, ограждающие Испанию, II, 16, 4.

Писидия. Страна в Малой Азии, где Александр Яннай вербовал наемников, I, 4, 3.

Пифион. Святилище на Родосе. Сожжено. Царь Ирод его восстановил, I, 21, 11.

Платана. Селение под Силоном. Там Ирод содержал своих сыновей под стражей, I, 27, 2.

Платеи. Город в Беотии, возле которого греки разгромили персов, II, 16, 4.

Плацид. Римский военачальник в армии Веспасиана. Был послан на помощь жителям Циппори, III, 4, 1; подошел к Йодфату, но потерпел там поражение, там же, 6, 1; Веспасиан послал его в авангарде для осады Йодфата, там же, 7, 3; один из первых ворвался в крепость, там же, 34; захватил гору Тавор, IV, 1, 8; разбил повстанцев в Заиорданье, там же, 7, 4–5; захватил много городов, там же, 6.

Плинтина. Крайняя южная точка морского побережья Египта, IV, 10, 5.

Помпей Великий. Знаменитый римский полководец. Воевал с Арменией и послал впереди себя Скавра в Дамаск, I, 6, 2; пришел в Сирию, и два брата Хасмонея – Гиркан и Аристобул изложили ему свои

притязания, там же, 4; разгневался на Аристобула, там же, 5; начал войну против него, там же, 6; прибыл в Иерусалим, там же, 7, 1; сторонники Гиркана сдали ему город, там же, 2; предпринял осаду Храмовой горы, там же; вел осадные работы по субботам, там же, 3; захватил Храмовую гору, там же, 4; вошел со своими соратниками в Святая Святых, там же, 6; назначил Гиркана первосвященником, там же; отторг у иудеев захваченные города, населенные иноверцами, и отстроил Гадер, там же, 7; взял Аристобула с его семьей в плен и привел их в Рим, там же; бежал от Юлия Цезаря, там же, 9, 1; по его приказу был убит Александр, сын Аристобула, там же, 2; II, 16, 4; гора, на которой он расположился перед Иерусалимом, там же, 12, 2.

Помпоний Секунд. Римский консул, пытавшийся отменить монархический способ правления после убийства Гая, II, 11, 10.

Попла. Друг Архелая, сына Ирода. Поехал с ним к императору в Рим, II, 2, 1.

Приск (I). Римский центурион, который убил Йонатана, VI, 2, 10.

Приск (II), Тиранний. Военачальник Цестия Галла. Флор подкупил его, чтобы тот снял осаду с Иерусалима, II, 19, 4; убит во время отступления Цестия Галла, там же, 7.

Птолемаида: см. Акко.

Птолемей (I) **Шестой**. Царь Египта. Воевал с Антиохом Четвертым, и к нему бежал первосвященник Хонио, I, 1, 1; позволил Хонио построить храм в Египте, там же; VII, 10, 2–3.

Птолемей (II). Еврей. Зять и убийца Шимона Хасмонея, I, 2, 3; заключил в темницу также его жену и их сыновей, там же; Гиркан (I) осадил его в крепости Дагон, и Птолемей истязал его мать и братьев, там же, 4; убил их и бежал к Зенону Котиле, там же, 4.

Птолемей (III) **Латир**. Царь Египта и Кипра. Воевал с Александром Яннаем и победил его, но был изгнан своей матерью Клеопатрой, I, 4, 2.

Птолемей (IV) [Авлет]. Царь Египта. Габиний вернул ему трон, I, 8, 7.

Птолемей (V). Сын Меннея. Правитель Келесирии. Жители Дамаска изгнали его из города, I, 4, 8; там же, 5, 2; принял у себя детей Аристобула (II) Хасмонея, возжелал Александру, убил своего сына Филиппиона, бывшего ее мужем, и женился на ней, там же, 9, 2; подкупил римлян и тирян поставить Антигона правителем Иудеи, там же, 12, 2; после его смерти правил его сын Лисаний, там же, 13, 1.

Птолемей (VI). Правитель Ливана. Антипатр склонил его прийти на помощь Цезарю, находившемуся в осаде в Египте, I, 9, 3. Возможно, именно он упоминался выше.

Птолемей (VII). Ирод поставил его военачальником в Галилее во время войны с Антигоном, и жители Галилеи восстали против него и убили его, I, 16, 5.

Птолемей (VIII). С Родоса. Друг Ирода, I, 14, 3.

Птолемей (IX). Друг царя Ирода, I, 24, 2; Ирод доверил ему свою печать, там же, 33, 8; вскрыл завещание Ирода и прочитал его перед армией и народом в Иерихоне, там же; отправился с Архелаем в Рим, там же, 2, 1.

Птолемей (X). Брат Николая из Дамаска. Был предан Ироду. Отправился с Антипой в Рим просить отдать тому царство, II, 2, 3.

Птолемей (XI). Управляющий Агриппы Второго. Несколько молодых людей из поселения Дабаритта напали на него и похитили его поклажу, и Йосеф, сын Маттитьяху, поручил своему верному человеку вернуть похищенное хозяину, II, 21, 3.

Пудент. Римский воин. Убит Йонатаном, VI, 2, 10.

Путеолы. Римский порт. Туда прибыл обманщик, выдававший себя за Александра, сына Ирода, II, 7, 1.

Рабат-Амон (Филадельфия). Этим городом правил Зенон Котила. Птолемей, убийца Шимона Хасмонея, бежал туда, I, 2, 4; аравийский город, там же, 6, 3; в его окрестностях произошла битва между Иродом и аравитянами, I, 19, 5; повстанцы напали на него, II, 18, 1; лежит вплотную к границе Заиорданья (Переи) с восточной стороны, III, 3, 3.

Рафанея. Город в Сирии, VII, 1, 3; там же, 5, 1.

Рафиах. Город на юге Приморской Палестины. Захвачен Александром Яннаем Хасмонеем, I, 4, 2 [отторжен от Иудеи Помпеем и заброшен, там же, 7, 7]; отстроен Габинеем, там же, 8, 4; это первый сирийский город с египетской стороны; Тит остановился в нем, IV, 11, 5.

Рейн. Река, граница между Галлией и Германией, II, 16, 4; по ней проходит граница Римской империи, III, 5, 7.

Рим. Столица Италии и всего римского государства. Аристобул Хасмоней и его сыновья и дочери приведены туда Помпеем пленными, I, 7, 7; там от яда умер Аристобул, там же, 9, 1; там император назначил Ирода царем над евреями, там же, 14, 3; там император примирил Ирода и его сыновей, там же, 23, 3; после смерти Ирода туда прибыли посланцы евреев с жалобой на его жестокость и беззаконие, II, 6, 1–2; их сопровождали 8000 евреев из жителей Рима, там же, 1; все евреи города радостно встретили Лже-Александра, там же, 7, 1; туда прибыли посланцы евреев и самаритян на суд императора Клавдия, II, 12, 7; битвы в городе между войсками Веспасиана и войсками Вителлия, IV, 11, 4; прием, оказанный Веспасиану, VII, 2, 1; прием, оказанный Титу, там же, 5, 3; праздник, устроенный в Риме в честь победы, там же, 4–6; Шимон, сын Гиоры, умерщвлен там, там же, 6; Веспасиан воздвиг храм богине мира и собрал в нем предметы, взятые из Иерусалимского Храма, там же, 7.

Римляне. Впервые союз с ними заключил Йехуда Маккавей, I, 1, 4; Йонатан и его братья укрепили его, там же, 2, 1; были втянуты в конфликты между братьями Хасмонеями, там же, 6, 2 и далее; их мощь и сила, II, 16, 4; их армия и военная тактика, III, глава 5; их звер-

ства и тяга к убийствам, там же, 8, 36; там же, 9, 3; IV, 1, 10; VI, 4, 6; там же, 5, 1; там же, 8, 5; там же, 9, 2; иногда испытывали страх перед евреями, V, 2, 4; они почитали Храм, испытывали перед ним благоговение и негодовали из-за пренебрежительного отношения евреев к своим святыням, VI, 2, 2.

Ринокорура. Приморский город вблизи границы Сирии и Египта. Ирод прибыл туда, бежав от Антипатра, I, 14, 2; Тит остановился в нем, IV, 11, 8.

Риса (Треиса). Крепость в Идумее, I, 13, 8; там же, 15, 4.

Родос. Остров в Эгейском море. Опустошен во время войны с Кассием. Ирод прибыл туда, I, 14, 3; чтобы упрочить свое положение, Ирод прибывает на Родос к Октавиану Цезарю, там же, 20, 1; Ирод помог жителям острова в постройке их флота и заново отстроил сгоревшее святилище, там же, 21, 11; VII, 2, 1.

Роксана. Дочь царя Ирода от Федры, I, 28, 4.

Рома. Селение в Галилее. Оттуда родом два героя Йодфата – Филипп и Нтира, III, 7, 21.

Руф (I). Военачальник в войсках Ирода, начальник конницы. Он и себастийцы остались верны дому Ирода во время восстания евреев против Сабина, II, 3, 4; вышел встретить Вара и его войско, там же, 5, 2.

Руф (II), Терентий. Военачальник армии, оставленной Титом на развалинах Иерусалима. Шимон, сын Гиоры, попал в его руки, VII, 2, 2.

Руф (III). Египтянин в осадившей Махор армии Луцилия Басса. Схватил героя Эльазара и принес его в римский лагерь, VII, 6, 4.

Рынок. На Иерусалимском рынке состоялась стычка между людьми Фацаэля и царя Ирода, с одной стороны, и парфянами и людьми Антигона – с другой, I, 13, 2. Флор отдал приказ о разграблении Верхнего рынка в Иерусалиме, II, 14, 9; название западной части города, V, 4, 1. Дровяной рынок в Иерусалиме (в Новом городе). Сожжен Цестием Галлом, II, 19, 4. Рынки торговцев шерстью (лавки) и рынок одежды. Были расположены в Новом городе, V, 8, 1.

Сабин (I). Прокуратор (налоговый чиновник) в Сирии, прибыл в Иудею взять под охрану казну после смерти Ирода, II, 2, 2; прибыл в Иерусалим и занял царский дворец, там же; искал царские сокровища, там же, 3, 2; его злодеяния привели к восстанию евреев в праздник Шавуот, там же; кровавая схватка с евреями Иерусалима, там же, 3; сжег помещения [возле Храмовой горы] и разграбил богатства Храма, там же, 3; евреи поднялись на него и осадили, там же, 4; когда Вар пришел в Иерусалим, поспешно бежал, там же, 5, 2.

Сабин (II). Брат императора Веспасиана, глава гарнизона Рима, IV, 10, 3; занял Капитолий, но после битвы попал в руки Вителлия и был убит, IV, 11, 4.

Сабин (III), Домиций. Один из героев армии Тита. Защищал вместе с Титом римлян, оттесняемых за пределы второй стены, V, 8, 1.

Сабин (IV). Выходец из Сирии, один из героев армии Тита. Вызвался штурмовать Антонию и пал геройской смертью, X, 1, 4.

Сав (Сава). Селение в Галилее. Оттуда родом герой Эльазар, сын Шамая, отличившийся своими подвигами при обороне Йодфата и сорвавший «голову» римского тарана, III, 7, 21.

Саддукеи. Одна из еврейских партий, II, 8, 2; мировоззрение, численность и обычаи, там же, 14.

Саламин. Остров в Ионийском море, возле которого афиняне победили персов, II, 16, 4.

Саломея: см. Шломит.

Самага. Город в Заиорданье. Покорена Гирканом Хасмонеем, I, 2,6.

Самаритяне. Жители Самарии (см. также: кутеяне, I, 2, 6). Вместе с евреями жаловались императору на режим Архелая, II, 7, 3; убили паломника из Галилеи, там же, 12, 3; толпа евреев напала на них, там же, 4; в это дело вмешался Куман, там же, 5; Квадрат расследовал это дело и послал к императору представителей евреев из числа знати, там же, 6; император признал самаритян виновными и приказал казнить трех знатных самаритян, там же, 7; собрались на горе Гризим во время восстания евреев, чтобы присоединиться к нему, III, 7, 32; Веспасиан послал против них Цереалия, который устроил самаритянам резню и захватил гору Гризим, там же.

Самария (Шомрон) (I). Область в земле Израиля. Секст Цезарь поставил Ирода начальником войск в этой области, I, 10, 8; Антоний направил туда свои войска, там же, 11, 5; была дана сыну Ирода Архелаю, II, 6, 3; евреи напали на нее, II, 12, 4; считалась наместничеством Феликса, там же, 8; границы страны и плодородие ее земли, III, 3, 4.

Самария (II). Город (со времен Александра Великого его населяли греки и сирийцы). Сыновья Ирода (I) Хасмонея осадили и захватили ее, I, 2, 7; Помпей отрезал ее от границ Иудейского царства, там же, 7, 7; Габиний отстроил ее, там же, 8, 4; Ирод привел восставший город к повиновению, там же, 11, 6; привел туда свою семью, там же, 16, 1; праздновал там свою свадьбу с Мирьям из рода Хасмонеев, там же, 17, 8; Август установил в городе власть Ирода, там же, 20, 3; Ирод отстроил и украсил его, построил храм в честь императора и назвал город Себастия, там же, 21, 2 [см. также: I, 2, 7; там же, 8, 4]; Вар вторгся в Самарию, но не тронул город, II, 8, 1.

Самбатион (Субботняя река). Течет один день в неделю и пересыхает на 6 дней. Находится между Аркеей и Рафанеей, VII, 5, 1.

Самос. Остров в Эгейском море. Царь Ирод благосклонно относился к его жителям, I, 21, 11.

Самосата. Город на реке Евфрат. Столица Коммагены. Покорена Антонием с помощью царя Ирода, I, 16, 7; Пет напал на город, VII, 7, 1–2.

Сапфиний. Друг Ирода с острова Родос, I, 14, 3.

Сарамалла. Самый богатый человек в Сирии, I, 13, 5.

Сарматы. Скифское племя. Перешло реку Истр и напало на Мисию, добыв большие трофеи, VII, 4, 3.

Сарра. Праматерь евреев, жена праотца Авраама. Фараон Нехо похитил ее, V, 9, 4.

Сатурнин (I). Наместник в Сирии. Член суда по делу сыновей Ирода Александра и Аристобула, I, 27, 2; первым высказал мнение и потребовал легкого наказания, там же, 3; Антипатр (II) подкупил его и его приближенных, там же, 28, 1.

Сатурнин (II). Сенатор, консул. Стоял во главе сената, пытавшегося отказаться от монархического способа правления после убийства Гая, II, 11, 1.

Себаст. Название порта в Кесарии, I, 31, 3.

Себастийцы. Воины армии Ирода из Самарии (Себастии). Остались верными римлянам во время восстания евреев, II, 3, 4; воевали с восставшими в Заиорданье и одержали победу, там же, 4, 2; оказали помощь бежавшим от пастуха Афронга римлянам, там же, 3; вышли навстречу Вару (во главе с Руфом и Гратом), там же, 5, 2; во главе с Куманом выступили против евреев, напавших на самаритян, II, 12, 5.

Себастия. Этим именем в честь императора Августа (по-гречески Себаст) назвал царь Ирод отстроенную Самарию, I, 5, 4; Ирод отстроил ее, поселил там 6000 человек, дал им поля и права и построил храм в честь императора, там же, 22, 2; там убил двух своих сыновей, там же, 26, 6; после смерти Ирода перешла к Архелаю, II, 6, 3; туда удалился Флор, оставив в беде евреев Кесарии, там же, 14, 4; в Себастию пришли к нему представители евреев, там же, 5; восставшие напали на город и спалили его, там же, 18, 1.

Седекия (Цидкияху). Царь Иудеи. Не прислушался к голосу пророка Иеремии, попал в плен. Его правление привело к разрушению Иерусалима и Храма, V, 9, 4.

Селевкия. Город на Верхних Голанах в уделе Агриппы Второго. Йосеф, сын Маттитьяху, укрепил ее стены, II, 20, 6; перешла на сторону Агриппы, IV, 1, 1.

Семех (Сумхи, Совхи, Меромское озеро). Озеро, через которое протекает Иордан (в настоящее время – Хула), III, 10, 7; IV, 1, 1.

Сепфофис: см. Циппори.

Сервилий. Римский военачальник. Один из легатов Габиния, наместника Сирии. Послан на войну с Аристобулом (II) Хасмонеем, I, 8, 6.

Сидон. Город ханаанеев-сидонян (финикийцев). К северу от страны Израиля. Его жители открыли ворота парфянам, I, 13, 1; Ирод построил там театр, I, 21, 11; в этой земле находилось селение Платана, в котором Ирод содержал своих сыновей под стражей, там же, 27, 2; жители города не сделали евреям ничего плохого, II, 18, 5.

Сиен. В настоящее время Асуан. В Южном Египте, IV, 10, 5.

Сизенна. Один из военачальников Габиния, I, 8, 6.

Сизиф. Один из персонажей греческой мифологии. Его наказание в преисподней, II, 8, 11.

Сикарии. Грабители, убивавшие короткими мечами иноверцев средь бела дня. Усилились во времена наместничества Феликса, II, 14, 3; присоединились к восставшим, там же, 17, 6; засели в Масаде, IV, 7, 2; во главе их встал Эльазар, VII, 3, 1; суд автора над ними, там же; их геройская смерть, там же, 9, 1; многие бежали в Александрию, там же, 10, 11; их отвага, там же; Йонатан Ткач заразил Кирену их безумием, там же, 11, 1. Иногда они называются просто грабителями.

Сила. Вавилонянин. Служил в армии Агриппы (III) и перешел на сторону восставших евреев. Отличился во время войны с Цестием Галлом, II, 19, 2; поднялся с восставшими на гору Ашкелон, III, 2, 1, и был убит недалеко от города, там же, 2.

Силоам: см. Шилоах.

Силон. Римский военачальник. Был послан на помощь Ироду, I, 15, 4; получил взятку от Антигона, там же, 5.

Сильва. Наместник Иудеи после разрушения Храма. Осадил и взял крепость Масада, VII, 5, 1–9, 2.

Сирийцы. Жители Сирии и греческих городов в стране Израиля. Ярые ненавистники евреев. Поэтому правители из династии Хасмонеев не брали их на службу, I, 4, 3; Ирод оказал им благодеяние и снискал признание, убив Хизкию, главаря разбойников, там же, 10, 5; сирийцы, жители Кесарии, ненавидели евреев, II, 13, 7; евреи напали на их города и поселения, там же, 18, 1; ужасные убийства евреев сирийцами, там же, 2; во время похода Цестия Галла сирийцы грабили евреев в стране Израиля, но многие из грабителей были убиты, там же, 9; жили вместе с евреями в царстве Агриппы, III, 3, 5; сражались у Гамлы, IV, 1, 5; в свое время похитили Ковчег Завета, V, 9, 4; сирийские воины вскрывали животы беженцам из Иерусалима, там же, 13, 4; Тит пригрозил им смертью за это, там же, 5.

Сирия. Гиркан Хасмоней напал на ее города и захватил многие из них, I, 2, 6; Скавр был послан туда Помпеем и вмешался в конфликт между Хасмонеями, там же, 6, 2; Помпей сделал Сирию римской провинцией и поставил Скавра во главе ее, там же, 7, 7; преемник Скавра Габиний, там же, 8, 2; Красс управлял Сирией, там же, 8; после смерти Красса парфяне напали на Сирию, но Кассий отбил их, там же, 9; Цезарь собирался послать туда Аристобула (II) Хасмонея с двумя легионами, там же, 9, 1; Метелл Сципион был наместником Помпея в Сирии, там же, 2; Антипатр склонил аравитян выйти в Египет на помощь Цезарю, там же, 3; Цезарь прибыл в Сирию, там же, 5; наместником стал Секст Цезарь, там же, 10, 5; спор братьев, там же; Басс убил Секста Цезаря; и должность наместника занял Мурк, там же; Кассий прибыл в Сирию, там же, 11, 1; собрал армию и назначил Ирода правителем всей страны, там же, 4; Кассий покинул Сирию и пошел на войну с наследниками Цезаря, там же, 12, 1; победитель Антоний прибыл

в Сирию, там же, 4; парфяне захватили Сирию, там же, 13, 1; туда послан Вентидий изгнать парфян, там же, 15, 2; изгнал парфян, там же, 16, 6; Антоний назначил Сосия наместником, там же, 17, 2; Клеопатра с помощью Антония преследует знатных людей Сирии, там же, 18, 4; Варрон, наместник в Сирии, там же, 20, 4; Август назначает Ирода главным наместником всей Сирии, там же; благодеяния, оказанные Иродом сирийским городам, там же, 21, 11; наместник Сирии Сатурнин, его прокуратор Волумний и остальные чиновники решением императора назначены членами суда по делу сыновей Ирода от Мирьям, там же, 27, 2; вся Сирия в томительном ожидании решения суда, там же, 3; наместник Сирии Вар назначен судьей Антипатра (II), сына Ирода, там же, 31, 5; заместитель наместника Сабин прибыл в Иерусалим, II, 2, 2; наместник Вар вторгся в Иудею, там же, глава 5; Петроний – наместник Сирии, там же, 10, 1 и далее; Уммидий Квадрат, наместник в Сирии, – судья между евреями и самаритянами, там же, 12, 5; Цестий Галл – наместник Сирии, там же, 14, 3; восставшие напали на сирийские города, там же, 18, 1; жестокие убийства евреев по всей стране, там же, 2; наместник Цестий Галл вторгается в Иудею, там же, 9 и далее; Йоханан, сын Леви, продал втридорога евреям Сирии масло, сделанное в стране Израиля, там же, 21, 2; евреи – беженцы из Сирии присоединяются к нему, там же, 2; Веспасиан послан в Сирию и прибывает туда, III, 1, 3; выступает оттуда в страну Израиля, там же, 2, 4; пешие и конные воины сирийского войска присоединяются к нему, там же, 4, 2; Муциан – наместник Сирии, IV, 1, 5; выходцы из Сирии провозглашают Веспасиана императором, там же, 10, 6; Рафиах – первый сирийский город на пути Тита, там же, 11, 5; пустыня между Сирией и Египтом, V, 1, 1; вспомогательные войска из Сирии в армии Тита, там же, 6; по поводу численности еврейского населения Сирии, II, 3, 3; Веспасиан назначил наместником Сирии Цезенния Пета, там же, 4; Тит предпринял поездку по Сирии, там же, 5, 1.

Скавр. Римский полководец и государственный деятель. Помпей послал его в Сирию, I, 6, 2; Аристобул (II) Хасмоней послал ему 300 талантов, и он велел Гиркану снять осаду с Иерусалима, там же, 3; назначен наместником в Сирии, там же, 7; вступил в войну с аравийцами, там же, 8, 1.

Скифополь: см. Бет-Шеан.

Скопус. Гора вблизи Иерусалима. Там расположился Цестий Галл, когда подошел к Иерусалиму, II, 19, 4, и когда отступал от него, там же, 7; оттуда видны во всей красе Иерусалим и Храм, V, 2, 3; Тит расположился там, там же; перевел свой лагерь оттуда ближе к стене города, там же, 3, 2.

Совхи: см. Семех.

Согана. Город в Голанах во владении Агриппы Второго. Йосеф, сын Маттитьяху, отстроил городские стены, II, 20, 6; была на стороне Агриппы, там же, IV, 1, 1.

Содом. Выжженная пустыня к югу от Мертвого моря, IV, 8, 4.

Соем (I). Знатный человек из Петры. Казнен Сулаем, I, 29, 3.

Соем (II). Царь Хаммата (Эмеса). Его родственником был Ноар, II, 18, 6; послал 40 000 человек на помощь Цестию Галлу во время осады Иерусалима, там же, 9; пришел с 2000 лучников и тысячью всадников на помощь Веспасиану, III, 4, 2; пришел на помощь Пету в его войне с царем Коммагены Антиохом, VII, 7, 1.

Соломон (Шломо). Царь, сын царя Давида, V, 4, 1; построил Храм, там же, 5, 1; VI, 4, 8.

Сомора. Город на южной оконечности Заиорданских гор, IV, 8, 2. Варианты: Амора, Гоморра.

Сосий. Поставлен Антонием правителем в Сирии, I, 17, 2; послал Ироду два легиона против Антигона, там же; пришел на помощь со всеми своими солдатами (в общей сложности 11 легионов), там же, 9; осадил Иерусалим, и его военачальники ворвались в город, там же, 18, 2; Антигон припал к его ногам, но был заключен в кандалы, там же; Ирод дал Сосию взятку, чтобы тот ушел из города, там же, 3; пожертвовал золотой венок во славу Господу, там же; V, 9, 4; VI, 10, 1.

Спарта: см. Лакедемон.

Стадион. В городе Кесарии, здесь прокуратор Пилат выслушивал жалобы евреев, II, 9, 3 (также «амфитеатр»).

Стефан. Раб императора Клавдия. Евреи напали на него и похитили его имущество, II, 12, 2.

Стратонова Башня (I). Греческий приморский город в Шароне. На расстоянии 600 стадиев от Иерусалима, I, 3, 5; Помпей вывел его из границ Иудеи. Впоследствии был отстроен Иродом и назван Кесарией, там же, 7, 7; Август отдал его Ироду, там же, 20, 3; клонился к упадку, там же, 21, 5; Ирод отстроил его с большим великолепием и назвал Кесарией, там же. См. Кесария.

Стратонова Башня (II). Тайный ход, ведущий в Антонию, I, 3, 4; там же, 5.

Субботняя река: см. Самбатион.

Сулай. Аравитянин. Приближенный царя Убдата. Шломит, сестра Ирода, хотела выйти за него замуж, I, 24, 6; Ирод не разрешил ей это сделать, там же, 28, 6; был вызван на суд к императору Августу, там же, 29, 3; убил знатных людей Петры и пытался найти поддержку против Ирода, там же; Антипатр и Николай жаловались на него, там же, 32, 3.

Сумхи: см. Семех.

Сусита: см. Гиппос.

Сципион, Метелл. Наместник Сирии. Тесть Помпея. Убил Александра (III) Хасмонея по приказу Помпея, I, 9, 2.

Сыновья Товии. Были изгнаны из Иерусалима первосвященником Хонио и бежали к Антиоху Эпифану, которого просили напасть на Иудею, I, 1, 1.

Тавор. Гора. Александр (III) Хасмоней был разбит около нее, I, 8, 7; Йосеф осаждал ее, II, 20, 6; Плацид захватил ее, IV, 1, 8.

Танаида (Дон). Река в Скифии, VII, 7, 4.

Танис. В этом месте стоял лагерем Тит, IV, 11, 5.

Тарихеи. Город в Галилее. Римлянин Кассий захватил его и продал часть жителей в рабство, I, 8, 9; император Нерон передал его Агриппе Второму, II, 13, 2; Йосеф (автор) отстроил городские стены, II, 20, 6; там на него напали жители Галилеи и пытались его убить, там же, 21, 3; он внес раскол между жителями Тарихей и жителями Тибериады, там же, 4; заключил под стражу пойманных жителей Тибериады, там же, 9; Йехошуа, сын Цфии, бежал туда с борцами за свободу, III, 9, 8; осада города и захват его Титом, там же, глава 10.

Тарс. Город в Киликии. Там был заключен в оковы царь Коммагены Антиох, VII, 7, 3.

Тевдион. Дядя Антипатра, сына Ирода. Ирод дал ему в жены Беренику, вдову Аристобула, I, 28, 1; передал яд Фероре, там же, 30, 5.

Тела. Селение в Верхней Галилее на реке Иордан, III, 3, 1.

Темен, царь Аргоса. К нему возводила свое происхождение жена Александра (IV) Глафира, I, 24, 2.

Теодор. Сын Зенона Котилы, правителя Заиорданья. Александр Яннай воевал с ним, I, 4, 2–3.

Тибериада. Город в Галилее. Основан Иродом (Антипой), II, 9, 1; император Нерон отдал его Агриппе Второму, там же, 3, 2; Йосеф укрепил его стены, там же, 20, 8; спор жителей города с жителями Тарихей, там же, 21, 4; Йоханан, сын Леви, подговаривал жителей города убить Йосефа, там же, 6; город взбунтовался против Йосефа, там же, 7; еще один бунт, там же, 7–9; город был отдан на разграбление солдатам, а затем имущество возвращено хозяевам, там же; Йосеф бежал в город, III, 6, 3; испуг жителей, там же, 7, 2; Веспасиан пошел на него, там же, 9, 7; повстанцы покинули город, и тот сдался римлянам, там же, 8; недалеко от него находился Хаммат, IV, 1, 3.

Тиберий. Второй римский император, правил после Августа, II, 9, 1; назначил Пилата наместником Иудеи, там же, 2; Агриппа (II) пришел к нему с жалобой на тетрарха Ирода (Антипу), там же, 5, 9; приказал арестовать Агриппу, там же; его смерть и годы царствования, там же.

Тиберий, Юлий Александр: см. Александр (VII).

Тивериадское озеро: см. Геннисаретское озеро.

Тигран (I). Царь Армении. Смилостивился над Акко и принял дары от царицы Александры, I, 5, 3.

Тигран (II). Сын Александра (IV), сына Ирода, I, 28, 1 [был царем в Большой Армении, II, 11, 6].

Тимна. Город на севере Иудеи. Правительство Иерусалима передало город и область в правление Ессея Йоханана, II, 20, 4; центр округа в Иудее, III, 3, 5; Веспасиан подчинил его, IV, 8, 1.

Тир. Город ханаанеев-сидонян (финикийцев). Недалеко от страны Израиля. Оттуда Помпей привез осадные машины, I, 7, 3; сын Малиха находился там в качестве заложника, там же, 11, 7; история тирского тирана Мариона и его войны с Иродом, там же, 12, 2; тысяча посланцев евреев пришли туда к Антонию, и он приказал правителю города убить их, там же, 10; Ирод думал послать граждан города к парфянам за своим братом, там же, 14, 1; Ирод построил там ряд зданий, рынки и т.д., там же, 21, 11; жители города убили многих евреев и многих отправили в заключение, там же, 18, 5; евреи – беженцы из города присоединились к отряду Йоханана из Гуш-Халава, там же, 21, 1; город, близкий к Галилее (Верхней), III, 3, 1; Кедеш находится на границе владений Тира, IV, 2, 3.

Тирийская лестница (Лестница Тира). Горы на расстоянии 100 стадиев от Птолемаиды, II, 10, 2.

Тирон (Терон). Один из ветеранов армии Ирода. Пытался спасти Александра (IV) от смерти, но погиб вместе с ним, I, 27, 4–6.

Тит. Сын Веспасиана. Был послан отцом привести два легиона из Египта, III, 1, 3; привел их в Акко, там же, 4, 2; устроил армию в Акко, там же, 6, 1; заменил раненого отца, там же, 7, 22; захватил Яфиа, там же, 31; среди первых ворвался в пролом в стене Йодфата, там же, 34; сжалился над Йосефом и защищал его, там же, 8, 8; послан сражаться в Тарихеи, там же, 10, 1; укрепил дух своих солдат, там же, 2; отрезал дорогу к отступлению сражающимся евреям, там же, 3; и внезапно проник в город со своими солдатами, там же, 5; захватил город, там же; отец был рад его геройству, там же, 6; не был с отцом во время поражения римлян в Гамле, IV, 1, 5; вернулся из похода и захватил Гамлу, там же, 10; сжалился над жителями Гуш-Халава и хотел склонить их к добровольной сдаче, там же, 2, 2; Йоханан, сын Леви, обманул его, там же, 3; вошел в город и отдал приказ его преследовать, там же, 5; послан отцом к Гальбе, там же, 9, 2; вернулся в Кесарию, там же; после того как его отец стал императором, был послан взять Иерусалим, там же, 11, 5; поход его в Иудею, там же; прибыл в Кесарию, там же; вышел из Кесарии со своим войском, V, 1, 6; путь его войска, там же, 2, 1; во время разведки окрестностей Иерусалима чуть не попал в руки евреев, там же, 2; дважды спас Десятый легион от разгрома, там же, 4–5; битва за город, там же, 3, 2; разгневался на солдат за их опрометчивость, там же, 4; разведка стен Иерусалима, там же, 6, 2; приказал соорудить насыпи, там же; спас своим геройством насыпи и сам убил 12 евреев, там же, 5; захватил первую стену и устроил лагерь в Ассирийском стане, там же, 7, 3; Кастор обманул его, там же, 4; захватил вторую стену, там же, 8, 1; захватил ее вторично и приказал разрушить, там же, 2; выплачивал жалованье своей армии на глазах евреев города, там же, 9, 1; приказал соорудить насыпи к третьей стене и послал Йосефа вести мирные переговоры с жителями города, там же, 2; приказал убивать беженцев, попавших к нему в руки, там же, 11, 1; приказал отрубить руки многим беженцам и послать их в город, там же, 2; Антиох Эпифан явился к нему,

там же, 3; упрекал своих солдат, там же, 6; приказал построить насыпь вокруг города, там же, 12, 1–2; назначил стражей стены, там же, 2; увидел долины, полные трупов, там же, 4; его гнев на солдат, которые протыкали животы беженцам в поисках ценностей, там же, 13, 1; поднял солдат на штурм Антонии, VI, 1, 5; приказал разрушить основание цитадели и снова послал Йосефа предложить осажденным сдачу, там же, 2, 1; распял беженцев из города, там же, 2, 2–3; приказал отобрать солдат и послал их захватить Храмовую гору, там же, 5; приказал казнить воина, там же, 7; приказал разрушить город, там же, 3, 5; помиловал Ханана и Архелая, товарищей Шимона, сына Гиоры, которые бежали к нему, там же, 3; приказал потушить пожар в Храме, там же, 3; созвал совет о судьбе Храма и решил не разрушать; хотел напасть со всеми своими солдатами на Храм и захватить его, там же, 5; услышал о пожаре в Храме и попытался его спасти, там же, 6; солдаты не повиновались ему, там же; вошел в Святая Святых, там же, 6; армия объявила его триумфатором, там же, 6, 1; его переговоры со сражавшимися евреями, там же, 2; распорядился предать город мечу, там же, 3; приказал отделять иерусалимцев от прочих, там же, 8, 2; пощадил двух бежавших к нему священников, там же, 3; вступил в Верхний город и поразился его укреплениям, там же, 9, 1; приказал убивать только вооруженных и сопротивляющихся, а остальных брать в плен, там же, 2; приказал разрушить весь город кроме трех башен, VII, 1, 1; выразил благодарность своей армии за победу, там же, 2; устроил игры и бои с участием пленных евреев в Кесарии Филипповой, там же, 2, 1, и в Кесарии Приморской, там же, 3, 1, и в Берите, там же; объехал сирийские города и осмотрел реку Самбатион, там же, 5, 1; не исполнил просьбу антиохийских греков об изгнании евреев, там же, 2; миновал развалины Иерусалима, там же; вернулся в Рим, там же, 3; его триумф в Риме, там же, 4–6.

Тит Фригий. Командир Пятнадцатого легиона в армии Тита, VI, 4, 3.

Титий. Один из великанов в греческой мифологии, II, 8, 11.

Тифтай. Выходец из селения Гарис (Гасис) в Галилее. Один из героев Шимона, сына Гиоры. Сжег осадные валы римлян, V, 11, 5.

Ткоа. Место на границе Иудеи и Идумеи. Возле него стоял лагерем Шимон, сын Гиоры, IV, 9, 5.

Тмуис. Место на реке Нил в Нижнем Египте, IV, 11, 5.

Трахон (Трахонитида): см. Аргов.

Траян. Римский легат, командир Десятого легиона в армии Веспасиана. Захватил Йафиа в Галилее, III, 7, 31; воевал возле Тарихей, там же, 10, 3; после захвата Заиорданья направился к Иерихону, IV, 8, 1.

Треиса: см. Риса.

Триполь. Город в Сирии, где Ирод построил гимнасий, I, 21, 11.

Трифон (I). Опекун царя Сирии Антиоха Шестого. Намеревался захватить трон. Убил Йоханана Хасмонея, I, 2, 1; Шимон изгнал его и помог Антиоху Седьмому осадить и убить его, там же, 2.

Трифон (II). Один из цирюльников при дворе Ирода. В состоянии умопомрачения выдал Александра (IV) и был подвергнут пытке, I, 27, 5.

Убдат (Увдат) (I). Набатейский царь. Александр Яннай Хасмоней воевал с ним и потерпел поражение, I, 4, 4.

Убдат (Увдат) (II). Набатейский царь во время правления Ирода. Сулай был его приближенным, I, 24, 6.

Увдат: см. Убдат.

Ущелье Антиоха. Расположено к востоку от Иордана. Захвачено Александром Яннаем Хасмонеем, I, 4, 8.

Фабат. Казначей императора Августа, пришедший взыскать с Сулая Аравитянина требуемую с него сумму. Сулай донес на него императору, после чего Фабат выдал тайны Сулая Ироду, I, 29, 3.

Фабий (I). Центурион в армии Помпея. Один из первых преодолел стену Храмовой горы, I, 7, 4.

Фабий (II). Римский наместник в Дамаске. Ирод задержался у него, I, 12, 1; Антигон подкупил его, там же, 2.

Фаллион. Брат Антипатра (I). Пал в сражении с Аристобулом (II) Хасмонеем, I, 6, 3.

Фаран (Паран). Ущелье, где находилось много пещер, в которых прятали награбленное Шимон, сын Гиоры, и его люди, IV, 9, 4.

Фарисеи. Партия в еврейском обществе, члены которой отличались знанием Закона, I, 5, 2; правили в Иудее во времена Александры, там же; Ирод обвинил жену своего брата Фероры в том, что она подкупила фарисеев выступить против него, там же, 29, 2; философская школа, II, 8, 2; их мировоззрение, там же, 14; вместе с первосвященниками призвали народ не восставать против римлян, там же, 17, 3.

Фарос. Небольшой остров при входе в гавань Александрии Египетской, на котором находился знаменитый маяк, IV, 10, 5, послуживший прототипом башни Фацаэль в Иерусалиме, V, 4, 3.

Фауст, Корнелий. Сын известного диктатора Суллы. Один из первых преодолел стену Храмовой горы во время осады ее Помпеем, I, 7, 4.

Фацаэль (I). Сын Антипатра и Киприды, I, 8, 9; назначен военачальником в Иерусалиме, там же, 10, 4; приложил усилия, чтобы расположить к себе жителей Иерусалима, там же, 5; советовал своему брату Ироду не преследовать Малиха в открытую, там же, 11, 5; Феликс восстал против него, там же, 12, 1; вышел к парфянам, сторонникам Антигона, там же, 13, 3; был схвачен, там же, 5; наложил на себя руки, там же, 10; в его память Ирод построил город Фацаэлис и башню Фацаэль, там же, 21, 9.

Фацаэль (II). Сын Фацаэля (I). Был женат на дочери царя Ирода от Мирьям из рода Хасмонеев I, 28, 6.

Фацаэль (III). Сын царя Ирода от его жены Паллады, I, 28, 4.

Фацаэлис (город). Иерихон расположен в долине к северу от него. Основан царем Иродом в память своего брата Фацаэля, I, 21, 9; Шломит получила его в наследство, II, 6, 3; передала его вместе с плантациями финиковых пальм Ливии, там же, 9, 1.

Феб. Один из посланников Агриппы Второго к евреям во время осады Иерусалима Цестием Галлом. Убит повстанцами, II, 19, 3.

Федра. Жена царя Ирода. Родила ему Роксану, I, 28, 4.

Феликс. Римский наместник Иудеи. Преследовал разбойников, II, 13, 2; убил последовавших за лжепророком, там же, 5; убил многих из евреев Кесарии и послал делегатов к императору Нерону, там же, 6.

Ферора. Сын Антипатра (I) и Киприды, брат царя Ирода, I, 8, 9; хотел выкупить тело своего брата Йосефа, там же, 17, 2; ненавидел сыновей Ирода от Мирьям из рода Хасмонеев, там же, 24, 2; Ирод назначил его правителем в Перее, там же, 5; строил козни против своего брата, там же, 6; Александр (IV), сын Ирода, очернил его в своих писаниях, там же, 25, 3; Архелай, царь Каппадокии, добился мира между ним и Иродом, там же, 4; один из судей Александра и Аристовула, там же, 27, 2; Ирод желал женить сына убитого Александра на дочери Фероры, там же, 28, 2; Антипатр, вопреки этому желанию, женил на ней своего сына, там же, 5; деяния жены Фероры, там же, 29, 1–2; Ирод потребовал от Фероры выгнать его жену, но тот воспротивился этому, там же, 29, 2; попал в опалу и удалился в Перею, где и умер, там же, 4, от яда, там же, 30, 1; свидетельские показания его жены, там же, 5–7.

Фивы. Город на юге Египта. Туда бежали остатки сикариев, там они были схвачены и приведены в Александрию, VII, 10, 1.

Филадельфия: см. Рабат-Амон.

Филипп (I). Царь Македонии, отец Александра Великого, II, 16, 4.

Филипп (II). Сын царя Ирода и Клеопатры из Иерусалима, I, 28, 4; воспитывался в Риме. Его брат Антипатр (II) оклеветал его перед отцом, там же, 31, 1; согласно завещанию отца получил область Трахон, там же, 33, 8; Архелай оставил его управляющим делами на время своего пребывания в Риме, II, 2, 1; Вар послал его в Рим, там же, 6, 1; император Август назначил его тетрархом в области Башан, в Трахоме и Хавране, там же, 6, 3; построил города Кесарию в области Баниас и Юлиаду в Голане, там же, 9, 1; после его смерти Агриппа (II) получил его владения, там же, 9, 6, затем эти владения были переданы Агриппе Второму, там же, 12, 8; пытался разведать местонахождение истоков Иордана, III, 10, 7.

Филипп (III). Сын Якима. Военачальник Агриппы Второго. Послан с войском в Иерусалим, II, 17, 4; бежал из города, там же, 20, 1; две дочери его брата бежали от резни в Гамле, IV, 1, 10.

Филипп (IV). Выходец из селения Рума в Галилее. Один из героев Йодфата, III, 7, 21.

Филиппион. Сын царя Птолемея из Халкиды. По повелению своего отца явился в Ашкелон и забрал с собой Антигона (II) Хасмонея и двух его сестер. Влюбился в одну из них, Александру, и женился на ней. Его собственный отец, Птолемей, приревновал его и убил, после чего сам женился на Александре, I, 9, 2.

Филиппы. Город в Македонии. Там Антоний и Октавиан разбили Кассия [и Брута], I, 12, 4.

Фонтей, Агриппа. Командовал легионом в Мисии. Пал в битве с сарматами, VII, 4, 3.

Фракийцы. Народ, населявший Фракию (между Черным и Эгейским морем). Из них набрал царь Ирод отряд своих телохранителей, I, 33, 9; покорены Римом, II, 16, 4.

Фригия. Страна в Азии, IV, 11, 1.

Фурий. Центурион в армии Помпея. Один из первых преодолел стену Храмовой горы, I, 7, 4.

Хавран. Горная страна к востоку от Башана, по видимости, принадлежала Лисанию. Император Август передал ее Ироду, I, 20, 4; а после его смерти – Филиппу, II, 6, 3; считалась царством Агриппы (II), там же, 11,5; Агриппа (III) послал оттуда всадников на Иерусалим, там же, 17, 4.

Хаггай (Агей). Пророк. Пророчествовал незадолго до строительства Второго Храма, VI, 4, 8.

Хагира («Хромой»). Выходец из Адиабены. Известен как герой из войска Шимона, сына Гиоры, V, 11, 5.

Хадаша. Возле этого селения пал во время битвы Йехуда Маккавей, I, 1, 6.

Хадид. Город неподалеку от Лода. Веспасиан разместил там гарнизон, IV, 9, 1.

Халдеи. Толкователи снов, II, 7, 3.

Халкида (I). Царство в Ливанских горах. Правителем его был Птолемей, сын Меннея, I, 9, 3, а после него – его сын Лисаний, там же, 13, 1; Клавдий поставил там царем Ирода (V), брата Агриппы (II), II, 11, 5; а потом – Агриппу (III), там же, 12, 1.

Халкида (II). Царство в Северной Сирии (Халкидика), VII, 7, 1.

Хаммат (I). Город в Перее. Захвачен Александром Яннаем Хасмонеем, I, 4, 2; Габиний сделал его столицей округов, там же, 8, 5.

Хаммат (II). Вблизи Тибериады. Город рядом с теплыми источниками. Там стоял лагерь Веспасиана, IV, 1, 3.

Ханан (I). Сын Йонатана первосвященника. Хотел открыть ворота Иерусалима перед Цестием Галлом, но был остановлен повстанцами, II, 19, 5.

Ханан (II). Сын Ханана первосвященника. Стоял во главе правительства Иерусалима после поражения Цестия Галла, II, 20, 3; укрепил стены города, там же, 22, 1; направил войско против Шимона, сына Ги-

оры, и оттеснил его в Масаду, там же, 2; настраивал граждан Иерусалима против зелотов, IV, 3, 7; там же, 9; его речь, там же, 10; встал во главе народа, там же, 11; руководил сражением с зелотами, там же, 12; его помощник Йоханан из Гуш-Халава замыслил зло против него, там же, 13; закрыл ворота перед идумеями, там же, 4, 3; убит идумеями, там же, 5, 2; сожаления автора о его гибели, там же.

Ханан (III). Сын первосвященника Хананьи (?). Послан сирийским наместником Квадратом в Рим, II, 12, 6.

Ханан (IV). Сын Багадата, телохранитель Шимона, сына Гиоры. Убил первосвященника Маттитьяху, V, 13, 1; он же, по-видимому, сдался Титу во время боев на Храмовой горе, VI, 4, 2.

Ханани: см. Энней.

Хананья (I). Первосвященник (сын Недавая или Невадая). Послан наместником Куманом в Рим к императору, II, 12, 6; отец Эльазара, там же, 17, 6; бежал от повстанцев и зелотов и спрятался, там же, 6; убит Менахемом, сыном Йехуды из Галилеи, там же, 9.

Хананья (II). Сын Цадока. Послан Эльазаром, сыном Хананьи, заключить мир с римлянами, осажденными в башнях дворца Ирода, II, 17, 10; послан правительством Иерусалима сместить Йосефа в Галилее, там же, 21.

Хананья (III). Сын Масбала. Священник из известной семьи, казнен Шимоном, сыном Гиоры, V, 13, 1.

Хананья (IV) и (V). Этим именем названы скороходы, посланные зелотами к идумеям за помощью, IV, 4, 1.

Харес. Предводитель борцов за свободу в Гамле, IV, 1, 4; заболел и умер до того, как город был взят римлянами, там же, 9.

Хасмонеи (Хашмонаим). Цари Иудеи из семьи Маттитьяху. В их дни была засыпана лощина между крепостью Акра и Храмовой горой, V, 4, 1.

Хасмоней (Хашмонай). Его сыном или внуком был Маттитьяху [Хасмоней], I, 1, 3.

Хафта. Селение. Оттуда родом Пинхас, последний первосвященник Храма, IV, 3, 8.

Хашмонай: см. Хасмоней.

Хеврон. Город. Шимон, сын Гиоры, неожиданно напал на него и захватил, IV, 1, 7; описание города и его история, там же; Веспасиан захватил его, сжег и перебил жителей, там же, 9.

Хешбон. Город. Повстанцы напали на него, II, 18, 1.

Хизкия (I) (Галилеянин). Глава разбойников в Галилее, пойман и убит Иродом, I, 10, 5; сын его Йехуда, II, 4, 1.

Хизкия (II). Священник, брат первосвященника Хананьи. Убит вместе с ним в начале восстания в Иерусалиме, II, 17, 9.

Хизкия (III). Сын Ховри, один из лидеров зелотов. Восстал против Йоханана, сына Леви, V, 1, 2.

Хонио. Первосвященник, изгнал сыновей Товии из Иерусалима, I, 1, 1; бежал к Птолемею, царю Египта, и построил храм в окрестностях Гелиополя, VII, 10, 2–3.

Храм Хонио. Храм евреев в районе Гелиополя в Египте. Построен в период гонений Антиоха, I, 1, 1; история строительства и его план, VII, 10, 2–3; закрыт по приказу Веспасиана, там же, 4.

Храм в Иерусалиме: см. Иерусалимский Храм.

Царский дворец. В Нижнем городе (по-видимому, дворец Елены), VI, 7, I.

Цафа. Селение. Разрушено Варом, II, 5, 1.

Цезарь (I) (Гай Юлий Цезарь). Дал Аристобулу (II) Хасмонею два легиона для похода на Сирию против Помпея, 1, 9, 1; Антипатр перешел под его покровительство, там же, 5; и спас его от египтян в Египте, там же, 3, 4; возвеличил Гиркана и Антипатра, там же, 3; игнорировал претензии Антигона, там же, 10, 1–3; разрешил отстроить стены Иерусалима и приказал высечь на медных досках права, данные им Гиркану и Антипатру, там же, 3; убит Брутом и Кассием, там же, 11, 1.

Цезарь (II) (Секст Юлий Цезарь). Родственник Цезаря (I), наместник Сирии. Прослышал о героизме Ирода, I, 10, 5, и приказал Гиркану прекратить судебное преследование Ирода, там же, 7; назначил Ирода военачальником в Самарии и Келесирии, там же, 8; убит Цецилием Бассом, там же, 10.

Цезарь (III), Октавиан Август. Внук сестры Цезаря (I). Вместе с Антонием нанес поражение Кассию, I, 12, 4; помня о поддержке, оказанной Антипатром, отцом Ирода, Цезарю (I), возвел Ирода на царский престол в Иудее, там же, 14, 4; победил Антония и стал единоличным правителем, там же, 20, 1; Ирод прибыл к нему с изъявлением покорности и положил к его ногам свой венец, там же; оказал Ироду милость, там же, 2; поставил его царем над Иудеей и расширил границы его царства, там же, 3; повторно расширил границы Иудеи и очень покровительствовал Ироду, там же, 4; Ирод прославил его строительством великолепных зданий, там же, 21, 2–3; в его честь Ирод построил Кесарию, там же, 5–8; Ирод привел своего сына Александра на его суд, и он примирил их, там же, 23, 3; Ирод послал ему письмо, сообщая, что его сыновья строят против него козни, и получил от него право судить их в Берите, там же, 27, 1–2; Ирод послал к нему Антипатра со своим завещанием, там же, 29, 2; Цезарь отпустил Антипатра с миром, там же, 31, 2; Ирод отписал ему в завещании 1000 талантов, там же, 32, 7; Цезарь разрешил Ироду совершить суд над его сыном Антипатром, там же, 33, 7; Ирод предоставил ему права распорядителя по завещанию, там же, 8; сын Ирода Архелай поехал к нему, II, 2, 1; Антипа и родственники Архелая тоже поехали к нему, там же, 3; призвал родственников и сановников Ирода к разбирательству по делу о наследстве Иро-

да, там же, 4; затягивал суд, там же, 7; представители евреев прибыли к нему с просьбой лишить Ирода власти, там же, 6, 1; решил вопрос о наследстве, там же, 3; Лже-Александр был приведен к нему, там же, 7, 2; низложил Архелая, там же, 3; назначил наместника в Иудее, там же, 8, 1; его смерть, там же, 9, 1; его дары Храму, V, 13, 6.

Целад. Знакомый Александра, сына Ирода. Разоблачил Лже-Александра, II, 7, 2.

Целер. Римский трибун, причинивший неприятности евреям во время наместничества Кумана. Был послан Квадратом в Рим, II, 12, 6; император отдал его евреям на растерзание, там же, 7.

Ценедей. Родственник царя Адиабены Монобаза, отличился в сражении с Цестием Галлом, II, 19, 2.

Цереалий (I), Секст. Командир Пятого легиона в армии Веспасиана и Тита. Подчинил самаритян, убил большинство из них и захватил гору Гризим, III, 7, 32; разрушил Идумею, IV, 9, 9; Тит поставил его во главе войска, разрушившего Храм, VI, 2, 5; присоединился к мнению Тита воздержаться от разрушения Храма, там же, 4, 3.

Цереалий (II), Петилий. Прежде был наместником в Германии и был поставлен Веспасианом наместником в Британии. По пути туда подчинил восставших германцев, VII, 4, 2.

Цереалий (III), Вителиан. Командующий армией в Иудее после разрушения Храма, VII, 6, 1.

Цецина. Полководец Вителлия, IV, 9, 9; перешел на сторону Веспасиана, там же, 11, 2.

Цидкияху: см. Седекия.

Цинабрай. Город в Галилее, укрепленный Йосефом, сыном Маттитьяху, II, 20, 6; Веспасиан стоял там лагерем, III, 9, 7; там начинается долина Иордана, IV, 8, 2.

Циппори (Сепфорис). Город в Галилее. I, 8, 5; 16, 2; II, 4, 1; 5, 1; 18, 11; 21, 7, 10; III, 2, 4; 6, 3.

Цоар. Место, расположенное ниже уровня Мертвого моря, IV, 8, 4.

Цофа. Сын Реауэля. Один из знатных людей Иерусалима, царской крови. Убит сикариями, IV, 3, 4.

Цфат. Город в Верхней Галилее. Йосеф отстроил его стены, II, 20, 6.

Чаша (Кеара). Небольшой водоем, исток Иордана, III, 10, 7.

Шарон: см. Большая равнина.

Шауль (I). Знатный человек из Иерусалима, родственник царя Агриппы (III). Направлен к нему в качестве посланника, II, 17, 4; бежал из Иерусалима после поражения Цестия Галла и послан в Ахайю к императору Нерону, там же, 20, 1.

Шауль (II). Еврей из Бет-Шеана. Убит, II, 18, 5.

Шилоах (Силоам). Источник в Иерусалиме, II, 16, 2; V, 4, 1, 2; 6, 1; 9, 4; 12, 2; VI, 7, 2; 8, 5.

Шимон (I), [Хасмоней]. Сын первосвященника Маттитьяху, освободивший евреев от сирийского владычества. Его героические деяния, I, 2, 2; убит своим зятем, там же, 3.

Шимон (II). Раб Ирода. После смерти Ирода собрал войско в Заиорданье, провозгласил себя царем, сжег царский дворец в Иерихоне. Убит военачальником Ирода Гратом, II, 4, 2.

Шимон (III). Ессей. Объяснил этнарху Архелаю его сон, II, 7, 3.

Шимон (IV). Сын Хананьи. Послан иерусалимской знатью к Флору, II, 17, 4.

Шимон (V). Сын Шауля из Бет-Шеана. Один из евреев – жителей этого города, заключивших союз с греками против своих братьев и убивших многих из них. После измены греков убил своих близких и наложил на себя руки, II, 18, 4.

Шимон (VI). Сын Гиоры. Напал на армию Цестия Галла с тыла и взял многочисленные трофеи, II, 19, 2; собрал отряд и грабил Акрабатену, пока его не изгнал первосвященник Ханан, там же, 22, 2; бежал к разбойникам в Масаду, там же; выходец из города Гереш, IV, 9, 2; после смерти Ханана покинул Масаду и собрал большой отряд, там же, 3; разрушил Идумею и превратил ее в пустыню, там же, 4–7; иерусалимские зелоты захватили его жену, но, испугавшись его, вернули назад, там же, 8; продолжал грабить Идумею, там же, 10; идумеи и первосвященники призвали его в Иерусалим, там же, 11; захватил город и начал воевать с укрепившимся на Храмовой горе Йоханаком, сыном Леви, и его людьми, там же, 12; его сражения с Йоханаком, V, 1, 3–4; его опорный пункт был в башне Фацаэль, там же, 4, 3; идумеи воевали под его началом, там же, 6, 1; в его руках находился Верхний город и бóльшая часть Нижнего, там же, 6, 1; на вершине стены установил военные машины, похищенные евреями у Цестия Галла, там же, 3, 1; направил парламентеров к Йоханану, сыну Леви, и заключил с ним военный союз против римлян, там же, 4; воевал с римлянами возле надгробия Йоханана, там же, 7, 3; не позволял евреям бежать из города, там же, 10, 1; его жестокие деяния, там же, 4; напал на римские валы и сжег их, там же, 5; убил первосвященника Маттитьяху, его сыновей и многих знатных людей города, там же, 13, 1; Йехуда, сын Йехуды, изменил ему и был схвачен с десятью сторонниками, там же, 2; героизм его людей в битве на Храмовой горе, VI, 1, 7; там же, 8; там же, 2, 6; там же, 4, 1; переговоры с Титом, там же, 6, 2; покинул башни Верхнего города, там же, 8, 4; бежал в туннель, там же, 5; его действия с целью обмануть римлян, VII, 2, 2; схвачен римлянами, там же; Тит взял его с собой в Рим, там же, 8, 3, и отрубил ему голову возле Капитолия в соответствии с римскими обычаями, там же, 6.

Шимон (VII). Сын Йонатана. Послан правительством Иерусалима в Галилею сместить Йосефа с должности, II, 21, 7.

Шимон (VIII). Сын Гамлиэля. Знатный человек Иерусалима. Возбудил гнев народа против зелотов, IV, 3, 9.

Шимон (IX). Сын Катлы. Один из лидеров идумеев, пришедших в Иерусалим, IV, 4, 2; возражал первосвященнику Йехошуа, там же, 4; стоял во главе защищавших Иерусалим идумеев, V, 6, 1; отличался своим мужеством, VI, 2, 6.

Шимон (X). Сын Хецрона. Один из видных зелотов. Присоединился к Эльазару, сыну Шимона, в его борьбе против Йоханана, сына Леви, V, 1, 2.

Шимон (XI). Сын Ари. Один из лидеров зелотов, V, 6, 1; отличился в сражении, VI, 1, 8; там же, 2, 6; брат Йехуды, сына Ари (см. там же).

Шимон (XII). Сын Хошии. Один из героев войска Шимона, сына Гиоры. Отличился в битве на Храмовой горе. VI, 2, 6.

Шишак, Шешонк (Асохей). Царь Египта, захватил Иерусалим, VI, 10, 1.

Шломит (Саломея) (I). Сестра царя Ирода, дочь Антипатра и Киприы, I, 8, 9; ее первым мужем был Йосеф, там же, 22, 6; оклеветала Мирьям, жену Гиркана, и навлекла на нее смерть, там же, 5; сын Мирьям Аристобул взял ее дочь в жены, там же, 23, 1; Антипатр (II) заигрывал с ней, там же, 24, 2; оклеветала своего зятя Аристобула, там же, 3; ее вторым мужем был Костобар, там же, 6; совершила неблаговидный поступок, но была прощена Иродом, там же; навлекла гнев Ирода на его сыновей, там же, 27, 1; участвовала в суде над ними, там же, 2; Антипатр хотел смягчить ее враждебное отношение к нему, там же, 28, 1; хотела выйти замуж за аравийца Сулая, но Ирод отказал ей, там же, 6; обвинила жену Фероры и мать Антипатра в заговоре, там же, 29, 1; заговор Антипатра против нее, там же, 32, 6; Ирод оставил ей щедрое наследство, там же, 7; приказал ей и ее мужу Алексе убить после его смерти собранных им на ипподроме людей, там же, 33, 6; после смерти Ирода она освободила их, там же, 8; отправилась в Рим, II, 2, 1; получила во владение от Цезаря города в Иудее и дворец в Иерусалиме, там же, 6, 3; завещала свои владения жене Цезаря Юлии, там же, 9, 1.

Шломит (II). Дочь царя Ирода и Эльпиды, I, 28, 4.

Шомрон: см. Самария.

Шхем (I). Город. Захвачен Гирканом Хасмонеем, I, 2, 6; около него евреи, восставшие против Александра Янная, присоединились к армии сирийского царя Деметрия Акайра («Несвоевременного»), там же, 4, 4.

Шхем (II): см. Мабарта.

Эварест (Эварат) Косский. Грек, друг Александра (IV), сына Ирода, I, 26, 5.

Эврикл. Интриган из Спарты. Прибыл в Иерусалим, понравился Ироду, оклеветал Александра и Аристобула. Его дела и козни, I, глава 26.

Эйн-Атанин (или Брехат ха-Нхашим [Змеиная купель]). На территории Иерусалима, V, 3, 2.

Эйн-Ганим: см. Ганим.

Эйн-Геди. Город. Центр округа в Иудее, III, 3, 5; сикарии напали на него из Масады, сожгли его и умертвили его жителей, IV, 7, 2.

Экдиппон. Город на берегу моря (в Шароне), I, 13, 4.

Элевтер (современное название Нахр-аль-Кабир). Река, I, 18, 5.

Элефантина. Город в Южном Египте, IV, 10, 5.

Эльазар (I). Сын Маттитьяху Хасмонея и брат Йехуды Маккавея, I, 1, 5.

Эльазар (II). Сын Диная. Возглавил евреев в войне с самаритянами в дни прокуратора Кумана, II 12, 4.

Эльазар (III). Сын первосвященника Хананьи. Начальник храмовой охраны, отменил жертвоприношения в честь императора, II, 17, 2; его люди заняли Верхний город, там же, 6; воевал с Менахемом, там же, 9; был назначен военачальником в Идумее, там же, 20, 4.

Эльазар (IV). Сын Яира, из рода Йехуды Галилеянина, родственник Менахема, вождя зелотов. Бежал из Иерусалима в Масаду, II, 17, 9; встал во главе зелотов, VII, 8, 1; римляне пошли на него войной, там же, 2; призвал своих людей покончить с собой, там же, 6–7; одна его родственница спаслась, там же, 9, 1.

Эльазар (V). Сын Шеми, родом из Сафы Галилейской, из войска Йосефа. Срубил «голову» римского тарана и геройски погиб, III, 7, 21.

Эльазар (VI). Сын Шимона. Вождь зелотов в Иерусалиме. В его руках скопились большие денежные средства, II, 20, 3; народ Иерусалима был настроен против него, IV, 4, 1; конфликт с Йохананом, сыном Леви, V, I, 2 и там же, 3, 1; междоусобные стычки между ними, там же, 6, 1.

Эльазар (VII). Друг Шимона, сына Гиоры, VI, 9, 5.

Эльазар (VIII). Сын брата Шимона, сына Гиоры. Отличился в битве с римлянами, VI, 4, 1.

Эльазар (IX). Еврейский герой из крепости Махор, попал в руки римлян, и для его спасения жители сдали город, VII, 6, 4.

Эльгор: см. Большая равнина.

Эльпида. Одна из жен царя Ирода, родила ему дочь, I, 28, 4.

Эльтем. Набатейский полководец, потерпел поражение от Ирода, I, 19, 5.

Эмеса. Царство в Сирии. Эмесский царь Соем, VII, 7, 1.

Эммаус. Город в Иудее. Римский полководец Кассий обратил его жителей в рабство, I, 11, 2; пастух Афронг возле этого города убил римского центуриона и 40 легионеров, II, 4, 3; за это Вар сжег город, там же, 5, 1; окружной центр в Иудее, III, 3, 5; Веспасиан со своей армией прибыл в город, IV, 8, 1; Пятый легион получил приказ покинуть город, V, 1, 6; Пятый легион из Эммауса присоединился к войскам Тита, там же, 2, 3; Ханан из Эммауса, один из соратников Шимона, сына Гиоры, перебежал к римлянам, VI, 4, 2; Веспасиан дал своим воинам землю вблизи города, VII, 6, 6.

Эней. Житель Иерусалима, перешедший к римлянам, V, 7, 4.

Энней (Ханани). Один из старейшин Тарихей, II, 21, 3.

Эпифан. Сын Антиоха, царь Коммагены. Воевал с Иерусалимом на стороне Тита, V, 11, 3. Защищал свое государство от сирийского наместника, бежал к парфянам, затем вернулся в Рим, VII, 1 и далее.

Эфиопия: см. Куш.

Юлиада (I). Город на Нижних Голанах, построен Филиппом, сыном Ирода [ранее – Бет-Цида], II, 9, 1; III, 10, 7.

Юлиада (II). Город в Заиорданье, построен Иродом Антипой, ранее – Бег-Арам, II, 9, 1; захвачен Плацидом, IV, 7, 6.

Юлия. Жена императора Августа. См. Ливия.

Яаков. Сын Сосы. Один из руководителей идумеев. Прибыл в Иерусалим, IV, 4, 2; изменил своим друзьям и перешел на сторону Шимона, сына Гиоры (?), IV, 9, 6; стоял во главе идумеев, защищавших Иерусалим, V, 6, 1; отличился в бою, VI, 1, 8; там же, 2, 6; хотел сдаться римлянам, но Шимон, сын Гиоры, схватил его и посадил в тюрьму, там же, 6, 2.

Явне (Ямния). Приморский город на прибрежной равнине (Шфела). Захвачен Шимоном Хасмонеем, I, 2, 2; Помпей вывел его из-под власти Иудеи, там же, 7, 7; отстроен Габинием, там же, 8, 4; царь Ирод отдал его в наследство своей сестре Шломит, II, 6, 3; после нее им владела Ливия, жена императора Августа, там же, 9, 1; там же, 16, 1; считался в границах Иудеи, III, 3, 5; Веспасиан подчинил его мирным путем, IV, 3, 2; вернул в город евреев, не присоединившихся к восстанию, там же, 8, 1; Тит миновал его, там же, 11, 5.

Ямвлих. Аравиец. Властитель в Ливане. Антипатр (I) уговорил его присоединиться к Митридату Пергамскому и освободить Цезаря из осады, I, 9, 3.

Ямнит (Явнит). Селение в Верхней Галилее, стены которого отстроил Йосеф, II, 20, 6.

Ямния: см. Явне.

Япигий. Мыс в Италии (Апулии) напротив Эпира и острова Коркира, VII, 2, 1.

Ярдан. Селение на юге Иудеи (в Идумее) на границе с Аравией, III, 3, 5.

Ярдей. См. Ярдесский лес.

Ярдесский лес (Ярдей, Ярдес). Туда бежали остатки зелотов после взятия Махора, и там они были уничтожены Бассом, VII, 6, 5.

Яфиа. Город в Нижней Галилее, стены которого отстроил Йосеф, II, 20, 6; примкнул к восстанию во время осады Йодфата и был захвачен римлянами после большой резни, III, 7, 31.

Яффа. Приморский город в Иудее. Захвачен Шимоном Хасмонеем, I, 2, 2; Александр Яннай выкопал там ров, там же, 4, 7; Помпей вы-

вел город из пределов Иудеи, там же, 7, 7; Ирод захватил его, там же, 15, 4; император Август отдал город Ироду, там же, 20, 3; там же, 21, 5; впоследствии был дан Архелаю, II, 6, 3; Цестий Галл захватил и сжег город и убил его жителей, там же, 18, 10; правительство Иерусалима послало туда Йоханана Ессея, там же, 20, 4; важный город Иудеи, III, 3, 5; евреи отстроили его заново, там же, 9, 2; по поводу городской гавани и скалы Андромеды, там же, 3; Веспасиан воевал с его жителями на суше и на море и разрушил город, оставив одни развалины, там же, 5.

* * *

Написание ивритских личных имен и географических названий устанавливалось при редактировании с помощью следующих пособий:

1. Йосеф бен-Маттитьяху. Толдот милхамат ха-Йехудим им ха-Ромаим. Гиватаим – Рамат-Ган, 1968.

2. Израиль. Географический справочник. Иерусалим – Санкт-Петербург, 1992.

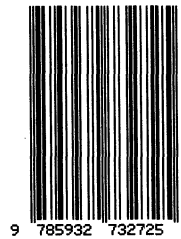
Первое из вышеназванных пособий использовалось также при составлении Указателя.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая 5
Книга вторая 111
Книга третья 189
Книга четвертая 241
Книга пятая 303
Книга шестая 365
Книга седьмая 409
Указатель имен
и географических названий 449

Иосиф Флавий

ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА



Издательство «Мосты культуры»
ЛР № 030851 от 08.09.98
Формат 60 x 90 /16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 33,0.
Подписано в печать 03.02.2008. Заказ № 366

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вниманию читателя предлагается впервые переведенная с древнегреческого языка «Иудейская война» знаменитого историка Иосифа Флавия (37 — 100 гг.) — одно из значительнейших произведений не только античной, но и вообще мировой историографии, созданное автором, в равной степени впитавшим в себя как иудейскую, так и римскую культуру. Флавий писал свой труд буквально по следам «иудейской войны» — Великого восстания евреев против римского владычества (69 —71 гг.), в котором он сам участвовал, и представил эту войну во всей ее яркости и многогранности, поместив ее в широкий контекст еврейской истории.